
**Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**Государственный архив
Российской Федерации**

**Фонд Первого Президента России
Б.Н. Ельцина**

**Издательство
«Российская политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),
Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*),
А. А. Дроздов,
Э. Каррер Д'Анкосс (*Hélène Carrère D'Encausse*),
В. П. Лукин,
С. В. Мироненко,
Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский,
Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),
А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
О. В. Хлевнюк

ГЕННАДИЙ КОСТЫРЧЕНКО

**СТАЛИН
ПРОТИВ
«КОСМОПОЛИТОВ»**

**ВЛАСТЬ
И ЕВРЕЙСКАЯ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В СССР**

Москва
2010

УДК 94(47)(082.1)

ББК 63.3-36

К 71

Костырченко Г. В.

К 71 Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. / Г. В. Костырченко. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. – 415 с., ил. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1103-7

Книга – результат последних научных исследований автора, известного специалиста по сталинской «еврейской политике», избравшего на сей раз в качестве центральной темы исполненные противоречий и драматизма взаимоотношения диктаторского режима с еврейской интеллигенцией. Автору удалось пролить свет на такие, до сих пор затемненные множеством тайн, ключевые эпизоды этой истории как попытка создания еврейской республики в Крыму, трагическая гибель еврейского артиста Соломона Михоэлса, репрессии против представителей интеллектуально-культурной элиты еврейского происхождения, апофеозом которых стало знаменитое «дело врачей». Использование ранее недоступных архивных источников дало возможность автору провести более качественный анализ, в том числе и по упомянутым сюжетам. В целях эффективного восстановления исторической правды была задействована и методология научной полемики, порой весьма острого характера.

УДК 94(47)(082.1)

ББК 63.3-36

*«Чтоб не прослыть антисемитом,
Зови жида космополитом».*

(Из номенклатурного юмора
послевоенного времени)

ISBN 978-5-8243-1103-7

© Костырченко Г. В., 2010

© Российская политическая энциклопедия,
2010

ВВЕДЕНИЕ

Сейчас, когда еврейский вопрос, так остро стоявший в политической истории России на протяжении последних двух столетий, худо бедно разрешившись, перестал быть раскаленным, необходимо без гнева и пристрастия разобраться в том, что ХХ веке составляло его сердцевину – в феномене российской интеллигенции еврейского происхождения (ИЕП), до сих пор во многом продолжающимся оставаться непознанной «вещью в себе». Между тем, очевидно, что история нашей страны в новейшее время творилась при существенном, а иногда и ключевом участии этого социально-национального слоя, что игнорировать невозможно. Показательно, что до сих пор не утихают споры (порой весьма горячие!), и не только между историками, о роли евреев в русских революциях, об их участии в руководстве большевистской партии, в управлении страной, их вкладе в развитие отечественной науки, культуры, техники, экономики, в победу в Великой Отечественной войне, а также по поводу масштабов Холокоста, других во многом знаковых событий и явлений. Поскольку существовал официальный запрет на исследования по «так называемому» еврейскому вопросу, пролить на все это свет научно-исторической объективности очень долго у нас не представлялось возможным. В результате в отечественной историографии образовался существенный пробел, без преодоления которого трудно считать наши представления как конкретно об этой этнополитической проблеме, так и в целом о советском прошлом научно корректными.

Нет нужды доказывать, что в сложном переплетении судеб народов мира, которым отмечено ХХ столетие, русско-еврейская конвергенция была одной из самых масштабных, исторически резонансных и, конечно, драматичных. И это еще один немаловажный аргумент в пользу того, что историческое исследование, посвященное «передовому отряду» этой конвергенции – советской ИЕП – безусловно актуально. Подобные труды необходимы и потому, что позволяют скорректировать существующие, во многом еще поверхностные и противоречивые, представления о советском прошлом. Нет нужды доказывать,

что в происходившем в ХХ столетии сложном переплетении судеб народов мира русско-еврейская «конвергенция» была одной из самых масштабных, исторически резонансных и, конечно, драматичных. И это еще один немаловажный аргумент в пользу того, что историческое исследование, посвященное «передовому отряду» этой «конвергенции» – советской ИЕП – имеет безусловную актуальность. Подобные штудии важны и потому, что позволяют скорректировать существующие во многом еще поверхностные и противоречивые представления о механизме социально-национальных изменений, происходивших в ходе генезиса власти и общества в СССР, где полиэтнизация властной и интеллектуальной элит в явилась ответом на модернизационный вызов ХХ века. То, что Россия ныне столкнулась с аналогичными императивами, продиктованными теперь не только потребностью в очередной модернизации, но и набирающей силу глобализацией, еще более увеличивает ценность данной работы.

Отечественная историография. Сложилось так, что полноценных научных исследований по истории взаимоотношений власти с еврейским населением (в том числе и с интеллигенцией соответствующего происхождения) в СССР не проводилось. Правда, в первое пятнадцатилетие советского режима вышел ряд пропагандистско-социологических работ, затрагивавших эту тему¹. Однако, объявив в середине 1930-х гг. об успешном разрешении еврейского вопроса, советское руководство сочло, что поскольку эта национальная проблема исчерпана, любое ее обсуждение в дальнейшем не только нежелательно, но и идеологически вредно. Эта позиция еще более ужесточилась в конце 1940-х гг., когда еврейская национально-культурная элита стала восприниматься в верхах как потенциальная «пятая колонна» Запада. И хотя после смерти Сталина положение смягчилось, исследования по исторической иудаике² несли на себе печать негласного официального табу вплоть до конца 1980-х гг. В советских исторических сочинениях периода так называемого «застоя» евреи если и упоминались, то только тогда, когда из пропагандистских соображений необходимо было, например, подкрепить тезис о царской России как «тюрьме народов», где великодержавный шовинизм и антисемитизм использовались, чтобы отвлечь трудящихся от классовой борьбы или в тех случаях, когда требовалось вскрыть «исторические корни» сионизма как «инструмента экспансии международного империализма»³.

Начиная с «хрущевской оттепели», когда идеологический контроль партии перестал быть тотальным, темой «еврейской политики» Сталина заинтересовались авторы из числа появившейся тогда в СССР диссидентской оппозиции, причем почти исключительно с це-

лью дискредитации власти. Такой политический крен, продиктованный во многом условиями холодной войны, не мог не обернуться определенной научной ущербностью. Однако подобные сочинения сыграли и позитивную роль, хотя бы потому, что неподцензурная мысль объективно противодействовала окостенению исторического сознания советского общества. Пожалуй, первой такой «будоражающей» ласточкой была вышедшая в 1971 г. в Нью-Йорке книга Р. А. Медведева «К суду истории. Генезис и последствия сталинизма», в которую был включен подготовленный для самиздатского журнала «Евреи в СССР» очерк об антиеврейских репрессиях властей⁴.

Та же тема интересовала и А. И. Солженицына, который в парижском (1973 г.) издании «Архипелага ГУЛАГ» писал о подготовке Сталиным в 1953 г. переселении евреев в Сибирь. Правда, видимо, сомневаясь, в отличие от Медведева, в реальности такого плана, вспомнил о нем как о чем-то гипотетическом и с оговорками. С годами этот скептицизм усилился: в переизданном в 1991 г. «Архипелаге ГУЛАГ» об этой версии уже не упоминалось⁵. Наибольшей политизированностью, а значит и наименьшей достоверностью отмечена вышедшая в 1981 г. в Нью-Йорке книга А. В. Антонова-Овсеенко «The Time of Stalin: Portrait of Tyranny» (русский аналог известен как «Портрет тирана»)⁶. Выход в 1982 г. в Лондоне книги фрондировавших историков-профессионалов М. Я. Геллера и А. М. Некрича «Утопия у власти» знаменовал собой некоторый историографический прогресс (в плане качества подбора и анализа фактов), что, впрочем, не убергло это сочинение от недостатков, в том числе и серьезных. Помимо концептуальных ошибок книга изобиловала и многочисленными фактографическими «ляпами»⁷. Из работ, вышедших до 1991 г. за границей, не устарела только методологически добротная книга М. С. Восленского о генезисе советской номенклатуры⁸.

Со второй половины 1980-х гг., когда СССР захлестнула политическая либерализация, устоявшиеся парадигмы и «каноны» истории стали пересматриваться уже и самими советскими верхами. Для «избранных» приоткрылись архивы властных структур партии и государства. В результате в «Известиях ЦК КПСС», других партийных изданиях, начали публиковаться подборки документов, составленные не в привычной агитпроповской манере, а идеологически нейтрально, появились статьи, уснащенные новой фактографией. Одна из таких работ – всесторонне фундированная и глубоко аналитическая статья Ю. С. Аксенова «Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти»⁹ – представляет наибольшую ценность для данного исследования. Уже в 1990-е гг. в результате более углубленного освоения но-

вой архивной информации в той же аналитической стилистике была подготовлена работа О. В. Хлевнюка «Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы» (М., 1996).

В «позднюю перестройку» ревизии подверглась и исполненная ригоризма официальная позиция полного отрицания еврейской проблемы в СССР. В декабре 1988 г. Политбюро ЦК КПСС официально квалифицировало сфабрикованное после войны «дело Еврейского антифашистского комитета (ЕАК)» как преступление сталинизма¹⁰. А спустя два месяца в газете «Советская культура» появилась дискуссионная статья В. И. Носенко и С. М. Рогова, которые впервые констатировали: «По существу сталинская административно-командная система была готова обратиться к испытанному оружию реакции – к антисемитизму. Для поддержания в стране атмосферы “обостряющейся классовой борьбы” требовались новые “враги народа” – выискивать их теперь стали не по политическим, а по национальным признакам»¹¹. Однако последние советские руководители, пойдя на осторожное признание антисемитской интенции сталинского режима, на большее не решились¹².

«Архивная революция» конца 1980-х – начала 1990-х гг. породила целый поток литературы, переосмысливавшей советский исторический опыт через призму анализа сталинизма. Писали о нем как профессиональные историки¹³, так и публицисты¹⁴. В этих книгах – где кратко, а где и подробно – авторы дали собственное видение послевоенной еврейской проблемы в СССР. Причем, в публицистических сочинениях это имело политизированный характер – или консервативно-почвеннический (В. Кожин, Платонов О. А.), или либеральный (Э. Радзинский), что не могло не обернуться схематизмом и умозрительностью выводов, а также фактографическими aberrациями.

Одной из первых таких работ явилась небольшая книга Е. Ю. Зубковой «Общество и реформы 1945–1964». Автор попыталась воссоздать по возможности живую (отражавшую конкретные настроения в социуме) картину позднего сталинизма. И хотя антиеврейская составляющая политики Сталина в книге специально не рассматривалась, этот аспект все же был затронут, в частности, посредством анализа реакции населения на пропагандистскую кампанию, сопровождавшую «дело врачей»¹⁵. В том же «социально-историческом» методологическом ключе написана и статья Г. А. Бордюгова «Сталинская интеллигенция. О некоторых способах и смыслах ее социального поведения»¹⁶.

Научные наработки конца 1980-х – начала 1990-х гг. были осмыслены и обобщены в учебном пособии для вузов «Курс советской истории. 1941–1991», вышедшем в 1999 г. под редакцией А. К. Соколова.

Там в разделе «Борьба с “безродными космополитами”» раскрывалось основное содержание послевоенной политики Сталина в отношении как интеллигенции в целом, так и той ее части, которая этнически была связана с еврейством. Обоснованными представляются выводы автора о том, что при Сталине «...в государственную политику был внесен элемент антисемитизма», и что «антисемитский характер репрессий был санкционирован лично Сталиным»¹⁷.

К удачным работам последнего десятилетия по политической истории послевоенного СССР по праву можно причислить книгу Р. Г. Пихоя «Советский Союз: история власти. 1945–1991», которая «работает» прежде всего на формирование научного, объективного представления о феномене сталинизма. Рассмотрению послевоенного конфликта власти с ИЕП посвящен специальный раздел книги «Государственный антисемитизм», в котором кратко излагаются основные моменты соответствующей политики Сталина, вполне резонно увязывавшейся с «разборками» в высших номенклатурных слоях¹⁸.

Существенным вкладом в научное осмысление истории позднего сталинизма стала монография А. А. Данилова и А. В. Пыжикова «Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы». Что касается еврейской проблемы, то, по мнению ученых, она возникла в ходе поисков мотивации для послевоенной идейно-политической мобилизации советского общества, которое ориентировали на поиск и разоблачение очередных «врагов», в числе которых как «очень удобная мишень» оказались и евреи. Особенно очевидным это стало в разгар «дела врачей», когда страну захлестнула шпиономания, «замешанная на изрядной порции антисемитизма»¹⁹.

Наряду с общими работами по истории сталинизма в последние пятнадцать лет было опубликовано немало исследований о конкретном влиянии этого феномена на отдельные сферы интеллектуальной деятельности советского общества – литературно-культурную²⁰, научную²¹, общественную²². После войны эти сферы оказались в эпицентре пропагандистских кампаний, в том числе и с антисемитской подоплекой, и авторы этих работ так или иначе отразили это обстоятельство.

Другой историографический «блок» составили вышедшие после 1991 г. книги и статьи по послевоенной истории советских репрессивных органов, являвшихся важным инструментом реализации «еврейской политики» Сталина²³.

Дискурс по проблематике сталинизма протекал столь интенсивно (были написаны сотни, если не тысячи статей и книг по этой теме), что появились отдельные издания, обобщающие результаты работы историков в этом направлении. Одной из самых заметных публика-

ций такого рода стала книга «Историография сталинизма», в которой наибольший интерес (в плане методологии историографического анализа) для данного исследования представляют статьи А. А. Данилова, Д. А. Аманжоловой и Б. И. Поварницына²⁴.

С приращением общих знаний о сталинизме синхронно, еще со времен «поздней перестройки», шло научное освоение и «еврейского сегмента» этого феномена, ставшего, собственно, основным предметом данного исследования. За прошедшие с тех пор годы отечественные авторы опубликовали целый ряд научных и научно-популярных работ по этой проблематике²⁵, что стало существенным вкладом в мировую историческую иудаику, которой до того в дисциплинарном плане в нашей стране не существовало²⁶. Немаловажное значение для развития этого направления имел интерес, проявленный к нему А. И. Солженицыным, автором знаменитой «Образованщины» (1974 г.) – памфлетного укора советской интеллигенции за бездуховность – и выход в 2001–2002 гг. его двухтомника «Двести лет вместе»²⁷, имевшего немалый резонанс в обществе. Однако в итоге бурного обсуждения большинство специалистов склонилось к тому, что этот труд, хотя и произвел позитивный просветительский эффект, в научном отношении далек от совершенства. Тем не менее, по качеству осмысления исторического материала книга значительно превосходит появившееся одновременно аналогичное сочинение И. Р. Шафаревича: идеологизированное, выдержанное в консервативно-охранительном духе тенденциозное издание, изобилующее фактическими неточностями и ошибками²⁸. Однако даже в нем, пусть и со «смягчающей» оговоркой, все же признается факт «притеснения евреев» при Сталине. Еще одним позитивным моментом стало отвержение Шафаревичем (как, впрочем, и Солженицыным, и Ж. Медведевым) легенды о так называемом сталинском плане депортации евреев в 1953 г.²⁹

Свое скептическое отношение к этому мифу не скрывал и руководитель научно-просветительского центра «Холокост» И. А. Альтман³⁰. В 2002 г. вышел в свет его труд «Жертвы ненависти» – первое фундаментальное научное исследование по истории Холокоста на территории СССР. В этой работе реконструировано исполненное явных противоречий отношение сталинского режима к творимому гитлеровцами геноциду евреев, а также проанализирована реакция на него советской интеллигенции (в том числе и еврейского происхождения)³¹.

Зарубежная историография. После «закрытия» «еврейского вопроса» в СССР в середине 1930-х гг. вскоре было свернуто и научно-историческое освоение этой темы; в результате западные иссле-

дователи проблемы оказались в роли «монополистов». Причем, на первых порах они рекрутировались в основном из среды русско-еврейской эмиграции, чьи соответствующие научные организации до конца 1930-х гг. размещались в Европе (Берлин, Париж), а затем – в США (Нью-Йорк). Публикацией ряда сборников научных статей, эти структуры заложили фундамент западной историографии проблемы³². Одним из научных лидеров этой эмигрантской плеяды историков был С. М. Шварц. В его творческом наследии особо важное место занимает вышедшая в 1952 г. книга об антисемитизме в СССР, насыщенная корректной фактографией, в том числе и статистико-демографическими данными, и до сих пор не утратившая научного значения. Одним из ключевых в ней был вывод о том, что «во второй половине 30-х гг. началось... пробуждение нового антисемитизма...». По мнению Шварца, это был «ползучий, сначала, может быть, только полусознанный антисемитизм верхнего слоя советской бюрократии, избегавший открытых проявлений и выражавшийся в основном в оттеснении евреев на задний план во всех сферах советской жизни»³³. Начиная с 1960-х гг. к изучению на Западе истории советского «еврейского вопроса» все активней подключаются исследователи, не связанные с российской эмиграцией. Одним из наиболее авторитетных таких ученых был С. У. Бэрон, издавший довольно поверхностную и содержащую массу фактических ошибок книгу «Русские евреи при царях и Советах»³⁴. Работа была подготовлена по канонам советологии – возникшего в годы холодной войны в западной политологии направления, имевшего существенную пропагандистскую составляющую, что не могло не снизить ее научный уровень.

Существенно более добротным в исследовательском плане (в сравнении с сочинением Бэрона) является труд Н. Левин – объемистый двухтомник «Евреи в Советском Союзе с 1917 года» (1988 г.)³⁵. Однако и в нем ощущается определенное пропагандистское влияние, хотя бы даже в формулировке подзаголовка книги – «Парадокс выживания». Эта ключевая фраза во многом и предопределила видение проблемы автором, кстати, являющейся ученицей одного из отцов-основателей советологии Р. Пайпса. Хорошо разбираясь в социально-культурной антропологии советского еврейства, Левин, вместе с тем, слабо ориентировалась в отношениях, которые складывались в «коридорах» кремлевской власти. Скажем, полностью доверяя свидетельству польско-еврейского общественного деятеля Гирша Смоляра, Левин включила в свою книгу исторически нереальный эпизод: когда на одном из совещаний с региональными партийными секретарями Сталин якобы заявил, что «еврейские кадры не оправдали воз-

ложенного на них доверия», руководитель одной из областей, встав, прокричал на весь зал: «Бей жидов – спасай Россию!»³⁶. В общем, там, где речь заходит о «еврейской политике» Сталина, работа Левин – кстати, хорошо фундированная и в целом научно состоятельная и ценная – оставляет желать лучшего.

В современной американской историографии особый интерес вызывают труды, подготовленные в стилистике историко-культурологического проекта «новая империология», основанного на методологии структурно-типологической компаративистики. Непосредственное отношение к проблематике данного исследования имеют работы специалиста по «новой имперской истории» Д. Шнеера, который сформулировал важный, как представляется, вывод о том, что, если в 1920-е гг. советское государство преимущественно поддерживало и укрепляло этнический партикуляризм, то в 1930-е положение существенным образом изменилось, и в национальной политике стал доминировать имперский универсализм³⁷.

Эти и другие проводившиеся в США исследования в области истории российского и советского еврейства³⁸, примечательны не только сами по себе, но и любопытны еще и потому, что оказали существенное влияние на исследования, проводившиеся в Израиле, чьи ученые в большинстве своем имели тесные научные связи с американскими коллегами. По сути, в Израиле в 1950-е гг. сформировался своего рода региональный центр советологии, специализировавшийся на историко-политологическом изучении СССР сквозь призму «еврейского вопроса». Ведущей структурой, направлявшей соответствующий исследовательский процесс, был созданный в начале 1960-х годов Центр документации восточноевропейского еврейства (ЦДВЕ) при Иерусалимском университете³⁹. Наибольший вклад в разработку проблематики политической истории советского еврейства внесло поколение израильских ученых, чей возраст к началу 1960-х гг. не превышал 30 лет. Научные труды таких специалистов из этой плеяды, как М. Альтшулер, Я. Рои, Б. Пинкус и Ш. Редлих, отличались бóльшим историзмом и объективностью, а также меньшей политизированностью⁴⁰ в сравнении с работами их старших коллег и учителей (Ш. Эттингер⁴¹ и др.), считавших себя в первую очередь призванными исполнять социальный заказ государства. Научная деятельность израильских историков-«шестидесятников» способствовала деидеологизации и эмансипации исторической науки в Израиле. Правда, следуя своеобразному «историческому национализму» (искусственное вычленение прошлого еврейства из общеисторического контекста) и будучи, к тому же,

ограничены в исследовательском плане недоступностью советских архивов, они не смогли полностью преодолеть инерцию старых идеологизированных подходов и представлений.

В этой связи наиболее показательной является книга Б. Пинкуса «Евреи Советского Союза. История национального меньшинства». Это исследование грешит определенной прямолинейностью, схематизмом и некоторой искусственной драматизацией исторического процесса, что проявилось, в частности, в «контрастных» характеристиках основных этапов истории советского еврейства: первый этап (1917–1939 гг.) определяется как «время созидания» («The Years of Construction»), тогда как последующий (1939–1953 гг.) – как «время разрушения» («The Years of Destruction»). И хотя в целом такое маркирование этапов истории советского еврейства исторически адекватно, применительно к отдельным составляющим развития оно чревато абберрациями, чему к тому же способствовала концептуально несостоятельная попытка уподобить нацистский антисемитизм сталинской «еврейской политике». Это рельефно проявилось в эмоциональной дефиниции последней как «физического и духовного Холокоста» («physical and spiritual holocaust»). Грешит некоторой аффектацией и оценка фактора советской низовой юдофобии («народного антисемитизма»), которая якобы в военные и послевоенные годы приняла «масштабы, неведомые даже в царской России»⁴². На самом деле, все обстояло далеко не так однозначно. Антисемитская «самодетельность» снизу, особенно приобретала массовый характер, жестко подавлялась сверху, хотя в сложной обстановке военного и послевоенного времени предотвратить отдельные инциденты подобного рода не всегда представлялось возможным. Тем не менее, ничего похожего на еврейские погромы в царской России или послевоенной Польше в СССР не было. Вместо развернутого и всестороннего анализа советского властного антисемитизма Пинкус свел это сложное системное явление, в основном, к «антисемитским настроениям» кремлевских лидеров, прежде всего Сталина, чья «не любовь» к евреям трактуется как психопатология, развивавшаяся в соответствии с трехстадийной клинической схемой, предложенной психоаналитиком Р. Левенштайном – подозрительность – страх, ненависть, презрение – паранойя⁴³. Однако, несмотря на то, что результаты, полученные Пинкусом в ходе анализа антисемитских проявлений в СССР, далеко не точны и тем более не исчерпывающи, он, быть может, первым провел детальное исследование антикосмополитической пропагандистской кампании рубежа 1940–1950 гг., досконально изучив материалы 56 советских центральных и местных

периодических изданий. Ему принадлежит и представляющийся резонным вывод о том, что сила и размах борьбы с «безродными космополитами» зависели не столько от величины «еврейской прослойки» в населении того или иного региона, сколько от степени «антисемитизации» сознания местного населения⁴⁴. Верно и суждение о том, что одним из движителей кампании была борьба за власть в сталинском окружении⁴⁵.

Не всегда корректные суждения израильских, как впрочем, и других западных ученых, обуславливались в значительной мере тем, что архивы советского режима вплоть до начала 1990-х гг. оставались засекреченными. Поэтому им приходилось доверять не всегда правдивым (как отмечалось) устным свидетельствам перебежчиков или принимать на веру то, о чем писали обличавшие сталинизм советские диссиденты, чьи труды также содержали абберрации⁴⁶. Кроме того, в годы холодной войны советская история трактовалась на Западе преимущественно в политизированных рамках «тоталитарной теории», которая больше настраивала на диктовавшееся актуальной политикой механическое уподобление сталинизма нацизму, чем на феноменологический объективный анализ этих достаточно отличных друг от друга явлений.

К сожалению, эти моменты, полностью не преодолены и к настоящему времени, когда, казалось бы, СССР давно уже канул в Лету, а архивы сталинского режима более пятнадцати лет как доступны для исследователей. Скажем, ученые Тель-Авивского университета Л. Беленькая и Б. Зингер, выпустившие не так давно вроде бы основательно фундированную книгу по истории еврейского национального движения в СССР с эмоциональным заголовком «Наперекор»⁴⁷ (использовали обширную фактографию из архивов России, Украины, Белоруссии, Израиля), повторяя старую легенду, бесосновательно утверждают, что Сталин готовил в 1953 г. массовую депортацию евреев. Ими были допущены и другие искажения исторической правды, и в итоге – весьма критические, но, думается, справедливые отзывы рецензентов⁴⁸.

И все же можно с осторожным оптимизмом отметить, что в последние годы и в США, и в Израиле появилось немало научных статей и книг, отмеченных уважительным отношением к советской истории, не засоренных пропагандистскими штампами времен холодной войны (работы М. Мицеля и А. Зельцера⁴⁹). В Иерусалимском университете с 2003 г. издается научный альманах «Jews in Russia and Eastern Europe»⁵⁰, привлекающий внимание специалистов интересными публикациями⁵¹.

Фундаментальную основу источниковой базы исследования составили неопубликованные документы, выявленные автором в

ведущих архивохранилищах страны – в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) Центральном архиве федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦАФСБ РФ), Центральном архиве Верховного суда Российской Федерации (ЦАВС РФ) и др. Кроме того, были привлечены, хотя и в меньшем количестве, материалы из других архивов. В общей массе использованной архивной информации особо выделяется как по объему, так и по степени научно-исторической важности комплекс документов из РГАСПИ, куда в последние годы были переданы уникальные материалы из Архива Президента Российской Федерации (АП РФ). Первостепенное значение в указанном комплексе имела документация (решения, постановления, протоколы заседаний, справки, докладные записки, письма граждан, материалы по их разбору и т. п.), отложившаяся в деятельности Политбюро, Оргбюро, Секретариата, отделов, управлений центрального аппарата ЦК ВКП(б) – КПСС (ф. 17), в материалах Комиссии (Комитета) партийного контроля (КПК) при ЦК партии (ф. 589). Много ранее не известных интересных фактов было почерпнуто из хранящихся в РГАСПИ личных фондов И. В. Сталина (ф. 558), В. М. Молотова (ф. 82), Г. М. Маленкова (ф. 83), Л. М. Кагановича (ф. 81), А. А. Жданова (ф. 77), других высших партийно-государственных деятелей СССР военного и послевоенного времени. В ГА РФе чрезвычайно важные и уникальные документы были обнаружены в фондах ЕАК (ф. 8114), Верховного суда СССР (ф. 9434), Прокуратуры СССР (ф. 8131) и др.

К сожалению, значительный объем архивной информации по теме до сих пор не рассекречен. В РГАСПИ, например, – это чрезвычайно важные документальные массивы фонда ЦК ВКП(б) по управлению кадров (ф. 17, оп. 127) и административному отделу (ф. 17, оп. 136); в РГАНИ – это важнейшие материалы фондов 3 (Политбюро-Президиум ЦК КПСС) и 4 (Секретариат ЦК КПСС), которые пока что не переданы из АП РФ, вообще закрытом для исследователей. То же самое можно сказать и в отношении ЦАФСБ РФ, в котором доступна лишь незначительная часть документов по теме. Все это негативно влияло на работу, хотя и не могло ее серьезно затруднить, поскольку остается недоступной все-таки относительно небольшое количество документов, способных, как представляется, разве что дополнить и детализировать общую картину известной фактографии, но вряд ли существенно ее изменить.

В значительной мере были использованы и опубликованные документы, в первую очередь включенные в крупные тематические сборники⁵². Была проработана и довольно обширная литература мемуарного характера, содержащая весьма откровенные оценки и детализированные описания «еврейской политики», проводившейся Сталиным и его ближайшими сподвижниками, причем исходившие от людей, близко их знавших⁵³. Сопоставление архивной информации с мемуарной как часть комплексного анализа фактов из взаимодополняющих друг друга источников значительно расширило возможности исследования. Определенная часть тематических данных и сведений была почерпнута и из монографических работ отечественных и зарубежных ученых.

Методология исследования. Методологическое кредо автора выражается формулой: политически неангажированное, объективное и непредвзятое исследование, созвучное проверенным веками принципам классической мировой и русской историографии. Эти принципы выражаются в стремлении к глубокому проникновению в суть событий и явлений прошлого, к всестороннему осмыслению как их самих, так и сопряженных с ними причин и следствий, что невозможно без серьезного научно-критического анализа всего комплекса существующих исторических источников. С точки зрения автора, профессионализм исследователя заключается в том, чтобы, пробив, образно выражаясь, буром фактов аналитические шурфы в наслоениях представлений о прошлом (часто ложных и превратных), добраться до истоков, до корней, до сути исследуемой проблемы, а, значит, и до исторической правды. Такой метод исторического «глубокого погружения» эффективен и в преодолении различных aberrаций, произошедших вследствие информационных пробелов, фальсификаций, мифологизации и т. п. В изучении сталинского официального антисемитизма как явления, имевшего специфическую социально-политическую природу, был применен отличный от теории тоталитаризма феноменологический подход.

Исследование не ограничивалось рамками академического дискурса. Учитывая общественно резонансный характер темы, автор, что называется, не творил в «башне из слоновой кости» и помимо традиционных научных методов и средств исследования использовал также научно-популярную литературу, материалы из СМИ и интернета, ибо ныне они формируют массовое историческое сознание общества, и реально влияют на расклад мнений внутри научного сообщества. Кроме того, в информации, почерпнутой из обозначенных «нетрадиционных» источников, выявилось немало ценных

оценок, суждений, выводов и просто фактических данных. К тем же лишенным профессионального снобизма методам автор прибегал, когда необходимо было максимально широко обсудить (апробировать) те или иные результаты исследования, для чего они в популярной форме излагались в СМИ. В этом, думается, и заключается современная активная позиция ученого-гуманитария, содействующего научному просвещению общества.

Поскольку феномен советской ИЕП рассматривается как производное от этатическо-социальной «амальгамы», и данное исследование нацелено на осмысление русско-еврейского исторического диалога культур, оно, помимо научного, имеет и «прикладное» значение, особенно в плане решения таких жизненно важных для современной России задач, как формирование гражданского общества и укрепление межэтнической толерантности.

Примечания

¹ Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М. – Л., 1929; Против антисемитизма [Сб. ст. и мат.] / Под ред. Г. Алексеева и др. М., 1930.

² Иудаика (Judaica studies) – комплекс научных дисциплин, изучающих историю и культуру еврейства.

³ См., например: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М. 1970; Евсеев Е. С. Из истории сионизма в царской России // Вопросы истории. 1973. № 5. С. 59–78.

⁴ Medvedev Roy A. Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism. N.Y., 1971. P. 615; Медведев Р. А. К суду истории. Генезис и последствия сталинизма. Нью-Йорк, 1974. С. 1001.

⁵ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Париж, 1973. Т. 1. Ч. 1. С. 102; Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т. 5. М., 1991. С. 74.

⁶ Антонов-Овсеенко А. В. Портрет тирана. М., 1994. С. 401.

⁷ Геллер М. Я., Некрич А. М. Утопия у власти. М., 2000. С. 504, 510, 512.

⁸ Восленский М. С. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М., 1991. (Впервые вышла в свет в Мюнхене в 1980 г.)

⁹ Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. С. 90–105.

¹⁰ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 34–40.

¹¹ Советская культура. 1989. 9 февраля; Еврейская газета. 1991. 2 июля.

¹² См. интервью секретаря ЦК КПСС по идеологии И. Т. Фролова («Еврейская газета» от 2 июля 1991 г.).

¹³ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2-х кн. М., 1990; Жуков Ю. Н. Тайны Кремля: Сталин, Молотов,

Берия, Маленков. М., 2000. Вдовин А. И. Русские в XX веке. М., 2004; Невежин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев» 1939–1941 гг. М., 1997 и др.

¹⁴ Волков Ф. Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992; Платонов О. А. Тайная история России. XX век. Эпоха Сталина. М., 1996; Кожин В. В. Россия. Век XX-й (1939–1964). (Опыт беспристрастного исследования). М., 1999; Радзинский Э. С. Сталин: жизнь и смерть. М., 2003 и др.

¹⁵ Зубкова Е. Ю. Общество и реформы 1945–1964. М., 1993. С. 75–76, 87–88, 98. См. также: Зубкова Е. Ю. Кадровая политика и чистки в КПСС. 1945–1953 // Свободная мысль. 1999. № 3, 4, 6.

¹⁶ Бордюгов Г. А. Чрезвычайный век российской истории. Четыре фрагмента. СПб., 2004. С. 247–273.

¹⁷ Курс советской истории. В 2-х кн. Кн.2. 1941–1991 / Под ред. А. К. Соколова. М., 1999. С. 177.

¹⁸ Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 64.

¹⁹ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 167, 260–261.

²⁰ Куманев В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991; Бабиченко Д. Л. Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994; Громов Е. С. Сталин: власть и искусство. М., 1998. С. 438, 453; Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М., 2002. С. 300, 302.

²¹ Сойфер В. Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М., 1993; Сонин А. С. «Физический идеализм»: История одной идеологической кампании. М., 1994; Есаков В. Д., Левина Е. С. «Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма». М., 2001.

²² Петрова Н. К. Антифашистские комитеты в СССР: 1941–1945 гг. М., 1999.

²³ Столяров К. А. Палачи жертвы. М., 1997; Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937–1953 гг. М., 2001; Попов А. Ю. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М., 2002; Петров Н. В. Репрессии в аппарате МГБ в последние годы жизни Сталина. 1951–1953 // Cahiers du Monde Russe. 2003 (April – Septembre). № 44/2-3. P. 1–35.

²⁴ Данилов А. А. И. В. Сталин в 1945–1953 гг.: новые источники и попытки осмысления // Историография сталинизма. Сб. статей / Под ред. Н. А. Симония. М., 2007. С. 274–320; Аманжолова Д. А. Сталинизм в национальной политике: некоторые вопросы историографии // Там же. С. 321–355; Поварницын Б. И. Историография сталинской этнополитики: от политической конъюнктуры – к научному знанию // Там же. С. 356–414.

²⁵ Борщаговский А. М. Обвиняется кровь. М., 1994; Гейзер М. М. Михоэлс. Жизнь и смерть. М., 1998; Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Кузбассе (конец 1940 – начало 1950-х гг. / Сер. «Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке». Вып. 2. Красноярск, 2003; Исторические

судьбы евреев в России и СССР: начало диалога (Сб. статей) / Отв. ред. И. Крупник. М., 1992.; Медведев Ж. А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М., 2003 и др.

²⁶ В роли локомотива развития этого направления выступили как старые академические общеисторические издания («Вопросы истории», «Отечественная история» и др.), опубликовавшие после 1991 г. немало статей по еврейской тематике, так и новая узко специализированная научная периодика. В 1992 г. появился «Вестник Еврейского университета в Москве» (с 1999 г. – «Вестник Еврейского университета»), однако наиболее авторитетным в научных кругах является ныне альманах Международного исследовательского центра российского и восточноевропейского еврейства «Архив еврейской истории», ежегодно пополняющийся (начиная с 2004 г.) комплект которого составил в 2007 г. 4 тома. Материалы из этих научных изданий послужили подспорьем для данного исследования, как, впрочем, и публикации в современной отечественной научно-популярной периодике, в основном в журнале «Родина», чья редакция в 2002 г. подготовила спецвыпуск «Евреи в России» (№ 4–5).

²⁷ Солженицын А. И. Образованщина // Новый мир. 1991. № 5. С. 28–46; Солженицын А. И. Двести лет вместе. В 2-х ч. М., 2001–2002.

²⁸ Шафаревич И. Р. Трехтысячелетняя загадка. История еврейства и перспективы современной России. СПб., 2002.

²⁹ Шафаревич И. Р. Указ. соч. С. 245–246; Солженицын Двести лет вместе. Ч. 2. С. 404; Медведев Ж. А. Сталин и еврейская проблема. С. 273–276.

³⁰ Альтман И. А. О депортации 1953 г. // Новый век. 2002. № 2. С. 107–112.

³¹ Альтман И. А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг. М., 2002. С. 373–399.

³² Еврейский мир. Ежегодник на 1939 год / Объединение русско-еврейской интеллигенции (Париж). Иерусалим – М., 2002; Еврейский мир. Сборник II 1944 года / Союз русских евреев в Нью-Йорке. Иерусалим – М., 2001.

³³ Шварц С. М. Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1952. С. 8.

³⁴ Baron S. Russian Jews under Tsars and Soviets. N.Y., 1964.

³⁵ Levin N. The Jews in the Soviet Union since 1917. Paradox of Survival. In 2 Vol. N.Y. – London, 1988.

³⁶ Levin N. Op. cit. Vol.1. P. 445.

³⁷ Shneer D. Having it Both Ways: Jewish Nation Building and Jewish Assimilation in the Soviet Empire // Ab Imperio. 2003. № 3. P. 377–393.

³⁸ Goldberg B. Z. The Jewish Problem in the Soviet Union. N.Y., 1961; Ethnic Minorities in the Soviet Union / Ed. by E. Goldhagen. N.Y., 1968; Shatter H.G. The Soviet Treatment of Jews N.Y, 1974; Sawyer T.E. The Jewish Minority in the Soviet Union. Boulder, Colo, 1979; Soviet Nationality Policies and Practices / Ed. by J. Azrael. Chicago, 1979; Gitelman Z. Y. A Century of Ambivalence. The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present. N.Y., 1988; Simon G. Nationalism and Policy toward the Nationalities in the Soviet Union. Boulder, Colo, 1991; Kagedan, A. Soviet Zion: The Quest for a Russian Jewish Homeland. N.Y., 1994.

³⁹ Центр инициировал масштабный проект публикации факсимиле статей на еврейскую тему из советской русскоязычной и идишистской периодики в многотомной документальной серии «Евреи и еврейский народ», в рамках которой в 1973 г. под редакцией Б. Пинкуса вышли три тома материалов за 1948–1953 гг.

⁴⁰ Altshuler M. Soviet Jewry since the Second World War. Population and Social Structure. N.Y., 1987; Idem. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile. Jerusalem, 1998; Pinkus B. The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. Cambridge University, 1988; Redlich Sh. Propaganda and Nationalism in Wartime Russia: The Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR. 1941–1948. Boulder, 1982; Idem. War, Holocaust and Stalinism. A Documented History of the Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR. London, 1995; Ro'i Ya. Soviet Decision making in Practice. The USSR and Israel, 1947–1954: New Brunswick – London, 1980; Idem. The struggle for Soviet Jewish Emigration, 1948–1967, Cambridge University Press, 1991; Idem. The Jewish Religion in the Soviet Union after World War II // Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union / Ed. by Ya. Ro'i. London, 1995.

⁴¹ Ettinger Sh. Historical Roots of Anti-Semitism in the USSR // Proceedings of the Seminar in Soviet Anti-Semitism held in Jerusalem on April 7–8, 1978. Vol. 1. // Hebrew University of Jerusalem, 1979. P. 19–21; Ettinger, Sh. The «Jewish Question» in the USSR. // Proceedings of the Expert's Conference on Soviet Jewry. London, 4–6 January 1983. – Soviet Jewish Affairs. Vol. 15. № 1. February 1985. P. 11–16.

⁴² Pinkus B. The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. P. 138, 139.

⁴³ Ibid. P. 143.

⁴⁴ Скажем, на Украине, где антисемитизм был традиционно силен, начиная со времен казацкой вольницы Богдана Хмельницкого (XVII век) и кончая погромами периода Гражданской войны 1918–1921 гг. и нацистской оккупацией 1941–1944 гг., распространение юдофобии среди населения было существенно значительней, чем, например, в советской Средней Азии.

⁴⁵ Pinkus B. Op. cit. P. 155–161.

⁴⁶ Вышедшая в 1981 г. в Нью-Йорке книга А. В. Антонова-Овсенко была насыщена леденящими кровь небылицами: о поручении Сталина Президиуму ЦК КПСС «спасти» от погромов евреев посредством их депортации (для чего в Биробиджане якобы начали строить бараки); о том, что тех немногих из них, которых предполагалось оставить в Москве, обяжут нашить на рукава желтые звезды; о том что евреев, арестованных в 1950 г. на московском автомобильном заводе, «гебисты» затравили до смерти собаками, и т. п. (Antonov-Ovsyenko A. The Time of Stalin: Portrait of Tyranny. N.Y. 1981. P. 290, 291).

⁴⁷ Бельнская Л., Зингер Б. Наперекор. Еврейское национальное движение в СССР и его идеология (1945–1976 гг.). Минск, 2004. С. 41, 48, 51, 186.

⁴⁸ См., например: Прокофьев Д. Уравнение мнимых величин // Лехаим. 2004. № 6. С. 51; См. также ответ Л. Бельнской и Б. Зингера к итоговому комментарию Д. Прокофьева (Лехаим. 2004. № 10. С. 94–95).

⁴⁹ Мицель М. Программы «Джойнта» в СССР // Материалы Десятой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 1. М., 2002. С. 119–138; Зельцер А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки 1917–1941. М., 2006.

⁵⁰ Преемник поочередно издававшихся с 1985 г. бюллетеней ЦДВЕ: «Евреи и еврейская тематика в советских и восточноевропейских публикациях», «Jews and Jewish Topics in the Soviet and East-European Publications», «Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe», «Jews in Eastern Europe».

⁵¹ Kopchenova I. Policy toward Jews at Institutions of Higher Educations in Ukraine, 1949–1950 // Jews in Russia and Eastern Europe. 2003. № 2 (51). P. 125–146 и др.

⁵² Еврейский антифашистский комитет. 1941–1948. Документированная история / Под ред. Ш. Редлиха и Г. В. Костырченко. М., 1996; Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета / Отв. ред. В. П. Наумов. М., 1994; Советско-израильские отношения. Сб. документов. 1941–1953. В 2-х кн. / Под ред. Б. Л. Колоколова, Э. Бенцура и др. М., 2000 и др.

⁵³ Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. М., 1990; Аллилуева С. И. Только один год. М., 1990; Хрущев Н. С. Воспоминания // Вопросы истории. 1990. № 4, 7; 1991. № 11, 12; 1992. № 1; Шепилов Д. Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 4, 5, 6, 7 и др.

Глава 1. ИСТОКИ ПРОБЛЕМЫ «ДАЛЬНИЕ – БЛИЖНИЕ» (XIX – первая треть XX вв.) И ЕЕ ВЫЗРЕВАНИЕ (1936–1941)

Феномены русской и советской интеллигенции

Чтобы составить правильное представление о том, какое место занимала интеллигенция еврейского происхождения (ИЕП) сначала в российском, а потом и в советском обществе и какую роль в них играла, важно осознать основное: она была неразрывной частью отечественного образованного слоя, и потому социальные характеристики ее идентичности имели отнюдь не меньшее, а в отдельные периоды истории даже большее значение, чем этнические. Эта главная особенность не только обуславливает правомерность использования понятия «русско-еврейская интеллигенция», но и заставляет детальней разобраться в «русских корнях» этого исторического феномена.

Начать с того, что термин «интеллигенция» был предложен в 1860-х гг. русским литератором П. Д. Боборыкиным. В отличие от родственного западного понятия «intellectuals», имевшего сугубо социологический смысл и использовавшегося начиная с эпохи Просвещения применительно к людям умственного труда, это русское нововведение носило более узкий характер и, имея главным образом идейно-политическую и морально-этическую окраску, распространялось только на тех «интеллектуалов», которые оппозиционно, критически относились к власти, причем, главным образом, с лево-либеральных идеологических позиций.

Известный ученый-экономист М. И. Туган-Барановский отмечал: «Под интеллигенцией у нас обычно понимают не вообще представителей умственного труда... а преимущественно людей определенного социального мировоззрения, определенного морального облика. Интеллигент – ... человек, восставший на предрассудки и культурные традиции современного общества, ведущий с ними борьбу во имя

идеала всеобщего равенства и счастья. Интеллигент – отщепенец и революционер, враг рутины и застоя, искатель новой правды»¹.

Другой русский мыслитель (либерально-религиозного толка) Г. П. Федотов, именуя русскую интеллигенцию «детисцем Петровым», уточнял: «Прежде всего ясно, что интеллигенция – категория не профессиональная. <...> Приходится исключить из интеллигенции всю огромную массу учителей, телеграфистов, ветеринаров (хотя они с гордостью притязают на это имя) и даже профессоров...»².

Отсюда следует, что согласно дореволюционной семиотике интеллигент это не просто образованный человек, а «критически мыслящая» и, как правило, оппозиционно настроенная по отношению к власти личность, прогрессист, но никак не консерватор. Более того, противостоя в духовной сфере русскому традиционализму, русская интеллигенция еще с конца XVIII века, но особенно с эпохи либеральных реформ Александра II была сильно подвержена идейному влиянию революционного радикализма, коим заражала все российское образованное общество. Философ и литератор В. В. Розанов – тонкий и «гениальный наблюдатель русской души»³, да и еврейской тоже – был, между прочим, во многом прав, утверждая в январе 1913 г.: «Я думаю, русские евреев, а не евреи русских развратили политически, развратили революционно. Бакунин и Чернышевский были раньше «прихода евреев в русскую литературу»⁴.

После захвата власти большевиками социальная идентичность отечественной интеллигенции претерпела существенные качественные изменения. Поскольку новые хозяева страны почти изначально стали жестко пресекать любые проявления политической оппозиционности, интеллигенты, в большинстве своем враждебно настроенные (особенно на элитарном уровне) к большевикам, были поставлены ими перед судьбоносным выбором*: либо, отстаивая свое свободомыслие, открыто противопоставить себя советскому государству и тогда почти наверняка пасть жертвой «красного террора» или быть изгнанными из страны, либо, коренным образом «перестроившись» и отказавшись от традиционного фрондерства, не только деклариро-

* Следующее знаменитое высказывание В. И. Ленина знаменовало собой неизбежность этой политической дилеммы: «Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно. “Интеллектуальным силам”, желающим нести науку народу (а не прислуживать капиталу), мы платим жалование выше среднего. Это факт. Мы их бережем. Это факт. Десятки тысяч офицеров у нас служат Красной Армии и побеждают вопреки сотням изменников». (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 48–49).

вать лояльность к новой власти, но и – дабы элементарно выжить – пойти к ней на службу как к монополющему в стране работодателю и подателю всех жизненных благ.

Некоторым, избравшим первый вариант, «посчастливилось», как известно, покинуть страну на «философском пароходе» и тем самым остаться в живых. Тем же, кто предпочел второй, пришлось приобщиться к новой, социально пестрой стране «совслужащих», что, впрочем, не помешало властным верхам еще лет двадцать, мягко говоря, сомневаться в их политической благонадежности со всеми вытекающими из этого недоверия последствиями, в том числе и репрессивного характера.

Комментируя результаты этого своеобразного «конкордата», тот же Федотов отмечал в 1926 г., что с установлением советской власти «вековое противостояние интеллигенции и народа заканчивается: западничество становится народным, отрыв от национальной почвы – национальным фактом. Интеллигенция, уничтоженная революцией, не может возродиться, потеряв всякий смысл. Теперь это только категория работников умственного труда или верхушка образованного класса»⁵. А спустя еще два десятилетия Федотов со всей определенностью подытожил: «Не будет преувеличением сказать, что вся созданная за 200 лет Империи свободолюбивая формация русской интеллигенции исчезла без остатка»⁶.

Так с русской интеллигенции был совлечен романтический флер претензий на олицетворение совести, «соли» нации. Прагматичные большевики видели в ней в лучшем случае интеллектуальное подспорье в строительстве «нового общества», определив ее социальный статус как «прослойки» между рабочим классом и крестьянством. При Хрущеве, когда отношение верхов к интеллигенции значительно смягчилось, она стала официально именоваться «особым социальным слоем»⁷.

Впрочем, тогда уже имелась в виду так называемая «народная интеллигенция». Ее формированием большевики озаботились сразу после захвата власти. В своей работе «Удержат ли большевики государственную власть?» В. И. Ленин, подчеркнув, что «мы не утописты», и что «мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством», потребовал «немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством... в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники», призвав к тому, чтобы «к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту»⁸. Нацеливаясь на создание «своей», «трудовой» интеллигенции, способной служить советской власти не за страх, а за совесть, эта власть «пока»

вынуждена была «использовать» «буржуазных спецов», третируя их как «старорежимный» социальный продукт. Особый цинизм в отношении «буржуазной интеллигенции» выказывал тогдашний хозяин Петрограда Г. Е. Зиновьев, который предлагал избавляться от нее, как от «выжатого и не нужного больше лимона»⁹ по мере того, как будет отпадать в ней надобность.

Окончание Гражданской войны, если и способствовало некоторому смягчению политики большевиков в отношении интеллигенции, то незначительному. В августе 1922 г. XII конференция РКП(б) осудила «эсеро-меньшевистские и мнимо-беспартийные буржуазно-интеллигентские верхи» за попытку использовать легальное прикрытие «в контрреволюционных целях», после чего, собственно, и произошла упомянутая высылка за границу цвета свободомыслящей российской интеллигенции¹⁰.

Как известно, репрессивная политика резко усилилась с конца 1920-х гг., когда «буржуазных спецов» уже не отправляли в эмиграцию, а арестовывали по надуманным обвинениям. Тогда ОГПУ с его универсальным охватом всех интеллектуальных сфер – от научно-технической и военной до академической и искусства – поставило на поток фабрикации политических провокаций, наподобие дел «Промпартии», «Союзного бюро меньшевиков», «Трудовой крестьянской партии», «академического» (аресты С. Ф. Платонова, Н. П. Лихачева, других историков старой школы), «Российской национальной партии» («дело славистов»), операции «Весна» (аресты военспецов Красной армии – бывших царских генералов и офицеров)¹¹.

Одновременно с подавлением старой интеллектуальной элиты, процент партийной прослойки в которой так и не превысил двух, возвращалась новая, рабоче-крестьянская, которая как будущий авангард социалистического строительства должна была по духу стать сплошь коммунистической. Для достижения этой цели была создана основанная на классовом подходе многовариантная система подготовки специалистов и управленцев высшей квалификации – от выдвижения пролетариев «от станка» в «красные директора» и направления рабоче-крестьянской молодежи в рабфаки при вузах¹² до создания в институтах красной профессуры и Комакадемии «резерва руководящих кадров».

Репрессивно подавляя старую интеллигенцию, Сталин, однако, не собирался изводить ее под корень. Будучи, как марксист, приверженцем теории прогресса, он благоговел перед интеллектом (даже «буржуазным») как его двигателем. Однако, столкнувшись с упорной убежденностью буржуазных спецов в том, что большевики все-го лишь случайные и временные правители великой России, решил

сильнодействующими, репрессивными средствами «излечить» их от синдрома высокомерия и фрондерства. Более того, не желая ставить крест на старой интеллектуальной элите, вождь хотел, загнав ее в политическое стойло заполучить дополнительную «тягловую силу» (знание – сила!) для обновленной колесницы советской государственности, устремлявшейся в будущее по имперскому пути. В марте 1937 г. Сталин четко обозначил следующую политическую грань: «Между нынешними вредителями и диверсантами, среди которых троцкистские агенты фашизма играют довольно активную роль, с одной стороны, и вредителями и диверсантами времен шахтинского периода, с другой стороны, имеется существенная разница»¹³. На деле это означало беспощадное подавление первых и смену гнева на милость в отношении вторых. Подтверждением последнего могут служить отнюдь не исключительные перипетии сложной биографии одного из «вредителей шахтинского периода» историка-академика (кстати, еврейского происхождения) Е. В. Тарле. В начале 1931 г. его как члена мифического «контрреволюционного Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» арестовали, сослав в Алма-Ату¹⁴. Однако вскоре разрешили возвратиться в Ленинград и снова преподавать в ЛГУ. Более того, когда летом 1937 г. за монографию «Наполеон» Тарле, подвергшись разгромной критике, был назван «изолгавшимся контрреволюционным публицистом, который в угоду троцкистам преднамеренно фальсифицирует историю», Сталин взял его под защиту, рекомендовав от имени Президиума АН СССР восстановить ученого в звании академика¹⁵.

Этот эпизод – одно из закономерных следствий нового идеологического курса советского руководства, в основе которого лежал отказ от огульного очернительства дореволюционной российской истории и создание пропагандистской парадигмы советского патриотизма, альтернативной революционному ленинскому космополитизму первого пятнадцатилетия советской власти.

С принятием в 1936 г. новой конституции (знаменовала собой построение в СССР основ социализма), формально декларирующей восстановление гражданских прав и свобод, в том числе и равенства всех перед законом независимо от социального происхождения, статус интеллигенции в обществе существенно повысился. В широко опубликованном постановлении ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”» от 14 ноября 1938 г., а потом и в выступлении Сталина на XVIII съезде партии в марте 1939 г. не только было заявлено о рождении в результате «культурной революции» упомянутой народной советской интелли-

генции («всеми своими корнями» связанной с рабочим классом и крестьянством) и о ее «важной роли» в Советском государстве, но и как бы задним числом осуждалось «дикое», «махаевское», «пренебрежительное», «антиленинское» отношение к интеллигенции как таковой¹⁶.

Но парадокс ситуации состоял в том, что когда произносились эти примирительные фразы, интеллигенции в прежнем понимании уже не существовало. К тому времени окончательно развеялась дореволюционная семантика слова «интеллигенция», которое в официальной трактовке стало отождествляться с таким понятием, как «служащие». На том же XVIII съезде В. М. Молотов определил численность этой новой «служащей» (государству) интеллигенции в 9,6 млн. человек, включив в ее состав не только высококвалифицированных специалистов (инженеров, учителей средних школ, преподавателей вузов и т. п.), но также медсестер и счетоводов, чей образовательный уровень был существенно ниже. Впрочем, в то время даже среди первых секретарей райкомов партии – также причисленных к интеллигенции – лиц со средним и высшим образованием было менее 29 %¹⁷.

Однако, имея в виду предвоенные приоритетные интересы СССР, следует отметить, что к концу 1930-х гг. удалось достигнуть главного: был сформирован, хотя еще во многом «сырой», очень неоднородный, но уже в достаточной степени консолидированный интеллектуальный слой, вполне пригодный для решения стоявших тогда основных государственных задач. И пусть этот слой, в отличие от интеллигенции дореволюционного времени, уже не являлся частью (притом ведущей!) гражданского общества, а был полностью огосударствлен (со всеми вытекающими из этого последствиями, в том числе и негативными), он в целом соответствовал основному своему предназначению – служить инструментом интеллектуального обеспечения нормального и полноценного функционирования индустриального общества, что с учетом приближавшейся войны имело для страны без преувеличения судьбоносное значение.

Генезис советской еврейской интеллигенции

Исходным пунктом проблемы следует считать произошедшее в результате разделов Польши в последней трети XVIII столетия включение в состав Российской империи земель, населенных евреями. Екатерина II гарантировала этим новым подданным сохранение прежних прав на свободное вероисповедание и владение собственностью. Правда, реализация этих прав ограничивалась территориально: еврейское население могло проживать только в Белоруссии,

Екатеринославском наместничестве и Таврической области, что, собственно, и закреплялось в именном указе от 23 декабря 1791 г., положившем начало введению в империю «черты постоянной еврейской оседлости». Впрочем, устанавливаемые ограничения в передвижении первоначально не могли считаться чем-то дискриминационным специально в отношении евреев, поскольку и основная масса тогдашнего русского населения – мещане и получившие волю только в 1861 г. крестьяне – также не были свободны в выборе места жительства. С этим был согласен и историк Ю. И. Гессен¹⁸. Лишь в пореформенный период черта еврейской оседлости стала превращаться в анахроничный символ ущемления национальных прав.

Своего рода закладным камнем в фундаменте светского образования российского еврейства, этой колыбели национальной интеллигенции, пожалуй, следует считать указ Александра I от 9 декабря 1804 г., которым было введено в действие «Положение для евреев», гласившее, что евреи «могут быть принимаемы и обучаемы, без всякого различия от других детей, во всех российских училищах, гимназиях и университетах»¹⁹. Правда, на практике этим правом воспользоваться лишь немногие из основной массы еврейского населения, жившей по традиционному национально-религиозному укладу и в рамках средневекового кагального самоуправления, запрещавшего обучение детей в общеобразовательных светских школах, но зато поощрявших, в частности, ранние браки в 13–14 лет.

Положение стало меняться только при Николае I, задавшемся целью «перековать» евреев в полезных для государства подданных и предпринявшим попытку коренного преобразования еврейского быта, считавшегося в верхах исполненным предрассудков, невежества, косности и фанатизма. Поскольку «корень зла» усматривали в вековой этнокультурной обособленности евреев, во главу угла была поставлена задача их «слияния» (в значительной мере форсированного, а значит, и социально болезненного!) с остальным населением империи. Для чего был осуществлен широкий комплекс реформ – от введения насильственной рекрутчины (1827 г.), упразднения кагалов (1844 г.) и запрета на ношение традиционной одежды (1850 г.) до учреждения в 1844–1847 гг. в губерниях черты оседлости казенных еврейских училищ – начальных и раввинских (последние готовили учителей для первых). Если в 1841 г. в общеобразовательных учреждениях Министерства народного просвещения обучалось 238 евреев, а в частных и общественных светских школах – 901, то в 1855 г. только в одноразрядных двухгодичных казенных еврейских училищах – около 2000²⁰.

Эти – в духе просвещенного абсолютизма – начинания нашли горячих сторонников в лице так называемых маскилов – еврейских просветителей в духе идей европейского гуманизма. Поскольку начинатели еврейского просвещения (Гаскалы*) в России – И. Б. Левинзон, Г. А. Маркевич и другие – являлись последователями отца-основателя этого движения подданного Пруссии, философа М. Мендельсона (1729–1786) и несли в еврейские общины немецкую культуру, их прозвали «берлинерами». Тем не менее, европеизируя своих соплеменников, они, пусть и косвенно, внесли значительный вклад в формирование грунтового слоя почвы, из которого произрастала русско-еврейская интеллигенция.

Следующий рубеж на пути интеллектуальной эмансипации еврейства был преодолен – во многом – благодаря либеральным реформам Александром II, в правление которого, собственно, и возникла как таковая русско-еврейская интеллигенция. Если Николай I «вгонял» евреев в русское общество по преимуществу административно-силовыми методами, так сказать, кнутом, то его сын и преемник избрал для достижения той же цели тактику пряника. Это стимулировало – благодаря предоставлению социально-имущественных прав и привилегий – социальную модернизацию прежде всего наиболее состоятельного общинного слоя евреев (крупных торговцев, предпринимателей и т. п.), представители которого имели и средства, и большую социальную мотивацию для получения их детьми светского образования. Поэтому главной особенностью реформ была их избирательность и постепенность. Скажем, право селиться вне черты оседлости получили сначала (1861 г.) евреи, окончившие университет с ученой степенью, и только потом (1879 г.) – все обладатели дипломов о высшем образовании²¹.

Однако во многом именно эта половинчатость, а также сохранявшиеся в укладе российского общества пережитки феодальной архаики обрекли как преобразования Александра II в целом, так и предпринятое им решение еврейского вопроса, в частности, на неудачу. Царь так и не решился уравнивать евреев в правах с другими подданными империи, при том, что в основных странах Европы законодательная эмансипация евреев стала свершившимся фактом: во Франции – еще в 1791 году, в

* Гаскала (др.-евр. – просвещение) – просветительское, движение еврейской, буржуазной интеллигенции Германии, Польши, России в 18–19 вв. Сторонники Гаскалы выступали против идеи национально-религиозной исключительности евреев, боролись с хасидизмом. ставили целью распространение среди евреев научных знаний и полезных профессий. – *Прим. ред.*

Великобритании – в 1860-м, в Италии – в 1861-м, в Австро-Венгрии – в 1867-м, в Германии – в 1871-м, в Болгарии – 1878-м.

Политика льготной ассимиляции евреев, толком не успев в полную силу развернуться, вызвала и межэтнические трения. Значительная часть русского образованного общества, мягко выражаясь, настороженно отнеслась к инфильтрации в их среду евреев, тем более что последние в большинстве своем, в отличие от собратьев в Европе, не стремились стать христианами: быть может, потому, что находились под сильным влиянием национально-культурного традиционализма, питаемого местечками «черты», где проживало подавляющее большинство евреев империи. Болезненные процессы ассимиляции еврейства усугубились заметным с середины 1870-х гг. общим торможением реформ в России.

И все же даже такая ограниченная либерализация русской и еврейской жизни смогла разбудить к новой жизни немало обитателей местечек в черте оседлости. Понятно, что наибольший новаторский энтузиазм проявляла еврейская молодежь. Именно ее имел в виду М. Г. Моргулис, вспоминая об этом времени: «Все бросились на изучение русского языка и русской литературы; каждый думал только о том, чтобы скорее породниться и слиться с окружающей средой»²².

С начала 1860 г. стали выходить еврейские периодические издания на русском языке. При сокращении числа обучавшихся в казенных еврейских и раввинских училищах (были в 1873 г. преобразованы в еврейские учительские институты) нарастал приток евреев в общеобразовательные школы и университеты. Если в 1853 г. в гимназиях училось 159 евреев, в 1863 г. – 552, то в 1880 г. – уже около 7 тысяч. Только в 1876–1883 гг. количество евреев в гимназиях и прогимназиях почти удвоилось (с 4684 до 8128 чел.), а в университетах за тот же период оно возросло в шесть раз (с 306 до 1856 чел.), составив 14,5 % от общей численности студентов²³. Если до начала 1870-х гг. культурной столицей евреев считалась Одесса, портовый многонациональный город черты оседлости, игравший роль своеобразного космополитического чистилища для прибывавшего туда местечкового еврейства, то потом таким центром стал Санкт-Петербург, где свою деятельность развернули крупные еврейские предприниматели и банкиры (Гинцбурги, Поляковы и др.), которые выступали в качестве штадланов (ходатаев, заступников) евреев перед властью и покровительствовали их просвещению. Благодаря этому не только в имперской столице, но и в Москве, других крупных городах коренной России стали все больше селиться лица так называемых свободных профессий – врачи, адвокаты, литераторы,

журналисты, деятели искусств, которые и составили костяк русско-еврейской интеллигенции.

Новое правление, Александра III, омраченное предшествовавшей трагической гибелью Александра II и последовавшими кровавыми еврейскими погромами, вошло в историю как период контрреформ, в контексте которых официальная «еврейская политика» была существенно скорректирована. Курс на просвещение еврейства с последующим его слиянием с коренной национальностью сменился опасливым сдерживанием социальной активности еврейства и максимально возможной его изоляцией от русской жизни. Требование отказа от еврейства в обмен на полноправие стало еще более категоричным. Новый министр внутренних дел Н. П. Игнатьев дал ясно понять представителям еврейства, что им «нечего рассчитывать на льготы, на расширение прав», заявив при этом, что погромы «во многих случаях вызваны самими евреями» и что для евреев «теперь открыта западная граница»²⁴.

Резкий переход верхов от политики абсорбции еврейства русским обществом к отторжению от него был законодательно закреплен в дискриминационных «Временных правилах о евреях» от 3 мая 1882 г., а также в последующих ограничительных мерах (циркуляры министра народного просвещения И. Д. Делянова 1887 г. о введении процентных норм для евреев, поступающих в высшие и средние учебные заведения²⁵). В результате стала возможной такая массовая полицейская акция, как выселение в 1891–1893 гг. более 25 тысяч евреев из Москвы. Все это заметно повлияло на настроения в еврейском социуме. На смену массовым ассимиляционным стремлениям приходит альтернативный рост национального самосознания в духе громко заявившего о себе тогда европейского этатического национализма (прелюдия к возникновению сионистского движения в 1897 г.). Наряду с массовым уходом во внутреннюю эмиграцию (национализм) среди евреев отмечается и бурный рост эмиграции внешней. В 1881–1914 гг. Россию покинуло почти 2 млн. евреев²⁶. Стремительно нарастал и процесс социально-политической радикализации еврейства, начавшийся еще в 1870-е гг. с участия в народническом хождении в народ.

Однако эти новые тенденции были не только следствием ужесточения «еврейской политики» верхов, но определялись – быть может, даже в большей степени – и другими факторами. Так, размышляя по поводу возрождения еврейского самосознания Г. Я. Аронсон писал: «Неудача ассимиляционных устремлений русско-еврейской интеллигенции была предрешена прежде всего потому, что в отличие от Германии, еврейство в России представляло собой многомиллион-

ный народный массив. ...Поэтому процесс денационализации в еврейской интеллигенции раньше или позже должны были быть изжиты, – тем более, что наряду с интеллигенцией столиц и крупных городов, получавших доступ в высшие учебные заведения, заметно вырастали кадры новой, народной, низовой интеллигенции, вышедшей из ешиботов* и синагог, одушевленной идеалами служения не только абстрактному человечеству или России, но и своему родному обездоленному народу...»²⁷.

Существовала неполитическая мотивация и массового исхода евреев из России. Ведь неслучайно подавляющее большинство выехавших из России до первой мировой войны евреев (более 1,5 млн.) обосновалось в США, куда иммигранты со всего света (из Италии, Ирландии, Украины, Германии и др.) направлялись прежде всего в поисках лучшей жизни, то есть исходя из экономических соображений, которые, конечно, легче было реализовать в бурно индустриализировавшейся Америке, чем в странах, делавших на пути такой модернизации только первые шаги. Да и в революцию евреи шли не столько движимые сознанием ущемления их национальных прав, сколько ради достижения общегражданских свобод. Поэтому есть веские основания утверждать, что судьба российского еврейства в большей степени зависела от развития общей социально-политической и экономической ситуации в стране и мире, а также от изменений в этнической ментальности, чем от ограничительной политики властей, которая не носила самодовлеющего характера. Скажем, в военный 1915 г. под напором еврейских высленцев и беженцев из прифронтовой полосы фактически была прорвана черта еврейской оседлости (формально она сохранялась!), а фронтовикам-евреям и их детям были предоставлены льготы при приеме в высшие учебные заведения. Тогда наряду с переливом еврейского населения в города коренной России стало резко повышаться и его представительство в тамошних университетах – этих «кузницах» русско-еврейской интеллигенции. Например, в Московском университете оно составило в 1916 г. 11,6 %²⁸.

В начале XX столетия русско-еврейская интеллигенция в национально-идентификационном, культурном и социально-политическом плане представляла собой чрезвычайно пеструю палитру соци-

* Ешибот (eschibah – собрание учащихся под председательством «старейшего») – иудейская. высшая школа по подготовке главным образом раввинов; возникли в Вавилонии, Палестине, Египте в период формирования Талмуда. В России ешиботы появились в 19 в. – *Прим. ред.*

альной вовлеченности в «русские дела». Особенно впечатляющей она была в политике, где на противоположных этнокультурных полюсах находились деятели, с одной стороны, национально ориентированные, – от сионистов, ратовавших за собственное государство, до бундовцев, прокламировавших национально-культурную автономию (В. Е. Жаботинский, С. М. Дубнов, Р. А. Абрамович и др.), а с другой, – полностью отрекшиеся от своей национальной идентичности, от монархистов-выкрестов (высокопоставленный царский чиновник И. Я. Гурлянд) до большевиков-космополитов (Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев и др.).

В сравнении с миллионными народными массами еврейства (по переписи 1897 г. в России насчитывалось 5215800 подданных иудейского вероисповедания) – практически не ассимилированного, ведущего традиционный и по преимуществу убогий и скудный образ жизни в местечках черты оседлости – их образованные и приобщившиеся к русской культуре соплеменники, представляли собой тонкий поверхностный слой, своего рода культурную пленку. Если учесть, что в том же 1897 г. русским языком свободно владели только 67 тыс. евреев²⁹, причем в подавляющем большинстве это были торговцы, аптекари, служащие различных контор, банков, предприятий, то собственно русско-еврейских интеллигентов – врачей, юристов, журналистов, литераторов, политиков, педагогов, деятелей науки, техники, искусства – оказывалось не так-то и много. Тем не менее, немалая их толика вписала свои имена в историю России второй половины XIX – начала XX веков. Во всяком случае, список русско-еврейских деятелей, внесших заметный вклад в ту или иную сферу жизнедеятельности дореволюционной России, объемен. Так, русская культура многим обязана талантам блестящих музыкантов Антона и Николая Рубинштейнов (основателей Петербургской и Московской консерваторий), скульптора Марка Антокольского, художника Исаака Левитана.

Невзирая на официальные правовые ограничения, несмотря на погромы и черносотенную пропаганду, ставшие в годы революции 1905–1907 гг. национальным бедствием, вопреки даже последовавшему потом печально знаменитому судебному процессу над облыжно обвиненным М. Бейлисом, многие русско-еврейские интеллигенты все же испытывали достаточно сильные патриотические чувства к стране, где они родились и в культуре которой были воспитаны.

Вместе с тем, как отмечалось, просвещенное еврейство в России, в отличие, скажем, от аналогичной этносоциальной группы в Германии, в большинстве своем не порывало со своими национальными корнями. Немногие решались обрубить их, перейдя в христианство

(философ С. Л. Франк, литераторы Б. Л. Пастернак, О. Э. Мандельштам и др.).

Когда в марте 1917 г. декретом Временного правительства об отмене вероисповедных и национальных ограничений были уже *де-юре* упразднены и архаическая черта еврейской оседлости, и одиозные процентные нормы, и другие «особые о евреях правила» (всего – сто сорок), это был знаменательный акт исторической справедливости и гуманизма³⁰.

Подавляющее большинство русско-еврейских интеллигентов, тяготея или примыкая к партиям разного идейного диапазона – от правых кадетов до левого меньшевизма, – приветствовало Февральскую революцию, причем не столько потому, что та принесла им долгожданное гражданское полноправие, сколько находясь под воздействием, увы, утопической иллюзии о грядущей эре свободы и процветания для всех россиян.

Однако идея социальной справедливости, которую с октября 1917-го большевистская власть как новый цементирующий общество порядок стала насаждать жесткой рукой, оказалась жизнеспособнее идеи свободы, стремительно трансформировавшейся в условиях России во всеобщий хаос. В этих условиях значительная часть еврейской интеллигенции, не говоря уже о еврейском населении в целом, встала на сторону сильнейшей в стране власти, а таковой оказалась советская. И этот закономерный выбор был сделан вместе с русским и другими народами бывшей империи, которые вакханалии свободы предпочли порядок диктатуры. Немало из не принявших этого еврейских интеллигентов вынужденно оказалось в эмиграции.

Став хозяевами России, большевики, дабы обрести социальную опору в лице дискриминированных при царизме национальных меньшинств, сразу позиционировали себя как их защитники. В подписанной 2 (15) ноября 1917 г. Лениным и Сталиным «Декларации прав народов России» провозглашалась отмена «всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений», «свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп...». Отвергнув старый имперский принцип деления страны на губернии, большевики «в интересах сближения трудовых масс отсталых народов с пролетариатом России» провели в 1918–1920 гг. административный передел страны по национальному признаку³¹. В разгоревшейся Гражданской войне большевики сделали серьезную ставку на «инородческий» элемент и победили во многом благодаря поддержке с его стороны. В 1921 г. Сталин, прагматически оценив этнический расклад населения России (без Финляндии, Польши и

стран Прибалтики) как 75 миллионов великороссов и 65 миллионов представителей «невеликорусских» наций, подчеркнул, что «русские рабочие (читай: большевики. – Г. К.) не смогли бы победить Колчака, Деникина, Врангеля без... сочувствия и доверия к себе со стороны угнетенных масс окраин бывшей России»³².

Поскольку антисемитизм широко использовался в борьбе с новой властью, с самого начала она объявила его «контрреволюционным» преступлением³³. Среди евреев такая позиция большевиков, являвшихся единственной крупной политической силой в стране, вставшей на защиту нацменьшинств, нашла горячий позитивный отклик главным образом в сердцах бедного населения местечек и городов бывшей черты оседлости, пережившего в годы Первой мировой и Гражданской войн настоящую трагедию. С 1914 по 1921 гг. почти 500 тыс. евреев были сорваны с насиженных мест (депортированы властями или оказались беженцами) и в поисках лучшей доли мигрировали по стране. Если русских безработица и голод заставляли бежать из крупных городов в деревню, то гонимые погромами* обитатели разоренных местечек, напротив, искали в таких городах пристанища и защиты. По преимуществу это были сильно обезлюдившие столичные Москва и Петроград. Если летом 1917 г. в Москве проживало 60 тыс. евреев, то в конце 1926 г. – уже 130 тыс. (6,5 % от всего населения)³⁴. Хотя в связи с разрухой получить работу в столицах было чрезвычайно трудно, приезжие евреи все же находили там себе применение: одни, чтобы удержаться «на плаву», занялись мелким частным бизнесом (торговлей, «спекуляцией» и т. п.), а другие – более или менее грамотные, главным образом из числа беженцев и «выселенцев» из Белоруссии и Литвы – сравнительно легко устраивались в аппаратных структурах большевиков, столкнувшихся из-за бойкота старого чиновничества с кадровым дефицитом управленцев. Характеризуя роль лояльных новой власти евреев, Ленин подчеркивал: «Большое значение для революции имело то обстоятельство, что в русских городах было много еврейских интеллигентов. Они ликвидировали тот всеобщий саботаж, на который мы натолкнулись после Октябрьской революции <...> Еврейские элементы были мобилизованы <...> и тем спасли революцию в тяжелую минуту. Нам удалось овладеть госу-

* В годы Гражданской войны было совершено 1236 актов насилия против еврейского населения, из которых 887 носили массовый характер. По приблизительным оценкам тогда от погромов погибли от 30 до 70 тыс. евреев (Gergel N. Pogroms in the Ukraine in 1918–1921 // YIVO Annual of Jewish Social Science. 1951. Vol. 6. P. 245, 248).

дарственным аппаратом исключительно благодаря этому запасу разумной и грамотной рабочей силы»³⁵.

Если до революции вхождение евреев в русскую среду и формирование русско-еврейской интеллигенции носило количественно ограниченный характер и протекало постепенно (на протяжении десятилетий), то аналогичный процесс после Октябрьской революции приобрел массовый и бурный характер, сопровождаясь весьма болезненной ломкой устоявшихся социально-бытовых форм. Размышляя над этим исполненным драматизма временем, поэт Д. С. Самойлов писал: «Через разломанную черту оседлости хлынули многочисленные жители украинско-белорусского местечка, прошедшие только начальную ступень ассимиляции... Это была вторая волна зачинателей русского еврейства, социально более разношертая, с гораздо большими претензиями, с гораздо меньшими понятиями. Непереваренный этот элемент стал значительной частью населения русского города, обострив и осложнив сам процесс вживания... Тут были и еврейские интеллигенты или тот материал, из которого вырабатывались интеллигенты, и многотысячные отряды красных комиссаров. Партийных функционеров, ожесточенных поднятых волной, одуренных властью. Еврейские интеллигенты шли (до революции. – Г. К.) в Россию с понятием об обязанностях перед культурой. Функционеры шли с ощущением прав, с требованием прав и реванша»³⁶.

Однако слом «черты» с последовавшим обретением евреями возможности достижения жизненного преуспевания в стране, в которой те еще вчера были подданными второго сорта, означало помимо прочего и запуск на полные обороты механизма ассимиляции, которая из частичной, затронувшей до революции лишь верхушечную часть еврейства, становилась всеобщей, охватившей практически все еврейское население бывшей империи. Как отмечал британский ученый Дж. Клиер, полная эмансипация евреев обусловила и полную их ассимиляцию³⁷.

Исходя из теории марксизма, большевики изначально считали ассимиляцию объективным и прогрессивным процессом и потому своей стратегической целью. Однако, придя к власти, они, чтобы заручиться поддержкой российских нацменьшинств, вынуждены были декларативно откестряться от этой установки*, более того, провозг-

* Эта метаморфоза была задним числом обоснована Сталиным в работе «Национальный вопрос и ленинизм», в которой имелась и такая решительная декларация: «Политика ассимиляции безусловно исключается из арсенала марксизма-ленинизма, как политика антинародная, контрреволюционная, как политика пагубная» (Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 347).

ласить новую эру социалистического возрождения ранее угнетенных наций. В отношении них стала проводиться политика этнического протекционизма, направленная на достижение ими – наряду с правовым – фактического равенства (путем дотирования из центра хозяйственно-культурного развития) с русскими. Впрочем, применительно к экстерриториальным нацменьшинствам такая политика носила ограниченный (и по времени, и по финансированию) характер. Во многом это было вызвано тем, что те не могли претендовать на льготный, дававший преимущественные права статус «социалистической нации» (таковой получили титульные этносы только советских союзных и автономных республик). Поэтому в отношении национально распыленных евреев очень скоро (к началу 1930-х гг.) возобладала негласная установка на первоочередную ассимиляцию, тем более, что очень многие из них, особенно молодые, сами стремились побыстрей избавиться от своей национальной идентичности (отказ от национальной культуры, обычаев, иудаизма, от родного языка в пользу русского, массовое вступление в смешанные браки и т. п.), видя в ней обременительный груз прошлого и помеху в будущей жизни.

Поддерживая эту, во многом объективную, тенденцию деэтнизации еврейства, власть первоначально направила главные усилия на борьбу с главными противниками ассимиляции – еврейскими «буржуазными националистами» (сионистами). Против них – наряду с прессингом со стороны ВЧК–ОГПУ – активно задействовали пропагандистский потенциал примкнувших к большевикам идишистов-политиков (главным образом бывших левых бундовцев, вошедших в созданные в 1918 г. в структуре РКП(б) еврейские секции) и идишистов-культуртрегеров (еврейской пролетарской творческой интеллигенции).

На этом этапе объективно работало на ассимиляцию также и то, что новая власть, предоставив молодому поколению еврейской бедноты широкие возможности для получения образования и карьерного продвижения, открыло перед ним заманчивую перспективу советского благоденствия, альтернативного прежнему скудному традиционному местечковому существованию. Возникла широкая сеть еврейских национальных образовательных и научных учреждений – школ, училищ, техникумов, соответствующих гуманитарных отделений и кафедр в вузах, академических исследовательских институтов и структур. В 1927 г. только в еврейских школах СССР обучалось 107 тыс. учеников³⁸. Отмечался и ощутимый прогресс в развитии идишистской культуры, достигшей, несмотря на известные пропагандистские издержки, достаточно высокого уровня развития в литературной и

театральной ипостасях. Начинается расцвет творчества таких деятелей национальной культуры, как выдающийся театральный режиссер и актер Соломон Михоэлс, литераторы Давид Бергельсон, Ицик Фефер и Перец Маркиш, актер Вениамин Зускин и другие, не говоря уже о писателях, актерах, музыкантах, художниках и других деятелях искусств и литературы еврейского происхождения, творивших вне национальных рамок. В СССР учреждалось множество еврейских газет, журналов, национальных издательств, с широким размахом действовали и национальные общественные организации, особенно ОЗЕТ (созданное в 1925 г. массовое Общество по землеустройству еврейских трудящихся, занимавшееся пропагандой еврейской аграризации и сбором на это средств как внутри страны, так и за рубежом). Однако, поощряя в советских рамках культурно-социальную активность еврейства, власть в течение 1920-х гг. ликвидировала все независимые национальные общественные организации (историко-этнографические, просветительские общества и т. п.).

К концу 1920-х гг. с помощью культурно-политического идишистского актива с сионизмом как с организованной силой в СССР было покончено. В 1928 г. была распущена последняя легальная левосионистская организация – Еврейская коммунистическая рабочая партия («Поалей-Цион»). К 1934 г., когда были арестованы 56 последних бывших активных приверженцев сионизма, на этом политическом движении в СССР был поставлен окончательный крест³⁹. В последующем репрессировали как «сионистов» в основном тех, кто когда-то пусть только числился в соответствующих политических организациях и потому был учтен как политически неблагонадежный по архивной картотеке госбезопасности, или просто обвинялся в «еврейском буржуазном национализме».

Следует отметить, что переход к сдерживанию еврейской национально-культурной активности и стимулированию ассимиляции в политике государства наметился еще в начале 1930-х гг. Уже тогда (январь 1930 г.), отказавшись от исчерпавшего себя (после устранения «сионистской угрозы» и установления на «еврейской улице» пролетарской диктатуры) компромисса с идишистами, власть наряду с другими национальными структурами отдела пропаганды, агитации и печати ЦК ВКП(б) ликвидировала и «еврейское бюро» (прежде – Центральное бюро еврейских секций). Началось свертывание и активно проводившейся в 1920-е гг. пропагандистской кампании борьбы с антисемитизмом. Все это увенчалось образованием в 1934 г. на Дальнем Востоке Еврейской автономной области (ЕАО). И хотя эта национальная автономия носила номинально-формаль-

ный характер (количество евреев в ней всегда было мизерным – не более 18 тыс. чел., или примерно 0,6 % от всего населения), советское руководство, пустив в ход этот пропагандистский козырь, с большой помпой объявило, что СССР стал пионером в успешном решении «векового» еврейского вопроса. В августе 1936 г. ЕАО официально провозгласили еврейским национальным центром СССР.

После этого господдержка еврейской культуры была окончательно переориентирована в направлении вновь созданной еврейской автономии, а в крупных центрах европейской части страны – Москве, Ленинграде, Минске и Киеве – стал набирать обороты процесс понижения в статусе или даже упразднения еврейских национально-культурных, академических и образовательных структур. Например, в Киеве и Минске были закрыты академические институты еврейской пролетарской культуры, впоследствии в украинской столице удалось воссоздать только Кабинет по изучению советской еврейской литературы, языка и фольклора⁴⁰.

Ради справедливости надо отметить, что эти действия не носили исключительно антисемитского характера, в значительной мере они были проявлением начавшегося в то время общего наступления властей на права нацменьшинств. Став к началу 1930-х гг. полновластным хозяином в стране, Сталин не нуждался более в поддержке «националов», которые до этого, по оценке Л. Д. Троцкого, служили ему «немаловажной опорой»⁴¹. Теперь, когда интересы форсированной индустриализации промышленного и сельскохозяйственного производства требовали максимальной централизации управления страной, прежние рамки национальной автономии, определенные в 1920-х гг. для союзных и автономных республик, стали восприниматься центром как чрезмерно широкие. К тому же Сталин стал серьезно опасаться, что проводившаяся в тех же республиках административная и культурная «коренизация» (украинизация, белоруссизация и т. п.) зашла настолько далеко, что была чревата угрозой этносепаратизма. В результате произошло существенное урезание прав национальных республик, которое сопровождалось применением жестких методов в отношении недовольной этим тамошней национальной элиты, подвергнувшейся во время «большого террора» масштабной чистке.

Но еще более пострадали экстерриториальные нацменьшинства, не имевшие льготного статуса социалистической нации. Пожалуй, самым сильным оказался удар по выходцам из сопредельных, в то время враждебных СССР, стран: полякам, финнам, грекам, немцам, эстонцам, литовцам и латышам. С лета 1937 НКВД СССР стал проводить в отношении них массовые репрессивные «национальные»

операции. Из 1602000 человек, арестованных в 1937–1939 гг. по политическим статьям уголовного кодекса, 346000 человек были представителями нацменьшинств, причем 247000 из них расстреляли как иностранных шпионов. Чаще других к расстрелу приговаривали греков (81 %) и финнов (80 %). Кроме того, представители указанных нацменьшинств изгонялись из армии, силовых структур, с оборонных предприятий; их местное самоуправление (национальные районы и пр.) и культурно-образовательные учреждения (клубы, школы и пр.) подлежали ликвидации. В трагическом списке преследуемых нацменьшинств евреи занимали одно из последних мест. В 1939 г. в ГУЛАГе их было 19758, или 1,5 % от общей численности, тогда как в целом в лагерях содержалось 3 066 000 чел., что составляло 1,8 % от всего населения страны. Притом что в заключении оказались 16 % всех проживавших в стране поляков или 30 % латышей⁴².

В преддверии войны советское руководство все активней проводило курс на языковую и культурную гомогенизацию общества на базе русской этнической доминанты. Многие национально-культурные институции – административно-территориальные образования (национальные районы, сельсоветы и т. д.), учебные заведения, научные учреждения, общественные организации, СМИ, издательства и т. п. – были упразднены, а тысячи работавших в этих структурах представителей национальной творческой интеллигенции арестованы. Репрессиям подверглись как еврейские общественно-политические деятели (главным образом, бывшие руководители еврейских секций партии), так и некоторые представители ранее опекавшейся и дотировавшейся идишитской культуры. Были арестованы основатели евсекций С. М. Диманштейн, А. И. Вайнштейн, А. И. Чемерисский, М. Я. Фрумкина (Эстер), ответственный редактор переставшей выходить газеты «Дер эмес» («Правда») М. И. Литваков, еврейские литераторы И. Д. Харик, М. С. Кульбак, Х. М. Дунец, Я. А. Бронштейн и другие. Все они погибли в ГУЛАГе.

В то время как перед еврейской национально-культурной элитой во весь рост встала проблема самовывживания, подавляющее большинство отечественных евреев существовало как бы в другой реальности. Их, стремительно отрывавшихся от исторических корней, заботила отнюдь не утрата национальной идентичности, все больше воспринимавшаяся как бесполезное (в лучшем случае) или вредящее (в худшем) в будущей жизни бремя, а необходимость «вписаться» в новую жизнь, стать «настоящим советским человеком». Если в 1897 г. родным языком владели 97 % евреев, живших в Российской империи, в 1926-м – менее 70 % евреев СССР, то к 1939-му число евреев, вла-

деющих родным языком, сократилось до 40 %. В то же время доля тех из них, кто называл русский язык родным, увеличилась с 25% в 1926 г. до 55% в 1939 г.⁴³ Если по данным переписи 1926 г. в СССР насчитывалось 2680823 еврея (1,82 % общей численности населения страны), то накануне Второй мировой войны – 3020000 (1,78 % общей численности населения страны).

В Советском Союзе евреи были, пожалуй, самой урбанизированной и наиболее образованной национальностью. Еще в 1926 г. 2144000 евреев (87%) проживали в городах. К 1939 г. 40% евреев являлись жителями крупных городов, в Москве их насчитывалось 400000 (в 1926 г. – 131200), в Ленинграде – 250000, в Одессе – 180000, Киеве – 175000, Харькове – 150000, Днепропетровске – около 100000. При советской власти, как и до революции среди евреев была сильна тяга к получению высшего образования. В 1927 г. 23405 (14,4 %) студентов вузов были представителями этой национальности, к 1935 г. их доля в общей численности лиц, имевших высшее образование, несколько снизилась – до 13,3 %. В 1939 г. из 1000 евреев 268 имели среднее образование и 57 – высшее, тогда как соответствующие показатели для русских составляли 81 и 6 человек⁴⁴. К интеллигенции как социальной «прослойке» относились к этому времени не менее 700000 евреев*, в том числе 125000 управленцев и бухгалтеров, 60000 техников со средним образованием, 46000 учителей, 31000 медиков среднего и низшего звена, 21000 врачей, 47000 работников культуры и искусства, 7000 ученых, 2000 агрономов и 25000 инженеров и архитекторов и др.⁴⁵

Вторая мировая война и «встреча» евреев СССР и Европы

Евреи Европы стали одной из первых жертв нацистов, которые подвергли их различным гонениям сразу после прихода к власти в Германии. Только совместные усилия западных демократий по защите оказавшихся в беде евреев, в том числе и путем предоставления им политического убежища на собственных территориях, могли отвести от них беду. Однако этого не произошло. Западные демократии, так и не сумев преодолеть эгоистической озабоченности собственной безопасностью, не предприняли сколько-нибудь действенных мер для решения этой проблемы, которая усугубилась к концу 1938 г. Тогда

* По статистике 1939 г. 30 % евреев были рабочими, 5,8 % – работали в сельском хозяйстве (Pinkus V. Op. cit. P. 95–96).

в Германии власти организовали массированный еврейский погром, названный «Хрустальной ночью»⁴⁶.

Эта варварская акция глубоко возмутила как западную, так и советскую общественность, в первую очередь из числа еврейской интеллигенции. В конце ноября в здании Московской государственной консерватории состоялся митинг деятелей культуры, который транслировался по радио на весь мир. Среди выступавших был и С. Михоэлс, который после ареста и гибели Диманштейна* принял эстафету культурно-национального лидерства в среде советского еврейства. Аналогичные мероприятия прошли и в других городах, в том числе во Фрунзе, Калинин, Красноярске и Пятигорске⁴⁷.

Разразившаяся в следующем году мировая война обернулась для европейских евреев страшной национальной катастрофой – Холокостом. Одной из предпосылок этой трагедии стало то, что после вторжения гитлеровцев в Польшу под их властью оказались ее западные земли с почти двухмиллионным еврейским населением. Правда, 150–200 тысяч из них смогли бежать на восток⁴⁸, в Западную Белоруссию и Западную Украину**, присоединенные к Советскому Союзу. Это стало возможным благодаря тому, что почти до декабря 1939 г. новая западная граница СССР была фактически открыта. Когда позднее ее охрана была налажена, массовый исход евреев в восточном направлении прекратился, что, кстати, очень не устраивало нацистов, которые были заинтересованы в максимальном их выдавливании с подконтрольных территорий. Германские власти предприняли даже попытку заручиться согласием советских властей на массовую депортацию евреев рейха на территорию СССР. С этой инициативой выступили структуры Центральной имперской службы по делам еврейской эмиграции, которой руководил Р. Гейдрих. Однако советская сторона ответила категорическим отказом, о чем свидетельствует записка начальника Переселенческого управления Е. М. Чекменева от 9 февраля 1940 г. В ней он докладывал Молотову: «Переселенческим управлением при СНК СССР получены два письма от Берлинского и Венского

* Диманштейн Семен Маркович (1886–1938) – российский революционер, советский коммунистический деятель. Председатель Центрального бюро Евсекции ВКП(б). Принимал участие в создании Еврейской автономной области. Расстрелян в августе 1938 г. Посмертно реабилитирован. – *Прим. ред.*

** На Западной Украине и в Западной Белоруссии проживали около 1 млн. 300 тыс. евреев. Всего на этих территориях – с учетом беженцев из Польши – оказалось около 1 млн. 500 тыс. евреев. (Altshuler M. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile. Jerusalem, 1998. P. 9; Краткая еврейская энциклопедия. Т. 8. Иерусалим, 1996. С. 298).

переселенческих бюро по вопросу организации переселения еврейского населения из Германии в СССР – конкретно в Биробиджан и Западную Украину. По соглашению Правительства СССР с Германией об эвакуации населения на территорию СССР эвакуируются лишь украинцы, белорусы, русины и русские. Считаем, что предложения указанных переселенческих бюро не могут быть приняты»⁴⁹.

С конца июня 1940 г., то есть после того как советские войска вошли в Литву, Латвию, Эстонию, Бессарабию и Северную Буковину, где также проживало значительное количество евреев*, руководство СССР – с учетом разгоравшейся в Европе войны – решило максимально обезопасить западные рубежи страны и с этой целью форсировало выселение оттуда «социально-опасных элементов» и чистку этого региона от беженцев, среди которых евреи составляли 82–84 %. Всего вглубь страны (в основном в Архангельскую область на лесозаготовки) было вывезено около 100 тыс. еврейских беженцев⁵⁰.

Помимо беженцев властям пришлось заниматься и другими проблемами, возникавшими в ходе адаптации к новой жизни более 2 млн. евреев с вновь присоединенных территорий. Почти все они, в отличие от 3 млн. евреев – граждан СССР, имевших за плечами более чем 20-летний багаж советского опыта, ни социально, ни культурно, ни лингвистически не были подготовлены к существованию в условиях Советского Союза; особенно справедлива эта оценка в отношении обитателей местечек, сохранявших приверженность национальному традиционализму и патриархальному быту. Принимая это во внимание, советское руководство пошло на открытие в Западной Белоруссии и на Западной Украине довольно значительного количества еврейских школ, которые, разумеется, стали использоваться и в интересах советизации местного населения. Подверглась реорганизации и сфера высшего образования. В частности, в университетах была отменена введенная Ю. Пилсудским** в 1932 г. «*pimegus clausus*» («процентная норма») для евреев. На новых советских гражд-

* В Литве – 239 500, Латвии – 93 900, Эстонии – 4 400, Бессарабии и Северной Буковине – 325 000 (Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3-х тт. Т. 2. 1940–1959. С. 10; Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Иерусалим, 1991. С. 5, 11).

** Пилсудский (Pilsudski) Юзеф (1867–1935) – польский политический и государственный деятель, первый глава возрожденного польского государства, основатель польской армии, маршал Польши (1920). В 1919–1922 гг. глава («начальник») государства. После осуществленного им в мае 1926 года государственного переворота установил в стране авторитарный режим «санации». – *Прим. ред.*

дан еврейской национальности автоматически распространились и политические права, декларированные в советской конституции. Однако среди 55 депутатов, доизбранных 24 марта 1940 г. от новых территорий в Верховный Совет СССР, евреев вообще не оказалось, хотя их немало проживало в таких крупных городах, как Львов, Гродно, Белосток⁵¹.

Тем не менее, усматривая в событиях 1939–1940 гг. залог грядущего обновления еврейской национальной жизни, известный московский литературовед и руководитель (до 1939 г.) еврейской секции в Союзе советских писателей И. М. Нусинов отмечал, что вхождение западных областей Украины и Белоруссии «должно повлечь там за собой бурное возрождение еврейской культуры, а оттуда это возрождение должно перекинуться сюда (т. е. на восток. – Г. К.)». Чтобы на месте ознакомиться с проблемами еврейства вновь присоединенных территорий, Нусинов вместе со своим преемником из ССП поэтом П. Д. Маркишем, а также с другими еврейскими литераторами – А. Д. Кушнировым, Л. М. Квитко, С. З. Галкиным и И. М. Добрушиным выехал в феврале 1940-го в Белоруссию. В Минске они были приняты первым секретарем ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко. Затем московская делегация отправилась в Белосток. Душой этой поездки был секретарь еврейской секции ССП Белоруссии поэт З. М. Аксельрод, выступавший за активное содействие белорусских властей развитию еврейской культуры в западных областях республики. Свою позицию он мотивировал необходимостью «социалистической перековки» «зараженного мелкобуржуазной психологией» местного еврейского населения. Во многом благодаря его усилиям была учреждена еврейская секция при Институте литературы и языка в Минске, и начала выходить новая газета на идиш «Белостокер штерн», которую он же и редактировал. На беду Аксельрода такая его напористость была истолкована властями как проявление национализма. Поэта арестовали, препроводив в минскую тюрьму, где он был расстрелян вскоре после нападения Германии на СССР⁵².

Возвратившись в Москву, Нусинов и другие побывавшие в Белоруссии литераторы постарались донести информацию о проблемах евреев республики до советских верхов. В частности, было составлено письмо в правительство с просьбой о прекращении выселения в административном порядке польских евреев в северные районы СССР. Тогда же, в начале 1940 г., Нусинов и Маркиш на встрече с заместителем наркома иностранных дел С. А. Лозовским рассказали ему о том, что к евреям Белостока обращаются многочисленные родственники из гетто Варшавы, умоляя помочь им выехать в Советский

Союз. Лозовский вежливо обнадежил визитеров⁵³, хотя вряд ли он был уверен в положительном результате. Ведь этот высокопоставленный чиновник не только был в курсе того, что руководство страны не заинтересовано в оказании помощи евреям «чужим», пусть и оказавшимся под нацистским господством*, но не мог не заметить, что и к «своим» оно с недавних пор стало относиться все более подозрительно. Впрочем, разобраться в последней тенденции ему вряд ли было под силу, ведь причины, ее вызвавшие, носили глубокий системный характер.

Метаморфоза режима: появление элементов антисемитизма

К началу 1930-х гг. в стране сформировался режим единоличной власти Сталина, который для реализации своих авторитарных амбиций во многом использовал такой архимедов рычаг, как теория построения социализма в отдельно взятой стране, идеологически поблекшая установка на мировую революцию отошла на задний план. В 1931 г. Сталин торжественно заявил: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, – у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость»⁵⁴. К концу 1934 г. диктатура Сталина оформилась окончательно.

Происходила кардинальная смена государственных политических приоритетов: вместо утопии революционного космополитизма во главу угла были поставлены приносившиеся ей прежде в жертву национальные интересы страны. Наблюдая за этой исторической метаморфозой извне, Г. П. Федотов отмечал в 1935 г., что «мечта о мировой революции погребена окончательно: политика и идеология Советов вступили в фазу острой национализации»⁵⁵.

Проводя идеологическую перестройку, Сталин, в отличие от Ленина, претендовал не столько на роль всемирного пролетарского вождя (хотя и на нее тоже), сколько национального, стремившегося и политически, и морально подчинить себе все общество, во всем его социальном и национальном многообразии. Одним из главных инструментов в решении этой задачи стала новая национально-го-

* Созданной осенью 1939 г. «советско-германской смешанной комиссией по эвакуации» еврейская проблема вообще не рассматривалась. В подготовленном ею соглашении говорилось о взаимном обмене только этническими русскими, украинцами, белорусами и немцами (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 76–77).

сударственная идеология, выкристаллизовавшаяся в так называемый советский патриотизм.

В интерпретации Сталина патриотическая идея представляла собой нечто эклектичное, амбивалентное, причудливым образом соединившее в единое целое коммунистическую догматику и идею русского исторического величия. Причем из этих двух идейных источников было позаимствовано лишь то, что обеспечивало укрепление милитаризованной чиновно-аппаратной государственности и консолидацию общества вокруг всевластного вождя, и, наоборот, решительно отброшено все, не служившее этой цели. Оказавшийся в изгнании русский философ И. А. Ильин, который как рациональный, умеренный националист полагал, что «безумию левого большевизма Россия должна противопоставить не безумие правого большевизма, а верную меру свободы...», весьма скептически относился к патриотическим «новациям» на родине. Он был глубоко убежден в том, что «патриотизм можно пробудить и расшевелить в людях для того, чтобы он свободно загорелся в них, но навязать его невозможно», поскольку «и самый высший героизм, и самое чистое самоотвержение являются проявлением свободной, доброй воли». По Ильину, «государственная власть, подавляющая свободу человека, строящая все на тоталитарности и терроре, подтачивает свои собственные силы и силы управляемого ею народа» и потому обречена в исторической перспективе⁵⁶.

В 1936 г., через два года после «реабилитации» гражданской истории, Сталин был объявлен «отцом народов» СССР⁵⁷. Объявив о построении в Советском Союзе основ социализма, он предложил в связи с этим обновить конституцию. Выступая 25 ноября на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде Советов, одоббившим проект нового Основного закона, Сталин возвестил о предоставлении всем гражданам равных политических прав независимо от их социального положения (тем самым, помимо прочего, автоматически решалась весьма острая проблема «лишенцев» из числа евреев*), а также заявил о победе «ленинской национальной политики» в СССР, который «есть свободный союз равноправных наций»⁵⁸.

* На рубеже 1920–1930-х гг. почти две трети еврейского населения в местечках бывшей «черты», где традиционными занятиями было ремесленничество и кустарничество, считались «эксплуататорскими элементами», и были лишены избирательного и других прав. В целом на Украине, например, доля «лишенцев» среди евреев составляла 29,1 %, тогда как среди остального населения – 5,4 % (Аманжолова Д. А. «Горячо живу и чувствую...» Петр Гермогенович Смидович. Опыт исторического портрета. М., 1998. С. 273, 276).

На самом деле был принят новый проект национальной государственности, основанной на «теории старшего брата», в которой краеугольным был принцип этнической иерархичности советских народов, во многом детерминированный изначальной статусной неравнозначностью субъектов национальной государственности, составлявших СССР. Суть этой теории состояла в следующем: поскольку русские и по занимаемой ими территории, и по численности занимают в СССР доминирующее положение, а также лидируют в культурно-историческом и экономическом плане, они призваны (как это было и до 1917 г.) исполнять миссию государствообразующего народа, а посему им по праву отводилась роль «руководящей силы Советского Союза»*. В передовице «Правды» от 1 февраля 1936 г. так и провозглашалось: «В созвездии союзных республик первой величиной является Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. И первым среди равных является русский народ». Автором новой национально-государственной доктрины, безусловно, был Сталин, заявивший 7 ноября 1937 г.: «Среди равных наций государств и стран в СССР самая советская, самая революционная – это русская нация»⁵⁹.

Однако отнюдь не любовь к русским заставила Сталина сделать выбор в их пользу. Исходя из того, что этот народ был одной из наиболее многочисленных и великих мировых наций, он прагматически считал его наиболее подходящим для строительства советской империи «материалом», способным, подобно цементу, надежно объединить остальные ее этносы. Другое понимание исторической миссии русских, проявлявшееся, в частности, в отстаивании собственных прав на национальную и культурно-религиозную самобытность, Сталин пресекал решительно и беспощадно.

В сталинской иерархической схеме уровнем ниже русских стояли украинцы, еще ниже – белорусы, затем по нисходящей шли другие народы, имевшие собственную государственность в виде союзных республик, за ними следовали так называемые титульные народы автономных республик и так далее, вплоть до самой нижней ступени этой этнопирамиды, которую занимали экстерриториальные национальные меньшинства, в том числе и евреи, чья территориальная автономия на Дальнем Востоке была скорее символом, чем реальностью. Характерно, что советское сокращение «нацмен» (национальное

* Именно так выразился Сталин 24 мая 1945 г., поднимая тост за здоровье русского народа на приеме в Кремле по случаю победы в Великой Отечественной войне (Правда. 1945. 25 мая).

меньшинство) именно с этого времени стало приобретать уничижительно-пренебрежительный, а в просторечии часто и ругательный смысл. Таким образом, на новом этапе имперского строительства ленинский проект СССР 1922 г. был существенно модифицирован.

Многие советские интеллигенты еврейского происхождения пребывали тогда в растерянности. Некий искусствовед В. Блюм в письме Сталину сетовал на то, что со второй половины 1930-х гг. в советской пропаганде стали проступать черты «старого буржуазного и расистского оборончества»⁶⁰. Он недоумевал, «почему сейчас так много идет разговоров о силе русского оружия в прошлом, которое служило средством закабаления и угнетения других народов»⁶¹.

Радикальное обновление советской национально-государственной доктрины в политически напряженные 1930-е годы объективно было направлено на жизненно важную консолидацию советской полиэтнической империи. Благодаря этому был запущен действовавший на основе русской этнической доминанты механизм языковой гомогенизации многонационального советского общества (свертывание проводившейся в духе интернационального большевизма латинизации языков народов СССР; введение с 1938 г. обязательного изучения русского языка во всех национальных школах Советского Союза*⁶²).

Понимая, что подобные шаги могут быть восприняты нерусской номенклатурой в национальных республиках как проявление великодержавия, Сталин старался хотя бы частично развеять эти опасения. Помимо того, что высший ранг союзной республики дополнительно получили несколько прежде «второразрядных» субъектов советской федерации (Казахстан и др.), политика «коренизации» пусть и в сильно урезанном виде (теперь полностью контролировалась центром), но была сохранена и продолжала действовать, хотя и без прежней пропагандистской помпы. Так что, пытаясь в преддверии новой войны как можно сильнее сплотить вокруг русского центра национальные окраины империи, Сталин, оставаясь «диалектиком», если и усилил роль русскоцентричного этатизма в системе советской государственности, то в пределах, позволявших его контролировать и регулировать. Например, 6 декабря 1940 г. по его настоянию Политбюро распорядилось срочно исправить то «негодное положение»,

* 7 марта 1938 г. Н. К. Крупская написала Сталину записку: «...Мы вводим обязательное обучение русскому языку во всем СССР. <...> Это поможет углублению дружбы народов. Но меня очень беспокоит, как (выделено в тексте. – Г. К.) мы это обучение будем проводить. Мне садается иногда, что начинают показывать немного рожки великодержавный шовинизм: Среди ребят появилось ругательное слово “жид”» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 179).

когда «многие руководящие партийные и советские работники» в союзных и автономных республиках не знают и не изучают языка коренной национальности⁶³.

Поскольку необходимость адекватного пропагандистского ответа СССР на нацистский вызов была более чем очевидной, Сталин активно наращивал усилия партийного аппарата в этом направлении. Причем в содержательном плане акцент делался на всесторонне выигрышном для Советского Союза противопоставлении советского миролюбия и интернационализма таким крайним формам национализма, как германские воинствующий расизм, антисемитизм и шовинизм.

В конце 1936 г. на VIII съезде Советов, вошедшем в историю как грандиозный пропагандистский спектакль под названием «Принятие сталинской Конституции», Молотов впервые в СССР озвучил почти шестилетней давности ответ Сталина на запрос Еврейского телеграфного агентства (США)*. Он также процитировал фрагмент из принятых гитлеровцами в 1935 г. так называемых нюрнбергских расовых законов, по которым «еврей не может быть гражданином Германской империи: лишается права голоса по политическим вопросам: не может занимать государственных должностей». Затем, используя эффект риторического контраста, Молотов торжественно заявил: «Наши братские чувства к еврейскому народу определяют тем, что он породил гениального творца идей коммунистического освобождения человечества и научно овладевшего высшими достижениями германской культуры и культуры других народов – Карла Маркса, что еврейский народ, наряду с самыми развитыми нациями, дал многочисленных крупнейших представителей науки, техники и искусства, дал много славных героев революционной борьбы против угнетателей трудящихся и в нашей стране выдвинул и выдвигает все новых и замечательных, талантливых руководителей и организаторов во всех отраслях строительства и защиты дела социализма. Всем этим определяется наше отношение к антисемитам и антисемитским зверствам, где бы они ни происходили»⁶⁴.

Антифашистский и антинемецкий настрой советской пропаганды усиливался. В области кино, в котором Сталин видел «величайшее средство массовой агитации»⁶⁵. В ряду историко-патриотических игровых лент заметным явлением стал фильм «Александр

* «...Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма. ... Активные антисемиты караются законом СССР смертной казнью» (Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 28).

Невский» (1938 г., режиссер С. М. Эйзенштейн), которому политическим заказом была придана определенная антигерманская направленность. Производились и фильмы, бичевавшие современную ситуацию в Германии (в первую очередь официальный антисемитизм). В качестве литературной основы для них использовались в основном сценарии, написанные немецкими евреями-эмигрантами. В 1938 г. вышла в прокат картина Г. М. Раппапорта «Профессор Мамлок», созданная по сценарию немецкого писателя еврейского происхождения Ф. Вольфа, а в первой половине 1939 г. режиссер Г. Л. Рошаль экранизировал по сценарию Л. Фейхтвангера его роман «Семья Оппенгейм».

Бесспорно, антифашистская пропаганда, развернутая в Советском Союзе, сыграла значительную роль в разоблачении зверского лица германского нацизма. Однако следует иметь в виду, что взаимные пропагандистские пикировки СССР и Германии позволили их руководству скрывать наметившуюся с осени 1938 г. тенденцию к взаимному политическому тяготению. На путь сближения с Германией Сталина во многом толкнуло разочарование в политике западных демократий, наступившее после заключения мюнхенского соглашения с Гитлером. И хотя выступая на XVIII съезде партии он еще продолжал называть страны «оси» «государствами-агрессорами», а их политическое руководство – «фашистскими заправками», острота его критики было направлено уже против Англии и Франции, которых он упрекал в том, что «немцам отдали район Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом»⁶⁶.

Национальный эгоизм и «Realpolitik»*, доминировавшие тогда в межгосударственных отношениях, в значительной мере и породили советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. Санкционировавший его Сталин считал, что действует вполне согласно правилам, установленным «старыми прожженными буржуазными дипломатами» с их циничным лозунгом «политика есть политика», и в духе времени, когда «со слабыми не принято считаться, считаются только с сильными»⁶⁷. Показательно, что У. Черчилль, задававший в то время тон международным отношениям, так позднее оценил предвоенную активность руководства СССР на международной арене: «Если их политика и была холодно-расчетливой, то она была также в этот момент в высокой степени реалистичной»⁶⁸.

* «Realpolitik» – термин, введенный в 1853 г. Л. фон Роху в одноименной книге для обозначения политики, проводимой с позиции силы и ставящей прагматическую выгоду выше моральных принципов.

Однако заключение пакта Молотова-Риббентропа не только существенно скорректировало внешнеполитический курс СССР, но и не могло не сказаться на ситуации внутри страны. Явно под влиянием этого договора соответствующим образом стала перестраиваться советская пропаганда. С осени 1939 г. начали запрещаться печатные издания, кинофильмы, радиопередачи, театральные постановки, обличавшие фашизм или содержавшие антигерманские выпады. Существенный импульс этой кампании был дан выступлением 31 октября на заседании Верховного Совета СССР Молотова, который осудил Англию и Францию за объявление «идеологической войны» гитлеровской Германии⁶⁹ и тем самым дал понять, что существовавший до августа 1939 г. антагонизм между СССР и Германией имел не столько идеологический, сколько межгосударственно политический характер. Именно это выступление главы советского правительства побудило обратиться к нему двух студентов ГИТИСа, сообщивших 13 ноября, что готовящаяся к постановке в Московском еврейском театре пьеса П. Д. Маркиша «Пир» «подставляет национал-социалистскую Германию», так как «не может не вызвать ярость зрителя, в особенности еврейского, против нее». Более того, утверждалось далее, представители Комитета по делам искусств, присутствовавшие на предпремьерном прогоне спектакля, заявили, что постановка – ответ театра на недавние еврейские погромы в Германии. Однако в ходе проведенного по этому «сигналу» расследования ничего крамольного в пьесе, посвященной событиям гражданской войны на Украине, не обнаружилось. Председатель Комитета по делам искусств М. Б. Храпченко сообщил в Кремль, что обвинения, выдвинутые бдительными студентами против сотрудников его ведомства, являются необоснованными⁷⁰. Премьера «Пира» с большим успехом прошла 16 ноября 1939 г., и в тот же день в «Вечерней Москве» даже появился весьма благожелательный отзыв на нее. Вместе с тем другую пьесу того же автора «Клятва», принятую было к постановке на сцене ГОСЕТа, зритель так и не увидел: ее сюжет о тяжелой судьбе еврейской семьи, бежавшей из гитлеровской Германии в Палестину, уж точно мог не понравиться в Берлине⁷¹. Зато 21 ноября 1940 г. в Большом театре в постановке С. Эйзенштейна состоялась премьера оперы Р. Вагнера «Валькирия». Однако на этот явный реверанс Москвы Берлин отреагировал с холодным высокомерием: присутствовавшие на спектакле немецкие дипломаты назвали его «еврейско-большевистским»⁷².

Как показали последующие события, массированная «этнизация» советской внутренней политики и пропаганды, уничтожение в пар-

тии интернационалистского ленинского духа и его носителей, официальная проповедь примиренчества с нацистской идеологией на международной арене, а также свертывание антифашистской пропаганды внутри страны – все это очень скоро обернулось проявлениями в верхах сталинской власти элементов антисемитизма, до поры до времени находившихся под спудом. Уже в начале мая 1939 г. Сталин освободил от обязанностей наркома иностранных дел Литвинова, тяготевшего к союзу с западными демократиями и получившего известность в мире благодаря хлестким антифашистским выступлениям в Лиге наций.

Литвинов глубоко переживал свою отставку. В разговорах с друзьями он резко порицал Сталина «за ограниченность ума, за чрезмерное самомнение... за карьеризм и неограниченную власть... массовые репрессии» и разгневанно предсказывал, что «...история жестоко осудит Сталина за великую ложь и уничтожение кадров»⁷³. Наверняка знавший об этих эскападах Сталин был так уязвлен, что даже подготавливал тайное убийство Литвинова. Однако, видимо, понимая, что подобное чревато крупным международным скандалом, – ведь Литвинов был политиком мировой величины, да к тому же женатым на англичанке, которую, по всей вероятности, также предполагалось устранить в ходе «спецоперации» – Сталин не исполнил свой замысел⁷⁴.

Новым наркоминделом стал председатель СНК СССР Молотов, который потом вспоминал: «...Когда сняли Литвинова, и я пришел на иностранные дела, Сталин сказал мне: “Убери из наркомата евреев”. Слава Богу, что сказал! Дело в том, что евреи составляли там абсолютное большинство в руководстве и среди послов. Это, конечно, неправильно. Латыши и евреи... И каждый за собой целый хвост тащил»⁷⁵.

В результате чистки в НКВДе, начатой еще в 1937-м Н. И. Ежовым и законченной в 1939-м Л. П. Берией и В. М. Молотовым, была репрессирована большая часть его руководящего состава, в который, действительно, входило много евреев⁷⁶. Правда, 13 мая 1939 г. Молотов взял к себе заместителем в НКВД еврея С. А. Лозовского⁷⁷. Но это назначение пришлось на момент, когда официальный антисемитизм только формировался и стало одним из тех последних исключений, которые лишь подтверждали все более закреплявшееся правило. Решение Молотова было продиктовано тем, что он хорошо знал Лозовского еще с дореволюционного времени по совместной подпольной работе в Казани и потому безусловно доверяя ему, считал своим человеком, за что серьезно поплатился после войны.

Немецкая дипломатия весьма благожелательно отреагировала на замену Литвинова. Временный поверенный в делах Германии в СССР В. Типпельскирх в сообщении в Берлин от 4 мая особо отметил, что новый глава НКВД «Молотов (не еврей) считается наиболее близким другом и ближайшим соратником Сталина»⁷⁸. Вспоминая это событие, У. Черчилль акцентировал внимание на той же, отнюдь не мелкой, этнической детали: «Еврей Литвинов ушел, и было устранено главное предубеждение Гитлера. С этого момента германское правительство перестало называть свою политику антибольшевистской и обратило всю свою брань в адрес «плутократий»⁷⁹.

Начавшийся с взаимного дипломатического зондирования политический роман между Москвой и Берлином развивался столь бурно и стремительно, что уже 23 августа в Москву для подписания советско-германского договора о ненападении прилетел германский министр иностранных дел И. Риббентроп. Он был приятно удивлен, когда на приеме в его честь Сталин, предложивший тост за здоровье Гитлера, потом якобы заметил, что «ждет лишь того момента, когда в СССР будет достаточно своей интеллигенции, чтобы полностью покончить с засильем в руководстве евреев, которые пока еще ему нужны»⁸⁰.

Даже если ничего подобного Сталин не говорил, существует множество других свидетельств того, что он явно тяготился тем, что несмотря на «генеральную чистку» 1937–1938 гг., евреи продолжали занимать весьма существенные позиции в советской интеллектуальной и управленческой элите. Однако он не собирался терпеть подобную ситуацию впредь, и для ее изменения стал использовать различного рода уловки. Это достаточно определенно подтвердил впоследствии Л. М. Каганович. Когда примерно в 1939-м тот, будучи наркомом путей сообщения, представил в Кремль список кандидатов на руководящие должности в своем ведомстве, Сталин из-за обилия в нем еврейских фамилий его забраковал, сославшись на следующее наставление Ленина: «Товарищ Сталин! Запомните раз и навсегда и зарубите себе на носу, батенька: если у вас начальник – еврей, то зам. непременно должен быть русским! И наоборот!»⁸¹.

В данном случае Сталин, несомненно, лукавил. Советовать подобное на заре советской власти Ленин мог только опасаясь роста и без того сильного тогда общественного антисемитизма. Тогда как Сталин, вспомнив об этом эпизоде двадцатилетней давности, отказал Кагановичу уже по другой причине: не потому, что не желал спровоцировать взрыв антиеврейских настроений, что исключалось полностью в обществе, пребывавшем к тому времени под тотальным контролем, просто он считал, что на «высокие посты надо допускать в ос-

новном русских, украинцев и белорусов» (мнение В. М. Молотова⁸²) и по причине все более усиливавшегося недоверия к евреям. Об этом писала дочь Сталина: «Правда, в те годы (предвоенные. – Г. К.) он (Сталин. – Г. К.) еще не высказывал свою ненависть к евреям так явно, – это началось у него позже, после войны, но в душе он никогда не питал к ним симпатии»⁸³.

Исходившие от вождя новые национально-кадровые веяния быстро проникали в высшие номенклатурные сферы. Показательно в этой связи свидетельство Густава Вехтера, высокопоставленного эсэсовца, направленного осенью 1939 г. на новую советско-германскую границу для решения вопросов о беженцах. Однажды он разоткровенничался с советским уполномоченным В. С. Егнарным* на тему о том, что рейх быстрее очистился от евреев, если бы Советская Россия более активно принимала беженцев. Такой способ избавления от представителей нежелательной национальности не вызвал энтузиазма у советского представителя, который в ответ заявил: «Мы у себя найдем другие способы устранения евреев»⁸⁴.

Даже если усомниться в достоверности этих личных свидетельств, существует еще и такой объективный и надежный источник, как архивные материалы Секретариата и Оргбюро ЦК ВКП(б). А из документов этих органов, ведавших назначением и перемещением руководящих кадров, видно, что примерно с 1938 г. в святая святых партии – аппарате ЦК прекращаются кадровые назначения чиновников еврейского происхождения, а с конца того же года, то есть с началом советско-германского сближения, оттуда исподволь стали устранять евреев, уцелевших после «большого террора». Причем увольняли их под благовидными предлогами, и, как правило, с последующим трудоустройством на менее значимые, но относительно престижные должности в наркоматы и другие государственные учреждения, откуда, впрочем, их через несколько лет «смыло» следующей более мощной волной чисток по «пятому пункту»⁸⁵.

Эта тенденция в кадровой политике Кремля заметно усилилась после заключения советско-германского пакта и продолжала развиваться в дальнейшем. Видимо, сказывалось желание Сталина на деле опровергнуть расхожий штамп геббельсовской пропаганды об СССР как об «иудейско-коммунистическом царстве». Существовали и побудительные причины, так сказать, внутреннего порядка, вызванные прогрессирующей личной юдофобией Сталина.

* Из органов МВД Егнарн был уволен в чине генерал-майора в июле 1956 г.

Свою роль (идейную и психологическую) сыграли и предпринятая Сталиным коренная государственно-патриотической перестройка идеологической сферы, и политика «большого террора», который, не будучи антисемитской акцией, тем не менее, устранил из высшего и среднего слоев советской номенклатуры (от членов ЦК партии, наркомов и завотделами ЦК до начальников главков и отделов в наркоматах и директоров предприятий и их заместителей) достаточно много евреев, сделавших карьеру в благоприятные для них первые послереволюционные и 1920-е гг. Правда, в ЦК ВКП(б), который в марте 1939-го состоял из 71 члена, количество евреев по сравнению с февралем 1934-го даже возросло с 10 до 11⁸⁶. Однако того же нельзя сказать о динамике еврейского участия в работе высших органов представительной власти. Так, если в 1935 г. среди избранных в ЦИК СССР 608 членов было 98 евреев (16 %), то в сформированном в конце 1937 г. Верховном Совете СССР, на 1143 депутатов, их оказалось всего 47 (4 %)⁸⁷. Много евреев выбыло в предвоенные годы и из советского министерского корпуса. Были расстреляны такие руководители союзных наркоматов и комитетов, как М. Д. Берман (связи), А. Д. Брускин (машиностроения), И. Я. Вейцер (внутренней торговли), Г. Н. Каминский (здравоохранения), И. М. Клейнер (комитет по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК СССР), М. И. Калманович (зерновых и животноводческих совхозов), А. З. Гишинский (пищевой промышленности), А. П. Розенгольц (внешней торговли), М. Л. Рухимович (оборонной промышленности), Б. З. Шумяцкий (комитет по делам искусств), Г. Г. Ягода (внутренних дел). Тогда же были сняты с постов такие союзные наркомы еврейского происхождения, как Н. М. Анцелович (лесной промышленности), Б. Л. Ванников (вооружения), С. С. Дукельский (морского флота), М. М. Каганович (авиационной промышленности)⁸⁸.

Не миновали испытания и руководителя рыбной отрасли жену Молотова П. С. Жемчужину (Карповскую), единственную тогда в СССР женщину-наркома. Правда, во время «большого террора» она не пострадала. Напротив, в ноябре 1937-го стала заместителем наркома пищевой промышленности, а в 1938-м возглавила этот наркомат. На XVIII съезде партии Жемчужину избрали кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Это был пик ее карьеры, после чего та пошла на спад. Летом 1939 г. НКВД обнаружил в союзном наркомате рыбной промышленности, который она тогда возглавляла, массу «вредителей» и «саботажников» и раскрыл целую сеть «немецкой агентуры». 10 августа этот вопрос был вынесен на рассмотрение

Политбюро, которое «за проявленную неосмотрительность и неразборчивость в отношении своих связей (в силу чего в окружении тов. Жемчужиной оказалось немало враждебных шпионских элементов)» признало необходимым «предрешишь» ее освобождение от поста наркома «в порядке постепенности». Отставка состоялась 21 октября, причем тогда же было объявлено о непричастности Жемчужиной к преступной деятельности, что позволило ей спустя месяц занять менее значимый пост начальника главного управления текстильно-галантерейной промышленности наркомата легкой промышленности РСФСР⁸⁹.

То, что с Жемчужиной обошлись относительно мягко, было в значительной мере заслугой Молотова – второго человека в государстве. В начале 1941 г., когда на XVIII Всесоюзной партконференции Сталин предложил вывести Жемчужину из кандидатов в члены ЦК ВКП(б), Молотов, вновь встав на защиту жены, демонстративно воздержался при голосовании по этому вопросу. Но его демарш, разумеется, ничего не решал: Жемчужину лишили статуса кандидата в члены ЦК, кстати, одновременно с ней из этого партийного ареопага изгнали и М. М. Литвинова⁹⁰.

Отставки Жемчужиной и Литвинова, конечно, еще не были проявлением кадрового антисемитизма, но подобные, этнически маркированные действия власти ее, несомненно, подготовляли. На рубеже 1930–1940-х гг. феномен официального антисемитизма находился в стадии вызревания. Во внутренней политике государства давали о себе знать пока его отдельные элементы. Однако очень скоро это превратилось в систематическую этночистку, благо уже существовал мощный социальный слой, который видел в ней свой жизненно важный интерес. Речь идет о новой аппаратной генерации, состоявшей в основном из относительно молодых людей, вышедших из российских рабоче-крестьянских низов и приобщившихся к большевизму уже после смерти Ленина (так называемый «ленинский призыв»), то есть, главным образом, во второй половине 1920-х, в период всплеска в обществе массового бытового антисемитизма. Сознание их не было обременено ортодоксальным коммунистическим интернационализмом, как, впрочем, и вообще какой-либо идейностью. Романтическому идеализму старших товарищей эта аппаратная генерация противопоставила цинизм и беспринципность парвеню. Пробившись наверх на волне «большого террора» и пройдя сталинскую школу аппаратного выживания, многие молодые управленцы пропитались духом конформизма и готовы были на многое ради карьерного успеха и сопутствовавших

ему материальных благ*. Если в 1930 г. почти 70 % секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий были партийцами с дореволюционным стажем, то в 1939 г. эти посты более чем на 80 % были «укомплектованы» лицами, вступившими в партию после смерти Ленина, а среди секретарей райкомов и горкомов таких уже было более 9 %⁹¹. К этому времени завершилось сращивание партийной и государственной бюрократии и образования прочно слитого единого номенклатурного слоя чиновничества. Вспоминается сделанное еще в 1927-м следующее пророчество известного монархиста-антисемита В. В. Шульгина: «Власть есть такая же профессия, как и всякая другая. Если кучер запьет и не исполняет своих обязанностей, его прогоняют. Так было и с нами: классом властителей. Мы слишком много пили и пели. Нас прогнали. Прогнали и взяли себе других властителей, на этот раз “из жидов”. Их, конечно, скоро ликвидируют. Но не раньше, чем под жидами образуется дружина, прошедшая суровую школу. Эта должна уметь властвовать, иначе ее тоже “избацают”»⁹².

Если Сталин был вдохновителем и мозгом новой («этнизированной») номенклатурной политики, то ее аппаратным сердцем являлся образованный в 1934 г. отдел руководящих партийных органов (ОРПО), с февраля 1936 г. возглавлявшийся Г. М. Маленковым. Еще будучи заместителем заведующего этого отдела, он, чутко уловив исходившие из Кремля государственно-патриотические веяния, ввел в 1935 г. в аппарате ЦК новую форму учета номенклатурных кадров – «справку-объективку» с ранее игнорировавшейся графой «национальность»**. И очень скоро та по степени важности стала прибли-

* В. С. Гроссман так описал «новый тип партийных работников, пришедших на смену партийцам, ликвидированным либо отстраненным и оттесненным в 1937 году»: «Это были люди... иного склада. Они читали иные книги и по-иному читали их, – не читали, а “прорабатывали”. Они любили и ценили материальные блага жизни, революционная жертвенность была им чужда либо не лежала в основе их характера. Они не знали иностранных языков, любили в себе свое русское нутро, но по-русски говорили неправильно, произносили: “прóцент”, “пинжак”, “Бёрлин”, “выдающий деятель”. Среди них были умные люди, но, казалось, главная, трудовая сила их не в идее, не в разуме, а в деловых способностях и хитрости, в мещанской трезвости взглядов» (Гроссман В. С. Жизнь и судьба. М., 1990. С. 584).

** Поскольку эта графа в официальных кадровых документах (анкетах, личных листках по учету кадров и др.) значилась под № 5, возникавшие у евреев сложности с работой и получением образования в обыденности стали именовать проблемами «пятого пункта», или с сарказмом называть «инвалидностью пятой группы».

жаться к такому главному начиная с 1917 г. анкетному пункту, как «социальное происхождение». Интенсивная «национализация» кадровой работы шла и в государственных учреждениях. Циркуляром НКВД СССР № 65 от 2 апреля 1938 г. в паспортах, свидетельствах о рождении, других официальных документах, выдававшихся органами ЗАГСа, национальность граждан стала записываться не произвольно, по желанию самих граждан, – как практиковалось после введения паспортов в 1933 г., – а на основании идентифицировавших этничность бумаг (копий метрических записей и т. д.). В годы войны советские паспорта по воле нацистов сыграли зловещую роль: гитлеровцы использовали их на оккупированных территориях для выявления и последующего уничтожения евреев⁹³.

Формируя «под себя» в 1937–1938 гг. костяк цековской команды, Маленков принял на работу в ОРПО Н. Н. Шаталина, П. К. Пономаренко, С. Н. Круглова, Г. М. Попова, В. М. Андрианова и других чиновников, занявших со временем высокие посты в партийно-государственном аппарате. Характерно, что все они, став кто-то секретарем ЦК, а кто-то министром, ушли потом в политическое небытие одновременно с их покровителем.

Весьма показателен один документ, рожденный в недрах ОРПО в конце 1938 г. Это справка «О засоренности аппарата Наркомздрава СССР» от 27 ноября, в которой впервые в практике работы аппарата ЦК к «не заслуживающим политического доверия» явно по этническому признаку причислили группу медработников, преимущественно евреев. Видимо, чтобы не возникло сомнений в том, что именно позволяет подозревать этих людей, якобы виновных в кадровом неблагополучии в медицинском ведомстве, рядом с их фамилиями уточнялось: «еврей», «еврейка»⁹⁴.

Одним из авторов этого примечательного документа был ответственный организатор ОРПО Б. Д. Петров, которого вскоре повысили до заведующего отделом здравоохранения. Грубые выходки этого высокопоставленного чиновника вызвали впоследствии поток жалоб в ЦК от евреев-медиков. В одной из них (от 19 июня 1944 г.), адресованной Маленкову говорилось, например, о том, что Петров устроил настоящий разнос партийному секретарю Центрального онкологического института, обвинив его в создании «еврейской партийной организации»⁹⁵.

Положение Маленкова еще более укрепилось, когда в марте 1939 г. его избрали секретарем ЦК и назначили начальником вновь образованного на базе ОРПО управления кадров (УК) ЦК – мощной, состоявшей из 47 отделов, структуры, ведавшей в масштабах страны всеми

назначениями, перемещениями и увольнениями в руководящих слоях советского чиновничества – от наркомов до директоров промышленных предприятий и совхозов. Именно УК явилось своеобразным генератором тайно нагнетавшегося аппаратного антисемитизма.

Если Маленков стал одной из главных опор Сталина в партии, то на аналогичную ключевую позицию в госаппарате выдвинулся Л. П. Берия. Вместе они составили технократический партийно-государственный властный тандем, который, следуя воле Сталина, сыграл, пожалуй, одну из главных ролей в подготовке универсальной чистки по «пятому пункту».

Когда в ноябре 1938 г. Берия возглавил НКВД, он первым делом подверг остракизму старые руководящие кадры, среди которых было немало евреев. В результате, если в период с 1 января 1935 г. по 1 января 1938 г. представители этой национальности возглавляли более 50 % основных структурных подразделений наркомата, то к 1 января 1939 г. – только 6 %⁹⁶. Правда, подобного рода кадровое «освежение» чекистских рядов происходило и ранее и особенно интенсивно – после замены в сентябре 1936 г. Ягоды Ежовым на посту наркома внутренних дел. К 1 января 1938 г. из органов убыло 5229 оперативных сотрудников (в том числе 1220 – в результате арестов), на их место приняли 5359 чел.⁹⁷ Хотя эта «ротация» не имела специальной антиеврейской направленности, среди уволенных и арестованных чекистов было довольно много евреев, что объяснялось их высокой концентрацией в спецслужбах*, куда представителей нацменьшинств охотно брали вплоть до конца 1920-х гг.

Откровенно этническую тональность этой «чекистской чистке» в мае 1938 г. придало специальное указание ЦК ВКП(б) об удалении из органов сотрудников, имевших родственников за границей и происходивших из «мелкобуржуазных» семей. И поскольку таковых было особенно много среди евреев, это создало вокруг них атмосферу подозрительности, провоцировало антисемитские настроения в чекистской среде. По этой причине появившееся негласное указание о первоочередном отстранении неблагонадежных (из-за родственных связей с заграницей) нацменов от оперативных должностей в НКВД очень часто трактовалось (особенно на местах) как директива, распространявшаяся на всех евреев. Именно так произошло на Украине, что, конечно, не было случайностью: именно там в годы Гражданской

* По данным на 1 марта 1937 г. только в областных УНКВД служили 1776 евреев, или 7,6 % от всех работавших там сотрудников (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 109).

войны отмечался самый сильный всплеск погромного антисемитизма. Нарком внутренних дел Украины А. И. Успенский распорядился без околичностей: «Евреев из аппарата НКВД убрать!»⁹⁸ Еще раньше, в марте 1938 г. он сообщил Ежову, что в республике удалось «вскрыть» «сионистское подполье», которое якобы «использовалось для шпионской работы немецкой и польской разведками», «насадившими» «свою многочисленную агентуру в рядах ВКП(б), органах НКВД и советском аппарате». Как рапортовал Успенский, был арестован 831 участник сионистских шпионских организаций. А всего в СССР в 1938 г. были взяты под стражу 1926 «сионистов» (по классификации НКВД)⁹⁹.

С приходом Берии чистка кадров в системе НКВД получила как будто второе дыхание. За 1939 г. из органов госбезопасности было уволено 7372 оперативных сотрудника (22,9 % от общего состава). В то же время на оперативно-чекистскую работу было принято 14506 человек, в том числе 11062 – по партийно-комсомольским путевкам. В этот период наряду с Ежовым были расстреляны и некоторые его бывшие заместители из числа евреев: Я. С. Агранов, М. Д. Берман, Л. Н. Бельский, С. Б. Жуковский. Однако от них избавлялись не как от представителей нежелательной национальности, а как от креатуры бывшего наркомвнудела. Это подтверждается хотя бы тем, что и при Берии в руководстве НКВД продолжало пребывать немало евреев: начальник главного транспортного управления С. Р. Мильштейн, начальник главного управления лагерей и железнодорожного строительства Н. А. Френкель, начальник Главгидростроя Я. Д. Рапопорт, начальник управления военного снабжения войск НКВД А. А. Вургафт и др. И среди представленных Берией в июне 1941 г. к награждению орденами за ликвидацию в Мексике Троцкого (операция «Утка») также были еврей Н. И. Эйтингон и караим* И. Р. Григулевич. Кроме того, на начало 1940 г. в центральном аппарате НКВД продолжало работать 189 евреев (5 %)¹⁰⁰. К полному их удалению из органов госбезопасности приступили с начала 1950-х гг., когда аппаратная чистка с антисемитским уклоном достигла кульминации (об этом в главе 4).

Создание долговременного политического союза Маленков–Берия обуславливалось не столько их властными амбициями, сколько необходимостью взаимопомощи в борьбе за самовыживание в условиях непредсказуемой единоличной диктатуры Сталина, который,

* Этнические турки, исповедующие неравинистский иудаизм и не признающие Талмуда.

осознав незадолго до смерти, какую угрозу его власти таит в себе этот тандем, тщетно пытался его разрушить. Однако в 1939 г. вождь не мог всего этого предвидеть, полностью доверяя Маленкову и Берии. 3 мая Сталин назначил их – наряду с Молотовым – ответственными за наведение «порядка» в НКВД. Особую ретивость в проведении этого с антисемитской подоплекой мероприятия (см. выше) проявил первый заместитель Маленкова Н. Н. Шаталин, руководивший в УК отделом дипломатических кадров. Вскоре он сам возглавил один из отделов ЦК, что способствовало эскалации антисемитизации центрального аппарата партии¹⁰¹.

В значительной степени этот недуг поразил и управление пропаганды и агитации ЦК (УПиА), образованное, как и УК, решением XVIII съезда ВКП(б). Однако на первых порах оно, продолжая находиться в ведении Жданова, мало чем отличалось от старого Агитпропа. Это объяснялось тем, что Жданов и его креатура в Агитпропе*, придерживаясь умеренной партийно-идеологической линии, делали упор на пропаганде советского патриотизма, причем с ощутимым «привкусом» ленинского интернационализма, а не на возрождении традиций русской великодержавности. Однако в условиях, когда другие страны, стремительно скатывавшиеся в пучину новой мировой войны, все решительней делали ставку на шовинизацию пропаганды, такой «межеумочный» идеологический курс не мог удовлетворить Сталина. Его тревожило и то, что Жданов, возглавлявший Ленинградскую партийную организацию и часто болевший, подолгу не бывал в Москве и потому не мог эффективно руководить пропагандой. Тем временем Политбюро, утвердив 4 августа 1938 г. новую структуру Агитпропа, дало зеленый свет его превращению в мощное идеологическое ведомство. Поскольку эта задача Жданову была явно не по плечу, наладить работу нового партийного министерства пропаганды Сталин поручил Г. Ф. Александрову, этому наиболее яркому представителю новой плеяды карьерных партийных идеологов. В новом УПиА с подачи Маленкова он не только возглавил отдел пропаганды, но и был назначен заместителем Жданова. Однако роль троянского коня Маленкова в ждановской епархии Александров играл недолго. Уже 6 сентября 1940 г. Политбюро утвердило его новым начальни-

* П. Н. Поспелов, назначенный заместителем заведующего Агитпропом еще в октябре 1937 г., а в августе 1939 г. – первым заместителем начальника УПиА; Д. А. Поликарпов, возглавивший тогда же отдел культурно-просветительных учреждений УПиА, а ранее работавший заведующим областным отделом народного образования в Ленинграде; А. А. Пузин, занявший пост заведующего отделом агитации УПиА.

ком УПиА, а отставленному от этой должности Жданову поручалось не совсем понятное «наблюдение за управлением пропаганды», из которого был также удален Поспелов (стал редактором «Правды»), а потом (летом 1941 г.) и Поликарпов, назначенный председателем радиокомитета. Еще раньше, в конце февраля 1940 г., другой ставленник Жданова П. А. Тюркин был снят с должности наркома просвещения РСФСР, что также свидетельствовало об усилении в духовно-идеологической сфере влияния маленковско-щербаковской группировки. Свообразным показателем новых антисемитских веяний в верхах является тот факт, что Тюркину наряду с массовым «избиением» кадров Наркомпроса (изгнал оттуда более 400 работников) было поставлено в вину покровительство врагам народа с еврейскими фамилиями – Герцовичу и Шифрину, «пригретым» на постах руководителей отдела руководящих кадров и управления детских домов Наркомпроса соответственно¹⁰².

Новым наркомом просвещения стал В. П. Потемкин. Если иметь в виду продолжавшуюся тогда перестройку идеологии в духе традиционной для России государственности, это назначение можно считать симптоматичным. Потемкин был выходцем из среды старой московской профессуры. До революции преподавал в гимназиях, а в 1919 г. примкнул к большевикам. Будучи начальником политуправления Южного фронта, познакомился и сблизился со Сталиным – членом реввоенсовета этого фронта. Поруководив по окончании гражданской войны короткое время губернским отделом образования в Одессе, Потемкин был отозван в Москву и направлен на дипломатическую работу (был генконсулом в Стамбуле, полпредом в Греции, Италии и Франции). В 1937-м возвратился в Москву, став первым заместителем наркома иностранных дел. Показательно, что, возглавив Наркомпрос, Потемкин стал вводить в советской школе хорошо знакомые ему еще с дореволюционных времен гимназические порядки (подготовил постановление Политбюро от 17 июля 1943 г. о введении отдельного обучения в школах по половому признаку).

Между тем, осваиваясь в роли главы УПиА, Александров стал избавляться от оставшихся в этом управлении немногочисленных сотрудников еврейской национальности. Параллельно он за несколько месяцев полностью приспособил вверенное ему пропагандистское ведомство к выполнению самой «актуальной» задачи – канализации нагнетавшегося сверху «нового национализма» в русло практических действий. Красноречивым подтверждением тому могут служить хотя бы события, развернувшиеся вокруг академического Института мирового хозяйства и мировой политики (ИМХиМП). Все началось

с того, что 7 февраля 1941 г. заместитель директора этого института А. Ф. Бордадын направил Сталину письмо, в котором выражал тревогу по поводу нездоровой кадровой обстановки в ученом коллективе, возникшей вследствие семейственности, насаждавшейся другим заместителем руководителя института Р. С. Левиной. Он сообщал, что последняя имела «очень сильное влияние» на директора института Е. С. Варгу и в свое время поддерживала тесные связи с «врагом народа» К. Б. Берманом-Юриным, расстрелянным в 1936 г. по делу Зиновьева-Каменева. Таким образом, наряду с Левиной удар косвенно наносился и по Варге, весьма авторитетному ученому, возглавлявшему передний «фронт» экономической науки, то есть котировавшемуся наравне с М. Б. Митиным в марксистско-ленинской философии или Т. Д. Лысенко в мичуринской биологии. Путь происходившего из венгерских евреев Варги к номенклатурным вершинам советской науки был сложным, хотя и логичным для человека, увлекшегося в юности идеей революционного насаждения социальной справедливости. После падения Венгерской советской республики, в правительстве которой Варга занимал посты наркома финансов и председателя ВСНХ, он вынужден был покинуть родину и эмигрировать в Советскую Россию, где был тепло встречен Лениным и направлен на работу в Коминтерн, а в 1927 г. возглавил ИМХиМП, входивший в систему Коммунистической академии.

И вот теперь ему, продолжительное время консультировавшему по экономическим вопросам Сталина и в 1939 г. избранному действительным членом АН СССР, надо было как-то противостоять скандалу, затеянному его заместителем, «сигнал» которого в Кремль, как оказалось, был дебютом разрастающейся, как снежный ком, многоходовой интриги.

1 марта 1941 г. на имя Берии был направлен новый донос на руководство института. Его автор, аспирант Бордадына А. И. Турмилов, ответственность за «затхлую атмосферу семейственности и круговой поруки в институте» прямо возложил на Варгу, который де окружил себя «своими людьми, злоупотребляющими его доверием и авторитетом». Разобраться с дразгами в ИМХиМП было поручено Агитпропу. И вот, как бы соревнуясь с Александровым в новомодной национально-кадровой бдительности, его заместители Д. А. Поликарпов и А. И. Маханов 11 апреля доложили «наблюдавшему» за управлением пропаганды и покровительствовавшему им Жданову о результатах проведенной в ИМХиМП проверки. Вскользь касаясь «совершенно неудовлетворительной» научной деятельности института (руководство и научные сотрудники, оказавшись «целиком

в плену буржуазной статистики», приукрашивали экономическое и социальное положение в Германии и других капиталистических странах), ревизоры из Агитпропа главным упущением сочли неблагополучие в кадровых делах. И хотя о «еврейском засилье» прямо не говорилось, антисемитский подтекст записки, подготовленной по результатам проверки, был очевиден. Пожалуй, впервые в документе ЦК в качестве причины плохой работы инспектировавшегося учреждения был назван «недостаточно русский» национальный состав его работников. Вот как конкретно проявился этот новый для Старой площади национальный пафос: «...В институте лишь незначительная часть должностей, как правило, второстепенных, замещены русскими людьми. Так, из 68 старших научных сотрудников русских только 20 человек. Из 16 референтов – пять человек, из 13 аспирантов – четыре человека. Особенно неблагополучно обстоит дело с руководящими кадрами института. Из 15 человек руководящих кадров: восемь человек по социальному происхождению торговцы, четверо – выходцы из других партий, один исключался из партии, четверо имеют близких родственников за границей. Среди руководящих работников (дирекция, заведующие секторами) – только два человека русских...»

Ревизоры из Агитпропа потребовали «решительно очистить кадры института от бездельников и не заслуживающих политического доверия, и направить туда группу свежих, молодых и способных работников». Далее следовал возглавлявшийся Левиной список (целиком состоял из еврейских фамилий) сотрудников, подлежащих увольнению. Однако весьма прозрачный намек авторов записки на доминирование евреев в ИМХиМП Жданов воспринял сдержанно. Возможно, ему претило ввязываться в сомнительную, отдающую антисемитским духом, кадровую чистку. К тому же в условиях стремительного нарастания угрозы войны с Германией попытка развернуть борьбу за национальную чистоту кадров советской экономической науки выглядела явно несвоевременной. По распоряжению Жданова записка подверглась существенной переработке. В ее новой редакции, разосланной 12 мая всем секретарям ЦК, уже не было назойливого перечисления еврейских фамилий, а упор был сделан на такой, более актуальный момент, как «некритическое» использование сотрудниками ИМХиМП «пропагандистских материалов фашистской печати о военно-экономической мощи Германии», что интерпретировалось как популяризация «распространяемой фашистской пропагандой легенды о непобедимости германской армии». Тем самым становившаяся с каждым днем все более реальной угроза большой войны па-

радоксальным образом перечеркнула рожденный в аппарате ЦК план антиеврейской чистки в институте Варги.

Благодаря этому причудливым манером восторжествовала справедливость: в принятом 29 мая постановлении главным виновником упущений в работе ИМХиМП был назван инициатор скандального разбирательства Бордадын, а его статья «Организация военного хозяйства в Германии» была осуждена за «восхваление» «фашистской четырехлетки, объявленной в Германии в 1936 г.»¹⁰³.

Несмотря на вроде бы благополучный исход (не финал!), дело ИМХиМП, в которое оказались непосредственно вовлеченными такие номенклатурные иерархи, как Сталин, Жданов, Берия, Маленков, Щербаков, тем не менее, наряду с другими фактами (отмечены выше), свидетельствовало о том, что в своем развитии антисемитизм советских верхов постепенно созревал до масштаба государственной политики. Этот вывод подтверждает последующее развитие этой истории. Оказалось, что в Агитпропе на ней вовсе не собирались ставить крест. Весной 1943 г. Александров подготовил на имя Сталина новую записку и проект постановления ЦК о «неблагоприятном» положении в институте. В этих документах подчеркивалось, что штат института заполнен «политически сомнительными иностранцами – людьми немецкого языка (немцы, венгры, немецкие и венгерские евреи): из 44 старших научных сотрудников русских всего 6 человек: в составе руководящих кадров нет ни одного русского ученого». Предлагалось сместить Варгу с поста директора института и назначить вместо него В. П. Потемкина. Кроме того, вновь ставился вопрос об устранении Левиной с должности заместителя руководителя. Однако и на сей раз, в разгар войны, прагматик Сталин не пошел на кадровую перетряску в авторитетном научном коллективе. И только весной 1945 г. чиновникам ЦК удалось взять частичный реванш: тогда их усилиями Левина была выведена из руководства ИМХиМП¹⁰⁴.

Говоря о формировании и становлении советской ИЕП в период со второй половины XIX века (когда, собственно, появилась протечка данного феномена – русско-еврейская интеллигенция) до начала 1940-х гг., следует обратить внимание на главное: этот процесс протекал в бурную и противоречивую историческую эпоху, в стране, переживавшей кровавые катаклизмы в виде революций, войн, политических репрессий, осуществлявшей коренные масштабные преобразования всех сфер своей жизнедеятельности – от политико-идеологической и социально-экономической до национально-культурной

и бытовой. Но основной исторической вехой стал Октябрь 1917-го, когда на обломках старой России началось созидание нового, советского государства. Именно это судьбоносное событие поделило период генезиса исследуемого нами социального феномена на два этапа. Применительно к первому из них («протоэтапу»), охватывающему вторую половину XIX и 17 лет XX столетий, можно говорить о так называемой старой русско-еврейской интеллигенции. В количественном отношении это была относительно малочисленная социально-культурная группа, объединявшая лиц «свободных профессий», причем, отнюдь не всех, а входивших в русский интеллектуальный социум. Тогда как основная масса еврейства – дискриминированного в правовом отношении, находившегося под погромным «прессингом» и понуждаемого этим, а также экономическими причинами к массовой эмиграции, – проживала этнически обособленно в губерниях черты еврейской оседлости и потому лишь в незначительной степени подверглась аккультурации и ассимиляции. Несмотря на свою относительную малочисленность, старая русско-еврейская интеллигенция, тем не менее, всего за несколько десятилетий сумела внести весомый вклад в развитие культуры, науки, техники, искусств, литературы в нашей стране. К сожалению, многие ее выдающиеся деятели, разделяя общую трагическую судьбу, постигшую российский образованный слой в 1917 г., вынуждены были эмигрировать.

Следующий этап генезиса ИЕП, начавшийся с установления в России советской власти и завершившийся к концу 1930-х гг., стал основным в этом процессе. Оказавшись в погромное лихолетье Гражданской войны на грани выживания, российское еврейство в массе своей поддержало коммунистов, за чей проект социального переустройства бывшей царской империи (в отличие от соответствующей альтернативы белогвардейцев) выступило подавляющее большинство населения страны, прежде всего русских. Благодаря решительной борьбе с антисемитизмом и реализации декларированного равноправия нацменьшинств советская власть обрела в еврейской бедноте социальную опору и надежного союзника. Между тем, отмена «черты оседлости», других прежних дискриминационных ограничений повлекла масштабную миграцию евреев в крупные города европейской России, что способствовало их массовой ассимиляции. При этом наблюдался существенный рост социального напряжения в обществе, что обуславливалось тем немаловажным обстоятельством, что если до революции вхождение еврейства в русскую культуру и элиту (то есть формирование русско-еврейской интеллигенции) было постепенным и количественно ограниченным,

то при большевиках этот процесс стал лавинообразным, а значит и более болезненным, вызвавшим в 1920-х гг. всплеск массовой бытовой юдофобии. Собственно, такая массовая и ускоренная ассимиляция и главным способом решения еврейского вопроса советскими вождями, которые еще до революции теоретически обосновали этот выбор как объективно обусловленный и единственно правильный. Причем, в качестве пропагандистского прикрытия были выдвинуты лозунги расцвета «пролетарской» идишитской культуры (альтернативной сионистской «буржуазной» ивритской культуре) и создания еврейской «социалистической нации». Вот почему власть поначалу активно сотрудничала с идишитскими культуртрегерами, в поддержке которых перестала нуждаться после создания ЕАО на Дальнем Востоке. Более того, объявив тогда об успешном решении в СССР еврейского вопроса, усмотрела в них силу, препятствующую дальнейшей ассимиляции евреев. Не случайно в годы «большого террора», когда политические репрессии приобрели в том числе и этнический характер («национальные операции» против поляков, финнов и других нацменьшинств), «идишиты» также стали преследоваться. Причем эти интеллигенты пострадали не из-за своего национального происхождения и не от официального антисемитизма, а по преимуществу как заподозренные в пособничестве «буржуазным националистам» из числа тех же поляков, финнов, немцев и других нацменьшинств, которые стали восприниматься в верхах как «пятая колонна» сопредельных враждебных государств. Впрочем, было репрессировано и немало не связанных с идишитской культурой русско-еврейских интеллигентов, главным образом из числа партийно-государственных функционеров. Причиной тому опять же была не этничность, но принадлежность к номенклатуре, подвергшейся универсальной чистке. Элементы антисемитизма как системный фактор стали проявляться позднее, в период спада волны политического террора, в условиях стабилизации режима.

С момента прихода большевиков к власти до начала 1940-х гг. в «еврейской политике» большевиков прослеживаются два принципиально отличных друг от друга периода, социально-политические и этнокультурные параметры которых были заданы общим вектором эволюции государства и общества в СССР. На первом (1917–1935) власть преимущественно покровительствовала евреям – и как дискриминированному при царизме нацменьшинству, и как поддерживавшему в большинстве своем советизацию страны – но не всем, а только тем, кто, отрекшись от «буржуазного» и культурно-традиционалистского прошлого (иудаизма, иврита и т. п.), вступал в новую

жизнь в качестве «совслужащего», «народного интеллигента» или просто «трудящегося». Бурно протекавшие ассимиляционные процессы власть хотя и всемерно поддерживала, но не форсировала, более того, спонсировала развитие «пролетарской» идишитской культуры, считая ее переходным этапом к денационализации.

Для второго периода «еврейской политики» (с 1936 г.) было характерно превалирование «русскоцентристской» ассимиляционной тенденции, что привнесло во власть к 1939 г. элементы антисемитизма. Отказ от ленинской интернационалистской парадигмы, интенсивная «этнизация» режима, сопровождавшаяся проведением массовых репрессий против нацменьшинств, были главными факторами возникновения верхушечного антисемитизма.

Следующей по степени важности предпосылкой расширения и укоренения антисемитских настроений в верхах стала примененная сталинским руководством технология манипулирования аппаратной бюрократией посредством подспудного антисемитизма. Это sporadически и ограниченно практиковалось еще в пору борьбы с партийной оппозицией, среди которой находилось немало ассимилированных еврейских интеллигентов, однако особенно явно заявило о себе в 1937–1938 гг. Во время «большого террора» с ленинской гвардией – частью правящей элиты, интернационалистской по духу и по национальному составу (с существенной еврейской «прослойкой») было покончено политически, да и в значительной мере физически. Доминантой власти стала новая генерация управленцев, самоутверждавшаяся, в том числе, и путем устранения конкурентов из числа евреев. Такого рода «коренизация» руководящего аппаратного слоя была своего рода ответом Сталина на предвоенный внешнеполитический вызов, столь судьбоносный для страны, что, реагируя на него максимальной мобилизацией и консолидацией общества, вождь явно «перегнул палку» в этнополитической сфере, да и не только в ней. Симптоматично, что во власти иллюзии национального возрождения оказались не только русские, но и другие советские этносы, включая и евреев, даже молодых и практически полностью ассимилированных. Их тоже «вдруг» потянуло к национальным корням. Так сталинский пропагандистский национализм, способствуя решению текущих мобилизационных задач, парадоксальным образом закладывал под советской империей мину замедленного действия.

Среди других предпосылок официального антисемитизма немаловажное значение имело и то обстоятельство, что в годы борьбы с партийной оппозицией и «накипью» НЭПа среди тех, кто, по мне-

нию властей, был виновен в политических и финансово-хозяйственных преступлениях, евреев оказалось непропорционально много: в 1926 г. – 11872 чел. (16,6 % от всех арестованных ОГПУ); в 1927 г. – 8942 чел. (10,1 %); 1928 г. – 11681 чел. (7,8 %)¹⁰⁵.

Примечания

¹ Туган-Барановский М. И. Русская интеллигенция и социализм (по поводу сборника «Веги») // К лучшему будущему. Сб. социально-философских произведений. М., 1996. С. 64.

² Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 406, 408, 418.

³ Франк С. Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. 1990. № 4. С. 213.

⁴ Переписка В. В. Розанова и М. О. Гершензона. 1909–1918 // Новый мир. 1991. № 3. С. 238.

⁵ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. С. 441.

⁶ Федотов Г. П. Россия и свобода // Знамя. 1989. № 12. С. 212.

⁷ Программа КПСС. М., 1964, С. 63.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 315.

⁹ Петроградская правда. 1918. 20, 21 апреля; Петербургский Еврейский университет Серия «Труды по иудаике». Выпуск 3: «Евреи в России: История и культура». СПб., 1995. С. 15.

¹⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1970. С. 588–592.

¹¹ Академическое дело, 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1.: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993; Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов». 30-е годы. М., 1994; Куманев В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М.: 1991 и др.

¹² В 1928–1932 гг. число мест на рабфаках возросло с 50 до 285 тысяч, более 800 тыс. рабочих-коммунистов были переведены из цехов на управленческие должности, в том числе и на руководящие, а также ушли на учебу (Верг Н. История Советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 197, 198).

¹³ Правда. 1937. 29 марта.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 998. Л. 56; Ф. 558. Оп. 11. Д. 807. Л. 1.

¹⁵ Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117–129.

¹⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Часть 3. 1930–1954. М., 1954. С. 322–324.

¹⁷ XVIII съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. М., 1939. С. 310; Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. М., 1994. С. 524; С критической оценкой

генезиса советской интеллигенции выступил в начале 1970-х гг. А. И. Солженицын (Образованщина // Новый мир. 1991. № 5. С. 31–33).

¹⁸ Гессен Ю. И. История еврейского народа в России. В 2-х тт. М. – Иерусалим, 1993. Т. 1. С. 79.

¹⁹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1. Т. 28. № 21547.

²⁰ Гессен Ю. И. Указ. соч. Т. 2. С. 119–123.

²¹ ПСЗ. Собр. 2. Т. 36. № 37684.

²² Еврейская энциклопедия. Т. 13. М., 1991 (репринт). С. 638.

²³ Гессен Ю. И. Указ. соч. Т. 2. С. 179, 230; Кандель Ф. С. Книга времен и событий. История Российских евреев. Т. 1. М., 2002. С. 445.

Подробно о российском студенчестве еврейского происхождения в начале XX века (до 1917 г.) см.: Иванов А. Е. Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования / Под ред. О. В. Будницкого. М., 2007.

²⁴ Источник. 1993. № 3. С. 62.

²⁵ Zeifman N. Еврейский аспект охранительной политики Александра III. (К истории введения процентных норм) // Judeo-Slavic Interaction in the modern Period / Jews and Slavs (Jerusalem). 1995. Vol. 4. P. 150–151.

²⁶ Франкель Дж. Российская империя и Советский Союз // Евреи и XX век Аналитический словарь / Барнави Э., Фридендер С. М., 2004. С. 507.

²⁷ Аронсон Г. Я. В борьбе за гражданские и национальные права (Общественные течения в русском еврействе) // Книга о русском еврействе: от 1860-х годов до революции 1917 г. М. – Иерусалим, 2002. С. 213–214.

²⁸ Иванов А. Е. «Еврейский вопрос» и высшее образование в России (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 1(5). С. 35–49; Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 47.

²⁹ Краткая еврейская энциклопедия. Т. 1–10. Иерусалим, 1976 – 2001. Т. 1. С. 272.

³⁰ Постановление Временного правительства об отмене вероисповедных и национальных ограничений от 20 марта 1917 г. // Книга о русском еврействе. От 1860-х годов до революции 1917 г. М. – Мн. – Иерусалим, 2002. С. 143–145.

³¹ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 16; Сталин И. В. Собр. соч. Т. 5. С. 45.

³² Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 114–115.

³³ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 40.

³⁴ Pinkus V. The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. Cambridge, 1988. P. 62–63.

³⁵ Российская газета. 1994. 27 февраля.

³⁶ Самойлов Д. С. Памятные записки. М., 1995. С. 56–57.

³⁷ Клиер Дж. О русско-еврейской интеллигенции (к постановке вопроса) // Евреи в России. История и культура / Отв. ред. Д. А. Эльяшевич. СПб., 1995. С. 75–76.

³⁸ Подробнее: Гринбаум А. Еврейская наука и научные учреждения в Советском Союзе, 1918–1953 / Пер. с англ. М. – Иерусалим, 1994; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 633. Л. 2–6; Pinkus V. The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. Cambridge University Press, 1988. P. 109.

³⁹ Мозохин А. Б. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006. С. 317, 322.

⁴⁰ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992. С. 61; О ликвидации еврейских академических учреждений в Белоруссии см.: Герасимова И. К истории Инбелкульта и Еврейского сектора Белорусской академии наук в 20–30 гг. // Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. № 2 (12). С. 144–167; Гринбаум А. Еврейская наука и научные учреждения в Советском Союзе, 1918–1953 // Евреи в России Историографические очерки. 2-я половина XIX века – XX век. М. – Иерусалим, 1994. С. 62–70.

⁴¹ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2. М., 1990. С. 39.

⁴² Altshuler M. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile. Jerusalem, 1998. P. 26, 27; Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2008. С. 120–121.

⁴³ Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М.–Л., 1929. С. 56; Pinkus V. Op. cit. P. 136; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992. С. 80.

⁴⁴ Pinkus V. Op. cit. P. 91; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. С. 86.

⁴⁵ Примерная 700-тысячная численность евреев-интеллигентов к концу 1930-х гг. была определена исходя из того, что, во-первых, в СССР интеллигенция отождествлялась со служащими (в целом этот социальный слой включал в себя к тому времени около 9,6 млн. советских граждан), и во-вторых, удельный вес евреев в этом слое составлял примерно 7,5 %. Приблизительность подсчетов была обусловлена неполнотой данных по национальному составу служащих: точные показатели существуют только по некоторым профессиональным категориям (врачам, работникам искусств, учителям и др.), но отсутствуют в отношении руководителей предприятий (организаций, учреждений), студентов вузов, военнослужащих, работников правоохранительных органов и др.; Шварц С. М. Антисемитизм в Советском Союзе. С. 119–120; Pinkus V. Op. cit. P. 97.

⁴⁶ Фест И. К. Гитлер. Биография. Т. 3. Пермь, 1993. С. 129–130; Арад И. Холокауст. С. 15–16; Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 1. М., 1991. С. 467–468.

⁴⁷ Правда. 1938. 29 ноября.

⁴⁸ Шехтман И. Советское еврейство в германо-советской войне // Еврейский мир. Сборник 1944 года. Иерусалим – М. – Мн., 2001. С. 229; Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Сб. док. и мат. / Ред. И. Арад. Иерусалим, 1991. С. 5.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 489. Л. 1.

⁵⁰ Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1 // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 129.

⁵¹ Правда. 1940. 28 марта.

⁵² Аксельрод Е. Трое из одной семьи // Еврейское слово. 2002. 23–29 января. № 4(78). К столетию Зелика Аксельрода (1904–1941) // Корни. 2004. Октябрь–декабрь. № 24. С. 5–33.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 75. Л. 22; ЦАФСБ РФ. Следственное дело П. Д. Маркиша. Протокол допроса от 8 августа 1949 г. Копия. Архив автора.

⁵⁴ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 39.

⁵⁵ Федотов Г. П. Тяжба по России. Т. 3. Париж, 1982. С. 182.

⁵⁶ Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Т. 1. М., 1992. С. 157.

⁵⁷ Правда. 1936. 12 апреля.

⁵⁸ Правда. 1936. 26 ноября.

⁵⁹ Застольные речи Сталина. Док. и мат. / Сост. В. А. Невежин. М., 2003. С. 151.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 348. Л. 63–75.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 348. Л. 76–77.

⁶² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 639. Л. 6; Д. 833. Л. 22, 26–29.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1027. Л. 26–27.

⁶⁴ Правда. 1936. 30 ноября.

⁶⁵ Сталин И. В. Соч. Т. 6. М., 1947. С. 217.

⁶⁶ Правда. 1939. 11 марта.

⁶⁷ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 302.

⁶⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1–2. М., 1991. С. 180.

⁶⁹ Правда. 1939. 1 ноября.

⁷⁰ Невежин В. А. Метаморфозы советской пропаганды в 1939–1941 годах // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 167.

⁷¹ Гейзер М. М. Соломон Михоэлс. М., 1990. С. 153.

⁷² Невежин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев» 1939–1941 гг. М., 1997. С. 124; Вопросы истории. 1994. № 8. С. 168–169.

⁷³ Соловьев А. Г. Тетради красного профессора. 1912–1941 гг. / Публ. Н. Зелова // Неизвестная Россия. XX век. Т. 4. М., 1993. С. 203–204.

⁷⁴ Столяров К. А. Палачи и жертвы. М., 1997. С. 276–277.

⁷⁵ Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 274.

⁷⁶ Волков Ф. Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992. С. 111–112; Гнедин Е. А. Себя не потерять... // Новый мир. 1988. № 7. С. 173–209.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1009. Л. 185.

⁷⁸ Оглашению не подлежит: СССР и Германия. 1939–1941. Документы и материалы / Сост. Ю. Фельштинский. М., 1991. С. 19.

⁷⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. М., 1991. С. 166.

⁸⁰ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 456.

⁸¹ Чуев Ф. И. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 99–100.

⁸² Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 276.

- ⁸³ Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 124.
- ⁸⁴ Московские новости. 1991. 2 июня. № 22.
- ⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 890. Л. 204. Д. 893. Л. 38.
- ⁸⁶ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 10. Д. 93. Л. 1–123.
- ⁸⁷ Мандельштам Л. И., Ребров М. С. Итоги выборов в Верховный Совет. М., 1939. С. 3–56.
- ⁸⁸ Тартаковский Ж. Евреи в руководстве СССР (1917–1991). Тель-Авив, 1994. С. 72–75.
- ⁸⁹ Трояновский О. А. Через годы и расстояния, история одной семьи. М., 1997. С. 78–81; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1015. Л. 30–31; Д. 1016. Л. 33.
- ⁹⁰ Резолюции XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б). М., 1941. С. 21; Трояновский О. А. Указ. соч. С. 136; Чуев. Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 475.
- ⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 696. Л. 185; Оп. 118. Д. 206. Л. 117–152; XVI съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. М.–Л., 1930. С. 52; XVIII съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. М., 1939. С. 149.
- ⁹² Шульгин В. В. Три столицы. Путешествие в красную Россию. Берлин, 1927. С. 135–137.
- ⁹³ Исторические сборники «Мемориала». Вып 1. С. 36–37.
- ⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 36. Л. 213.
- ⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 478. Л. 46–46 об.
- ⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 906. Л. 156.
- ⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1004. Л. 6; Д. 1008. Л. 24.
- ⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1206. Л. 45–49.
- ⁹⁹ Мозохин А. Б. Указ. соч. С. 173–177, 341.
- ¹⁰⁰ Свободная мысль. 1997. № 6. С. 118; № 7. С. 111–113; Лубянка: ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1960. Справочник. М., 1997. С. 104–107; Кричевский Л. Ю. Евреи в аппарате ВЧК–ОГПУ в 20-е годы // Евреи и русская революция. Материалы и исследования / Ред.-сост. О. В. Будницкий. М., 1999. С. 344.
- ¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 15.
- ¹⁰² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1027. Л. 35; Д. 1041. Л. 39; Оп. 111. Д. 899. Л. 67–70.
- ¹⁰³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 279. Л. 79–92, 99–100, 103–106, 124–146.
- ¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 203. Л. 58–80; Д. 340. Л. 61–65.
- ¹⁰⁵ Мозохин О. Б. Указ. соч. С. 268–281.

Глава 2. В ГОДЫ ВОЙНЫ (1941–1945)

Советские верхи и трагедия Холокоста

Вторгнувшись в пределы СССР и используя преимущества нападающей стороны, гитлеровские войска развили стремительное наступление. На отдельных направлениях немецкие бронетанковые и моторизованные части буквально за часы вклинились на десятки километров вглубь советской территории. В таких условиях не могло быть и речи о сколько-нибудь организованной эвакуации жителей приграничных западных областей страны. Однако еще до окончания войны на Западе появились публикации, авторы которых из числа просоветски настроенных социалистов и левых сионистов уверяли, что летом 1941 г. советское руководство предприняло экстренные меры (якобы Сталин или подписал специальную директиву, или был издан специальный указ Президиума Верховного Совета СССР) по первоочередной эвакуации еврейского населения из опасных районов*¹. Этим утверждениям был склонен доверять и А. И. Солженицын², хотя еще в начале 1950-х гг. такой авторитетный специалист по истории советского еврейства, как С. М. Шварц, всесторонне и тщательно, опираясь на документальные свидетельства, доказал безосновательность такой точки зрения³.

Помимо того, что реальность какого-либо распоряжения советских властей о первоочередном спасении евреев никогда не была подтверждена фактически, имеется и косвенное доказательство легендарности существования упомянутой выше директивы. Оно заключается в наличии документально установленного строгого порядка проведения эвакуации в годы войны, которая регламентировалась

* Подобные толки явились во многом следствием пропагандистского турне в 1943 г. в США С. Михоэлса и И. Фефера, которым перед поездкой А. Щербаков и С. Лозовский поручили заявить в США о том, что «Советский Союз спас много евреев» (Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. М., 1994. С. 39).

секретным постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. Согласно этому нормативу первоочередному вывозу на восток подлежали важнейшие промышленные, сырьевые ценности, продовольствие, ответственные партийные и советские работники, квалифицированные рабочие, инженеры, служащие. Из остального гражданского населения эвакуировалась прежде всего годная к военной службе молодежь, а также женщины и дети. При этом этнический фактор вообще не упоминался. Однако он стал решающим в ходе развернувшихся в прифронтовых районах насильственных этнодепортаций советских граждан, таких, например, национальностей, как немцы и финны, которые в условиях войны стали считаться потенциально опасными⁴. Поэтому рассуждения о намерении Сталина предпринять в годы войны специальные акции по спасению советских евреев можно однозначно квалифицировать как политическое мифотворчество.

Вместе с тем известно, что власти прифронтовых регионов, дабы оправдаться перед центром за хаотическое и паническое бегство от врага предоставленных самим себе мирных жителей, стремились переложить всю ответственность на само гражданское население, в том числе и на евреев. Скажем, секретарь ЦК КП Белоруссии П. К. Пономаренко, докладывая Сталину в начале июля 1941 г. о том, что вся агитация врага «идет под флагом борьбы с жидами и коммунистами, что трактуется как синоним», утверждал, что панический исход беженцев на восток «объясняется в известной степени большой еврейской прослойкой в городах: их объял животный страх перед Гитлером, и вместо борьбы – бегство»⁵.

Это обвинение было по меньшей мере несправедливым, поскольку в трусости были уличены сами белорусские руководители, подававшие пример малодушного и безответственного поведения. Установлено, например, что 26 июня 1941 г. ряд секретарей ЦК КП Белоруссии и других республиканских «ответственных партийных, советских и хозяйственных работников» самочинно оставили Минск, выехав вместе с семьями на легковых машинах в Москву, где укрылись в постпредстве БССР. То же происходило и в других городах республики. Например, в Гомеле. Там секретарь обкома партии и председатель горисполкома, воспользовавшись своим служебным положением, провели первоочередную эвакуацию собственных семей, отправив их в Москву и Краснодар. Правда, центр в лице Маленкова быстро «одернул» запаниковавших было «белорусских товарищей»⁶.

Очень немногим евреям-беженцам удалось уйти на восток, большинство из них, оказавшись в тылу немецких войск, вынуждено было возвратиться назад. Реальность была такова, что стремительность германского вторжения и как следствие этого неразбериха и хаос, сопутствовавшие отступлению частей Красной армии, изначально преопределили неотвратимость трагедии советского еврейства. Наименьшими шансами на выживание располагали евреи с западных земель, присоединенных к Советскому Союзу в 1939–1940 годах, где таковых насчитывалось около 2000000 чел. Только 10–12 % из них удалось бежать или эвакуироваться на восток страны, однако основная часть еврейского населения (1750000–1800000 чел.) осталась на оккупированной территории. Евреи, проживавшие восточнее советской западной границы 1939 года (таковых насчитывалось 2100000 чел.), оказались в более благоприятной ситуации: и времени на эвакуацию было больше, и эти «коренные» советские евреи, будучи в большинстве своем (в отличие от соплеменников с присоединенных территорий) работниками госучреждений и промышленных предприятий, подлежали обязательному вывозу на восток. Примерно половине из них удалось переместиться вглубь страны. Таким образом, на захваченных врагом советских территориях осталось от 2750000 до 2900000 евреев. Невозможно точно определить, сколько из них погибло и сколько выжило: в Советском Союзе национальность не учитывалась не только при эвакуации граждан, но и при подсчете человеческих жертв. По приблизительным данным, война унесла жизни около 2,8 млн. советских евреев, в том числе 1 млн. человек, погибших в результате целенаправленных нацистских акций истребления. А всего, согласно последним фундаментальным изысканиям, за годы Второй мировой войны было уничтожено от 5,29 до более чем 6 млн. евреев⁷.

Эти колоссальные гекатомбы были в какой-то мере запрограммированы уже тем формальным *casus belli*, который содержался в декларации Гитлера, зачитанной по радио рейхсминистром народного просвещения и пропаганды Й. Геббельсом 22 июня 1941 г.: «...Никогда германский народ не испытывал вражды к народам России. Однако, иудейско-большевистские правители Москвы пытались в течение более 20 лет разжечь пожар не только в Германии, но и во всей Европе <...> Ныне наступил тот час, когда необходимо выступить против этого заговора еврейско-англосаксонских поджигателей войны и точно так же против еврейских властителей большевистского московского центра»⁸.

Таким образом, в первый же день войны руководство рейха еще раз подтвердило, что воинствующий антисемитизм является краеугольным камнем нацистской пропаганды, призванной обосновывать и освящать любые, даже самые жестокие меры в отношении покоренных народов, и прежде всего геноцид евреев, который стал осуществляться с самого начала нацистского вторжения.

Массовое истребление евреев нацистская пропаганда представляла остальному советскому населению оккупированных областей как составную и необходимую часть освободительной миссии, взятой на себя германскими властями в борьбе с «жидо-большевизмом», «жестоким угнетавшим народы России». Причем, следуя античной формуле «разделяй и властвуй», гитлеровцы объявляли, например, что украинцы «по крови» выше русских, так как в средние века испытали на себе «живительное влияние арийцев», благодаря чему развились в «северно-динарский расовый тип», и к тому же украинский кобзарь Тарас Шевченко «был против москалей и являлся другом немцев». Белорусов убеждали в том, что и в царской России, и в СССР они жили под тройным национальным гнетом: с запада их теснили поляки, с востока – русские, а в самом крае хозяйничали евреи. Все это, впрочем, не помешало нацистам причислить тех же украинцев и белорусов к представителям «неполноценной славянской расы», так называемым Untermenschen (недочеловекам), подлежащим частичному истреблению и вытеснению за Урал. Что касается русских, то будучи самым многочисленным в СССР народом, они стали объектом особого внимания со стороны гитлеровских специалистов по национальному вопросу. Последние заблаговременно снабдили части вторжения вермахта целой массой псевдонаучных рекомендаций, наподобие инструкции «О поведении немцев на востоке и их обращении с русскими». Германским военнслужащим давались в том числе и такие советы: будьте твердыми и жестокими в отношении русских, ибо по своей генетической природе они сентиментальны и женственны, и им импонируют сила и действие; остерегайтесь русской интеллигенции, как эмигрантской, так и новой, советской, ибо она хоть и не способна на решительные поступки, но обладает особым обаянием, которое может отрицательно влиять на характер немца; помните, что русские всегда хотели быть управляемой массой, таковыми их сформировала собственная история, в которой были и призвание варягов, и господство монголов, поляков, литовцев, самодержавие царей, а начиная с Петра Великого они видели в немце высшее существо⁹.

Следует признать, что массированная психологическая обработка нацистами советских людей не проходила бесследно. Характерная де-

таль: осенью 1942 г. от многих жителей деревень даже советской прифронтовой полосы можно было услышать суждения, замешанные не только на дремучем невежестве, но и явно подсказанные весьма эффективной на первых порах фашистской пропагандой. «Немцы ведут войну против евреев и коммунистов, – утверждали согласно информации агентуры НКВД крестьяне, – они грамотный и чистый в быту народ, уважают православие и хотят распустить колхозы»¹⁰. Эти и подобные им умонастроения, всегда сопутствующие историческим катаклизмам, философ Н. А. Бердяев, используя известный литературный образ Ф. М. Достоевского, метко окрестил «смердяковщиной», имея в виду утрату национального достоинства и апологию пораженчества¹¹.

Образованное 24 июня под началом секретаря ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова Советское информационное бюро (СИБ), одним из направлений деятельности которого стала «организация контрпропаганды против немецкой и другой вражеской пропаганды»¹², должно было в первую очередь нейтрализовать влияние демагогии гитлеровцев об их миссии «освободителей народов России» от гнета «жидокоммунистов». И. Г. Эренбург предложил А. С. Щербакову широко распубликовать выступление одного из авторитетных среди интеллигенции русских общественных деятелей (М. А. Шолохова или А. Н. Толстого) с разоблачением басни о том, что «гнев Гитлера направлен только на евреев»¹³. Однако в советских верхах решили максимально упростить для себя задачу, как следствие, информация о евреях – жертвах зверств, чинимых фашистами, стала подаваться в массовых СМИ в минимальных объемах (исключение было сделано для малотиражных изданий на идише), причем в основном тогда, когда надо было произвести выгодное впечатление на западных союзников.

Выступая 6 ноября 1941 г. по случаю очередной годовщины Октябрьской революции, Сталин, пожалуй, единственный раз за годы войны публично осудил нацистов за массовый антиеврейский террор, правда, сделал это довольно своеобразно: уподобив гитлеровский геноцид евреев с не идущими с ним ни в какое сравнение черносотенными погромами в царской России¹⁴ – явлением совершенно иного социально-политического и исторического порядка.

Поскольку, как отмечалось, информации о Холокосте с самого начала был придан в некотором роде «экспортный» характер, ее подготовка находилась в ведении главным образом наркома иностранных дел В. М. Молотова, отвечавшего за сотрудничество с союзными державами. Уже в первой подписанной им 6 января 1942 г. ноте НКВД акции массового истребления евреев в Бабьем Яру в Киеве, Львове, Одессе, других городах Украины были в основном представлены

не как проявления целенаправленной политики этноселективного истребления и геноцида, а только как часть общего террора против советского многонационального гражданского населения («русских, украинцев, евреев»)¹⁵. В преамбуле следующей аналогичной ноты Молотова (от 27 апреля 1942 г.) прямо подчеркивалось, что гитлеровцы поставили себе задачей «истребление советского населения: независимо от <...> национальности». Впервые была использована обобщенная формулировка об уничтожении нацистами «мирных жителей» в Таганроге, Керчи, Минске, Витебске, Пинске¹⁶. В последующем употребление этого эвфемизма стало своеобразным способом замалчивания гитлеровского геноцида евреев*.

Поскольку 18 декабря 1942 г. в «Правде» появилась обязательная к публикации совместная официальная декларация правительств двенадцати, включая СССР, союзных стран «О проводимом гитлеровскими властями истреблении еврейского населения Европы» с обязательством покарать нацистов за преступления против человечности, на следующий день как бы вдогонку вышло советское заявление с похожим названием. В нем в первый и последний раз советским руководством признавалась разработка гитлеровцами «особого плана поголовного истребления еврейского населения», однако основными его жертвами представлялись евреи Европы, а об умерщвленных нацистами советских евреях опять говорилось в общем ряду национальных потерь всех остальных народов СССР. Правда, при этом признавалось, что «относительно к своей небольшой численности, еврейское меньшинство советского населения <...> особенно тяжело пострадало от звериной кровожадности гитлеровских выродков»¹⁷. Однако это, наиболее исторически адекватное официальное заявление, осталось как бы гласом вопиющего в пустыне, тема нацистского геноцида евреев так и не была подхвачена советскими СМИ, что говорило о том, что этот документ являлся политико-конъюнктурным исключением из негласно действовавшего правила. Симптоматично и то, что декларация была подписана не Молотовым (как первоначально планировалось), а некой несуществующей организацией «Информбюро НКВД»¹⁸, что свидетельствовало о ее пониженном статусе и о том, что она предназначалась для заграницы.

* При подготовке в начале 1944 года сборника актов созданной 2 ноября 1942 г. Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК) Г. Ф. Александров, редактируя текст, исключил из него всякое упоминание о евреях, используя как замену словосочетание «мирные советские граждане» (Альтман И. А. Жертвы ненависти. С. 397–398).

Нежелание советских властей посвящать население в детали гитлеровского плана «окончательного решения еврейского вопроса», объяснялось не только рациональным резонансом не лить воду на мельницу нацистской пропаганды, утверждавшей, что Сталин защищает евреев будучи их ставленником. Существовала и другая причина, не такая явная (более того – потаенная), но, как представляется, куда более важная. Дело в том, что начиная со второй половины 1942 г. на курируемой Щербаковым агитпроповской ниве стали давать всходы семена посеянного перед войной бюрократического антисемитизма (об этом ниже). Этот второй фактор наглядно проявился в практике информационной работы ЧГК. Из семи опубликованных ею в 1943 г. официальных сообщений о гитлеровских зверствах только в одном (по Ставропольскому краю) были упомянуты евреи. Причем это стало возможным исключительно благодаря авторитету члена ЧГК писателя А. Н. Толстого, ставшего очевидцем вскрытия близ Минеральных Вод рва с более чем шестью тысячами трупов евреев, среди которых оказались останки многих видных представителей ленинградской интеллигенции, эвакуированных на Северный Кавказ в начале войны. Этот увиденный наяву кошмар глубоко потрясенный Толстой описал в «Правде», и его статью невозможно было не сопроводить соответствующим (по содержанию) сообщением ЧГК¹⁹.

Впоследствии, в 1944 – первой половине 1945 гг., составители сообщений ЧГК продолжали скрывать факты массовой гибели советских евреев. И лишь в отдельных случаях (сообщения об уничтожении минского гетто, о нацистских зверствах в Львовской области и Латвии) препарированная и урезанная информация о еврейской трагедии как-то пробивалась сквозь завесу умолчания²⁰. Даже в сообщении ЧГК об освобождении Освенцима в начале мая 1945 г., когда и с пропагандистской угрозой нацизма, и с самим нацизмом было практически покончено – не было сказано ни слова о массовом и преимущественном уничтожении евреев в этом лагере смерти²¹. Подобное умолчание продолжалось и в послевоенный период, что обусловливалось уже исключительно антисемитской подоплекой.

Пропагандистская мобилизация еврейской общественности

Логично предположить, что, стремясь свести к минимуму публичную информацию об антиеврейских преступлениях гитлеровцев, советская пропаганда должна была в то же самое время каким-то образом воспрепятствовать попыткам геббельсовского ведомства разжечь вражду между народами СССР, в том числе и посредством

подстрекательской демагогии о «гнете большевистско-жидовской клики», «единстве коминтерновского еврейства и международной сионистской плутократии» и т. п. Однако сталинский режим, сам не свободный от элементов антисемитизма, не был способен эффективно противодействовать нацистской людоедской юдофобии, что было возможно только при использовании советской контрпропагандой всей страшной правды о Холокосте. Но советский правящий слой, подозревая собственный народ в том, что такая правда вызовет в нем не сочувствие к евреям и не ненависть к их убийцам, а лишь выгодное врагу злорадство (оно, конечно, было разлито в обществе, но отнюдь не доминировало в нем; причем бытовой антисемитизм частично провоцировало и то, что власти скрывали Холокост, выказывая тем самым пренебрежение к евреям), был не способен на это. Так что арсенал советской контрпропаганды был весьма ограничен и потому мало действенен. В ход шли либо рассчитанные на узкий круг «высоколобой» интеллигенции почти академические материалы наподобие изданной в 1941 г. книги австрийского коммуниста-коминтерновца Эрнста Фишера «Фашистская расовая теория»²² или опубликованной в 1942-м в «Большевике» статьи Е. Ярославского «Ф. М. Достоевский против немцев»²³, либо незамысловатые агитки в лозунговом стиле «для широко потребления», вышедшие главным образом из-под пера И. Эренбурга²⁴.

Конечно, и такого рода материалы давали определенный позитивный эффект, однако они могли лишь смягчить, но никак не устранить тот негативный пропагандистский «дефицит», который возник из-за официальной установки на дозирование сведений о жертвах и героиз-

* В статье воспроизводились известные возражения Достоевского против обвинений его в ненависти «к еврею, как к народу». Это были тщательно подобранные по дореволюционному изданию собрания сочинений (издательство А. Маркса. СПб. 1895. Т. XI) – выдержки из дневника русского классика за 1877 год, которые, конечно, однобоко «позитивно» отражали противоречивую и не свободную от национальных предрассудков его позицию по еврейскому вопросу. Впрочем, в условиях войны такая пропагандистская избирательность была неизбежной. К тому же, было достижением уже то, что Агитпроп смог преодолеть идеологическую идиосинкразию к Достоевскому, литератору до того открыто третируемому и почти запрещенному.

** Вот характерный образец подобной пропагандистской деятельности Эренбурга: «Напрасно немцы науськивали наши народы на евреев. В каждом полку есть бойцы-евреи, которые вместе с другими бойцами отважно защищают общую родину, а там, где пролита общая кровь, бессильны чернила клеветы».

ме евреев. Впрочем, подобному «урезанию» подлежала информация, предназначавшаяся только для «внутреннего потребления», но не для Запада. Причем, такая внешняя пропагандистская открытость СССР не была уступкой, да и благородным жестом тоже. Не скрывая от союзников правду о трагедии, которую переживало советское еврейство, советское руководство преследовало сугубо прагматические цели: во-первых, политическую – по возможности нейтрализовать происки весьма влиятельных в США (особенно в 1939–1941 гг.) консервативно-изоляционистских сил, пытавшихся представить информацию о Холокосте в Европе и России как фальсификацию, исходящую от самих евреев и либералов, стремящихся втянуть Америку в мировую войну, и, во-вторых, утилитарную, сводившуюся к стимулированию западной военно-технической и материальной поддержки, причем, прежде всего из США, самой мощной страны-спонсора, где к тому же большим политическим влиянием пользовалась многочисленная, экономически крепкая еврейская община. И поскольку реализация этих задач напрямую зависела от эффективности воздействия советской пропаганды на западное общественное мнение в целом и на еврейский его сегмент в особенности, в Кремле понимали, что без привлечения авторитетных деятелей советской еврейской культуры тут не обойтись.

Поэтому почти сразу после начала войны вновь назначенный начальником СИБ секретарь ЦК ВКП(б) Щербаков поручил своему заместителю Лозовскому (курировал внешнепропагандистскую деятельность СИБ) привлечь к сотрудничеству национальную еврейскую интеллигенцию. Уже в июле 1941 г. тот встретился с еврейскими литераторами Маркишем, Нусиновым, Квитко и Шахно Эпштейном и предложил им начать сбор информации о трагической участи евреев на оккупированных территориях с последующей литературной обработкой этих материалов и отправкой на Запад. Выполняя это указание, Квитко и Нусинов направились в поездку в места эвакуации евреев из западных областей страны, чтобы на месте их опросить.

В дальнейшем именно вокруг СИБ и его «вдохновителя» (выражение Эренбурга) Лозовского и концентрировалась общественно-культурная активность советского еврейства. Не случайно евреи станут уважительно величать Лозовского «габэ» (староста еврейской общины). По-своему оценили его и специалисты из геббельсовского ведомства, которые, прибегая к вульгарной антисемитской демагогии, пытались дискредитировать этого руководителя советской пропаганды.

Покровительство Лозовского, считавшегося своим в коридорах кремлевской власти, придавало интеллектуальной еврейской элите чувство уверенности в себе и своих возможностях. Именно через него

в первые месяцы войны еврейские литераторы стали настойчиво добиваться разрешения на возобновление издания в Москве центральной еврейской газеты, которая, по их мнению, должна была сыграть «большую роль в организации еврейских масс на защиту нашей родины». Несмотря на то, что ЦК поддержал эту идею, начавшаяся массовая эвакуация из столицы помешала ее реализации. Тот же ЦК встал тогда на сторону еврейских писателей и в их конфликте с ОГИЗом, намеревавшимся по причинам военного времени закрыть «Дер эмес» – единственное еврейское издательство в стране²⁵.

Первым крупным пропагандистским мероприятием в рамках нового «еврейского проекта» Кремля стал радиомитинг «представителей еврейского народа», транслировавшийся 24 августа на США и другие союзные страны. Конечно, Михоэлс, Маркиш, Эренбург, Маршак, Эйзенштейн и другие участники этой акции менее всего задумывались об ее глубинной политической подоплеке. И пусть тексты их выступлений были предварительно тщательно отредактированы в ЦК, им, исполненным патриотических чувств, это не помешало искренне заклеить варварские преступления гитлеровцев²⁶.

Пропагандистский эффект от митинга на Западе превзошел самые оптимистические ожидания Москвы. В ответ на прозвучавшее из советской столицы «Обращение к мировому еврейству» в странах-союзниках стихийно возникли многочисленные общественные еврейские организации по сбору средств для нужд Красной армии: в США, где проживало свыше 5 млн. евреев, – Американский комитет еврейских писателей, артистов и ученых (The American Committee of Jewish Writers, Artists and Scientists) во главе с А. Эйнштейном и классиком еврейской литературы Ш. Ашем, а также Еврейский совет помощи России в войне (The Jewish Council for Russian War Relief) во главе с адвокатом Л. Левиным; в Англии с ее 400-тысячным еврейским населением – Еврейский фонд для Советской России (The Jewish Fund for Soviet Russia) во главе с лордом Натаном; в Мексике – Еврейская лига помощи Советскому Союзу (The Jewish League for the Soviet Union). Аналогичные благотворительные структуры возникли также в Южной Африке, Австралии, Палестине, странах Южной Америки. За годы войны евреи во всем мире передали Советскому Союзу около 45 млн. долларов²⁷.

Развивая жизненно необходимое в годы войны сотрудничество с западными демократиями, Кремль вынужден был налаживать отношения и с лидерами мирового сионизма. Вскоре после вторжения нацистов в СССР советские послы в Англии и США И. М. Майский и К. А. Уманский встретились с Х. Вейцманом, Д. Бен-Гурионом и дру-

гими видными деятелями этого международного национального движения. Дальнейшая связь с сионистами поддерживалась на первых порах через советское посольство в Турции, а с весны 1944 г. – через посольство в Египте. Руководство Всемирной сионистской организации (ВСО) пошло на эти контакты не только потому, что ободренное вступлением СССР в военный союз с западными демократиями предвосхищало послевоенное его превращение в великую мировую державу, способную сыграть существенную роль в решении палестинской проблемы, но и в надежде смягчить жесткую внутреннюю антисионистскую политику Кремля. Более того, очень скоро лидеры ВСО стали добиваться освобождения советскими властями репрессированных сионистов («узников Сиона»), а также подняли вопрос о выезде в Палестину советских евреев, имевших там близких родственников, и о массовой иммиграции туда польских евреев²⁸.

Принимая во внимание тот факт, что налаживание сотрудничества с мировым еврейством превратилось для лидеров страны в важную задачу и могло обернуться уже в ближайшем будущем крупными политическими дивидендами, свою лепту в развитие еврейского пропагандистского проекта решило внести и руководство НКВД, вступив тем самым в негласную конкуренцию с инициатором этого проекта – аппаратом ЦК, Нарком внутренних дел Л. П. Берия предложил создать международную еврейскую общественную организацию, чтобы для использовать ее во внешнеполитических интересах Кремля. Идея оказалась мертворожденной, но в результате возникло «дело Эрлиха-Альтера».

Речь идет о Генрике Эрлихе и Викторе Альтере, видных руководителей Бунда, биографии которых тесно связаны с историей старой России. Например, Эрлих, женатый на дочери еврейского историка С. М. Дубнова, после Февральской революции был избран в Петросовет. В межвоенный период оба были гражданами Польши. Спасаясь от гитлеровцев, осенью 1939 г. бежали в отошедшую к СССР восточную Польшу, где были взяты под стражу: Альтер – в Ковеле (27 сентября), а Эрлих – в Брест-Литовске (4 октября). Как важных политических пленников их доставили в Москву, где на Лубянке обвинили в принадлежности к буржуазно-националистическому подполью и связях с польской контрразведкой. В конце июля – начале августа 1941 г. Эрлиху и Альтеру вынесены были смертные приговоры. Однако 12 августа появился указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии арестованных польских граждан, но узников не освободили, а 27 августа им объявили о замене казни десятью годами тюремного заключения. Впрочем, одновременно власти стали наме-

кать узникам на скорое освобождение, предложив, видимо, в лице Берии сотрудничать с НКВД в деле создания в СССР еврейской антинацистской общественной организации. Эрлих и Альтер приняли это предложение, и 13 сентября они были освобождены, превратившись в одночасье из бесправных заключенных в особо уважаемых иностранцев. «Курировал» Эрлиха и Альтера капитан НКВД В. А. Волковысский, который не только ранее вел следствие по их делу, но и, отвечая в своем ведомстве за «польское направление», являлся офицером связи с руководством формировавшейся на территории СССР польской армии генерала В. Андерса. Через несколько дней была организована встреча польских бундовцев с Михоэлсом, Маркишем и другими представителями советской еврейской общественности. В ходе этих консультаций было решено создать в СССР международный Еврейский антигитлеровский комитет, председателем которого должен стать Эрлих, вице-председателем Михоэлс, а ответственным секретарем Альтер. По совету Берии эти соображения они направили письмом Сталину и стали дожидаться ответа из Кремля. Будучи вскоре эвакуированными в Куйбышев, Эрлих и Альтер встречались с переехавшими туда западными диппредставителями, чтобы обсудить идею создания дочерних антифашистских комитетов в странах антигитлеровской коалиции, а американскому послу предложили сформировать в США Еврейский легион с последующей отправкой его на советско-германский фронт. Особенно тесные взаимоотношения сложились у Альтера и Эрлиха с послами Великобритании и Польши С. Криппсом и С. Котом. Последний, в частности, попросил их от имени своего лондонского правительства, возглавлявшегося генералом В. Сикорским, принять участие в розыске рассеянных по Сибири интернированных польских офицеров. Дело зашло так далеко, что польские бундовцы, будучи уже советскими гражданами, стали самостоятельно готовиться к выезду на Запад: Альтер намеревался отправиться в Лондон, чтобы представлять Бунд при польском эмигрантском правительстве, а Эрлих – в США. Однако этим планам не суждено было сбыться. Сталин очень скоро разочаровался в Эрлихе и Альтере, чьи контакты с западными дипломатами, очевидно, интерпретировал как сотрудничество с иностранными спецслужбами. К тому же ему наверняка донесли о высказываниях бундовцев, неосторожно похвалявшихся тем, что им удастся реформировать советскую систему, пробив, как они выражались, «первую брешь» в «советской практике отстранения социалистов от участия в любой общественной деятельности...». Недовольство и подозрения вождя предопределили дальнейшую судьбу Эрлиха и Альтера. 3 декабря их

вновь арестовали, препроводив в куйбышевскую тюрьму НКВД и заключив там как особо важных узников в одиночные камеры, номера которых (№ 41 и № 42) стали использоваться вместо имен в качестве секретного кода²⁹.

5 декабря С. Коту была вручена подписанная заместителем наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинским официальная нота, в которой арестованные руководители Бунда обвинялись в том, что действовали как «германские агенты». А после того как 7 декабря США вступили в войну, а Красная армия осуществила удачное контрнаступление под Москвой, ободренное этим советское руководство решило не церемониться с польско-еврейскими узниками. Когда в середине 1942 г. Кот, покидая СССР, прощался с Вышинским, тот многозначительно заметил, что «Варшава обойдется без Эрлиха и Альтера».

Осознав свою обреченность, шестидесятилетний Эрлих, впав в отчаяние, повесился 14 мая на оконной решетке тюремной камеры. Эту смерть решено было держать в секрете, в том числе и от Альтера, который, неоднократно обращаясь к Сталину, настаивал на объяснении причин ареста. Это требование он подкреплял угрозами предпринять «отчаянные меры», а 10 июля попросил у тюремного фельдшера цианистый калий, о чем доложили Берии, который распорядился усилить наблюдение за узником и улучшить его содержание.

После эвакуации из СССР в августе 1942 г. армии Андерса (в нее вступило около 4 тыс. евреев) отношения советского руководства с польским лондонским правительством стали ухудшаться, чему способствовало и создание в январе 1943 г. просоветского Союза польских патриотов^{30*}. На этом политическом фоне «дело Эрлиха-Альтера» начало приобретать на Западе скандальный антисоветский привкус, особенно после того, как лидеры американского Бунда развернули шумную кампанию в печати, требуя освобождения своих польских товарищей. Чтобы лишить это дело актуальности, МИД СССР обнародовал сообщение о казни арестованных бундовцев**, якобы совершенной более года тому назад. На самом деле, послед-

* Вскоре, как известно, отношения СССР с эмигрантским польским правительством разладились окончательно. Произошло это после того, как 13 апреля германское радио сообщило об обнаружении в Катынском лесу под Смоленском массового захоронения польских офицеров, заявив, что те пали от рук «еврейских комиссаров» (Redlich Sh. Propaganda and Nationalism in Wartime Russia: The Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR. 1941–1948. Boulder, 1982. P. 15–37).

** 14 февраля 1943 г. Молотов направил проект этой ноты Берии, уведомив, что ее текст одобрен Сталиным (РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 136. Л. 1–29).

няя точка в деле Эрлиха–Альтера была поставлена всего лишь за несколько дней до этого: по распоряжению из Москвы Альтер был расстрелян 17 февраля 1943 г. Докладывая об этом заместителю Берии В. Н. Меркулову, начальник куйбышевского УНКВД С. И. Огольцов сообщил: «Все документы и записи, относящиеся к арестованному № 41... изъяты. Вещи сожжены»³¹.

Отказавшись от рискованного пропагандистского эксперимента с иностранцами, Сталин решил сделать ставку на полностью подконтрольную ему советскую еврейскую общественность. Тут-то и пригодился соответствующий вариант, давно подготавливавшийся Агитпропом. 15 декабря 1941 г. по предложению Щербакова на пост председателя проектировавшегося ЕАК была одобрена кандидатура хорошо известного за границей деятеля еврейской культуры Михоэлса (беспартийного), а в качестве его заместителя, ответственного секретаря ЕАК и недремлющего ока власти был выдвинут бывший бундовец и евсековец (член РКП с 1919 г.) Ш. Эпштейн, который, прожив долгие годы в США, выполнял там – под видом редактора легальной коммунистической газеты – разведывательные задания по линии Коминтерна.

В последующие месяцы развернулось организационное формирование ЕАК. 5 февраля Лозовский направил Щербакову предложения о принципах построения и функциях нового пропагандистского органа, который наряду с другими вновь созданными международными комитетами – всеславянским, женским, молодежным, советских ученых – должен был стать структурной частью СИБ. К апрелю-маю был определен персональный состав самого комитета и его руководящего коллегиального органа – президиума, в который наряду с Михоэлсом и Эпштейном вошли поэты И. С. Фефер, С. З. Галкин, П. Д. Маркиш, физиолог академик Л. С. Штерн, врач Б. А. Шимелиович, писатели Д. Р. Бергельсон, Л. М. Квитко, другие видные представители еврейской творческой интеллигенции. Тогда же ЦК разрешил издание центральной газеты на идише «Эйникайт» («Единение»), которая вначале выходила раз в десять дней, через год – еженедельно, а с ноября 1944 г. – три раза в неделю. Силами ЕАК и редакции «Эйникайт» была создана разветвленная корреспондентская сеть, охватывавшая почти всю советскую территорию, привлечены к сотрудничеству пишущие на еврейские темы авторы. Это позволило быстро наладить регулярную отpravку за границу пропагандистских материалов, которые, чтобы не получилось, по выражению Лозовского, «второго издания Коминтерна», решено было публиковать там не в коммунистической, а в леволиберальной прессе.

Перед ЕАК, который изначально рассматривался властями как потенциальный генератор еврейского национализма и потому был ориентирован исключительно на за границу, прежде всего ставилась задача во взаимодействии с «прогрессивными» международными еврейскими организациями существенно повысить авторитет СССР в глазах мирового еврейства. Немаловажной для Кремля была и возможная перспектива использовать комитет в качестве «кода доступа» к богатствам Америки, немалой долей коих владела деловая элита еврейского происхождения. Идея эта казалась столь заманчивой, что, в конце концов, ее перевели на практические рельсы, благо, что в начале марта 1943 г. Лозовский получил из Нью-Йорка от Еврейского совета Фонда помощи России в войне телеграмму, в которой совет настаивал на приезде в США делегации ЕАК, способной собрать, как было сказано, «огромные суммы» для Красной армии. Обсудив это послание с Молотовым и Щербаковым, Лозовский определил с ними состав будущей делегации, в которую решено было включить Михоэлса и Фефера (последний как член партии назначался негласным руководителем). Затем через коминтерновские каналы вышли на руководителя Еврейской секции Международного рабочего ордена (Jewish Section of the International Workers Order) в США Р. Зальцмана, который от имени Американского комитета еврейских писателей, артистов и ученых организовал Михоэлсу и Феферу официальные приглашения в США³².

Эта поездка задумывалась как широковещательное пропагандистское турне по североамериканским городам. Всю организационную часть визита брал на себя левый американский журналист и общественный деятель Б. Ц. Гольдберг. Выходец из России (эмигрировал в 1907 г.), к тому же зять известного еврейского литературного классика Шолом-Алейхема, он, начиная с 1920-х гг., тесно сотрудничал с советскими властями и не только в делах, связанных с публикацией произведений своего прославленного родственника. По всей вероятности, его в пропагандистских целях использовали не только советские, но и американские спецслужбы. Позднее, когда МГБ понадобилось обосновать «преступную деятельность» руководителей ЕАК, оно инкриминировало им контакты с этим «двойником», объявив того американским шпионом.

Но это было потом, а в середине июня 1943 г. Гольдберг, слыл «лучшим другом» Советского Союза и приветствовал в аэропорту Нью-Йорка прилетевших из Москвы (через Тегеран–Багдад–Каир–Хартум–Акку–Майями) Михоэлса и Фефера. По окончании официальной церемонии встречи прибывшие направились в

советское генеральное консульство, где после обеда уединились для беседы с резидентом советской разведки в США В. М. Зарубиным. Тот проинструктировал Михоэлса и Фефера, обязав их поддерживать с ним и его сотрудником Клариным постоянную связь³³. А потом пестрой чередой последовали встречи, банкеты, приемы, многолюдные митинги, устраивавшиеся в честь советских гостей различными международными и американскими еврейскими общественно-политическими, культурными и благотворительными организациями. Состоялись и встречи с представителями русской и украинской диаспор.

Кроме Нью-Йорка, Михоэлс и Фефер побывали в 14 крупных городах США, в том числе Питтсбурге, Чикаго, Детройте, Бостоне, Лос-Анджелесе. В Нью-Йорке на стадионе Поло-Граундс в их честь прошел грандиозный митинг (47 тыс. участников), на котором выступили еврейский писатель Шолом Аш, афроамериканский певец Поль Робсон, писатель Эптон Синклер и другие видные общественные деятели США. В университетском Принстоне Михоэлса и Фефера принял Альберт Эйнштейн. Во время беседы хозяин, явно проявляя скепсис по поводу неоднократных публичных заверений своих гостей о полной ликвидации антисемитизма в СССР, заметил в духе основателя сионизма Т. Герцля, что антисемитизм это всегдашняя тень евреев в диаспоре³⁴.

На западном побережье США делегатов советского еврейства приветствовали 10-тысячный митинг в Сан-Франциско и виртуозное выступление скрипача Иегуди Менухина. Потом был 7-тысячный митинг в Лос-Анджелесе, где гости посетили американскую кино столицу Голливуд. Там, помимо таких известных кинодеятелей, как Чарли Чаплин, Жан Ренуар, актер Эдди Кантор, их приветствовали писатели Томас Манн, Лион Фейхтвангер, Теодор Драйзер. Между прочим, Чаплин поведал Михоэлсу историю о том, как осенью 1941 г. был вызван в Вашингтон для объяснений в сенатскую комиссию Конгресса, обвинившей его в том, что своим фильмом «Диктатор» он подстрекал к войне против Германии. Впоследствии, в разгар маккартизма в 1952 г. Чаплин, обвиненный в симпатиях к коммунистам, вынужден был перебраться в Европу. Возвратиться в США он смог только через 20 лет, уже после смерти директора ФБР Э. Гувера, стараниями которого на всемирно известного артиста было создано объемное полицейское досье (более 1,5 тыс. страниц)³⁵.

Руководителей ЕАК принимали также лидер сионизма президент ВСО Хаим Вейцман, с которым Михоэлс познакомился еще в 1928 г. во время гастролей ГОСЕТа в Париже, а также руководители Все-

мирного еврейского конгресса (World Jewish Congress; ВЕК) Нахум Гольдман и раввин Стивен Уайз.

Далее путь Михоэлса и Фефера лежал в соседнюю Мексику. Эту поездку организовали писатель, журналист и левый сионист Маркос (Мордехай) Корона, возглавлявший Лигу помощи Советскому Союзу и посол СССР в Мексике К. А. Уманский. В середине августа они встречали Михоэлса и Фефера в аэропорту Мехико-Сити, расцвеченном советскими, мексиканскими и бело-голубыми еврейскими флагами.

Михоэлс хорошо знал Уманского, который рекомендовал его североамериканским сионистам как человека, пользовавшегося большим авторитетом в советских правительственных кругах. Уманский был незаурядной и в то же время трагической личностью. Отличный знаток русского авангарда в живописи, друг журналиста М. Е. Кольцова, в 1930-е гг. он работал корреспондентом ТАСС в странах Западной Европы, потом стал заведующим отделом печати в НКВД, куда, несмотря на недавнее массовое смещение евреев, некоторых из них все же продолжали какое-то время принимать на работу в силу необходимости*. В 1939 г. Уманского направили послом в США. В критические для Советского Союза дни ноября 1941 г. Уманский был отозван в Москву, передав свои полномочия более маститому дипломату М. М. Литвинову, имевшему ранг заместителя наркома иностранных дел. В НКВДе Уманскому предложили должность члена коллегии, курирующего ТАСС. В мае 1943-го он получил назначение послом в Мексику. Жизнь Уманского закончилась трагически. В январе 1945 г. он погиб при загадочных обстоятельствах во время перелета в Коста-Рику. Четыре года власти Мексики проводили расследование и не пришли ни к чему определенному относительно причин этой авиационной катастрофы. Есть свидетельства, что к смерти дипломата был причастен резидент советской разведки в Мексике полковник Л. П. Василевский, который до этого воевал летчиком в Испании, а потом был награжден орденом Красного Знамени за участие в операции по ликвидации Троцкого. Так или иначе, но в любом случае Уманский был, скорее всего, обречен. Его случайная или кем-то подстроенная смерть только приблизила неизбежный финал. Позже Эренбург напишет: «Может быть, и об Уманском следует сказать, что он умер вовремя?»³⁶.

* Как потом по этому поводу высказался В. М. Молотов, считавший Уманского «несерьезным», – «другого не было» (Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. С. 97).

Думается, что гибель Уманского была каким-то образом связана с той «коренизационной» кадровой кампанией, которая охватила советские внешнеполитические структуры с июня 1943 г., то есть сразу же после роспуска Коминтерна, чье делопроизводство было передано во вновь образованный и возглавленный А. С. Щербаковым отдел международной информации ЦК ВКП(б). Вскоре в Москву были отозваны со своих постов послы в США и Англии М. М. Литвинов и И. М. Майский (так Сталин поступил, вроде бы, и в пику союзникам, медлившим с открытием второго фронта), которые, правда, оставались на почетных, но реально малозначимых постах заместителей наркома иностранных дел до тех пор, пока в 1946 г. (когда антисемитизм стал резко прогрессировать) не были отправлены на пенсию³⁷.

Вспышки «бытовой» юдофобии в советском тылу

В Новом Свете Михоэлс и Фефер помимо США и Мексики побывали еще в Канаде, где, например, в Монреале их приветствовал 10-тысячный митинг общественности. Возвращаясь на родину, они провели несколько недель в Англии. В Москву руководители ЕАК вернулись в конце ноября 1943 г. Недолго они пребывали в эйфории после триумфального заграничного турне. Им, окунувшимся в родную, отмеченную нарастанием антисемитизма действительность, оставалось разве что пожалеть, что того чуда «полной победы» советских людей над этим злом, о котором они, сами в него не веря, говорили Эйнштейну и возвестили на митинге в Лос-Анджелесе, так в их отсутствие и не произошло. Напротив, очень скоро им пришлось убедиться, что под воздействием колоссального социального стресса военного времени, а также вражеской расистской пропаганды (распространялась, например, через листовки, разбрасывавшиеся немецкой авиацией над линией фронта и прифронтовыми советскими территориями; через контакты с населением освобожденных областей, обрабатывавшимся в период оккупации в юдофобском духе и т. д.)*, юдофобия превращалась во все более массовое и социально обостренное явление советской жизни. Так называемый бытовой антисемитизм, который, как казалось в начале 1930-х гг., канул в лету, вновь ожил на фоне общей неустроенности, разрухи, других тягот и лише-

* Подробно: Шехтман И. Указ. соч. С. 240–246; Шварц С. М. Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1952. С. 190–192; Альтман И. А. Указ. соч. С. 40–56.

ний, порожденных войной. Отмечал это и Эренбург, правда, в очень витиеватой и «закодированной» форме (видимо, памятуя о чрезвычайно болезненном отношении к этой теме властей). Выступая в начале апреля 1944 г. на организованном ЕАК третьем митинге еврейской общественности, он сказал: «Трупный яд (антисемитизма. – Г. К.) опасен для всех народов. Предрассудки распространяются быстрее, нежели познания. Прививку нужно найти, изготовить, переслать, а микробы путешествуют без виз и без лицензий...»³⁸

Эти «микробы» оказались столь вирулентны, что активно действовали даже в глубоком советском тылу, на территориях, отстоявших за тысячи километров от линии фронта, – в Западной Сибири, Казахстане, Средней Азии. Именно там встречались потоки эвакуированных еврейских беженцев и отправлявшихся в тыл раненых фронтовиков и военных инвалидов, людей с опаленной войной психикой и подвергшихся на фронте воздействию гитлеровской пропаганды. Бытовой антисемитизм «подогревался» еще и тем, что среди эвакуированных евреев было немало выходцев из Польши, которые уже одним своим «экзотическим» видом и полной неприспособленностью к специфике советской жизни вызывали раздражение местного населения. Особенно часто антисемитские эксцессы вспыхивали на рынках. И если враждебность к польским евреям возникала вследствие бросавшейся в глаза «чужеродности» (незнание русского языка, непривычный внешний вид, манеры и т. п.), то к «русским евреям» (главным образом из числа состоятельных служащих эвакуированных предприятий и учреждений) – потому что те, располагая деньгами, не скупилась при покупке продуктов, что способствовало росту цен.

В одном из совершенно секретных сообщений 3 управления НКВД СССР, направленном в августе 1942 г. на имя Берии, говорилось о том, что в Узбекистане в связи с приездом «по эвакуации значительного количества граждан СССР еврейской национальности антисоветские элементы, используя недовольство отдельных местных жителей уплотнением жилплощади, повышением рыночных цен и стремлением части эвакуированных евреев устроиться в систему торгующих, снабженческих и заготовительных организаций, активизировали контрреволюционную работу в направлении разжигания антисемитизма. В результате в Узбекистане имели место три случая избиения евреев, сопровождавшиеся антисемитскими выкриками». Несмотря на то, что хулиганствующие антисемиты и подстрекатели погромов были арестованы, еврейское население Самарканда, Ташкента и других среднеазиатских городов еще долго было озабочено собственной безопасностью. Нечто подобное творилось и в Казахстане. 15 октября

Прокурор СССР В. М. Бочков секретно проинформировал заместителя председателя СНК СССР А. Я. Вышинского о том, что по всей республике в первом полугодии 1942 г. за погромную агитацию, подстрекательство и хулиганские действия против эвакуированных евреев было осуждено 20 человек, а с 1 августа по 4 сентября только в Алма-Атинской и Семипалатинской области – уже 42 человека³⁹.

Однако власти не везде принимали меры к обузданию страстей на национальной почве. Кое-где местное начальство, явно пользуясь попустительством центра, предпочитало «не замечать» проявлений юдофобии. Вот что в мае 1943 г. сообщил редактору газеты «Красная звезда» Д. И. Ортенбергу писатель А. Н. Степанов, находившийся тогда в эвакуации в г. Фрунзе (Киргизия): «Об антисемитизме. Демобилизованные из армии раненые являются главными его распространителями. Они открыто говорят, что евреи уклоняются от войны, сидят по тылам на тепленьких местечках и ведут настоящую погромную агитацию. Я был свидетелем, как евреев выгоняли из очередей, избивали даже женщин те же безногие калеки. Раненые в отпусках часто возглавляют такие хулиганские выходы. Со стороны милиции по отношению к таким проступкам проявляется преступная мягкость, граничащая с прямым попустительством»⁴⁰.

Проявления «аппаратного» антисемитизма

Ортенберг направил эту информацию в ЦК, куда 30 июля его вызвали, но как оказалось не по письму Степанова. Принявший редактора Щербаков объявил о решении ЦК сменить руководство «Красной звезды». А когда обескураженный Ортенберг поинтересовался, что объявить сотрудникам по поводу столь неожиданной его отставки, последовал ответ: «Скажите, что без мотивировки». Размышляя впоследствии о причинах своего смещения, Ортенберг вспомнил, как за несколько месяцев до этого Щербаков, так же неожиданно вызвал его и без объяснений потребовал очистить центральную армейскую газету от евреев⁴¹.

Единственный, кто мог заступиться за Ортенберга в 1943 г., был Л. З. Мехлис, содействовавший его назначению 30 июня 1941 г. на этот пост, однако тот был в немилости у Сталина, возложившего на него как представителя Ставки Верховного Главнокомандования ответственность за разгром в мае 1942 г. советской группировки на Керченском полуострове. Тогда Мехлис был смещен с поста заместителя наркома обороны, полномочия руководителя Главпура передали Щербакову.

Изгнанный из газеты Ортенберг, тем не менее, продолжал служить в армейских политорганах, пока в 1949 г., в разгар борьбы с космополитизмом ему опять не стали намекать на его «нежелательную» национальность. Желая предотвратить новую отставку, он направил Сталину письмо, в котором вновь просил разъяснить причину давнишнего увольнения из «Красной звезды». Однако ответа не последовало. В апреле 1950 г. его отстранили от исполнения обязанностей заместителя начальника политуправления Московского района ПВО, а 29 июля демобилизовали из армии, причем, как и прежде, без объяснения причин⁴².

Набиравший силу чиновный антисемитизм проявлялся не только в виде закулисных кадровых люстраций, но иногда даже в открытой печати, хотя опять же в завуалированной форме. В январе 1943 г. в журнале «Большевик» появилась статья председателя Президиума Верховного Совета РСФСР и заместителя председателя Президиума Верховного Совета СССР А. Е. Бадаева, в которой этот старый большевик и бывший депутат IV Государственной думы, процитировав слова Сталина о том, что «дружба народов СССР – большое и серьезное завоевание», привел статистику национального состава военнослужащих, награжденных боевыми орденами и медалями. Указав отдельно, сколько таковых было среди русских, украинцев, белорусов и других «титовых» национальностей, он, перечисляя потом уже чохом (без конкретных цифр) остальные этносы, чьи представители удостоились государственных наград за время войны, упомянул в самом конце – после бурят, черкесов, хакасов, аварцев, кумыков, якутов – и евреев. Налицо было явное стремление принизить заслуги последних в вооруженной борьбе с врагом. Ведь по данным главного управления кадров Наркомата обороны СССР на 15 января 1943 г., по количеству награжденных евреи (6767 чел.) находились на четвертом месте после русских (187178 чел.), украинцев (44344 чел.) и белорусов (7210 чел.). Более того, через полгода евреи по полученным наградам вышли на третье место, опередив белорусов. На 1 июня 1943 г. среди удостоенных боевых наград числилось уже 11908 евреев, а на 1 января 1944 г. – 32067⁴³.

Возмущенные таким пренебрежительным отношением к заслугам целого народа, Михоэлс и Эпштейн написали 2 апреля 1943 г. записку Щербакову, в которой высказали опасение, что подобная подача информации может быть использована «гитлеровскими агентами», распространявшими слухи о том, что «евреи не воюют». Этот слух, будучи в значительной мере порождением антисемитизма властей, так глубоко угнездился в обыденном сознании, что превратился в ус-

тойчивый, доживший до нашего времени миф. На самом деле, вклад евреев в вооруженную борьбу с захватчиками был весом. В годы войны в рядах Красной армии сражались 434 тыс. евреев, что было пропорционально их общей численности и соответствовало среднему национальному показателю по стране. За ратные подвиги 160772 еврея были награждены боевыми орденами и медалями, в том числе 120 чел. были удостоены высшей степени отличия – звания Героя Советского Союза⁴⁴.

Демарш, предпринятый руководителями ЕАК, так ничего и не дал. Их письмо Щербакову, подобно многим аналогичным обращениям, было проигнорировано адресатом и направлено в архив⁴⁵. Налицо было явное недовольство секретаря ЦК по идеологии руководством ЕАК, возникшее еще в период проведения в Москве второго пленума ЕАК (18–20 февраля 1943 г.), на котором впервые во всеуслышание было сказано о растущем внутри страны антисемитизме. Инициатором постановки этой проблемы выступил Эренбург, который позднее прямо заявил, что «ради пропаганды против фашизма среди евреев за рубежом нечего было создавать Еврейский антифашистский комитет, ибо евреи меньше всего нуждаются в антифашистской пропаганде» и что «главная задача ЕАК – в борьбе против антисемитизма у нас в стране»⁴⁶.

И хотя подобная дискуссия находила свое отражение разве только на страницах малотиражной еврейской «Эйникайт», тем не менее, сама, несанкционированная сверху, попытка руководства ЕАК заняться наряду с внешнеполитической пропагандой еще и внутренними проблемами советского еврейства не могла не встревожить Старую площадь. Там, не надеясь более только на Эпштейна, этого давнего осведомителя органов, решили усилить надзор над ЕАК.

* О чувствах, которые испытал Щербаков, читая это послание, можно судить по жирному вопросительному знаку, начертанному им, видимо, в раздражении и недоумении рядом со словами о том, что «второй пленум ЕАК прошел под знаком Вашего указания (то есть указания Щербакова, что им было выделено. – Г. К.)... больше и ярче подчеркнуть героизм еврейских масс Советского Союза против фашизма...». Между прочим, зная об особой озабоченности Щербакова еврейским вопросом», Молотов и другие члены Политбюро, случалось, подтрунивали над ним, называя «Щербаковым» и «Щербаковским». Инициатором таких шуток был Сталин, еще в 1926–1929 гг. ради забавы часто «переименовавший» Молотова в «Молотовича» и «Молотштейна» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 127. Л. 175 об.; Независимая газета. 1991. 12 февраля; Письма И. В. Сталина В. М. Молотову, 1925–1936 гг. Сб. документов. М., 1995. С. 82, 169).

С этой целью было проведено кадровое «укрепление» СИБ: вместо В. С. Кружкова, «ослабившего» контроль над еврейским комитетом, 9 июня 1943 г. на должность ответственного секретаря был направлен заместитель Александрова Н. И. Кондаков, который должен был более жестко, чем его предшественник, негласно противостоять «либерализму» Лозовского. Незадолго до этого он забраковал подготовленное Эренбургом обращение СИБ к американским евреям, заявив, что «незачем упоминать о подвигах евреев–солдат Красной армии: «Это бахвальство». А когда недовольный Эренбург, явившись в Главпур, пожаловался Щербакову, тот, взяв своего подчиненного под защиту, стал наставлять писателя: «Вы должны понять настроение русских людей. <...> Солдаты хотят услышать о Суворове, а вы цитируете Гейне... Бородино теперь ближе, чем парижская Коммуна. <...> Вы многого не понимаете. Прислушиваетесь к тому, что скажет Литвинов и Майский. А они оторвались от положения у нас...». Выступая вскоре в СИБ, Щербаков потребовал расширить круг авторов агентства «за счет русских людей, за счет украинцев и белорусов», так как «каждый из этих народов... располагает высокограмотной интеллигенцией»⁴⁷.

Данное ему поручение Кондаков выполнял со сверхусердием, при этом недалеким и твердолобым натурам. Уже через несколько месяцев после своего назначения он без обиняков заявил руководителям ЕАК, что они «приспособляются к сионистам» и что дальнейшее существование комитета «излишне». В 1944 г. нападки на «еаковцев» со стороны Кондакова, считавшего себя глазами и ушами ЦК в стане замаскированных еврейских националистов, заметно усилились. Не довольствуясь более мелкими доносами, он направил Щербакову объемную записку с характерным названием «О националистической линии в работе Еврейского антифашистского комитета»⁴⁸.

Однако деятельность Кондакова в СИБ вскоре завершилась так же неожиданно, как и началась. Очередная финансовая ревизия, проводившаяся летом 1944 г., выявила серьезные корыстные злоупотребления с его стороны, и он с позором был отправлен на низовую работу. Впав в истерику и угрожая покончить жизнь самоубийством, Кондаков тщетно пытался шантажировать Щербакова и заместителя председателя КПК при ЦК ВКП(б) М. Ф. Шкирятова, требуя от них реабилитации⁴⁹.

Ожегшись на морально нечистоплотном Кондакове, в ЦК прибегли к более тонкой тактике сдерживания «националистической тенденции» в деятельности ЕАК: в июле в состав президиума комитета были введены такие, далекие от еврейской культуры, но всецело пре-

данные идеи сталинского большевизма функционеры, как М. И. Губельман (председатель ЦК профсоюза работников государственной торговли, брат Е. Ярославского), Л. А. Шейнин (начальник Высших инженерных курсов Наркомата путей сообщения, личный друг Л. М. Кагановича; сначала, ссылаясь на незнание еврейского языка, отказывался от назначения, но потом под нажимом Щербакова дал согласие), С. Л. Брегман (заместитель наркома государственного контроля РСФСР) и З. А. Бриккер (председатель ЦК профсоюза кинофотоработников). Оценивая последующую их работу в ЕАК, можно сказать, что они стали активными проводниками усилий партapparата, направленных против «националистического перерождения» ЕАК и превращения его в «наркомат по еврейским делам» (особенно Брегман), что, впрочем, не спасло последнего от ареста в 1949 г.⁵⁰

В то же время за призывы бороться с внутренним антисемитизмом был одернут Эренбург, который хотя и критиковал только бытовую юдофобию, а не заведомо табуированный антисемитизм сталинских верхов, тем не менее, невольно вторгся в опасную для «непосвященных» сферу тайной государственной политики. Правда, наказание последовало не сразу. Пока шла война, от номенклатурной мести Эренбурга ограждала его огромная популярность в народе, заслуженная хлесткой, эмоционально насыщенной антифашистской публицистикой и, конечно, благоволение к нему Сталина. Однако после того как боевые действия перекинулись на территорию рейха, и скорый разгром гитлеризма стал очевидным, антинемецкие, на грани шовинизма статьи Эренбурга теперь обернулись против него. Ему, с начала войны утверждавшему, что «немец по природе своей зверь», была уготована роль козла отпущения, на которого партийные идеологи решили переложить ответственность за издержки пропаганды бескомпромиссной ненависти к врагу. 14 апреля 1945 г. в «Правде» появилась статья Г. Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает», в которой писатель выставлялся чуть ли не главным вдохновителем жестокостей и насилий, чинившихся советскими войсками против гражданского населения Германии. Тем самым руководитель УПиА одним выстрелом убил двух зайцев: преподал строптивому литератору публичный урок послушания и выполнил указание Сталина начать психологическую перестройку армии в духе отказа от мести поверженному врагу.

Обескураженный показательной моральной поркой, Эренбург уже на следующий день обратился к Сталину. «Я выражал не какую-то свою линию, а чувства нашего народа... – писал он. – Ни редакторы, ни Отдел печати мне не говорили, что я пишу неправильно... Статья,

напечатанная в Ц[ентральном] О[ргане], естественно, создает вокруг меня атмосферу осуждения и моральной изоляции. Я верю в Вашу справедливость и прошу Вас решить, заслужено ли это мной»⁵¹. Однако это послание вследствие сложившейся практики номенклатурного прикрытия (помощник Сталина Поскребышев не докладывал шефу «малозначительную» информацию, критиковавшую ЦК*) так и не дошло до адресата. Оно оказалось в секретариате Маленкова, который похоронил его в архиве. Вместе с тем, возможно, чтобы предотвратить повторное обращение к Сталину, идеологическое начальство пошло с Эренбургом «на мировую», сняв запрет с публикаций писателя и поместив 10 мая в «Правде» его большую статью.

Со своей стороны, Эренбург с этого времени дистанцировался от ЕАК и еврейских проблем и уже остерегался во всеуслышание обличать антисемитские настроения в стране, в полной мере осознав, что в противном случае многим рискует. Ведь в еврейской среде уже несколько лет ходили упорные слухи о том, что «главные антисемиты засели в ЦК», и именно оттуда исходят циркуляры со странными дискриминационными новациями в области национальной политики.

Впервые о подготовленных в аппарате ЦК «секретном постановлении» и «конфиденциальной инструкции» о введении процентной нормы для евреев, поступающих в вузы, а также о снятии их с ответственных постов в учреждениях и на предприятиях было со ссылкой на анонимные свидетельства упомянуто в вышедшей в начале холодной войны книге советского перебежчика И. С. Гузенко. В период «перестройки» нечто похожее стал утверждать и Р. А. Медведев: осенью 1944 г. ЦК разослал всем парткомам так называемый маленковский циркуляр, положивший начало дискриминационной политике советских властей в отношении евреев⁵².

И хотя в действительности никаких письменных антиеврейских директив не рассылалось (так как такое действие формально подпадало под статью закона об уголовном преследовании за возбуждение национальной розни), устные указания такого характера, несомненно, были, что подтверждается многочисленными свидетельствами (см. ниже).

Причем, явное усиление подобной аппаратной активности на национальной почве происходило под прикрытием патриотической пропаганды, интенсивное наращивание которой обычно происходит в критические для нации периоды. Весьма примечательно на

* См.: Аксенов Ю. С. Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. С. 91.

сей счет мнение Дж. Оруэлла, писавшего в годы войны: «А отчего русские с такой яростью сопротивляются немецкому вторжению? Отчасти, видимо, их воодушевляет еще не до конца забытый идеал социалистической утопии, но прежде всего – необходимость защитить Святую Русь (“священную землю отечества” и т. п.)... Энергия, действительно делающая мир тем, что он есть, порождается чувствами – национальной гордости, преклонением перед вождем, религиозной верой, воинственным пылом – словом, эмоциями, от которых либерально настроенные интеллигенты отмахиваются бездумно, как от пережитка»⁵³.

Такая апелляция к патриотизму была не только оправдана, но и необходима в то судьбоносное время. Уместно было и учреждение в конце июля 1942 г. новых боевых орденов – Суворова, Кутузова и Александра Невского, а потом, в октябре 1943 г., – и ордена Богдана Хмельницкого, символизировавшего единство славянских народов в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Направляя здоровый патриотизм народа, инстинктивно проявившийся в тяжкую годину, на мобилизацию всех ресурсов во имя достижения победы, сталинское руководство, конечно, в полной мере отдавало себе отчет в том, что спасение страны это залог и его собственного выживания. При этом в силу ущербности и репрессивности социально-политической природы режима (война лишь частично «нейтрализовала», но не устранила его негативную сущность!) энергия патриотизма отнюдь не всегда стимулировалась конструктивными методами. Особенно наглядно это проявилось в негласной, «изнаночной» деятельности Агитпропа, решившего летом 1942 г. взять реванш за сорвавшуюся перед войной попытку начать в подведомственной сфере так называемое национальное регулирование кадров. Произошло это в наиболее драматические дни битвы под Сталинградом, когда на Старой площади вдруг закипели страсти по вопросу «о подборе и выдвижении кадров в искусстве». Именно так называлась записка начальника УПиА Александрова, направленная 17 августа секретарям ЦК Маленкову, Щербакову и Андрееву. С первых же строк в ней нагнетались страхи: «...отсутствие правильной и твердой партийной линии в деле развития советского искусства в Комитете по делам искусств при СНК СССР и имеющийся самотек в работе учреждений искусства привели к извращениям политики партии в деле подбора, выдвижения и воспитания руководящего состава учреждений искусства, а также вокалистов, музыкантов, режиссеров, критиков и поставили наши театры и музыкальные учреждения в крайне тяжелое положение».

Далее краски, живописавшие кадровую ситуацию в сфере культуры, еще более сгущались, и делался тревожный вывод о том, что там правят бал «нерусские люди (преимущественно евреи)», а «русские люди оказались в меньшинстве». Затем следовал набор, точнее, подбор призванных подтвердить это фактов. Начав с Большого театра, названного в записке «центром и вышкой русской музыкальной культуры и оперного искусства СССР», ее авторы утверждали, что «руководящий состав» этого театра «целиком нерусский». Не лучше, как следовало из послания, обстояли дела в столичной консерватории, где все «почти полностью находится в руках нерусских людей»: директор Гольденвейзер – «еврей, его заместитель Столяров – еврей <...> основные кафедры в консерватории (фортепиано, скрипка, пение, история музыки находятся в руках евреев: Фейнберга, Ямпольского, Мострас, Дорлиак, Гедике, Пекелиса и др.»

«Вопиющие извращения национальной политики» были обнаружены и в деятельности московской филармонии, где «всеми делами» вершил «делец... беспартийный Локшин – еврей, и группа его приближенных администраторов-евреев: Гинзбург, Векслер, Арканов и др.». Столь же негативно оценивалась и музыкальная критика, в которой также отмечалось «преобладание нерусских». Рассуждения о «еврейском засилье» в искусстве подкреплялись выводом о том, что «...неправильному, тенденциозному, одностороннему освещению в печати вопросов музыки <...> способствует то обстоятельство, что во главе отделов литературы и искусства <...> центральных газет стоят также нерусские».

Записка итожилась требованием «вменить в обязанность Комитету по делам искусств при СНК СССР проводить последовательную и неуклонно правильную политику в области искусства», для чего предлагалось «разработать мероприятия по подготовке и выдвижению русских кадров» и «провести уже сейчас частичное обновление руководящих кадров в ряде учреждений искусства»⁵⁴.

Этот демарш Агитпропа, порожденный, в том числе, прогрессирующим интеллектуальным конформизмом советской творческой элиты и конкурентной борьбой внутри этого слоя, инициировала негласную кампанию борьбы за «чистоту русского искусства», явно подрывавшую сакральное «морально-политическое единство советского общества».

Одним из результатов этой инициативы стало последовавшее 19 ноября решение председателя Комитета по делам искусств М. Б. Храпченко заменить А. Б. Гольденвейзера, «имеющего преклонный возраст», на посту директора Московской консерватории

композитором В. Я. Шебалиным. Масштабы антиеврейской чистки в консерватории могли бы быть более значительными, если бы в защиту преследуемых не выступила элита творческой интеллигенции, в том числе, выдающиеся русские музыканты. Когда, например, в сентябре 1943 г. над профессором по классу скрипки Е. М. Гузиковым нависла угроза увольнения, такие известные композиторы, как Н. Я. Мясковский, Д. Д. Шостакович и Ю. А. Шапорин подписали петицию в его поддержку. Так же решительно протестовали деятели музыкальной культуры и против подобных проявлений в собственных рядах. Скажем, 9 ноября 1944 г. на заседании президиума оргкомитета Союза советских композиторов (ССК) выступили А. И. Хачатурян, Д. Б. Кабалевский, Н. Я. Мясковский и некоторые их коллеги, которые резко осудили композитора-песенника Б. А. Мокроусова, незадолго до этого устроившего пьяный антисемитский дебош в бильярдной клуба ССК⁵⁵.

Тот же Храпченко 22 мая 1943 г. представил Щербакову «Список руководящих работников в области искусства евреев по национальности», содержащей четырнадцать фамилий кандидатур на увольнение, среди которых значились директора ведущих московских и ленинградских театров⁵⁶.

Уловив суть веяний на олимпе власти, руководитель другого ведомства, управлявшего культурой, – Комитета по делам кинематографии при СНК СССР – И. Г. Большаков внес свою лепту в дело национально-кадрового очищения искусства. 24 октября 1942 г. он доложил Щербакову об отклонении им предложения С. М. Эйзенштейна утвердить актрису Ф. Г. Раневскую на роль княгини Ефросинии Старицкой в фильме «Иван Грозный». Свое решение чиновник мотивировал тем, что «семитские черты у Раневской очень ярко выступают, особенно на крупных планах». В подкрепление довода к письму прилагались фотографии (анфас и профиль) кинопроб актрисы. Столь веские в то время аргументы сделали свое дело, и дочь зажиточного коммерсанта и старосты таганрогской хоральной синагоги Григория Фельдмана так и не сыграла в фильме Эйзенштейна, несмотря на все старания режиссера и его помощников на Алма-Атинской киностудии⁵⁷.

5 апреля 1943 г. Большаков с чувством гордости за работу вверенно ему ведомства рапортовал Маленкову, что из числа молодых режиссеров, кинооператоров, художников и сценаристов, подготовленных в последнее время Всесоюзным институтом кинематографии, кинокомитет «отобрал наиболее одаренных и способных товарищей, главным образом русских...» «Это, – отмечал он, – будет иметь огромное значение в деле освежения кинематографических кадров...»⁵⁸.

Примерно в то же время, видимо не без участия руководства Комитета по делам кинематографии, была выдвинута идея переименования киностудии «Мосфильм» в «Русьфильм» с последующей переориентацией этой крупнейшей в стране кинофабрики на производство продукции исключительно по русской национальной тематике. Русскими должны были быть и кинематографические кадры – режиссеры, актеры и другие специалисты, работавшие на киностудии. И. А. Пырьев и некоторые другие известные кинорежиссеры поддержали проект. Но были и те, кто выступил против. Пожалуй, более других возражал режиссер М. И. Ромм, направивший свой протест Сталину. Известный киномастер обратил внимание вождя на то, что его «детище – советская кинематография находится <...> в небывалом состоянии разброда, растерянности и упадка». По мнению Ромма, причины кризисных явлений в кино коренились отнюдь не в трудностях военного времени, а носили во многом субъективный характер. В качестве главного виновника назывался Большаков. «За последние месяцы в кинематографии, – писал Ромм, – произошло 15–20 перемещений и снятий крупных работников (Большаковым были смещены художественные руководители Алма-Атинской киностудии Ю. Я. Райзман и Л. З. Трауберг. – Г. К.) <...> Все <...> перемещения и снятия не объяснимы никакими политическими и деловыми соображениями. А так как все снятые работники оказались евреями, а заменившие их – не евреями, то кое-кто после первого периода недоумения стал объяснять эти перемещения антиеврейскими тенденциями в руководстве Комитета по делам кинематографии <...> Проверяя себя, я убедился, что за последние месяцы мне очень часто приходится вспоминать о своем еврейском происхождении, хотя до сих пор я за 25 лет советской власти никогда не думал об этом, ибо родился в Иркутске, вырос в Москве, говорю только по-русски и чувствовал себя всегда русским, полноценным. Если даже у меня появляются такие мысли, то, значит, в кинематографии очень неблагоприятно, особенно если вспомнить, что мы ведем войну с фашизмом, начертавшим антисемитизм на своем знамени». Позже Ромм был приглашен в ЦК к Александрову, который пообещал возвратить на «Мосфильм» некоторых уволенных работников – евреев. У режиссера тогда сложилось впечатление, что цековское начальство стремится замаять нежелательный для него скандал на «Мосфильме». Возможно, поэтому проект создания «Русьфильма» был свернут⁵⁹.

Произошел сбой и в ходе чистки в Большом театре. Там вместо намечавшейся тотальной замены кадров еврейской национальности были уволены только исполнявший обязанности директора Я. Л. Леонтьев и художественный руководитель главный дирижер

С. А. Самосуд. Видимо, это было связано с опасением Сталина (тот часто бывал в Большом театре, который с мая 1930 г. считался «правительственным», и лично контролировал там ситуацию), что борьба «за чистоту русского искусства» может привести к дезорганизации и развалу ее главного очага. К такой мысли вождя, возможно, подвел Жданов (враждовал с Щербаковым и Александровым). По его рекомендации новым директором Большого театра и его художественным руководителем были утверждены соответственно Ф. П. Бондаренко и А. М. Пазовский, которые занимали аналогичные должности в Ленинградском театре оперы и балета им. Кирова. И если первый был русским, то второй – сыном крещеного еврея-кантониста⁶⁰.

Явно неудовлетворенный такими результатами Александров вместе со своим заместителем по Агитпропу Т. М. Зуевой направил 15 июля 1943 г. в Секретариат ЦК новую записку, озаглавленную «О работе Государственного академического Большого театра Союза ССР». В ней – все тот же, что и в аналогичном послании годичной давности, псевдопатриотический пафос, все те же пестрившие еврейскими фамилиями списки «руководящего состава, подобранного односторонне по национальному признаку», а в конце – истеричный вывод о том, что «Большой театр стоит перед угрозой серьезного кризиса и требует укрепления руководящими работниками»⁶¹.

Однако на сей раз никакой реакции сверху вообще не последовало, что, впрочем, не смутило неугомонного Александрова, который принялся «наводить порядок» в другой подведомственной сфере – журналистике. В результате 22 ноября 1944 г. цековский функционер и член редколлегии «Правды» Л. Ф. Ильичев заменил на посту главного редактора «Известий» Л. Я. Ровинского. Незадолго до этого тот подвергся нападкам со стороны УПиА, инкриминировавшего ему целый набор прегрешений: «безответственное отношение к редактированию газеты» («почти в каждом номере имеют место грубые грамматические ошибки», «уродуется русский литературный язык», «без надобности употребляются иностранные слова»), опубликовал «хвалебную» статью о художнике Л. В. Сойфертисе, чье творчество отмечено «грубыми формалистическими тенденциями», обошел молчанием всероссийский смотр русских хоров и, наконец, допустил «засорение» редакции такими кадрами, как О. С. Войтинская, С. Г. Розенберг, В. В. Беликов, Б. Л. Белогорский-Вайсберг. Кроме того, Ровинскому припомнили его пребывание в 1917–1918 гг. в партии меньшевиков. Впрочем, из-за особенно острого в годы войны дефицита квалифицированных журналистов всех евреев тогда из «Известий» не уволили, временно отложив завершение чистки. С но-

вой силой она возобновилась с конца 1946 г., после того как Ильичев представил в ЦК следующие данные о национальном составе редакции: из 184 сотрудников газеты 144 – русские, 27 – евреи, пять – украинцы, восемь – представители других национальностей⁶².

Проводить чистки в редакциях газет, журналов, а также в издательствах оказалось и проще, и сподручнее. Во всяком случае, кадровикам со Старой площади не пришлось преодолевать там проблем, возникавших из-за заступничества влиятельных покровителей, коллег и т. п. при увольнении, скажем, известных деятелей искусства нежелательной национальности. Очень оперативно и деловито прошла, например, проверка национального состава сотрудников Учпедгиза. Руководивший ею первый заместитель начальника УК ЦК Н. Н. Шаталин доложил в мае 1943 г. Маленкову о том, что в издательстве выявлена большая «засоренность» кадров «нерусскими людьми» (назывался и видный специалист по русскому языку Д. Э. Розенталь). Было предложено сделать внушение главе Наркомпроса РСФСР В. П. Потемкину, в чьем ведении находилось издательство. Нетрудно догадаться, в чем именно упрекали этого выходца из старой рафинированной интеллигенции, к тому же крупного гебраиста, защитившего до революции докторскую диссертацию о еврейских пророках, но, видимо, с трудом приспособившегося к новым веяниям во властных структурах. 17 мая секретариат ЦК признал «ненормальной» ситуацию в Учпедгизе, поручив Александрову выработать по ней конкретные кадровые «оргвыводы»⁶³.

Шовинистический угар, затронувший гуманитарную сферу, не обошел стороной и Союз советских писателей (ССП). Руководству ЦК при осуществлении национально-кадровых экзерсисов и тут пришлось столкнуться с некоторыми трудностями, главная из которых была связана с руководителем союза А. А. Фадеевым. Став в 1926 г. секретарем Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) и издав вскоре роман «Разгром», этот литератор стяжал популярность в широких массах и поддержку в верхах. На встрече в 1932 г. бывшего руководства РАППа (распущенного к тому времени) с членами Политбюро (знаменитое свидание в особняке М. Горького) Фадеева заметил Сталин. Вождь, назвавший тогда советских писателей инженерами человеческих душ, стал покровительствовать молодому литератору, назначив вскоре заместителем председателя оргкомитета ССП, а в январе 1939 г. – секретарем президиума правления союза. С этого времени и начал вызревать конфликт между этим новоиспеченным литературным генералом, бравировавшим особыми отношениями с вождем, и чиновниками со Старой площади, которые с тех

пор при всяком удобном случае стремились опорочить в глазах Сталина его строптивного фаворита, благо тот сам давал для этого немало поводов. К осени 1943 г. в ЦК накопилось на Фадеева достаточно компромата, причем не только о его фривольных похождениях (на что Сталин смотрел сквозь пальцы), но и о «серьезных упущениях» в руководстве «литературным фронтом». В конце сентября Александров и Шаталин представили в Секретариат ЦК записку о беспорядках в редактировавшейся Фадеевым газете «Литература и искусство». Причина неблагополучия в редакции усмотрели в том, что в ней «подвизались» «люди, мало понимающие в искусстве и путаники», «политически сомнительные сотрудники». Затем, как тогда стало привычным, был составлен длинный список фамилий, главным образом, еврейских. В прилагавшемся проекте постановления ЦК предлагалось «освободить от работы в газете гг. Крути, Рабиновича, Мирскую, Кальма (Кальмеера) как явно непригодных для этой работы», а также вместо Фадеева назначить редактором Н. С. Тихонова⁶⁴.

На сей раз Сталин внял просьбе напористо действовавшего партаппарата. В феврале 1944 г. Фадеева не только убрали из газеты, но и вывели из руководства ССП. Вместо него на вновь учрежденную должность председателя правления союза был утвержден беспартийный, но послушный аппарату Тихонов. Этому литератору предстояло больше представлять, чем править, тогда как реальным главой ССП стал первый заместитель Александра Д. А. Поликарпов, назначенный секретарем правления писательского союза⁶⁵.

Драматических последствий такого внедрения агитпроповцев в руководство творческой организацией долго ждать не пришлось. Уже через несколько месяцев появилось «дело» Литературного института – высшего учебного заведения, функционировавшего при ССП с 1934 г. Исходным пунктом послужила информация из МКК ВКП(б) о том, что некоторые студенты института в качестве альтернативы социалистическому реализму выдвинули новую «литературную платформу», именуемую «необарокко», которая, «базируясь на поэзии И. Л. Сельвинского и других конструктивистов», служила орудием критики творчества К. М. Симонова. «Сигналом» этим в ЦК заинтересовались, хотя особенно ему не удивились, ибо Литературный институт уже успел зарекомендовать себя на Старой площади как рассадник непозволительного вольномыслия. Еще в 1941–1942 гг. за «антисоветскую пропаганду» было арестовано шесть студентов института (в том числе, будущий скульптор Ф. Сучков). Тем не менее, предвкушая солидные политические дивиденды от громкого разоблачения опасной для государства крамолы, провер-

кой института занялись лично Александров и Поликарпов. 18 мая 1944 г. они положили на стол Щербакову справку «О состоянии Литературного института при Союзе советских писателей», в которой наиболее активными антисоветчиками были названы студенты Белинков, Эльштейн и Ингал. Давались и личные характеристики этих возмутителей институтского спокойствия, вот одна из них: «Белинков*, двадцати двух лет, по национальности еврей. Сын бухгалтера, дипломник, учился в семинаре Сельвинского, называет его своим апостолом и учителем; посещал писателя Шкловского и находился под его влиянием; в настоящее время арестован органами государственной безопасности; представил как дипломную работу рукопись “Черновик чувств”, что является антисоветской вылазкой; открыто симпатизирует философам-идеалистам Платону, Канту, Бергсону, Ницше; пишет о себе как о заговорщике и конспираторе: “От своих друзей я требую партийности... Кроме того, в душе я заговорщик и конспиратор...”».

Приводилась и «национальная» статистика: «студентов русских – 76 человек (67 %), евреев – 28 человек (24 %), украинцев – четыре человека, армян – два человека».

Агитпроп потребовал не только снять с работы директора Литературного института, но и закрытия самого учебного заведения, что и было 26 июля 1944 г. санкционировано постановлением Секретариата ЦК. Однако, казалось бы, безнадежное для института положение спас, как это не парадоксально, критиковавшийся «необарокковцами» К. М. Симонов, убежденный в том, что в интересах талантливых фронтовиков с «богатым жизненным опытом» необходимо сохранить уникальное учебное заведение, очистив его, «разумеется», от «накипи» «прилитературных девушек и зеленых юнцов, не видевших жизни». И поскольку в результате опалы Фадеева «рейтинг» Симонова как еще одного фаворита «от литературы» Сталина резко возрос, последний прислушался к его мнению и отменил уже вступившее в действие решение Секретариата, что случалось чрезвычайно редко⁶⁶.

* А. В. Белинков считался лидером нонконформистского студенчества Литературного института. 30 января 1944 г. был арестован и приговорен к 8 годам лагерей. До «посадки» на коллективных читках у себя на квартире успел ознакомить 250 студентов с написанным в стиле «необарокко» романом «Черновик чувств», названным так по совету М. М. Зощенко. За литературную деятельность в лагере получил дополнительный 25-летний срок. На свободу вышел в 1956 г., а в 1968-м, находясь в командировке в Югославии, бежал на Запад. В 1996-м, через двадцать шесть лет после смерти автора, его извлеченный из архива КГБ «Черновик чувств» был издан в Москве.

Реакция в обществе на «еврейскую чистку»

Хотя антисемитская подоплека этого и других вышеописанных эпизодов тщательно скрывалась, чиновники, проводившие под прикрытием всеильной власти подобные чистки, все же не могли быть полностью уверенными в собственной безнаказанности. Они, конечно, отдавали себе отчет в том, что антиеврейская направленность их действий не вполне легитимна, и потому не могли не ощущать двусмысленности своего положения. Больше всего их тревожило то, что формальная незаконность антисемитской политики делала их уязвимыми как для критики сверху (в скандальных ситуациях начальство, случалось, лицемерно переводило «стрелку» персональной ответственности за «извращение национальной политики» на подчиненных), так и особенно для критики снизу, то есть не ограждала от порой бурной реакции жертв такой политики и людей, им сочувствовавших. Особенно много таких протестов было на начальной стадии официального антисемитизма (с конца 1930-х до середины 1940-х гг.), когда общество, столкнувшись с его первыми проявлениями, погрузилось в смятение, преодолеть которое смогло лишь освоив новые правила игры. В начале этой «адаптации» немало евреев терялось в догадках, предлагая собственные версии происходившего. Охватившая их тревога особенно ярко отразилась в строках датированного 13 мая 1943 г. письма ветерана партии Я. Гринберга, в котором тот, выражая «чаяния большой группы художественной интеллигенции», обращался к Сталину: «...чем можно объяснить, что в нашей советской стране в столь суровое время мутная волна отвратительного антисемитизма возродилась и проникла в отдельные советские аппараты и даже партийные организации? Что это? Преступная глупость не в меру ретивых людей, невольное содействующих фашистской агентуре, или что-либо иное? Существуют собственные измышления и догадки о том, что, возможно, сверху было дано какое-то указание о развитии русской национальной культуры, может быть, даже о проведении национального регулирования выдвигаемых кадров. В органах, ведающих искусством, об этом говорят с таинственным видом, шепотом на ухо. В результате это породило враждебное отношение к евреям, работающим в этой области. На практике получилось так, что секторы кадров в Комитете по делам искусств и ему подведомственных аппаратах подбирают только русских работников вплоть до администратора передвижного театра. <...> Эта политика развязала многим темным и неустойчивым элементам языки, и настроение у многих

коммунистов очень тяжелое... Знаю, что с большой тревогой об этом явлении говорят народный артист тов. Михоэлс, народный артист А. Я. Таиров... Известно, что ряд представителей художественной интеллигенции (евреев) обратились к писателю И. Эренбургу с просьбой поставить этот вопрос. Со мной об этих явлениях говорил писатель Борис Горбатов. Уже дошло до того, что отдельные коммунисты (русские) и даже секретари низовой партийной организации (например, в Управлении по делам искусств Мосгорисполкома) начинают совершенно официально ставить вопрос о «засоренности» аппарата евреями, выдвигают обвинения в «протаскивании евреев». В Управлении по делам искусств пришлось даже делать подсчет и определять, нарушена ли еврейская норма: четыре еврея на 30 работников аппарата!»

В конце письма автор, подозревавший, что обострение «еврейского вопроса» – не случайность, просил Сталина лично разобраться в этом деле. Однако, действуя по установившейся схеме, секретарь Сталина А. Н. Поскребышев, не доложив письма вождю, направил его «по принадлежности» Шербакову, тот – А. А. Андрееву, который, в свою очередь, – в УПиА, упрятавшее неприятное послание в архив⁶⁷.

Примерно тогда же к Сталину обратилась и Л. С. Штерн, первая советская женщина-академик, приехавшая в страну социализма из Швейцарии в 1925 г. и в 1929-м возглавившая основанный ею Институт физиологии. В своем письме она поведала, что встревожена информацией, полученной от некоего профессора Штора, работавшего у нее в институте и возглавлявшего кафедру в МГУ. Тот пожаловался на ректора университета, который, ссылаясь на будто бы принятое постановление правительства, предложил ему отказаться от руководства кафедрой: «неудобно, когда в университете Ломоносова у руководства кафедрой стоит еврей». Штерн сообщила также, что потом и сама была приглашена к директору Тропического института АН СССР П. Г. Сергиеву, который от имени наркома здравоохранения СССР Г. А. Митерева потребовал от нее как главного редактора «Бюллетеня экспериментальной биологии и медицины» уволить двух сотрудников-евреев, работавших в редакции журнала. Подкрепляя свое указание, Сергиев тоже сослался на некое указание сверху о сокращении евреев в руководстве медициной чуть ли не на 90 %. «Видите ли, – пояснил он Штерн, – Гитлер бросает листовки и указывает, что повсюду в СССР евреи. А это унижает культуру русского народа». Устное указание Митерева произвело на Штерн столь тягостное впечатление, что та не могла сдержать слез, информируя о

нем своих коллег и друзей. Своими переживаниями она поделилась и с Е. Ярославским, который, засомневшись в существовании официальной антиеврейской директивы, посоветовал обратиться к Сталину, что она и сделала.

Через несколько дней Штерн вызвали в ЦК, где по поручению Сталина ее приняли Маленков и Шаталин. Не знакомая с аппаратным политесом, она в резкой форме заявила им, что известные ей факты гонений на евреев – «это дело вражеской руки и, возможно, даже в аппарате ЦК завелись люди, которые дают такие указания». Явно не ожидая столь категоричных выводов, Маленков растерялся и, не придумав ничего лучшего, заявил, что разговоры об официальном антисемитизме это происки «разного рода шпионов-диверсантов», которые во множестве забрасываются гитлеровцами в советский тыл. По словам Штерн, Маленков тогда «сильно ругал Сергиева, а потом сказал, что необходимо восстановить редакцию в таком виде, в каком она была прежде».

С аналогичным протестом обратился в ЦК и главный врач столичной Боткинской больницы Б. А. Шимелиович*, которого Маленков также вынужден был успокаивать, вызвав на Старую площадь. Вскоре нарком Митерев получил нагоняй от ЦК: там не понравились его грубые методы антиеврейской чистки, вызвавшие нежелательный для властных структур скандал⁶⁸.

Тем не менее, когда в 1944 г. создавалась Академия медицинских наук СССР, среди ее 60 членов оказалось только 5 евреев, что, конечно, не вполне соответствовало той довольно существенной роли, которую играли интеллигенты этой национальности в тогдашней медицине⁶⁹.

Еврейская интеллигенция, как и весь советский народ, радостно предчувствовала скорую победу над фашизмом. Однако те ее представители, которые так или иначе контактировали с верхами и ощущали, что называется, на себе идейно-политическую трансформацию сталинизма, не могли не испытывать и резонную тревогу по поводу

* В начале 1944 г. Шимелиович по просьбе руководства ЕАК подготовил проект записки руководству страны. Он писал: «...нельзя пройти мимо того неоспоримого факта, что в результате войны антисемитизм находит благоприятную почву во многих весьма ответственных учреждениях... и ... находит свое выражение... в открытой, грубой и беззастенчивой форме в виде освобождения евреев от должностей и т. д. Все это создает... особо тяжелое настроение у довольно значительной части еврейской интеллигенции...». Отправить наверх столь откровенное послание руководителя ЕАК, разумеется, не решились (Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. С. 209).

своего послевоенного завтра. Красноречивым подтверждением тому служит текст секретного спецсообщения об «антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов», направленного в 1943 г. наркомом госбезопасности В. Н. Меркуловым в Кремль. Среди прочих в нем были зафиксированы следующие характерные высказывания поэта М. А. Светлова: «...революция кончается на том, с чего она началась. Теперь – процентная норма для евреев, табель о рангах, погоны и прочие «радости». Такой кругооборот даже мы не предвидели...», и литератора В. Б. Шкловского: «...меня по-прежнему больше всего мучает та же мысль: победа ничего не даст хорошего, она не внесет никаких изменений в строй... Значит, выхода нет. Наш режим всегда был наиболее циничным из когда-либо существовавших, но антисемитизм коммунистической партии – это просто прелесть... Нынешнее моральное убожество расцветет после войны»⁷⁰.

Показательно, что подготовил эту информацию никто иной как заместитель начальника 3 отдела 2 управления НКГБ СССР майор государственной безопасности Ф. Г. Шубняков, который спустя несколько лет примет непосредственное участие в тайной ликвидации Михоэлса.

Начав оформляться как политика советского аппарата еще до войны, официальный антисемитизм с ее началом был практически свернут советским руководством, которое, в том числе, и в интересах собственного выживания должно было полностью сосредоточиться на мобилизации общества на отражение фашистской агрессии. Более того, для достижения этой цели сталинский режим пошел на создание ЕАК, что стимулировало общественную активность еврейской творческой интеллигенции и обернулось немалым ее вкладом в достижение победы над врагом.

Однако после того как нацистский «блицкриг» был отражен, и советские верхи почувствовали себя более или менее уверенно, антисемитизм вновь начал заявлять о себе. Особенно отчетливо это проявилось в замалчивании трагедии Холокоста и инициированной в 1942 г. негласной кадровой чистке в рядах творческой ИЕП. Эта кампания, прикрывавшаяся демагогическим лозунгом борьбы «за чистоту русского искусства», наглядно показала, что пропагандистские спекуляции на русском патриотизме определенно способствовали усилению официального антисемитизма, развитие которого, вместе с тем, носило отнюдь не прямолинейный характер. Дело в

том, что на генезис этого феномена оказывала сильное влияние как изменчивая и прихотливая воля вождя, так и перманентно инспирировавшаяся последним борьба за власть между группировками, существовавшими в управленческой элите. Такая «технология» внутриноменклатурных разборок помогала Сталину поддерживать свое единовластие. Когда, например, он благоволил к Маленкову и Щербакову, повышая тем самым их властный «рейтинг», почти всегда происходило ужесточение антиеврейских кадровых чисток, а если в фаворе оказывались конкуренты последних – Жданов и стоявшие за ним «ленинградцы» – наблюдалось частичное их свертывание. В полной мере такая закономерность проявилась уже после войны. Наряду с прочим это означало, что временами к подобию либерализма вынужден был прибегать даже жесткий сталинский режим, повышавший таким парадоксальным образом свою жизнестойкость. (Поистине, даже знойной и засушливой пустыне ради поддержания скудного жизненного баланса необходим, пусть и редко, освежающий дождь).

Сталкиваясь в годы войны с еще робкими проявлениями официального антисемитизма, еврейская интеллектуальная элита верила или, точнее, хотела верить, что начавшие практиковаться в отношении нее ограничения носят преходящий, случайный характер, что они исходят от отдельных чиновников и порождены трудностями военного времени. Казалось, что закончится война, быстро наладится нормальная жизнь, и с ожившим было антисемитизмом как «пережитком прошлого» будет покончено навсегда. Однако подобным мечтам не суждено было сбыться. Впрочем, самое серьезное, что могло произойти, – легализация скрытого аппаратного антисемитизма и слияние его в едином потоке со стихийной юдофобией масс, – к счастью, не случилось. Пока шла война, прагматичный Сталин не решился на масштабные антиеврейские действия, хотя его завуалированный личный антисемитизм, чутко угадывавшийся ретивым в исполнении прихотей «хозяина» аппаратным окружением, скорее всего, и спровоцировал ту же кампанию «за чистоту русского искусства». Однако вождь не мог не понимать, что подобная авантюра чревата для советских верхов непредсказуемыми последствиями: дискредитацией в глазах мирового общественного мнения, неизбежными осложнениями во взаимоотношениях с союзниками, усилением межнациональных трений внутри общества и подрывом его единства и сплоченности, наконец, нежелательным отождествлением с нацистской идеологией и политикой. Поэтому в интересах дела (точнее, сохранения собственной власти) Сталин не только не допустил серьезных проявле-

ний «бытовой» юдофобии, но и усиления официального антисемитизма, ограничивая его пока узкими рамками. Однако после войны в стране и мире сложилась принципиально иная ситуация, чреватая, как оказалось, серьезными испытаниями для советского интеллектуального еврейства.

Примечания

¹ Шехтман И. Советское еврейство в германо-советской войне // Еврейский мир. Сб. 1944 года (Нью-Йорк, 1944). Иерусалим–М.–Мн., 2001. С. 231; Deutcher I. Stalin: A Political Biography. New York, 1967. P. 175; Шварц С. М. Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1952. С. 236–238, 253.

² Солженицын А. И. Двести лет вместе. Ч. 2. М., 2002. С. 343–348.

³ Шварц С. М. Указ. соч. С. 239.

⁴ Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 29–30; Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 211; № 9. С. 212; № 10. С. 207.

⁵ Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 208.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 67. Л. 226–228.

⁷ Куповецкий М. С. Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 2 (9). С. 137, 145, 151; Альтман И. А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР 1941–1945 гг. М., 2002. С. 303; Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации. С. 5–7. Altshuler M. Op. cit. P. 9, 16. Шварц С. М. Указ. соч. С. 238, 253. Die Dimension des Völkermordes / Hrsg. von W. Benz. München, 1991. S. 560.

⁸ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации. С. 39.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 175. Л. 7 об.-8; Шехтман И. Указ. соч. С. 240–242.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 85. Л. 83–84.

¹¹ Бердяев Н. А. Духи русской революции. М. – Париж, 1922. С. 25.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 26.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 35. Л. 74.

¹⁴ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948. С. 28.

¹⁵ Правда. 1942. 7 января.

¹⁶ Правда. 1942. 28 апреля.

¹⁷ Правда. 1942. 19 декабря.

¹⁸ Безыменский Л. А. Будапештский мессия: Рауль Валленберг. М., 2001. С. 32–49; Альтман И. А. Жертвы ненависти. С. 393–398.

¹⁹ Правда. 1943. 5 августа; Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Вып. 1. М., 1943. С. 26; Сообщения Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний не-

мецко-фашистских захватчиков и их союзников. М., 1944. С. 4–10; Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы. М., 1941–1945. Т. 5. С. 79, 80, 149. Т. 12. С. 23–24, 34–45, 58, 59. Т. 13. С. 24, 33–35, 50–53, 74, 75, 81–83. Т. 14. С. 13–17; Шварц С. М. Указ. соч. С. 179.

²⁰ Правда. 1944. 20 сент., 23 дек.; 1945. 5 апреля.

²¹ Правда. 1945. 7 мая.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 285. Л. 103–108.

²³ Большевик. 1942. № 16. С. 40–45.

²⁴ Большевик. 1942. № 19–20. С. 96.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 63. Л. 206–206 об., 211, 213; Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948. Документированная история. / Под ред. Ш. Редлиха и Г. В. Костырченко. М., 1996. С. 50–52.

²⁶ Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948. Документ. история. С. 35–47.

²⁷ ГА РФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 916. Л. 27–32. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 868. Л. 42–43.

²⁸ Советско-израильские отношения. 1941–1953. Сб. документов. В 2-х тт. / Ред. Б. Л. Колокольников, Э. Бенцур и др. М., 2000. Т. 1. Кн. 1. С. 15–21, 24.

²⁹ Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948. С. 13–26; Redlich S. Propaganda and Nationalism in Wartime Russia: The Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR. 1941–1948. Boulder (USA), 1982. P. 15–37.

³⁰ Levin N. The Jews in the Soviet Union since 1917. Paradox of Survival. Vol. 1. P. 364, 372.

³¹ Щит и меч. 1992. 3 сентября. № 36 (126).

³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 59. Л. 29; Д. 35. Л. 62–63; Д. 106. Л. 1–3; Д. 112. Л. 126; Советско-израильские отношения. Т. 1. Кн. 1. С. 68–70; Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета / Отв. ред. В. П. Наумов. М., 1994. С. 146–149, 154, 159.

³³ Неправедный суд. С. 169–170, 234.

³⁴ Герцль Т. Еврейское государство. Опыт новейшего разрешения еврейского вопроса // Авинери Ш. Происхождение сионизма. Основные направления в еврейской политической мысли. М., 2004. С. 205–209; Гиленсон Б. Приближая День Победы, как могли // Еврейская газета. 1992. № 9 (73). С. 6.

³⁵ Михоэлс Соломон Михайлович. Статьи, беседы, речи. С. 280.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1941. Л. 6, 109; Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь // Собр. соч. в 9 тт. М., 1967. Т. 9. С. 362.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 112.

³⁸ Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948. С. 80.

³⁹ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 973. Л. 123.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 190. Л. 16–17.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 118. Л. 8–10; Ортенберг Д. И. Сорок третий: рассказ-хроника. М., 1991. С. 399.

⁴² Изаков Б. Р. «Летучие годы, дальние края...» От 20-х до 80-х: Записки старого журналиста. М., 1988. С. 186; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 925. Л. 71–72; Оп. 119. Д. 211. Л. 196.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 127. Л. 125, 200, 220; Блокнот агитатора Красной Армии. 1944. № 3. С. 46.

⁴⁴ Подробно: Арад И. Холокауст. Иерусалим, 1990. С. 102–130; Свердлов Ф. Д. В строю отважных. Очерки о евреях – Героях Советского Союза. М., 1992. С. 9–10; Солженицын А. И. Двести лет вместе. Ч. 2. С. 357–369; Шварц С. М. Указ. соч. С. 185–189.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 127. Л. 175–175 об.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 903. Л. 56–38; Эйникайт. 1943. 15 марта.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 158. Л. 17–20; Оп. 128. Д. 868. Л. 87; Звенья. Исторический альманах. Вып. 1 / Ред.-сост. Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский. М., 1991. С. 550; ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 2. Д. 167. Л. 10–11; Илья Эренбург. Люди, годы жизнь: фрагменты, запрещенные цензурой / Подг. Б. Я. Фрезинским // Независимая газета. 1991. 29 января. С. 5.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 349. Л. 24; ГАРФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 910. Л. 28–29; ЦАФСБ РФ. Дело Еврейского антифашистского комитета (№ 2354). Арх. № Р-3208. Т. 41. С. 54–75.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 162. Л. 45; Оп. 117. Д. 429. Л. 87–89.

⁵⁰ Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. С. 173.

⁵¹ «Литературный фронт». История политической цензуры 1932–1946 гг. Сб. документов. С. 156–157.

⁵² Guzenko I. The Iron Curtain. New York, 1948. P. 157; Юность. 1989. № 9. С. 73.

⁵³ Цит. по: Собеседник. 1990. № 31.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 123. Л. 21–24.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 839. Л. 149, 153; Оп. 125. Д. 235. Л. 146–148.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 12. Л. 126–133; Оп. 125. Д. 126. Л. 16–17.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 124. Л. 66–71.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 126. Л. 11–12.

⁵⁹ Громов Е. С. Сталин: власть и искусство. М., 1998. С. 350–352.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 333. Л. 6.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 216. Л. 101–104.

⁶² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1051. Л. 44; Оп. 117. Д. 408. Л. 90. Д. 452. Л. 160–176; Д. 463. Л. 156–157; Д. 672. Л. 101.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 347. Л. 29, 37.

⁶⁴ См.: «Литературный фронт». С. 76–104; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 193. Л. 140–148.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 431. Л. 147, 152–158.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 477. Л. 61–61об.; Оп. 125. Д. 285. Л. 71–73.

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Л. 121–122, 123–125.

⁶⁸ Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. С. 209, 276, 317–318.

⁶⁹ Медицинский работник. 1944. 16 ноября.

⁷⁰ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 2002. С. 489, 493–494.

Глава 3. НАРАСТАНИЕ ГОНЕНИЙ (1945–1949)

Борьба с «антипатриотами» и «космополитами»

Победный 1945-й явился для Сталина не только годом военного триумфа, ознаменовавшегося увенчанием его «имперской короной» в виде преподнесенного маршалами звания генералиссимуса. Это был также год апофеоза сталинской национально-государственной доктрины, апеллировавшей к традициям русского патриотизма. Не случайно, выступая 24 мая в Кремле на приеме в честь командующих войсками Красной армии, генсек провозгласил тост «за здоровье русского народа», который «заслужил в <...> войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов... страны»¹.

Однако интересы мощной империи, которая, установив контроль над Восточной Европой и превратившись в мировую державу, вышла за пределы одного государства, не позволяли Сталину почитать на лаврах триумфатора. Локомотив международной политики на всех парах въезжал в мрачный и весьма протяженный «тоннель» холодной войны, драматической точкой отсчета которой стала, по мнению многих, фултонская речь У. Черчилля 5 марта 1946 г., заявившего, что от Штеттина на Балтике и до Триеста на Адриатике железный занавес опустился на Европейский континент². В анналы истории позднее вошли и такие знаменательные вехи этой эпохи, как американские «доктрина Трумэна», «план Маршалла» и советская блокада Западного Берлина. Мир раскололся на две противостоящих и враждебных друг другу политические силы: «свободный мир», признанным лидером которого были США, и, по определению Жданова, «лагерь антиимпериалистический и демократический во главе с СССР»³. Идеологические разногласия, приглушенные, было войной, теперь, в связи с возникновением биполярной системы политического миропорядка («капиталистический Запад против коммунистического Востока»), вновь вышли в на передний план, став

лейтмотивом набиравшей силу глобальной идейно-политической конфронтации.

Вот почему в действиях Сталина тогда явственно обозначилось стремление осуществить в кратчайшие сроки тотальную идеологическую мобилизацию общества, возродить господствовавшую в стране в первые послереволюционные десятилетия психологию осажденной крепости. Однако достижению этой цели препятствовала инерция победной эйфории народа, принесшего неисчислимые жертвы за право на достойную мирную жизнь и продолжавшего в большинстве своем симпатизировать странам-союзницам по антигитлеровской коалиции. То же самое можно сказать и о подспудной деидеологизации советского общества, которая заметно усилилась с конца 1930-х гг. (с момента заключения пакта с Германией и укрепления позиций в советском руководстве номенклатурной технократии во главе с Маленковым и Берией) и достигла своего пика в годы войны (ропуск в угоду западным демократиям Коминтерна, частичная реабилитация Русской православной церкви и т. п.).

Чтобы пресечь дальнейшее всенародное «идейное разоружение», Сталин уже спустя несколько месяцев после окончания войны приступил к «закручиванию гаек» в духовной сфере. В этом крылась одна из причин «отлучения» в 1946 г. технократа-хозяйственника Маленкова от Секретариата ЦК и руководства идеологической сферой и возвышения опытного партфункционера гуманитарного склада А. А. Жданова. Последний, сохранив приверженность революционно-большевистской догме, с таким энтузиазмом (несмотря на слабое здоровье) взялся за реализацию послевоенного идеологического курса диктатора, что этот политический феномен даже вошел в историю под мрачноватым названием «ждановщина». И хотя на самом деле Жданов лишь публично разыгрывал сценарии, закулисным автором которых был Сталин, это не мешало ему воспринимать их как собственные.

Презентацией новой идеологической кампании стало широко распропагандированное поношение А. А. Ахматовой и М. М. Зощенко. Именно тогда в принятом 14 августа 1946 г. постановлении ЦК ВКП(б) впервые прозвучала резкая критика литераторов за дух «низкопоклонства по отношению ко всему иностранному»⁴.

С 1947 г. борьба с «антипатриотизмом» вылилась в массированную кампанию, и сигналом к этой атаке по всему идеологическому фронту стало так называемое «дело «КР»» – организованное властями показательное разбирательство по поводу передачи американцам «секретного антиракового препарата», разработанного советскими

микробиологами супругами Н. Г. Ключевой и Г. И. Роскиным. В июне 1947 г. эти ученые подверглись шельмованию, представ перед специально учрежденным при Минздраве СССР «судом чести»*.

В зале присутствовали светила советской науки, известные всей стране медики, в том числе и еврейского происхождения. Многие в ходе прений с энтузиазмом осуждали «продавших родину антипатриотов», не догадываясь, что очень скоро некоторые из них будут заклеены как «космополиты» или того хуже – «убийцы в белых халатах». Среди немногих, кому на том процессе удалось сохранить здравый смысл, была Л. С. Штерн, сказавшая в кулуарной беседе: «Этот суд – страшное дело»⁵.

На усиление культурного изоляционизма советской творческой интеллигенции, «ограждение» ее от «западнических течений», олицетворявших собой «по существу распад музыкальной формы, патологическое ее перерождение», было направлено подготовленное Ждановым постановление ЦК «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» от 10 февраля 1948 г. В том же году прошла печально знаменитая августовская сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), закрепившая монополию руководства отечественной биологической наукой в руках Т. Д. Лысенко, ловкого авантюриста, демагога и более чем посредственного ученого, заклеившего своих оппонентов как «вейсманистов – морганистов», эпигонов западных «лжеученых» – генетиков.

Следующим пароксизмом пропагандистского наступления на «антипатриотов» стала кампания против «космополитов», которая, как оказалось, в значительной мере была направлена против ИЕП.

Грозовые тучи над головами будущих жертв борьбы с космополитизмом стали сгущаться задолго до 1949 г., когда началась массированная идеологическая атака на них. Само слово «космополит» вошло в советский пропагандистский обиход еще в период войны, но, употребляясь от случая к случаю, оно до поры до времени не ассоциировалось с образом врага и тем более не носило характера расхожего ярлыка, который потом будет навешиваться властью на тех, в чьей преданности родине или, точнее, советскому государству она усомнится. Однако уже тогда под этим выражением подразумевалось совсем не то, что в него вкладывал, скажем, римский им-

* По постановлению ЦК ВКП(б) от 28 марта 1947 года такие же суды были созданы всеми министерствами и центральными ведомствами. (Подробнее о «деле “КР”» и «судах чести» см.: Есаков В. Д., Левина Е. С. Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001).

ператор-стоик Марк Аврелий, не без гордости провозглашавший: «Ты – гражданин мира, ты – космополит».

В послевоенном восприятии сталинских пропагандистов космополиты тем более не ассоциировались с гражданами будущего мира, лишенного государственных границ, да и самих наций, слившихся в единое человеческое сообщество, говорящее на одном языке и оставившее в прошлом войны, вражду и предрассудки на национальной почве. Происходившее тогда в стране в ущерб здравому смыслу стремительное усиление ксенофобии и изоляционистских настроений диктовало совершенно противоположную по смыслу трактовку, сводившуюся к тому, что космополиты – жалкие отщепенцы, в силу моральной испорченности и комплекса национальной неполноценности отвергающие культуру, историю и достижения своего народа и пресмыкающиеся перед «более передовыми» нациями, и потому достойные лишь презрения и осуждения.

В том, что термин «космополитизм» еще в войну стараниями советской пропаганды стал приобретать негативную семиотику, не было ничего случайного. Именно тогда произошел первый всплеск чиновного антисемитизма, который проявился в виде настойчивых попыток начать сверху так называемое национально-кадровое регулирование, означавшее на практике прежде всего постепенное вытеснение евреев из управленческих структур. Но поскольку верхушечная юдофобия носила латентный характер, публично она выражалась в форме обвинений в недостаточном патриотизме или его полном отсутствии. Возникло неписанное аппаратное правило в виде следующего неформального совета: «Чтоб не прослыть антисемитом, зови жида космополитом».

Корни этого циничного присловья уходят в XIX век, когда из погулившейся в романтику этнонационализма Европы в Россию перекочевал легендарный образ Агасфера, «Вечного жида» – бессмертного грешника и бесприютного скитальца во времени и пространстве. В середине 1850-х гг. писатель И. А. Гончаров, например, мог в цикле путевых очерков «Фрегат “Паллада”» поставить недогнувшей рукой знак равенства между космополитом и «жидом». Однако то, что воспринималось естественным образом в XVIII–XIX веках, когда антисемитизм открыто проповедовался, к примеру, такими выдающимися европейскими мыслителями, как Вольтер, Кант, Гегель, Шопенгауэр, к середине XX столетия, отмеченного бурным прогрессом во всех областях и страшной трагедией Холокоста, превратилось в нетерпимый и вредный анахронизм.

Однако, когда и по окончании Второй мировой войны в сталинском Советском Союзе пропагандисты заговорили о еврейском историке Иосифе Флавии как о первом космополите и стали проклинать «бандитского» космополита Троцкого, стало очевидным, что вековой предрассудок отнюдь не канул в прошлое вместе с поверженным гитлеровским нацизмом⁶.

Истинный смысл иностранного слова «космополит» вряд ли был понятен простым советским людям*, зазвучавшее особенно часто после войны оно воспринималось ими по преимуществу как одно из обозначений евреев. В основе такого отождествления лежало то, что в результате кардинальных социальных изменений, произошедших с начала века на территории бывшей Российской империи, евреи, оторвавшись в массе своей от национальных корней, в значительной мере утратили родной язык, самобытную культуру, религию, традиционный уклад жизни. За сравнительно короткий исторический период произошла почти полная их деэтнизация. Точнее, советскими евреями был пройден первый этап ассимиляции, в результате которого они, еще не вполне идентифицируя себя с русскими как доминирующей национальностью (процесс полного растворения в инонациональной среде происходит в течение жизни нескольких поколений), в значительной мере интернационализировались. Русский философ и культуролог Л. П. Карсавин, погибший в 1952 г. в ГУЛАГе, писал, что «ассимилирующийся и отрывающийся от своего народа еврей неизбежно становится абстрактным космополитом: не находит себе места ни в одном народе и остается в пространстве между нациями, [как] интернационалист»⁷.

Конечно, в СССР в результате интенсивной межэтнической интеграции, происходившей посредством межнациональных браков, миграции населения, под влиянием официальной пропаганды о дружбе народов и формировании единого советского народа, а также вследствие борьбы с так называемым буржуазным национализмом, одновременно интернационализировались («советизировались») и другие народы, в том числе и русские. Однако в случае с последними, обладавшими сильной, так сказать, национальной инерцией (в силу значительной численности населения и его коренного характера), это происходило гораздо медленнее, чем с таким экстерриториальным национальным меньшинством, как евреи.

* Вспоминается эпизод из фильма М. М. Хуциева «Весна на Заречной улице» (1956 г.), где шофер из промышленной глубинки так подтрунивает над молодой учительницей из Москвы: «Да, красоты здесь не наведешь. У нас космополитических кабинетов нет».

Такая неравномерность деэтнизации народов СССР приносила в общество болезненные противоречия, усугубляемые затеянными Сталиным пропагандистскими играми вокруг русского патриотизма, вектор которого был направлен в противоположную от интернационализации сторону. Выступая за внутреннюю консолидацию советских этносов вокруг доминирующей русской национальности, диктатор в условиях холодной войны воспринимал космополитизм прежде всего как эманацию агрессивного и стремящегося к глобальной гегемонии американского империализма, как своеобразный инструмент идеологической и культурной экспансии США в мире.

Обвиненными в космополитизме в принципе могли быть представители любой национальности (прежде всего интеллектуалы), тем или иным образом контактирующие с Западом (профессиональные, научные связи и интересы) или конструктивно апеллирующие к нему. Однако наиболее уязвимыми были евреи, имевшие многочисленных родственников за границей, где их соплеменники занимали ведущие позиции в интеллектуальной элите США и стран Западной Европы. По подсчетам современного израильского историка Б. Пинкуса, просмотревшего 56 советских периодических изданий за 1948–1953 гг., евреи составили 71 % всех представителей интеллигенции, обвиненных в космополитизме⁸.

Так получилось, что у истоков новой пропагандистской кампании, стоял уже не Агитпроп ЦК ВКП(б), чей начальник Александров как креатура попавшего в опалу Маленкова был отставлен в 1947 г., а Союз советских писателей (ССП) во главе с А. А. Фадеевым. Новое возвышение последнего пришлось на разгар громкого литературно-политического скандала, связанного с Ахматовой и Зощенко. 13 сентября 1946 г. Фадеев, вернувшийся благорасположение Сталина, был назначен генеральным секретарем писательского союза, а в феврале 1947 г. – председателем комитета по Сталинским премиям в области искусства и литературы. Карьерная реабилитация писателя обуславливалась не только тем, что он был фанатично предан Сталину, став его своеобразным «медиумом», улавливавшим любое желание и слово вождя, но еще и тем, что именно тогда понадобился авторитетный интеллектуал, способный, реализуя волю диктатора, преодолеть латентное сопротивление инертной бюрократии и инициировать очередную пропагандистско-кадровую кампанию.

Новый социальный заказ был сформулирован властью на состоявшейся 13 мая 1947 г. в Кремле встрече Сталина, Жданова и Молотова с руководством СПП в лице Фадеева, Симонова и Горбатова. Пообещав от имени государства щедрую материальную поддержку

ССП, Сталин представил «эскиз» своего идеологического задания: «А вот есть такая тема, которая очень важна <...> которой нужно, чтобы заинтересовались писатели. Это тема нашего советского патриотизма. Если взять нашу среднюю интеллигенцию <...> профессоров, врачей... у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой...»⁹.

Зерно тревожной мысли вождя упало в давно подготовленную почву. Еще 1943 г. Фадеев в ноябрьском номере журнала «Под знаменем марксизма» рассуждал о «ханжеских проповедях беспочвенного космополитизма». Так что писательская верхушка была готова к подобному наказу и восприняла его как сигнал к действию. Уже в конце июня 1947 г. Фадеев, выступая на XI пленуме правления ССП, направил свой обличительный пафос против «отдельных представителей интеллигенции», среди которой, как ему представлялось, «далеко еще не изжито преклонение перед <...> всем заграничным <...>». Рисуя затем образ типичного представителя низкопоклонников, литературный генсек обрушился с критикой на И. М. Нусинова. Его, возглавлявшего когда-то в ССП секцию еврейских писателей, Фадеев заклеил словами В. Г. Белинского: «Признаюсь, жалки и неприятны мне спокойные скептики, абстрактные человеки, беспачпортные бродяги в человечестве»¹⁰. Духовным отцом Нусинова Фадеев объявил академика А. Н. Веселовского (1838–1906), четверть века руководившего кафедрой западноевропейских литератур Петербургского университета и изучавшего русскую словесность во взаимосвязи со славянской, византийской, западноевропейской литературами, то есть, по Фадееву, – в контексте «антинаучной и реакционной идеи “единого мирового потока” развития мировой культуры». Свое выступление Фадеев завершил политической инвективой: «От традиций Веселовского идет и формализм Нусинова, к позитивисту Веселовскому профессор Нусинов пришел потому, что этот последний оказался ему ближе, чем марксизм»¹¹.

В «параллельности» нападок на советского профессора еврейского происхождения и давно умершего русского филолога – «западника» проявилась преемственность сталинских идеологов и дореволюционного почвеннического охранительства с присущим тому антисемитизмом. Эта идейная переключка между двумя эпохами – дореволюционной царской и послевоенной сталинской – не игра ума, как может показаться на первый взгляд, а очевидная реальность, даже хотя бы потому, что временной зазор между ними был относительно невелик.

Решающий бой «антипатриотам» Фадеев должен был дать на следующем, XII пленуме ССП, которой намечался на конец 1948 г. Поскольку этот форум планировалось посвятить обсуждению итогов выполнения постановления ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 г. «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», в эпицентре взрыва новой идеологической бомбы должны были оказаться драматурги и театральные критики. Выбор их в качестве «мишени» не был случайным. Сталин, как известно, считал театр по степени эффективности воздействия на массы вторым после кино идеологическим инструментом. В свое время он наставлял приближенных к нему «инженеров человеческих душ»: «Не пишите длинных романов, рабочий их все равно не одолеет. Пьесы сейчас тот вид искусства, который нам нужнее всего. Пьесу рабочий легко просмотрит. Через пьесы легко сделать наши идеи народными. Пьесы – самый массовый вид искусства в литературе. Вот почему пишите пьесы»¹².

Хотя в главной роли в новом пропагандистском спектакле должно было выступить руководство ССП, «оргподготовкой» XII писательского пленума занимался – по статусу – Агитпроп ЦК. Летом 1948 г. он был реорганизован и стал официально именоваться отделом пропаганды и агитации (ОПиА) ЦК. Главой обновленной структуры стал Д. Т. Шепилов (1905–1995), выдвиженец Жданова, стремившийся зарекомендовать себя просвещенным культуртрегером и в какой-то мере меценатом. Возможно, это назначение Сталин произвел следуя излюбленной методе поддерживать дух соперничества внутри своего ближайшего окружения, ибо предвидел обострение закулисной борьбы между не ладившим с Агитпропом фрондирующим Фадеевыми и новым идеологическим руководителем, которому, дабы самоутвердиться, необходимо было прибрать к рукам чрезмерно самостоятельного литературного генсека. Это обстоятельство, действительно, вскоре породило конфликт, придавший «изнаночной» стороне антикосмополитической кампании характер ожесточенной аппаратной разборки.

Поскольку, как известно, короля делает свита, первые шаги Шепилова на новом поприще во многом направлялись его ближайшими подчиненными из сектора искусств ОПиА – Б. С. Рюриковым, В. Н. Прокофьевым, Д. С. Писаревским, которые, скорее, являлись учеными-искусствоведами, нежели партийными функционерами. Как и их шеф, они покровительствовали профессионально близким им, либерально настроенным (условно говоря) столичным театральным критикам, входившим в возникшее сразу после войны объединение, напоминавшее чем-то западную гильдию театральных журналистов.

Поскольку объединение театральных критиков находилось одновременно под эгидой ССП и созданного в 1943 г. Всероссийского театрального общества (ВТО), оно обладало некоторой организационной и творческой автономией. Это позволяло театральным критикам быть в негласной оппозиции к Фадееву, тем более что внутри ССП их поддерживали руководитель комиссии по драматургии А. А. Крон и, самое главное, находившийся в фаворе у Сталина заместитель генсека союза писателей Симонов.

Высокое покровительство окрыляло критиков, рождая у них иллюзии широких возможностей и даже претензии на не всегда конформистские оценки и суждения. Их статьи часто публиковались на страницах массовых престижных периодических изданий, с редакциями которых они имели давно налаженные связи или были штатными сотрудниками некоторых из них. Особенно охотно их печатали в газетах «Советское искусство», «Культура и жизнь», главным редактором которой был Шепилов, в журналах «Новый мир» и «Театр». Однако прозападные эстетические предпочтения театральных критиков, которые власть терпела в первые послевоенные годы, стали все больше диссонировать с ужесточившимся идеологическим курсом партии. Кроме того, власти все менее были склонны мириться с явным преобладанием евреев среди этой категории литераторов. Еще в июне 1946 г. УК ЦК проинформировало секретаря ЦК А. А. Кузнецова о том, что из 29 критиков, выступающих в печати по вопросам театра, только 6 русских, причем подразумевалось, что большинство остальных критиков – евреи¹³.

Такое положение раздражало не только цеховских чиновников, но и стоявшую за Фадеевым группу драматургов и писателей, поставивших на поток производство незамысловатых, порой даже примитивных по сюжету и диалогам «народных» пьес на злобу дня. Выявить художественную никчемность этих опусов не составляло труда для театральных критиков, публиковавших на них едкие, а порой и ядовитые рецензии. В ответ обиженные драматурги, демагогически именовавшие себя истинными приверженцами метода социалистического реализма и перетянувшие на свою сторону Фадеева (играя на его пристрастии к лести и алкоголю), стали спланировать, захватывая ключевые позиции в ССП. Негласный лидер авторов пьес «для народа» драматург А. В. Софронов в 1947 году возглавил партийную организацию ССП, а в апреле следующего года сменил критика Л. М. Субоцкого (обвинялся в том, что «затирал многих талантливых русских писателей» и насаждал в аппарате ССП «своих людей исключительно нерусской национальности», создав из них славословящий «хор

Субоцкого») на посту секретаря правления союза¹⁴. С подачи Фадеева и благодаря поддержке покровителей во власти произведения Софронова и его единомышленников – А. А. Сурова (в 1952 г. этот автор пьесы «Порядочные люди» был разоблачен как плагиатор и исключен из ССП), А. А. Первенцева, Б. С. Ромашова, М. С. Бубеннова – регулярно стали отмечаться Сталинской премией.

Конфликт между двумя творческими группировками, усугублявшийся характерными для творческо-бюрократических структур nepотизмом и клановыми интересами, обострялся с каждым месяцем. Вместе с тем, чиновников со Старой площади все больше раздражал «властолюбивый генсек» (так потом назовет Фадеева М. А. Шолохов), который, бравирюя особыми связями со Сталиным, публично третировал даже секретаря ЦК М. А. Сулова¹⁵. На месте «неуправляемого» Фадеева руководство Агитпропа хотело видеть толерантного и уравновешенного Симонова, кстати, не кичившегося своей приближенностью к Сталину.

И вот в преддверии XII писательского пленума в ОПиА решили, что настал подходящий момент для того, чтобы, перейдя в наступление, обвинить Фадеева в упущениях в области драматургии, за что примерно наказать, а если удастся, то и сместить с поста генсека ССП. Атаку со Старой площади повели в духе изощренной «дебютной» комбинации. Сначала, занимаясь подготовкой для Секретариата ЦК итогового документа по проверке выполнения постановления ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 г. «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», Агитпроп поручил столичным литераторам (прежде всего театральным критикам) подготовить соответствующие экспертные материалы. А 27 ноября 1948 г. с санкции Шепилова в секторе искусств ОПиА прошло рабочее совещание с участием театральных критиков В. Ф. Залесского, Я. Л. Варшавского, Г. Н. Бояджијева, И. Л. Альтмана, И. И. Юзовского, А. П. Мацкина, А. М. Борщаговского, Л. А. Малюгина, редактора журнала «Театр» Г. С. Калашникова, драматурга А. А. Крона и др. Привлеченным экспертам сообщили о «серьезном неблагополучии в области современной советской драматургии» и дали задание в недельный срок представить в ЦК предложения по нормализации ситуации.

Почувствовав себя обремененными высоким доверием партии и считая свою победу обеспеченной, критики перешли к открытой конфронтации с Фадеевым и опекаемыми им литераторами. Это проявилось уже 29 ноября, когда в Москве под эгидой ВТО, Комитета по делам искусств и комиссии ССП по драматургии открылась творческая конференция, на которой подверглись обсуждению столичные

театральные спектакли, созданные к очередной годовщине Октябрьской революции. Выступивший с основным докладом Борщаговский заявил, что пьесы Софронова и Сулова идейно и художественно беспомощны, обвинив за их постановку Комитет по делам искусств, руководство МХАТа и Малого театра. Борщаговского поддержали Малюгин и театральные режиссеры Ф. Н. Каверин, А. Д. Попов, И. Н. Берсенев. И хотя руководство Комитета по делам искусств было шокировано «развязным поведением» Борщаговского, тем не менее, по команде из УПиА в «Литературной газете» от 4 декабря был помещен краткий одобрительный отчет о конференции.

Однако критической риторикой дело не ограничилось. В те же дни сотрудники ОПиА Рюриков и Прокофьев, явившись во МХАТ, потребовали от его худрука М. Н. Кедрова приостановить спектакли по пьесе Сулова «Зеленая улица». Вскоре те же чиновники, а также их коллега Писаревский, обобщив представленные критиками материалы о положении дел на «театральном фронте», представили Шепилову проект записки в Секретариат ЦК с обвинением руководства ССП в «провалах» в драматургии¹⁶.

Встревоженный нападками, Фадеев стал готовить ответный удар. В результате ему удалось заручиться поддержкой председателя Комитета по делам искусств при Совете министров СССР П. И. Лебедева, секретаря ЦК МК и МГК ВКП(б) Г. М. Попова (симпатизировал Софронову) и, наконец, второго секретаря ЦК Маленкова, давно мечтавшего прибрать к рукам пропагандистское ведомство партии – бывшую вотчину его недавнего соперника в борьбе за власть Жданова. Но, главное, Фадеев убедился, что он по-прежнему в фаворе у верховного арбитра аппаратных битв Сталина, что подтверждалось придворным слухом о том, что, побывав во МХАТе и Малом театре, «хозяин» остался доволен увиденными там спектаклями по пьесам Сулова и Софронова, посетовав при этом на «эстетствующих критиков», создавших «некое литературное подполье» и «взявших моду охаивать все лучшее, что появляется в советской драматургии»¹⁷.

Тем временем приближалось 15 декабря, на которое намечалось открытие XII пленума правления ССП. Однако вследствие закулисной борьбы, развернувшейся между Фадеевым и Агитпропом, не одобрившим отчетный доклад руководства писательского союза и потребовавшим отложить пленум, тот собрался только 18 декабря. Игнорируя запрет Шепилова, с основным докладом выступил Софронов, который, хотя и держался уверенно, уповав на влиятельных покровителей, однако дальше общих фраз и ответных выпадов в адрес отдельных критиков, ругавших его пьесы, все же не пошел. Взявший

затем слово Фадеев был настроен более решительно. Он обвинил театральные критиков не больше и не меньше как в идеологическом вредительстве, которое, по его словам, выразилось в том, что они «в первую очередь стремятся подбить ноги советским драматургам, отражающим новое в советской жизни». Тем самым был задан агрессивный тон последовавшей дискуссии, предопределившей резкое осуждение театральные критиков в итоговой резолюции¹⁸.

Возмущенная неповиновением в подведомственной сфере и исполненная начальственным гневом агитпроповская верхушка не смогла сразу трезво разобраться в происшедшем, в том числе, понять, что или, точнее, кто скрывается за вызывающим поведением Фадеева и его сторонников. Ослепленный негодованием, Шепилов запретил редакциям «Литературной газеты», «Культуры и жизни», «Советского искусства» и «Известий» печатать материалы писательского пленума. Сотрудникам «Советского искусства» в последний момент пришлось убрать из уже сверстанного номера доклад Софронова и речь Фадеева, заменив их кратким отчетом о пленуме. Когда же руководство этой газеты обратилось в ОПиА за официальным разъяснением, то получило хотя и витиеватый, но достаточно ясный ответ: «Союз советских писателей – творческая организация, и его решения для газеты “Советское искусство” не обязательны, у нее должна быть своя линия»¹⁹.

И только после того как 22 декабря «Литературная газета» опубликовала «вдруг» пространное изложение выступления Фадеева, а на следующий день и влиятельная «Правда» напечатала объемную статью Софронова, в которой тот утверждал, что подконтрольные Агитпропу издания («Театр», «Советское искусство») «предоставляют свои страницы снобистской, чуждой советскому искусству критике», до сотрудников ОПиА начал доходить истинный смысл происходящего. Поняв, что Сталин не на их стороне, они лихорадочно бросились обзванивать «своих» критиков, прося подготовить письма «самому» о том, что Фадеев и его окружение обманывают партию. Однако большинство критиков, напуганных и подавленных неожиданным поворотом событий, ответило отказом. Присутствия духа не потеряли лишь Альтман, прозванный друзьями «пламенным Иоганном» (заявил: «мы еще поборемся»), и Борщаговский, согласившийся по просьбе Симонова и агитпроповца Прокофьева подготовить объяснение на имя вождя. Сам Шепилов занялся зондажом настроения Сталина. Встретившись с ним вскоре после празднования Нового года, он осторожно упомянул о жалобах театральные критиков на гонения со стороны руководства ССП и как доказательство своих слов

предъявил упомянутое письмо Борщаговского. Однако Сталин, раздраженно отшвырнув его, почти выкрикнул: «Типичная антипатриотическая атака на члена ЦК товарища Фадеева». Как потом предполагали, накануне Сталина посетил партийный руководитель Москвы Попов (имел репутацию грубого солдафона и крайнего шовиниста), который, докладывая о положении дел в столице, как бы между прочим обмолвился, что Фадеева-де при попустительстве Агитпропа затравили космополитствующие критики, а тот из скромности не смеет обратиться к товарищу Сталину за защитой²⁰.

Окрик вождя поверг Шепилова в шок, а запоздалое прозрение породило панику. Ему, баловню судьбы, лихо вскарабкавшемуся на идеологический олимп партии, было что терять и чего опасаться. Если раньше глава Агитпропа и его сторонники действовали сообща, то теперь они стали спасаться в одиночку и любой ценой. Желая убедить Сталина в верноподданнических чувствах и вымолить прощение за неосмотрительные заигрывания с театральными критиками, Шепилов представил в Политбюро не первой свежести предложение о закрытии англоязычной газеты «Moscow News». Это издание, воспринимавшееся консервативными аппаратчиками как некий осколок западного либерализма и рассадник космополитических идей, давно уже дышало на ладан. Еще 5 января 1948 г. Шепилов настоятельно рекомендовал Жданову ликвидировать его, упирая на «нежелательный» национальный состав редакции: русских – 1, армян – 1, евреев – 23, прочих – 3. Однако соответствующего решения Жданов тогда не завизировал, одоббив его только 12 июля, уже сдав фактически дела Маленкову. Правда, на Старой площади после последовавшей вскоре кончины Жданова столкнулись с куда более насущными для самого аппарата ЦК кадровыми проблемами, и документ положили под сукно, решив ограничиться паллиативом – чисткой в редакции. И вот 20 января 1949 г. Политбюро утвердило старый проект, и в истории затянувшейся агонии «Moscow News» была поставлена логическая точка²¹.

23 января 1949 г. Шепилов и его заместитель А. Н. Кузнецов (бывший помощник А. А. Жданова) направили Маленкову, возглавившему по поручению Сталина расследование дела о критиках-космополитах, записку, в которой не только отмежевались от своих вчерашних протезе, но и обрушились на них с серьезными обвинениями, не забыв особо намекнуть на актуальную деталь – еврейское происхождение большинства критиков²².

На следующий день, 24 января, под председательством Маленкова состоялось заседание Оргбюро, на котором Шепилов предло-

жил принять разработанный Агитпропом проект постановления ЦК «О буржуазно-эстетских извращениях в театральной критике». Однако эта заготовка Шепилова, стремившегося, перехватив инициативу, выйти сухим из воды, была отклонена Маленковым²³. Тем самым тот, во-первых, дал понять, что не желает делиться ни с кем славой укротителя космополитической крамолы, а во-вторых, выразил Шепилову, возмнившему себя партмеценатом (вместо того, чтобы держать деятелей литературы и искусства в «ежовых рукавицах»), недоверие как руководителю, претендующему на участие в выработке важнейших решений партии. Но, самое главное, забраковав проект Шепилова, Маленков наверняка руководствовался волей Сталина, который, видимо, на сей раз решил не довольствоваться еще одним кулуарным постановлением, а как следует встряхнуть бюрократию и интеллектуальный слой общества массовой политической кампанией, призванной подавить все более разрастающиеся в этих социальных сегментах опасные для режима очажки культурно-идеологического брожения. Вот почему в качестве альтернативы предложению Шепилова было принято решение действовать публично и использовать самый авторитетный инструмент тогдашней пропаганды – «Правду». Именно она по воле Сталина должна была всенародно разоблачить «безродных космополитов» и сигнализировать о начале широкомасштабной пропагандистской кампании против антипатриотических сил в стране.

Конкретно в центральном печатном органе партии предполагалось опубликовать соответствующую директивную статью, ответственность за подготовку которой возложили на Маленкова, а непосредственный контроль над реализацией этого задания – на главного редактора «Правды» П. Н. Поспелова – педантичного кабинетного чиновника, который, думается, не случайно подготовил к упомянутому заседанию Оргбюро записку «О неправильной позиции работников агитпропа ЦК в связи с активизацией антипатриотической группы театральных критиков». 21 января он даже выступил с основным докладом на торжественном траурном собрании, посвященном 25-летней годовщине со дня смерти Ленина, что считалось особо почетным поручением. Сталин, не испытывавший особых симпатий к Поспелову, оказал ему такую милость, очевидно, уступив настоятельной просьбе Маленкова, который опекал главного редактора «Правды», действовавшего с ним заодно против Шепилова²⁴.

О том, что инициатива опубликовать статью против критиков-космополитов исходила от Сталина, писал потом Симонов, который, однако, обошел молчанием собственную роль в этом деле²⁵.

Между тем, работавший в то время в «Правде» писатель В. М. Кожевников свидетельствовал, что «одними силами редакции статью <...> нельзя было сделать», и потому сотрудникам газеты (тому же Кожевникову, а также поднаторевшему на искоренении «идеологической ереси» Д. И. Заславскому и другим правдистам) помогали Симонов, Фадеев, Софронов, которым «пришлось дневать и ночевать в редакции». Не вызывает сомнения и то, что к подготовке статьи подключили аппарат ОПиА во главе с Шепиловым, обращаясь к которому 19 февраля 1949 г. Симонов, кстати, счел необходимым особо отметить: в работе «над статьей <...> был занят по Вашему заданию»²⁶.

Из-за краткости срока, отпущенного Сталиным, трудились над статьей действительно напряженно. В предварительной редакции текст был представлен Поспеловым Маленкову 27 января в 3 час. 55 мин. утра. В тот же день к вечеру верстка будущей передовицы уже лежала на столе у Сталина, который, видимо, и заменил изначально данный ей (скорее всего Шепиловым) вычурный заголовок «Последыши буржуазного эстетства» (перекликался с названием упомянутого шепиловского проекта постановления ЦК) на вариант, звучащий просто и без изысков: «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Кроме того, для лексического разнообразия в текст решено было включить три синонимичных формулировки разоблачавшегося «зла»: «ура-космополитизм», «оголтелый космополитизм» и «безродный космополитизм»²⁷.

Статья, которой суждено было стать заметной вехой в послевоенной истории сталинизма, увидела свет 28 января. Высокий пропагандистский уровень этой публикации в газете «Правда», центральном печатном органе партии, ее жесткий, знакомый по показательным процессам 1936–1938 гг. обвинительно-инквизиторский пафос однозначно говорили читателю о причастности к ней Сталина. Благодаря такой политической рекламе названные в статье имена театральных критиков (ранее известные лишь узкому кругу специалистов) – А. С. Гурвич, И. И. Юзовский, А. М. Борщаговский, Я. Л. Варшавский, Л. А. Малюгин, Г. Н. Бояджиев, Е. М. Холодов – сразу оказались у всех на устах. Этих людей, обвиненных в том, что они «утратили свою ответственность перед народом» и «являются носителями глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему безродного космополитизма», партийный рупор сделал символами «злокозненных антипатриотических сил, разрушающих идейную монолитность советского общества». Вышедший на следующий день номер «Литературной газеты» дополнил ряд этих преданных анафеме символов еще одним именем – И. Л. Альтмана. Следующим был «ра-

зоблачен» литератор Холодов, настоящую фамилию которого – Меевич – «раскрыла» 31 января редактируемая Шепиловым «Культура и жизнь», спровоцировавшая антисемитские страсти вокруг русских псевдонимов интеллектуалов еврейского происхождения.

Испытания, которые обрушились на головы «космополитов» в ходе новой пропагандистской охоты на ведьм, каждый из них переносил по-своему. «Главари антипатриотической группы театральных критиков» Юзовский и Гурвич покаяться, направив письма с признанием своих ошибок руководству ССП и в редакцию «Правды». Молодой литератор Борщаговский по совету своего покровителя Симонова на время скрылся с глаз общественности, перестав появляться на собраниях и вообще на публике. Но о нем не забыли. 31 января решением Секретариата ЦК его вывели из редколлегии журнала «Новый мир» (вошел в нее летом 1946 г., приехав по приглашению Симонова из Киева), а также уволили из Центрального театра Красной армии, где он заведовал литературной частью. Только после смерти Сталина Борщаговский вышел из литературного подполья, опубликовав историко-патриотический роман «Русский флаг».

Аналогичная судьба постигла и критика Малюгина: 16 февраля он был освобожден от обязанностей члена редколлегии газеты «Советское искусство». Но больше других пришлось пострадать Альтману, члену партии с 1920 г. (вступил в РКП(б) после кратковременного пребывания в рядах левых эсеров), фанатично преданному идее коммунизма. Когда в 1930-е в идеологическую моду вошли патриотические лозунги и культ вождя, Альтман не смог «перестроиться» и потому обрек себя на гонения. В январе 1938 г. его, как «не обеспечившего политического руководства», сняли с поста редактора газеты «Советское искусство». В сентябре 1940-го – настоянию Г. Ф. Александрова – изгнали из редакции журнала «Книга и пролетарская революция». В январе 1941-го отстранили от редактирования журнала «Театр». И, наконец, в июне 1947-го вывели – с подачи В. В. Вишневского – из состава редколлегии журнала «Знамя»²⁸.

Вероятно, по просьбе Фадеева, старого друга Альтмана с РАППовских времен, 28 января в «Правде» он не был упомянут среди «главных» космополитов. Однако уже на следующий день, подчиняясь диктату Софронова, «Литературная газета» дезавуировала эту «либеральную потачку» Фадеева, заклеив Альтмана как отъявленного «антипатриота». «Советское искусство» пошло еще дальше, разразившись 9 февраля истеричной статьей «Буржуазный националист Альтман». В этой, во многом предопределившей дальнейшую судьбу критика провокационной публикации некоего Г. Гурко, были и такие

зловещие строки: «Альтман ненавидит все русское, все советское, поклонник деградирующей культуры Запада. <...> Советский народ называет альтманов живыми трупами. Мы очистим атмосферу советской культуры от их смердящего запаха». Тем самым на героя (или, точнее, антигероя) статьи, обвиненного в связях с «сионистскими заговорщиками», навесили ярлык идейного предводителя критиков-«антипатриотов». Однако тот не устрасился и не покаялся, что привело к тому, что с осени 1949 г. Фадеев под давлением софროновского окружения стал добиваться исключения бывшего друга из ССП. 9 сентября 1950 г. Альтмана исключили из Союза писателей. Лишившись последней жизненной опоры и профессиональной защиты, строптивый критик 6 марта 1953 г. как «буржуазный националист, двурушник в партии, главарь группы критиков – безродных космополитов в драматургии» был препровожден во Внутреннюю тюрьму на Лубянке. Правда, уже 29 мая его выпустили на свободу. Однако незаслуженные обиды и пережитые испытания через два года свели Альтмана в могилу. Он, пожалуй, был единственным из московских театральных критиков, кого исключили из ССП и арестовали²⁹.

В начале 1949 г., когда ССП поразила лихорадка новой пропагандистской кампании, тяжелые времена настали и для партийного секретаря правления этой творческой организации писателя Горбатова. В те дни он стал объектом нападков со стороны Софронова, который обвинил его в «непартийном поведении», посоветовав в кулуарах: «Напрасно ты, Софронов, ориентируешься на Фадеева. Он здесь человек не вечный. Будущее не за ним, а за Симоновым. По-товарищески советую поддерживать Симонова и опираться только на него».

Припомнили Горбатову и то, что в 1937 г. его «за принадлежность к троцкизму» исключили на время из партии. Плюс ко всему МГБ в 1948 г. арестовало его жену, популярную киноактрису Т. К. Окуневскую, обвиненную в антисоветской пропаганде и интимных отношениях с югославским дипломатом. Личная драма, переживания в связи с угаром антисемитизма в стране, а также нежелание участвовать в разборе персональных дел изгонявшихся из партии коллег заставили этого литератора еврейского происхождения отказаться от переизбрания на партийный пост и уйти в тень. Почти на полгода Горбатов уехал из Москвы, чем навлек на себя обвинения коллег в том, что «нигде, ни разу, ни единым словом не определил своего отношения к борьбе с критиками-космополитами, что позволяло последним считать его своим человеком»³⁰.

Однако были и примеры иного поведения. Обвиненный в космополитизме критик Варшавский, работавший в газете «Советское ис-

кусство», стал фактически подручным одного из главных гонителей «космополитов» – драматурга Сурова. Будучи членом редколлегии этого издания, последний с помощью шантажа и угроз превратил Варшавского в «литературного негра», сочинявшего для него все – от пьес до личных писем. В начале февраля 1949 г. Варшавский представил Сурову для доклада наверх записку-донос об «истории» возникновения «антипатриотической группы критиков». Спасая себя, малодушный критик порочил друзей и коллег: «Группа как целое существовала при ВТО в форме объединения театральных критиков. ВТО финансировало Юзовского и Гурвича, которые годами бездельничали, не имея возможности высказывать свои взгляды в печати. Долгое время председателем объединения был Юзовский, потом Бояджиев <...> Г. Бояджиев как лидер объединения конфиденциально предложил критикам собираться ежемесячно по первым числам в кабинете ресторана “Арагви” для разговора “по душам”. Смысл этих сборищ – только “маститых”, по строгому отбору, без “молодежи” – безусловно заключался в том, чтобы сколотить касту театральных критиков, не желающих подчиняться “господствующим” мнениям. Это должна была быть своего рода фронда, противопоставляющая себя “официальной” точке зрения на события театральной жизни. Я был на первом таком сборище, где председательствовал И. Альтман».

Когда этот навет попал в руки Шепилову, тот, направляя его Маленкову, сделал на нем следующую пометку: «Представляю <...> на Ваше (Маленкова. – Г. К.) рассмотрение письмо Я. Варшавского т. Сурову <...> Об особых сборищах антипатриотической группы в “Арагви” я сообщил т. Абакумову»³¹.

Из этого и подобных ему документов становится понятным, почему Шепилов в посмертно изданных мемуарах никак не обозначил (подобно Симонову) свою роль в событиях начала 1949 г., ограничившись лишь следующим кратким, не внушающим доверия, замечанием по поводу развернувшейся тогда травли «антипатриотов»: «До сих пор не знаю, как и почему родилась идея этой позорной кампании»³².

Что касается последствий обращения Шепилова в МГБ, то, видимо, там сочли сообщенные им факты легковесными, и заговорщиками гонимые критики объявлены не были. Однако общественная расправа над ними не могла не состояться. Произошло это на закрытом партийном собрании ССП 9 февраля. На нем присутствовало в общей сложности 300 литераторов. Фадеев, временно выведенный из строя очередным приступом хронического алкоголизма, в президиуме так и не появился. Не было и Симонова, который под благовидным пред-

логом – творческий вечер в поддержку детей погибших в войну писателей – уехал в Ленинград. Из руководства союза присутствовал только Софронов, который и задал тон собранию, выступив с основным докладом. Из его уст прозвучали не только обличения критиков театральных, и без того уже несколько недель травимых в СМИ, но и свежая хула в адрес критиков литературных, конечно, еврейского происхождения – Д. С. Данина (Плотке), Ф. М. Левина, А. М. Лейтеса, Л. М. Субоцкого, А. И. Эрлиха, Б. В. Яковлева (Хольцмана). Спекулируя на национальной принадлежности своих жертв, Софронов, Суров и их сподвижники явно стремились расширить их круг.

Выступившие в прениях писатели В. В. Вишневский, М. С. Шагинян, Л. В. Никулин, редактор «Литературной газеты» В. В. Ермаков и другие не только солидаризировались с Софроновым, но некоторые из них, следуя его примеру, назвали новых кандидатов в «безродные космополиты». Именно так в «Известиях» в номере от 10 февраля была озаглавлена передовица, знаменовавшая собой пик пропагандистской кампании. В тот день на продолжившемся в ЦСП партсобрании было принято решение об исключении из партии Альтмана, Субоцкого, Левина и Данина. Такая же участь постигла потом и Борщаговского, правда произошло это в Центральном театре Красной армии, где он состоял на партучете. Беспартийным Гурвичу, Юзовскому, Бояджиеву, Малюгину и Холодову такая символическая гражданская казнь не грозила³³.

Достигнув своего апогея, пропагандистская акция становилась все более всеобъемлющей. Охота на «космополитов» поделила советскую интеллигенцию – архитекторов, литературоведов, философов, историков, журналистов, деятелей искусства, работников государственных и общественных учреждений, промышленных предприятий, преподавателей и студентов вузов и техникумов на «гонителей» и «гонимых». Антиинтеллектуальная и антисемитская истерия, набирая обороты, день ото дня ширилась, захватывая все новые имена, регионы, сферы деятельности. Многие тогда были поставлены перед необходимостью сделать во многом судьбоносный для себя выбор. Немало было тех, кто ради карьеры, сохранения обретенного общественного статуса и материального достатка готовы были пойти на сделку с совестью. Чтобы остаться на плаву, они, примкнув к стану победителей, помогали творить расправу над невинными.

Именно так поступил главный редактор газеты «Советское искусство» В. Г. Вдовиченко. Выходец из крестьян Орловской губернии, поднявшийся по служебной лестнице от чернорабочего (в 1918–1922 гг.) до начальника Главного репертуарного комитета

Всесоюзного комитета по делам искусств (1938 г.), он после войны, как и Шепилов, переместился из политорганов армии в партийно-идеологическую сферу. Вначале Вдовиченко беспрекословно выполнял все указания главы ОПиА ЦК, воспринимая их как установки высшей партийной инстанции. Но когда Шепилова стали обвинять в покровительстве театральным критикам, а тот попытался отвести гнев начальства, направив его на подчиненных, в том числе и на редактора «Советского искусства» (даже подготовил проект постановления Секретариата ЦК о его увольнении), Вдовиченко, видимо, понял, что его никто, кроме него самого, не защитит, и его будущее определяет иронический лозунг «спасение утопающих – в руках самих утопающих».

12 февраля он направил Маленкову пространную записку, в которой истерично, с надрывом загнанного в угол человека изобразил деятельность критиков как широко разветвленный сионистский заговор, приложив для наглядности список «подозреваемых» из 83 еврейских фамилий. Значительное место в доносе занимал перечень прегрешений К. Симонова, который выставлялся главным защитником и ходатаем еврейства. Однако не ретивое доносительство, не почти погромный характер статей, публиковавшихся в редактируемой им газете («Двурушник Борщаговский», «Враг советской культуры Гурвич» и др.), не уберегли Вдовиченко от участи мальчика для битья, тем более что он стал открыто интриговать против своего бывшего покровителя Шепилова, которому, несмотря на превратности аппаратной фортуны, пока удавалось держать удар.

30 марта глава Агитпропа обратил внимание Маленкова на то, что Вдовиченко явно впадает в радикализм и крайность: «Тов. Вдовиченко <...> в вопросах советского искусства <...> шарахается из одной крайности в другую <...> поднял в газете “Советское искусство” крикливую шумиху, пытаясь изобразить дело так, что космополиты проникли всюду». Поскольку подобное непредсказуемое поведение всегда пугало бюрократию, Маленков внял предостережению Шепилова, и 7 апреля незадачливый редактор лишился своего поста и был отправлен на переподготовку в Академию общественных наук при ЦК ВКП(б)³⁴.

Тяжелые времена наступили и для Симонова. Инвективы Софронова, Сурова, Вдовиченко и других недоброжелателей не могли его не встревожить. Понимая, что над ним нависла реальная угроза, он вынужден был пойти на спасительную ложь, обратившись 15 февраля к Шепилову с заявлением, в котором утверждал, что сыпавшиеся в его адрес обвинения в поддержке антипатриотической группы теат-

ральных критиков, и, в частности, циркулирующие слухи о редактировании им письма Борщаговского Сталину, являются «клеветническими и провокационными»³⁵.

Чтобы развеять сомнения властей на собственный счет, Симонов по заданию Фадеева или, точнее, Софронова, 18 февраля выступил, по сути, с «прокурорским» докладом на собрании драматургов и критиков Москвы. Еще недавно опекаемых им литераторов, заклеянных теперь как «космополитов», он назвал «ядром» сил, занимающихся «преступной работой», «враждебной советской драматургии». Желая, видимо, перешеголять в интеллектуальном плане своих конкурентов в руководстве ССП, Симонов, кроме того, изложил свое концептуальное видение космополитизма как глобального политического явления, как инструмента планетарной идеологической экспансии американского империализма. Подобный пропагандистский стиль не был внове для Симонова. Посетив в июне 1946 г. США, он был неприятно шокирован их индустриально-небоскребной мощью и бьющим в глаза богатством, подавившими и поразившими его, приехавшего из разоренной войной страны. Под впечатлением от поездки за «железный занавес» литератор написал пьесу-памфлет «Русский вопрос», и стал в ССП главным специалистом по антиамериканской пропаганде. В период антикосмополитической кампании он был назначен ответственным в союзе за подготовку предложений к разрабатывавшемуся в ЦК «Плану мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды», а 19 марта 1949 г. сообщил Маленкову, что готов написать пьесу «Горький в Америке», сулившую «возможность ударить по космополитам»³⁶.

Однако главное внимание писателя оставалось прикованным к тем, кого советская пропаганда пыталась представить врагами внутренними. 28 марта он вместе с Софроновым уведомил Сталина и Маленкова: «Секретариат союза советских писателей ставит вопрос об исключении из рядов союза писателей критиков-антипатриотов Юзовского И. И., Гурвича А. С., Борщаговского А. М., Альтмана И. И., Малюгина Л. А., Бояджиева Г. Н., Субоцкого Л. М., Левина Ф. М., Бровмана Г. А., как не соответствующих п. 2 Устава Союза советских писателей...»

Однако на сей раз власти предпочли умыть руки, передоверив «очищение» ССП руководству самого союза³⁷. Кремлевское начальство могло быть довольным. Круг, что называется, замкнулся. Европеизированный литературный неоромантик Симонов и ура-патриот Софронов плечом к плечу сражались на идеологическом фронте, исполняя волю партии и ее вождя. «Космополитствовавшей»

интеллигенции, питавшей иллюзии по поводу того, что вчерашний боевой союз с западными демократиями – реальная предпосылка к послевоенной либерализации сталинского режима, был дан должный урок, отбивший у нее, по крайней мере, на время, охоту к «бессмысленным мечтаниям».

Достигнув желаемого, организаторы пропагандистской кампании нажали на директивный стоп-кран. Как по мановению волшебной палочки, очень быстро почти сошли на нет публичные воинственные выступления против «безродных» интеллигентов. Более того, наиболее ретивые и оголтелые их гонители, ратовавшие наподобие Вдовиченко за легализацию антисемитизма, теперь сами оказались нежелательными персонами для режима, сохранившего, по крайней мере, внешнюю, приверженность коммунистическо-интернационалистской риторике. 10 апреля 1949 г. «Правда» подвела итог кампании, умиротворяюще констатируя, что в ней «нашла свое выражение забота партии о правильном, здоровом развитии советской литературы и искусства по пути социалистического реализма». В последующие годы атаки на буржуазный космополитизм как орудие американской идеологической экспансии время от времени возобновлялись, но уже не имели былого размаха. Впрочем, и даже после смерти Сталина образ врага в виде космополита не был полностью исключен из советского пропагандистского арсенала.

Обстановка на Украине

Наблюдая за набиравшей силу еврейской национально-общественной активностью, власти по окончании войны избрали выжидательную тактику, предполагавшую постепенное устранение угрозы так называемого еврейского национализма. Отказ от радикальных мер диктовался в данном случае, видимо, не в последнюю очередь и тем, что, несмотря на гекатомбы периода войны, евреев в рядах коммунистической партии оставалось достаточно много. На 1 января 1946 г. в ней состояло 202878 евреев при общей численности в 5513649 человек (для сравнения: на 1 января 1941 г. приведенным показателям соответствовали цифры 176884 и 3872465)³⁸.

Сталину куда легче было объявить предателями украинских и прибалтийских националистов, запятнавших себя сотрудничеством с гитлеровцами, чем сделать то же самое в отношении национальных лидеров еврейства, которое плечом к плечу с русскими сражалось на фронтах войны и немало потрудились в тылу. Кроме того, вплоть до

конца 1946 г. в стране находились тысячи подлежащих репатриации польских евреев, которые могли стать нежелательными свидетелями в случае проведения открытых репрессий против их советских соплеменников. Подобные акции дали бы и нежелательный для власти импульс бытовому антисемитизму, который буйным цветом распустился на почве послевоенной разрухи и до предела обострившихся социальных трудностей. В наибольшей степени такого рода проблемы были характерны для Украины, где они проявились масштабней, болезненней и острее, чем в других регионах, так же переживших вражескую оккупацию.

Сохранилось обращение группы демобилизованных фронтовиков-евреев из Киева, которое осенью 1945 г. поступило в ЦК ВКП(б) на имя Сталина, Берии и редактора «Правды» Поспелова. «Здесь (в Киеве. – Г. К.) сильно чувствуется влияние немцев, – писали они. – Борьбы с политическими последствиями их политического вредительства здесь не ведется никакой. Здесь распоясались всякого рода националисты, порой с партийным билетом в кармане <...> Здесь свирепствует еще невиданный в нашей советской действительности антисемитизм. Слово «жид» или «бей жидов» <...> со всей сочностью раздается на улицах столицы Украины, в трамваях, в троллейбусах, в магазинах, на базарах и даже в некоторых советских учреждениях. В несколько иной, более завуалированной форме это имеет место в партийном аппарате, вплоть до ЦК КП(б)У. <...> Нарушителями Сталинской конституции, главными виновниками ее опощления стали руководители ЦК КП(б)У и Совнаркома УССР. Это они установили особый режим в отношении евреев, это они организовали изгнание евреев из советского и партийного аппаратов... В ЦК КП(б)У и в СНК УССР взят какой-то новый, совершенно чуждый нашей партии, политический курс в отношении евреев, и это считается сейчас здесь одним из важнейших дел на Украине <...> Есть случаи, когда <...> отдельные евреи, познав на себе все прелести этого нового курса, кончали жизнь самоубийством. Есть еврей-коммунисты, которые приходили в райкомы партии и рвали или бросали свои партийные билеты, так как считали себя недостойными быть в рядах такой партии, которая проводит расовую политику, аналогичную фашистской партии. Есть евреи, которые бегут из Украины, из Киева, как очумелые, чтобы поскорей избавиться от этого антисемитского омута: причем некоторые бегут в другие советские республики, а некоторые пытаются пробраться за границу, в Польшу, Америку. <...> Есть евреи, которые раньше, до войны, считали себя интернационалистами и не чувствовали себя евреями, даже порой забывали

об этом: и только теперь, в связи с этим новым курсом, исходящим из ЦК КП(б)У и СНК УССР, они почувствовали, что они евреи, и в них заговорило национальное чувство. <...> Особенно тяжело этот новый курс переживают дети. Антисемитизм пробрался уже в пионеротряды, в школы, в фабзавуч. Ничего не знавшие до сих пор еврейские дети почувствовали к себе вражду со стороны тех детей, у которых родители националисты... Дух интернационализма у нашей молодежи на Украине начинает быстро исчезать»³⁹.

Даже если подобные жалобы доходили до Сталина, они вряд ли могли вызвать у него сочувствие. Тем не менее, он наверняка понимал, что политической изнанкой антисемитизма являются в данном случае антисоветизм и сепаратизм. Поэтому рост массовой юдофобии на Украине был воспринят центром как опасный симптом активизации сил местных националистов, третировавших евреев как прислужников «москалей». Нарастанию тревоги в Кремле способствовал и отчет комиссии УПиА, выезжавшей на Украину в июне 1946 г. В нем констатировалось, что Агитпроп КП(б)У «примиренчески относится к националистическим настроениям», усиливавшимся в среде творческой интеллигенции. Особенно насторожило столичных ревизоров то, что часть украинских ученых открыто разделяли концепцию украинского историка академика М. С. Грушевского, утверждавшего, что украинский народ существует с IV века н. э., а Киевская Русь – не древнерусское, а украинское государство. Наибольшее идеологическое неблагополучие отмечалось в научно-культурных центрах Западной Украины, прежде всего во Львове⁴⁰.

О серьезности отношения центра к положению во второй по значимости республики СССР свидетельствовало также указание Сталина Жданову подготовить доклад о тамошней кадровой ситуации. В результате была выявлена следующая национальная структура руководящего звена партии на Украине (по состоянию на 1 июля 1946 г.): из 2734 секретарей горкомов и райкомов КП(б)У 1918 (70 %) были украинцами, 739 (23,4 %) – русскими, 53 (1,9 %) – белорусами, 4 (0,2 %) – евреями⁴¹.

Кроме того, неослабевающее, а местами даже усиливающееся на западе Украины вооруженное сопротивление националистов Сталин считал во многом следствием неэффективности руководства Н. С. Хрущева, тогдашнего первого секретаря ЦК КП(б)У и председателя Совета министров республики. Слишком долго тот был правителем в Киеве (с 1938 г.), чтобы не обрасти местными связями и потому не быть заподозренным Кремлем в административном ослаблении и «притуплении» политической бдительности. Поэтому,

не мудрствуя лукаво, Сталин обратился к двадцатилетней давности успешному опыту кадрового использования такого испытанного борца с региональным сепаратизмом, как Л. М. Каганович. 27 февраля 1947 г. его (для «укрепления партийной и советской работы») утвердили первым секретарем ЦК КПУ(б). Ну а поскольку одновременно Политбюро приняло решение о нецелесообразности дальнейшего совмещения на Украине и в Белоруссии постов председателя Совмина и первого секретаря ЦК, отодвинутый на второй план Хрущев вынужден был теперь довольствоваться должностью председателя республиканского Совмина⁴².

Казалось, что повторяется ситуация 1925–1928 гг., когда Каганович в качестве генсека ЦК КП(б)У также возглавлял республику. Свое второе наместничество в Киеве он начал с того, что объявил украинский буржуазный национализм главной опасностью. В адресованной республиканскому руководству записке он утверждал: «...большую роль в возвращении буржуазного национализма на Украине сыграло то, что в течение трех лет на Украине хозяйничали немецко-фашистские захватчики... Немцы упорно и систематически отравляли сознание остававшегося на Украине населения и особенно <...> интеллигенции ядом фашизма, прививали им ненависть к русским, евреям, другим народам СССР»⁴³.

Но шаги Кагановича встретили скрытое противодействие со стороны верхушки республиканской номенклатуры. Пришлось в назидание другим жестко одернуть особо недовольных идеологическими новациями секретаря ЦК КП(б)У И. Д. Назаренко и первого секретаря Винницкого обкома партии М. М. Стахурского: первого обвинили в потворстве украинскому национализму, а второго – в антисемитизме. После чего присмирившему украинскому начальству не оставалось ничего другого, как одобрить составленный Кагановичем проект постановления ЦК КП(б)У «Об улучшении идейно-политического воспитания кадров и о борьбе против проявлений буржуазно-националистической идеологии», в котором особо отмечалось, что националистические силы в республике используют «самое гнусное оружие фашистского мракобесия – антисемитизм»⁴⁴.

Впоследствии Хрущев обвинял Кагановича, с кем у него сложились «ну просто нетерпимые отношения», в том, что тот «развернул бешеную деятельность в двух направлениях: против украинских националистов и против евреев». Данное утверждение нуждается в уточнении: от Кагановича на Украине пострадали главным образом те евреи, которые являлись креатурой Хрущева. Этот нюанс очень важен для объективной оценки деятельности Кагановича в тот период,

как, впрочем, не менее существенен и личный момент, ибо он близко к сердцу воспринимал даже шутки на еврейскую тему. Однажды Сталин поинтересовался у него: «А почему вы, когда мы смеемся над евреями, становитесь грустным, мрачным по лицу?» На это известный своей беспредельной преданностью вождю соратник, с несвойственной ему прямоотой ответил: «Видите, товарищ Сталин... в характере евреев сказалось то, что их очень много били, и они, как мимоза. К ней только притронься, она сразу закрывается»⁴⁵.

Если Кагановичу, несмотря на национальную ментальность и ранимость, пришлось бороться на Украине с еврейским национализмом, то исключительно, что называется, по долгу службы и только в той мере, в какой на этом настаивало МГБ УССР, руководимое тогда генералом С. Р. Савченко. 27 мая 1947 г. тот направил Кагановичу следующую информацию: «...Среди еврейской интеллигенции заметно активизировали свою националистическую деятельность сионистские элементы... В кругах этой еврейской интеллигенции возводится антисоветская клевета на руководителей ВКП(б) и Советского правительства, которыми якобы не созданы необходимые условия для национального существования евреев в СССР и что по окончании Отечественной войны так называемый еврейский вопрос, по их мнению, принял острую форму. В связи с этим высказываются пожелания за создание самостоятельного еврейского государства и организацию эмиграции еврейской молодежи в Палестину. Наиболее активные еврейские националисты создают нелегальные группы среди еврейского населения, обрабатывают его в антисоветском духе, развивая тенденции к выезду в Палестину. МГБ УССР вскрыты и частично ликвидированы во Львове и Черновцах сионистские переправочные пункты, через которые нелегально переправлялись за границу еврейская молодежь и кадровые сионисты. Через эти же пункты в СССР проникали, имея при себе крупные денежные суммы, сионистские эмиссары»⁴⁶.

Неформальными лидерами еврейской политизированной общности в Киеве республиканская спецслужба считала писателей Д. Н. Гофштейна и И. Н. Кипниса, академика АН УССР М. М. Губергрица и заведующего кабинетом еврейской культуры при АН УССР Э. Г. Спивака⁴⁷.

В отличие от середины «интернационалистских» 1920-х гг., когда «княжение» Кагановича на Украине растянулось почти на три года, его второе руководство этой республикой продлилось всего несколько месяцев. Видимо, Сталин полагал, что, запустив механизм жесткой борьбы с местным национализмом, Каганович выполнил

свою миссию и дальнейшее его пребывание в Киеве может иметь обратный эффект, негативно воздействуя на украинское самосознание и местную бюрократию. Уже 15 декабря 1947 г. ему было приказано, возвратив полномочия первого секретаря КП(б)У Хрущеву, вернуться в Москву на старый пост заместителя председателя Совета министров СССР⁴⁸.

Послевоенный рост бытового антисемитизма отмечался не только на ранее захваченных нацистами территориях, но и в местностях, находившихся в глубоком советском тылу, особенно на территориях концентрированного проживания евреев в эвакуации. Показательно, что примерно в одно время с протестом евреев из Киева в ЦК поступило и аналогичное коллективное послание из г. Рубцовска Алтайского края. В нем подробно описывались несколько антисемитских эксцессов, среди которых наиболее серьезным был тот, что произошел 8 июля 1945 г. во время футбольного матча на местном стадионе. Согласно письму, в провоцировании антиеврейских беспорядков существенную роль сыграло странное бездействие городских властей – партийных органов, прокуратуры, милиции⁴⁹.

Масштабы обиденной юдофобии социальных низов были бы значительно меньшими, если бы по закону сообщающихся сосудов она не подпитывалась антисемитизмом политических верхов, что, кстати, не утаилось от отдельных представителей еврейского населения. Правда, объективности ради необходимо отметить, что та же власть особо и не поощряла «плебейский» антисемитизм, более того, опасаясь любой «самодельности» снизу, жестко его подавляла, особенно когда тот начинал принимать серьезные формы.

Усиление контроля над Еврейским комитетом

Сдерживая стихийную «низовую» юдофобию, власть одновременно активизировала организованную борьбу с «еврейским национализмом». Эта политика, регулируемая и дозируемая вышколенным чиновничеством, воспринималась властью как неременное условие дальнейшего процветания государства. Соответствующая зачистка кадров предпринималась еще в годы войны (главным образом, в культурно-идеологической сфере). Наступление мирной жизни не только не способствовало свертыванию соответствующей политики, наоборот, она стала стремительно усиливаться. И одними из первых это почувствовали на себе сотрудники СИБ. Дело в том, что, что после смерти Щербакова эту организацию возглавил Лозовский, являвшийся одновременно, как впоследствии показал арестованный

И. С. Фефер, «фактическим руководителем» ЕАК⁵⁰, чье «националистическое перерождение» давно тревожило Сталина, который, видимо, хотел нейтрализовать влиятельного покровителя ЕАК, устранив его из кремлевской элиты.

В августе 1945 г. Сталин поручил Г. Ф. Александрову, у которого всегда были натянутые отношения с Лозовским, проверить СИБ. Уже 1 сентября на заседании Оргбюро ЦК начальник УПиА, ссылаясь на то, что с окончанием войны отпала необходимость в освещении боевых действий, предложил в месячный срок прекратить деятельность СИБ⁵¹. Однако Сталин не поддержал идею немедленного закрытия СИБ, а избрал тактику ужесточения контроля над ним и постепенного вытеснения оттуда евреев. В соответствии с этой установкой Александров 22 ноября предложил Маленкову «значительно сократить» аппараты СИБ, ЕАК, других антифашистских комитетов. А еще через два дня Лозовский, не желая, вероятно, играть роль затравленного зверя в готовящейся номенклатурной охоте, обратился к Молотову с просьбой сложить с него полномочия начальника СИБ и позволить сосредоточиться в МИДе «на японских и других дальневосточных делах», поскольку в Китае «надвигается с помощью американцев гражданская война»⁵². Однако Молотов заверил старого протеже в поддержке и уговорил не давать заявлению дальнейшего хода. Приободренный Лозовский вновь воспрянул духом и через несколько месяцев подготовил и направил в ЦК проект постановления о преобразовании СИБ в Министерство печати и информации, надеясь на назначение на новый министерский пост, что, впрочем, было воспринято Сталиным как непростительная дерзость. По его личному указанию в июне 1946 г. под председательством все того же Александрова в СИБ нагрянула новая комиссия ЦК ВКП(б), которая вскоре представила вождю так называемую справку № 8, в которой в тезисной форме были зафиксированы следующие «упущения в кадровой работе» Лозовского: «а) аппарат засорен; б) подбор работников по личным и родственным связям; в) недопустимая концентрация евреев».

По итогам проверки Сталину тогда же была направлена и записка с детальными данными по национальному составу СИБ, подтверждавшими эту «концентрацию» (из 154 работников русских – 61, евреев – 74, представителей других национальностей – 19)⁵³.

Кремлевских оргвыводов ждать долго не пришлось. 24 июля Лозовский был снят с поста заместителя министра иностранных дел. Тем самым обрубалась связь покровителя ЕАК с кремлевским руководством в лице Молотова, на помощь которого он не мог более рас-

считывать. Удаление Лозовского из внешнеполитического ведомства произошло в рамках новой чистки по «пятому пункту», в ходе которой лишились своих постов и другие заместители министра иностранных дел – М. М. Литвинов и И. М. Майский.

Поскольку Лозовский пока оставался начальником СИБ, к нему в качестве «ока государева» переводились из аппарата ЦК бывший помощник Г. М. Димитрова по Коминтерну Б. Н. Пономарев (первым заместителем) и С. И. Соколов (заместителем по кадрам)⁵⁴. При активном участии этих соглядатаев, действовавших под непосредственным руководством Александрова и Сулова, было подготовлено постановление ЦК от 9 октября «О работе Советского Информбюро». В нем ведомство Лозовского обвинялось в совершении «грубой ошибки», состоявшей в неспособности эффективно противостоять усилившейся англо-американской антисоветской пропаганде. Исправить подобное упущение призвана была предстоящая реорганизация СИБ, предусматривавшая закрепление за ним формального статуса учреждения «при Совете Министров СССР» с фактическим подчинением аппарату ЦК ВКП(б), осуществлявшему «политическое руководство и контроль». Одновременно вводилось и обязательное цензурирование Главлитом всех материалов СИБ и ЕАК, предназначенных для отправки за границу. Под предлогом необходимости сокращения наполовину бюрократического аппарата СИБ там началась и радикальная чистка, нацеленная прежде всего на максимальное увольнение евреев⁵⁵.

Однако, оставаясь руководителем ведомства, Лозовский препятствовал антиеврейским гонениям. Более того, как доносил наверх Пономарев, Лозовский, несмотря на его возражения, принял на руководящие должности «неких Соркина, Евновича и Долицкого, которых по политическим соображениям нельзя было не только выдвигать в номенклатуру работников, утверждаемых ЦК, но и держать даже на рядовой работе...». В то же время в ЦК потоком пошли анонимки, в которых утверждалось, что СИБ, оставшись после смерти Щербакова без руля, превратилось в «злокачественную опухоль на здоровом теле»⁵⁶.

Неотвратимая развязка произошла летом 1947 г. 19 июня ЦК направил в СИБ новую комиссию, и через шесть дней решением Политбюро Лозовский был снят со своего поста. Его преемником стал Пономарев, давно готовившийся занять это кресло. То, что удаление Лозовского произошло именно в это время, объясняется тем, что не доверявший ему Сталин замыслил превратить эту пропагандистскую организацию в негласный филиал Комитета информации (КИ) при

Совете министров СССР, вновь созданной во главе с Молотовым универсальной разведслужбы (объединила соответствующие подразделения МГБ, МИД, Минвнешторга, военного ведомства). 25 июня Политбюро предписало КИ установить с СИБ «постоянный контакт в отношении использования его работников за границей в целях получения полезной для Советского Союза информации»⁵⁷.

Отстраненный от активной политической деятельности Лозовский вплоть до своего ареста в начале 1949 г. находился в «подвешенном» состоянии, оставаясь, впрочем, главным редактором издававшегося «Дипломатического словаря» и преподавая в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б).

После низложения Лозовского аппарату ЦК стало значительно проще ликвидировать и его детище – ЕАК, в котором тогда состояло 70 человек, в том числе 15 членов президиума. Повседневную деятельность комитета обеспечивали 18 сотрудников его штатного аппарата и 60 работников редакции газеты «Эйникайт»⁵⁸.

Собственно, чиновники на Старой площади уже давно пытались поставить на комитете крест. Еще в конце декабря 1945 г. заместитель председателя КПК при ЦК ВКП(б) М. Ф. Шкирятов и заместитель начальника УК Е. Е. Андреев докладывали Маленкову о «политически вредных» намерениях руководства ЕАК превратить эту организацию в «какой-то комиссариат по еврейским делам» и предлагали «неотложно» рассмотреть вопрос о его дальнейшей судьбе: если он будет существовать и далее, то «укрепить его кадрами» или «распустить как организацию, исчерпавшую задачи, возложенные на нее в годы Отечественной войны». Однако впервые реальная угроза ликвидации нависла над ЕАК летом 1946 г., когда в ходе проверки СИБ в подчиненный ему комитет прибыла комиссия во главе с ответственным сотрудником ЦК А. К. Тюриным. По его распоряжению сотрудники МГБ изъяли документацию комитета и вывезли ее в ЦК для ревизии. Тогда же заместитель начальника отдела внешней политики ЦК (ОВП) А. С. Панюшкин заявил Михоэлсу и Феферу: «Есть мнение закрыть ЕАК». На что Михоэлс возразил, что считает это намерение преждевременным, «так как фашизм еще не исчез и с ним нужно бороться»⁵⁹.

Вообще же лидеры еврейской общественности держались с властями достаточно уверенно, убедительно обосновывая необходимость дальнейшего функционирования ЕАК, в том числе, и прибегая к официальной идеологической риторике о том, что демократические силы во всем мире должны противостоять американскому империализму, смыкающемуся с самыми реакционными фашистскими диктатурами.

Более того, незадолго до начала проверки ЕАК члены его президиума писатели Фефер, Квитко и Маркиш, добившись приема у секретаря ЦК, МК и МГК ВКП(б) Г. М. Попова, ходатайствовали об открытии в Москве еврейского клуба и еврейской типографии, оборудование для которой обещал прислать из США журналист Б. Ц. Гольдберг. Возможно, что и вследствие подобной активности комитета власть не пошла тогда на ликвидацию ЕАК и дала добро на дальнейшее его существование, но под усиленным контролем сверху: 1 августа было принято решение о выводе ЕАК из структуры СИБ и передаче его в ведение ОВП⁶⁰.

Возглавлявший этот отдел Суслов воспринял такое расширение своих обязанностей, а значит, и ответственности, без особого энтузиазма. Все дальнейшее поведение этого высокопоставленного партчиновника убедительно свидетельствовало о стремлении во что бы то ни стало избавиться от этого, чреватого серьезными неприятностями кураторства. В конце сентября комиссия ЦК, завершив проверку ЕАК, представила Суслову «Справку о деятельности Антифашистского еврейского комитета». В ней ЕАК обвинялся не только в том, что превратился в «главного уполномоченного по делам еврейского населения и посредника между этим населением и партийно-советскими органами», но и в том, что «... в советских условиях продолжает линию буржуазных сионистов и бундовцев и по существу <...> борется за реакционную идею единой еврейской нации». Комиссия предлагала «ЕАК распустить, а функции по пропаганде за границей возложить на Совинформбюро»⁶¹. Этот «приговор» переключался в записку Сулова, направленную 19 ноября 1946 г. секретарям ЦК Жданову, Кузнецову, Н. С. Патоличеву и Попову. Показательно, что в этом документе Суслов мотивировал необходимость закрытия ЕАК и следующим, изрядно одобренным марксистско-ленинской догматикой доводом: «Как известно, Ленин и Сталин считали, что нельзя говорить о евреях, территориально разбросанных по всему миру, экономически разобщенных и говорящих на разных языках, как о единой нации, что весь ход истории свидетельствует о процессе слияния евреев с окружающим населением, и что этот неизбежный процесс является надежным и прогрессивным путем разрешения еврейской проблемы»⁶².

Это рассуждение отражало реальное намерение власти решать еврейский вопрос отнюдь не посредством создания еврейской территориальной автономии, о чем громкогласно возвестила советская пропаганда еще в конце 1920-х – начале 1930-х гг., а путем ассимиляции, о чем свидетельствовало и следующее положение из подписанного к

печати 12 сентября 1952 г. 15 тома переиздававшейся тогда «Большой советской энциклопедии»: «...Евреи не составляют нации <...> Ленинско-сталинская национальная политика привела к тому, что “еврейского вопроса” в СССР не существует. <...> В СССР и странах народной демократии евреи особенно быстро ассимилируются народами, в среде которых они живут»⁶³.

В свете такого выбора властей дальнейшее существование еврейских национально-культурных учреждений объективно представлялось ненужным и даже вредным. Тем не менее, как будто уже предпринятого разгона ЕАК тогда не произошло. Видимо, Сталин, которого Бухарин в свое время назвал «гениальным дозировщиком»⁶⁴, и в данном случае не склонен был рубить с плеча. Он не согласился с ликвидаторским проектом аппарата ЦК, видимо, полагая, что для решительных действий в отношении ЕАК время еще не пришло.

Так или иначе, но если в декабре 1946 г. Михоэлсу и Феферу со Старой площади было уже дано указание подготовить обращение к зарубежным еврейским организациям о закрытии комитета (притом что МГБ тогда вторично изъяло и вывезло его архив), а 7 января 1947 г. Суслов вновь направил (на сей раз вместе с Александровым) руководству (Молотову и секретарю ЦК Кузнецову) записку с предложением прекратить деятельность ЕАК, то уже 2 февраля архив был возвращен, и Суслов, позвонив на следующий день Феферу, сказал, что никаких изменений пока не будет, и комитет может работать, как и прежде⁶⁵.

Приободренные Михоэлс и Фефер 16 апреля обратились к Молотову с просьбой принять их для «выяснения ряда принципиальных вопросов, связанных с дальнейшей деятельностью ЕАК в зарубежных странах». И хотя встреча не состоялась, руководителям комитета через Жемчужину удалось поблагодарить Молотова за поддержку. Спустя месяц заведующий сектором общественных организаций ОВП Г. В. Шумейко неожиданно даже похвалил руководство комитета за высокий уровень пропаганды⁶⁶.

Описанные события свидетельствуют, что власть колебалась и явно не решалась широко применить в отношении еврейской национальной интеллигенции «хирургические методы» (аресты в этой среде пока носили исключительный и единичный характер). Отложив ликвидацию ЕАК, верхи стали воздействовать на него посредством корректирующей «терапии»: в июне-июле 1947 г. в ЦК было подготовлено несколько проектов постановлений, в которых дальнейшее существование комитета специально оговаривалось соблюдением следующего главного условия – «работа среди еврейского населения Советского Союза не входит в его обязанности»⁶⁷.

Однако дальше проектов дело так и не пошло. В ЦК, вероятно, полагали, что, уцелев сейчас, ЕАК обречен: решение Кремля о его закрытии может последовать в любой момент. Однако не посвященные в тайны Кремля Михоэлс и его товарищи, отстояв свою организацию, впали в эйфорию, не предполагая, что время испытаний для них наступит очень скоро.

В сравнении с «цековской» бюрократией, не забывшей грозный 1937-ой и оттого в большинстве своем не заинтересованной в антисемитском аутодафе (из опасения самой пострадать от искр репрессивного пламени), функционеры госбезопасности, повязанные жесткой дисциплиной и почитавшие превыше идеологических догматов конкретную волю вождя, представляли собой куда более острое оружие в арсенале антиеврейской политики. Впрочем, полное уподобление аппарата госбезопасности бездумному и «неодушевленному» репрессивному инструменту, думается, не совсем корректно. Пусть даже Сталин предпочитал видеть в людях с Лубянки лишь не рассуждающих и безотказных исполнителей своей воли и «грязной» политико-репрессивной работы (к их, по его мнению, интеллектуальным «соседям» со Старой площади он относился более уважительно), в МГБ, тем не менее, надеялись сохранить за собой инициативу, пытались отстаивать собственное мнение и интересы. Причем, глава МГБ В. С. Абакумов и его подчиненные – наряду с тем, что стремились (в погоне за наградами, чинами и материальными благами) угодить Сталину, демонстрируя (порой даже сверх требуемого) служебное рвение, личную преданность и бдительность (тонко играя при этом на пристрастиях, слабостях, тайных и явных страхах вождя, в том числе и перед «происками еврейских буржуазных националистов») – пытались при этом по-своему усмотрению реализовывать указания из Кремля, «корректируя» их и даже иногда, следуя здравому смыслу, сглаживать репрессивную заостренность, за что, собственно, и «погорел» тот же Абакумов (об этом ниже).

Именно здравый смысл все чаще стал изменять быстро дряхлевшему Сталину, причем даже в большей степени, чем в 1937-м, когда он был существенно здоровей и моложе. Это проявлялось, в том числе, и в усиливавшихся с каждым годом опасениях, что обремененные его доверием родные и близкие могут быть вовлечены в козни врагов, в том числе и сионистов. Отсюда болезненная подозрительность к евреям, как уже вошедшим в число его родственников, так и пытавшимся сблизиться с ними. Хорошо известна роль Сталина в печальной любовной истории его дочери Светланы с известным литератором и киносценаристом А. Я. Каплером, арестованным в марте 1943 г.

Во многом из-за вмешательства отца расстроился и заключенный через год брак Светланы со студентом Московского института международных отношений Г. И. Морозовым. Затаив неприязнь к этому еврейскому юноше, Сталин не пожелал даже встретиться и познакомиться с ним. Молодым не разрешили жить в Кремле, а поселили в доме Совета министров СССР на Берсеневке в печально знаменитом «Доме на набережной».

Эта явная антипатия Сталина к еврейскому родственному окружению и породила тот мифический «сионистский заговор», который привел к тайному убийству Михоэлса и разгрому ЕАК. А началось все с того, что, выполняя поручение вождя о слежке за его близкими, шеф госбезопасности Абакумов представил осенью 1947 г. в Кремль информацию о контактах Светланы и Григория Морозова с неким И. И. Гольдштейном, расспрашивавшим их по просьбе С. М. Михоэлса о всеильном родственнике.

В ходе начавшейся оперативной разработки Гольдштейна выяснилось, что тот работает в Институте экономики АН СССР, а с Михоэлсом познакомился через своего давнего друга З. Г. Гринберга – научного сотрудника академического Института мировой литературы и ближайшего помощника Михоэлса по работе с еврейской научной интеллигенцией. Осенью 1946 г. Гринберг привел Гольдштейна в ЕАК на Кропоткинскую, 10, где тот долго беседовал с Михоэлсом, в том числе и о знакомых Гольдштейну родственниках Сталина. Интерес к ним был вызван у руководителя ЕАК, думается, тем, что через близких правителя он надеялся доводить до того наиболее полную информацию о проблемах советских евреев, в том числе и с целью противодействия усилившемуся после войны антисемитизму. А пока Михоэлс попросил своего собеседника познакомиться со Светланой Сталиной и Григорием Морозовым, что и произошло в декабре на одном из семейных праздников у Е. А. Аллилуевой, жившей вместе со вторым мужем еврейского происхождения Н. В. Молочковым в том же «Доме на набережной»⁶⁸.

Е. А. Аллилуева, которую Гольдштейн знал еще с 1929 г. по совместной работе в советском торгпредстве в Берлине, первым браком была замужем за братом жены Сталина П. С. Аллилуевым, неожиданно умершим в ноябре 1938-го, как говорили, от сердечного приступа. Произошло это после того как, возвратясь из отпуска, тот узнал, что многие его сослуживцы по автобронетанковому управлению Красной армии арестованы как враги народа. Однако существовала и другая версия, представлявшаяся Сталину наиболее достоверной: Е. А. Аллилуева, дочь новгородского попа, отравила мужа, причем, не

без участия Молочникова, с кем была знакома с 1930 г.⁶⁹ Личную драму пережила тогда и сестра П. С. Аллилуева – Анна. Ее мужа, бывшего руководителя столичного управления НКВД С. Ф. Реденса, расстреляли 12 февраля 1940 г. как креатуру низвергнутого наркома внутренних дел Н. И. Ежова.

То ли боясь мести за санкционированные им репрессии, то ли еще по какой-то причине, но с конца 1930-х Сталин больше не встречался с родственниками двух покойных жен, наложив на них опалу. Их больше не допускали в Кремль, на правительственные дачи, лишили других номенклатурных благ. Проворные чиновники, чутко уловив настроение «хозяина», даже «уплотнили» Аллилуевых в жилплощади, подселив в их квартиры в «Доме на набережной» соседей. Прозябая в положении отверженных, Аллилуевы изливали копившиеся годами обиды в постоянных пересудах и сетованиях по поводу бед и несчастий, обрушившихся на них по воле всесильного родственника.

Эти и другие перипетии взаимоотношений Сталина с близкими главным образом и обсуждались Михоэлсом и Гольдштейном во время встреч. Однако неформальному лидеру советского еврейства вскоре пришлось распрощаться с иллюзиями о возможности повлиять на кремлевскую национальную политику посредством родственников диктатора. Еще в мае 1947 г. Светлана Сталина и Григорий Морозов неожиданно расстались друг с другом. Как показал потом на следствии Гольдштейн, когда он в июле сообщил об этом Михоэлсу, тот якобы заметил: «Да, печальная история для нас, Морозову так и не удалось закрепиться в семье Сталина... Но надо восстановить этот брак»⁷⁰.

Собственно, никакого официального развода и не было. Просто Морозова выставили из квартиры, отобрав у него паспорт со штампом о регистрации брака. Наверняка эта семейная драма случилась не столько вследствие причин «личного порядка», на чем настаивала впоследствии С. Аллилуева, сколько из-за вмешательства ее отца, давно тяготившегося родственниками-евреями. Хрущев видел причину этого развода в том, что у Сталина тогда «разгорелся приступ антисемитизма»⁷¹. Да и та же Светлана вспоминала, что после того как весной 1949 г. она вновь вышла замуж – на сей раз за сына А. А. Жданова Юрия, – отец как-то посетовал: «Сионисты подбросили и тебе твоего первого муженька». На что та попыталась возразить в том духе, что молодежь не интересуется сионизмом. «Нет! Ты не понимаешь! – гневно прозвучало в ответ. – Сионизмом заражено все старшее поколение, а они и молодежь учат...»⁷²

Окончательно вышедших у Сталина из доверия Аллилуевых начали арестовывать в декабре 1947 г. Первой (10 декабря) взяли

Е. А. Аллилуеву, обвиненную в том, что та «на протяжении ряда лет у себя на квартире устраивала антисоветские сборища, на которых распространяла гнусную клевету в отношении главы Советского правительства». Тогда же арестовали и ее мужа Молочникова. А 6 января 1948 г. пришли за ее дочерью, артисткой Малого театра К. П. Аллилуевой (Политковской). Члена ССП А. С. Аллилуеву взяли под стражу 29 января. По тому же делу были арестованы также дружившие с Аллилуевыми театровед Л. А. Шатуновская, ее муж, профессор-физик Л. А. Тумерман, жена заместителя министра вооруженных сил СССР по тылу А. В. Хрулева Э. С. Горелик и др. Отправив своих родственников в тюрьму, Сталин сказал дочери: «Болтали много. Знали слишком много... А это на руку врагам...»⁷³.

После нескольких допросов с пристрастием Е. А. Аллилуева 16 декабря показала, что ее старый знакомый Гольдштейн, заходя в гости, расспрашивал о Сталине, его дочери Светлане и том, как у нее складываются отношения с Григорием Морозовым. В результате уже через три дня Гольдштейн оказался на Лубянке, причем его арест проводился без санкции прокурора, по личному указанию Абакумова, который получил от Сталина конкретные инструкции о порядке ведения следствия. По этому поводу в июле 1953 г., находясь под арестом, бывший заместитель начальника следственной части по особо важным делам (СЧОВД) МГБ В. И. Комаров показал: в конце 1947 – начале 1948 г. мне в кабинет в Лефортовской тюрьме позвонил Абакумов и заявил: «Инстанции (Сталин. – Г. К.) считают, что Гольдштейн интересовался личной жизнью руководителя Советского правительства не по собственной инициативе, а что за его спиной стоит иностранная разведка...».

Ознакомленный с тем же указанием другой заместитель начальника СЧОВД М. Т. Лихачев сразу же вызвал к себе ведущего дело Гольдштейна полковника Г. А. Сорокина и приказал ему «размотать шпионские связи Гольдштейна и выявить его шпионское лицо». Что происходило дальше, ясно из объяснения, данного Сорокиным 3 января 1954 г. комиссии по расследованию незаконной деятельности МГБ: «...никаких материалов, изобличающих Гольдштейна в шпионской деятельности, и даже вообще какого-либо дела против Гольдштейна я ни от кого не получал, и, как впоследствии мне стало ясно, такового вообще в МГБ не имелось. <...> По истечении некоторого времени на допрос Гольдштейна явился Комаров и сказал, что он имеет распоряжение Абакумова о применении к Гольдштейну мер физического воздействия. Это указание Абакумова <...> Комаров выполнил в тот же вечер при моем участии. На следующий день Гольдштейн в отсутс-

тивие Комарова дал мне показания о том, что со слов Гринберга ему известно, что в президиуме Еврейского антифашистского комитета захватили руководство отъявленные буржуазные националисты, которые, извращая национальную политику партии и Советского правительства, занимаются несвойственными для комитета функциями и проводят националистическую деятельность. Кроме того, Гольдштейн показал о шпионской деятельности Михоэлса и о том, что он проявлял повышенный интерес к личной жизни главы Советского правительства в Кремле. Такими сведениями у Михоэлса, как показал Гольдштейн, интересовались американские евреи...»⁷⁵.

Добыв «доказательства» «американского следа» в деле, следствие тем самым исполнило поставленную Сталиным задачу: подтвердило его подозрение, что Михоэлс и другие «еврейские националисты» вели целенаправленный сбор информации о генсеке по заданию вражеской разведки. Удовлетворенный Абакумов распорядился зафиксировать «выбитые» из Гольдштейна сведения в официальном протоколе (первом с момента ареста!). После редакции полковника Я. М. Бровермана (считался на Лубянке «писарем», то есть специалистом по фальсификации протоколов допросов, проводившихся Комаровым, Сорокиным и другими следователями-«забойщиками») «признание» Гольдштейна в результате приобрело следующий вид: «Михоэлс дал мне задание сблизиться с Аллилуевой, добиться личного знакомства с Григорием Морозовым. “Надо подмечать все мелочи, – говорил Михоэлс, – не упускать из виду всех деталей взаимоотношений Светланы и Григория. На основе вашей информации мы сможем разработать правильный план действий и информировать наших друзей в США, поскольку они интересуются этими вопросами”». Оформленный 9 января 1948 г., протокол допроса на следующий день был представлен Абакумовым Сталину⁷⁶.

Гринберга, которого по принуждению оговорил Гольдштейн, арестовали 28 декабря 1947 г. Поскольку по версии следствия Гринберг служил передаточным звеном между Михоэлсом и Гольдштейном, ему была уготована роль еще одного разоблачителя националистических козней руководства ЕАК. Путем угроз, насилия и обмана Гринберга заставили показать, «что Еврейский антифашистский комитет группирует вокруг себя еврейское население, разжигает у него националистические тенденции и, таким образом, является центром еврейских националистов ... что вся эта подрывная работа направляется американцами...» 22 декабря 1949 г., не выдержав издевательств, Гринберг умер от инфаркта миокарда во Внутренней тюрьме МГБ⁷⁷.

Дальнейшая судьба Гольдштейна определилась 29 октября 1949 г., когда Особое совещание, подведя черту под следствием, постановило заключить этого «особо опасного шпиона» на 25 лет в тюрьму МГБ. 10 ноября его этапировали в Верхнеуральский централ под Магнитогорском. Потом перевели во Владимирскую тюрьму, где он скончался 30 октября 1953 г.

После того как МГБ удалось добыть «доказательства» существования в стране американо-сионистского заговора против СССР, участь якобы возглавлявшего его Михоэлса была предreshена. Для Сталина он превратился в личного врага, вместе с сообщниками завлекшего беспечных Аллилуевых в «шпионские сети». Именно после арестов Аллилуевых, Гольдштейна, Гринберга и других «заговорщиков» политический сыск в СССР приобрел ярко выраженный антисемитский характер. Арестованный после смерти Сталина, бывший начальник СЧОВД М. Д. Рюмин показал в июне 1953 г.: «С конца 1947 г. в работе следственной части по особо важным делам начала отчетливо проявляться исходившая от Абакумова и реализуемая впоследствии Леоновым, Лихачевым и Комаровым тенденция рассматривать лиц еврейской национальности врагами Советского государства. Эта установка приводила к необоснованным арестам лиц еврейской национальности по обвинению в антисоветской националистической деятельности и американском шпионаже»⁷⁸.

Однако, выставив Абакумова главным антисемитом, Рюмин не сказал да и не мог сказать всей, ставшей потом очевидной, правды: основная вина за нагнетание официального антисемитизма и превращение аппарата МГБ в ударную силу этой политики лежала на Сталине, что со всей убедительностью проявилось в истории физического устранения национально-культурного лидера советского еврейства Соломона Михоэлса.

Гибель Михоэлса (новая версия)

Все началось со сверхсекретного разговора, произошедшего 27 декабря 1947 г. в ходе встречи Сталина с вызванными в Кремль Абакумовым и его заместителем по МГБ С. И. Огольцовым. Анализ записей в журнале регистрации посетителей кремлевского кабинета вождя свидетельствует, что этот визит был не совсем обычным. Ведь предшествующие посещения Абакумовым главного кабинета страны были и непродолжительными (от 5 до 25 минут), и проходили в присутствии соратников Сталина по Политбюро, а также некоторых министров и других высокопоставленных чиновников. Между тем, оз-

наченная беседа проходила без посторонних (вследствие, наверняка, ее особой важности и конфиденциальности) и длилась более одного часа, с 20-20 до 21-35⁷⁹.

В тот вечер руководители госбезопасности, по всей видимости, намеревались, ознакомив вождя с только что полученными, но пока что не оформленными в виде протокола «признаниями» Гольдштейна о «шпионской деятельности Михоэлса» и «повышенном интересе к личной жизни главы Советского правительства», получить от хозяина кабинета, во-первых, санкцию на арест оговоренного Гольдштейном Гринберга (что им удалось) и, во-вторых, самое главное, – указание по поводу дальнейших действий в отношении ставшего вдруг «опаснейшим преступником» Михоэлса. И это намерение также было реализовано. Подтверждение тому содержится в данном 18 марта 1953 г. Берии письменном объяснении Огольцова, где о более чем пятилетней давности визите к Сталину сказано следующее: «Во время беседы <...> товарищем Сталиным была названа фамилия Михоэлса, и в конце беседы было им дано указание Абакумову о необходимости проведения специального мероприятия в отношении Михоэлса, и что для этой цели [следует] устроить “автомобильную катастрофу”»⁸⁰.

Такой способ тайного устранения неугодных был не новым в арсенале вождя. В июле 1939 г. посредством «автомобильной катастрофы» он разделался с бывшим послом в Китае И. Т. Бовкуном-Луганцем и его женой. А перед войной по такому же сценарию готовилась, как указывалось, и ликвидация смещенного наркома иностранных дел М. М. Литвинова⁸¹.

Так еврейскому артисту, по сути, был вынесен заочный смертный приговор, исполнение которого стало теперь «техническим» вопросом. Почему Сталин не приказал просто арестовать Михоэлса и не свел с ним счеты в подвалах Лубянки, а пошел на связанную с определенным риском спецоперацию по его устранению? Очевидно, как и в истории с похищением шведского дипломата Рауля Валленберга в 1945 г. (был захвачен в Будапеште и тайно вывезен в Москву тем же Абакумовым), этот риск он счел оправданным, поскольку как в одном, так и в другом случае главным было избежать – во что бы то ни стало – крупных международных скандалов, коими они (эти случаи) были чреваты. Показательно, что когда министр госбезопасности Белоруссии Л. Ф. Цанавя спросил у Огольцова о причине тайного устранения Михоэлса, последовал ответ: «на Михоэлса делают большую ставку американцы, но арестовывать его нецелесообразно, так как он широко известен за границей»⁸².

Получив от Сталина «заказ» на спецоперацию, Абакумов сразу принялся его исполнять. Огольцов потом проговорился Цанаве, что первоначально «боевая группа МГБ СССР» предпринимала меры к убийству Михоэлса еще в Москве, но сделать это не удалось, так как Михоэлс ходил по Москве в окружении многих женщин»⁸³.

Именно это обстоятельство, очевидно, и навело позднее Абакумова на мысль избрать местом проведения спецоперации не шумную и многолюдную столицу, а отдаленную провинцию с еще не устоявшейся после военного лихолетья жизнью, где при необходимости проще было списать внезапную гибель человека на какую-либо случайность. Вот почему еще не оправившемуся после нацистской оккупации Минску и суждено было стать местом гибели Михоэлса. Однако это не означает того, что место и время убийства были определены на Лубянке, и что состоявшаяся в начале января 1948 г. командировка Михоэлса в Минск была инспирирована МГБ. Впрочем, существует и противоположная точка зрения. Утверждается, что Михоэлс должен был выехать в Ленинград, чтобы там как член комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства участвовать в отборе театральных спектаклей, достойных этой награды. Однако, поддавшись уговорам своего давнего знакомого театроведа В. И. Голубова (публиковался под псевдонимом «В. Потапов», был негласным агентом МГБ), он, неожиданно передумав, решил направиться с такой же миссией в Минск⁸⁴.

Судя по материалам следствия, проведенного Берией в марте 1953 г., руководство МГБ в начале 1948 г. отнюдь не пыталось заманить Михоэлса в Минск. Из показаний участников спецоперации, несмотря на имеющиеся в них понятные несовпадения и противоречия (давались по прошествии более пяти лет после гибели Михоэлса) ясно, что решение о ликвидации Михоэлса в Минске принималось уже после того как стало известно, что он туда поедет. Отъезд состоялся вечером 7 января, когда Михоэлс, сопровождавшийся Голубовым-Потаповым и работником Комитета по делам искусств И. М. Барашко, отбыли из Москвы на поезде. Зная об этом отъезде заблаговременно (во всяком случае, со 2 января 1948 г., когда Михоэлсу было вручено командировочное удостоверение⁸⁵), Абакумов, тем не менее, доложил о нем Сталину, скорее всего, не ранее вечера 6 января, уже будучи уверенным, что эта поездка не сорвется. И тогда же, а не по прибытии Михоэлса к месту назначения, как потом в своих путаных показаниях утверждал Абакумов, Сталин «дал указание именно в Минске и провести ликвидацию Михоэлса...»⁸⁶.

Распорядился так Сталин, видимо, по телефону, находясь на «Ближней» (подмосковной) даче, поскольку в новом 1948 г. первый

визит Абакумова в Кремль состоялся только 10 января⁸⁷. В ходе этого разговора Сталин также подтвердил свое прежнее решение (теперь уже применительно к Минску): Михоэлс должен «случайно» погибнуть на дороге. Светлана Аллилуева, гостившая тогда у отца, вспоминала: «Ему (Сталину. – Г. К.) что-то докладывали, а он слушал. Потом, как резюме, он сказал: «Ну, автомобильная катастрофа». Я отлично помню эту интонацию – это был не вопрос, а утверждение, ответ. Он не спрашивал, а предлагал эту автомобильную катастрофу»⁸⁸. Очевидно, сразу после этого Абакумов связался по ВЧ (высокочастотная телефония) с министром госбезопасности Белоруссии Л. Ф. Цанавой. И хотя разговор велся по линии засекреченной связи, Абакумов был предельно осторожен. Лишь убедившись, что рядом с его собеседником никого не было, он без конкретных пояснений спросил: «Имеются ли в МГБ Белорусской ССР возможности для выполнения <...> важного решения правительства и личного указания Сталина?» Поскольку вопрос звучал, как приказ, последовал положительный ответ, и беседа на этом завершилась.

Составив примерный план спецоперации, Абакумов, чтобы согласовать его со Сталиным, вновь позвонил в Кремль. Вождь, дав добро, потребовал детально информировать его по ходу реализации спецзадания. Затем был обговорен персональный состав бригады оперативников. Руководителем назначили генерала Огольцова, в распоряжение которого поступали: полковник Ф. Г. Шубняков – руководил во втором главном (контрразведывательном) управлении МГБ СССР отделом, специализировавшимся на американской агентуре, в том числе и из числа еврейских националистов; полковник В. Е. Лебедев и старший лейтенант Б. А. Круглов – особого рода «транспортники» из возглавлявшегося П. А. Судоплатовым отдела «ДР» (служба террора и диверсий), имитировавшие «ликвидации» под случайные автокатастрофы; майор А. Х. Косырев – секретарь Огольцова. Кроме того, известно, что в спецоперации был задействован и некий майор Н. Ф. Повзун. Впоследствии Огольцов и Шубняков, перечисляя в показаниях тех, кто отправился вместе с ними в Минск, его не упомянули. Скорее всего, это был сотрудник белорусских органов госбезопасности, в силу каких-то обстоятельств привлеченный к спецоперации.

Вечером 7 января, то есть сразу после отбытия Михоэлса из Москвы, Абакумов провел инструктаж личного состава бригады, объявив, что на утро 8 января намечен ее выезд на двух легковушках в Минск. После инструктажа Абакумов вновь связался с Цанавой. Теперь он сообщил ему, что для проведения спецоперации завтра вечером «бо-

евая группа МГБ СССР» во главе с Огольцовым, соблюдая максимальную конфиденциальность и не заезжая в республиканское МГБ в Минске, прибудет на его, Цанавы, загородную дачу, и что он будет помогать Огольцову руководить операцией на месте. Суть этой операции Абакумов и на сей раз не решился раскрыть по телефону. О том, что она предполагает ликвидацию Михоэлса, Цанава узнал только от Огольцова по приезду того вместе со своими людьми на дачу министра в Слепянке⁸⁹.

Первые три дня по прибытии на место Лебедев, Круглов и Шубняков, как потом припомнил последний, «вели наблюдение за Михоэлсом, выясняли обстановку и условия для организации автомобильной катастрофы». Эта «рекогносцировка» показала: «Михоэлса всегда окружала большая группа местной интеллигенции, он часто пользовался автомашиной Совмина Белоруссии, и его сопровождали работники аппарата Комитета по делам искусств. Реализовывать в таких условиях вариант «автомобильной катастрофы», от которой могли пострадать и сами ее организаторы, Огольцов счел рискованным. Вместе с тем, и «ликвидация объекта» «путем наезда на него грузовой машины на малолюдной улице <...> также не гарантировала успех операции наверняка». В конце концов, оптимальным было признано предложение Шубнякова, предусматривавшее «секретное изъятие» Михоэлса. Когда это соображение было доложено Абакумову, тот, требуя «во что бы то ни стало осуществить операцию», его одобрил, приказав задействовать сопровождавшего Михоэлса «агента 2 Главного управления МГБ СССР»⁹⁰.

Эта неизвестная ранее деталь с агентом доказывает, что поездка Голубова-Потапова в Минск не была спланирована госбезопасностью заранее. И пребывание его в те роковые дни вместе с Михоэлсом было, вопреки расхожей версии о причастности к этому Лубянки⁹¹, скорее всего, случайным стечением обстоятельств, которым люди Абакумова не преминули воспользоваться.

С «агентом» поручили связаться Шубнякову, назначенному ответственным за «секретное изъятие» Михоэлса. Вызвав на «явку» Голубова-Потапова, Шубняков сообщил ему, что «имеется необходимость в частной обстановке встретиться с Михоэлсом», которого следует пригласить к некоему «личному другу, проживающему в Минске». Не подозревавший о страшной подоплеке этой просьбы Голубов-Потапов согласился ее исполнить, и ему без труда удалось уговорить любившего дружеские застолья Михоэлса почтить своим присутствием то ли свадьбу, то ли еще какое-то семейное торжество у некоего «инженера Сергеева», по поводу личности которого потом

возникло множество догадок и предположений. Получила, например, широкое распространение легенда, что убийство Михоэлса произошло сразу после того, как он побывал в гостях у командующего войсками Белорусского военного округа и своего друга генерал-полковника Сергея Георгиевича Трофименко, визит к которому он по каким-то соображениям решил «зашифровать», сказав белорусским коллегам, что собирается встретиться с «инженером Сергеевым»⁹². Однако результаты новейших исследований не оставляют сомнений в том, что «инженер Сергеев» не имел никакого отношения к С. Трофименко, к которому Михоэлс действительно приходил, но не 12, а 8 января – сразу по прибытии в Минск⁹³. Теперь ясно, что «инженер Сергеев» – выдумка не Михоэлса, а Шубнякова, которому мысль «изобрести» новоявленного «поручика Кижэ», видимо, навял спектакль столичного Малого театра «Инженер Сергеев», поставленный после войны по пьесе Всеволода Росса. Поскольку под этим звучным псевдонимом скрывался тогдашний нарком госбезопасности В. Н. Меркулов, эта постановка была особенно популярной в чекистской среде.

И вот 12 января, примерно в восемь вечера двое столичных постояльцев гостиницы «Беларусь» (Михоэлс и Голубов-Потапов проживали в этом отеле, деля двухкомнатный «люкс» с Барашко) вышли на улицу и направились к условленному месту встречи с «инженером», откуда тот должен был на автомобиле доставить их на торжество. Как показал потом Шубняков, около девяти часов к машине, где он находился вместе с сидевшим за рулем Кругловым, подошли Голубов-Потапов и Михоэлс, которому он представился как «Сергеев», после чего «все отправились ко мне (Шубнякову. – Г. К.) “на квартиру”, т. е. на дачу т. Цанавы»⁹⁴.

Вопреки широко распространенной версии о насильственном характере «похищения» (с нападением и борьбой) двух столичных театральных деятелей, можно с большой долей уверенности предположить, что ни Михоэлс, ни Голубов-Потапов вплоть до самого последнего момента – пока «примерно в 10 часов вечера» (показание Цанавы. – Г. К.) они не въехали во двор загородного дома министра госбезопасности Белоруссии и поджидавшие там оперативники не стали грубо выволакивать их из машины – не догадывались, что оказались в западне. Далее, если верить Шубнякову (из всех участников операции он дал самое точное, детальное описание происшедшего), события развивались следующим образом. По прибытии он «доложил т. Огольцову, что Михоэлс и агент доставлены на дачу». Тут же Огольцов по ВЧ передал эту информацию Абакумову, который в свою очередь, не разъединяясь с Минском, доложил по «вертуш-

ке» (аппарат АТС Кремля) Сталину, находившемуся на «Ближней» и готовившемуся к ночному заседанию Политбюро⁹⁶ (о нем ниже). Поскольку и сценарий ликвидации, и орудие убийства – грузовик (ЗиС-5?) – были заранее обговорены, вождю оставалось только подтвердить свой приговор Михоэлсу. Одновременно он дал санкцию и на ликвидацию Голубова-Потапова, который «был в курсе всех агентурных мероприятий, проводившихся по Михоэлсу», «доверием у органов <...> не пользовался» и, самое главное, оказался в положении «невольного и опасного свидетеля смерти Михоэлса»⁹⁷.

Потом наступила кровавая развязка, так описанная Шубняковым: «С тем чтобы создать впечатление, что Михоэлс и агент попали под автомашину в пьяном виде, их заставили выпить по стакану водки. Затем они по одному (вначале агент, а затем Михоэлс) были умерщвлены – раздавлены грузовой автомашиной. <...> Убедившись, что Михоэлс и агент мертвы, наша группа вывезла их тела в город и выбросила их на дорогу одной из улиц, расположенных недалеко от гостиницы. Причем их трупы были расположены так, что создавалось впечатление, что Михоэлс и агент были сбиты автомашиной, которая переехала их передними и задними скатами»⁹⁸.

Так трагически оборвалась жизнь талантливого еврейского артиста и известного общественного деятеля. Конечно, представленная выше реконструкция потаенных до недавнего времени событий этого, без натяжки исторического политического преступления, только версия, но версия, базирующаяся на последних научных достижениях и самой полной на сегодняшний день источниковой базе. Она в значительной мере позволяет также преодолеть смысловые нестыковки и фактологический разнобой в полученных в начале 1953 г. показаниях участников спецоперации, в памяти которых по прошествии пяти с лишним лет с момента события многое исказилось и стерлось.

Невозможно обойтись без предположений и воссоздавая картину событий, происходивших в верхах сразу после гибели Михоэлса. Ведь нельзя, например, сейчас точно установить, о чем шла речь на проходившем в ночь убийства Михоэлса заседании Политбюро, о котором достоверно известно только то, что в нем участвовали Сталин, Молотов, Жданов, Берия, Микоян, Маленков, Вознесенский, Косыгин, Булганин и Каганович⁹⁹. В таких случаях историкам остается только гадать, но не на кофейной гуще, а апеллируя к косвенным доказательствам. Не исключено, что во время этого ночного бдения, закончившегося в 1 час. 40 мин. ночи, Сталин мог в деталях поведать ближайшим соратникам о «преступлении и наказании» Михоэлса или, по крайней мере, прозрачно намекнуть на истинную причину

его неожиданной смерти. Это предположение подкрепляется тем, что 10 января руководитель личной канцелярии Сталина А. Н. Поскребышев разослал членам и кандидатам Политбюро специально подготовленные Абакумовым первые официально оформленные протоколы допросов И. И. Гольдштейна, Н. В. Молочникова и других арестованных по «делу Аллилуевых», содержащих в прямом смысле слова убийственные «признания» о сотрудничестве Михоэлса с американцами¹⁰⁰. Всегда подводивший под свои преступления резоны в духе революционной целесообразности, Сталин и на сей раз явно стремился доказать своим соратникам государственную необходимость ликвидации общественного лидера еврейства.

Так что на упомянутом заседании Политбюро, созванном, как представляется, отнюдь не случайно в ночь убийства Михоэлса, оставалось лишь объявить об исполнении заочно вынесенного ему смертного приговора. Возможно, поэтому Полина Жемчужина – жена участвовавшего в этом тайном судилище Молотова – уверенно и почти открыто говорила потом на похоронах Михоэлса, что тот погиб не в результате официально объявленного несчастного случая, а преднамеренного убийства. После столь неосторожного высказывания арест Жемчужиной и опала Молотова, обвиненного впоследствии в разглашении (устами жены) важнейших государственных секретов, стали вопросом времени¹⁰¹.

Сразу же после того как 13 января в 7 час. 10 мин. утра случайные прохожие, наткнувшись на трамвайных путях у минского стадиона «Динамо» на два обезображенных трупа, сообщили об этом в милицию, началось официальное расследование. Уже 14 января министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов доложил Сталину, Молотову, Ворошилову и Жданову: «По данным осмотра места происшествия и первичному заключению экспертов, смерть Михоэлса и Голубова-Потапова последовала в результате наезда автомашины...»¹⁰² Чтобы не пустить следствие на самотек, им занялись не местные сыщики, а командированная из Москвы группа следователей Главного управления милиции МВД СССР. 11 февраля по результатам проведенного ею расследования был составлен отчет, в котором констатировалось: «Никаких данных о том, что Михоэлс и Голубов-Потапов погибли не от случайного на них наезда, а от каких-либо других причин расследованием не добыто»¹⁰³.

Однако в действительности такие «данные» были «добыты». Оперативникам белорусского МВД уже в самом начале следствия (пока его не передали центру) удалось и обнаружить орудие преступления – грузовик, которым были раздавлены Михоэлс и Голубов-Потапов, и

установить, что автомобиль числится за МГБ. Разумеется, эти факты были моментально похерены: когда, не ведая, какая опасная тайна стоит за ними, министр внутренних дел БССР С. С. Бельченко, попытался дать им ход, его грубо одернули Цанава и министр внутренних дел СССР Круглов, предупредив, что, если он будет «лезть куда не просят», то рискует навлечь на себя серьезные неприятности¹⁰⁴.

Тайную спецоперацию по устранению Михоэлса Сталин оценил высоко. Ее руководители и участники «за успешное выполнение специального задания правительства» были награждены указом Президиума Верховного Совета СССР орденами¹⁰⁵.

Между тем, советское еврейство скорбело, потеряв в лице Михоэлса учителя, мудрого рабби, свою национальную опору. Хотя в большинстве своем евреи в СССР к тому времени были ассимилированы и отошли от родного языка и традиционной культуры, многие из них восприняли эту кончину как национальную трагедию. Международный общественный резонанс на смерть Михоэлса также был впечатляющим. Из США, Австралии, Франции, Аргентины, Палестины, Югославии, других стран были получены сообщения о массовых собраниях и митингах, посвященных его памяти. Со всего мира в Москву приходили телеграммы (подписанные, в том числе, А. Эйнштейном и М. Шагалом) с выражением сочувствия и соболезнования¹⁰⁶.

Вынужденные считаться с немалым авторитетом и популярностью Михоэлса в стране* и мире, да и чтобы противодействовать «провокационным» слухам о причастности госбезопасности к смерти еврейского артиста, власти решили продемонстрировать, что разделяют это горе. Накануне похорон «Правда» вышла с пространным и прочувствованным некрологом, в котором Михоэлс был назван «активным строителем советской художественной культуры», «крупным общественным деятелем, посвятившим свою жизнь служению советскому народу». 17 января было опубликовано официальное сообщение ТАСС о прощании с Михоэлсом в Еврейском театре. Одновременно были запущены дезориентирующие слухи о том, что Михоэлс погиб от рук «засланных» в Белоруссию то ли сионистов, то ли «польских фашистов» – агентов бывшего польского премьер-министра С. Миколайчика¹⁰⁷.

* На Белорусский вокзал, куда из Минска был доставлен гроб с телом Михоэлса, а потом и на его похороны на Донское кладбище пришли тысячи евреев. С такой впечатляющей демонстрацией национальных чувств Сталин не мог не считаться, более того, как показали последовавшие потом репрессивные меры, вероятно, испытал и серьезную тревогу.

В то, что Михоэлс пал жертвой трагической случайности, поверили практически все, за исключением немногих сомневавшихся, тех, кто его знал лично и вместе с ним ощущал тревожное сгущение политической атмосферы вокруг ЕАК и еврейской культуры. Хотя, скажем, Эренбургу официальная версия гибели еврейского артиста вроде бы и «казалась убедительной весной 1948 года», тем не менее, тот вряд ли доверял советской пропаганде. Арестованный через год Шимелиович показал на допросе, что на похоронах руководителя ЕАК Эренбург многозначительно произнес: «Несколько дней тому назад Михоэлс погиб на том же месте, где уже были истреблены десятки тысяч евреев». Не верили в случайность и другие представители еврейской интеллектуальной элиты, прежде всего его родные и друзья. Они вспоминали, что Михоэлс, обескураженный нарастанием потока анонимных угроз («жидовская образина, больно высоко ты взлетела, как бы головка не слетела» и т. п.) и недавними арестами друзей и знакомых, уезжал в последнюю командировку в крайне подавленном настроении. Фефер, будучи преемником Михоэлса на посту руководителя ЕАК и потом арестованный, заявил на допросе, что сразу после трагедии в Минске услышал там от литератора А. Х. Платнера: евреи в столице Белоруссии считают, что это официально организованное убийство с целью «снять голову у еврейской общественности». В мучительном недоумении пребывал и еврейский артист В. Л. Зускин, сменивший Михоэлса на посту художественного руководителя Московского государственного еврейского театра. Ведь прощаясь с ним перед отъездом в Минск в рабочем кабинете, Михоэлс, печально произнес: «Вот здесь, на этом кресле, ты скоро, очень скоро будешь сидеть...» Думается, последние сомнения Зускина относительно загадочной гибели друга отпали после слов П. С. Жемчужиной, услышанных на похоронах Михоэлса, называвшего ее когда-то «нашей Эсфирью» и «хорошей еврейской дочерью». Улучив подходящий момент, она, кивнув на покойника, прошептала Зускину и Феферу: «Это было убийство». Но, пожалуй, больше других в официальной расправе над Михоэлсом был уверен поэт Маркиш. Уже 16 января, в день похорон артиста-мученика, он сочинил поэму «Михоэлс – неугасимый светильник», в которой была и такая, вложенная в уста погибшего артиста, красноречивая фраза: «О Вечность! Я на твой поруганный порог/ Иду, зарубленный, убитый, бездыханный»¹⁰⁸.

Тайное убийство Михоэлса было обусловлено не только такими общим исходными факторами как усиление репрессивного характера режима и нагнетавшаяся Сталиным шпиономания, оно знаменовало собой еще и попытку власти, обезглавив культурную элиту еврейс-

тва, установить над ней тотальный контроль, дабы, лишив остатков возникших в «стихийно демократические» годы войны претензий на национальную самодеятельность, нейтрализовать ее «националистическое» влияние на еврейские массы.

От сдерживания к репрессиям («дело ЕАК»)

После смерти Михоэлса, когда встал вопрос о его преемнике, в ЦК решили воспользоваться этим моментом для радикальной реорганизации ЕАК. В марте-апреле 1948 г. руководство ОВП, настаивая на «оздоровлении обстановки в еврейском антифашистском комитете и превращении его в работоспособный орган по сплочению демократических еврейских сил за рубежом» предложило полностью обновить президиум комитета и выдвинуло несколько кандидатур на пост его главы – биохимика Б. И. Збарского архитектора Б. М. Иофана, генерала Я. Г. Крейзера и др.¹⁰⁹

Однако дальше намерений дело не пошло, поскольку Сталин, расправившись с Михоэлсом, совершенно по-иному смотрел на будущее ЕАК, мысленно поставив на нем крест. Правда, для него было пока политически невыгодным обнаружение явно созревшего к концу 1947 г. намерения покончить с «еврейским национализмом». Ведь ликвидация ЕАК сразу или вскоре после похорон Михоэлса, во-первых, породила бы нежелательные ассоциации с его таинственной гибелью, а во-вторых, могла дискредитировать параллельный, но диаметрально противоположный упомянутому намерению тогдашний внешнеполитический курс СССР на поддержку сионистского проекта создания еврейского государства на Ближнем Востоке. К тому же ЕАК мог еще пригодиться в политической игре за влияние на этот стратегический регион мира.

Поскольку, таким образом, ликвидация ЕАК откладывалась, МГБ, не имея возможности развернуть открытую борьбу с «сионистским подпольем» и начать аресты его «главарей» (в том числе руководителей комитета), было вынуждено продолжить тайный сбор компромата на них. Министр Абакумов и его ближайшее окружение, окрыленные милостями вождя (посыпавшимися, как из рога изобилия орденами, премиями, повышениями в званиях и должностях) за успешно проведенное устранение Михоэлса, принялись фабриковать дело об «американо-сионистском центре в СССР», созданном якобы под прикрытием ЕАК. Для реализации этой цели соответствующим образом было переориентировано следствие по «делу Аллилуевых». В резуль-

тате уже 1 марта у арестованного по нему З. Г. Гринберга были получены показания о том, что «после возвращения Михоэлса и Фефера из Америки в 1943 г. ЕАК находился под влиянием американцев» и что «проводимая... под прикрытием антифашистского комитета вражеская работа против Советского правительства направляется именно американцами». Поскольку после тайной расправы над Михоэлсом «сионистом № 1» в глазах руководителей МГБ стал Лозовский, 19 апреля Гринберга так же заставили подписать протокол, в котором впервые речь зашла о «преступной деятельности» бывшего руководителя Совинформбюро. Еще раньше, в конце 1947 – начале 1948 гг. были произведены аресты лиц, близко знавших Лозовского по работе в СИБ, в том числе руководителя отдела печати Е. И. Долицкого, редактора-переводчика Я. Я. Гуральского, бывшего английского подданного Г. В. Ханны и заведующего отделом фотоинформации Г. З. Соркина. Последнего, начиная с 24 января и вплоть до 22 февраля 1948 г., почти ежедневно подвергали пыткам, требуя подтверждений шпионской деятельности Лозовского и руководителей ЕАК, которые будто бы «продались американцам и сионистам»¹¹⁰.

26 марта 1948 г. Абакумов представил в Совет министров СССР (Сталину и Молотову) и ЦК ВКП(б) (Жданову и Кузнецову) странную записку (подготовленную, кстати, Шубняковым), в которой Лозовского характеризовали как покровителя «еврейских националистов», что в целом выглядело, как обвинение против всего ЕАК. Утверждалось, в частности, что «руководители Еврейского антифашистского комитета, являясь активными националистами и ориентируясь на американцев, по существу проводят антисоветскую националистическую работу». Далее уточнялось: «...Особенно заметно проамериканское влияние в работе Еврейского антифашистского комитета стало сказываться после поездки руководителей комитета Михоэлса и Фефера в Соединенные Штаты Америки, где они установили контакт с видными еврейскими деятелями, часть из которых связана с американской разведкой. Бывший председатель президиума комитета Михоэлс С. М., известный еще задолго до войны как активный националист, был своего рода знаменем националистически настроенных еврейских кругов»¹¹¹.

Доклад Абакумова носил информационный характер и не содержал каких-либо конкретных предложений в отношении ЕАК. Руководство МГБ сочло за благо для себя дожидаться указаний сверху, не сомневаясь в том, что таковые рано или поздно последуют, и потому усиливало тайную борьбу с «сионистским подпольем». Не исключено, что Абакумов, действуя через министра госбезопасности Бело-

русии Цанаву, инспирировал представление в Кремль еще одного материала о «происках еврейских националистов». Речь идет о записке, направленной 13 апреля 1948 г. Сталину и Молотову первым секретарем компартии этой республики Н. И. Гусаровым, в которой он выражал тревогу по поводу попыток американских разведслужб и международных сионистских организаций посеять эмиграционные настроения в среде белорусских евреев, вовлекая их в переписку и другие формы общения (посылки, информационный обмен и т. д.) с сородичами за рубежом, создавая нелегальные еврейские националистические организации и религиозные общины¹¹².

Знакомясь с подобной информацией, Сталин не мог не усмотреть в деятельности ЕАК дерзкий вызов как себе лично, так и созданной им системе. Ведь с самого начала комитет создавался как сугубо пропагандистская организация, специализировавшаяся на информационной обработке Запада и выкачивании оттуда финансовых средств. За это руководителям ЕАК полагалось многое: приличное жалованье, возможность печататься и получать гонорары, в том числе и за рубежом, принимать и распределять подарки и посылки из-за границы и, наконец, выезжать туда. Плюс – комфортабельные квартиры, дачи, ордена, депутатства, прочие номенклатурные блага. И за все это требовалось лишь послушание и соблюдение установленных системой правил игры. Однако Михоэлс и его единомышленники вольно или невольно нарушили эти правила, перешли грань дозволенного. Их все больше не устраивала двусмысленная роль пропагандистов «мудрой» национальной политики Сталина, они хотели на деле выражать волю, чаяния и национальные интересы своего народа. Тем самым они покусались на монополию сталинской аппаратной власти, что было вопиющей дерзостью и не могло остаться безнаказанным. Однако активная роль СССР в создании самостоятельного еврейского государства (май 1948 г.), поддержка Израиля (дипломатическая, политическая и военно-техническая) – все это означало, что волею обстоятельств судьба ЕАК оказалась на весах мировой политики, что отсрочило, как уже отмечалось, неминуемую расправу.

Однако уже летом 1948 г. стало очевидным, что израильская советская внешняя политика исподволь провоцирует рост национального самосознания советских евреев, вдруг почувствовавших ответственность за свободу и независимость далекой прародины. Сотням евреев, писавшим, звонившим и просто приходившим в те дни на Кропоткинскую улицу в ЕАК, казалось явно недостаточным то, что руководители этой организации отреагировали на образование Израиля лишь отправкой приветственной телеграммы президенту Х. Вейцману. Они

требовали от комитета не только словом, но и делом продемонстрировать солидарность с государством, ставшим символом национального возрождения. Магии ближневосточного чуда оказалась подвластна и вроде бы бесповоротно ассимилировавшаяся среда советского привилегированного еврейства с его коммунистическо-интернационалистской ментальностью. Жена маршала К. Е. Ворошилова Екатерина Давидовна (Голда Горбман), фанатичная большевичка, еще в юности отлученная от синагоги, в дни создания Израиля изумила своих родственников фразой: «Вот теперь и у нас есть родина»¹¹³.

Среди обращавшихся в ЕАК – рабочих, служащих, студентов, творческой интеллигенции и даже заключенных – было много тех, кто предлагал организовать сбор средств на закупку вооружения для израильской армии. Другие сами желали добровольцами сражаться бок о бок со своими еврейскими братьями. Третьи, например, жители Жмеринки (Винницкая обл.), ходатайствовали о выезде в Израиль. В еврейской среде широко распространились слухи о том, что после официального признания Советским Союзом Израиля все советские евреи должны автоматически получить право туда эмигрировать. При этом ссылались на Ленина, который отпустил финнов и поляков на их исторические родины, когда после Октябрьской революции те стали независимыми. Находились и такие горячие головы, которые вместо, как им казалось, нерешительного и обюрокраченного ЕАК, требовали создать активно действующий Еврейский комитет помощи для независимости Израиля.

Эти призывы остались без ответа. В ЕАК все они наряду с устными обращениями тщательно регистрировались, а затем вместе с адресами и телефонами заявителей передавались властям. Впоследствии эти материалы использовались госбезопасностью для доказательства вины так называемых еврейских националистов в качестве обоснования их арестов.

Эйфория от создания государства Израиль достигла своего пика в первые недели осени 1948 г., что было связано с прибытием 3 сентября в Москву первого дипломатического представителя Израиля уроженки Киева Голды Мейерсон (с 1956 г. – Г. Меир). К моменту создания государства Израиль Г. Меир была уже достаточно крупным государственным и общественным деятелем. Ее назначение в Москву было связано не столько с сугубо дипломатической миссией, сколько с жизненно важной для тогдашнего Израиля необходимостью добиться от советского руководства санкции на массовую эмиграцию евреев из СССР, где их проживало значительно больше, чем где-либо еще в Старом свете.

В качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра государства Израиль Г. Меир 7 сентября была принята Молотовым. Однако, будучи профессиональным политическим пропагандистом, она придавала неформальному общению с советским еврейством куда большее значение, чем этому и другим протокольным мероприятиям. Уже 11 сентября, то есть в первую субботу своего пребывания в советской столице, Меир посетила хоральную синагогу, где преподнесла в дар общине свиток Торы и пожертвование в сумме 3500 рублей¹¹⁴.

В московской синагоге Меир потом бывала неоднократно, и каждый ее визит туда сопровождался значительным наплывом ликующего еврейства. Массовым столпотворением был отмечен и приезд израильского посланника 16 сентября в Московский еврейский театр. Эти яркие всплески еврейского национализма, разумеется, не укрылись от внимания Сталина, который с подобными проявлениями национального чувства мириться, конечно, не собирался.

Первым признаком надвигавшейся на советских евреев грозы стал арест 16 сентября в Киеве члена президиума ЕАК поэта Д. Н. Гофштейна, который незадолго до этого направил Меир телеграмму о необходимости возрождения в СССР иврита. Однако в Москве никого не трогали. Сталин, очевидно, еще продолжал питать политические иллюзии в отношении Израиля и потому пока воздерживался от массированных репрессий в отношении признанных лидеров советского еврейства.

Страшась инициирования Сталиным очередного репрессивного пароксизма, представители умеренной части высшей партийной бюрократии попытались сбить стихийную волну еврейской национальной активности, сделав ставку на Эренбурга. Тот не только имел поддержку на Старой площади, но и, олицетворяя собой идеологический «крайний западный фланг сталинизма»¹¹⁵, пользовался благорасположением вождя, а также авторитетом и доверием в международных и отечественных интеллектуальных кругах.

О популярности Эренбурга среди советского еврейства говорило хотя бы то, что после войны в сотнях списков и десятках вариантов ходило по рукам приписывавшееся ему неумело скроенное, наивное стихотворение, по форме – своеобразный поэтический диалог между Эренбургом и Маргаритой Алигер, «говорившей» словами своей поэмы «Твоя победа», опубликованной в 1945 г. в журнале «Знамя» (№ 9). Это были не просто стихи. За их строчками угадывались мучительные попытки нацменьшинства ответить на вызовы пережитого Холокоста и усилившегося антисемитизма, а также стремление

обрести новую национальную перспективу, причем явно вне рамок советской системы.

В финале этого смоделированного коллективным народным творчеством разговора о еврейской национальной судьбе фольклорный Эренбург с трагическим оптимизмом предрекал: «Нас задавить хотели в грязных гетто,/ В печах спалить и крови утопить./ Но верю я, что, несмотря на это,/ Товарищ Алигер, мы будем жить...»¹¹⁶.

Однако реальный Эренбург демонстрировал совсем иное видение еврейской проблемы в СССР. Произошло это 21 сентября 1948 г., когда за его подписью в «Правде» появилась статья «По поводу одного письма» – своего рода последнее предупреждение верхов. Ее лейтмотивом была критика сионистского тезиса о спаянном общенациональными узами единстве евреев во всем мире. На взгляд Эренбурга, таких уз в действительности никогда не существовало, а еврейское национальное единение – это «солидарность оскорбленных и возмущенных», обусловленная лишь реальной жизненной необходимостью в коллективной защите от общего зла – антисемитизма. Из этого общего либерально-позитивистского рассуждения следовал конкретный пропагандистский вывод о том, что поскольку в СССР ленинско-сталинская национальная политика давно покончила с антисемитизмом (напомним, что ранее Эренбург заявлял об обратном. – Г. К.), значит, советским евреям нечего беспокоиться: проклятый еврейский вопрос для них просто не существует, и потому «они смотрят не на Ближний Восток, они смотрят в будущее»¹¹⁷.

По форме статья была ответом некоему Александру Р., студенту-сионисту из Западной Германии, который в реальности не существовал. Поэтому полемика с ним Эренбурга была всего лишь авторским приемом, фигурой речи, использовавшейся для завуалированной критики проамериканского политического курса Израиля и его пропагандистского влияния на советское еврейство. Рукой автора тут водил Сталин, которому Маленков 18 сентября вместе с оттиском статьи отправил следующую записку: «Перед отъездом (в отпуск. – Г. К.) Вы (Сталин. – Г. К.) дали указание подготовить статью об Израиле. Дело несколько задержалось из-за отсутствия в Москве Эренбурга. На днях Эренбург прибыл. Мы с Кагановичем, Поспеловым и Ильичевым имели с ним разговор. Эренбург согласился написать статью...». Поскольку перед сдачей в печать на оттиске появилась пометка Поскребышева: «Товарищ Сталин согласен»¹¹⁸, можно заключить, что «заказчик» был удовлетворен работой Эренбурга.

Антисионистский пафос статьи Эренбурга, написанной им, возможно, и с благой целью избежать обоюдного экстремизма на по-

литической оси «евреи – сталинский режим», не притушил, а еще больше накалил разгоравшиеся страсти. Евреи, плененные магией национализма, не услышав его призыва к благоразумию и покорности, ощутили в подтексте статьи своего рода идеологический коллаборационизм.

В «Правду», а также в газету «Эйникайт», перепечатавшую статью и поддержавшую ее тезисы¹¹⁹, пошел вал критических писем. «Кто дал право Эренбургу говорить от имени евреев? – спрашивал один из читателей еврейской газеты и продолжал: – Как известно, Эренбург никогда не интересовался общественной жизнью евреев. Интересно, видел ли он вообще евреев?... Эренбург сравнивает Израиль с пароходом, на котором едут евреи, спасшиеся от Майданека. Если бы француз так говорил о Франции, то французский народ разорвал бы его на куски. К сожалению, евреи этого себе разрешить не могут, они только питают злобу к нему и ненависть. Пусть Эренбург знает, что проклятие народа его настигнет, и он не смеет его никогда». Другой читатель выразился также без обиняков: «По Эренбургу: евреи должны ассимилироваться... Если Михоэлс прочитал бы на страницах “Эйникайт” статью Эренбурга, он бы содрогнулся в своей могиле от злобы и горя... Еврейский народ не желает слушать советы Эренбурга»¹²⁰.

И хотя в этом потоке осуждения и раздражения звучали и умеренные нотки, однако и в них присутствовал укор Эренбургу, попытка которого прагматически ответить на национальный вызов соплеменников потерпела, таким образом, полное фиаско. Однако оппортунизм, присущий натуре Эренбурга, да и покровительство Сталина хранили его. Даже, несмотря на недоброжелательство коллег-литераторов, называвших его «патриархом космополитов» и распускавших слухи о том, что он от обиды расплакался, когда в 1945 г. услышал из уст Сталина в Кремле тост за русский народ. И вопреки попыткам агитпроповского начальства расправиться с ним, в апреле 1949 г. Эренбурга послали на конгресс сторонников мира в Париж, в июне 1950-го утвердили заместителем председателя Советского комитета защиты мира, а вскоре избрали и вице-президентом прокоммунистического Всемирного совета мира¹²¹.

Моральное поражение писателя, представлявшего интересы умеренной советской партноменклатуры, стало особенно очевидным 4 октября 1948 г., когда в московской хоральной синагоге началось празднование еврейского Нового года (Рош ха шана). В тот день туда прибыли израильские дипломаты во главе с Меир, которую молящиеся встретили как новоявленного мессию, некоторые из них даже целовали в экстазе края ее одежды. По приблизительному подсчету Со-

вета по делам религиозных культов, в этом богослужении, ставшим, по сути, празднованием возрождения еврейской государственности, участвовало около 10 тыс. человек, многие из них не вместились в помещение синагоги. Нечто подобное повторилось и 13 октября, когда Меир посетила синагогу в праздник Судного дня (Йом Киппур). Тогда раввин С. М. Шлифер так прочувствованно произнес молитву «На следующий год – в Иерусалиме», что вызвал прилив бурного энтузиазма у молящихся. Этот сакральный стих как своеобразный лозунг был подхвачен огромной толпой, которая по окончании службы двинулась вслед за Меир и другими израильтянами, сопровождая их до резиденции в гостинице «Метрополь». Показательно, что когда эта импровизированная манифестация подходила к концу, кто-то в ликовавшей толпе воскликнул: «Это ответ московских евреев на статью Эренбурга»¹²².

Однако далеко не всех евреев захлестнула волна националистической эйфории. Многие столичные интеллигенты из числа ассимилированных представителей этого этноса вообще не знали об описанных выше событиях: СМИ о них хранили молчание. Однако близкая к аппаратным структурам ЦК интеллектуальная элита еврейства и прежде всего руководство ЕАК, не только были в курсе произошедшего, но и отлично представляли возможные последствия. Узнав о произраильских демонстрациях у синагоги, Фефер сказал жене: «Этого нам никогда не простят». Чувствуя надвигающуюся опасность, он и его заместитель Г. М. Хейфец (бывший разведчик, направленный в ЕАК в 1947 г.), ссылаясь на проблемы со здоровьем и другие причины, тщетно пытались выйти из руководства комитета¹²³.

Хотя в это время Сталин находился вне Москвы (отдыхал в одной из своих резиденций на Кавказе), нет сомнений в том, что он был детально проинформирован о необычных демонстрациях в столице, которых та не знала с выступлений партийных оппозиционеров в 1927 г. Конечно, такое обострение еврейской проблемы его сильно встревожило. В частности, он не мог не обеспокоиться тем, что проамерикански настроенная Г. Меир стала восприниматься частью советских евреев чуть ли не как харизматическая провозвестница грядущего исхода в Землю обетованную. Может быть, поэтому советское руководство предприняло все возможное, чтобы убедить Меир в полном крахе ее миссии по организации массовой еврейской эмиграции из СССР, а значит и бессмысленности ее дальнейшего пребывания в Москве. Уже 29 марта 1949 г. Меир вынуждена была объявить о своем отъезде из Москвы, с сожалением признав, что, если с правительством США дружеские связи будут развиваться и дальше, то «со сто-

роны Советского Союза это невозможно: ни финансовая помощь, ни переселение»¹²⁴. Менее чем через месяц Меир, сдав свои полномочия временному поверенному в делах своей страны М. Намиру, выехала в Израиль.

Сопряжение краха иллюзии вовлечь Израиль в сферу советского влияния с тревогой, вызванной стихийным всплеском еврейского национализма внутри страны породило в советских верхах приступ политической паранойи. В результате сталинский режим, разочаровавшись в пропагандистско-ассимиляторской терапии, прибег к радикальному, «хирургическому» методу решения еврейской проблемы. Не дожидаясь окончания отпуска, Сталин позвонил в Москву Маленкову и настоял на немедленной ликвидации ЕАК. 20 ноября 1948 г. такое решение Политбюро, имевшее высший партийный гриф секретности «Особая папка», было принято. Оно гласило: «Утвердить следующее решение Бюро Совета Министров СССР: «Бюро Совета Министров СССР поручает Министерству государственной безопасности СССР немедля распустить Еврейский антифашистский комитет, так как, как показывают факты, этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки. В соответствии с этим органы печати этого комитета закрыть, дела комитета забрать, пока никого не арестовывать»¹²⁵.

Исполнять постановление было поручено министру госбезопасности Абакумову, и тот уже утром следующего дня, хотя это было воскресенье, направил оперативную группу на Кропоткинскую, 10 для обыска в помещении ЕАК и его опечатывания. Все документы комитета были вывезены на Лубянку в качестве улики. То же самое произошло и в редакции газеты «Эйникайт», последний номер которой вышел 20 ноября. В ЕАК и редакции его газеты помимо документов было изъято свыше трех тысяч различных книг на еврейском языке, а также большое количество иностранных газет и журналов¹²⁶.

25 ноября постановлением Политбюро было закрыто издательство литературы на еврейском языке «Дер эмес». Чтобы избежать разговоров об антисемитизме и гонениях на национальную культуру, ликвидацию обосновали нейтральной формулировкой: «...В связи с тем, что круг читателей на еврейском языке крайне незначителен» и «большая часть книг, выпускаемых издательством “Дер эмес”, не находит распространения»¹²⁷.

Формулировка «пока никого не арестовывать» в постановлении Политбюро о закрытии ЕАК была, видимо, не более чем лицемерной фразой, призванной «успокоить» встревоженную бюрократию обе-

щением прибегнуть к репрессиям только в крайнем случае, если МГБ представит неопровержимые доказательства «преступной деятельности» ЕАК. Понимая истинный смысл игры, Абакумов энергично в нее включился. По его указанию сотрудники СЧОВД МГБ подвергли тщательному изучению изъятые архивные материалы ЕАК и редакции «Эйникайт». Кроме того, в поисках компромата Абакумов, прихватив с собой Фефера, лично произвел обыск в бывшем кабинете Михоэлса в Еврейском театре, ставшем мемориальным музеем. Заранее известные результаты этого дознания Абакумов доложил Сталину (и иже с ним: Молотову, Берии, Маленкову и Кузнецову) уже 4 декабря. Главный вывод шефа госбезопасности, в котором почти дословно воспроизводилась старая формулировка из упомянутой записки от 28 марта 1948 г., гласил: «...Обнаруженные при роспуске Еврейского антифашистского комитета документы подтверждают агентурные материалы и показания арестованных еврейских националистов о том, что комитет во главе с Михоэлсом, Фефером и другими по существу превратился в антисоветский центр, который, ориентируясь на Америку, проводил в СССР подрывную работу»¹²⁸.

Еще через две недели Абакумов представил Сталину протоколы допросов арестованных ранее Гринберга и Гофштейна (22 ноября был доставлен в Москву из Киева) с выжатыми из них новыми показаниями против руководства ЕАК. Особенно весомые козыри дал в руки МГБ Гофштейн, который 16 декабря под давлением следствия оговорил Михоэлса, Фефера, Бергельсона и других коллег, представив их активными еврейскими националистами, тесно связанными с американскими сионистами.

Получив этот компромат, Сталин дал санкцию Абакумову на арест двух ключевых фигур в ЕАК – Фефера и Зускина, преемников Михоэлса соответственно в комитете и Еврейском театре. Выбор МГБ этих жертв не был случаен. Ведь обвинение предполагалось построить, инкриминируя ЕАК шпионаж в пользу США и националистическую деятельность внутри страны и за рубежом. Поэтому от Фефера предполагалось получить показания о «преступной» работе комитета в целом, о вербовке его и Михоэлса американскими спецслужбами во время их поездки в США, а также о «националистической пропаганде», которую вела на своих страницах газета «Эйникайт» и еврейская секция ССП (в обеих Фефер играл руководящую роль). Используя Зускина, который был личным другом Михоэлса, планировалось добыть в первую очередь сведения о связях покойного главы ЕАК в правительственных сферах и о его тайных покровителях там. Заодно Зускин должен был представить Московский еврей-

ский театр как рассадник еврейского национализма. Было еще одно немаловажное обстоятельство, предопределившее первоочередность ареста этих двух людей: МГБ не ожидало от них серьезного сопротивления следственному натиску. Предчувствуя начало массированных антиеврейских гонений, оба были психологически надломлены страхом, и заставить их признать собственную мнимую вину, а также подтвердить ложные обвинения, выдвигавшиеся против других членов ЕАК, не составляло труда для следователей-«забойщиков». К тому же, Фефер «по должности» (как ответственный секретарь ЕАК исполняя обязанности главного администратора, занимал должность, контролирующую госбезопасность*) был негласным информатором МГБ (агентурный псевдоним «Зорин») и считал своим партийным и гражданским долгом сотрудничать с «органами». Зускин же страдал от серьезного нервного истощения, вызванного тяжелыми переживаниями после гибели Михоэлса.

Итак, 24 декабря Фефер и Зускин оказались на Лубянке, причем последнего арестовали прямо во время процедуры лечебного сна в клинике для нервнобольных. Начались их интенсивные допросы. Фефер, не сопротивляясь, сразу начал оговаривать своих вчерашних коллег. Позднее, во время суда он рассказал: «Еще в ночь моего ареста Абакумов мне сказал, что если я не буду давать признательных показаний, то меня будут бить. Поэтому я испугался, что явилось причиной того, что я на предварительном следствии давал неправильные показания»¹²⁹.

В отличие от Фефера, другой член президиума ЕАК Б. А. Шимелиович, которого арестовали 13 января 1949 г., проявил завидную стойкость и упорство на допросах. Родился этот мужественный человек в 1892 г. в Риге в семье синагогального служки. Один его брат, Юлиус, член центрального бюро Евсекции РКП(б) и секретарь Виленского совдепа, погиб в январе 1919 г.: покончил с собой, но не сдался наступавшим польским легионерам. Другой брат, Исак, будучи часовщиком, эмигрировал в США. А третий, самый старший, – Яков стал жертвой Холокоста, погиб вместе с женой в Двинске (Даугавпилсе).

На стезю активной общественной деятельности Борис Шимелиович вступил 1919 г., став членом Бунда. Однако спустя год, работая в Еврейской общественной комиссии помощи голодающим и жертвам погромов (распределял пожертвования, получаемые от «Джойнта»),

* Подобные должности, входившие в «номенклатуру» МГБ, существовали и в других общественных организациях.

перешел в РКП(б). С 1931-го и до момента ареста Шимелиович – главный врач ведущей московской клиники им. С. П. Боткина, где до середины 1930-х гг. для лечения высокопоставленных пациентов функционировало «кремлевское отделение». Из всех членов президиума ЕАК он имел самые близкие и дружеские отношения с Михоэлсом, с которым познакомился в 1931 г., помогая Еврейскому театру в постановке пьесы о брате Юлиусе. Активно сопротивляясь нараставшему в стране государственному антисемитизму, летом 1944 г. Шимелиович пожаловался Маленкову на завотделом здравоохранения УК ЦК ВКП(б) Б. Д. Петрова, недовольного «засильем евреев» в медицине. Протестовал он и против антиеврейской чистки, начатой в 1943 г. в медицинских учреждениях по негласному распоряжению наркома здравоохранения СССР Г. А. Митерева.

Оказавшись на Лубянке, Шимелиович, уже аттестованный там Фефером как «первостепенный консультант Михоэлса», был сразу же препровожден к Абакумову, который, увидев его, заорал: «Посмотрите, какая рожа». Однако, несмотря на грозный вид министра, Шимелиович, сохраняя мужество, решительно отказался давать ложные показания. Тогда Абакумов приказал перевести его в Лефортовскую тюрьму и «бить смертным боем». Известный своей жестокостью следователь В. М. Шишков вместе с подручными зверски истязал неуступчивого подследственного резиновыми палками. В попытке сломить свою жертву морально Шишков цинично угрожал: «Если вы будете не в состоянии ходить на допросы, мы будем приносить вас на носилках и будем бить и бить». Только в марте 1949 г. от Шимелиовича были получены первые «признания». О том, как это происходило, он 15 мая описал в заявлении руководству МГБ: «Четыре месяца прошло со дня моего ареста. За это время я неоднократно заявлял: я не изменник, не преступник, протокол моего допроса, составленный следователем (Шишковым. – Г. К.), подписан мною в тяжелом душевном состоянии, при неясном сознании. Такое состояние мое явилось прямым результатом методического моего избияния в течение месяца ежедневно»¹³⁰.

Кроме Шимелиовича, так называемые меры физического воздействия из еаковцев испытал на себе, пожалуй, только арестованный с ним в один день И. С. Юзефович, от которого следователи потребовали оговора самого высокопоставленного кандидата на переселение в Лефортово – Лозовского, с кем тот был знаком еще со времен Октябрьской революции.

Родился Юзефович (Шпинак) в 1890 г. в Варшаве в семье кожевника. В 1905–1917 гг. состоял в Бунде, потом примкнул к руко-

водимой Лозовским социал-демократической организацией интернационалистов-объединенцев и в ее составе в конце 1919 г. перешел в РКП(б). На протяжении десятилетий Юзефович считался «правой рукой» Лозовского. После революции вместе с ним работал в Профинтерне, а в 1940-е гг. – в Совинформбюро. Только в 1931–1933 гг. они были врозь. В это время, как записано в партийной анкете Юзефовича, он «находился на подпольной работе в США». В годы войны Юзефович удочерил сироту, родители которой были расстреляны немцами. Перед арестом работал в Институте истории АН СССР.

Характеристика этого человека будет неполной, если не упомянуть того факта, что в 1938 г. он стал секретным сотрудником НКВД СССР. Однако эти свои обязанности выполнял, видимо, не слишком ревностно. Даже полученную в 1946 г. от гостившего в СССР Б. Ц. Гольдберга информацию о том, что американский посол У. Б. Смит и его ближайшее окружение настроены враждебно к Советскому Союзу, он сообщил не в МГБ, а Лозовскому. Искренняя преданность своему многолетнему патрону и другу предопределила стойкость Юзефовича в ходе первых допросов. В результате он не избежал пыточной, о чем и поведал потом на суде: «В самом начале следствия я давал правдивые показания и заявлял следователям, что не чувствую за собой никакого преступления... После этого меня вызвал к себе министр госбезопасности Абакумов и сказал, что если я не дам признательных показаний, то он меня переведет в Лефортовскую тюрьму, где меня будут бить. <...> Я ответил Абакумову отказом, тогда меня <...> стали избивать резиновой палкой и топтать ногами, когда я падал. В связи с этим я решил подписать любые показания, лишь бы дождаться дня суда». Пройдя закалку в царских тюрьмах – в Варшаве и Ломже, Юзефович на сей раз не выстоял, вынужденно оговорив в конце января 1949 г. своего старого друга¹³¹.

Показательно, что в день ареста Юзефовича (13 января 1949 г.) Лозовский был вызван в ЦК, где предстал перед Маленковым и Шкирятовым (фактически руководил КПК при ЦК партии), которые расследовали так называемую крымскую историю, которой суждено было стать ключевой в «деле ЕАК». В представленной потом ими записке Сталину отмечалось: «Как видно из его объяснений, Лозовский часто встречался с Михоэлсом, Фефером, Юзефовичем и другими еврейскими националистами, они шли к нему за помощью в проведении своей националистической деятельности, и он был их постоянным советчиком. <...> Лозовский также признал, что после возвращения из Америки Михоэлс и Фефер пришли к нему и рассказали... о том, что антисоветские американские круги считают не-

обходимым, чтобы Михоэлс и Фефер подняли в Москве вопрос о создании еврейской республики в Крыму. <...> Лозовский должен был увидеть антисоветское лицо Михоэлса и Фефера и довести об этом до сведения Центрального Комитета ВКП(б). Но Лозовский этого не сделал, а, наоборот, посоветовал Михоэлсу и Феферу направить докладную записку в Правительство о создании Еврейской республики в Крыму* и сам принял участие в редактировании записки».

К сему прилагался проект решения Политбюро о выводе Лозовского из состава членов ЦК за «политически неблагонадежные связи и недостойное <...> поведение». Ознакомившись с этой заготовкой, Сталин нашел ее чрезмерно либеральной. Считая Лозовского не советчиком, а лидером «еврейских националистов», он ужесточил текст постановления, включив в утвержденную 18 января редакцию следующие формулировки: «Из материалов, поступивших в ЦК ВКП(б) от органов Министерства госбезопасности, видно, что член ЦК ВКП(б) Лозовский <...> сговаривался за спиной ЦК ВКП(б) с антифашистским еврейским комитетом о том, как выполнить план американских капиталистических кругов по созданию в Крыму еврейского государства и с каким заявлением обратиться в Советское Правительство, чтобы скорее добиться успеха в этом деле. ...Считая несовместимым поведение Лозовского со званием члена ЦК ВКП(б) и члена партии, исключить Лозовского С. А. из состава членов ЦК ВКП(б) и из членов партии»¹³².

Поскольку до сих пор муссируется интригующая, но ложная версия о том, что инкриминировавшееся Лозовскому «крымское письмо» – провокация МГБ и его агентуры в ЕАК¹³³, необходимо дать следующее пояснение. Весной 1991 г. в Центральном партийном архиве в Москве автором была выявлена адресованная Молотову копия «крымского письма». Пометки на ней свидетельствовали, что уже через неделю после регистрации в ЦК она без принятия каких-либо решений была подшита в архивное дело. Вспомнили об этом письме только через четыре года. Анализ известной ныне фактографии позволяет утверждать, что «крымская история» развивалась по следующей схеме. Одна сторона – руководители ЕАК – под влиянием трагедии Холокоста, спонтанной «микродемократизации», происходившей в советском обществе в годы войны, а также авантюрной по-

* Речь идет об отвергнутом советским руководством предложении Михоэлса, Фефера, Эпштейна создать в Крыму «Еврейскую советскую социалистическую республику», направленном Сталину (15 февраля 1944 г.) и Молотову (21 февраля 1944 г.). (Государственный антисемитизм в СССР... С. 45–48). Подробно – в Приложении 1.

зиции некоторых руководителей «Джойнта» (Дж. Розенберг), которые стремились возродить проводившуюся под его эгидой еврейскую сельскохозяйственную колонизацию Крыма в 1920–1930-х гг. и, вероятно, преследовавших и определенные политические цели – оступились, предложив необдуманный проект. Тогда как другая – МГБ, – собирая в 1947–1948 гг. компромат на «еврейских националистов», извлекли «крымское письмо» из архива и максимально использовали для дискредитации ЕАК, извратив цели его авторов и раздув масштаб их прегрешения.

Первоначально Сталин, очевидно, воспринял «крымское письмо» как дерзкую, но отнюдь не преступную выходку. К тому же, пока шла война советское руководство, получив в 1944 г. от «Джойнта» полмиллиона долларов в виде первоначальной помощи, было заинтересовано в хороших отношениях с союзниками и потому хотело замять дело тихо. Встретившись по поручению Сталина с Михоэлсом, Фефером и Эпштейном, Каганович сообщил о негативном отношении руководства страны к их инициативе¹³⁴.

Ко всему прочему, Сталин, который не особенно считался с малыми народами империи и не собирался в этом плане делать исключение для евреев, не мог не понимать, что одобрение проекта ЕАК будет чревато взрывом массового недовольства в Крыму, где население долгое время находилось под прессом нацистской антисемитской пропаганды. А поскольку проект носил международный характер (участие американцев и пр.), Сталин, опасавшийся даже малейшего вмешательства извне, не мог не тревожиться и по этому поводу, тем более что полуостров был когда-то последним оплотом антисоветских белогвардейских сил, которые хотели использовать его как опорную базу для военного натиска на большевиков. Сталину претила перспектива иметь под боком «новую Палестину». Его куда больше устраивала возможность направить поток выжившего европейского еврейства на Ближний Восток, где эта мощная националистическая сила смогла бы нанести ощутимый удар по позициям Британской империи. Поддержав этот сионистский проект, Сталин получил возможность (а потом, как отмечалось, ее и реализовал) предстать в глазах мировой общественности поборником исторической справедливости в отношении гонимого веками народа. Не исключено, что именно этими соображениями Сталин руководствовался, когда на Ялтинской конференции одобрил намерение союзников наделить после войны евреев широкими правами на создание национального очага в Палестине. Не случайно Сталин дал добро на подписание соглашения между правительством СССР и временным правительством националь-

ного единства Польской республики от 6 июля «О праве выхода из советского гражданства лиц польской и еврейской национальности и об их эвакуации в Польшу». По этому соглашению, действовавшему вплоть до конца 1946 г., в Польшу возвратилось 145 тыс. евреев*, многие из которых, столкнувшись на своей родине с грубыми и массовыми проявлениями антисемитизма, без задержки направились в Палестину¹³⁵.

Исход польских евреев из СССР был достаточно массовым и мог быть истолкован как своеобразная демонстрация нелояльности режиму Сталина, что не могло негативно не сказаться на их соплеменниках, оставшихся в СССР.

Говоря о международном аспекте Крымского проекта, следует отметить, что обсуждение такого в годы войны не вышло за рамки общественных организаций – главным образом ЕАК в СССР и «Джойнта» в США, и нет веских оснований утверждать, что эта проблема вышла на уровень межгосударственных отношений.

Сталин не мог не знать, хотя бы в общих чертах, такую общеполитическую подоплеку «крымской истории», поэтому те обвинения, которые он предъявил потом через МГБ Лозовскому и руководству ЕАК, нельзя расценить иначе как надуманные и провокационные. Действуя сознательно против истины, он в апреле 1952 г. одобрил представленное МГБ обвинительное заключение, в котором «крымский эпизод» в «деле ЕАК» был квалифицирован как подготовка «плацдарма», который «американцы рассчитывали использовать <...> против СССР»¹³⁶.

Данное обвинение выглядело столь абсурдным, что даже советское правосудие, стоявшее на страже интересов тогдашнего режима, вынуждено было в ходе состоявшегося вскоре закрытого процесса фактически признать его некорректность. Однако из-за невозможности совсем отказаться от этого ключевого пункта в судебный приговор по «делу ЕАК» включили следующую формулировку по Крыму, во многом странную, расплывчатую и малопонятную: «Розенберг потребовал от Михоэлса и Фефера взамен оказания материальной помощи добиться у Советского правительства заселения Крыма ев-

* В 1946 г. произошло также переселение 22,3 тыс. евреев с территории бывшей Северной Буковины (Украина, Черновцы) в Румынию, откуда многие из них почти сразу выехали на Ближний Восток (Мицель М. Евреи Украины в 1943–1953: Очерки документированной истории. Киев, 2004. С. 70–85). См. также: Марусик Т. Еврейская интеллигенция Буковины и власть (40-е годы XX в.) // Мат. VIII ежегодной межд. и междисциплинар. конференции по иудаике: Тезисы. М., 2000. С. 153–160).

реями и создания там Еврейской республики, в чем, как заявил Розенберг, американские евреи заинтересованы не только как евреи, но и как американцы»¹³⁷.

Изгнание в 1949 г. из ВКП(б) означало для Лозовского, как впрочем, и для любого другого высокопоставленного чиновника той поры, объявление вне закона. Умудренный богатым партийным опытом, он, быть может, как никто другой, осознавал опасность такого положения. В отчаянии он написал Сталину, умоляя: «Я прошу Вас выслушать меня в последний раз и учесть, что я партию и ЦК никогда не обманывал». Однако 26 января Абакумов доставил в Кремль Сталину пространный протокол допроса Юзефовича, в котором Лозовский выставлялся главарем сионистской «пятой колонны» в СССР, в тот же день его взяли под стражу¹³⁸.

Другой жертвой «разборки» в верхах стал еще один «падший ангел» из среды номенклатурной элиты – жена Молотова Жемчужина. Распространено суждение, что, строя козни против этой женщины, Сталин злоумышлял исключительно против ее влиятельного супруга и стремился таким образом устранить наиболее сильного конкурента в борьбе за власть. Вполне вероятно, что в силу своего, мягко говоря, недоверчивого характера, он мог в какой-то мере испытывать ревность к Молотову, особенно после того как заболел осенью 1945 г., услышал, что того, второго человека в государстве, в ближайшем окружении стали прочить в его преемники. Однако бесспорно и то, что эти подозрения не смогли поколебать веру Сталина в личную преданность ему Молотова. В противном случае он от него бы избавился (как ранее от некоторых других соратников). Поэтому, думается, произошедшее в конце 1940-х гг. охлаждение Сталина к «первому министру» было спровоцировано не столько самим Молотовым, сколько его окружением в лице супруги и опекаемого им Лозовского, якобы оказывавших на него «сионистское влияние».

Причем, поведение первой из этих двух уже давно вызывало недовольство Сталина. Не исключено, что его могла посетить мысль о том, что Жемчужина (первая скрипка в семье!), которой ловко манипулировал Михоэлс, заставляла мужа-«подкаблучника» как заместителя главы правительства мирволить еврейским националистам внутри страны, а на внешней арене, уже в ипостаси министра иностранных дел, проводить бесперспективный израильский курс. Видимо, последней каплей, переполнившей чашу терпения Сталина, стало поведение Жемчужиной на приеме по случаю 31-й годовщины Октябрьской революции, данном Молотовым для аккредитованных в Москве иностранных дипломатов. На этом рауте Жемчужина де-

монстративно уединилась с Г. Меир. Их общение (на идише) было столь теплым и непринужденным, что не могло не вызвать подозрений у присутствовавших на рауте соглядатаев. Гордясь своим хорошим знанием этого языка, Жемчужина сказала: «Ich bin a iddishe tochter» («Я – еврейская дочь»). Затем она одобрительно отозвалась о скандальном в глазах Сталина упомянутом посещении Меир синагоги. На прощанье жена министра, желая благополучия народу Израиля, подчеркнула, что если ему будет хорошо – будет хорошо и евреям в остальном мире¹³⁹.

17 декабря 1948 г. Абакумов представил Сталину протокол допроса З. Г. Гринберга, в котором впервые говорилось о причастности жены Молотова к преступной деятельности еврейских националистов. Поскольку Жемчужина состояла в партии и, самое главное, была супругой члена Политбюро, Сталин подключил к проводившемуся Абакумовым расследованию Шкирятова, Образовавшийся межведомственный тандем 26 декабря провел на Старой площади серию очных ставок между Жемчужиной и арестованными Фефером, Зускиным и членом правления московской еврейской общины (так называемой «двадцатки») М. С. Слуцким, которые накануне согласились сотрудничать со следствием и были соответствующим образом проинструктированы. Уже вечером следующего дня Сталин ознакомился с составленным Шкирятовым и Абакумовым отчетом. Жемчужину обвиняли в «политически недостойном поведении», конкретно ей инкриминировались следующее: «Поддерживала знакомство с лицами, которые оказались врагами народа <...> поддерживала их националистические действия и была их советчиком... Вела с ними переговоры, неоднократно встречалась с Михоэлсом <...> способствовала передаче <...> политически вредных, клеветнических заявлений в правительственные органы. <...> Афишируя свою близкую связь с Михоэлсом, участвовала в его похоронах, проявляла заботу о его семье и своим разговором с Зускиным об обстоятельствах смерти Михоэлса дала повод националистам распространять провокационные слухи о насильственной его смерти»¹⁴⁰.

Не укрылось от недремлющего ока власти и то, что летом 1946-го Михоэлс, придя однажды к Жемчужиной на работу и поделившись сетованиями евреев на притеснения местного начальства, поинтересовался, кому лучше пожаловаться – Жданову или Маленкову? На что Жемчужина ответила: «Жданов и Маленков не помогут, вся власть в этой стране сконцентрирована в руках только одного Сталина. А он отрицательно относится к евреям и, конечно, не будет поддерживать нас»¹⁴¹.

На состоявшемся 29 декабря заседании Политбюро Жемчужину исключили из партии. И на сей раз, как и на предвоенной XVIII всесоюзной партконференции, когда ее выводили из состава кандидатов в члены ЦК, Молотов при голосовании воздержался. Причем, несмотря на то, что, как он потом вспоминал, «когда на заседании Политбюро он (Сталин. – Г. К.) прочитал материал, который ему чекисты принесли на Полину Семеновну, у меня колени задрожали». Однако, когда 20 января 1949 г. Молотов вынужден был скрепить своей подписью решение об исключении из ЦК и партии Лозовского (что обрекало того на арест), он не мог не осознать, что ситуация с обвинением Жемчужиной, тесно связанной с Лозовским по линии ЕАК, принимает куда более серьезный, чем первоначально казалось, оборот. Поэтому в тот же день (20 января) Молотов направил Сталину покаянное послание, в котором назвал свой прежний отказ поддерживать изгнание из партийных рядов уже бывшей супруги (к этому времени он по приказу вождя развелся) «политически ошибочным», а также повинился в том, что «вовремя не удержал <...> близкого <...> человека от ложных <...> связей с антисоветскими еврейскими националистами вроде Михоэлса»¹⁴².

Сталин оценил этот жест личной преданности. Молотов, позволив ему оставаться членом Политбюро, не лишив формальной принадлежности к высшему советскому руководству. Вместе с тем, реальной опалы Молотову избежать не удалось: 4 марта 1949 г. он утратил важные властные полномочия, лишившись поста министра иностранных дел.

«Дожав» Молотова, Сталин приказал арестовать Жемчужину. 21 января ее вызвали в ЦК и отправили на Лубянку. Там ей предъявляли все новые и новые обвинения, в том числе в служебных злоупотреблениях. В частности, ей инкриминировали незаконное получение дополнительных средств, приписки в отчетности, незаконное премирование, пьянство, кумовство и фаворитизм по последнему месту работы на должности начальника Главтекстильгалантерейпрома Минлегпрома РСФСР, от которой ее освободили еще 10 мая 1948 г. «по состоянию здоровья». На допросах Жемчужина, несмотря на многочисленные телесные недуги, держалась с завидной стойкостью, решительно отвергая ложные обвинения. Дабы морально сломить неуступчивую узницу, МГБ, арестовав ряд бывших сослуживцев Жемчужиной, заставило их не только оговорить ее как руководителя, но и опорочить в нравственно-интимном плане. «Помню грязный документ, – вспоминал Хрущев, – в котором говорилось, что она (Жемчужина – Г. К.) была неверна мужу и даже указывалось, кто были ее любовниками. Много было написано гнусности»¹⁴³.

Нанеся Молотову удар, что называется, ниже пояса, Сталин решил проявить великодушие и потому определил для жены старого соратника относительно мягкое наказание: пять лет ссылки в Кустанайской области Казахстана. Оказавшись на дальней окраине империи, Жемчужина под тяжестью незаслуженных обид сначала пристрастилась к алкоголю, однако потом, взяв себя в руки, преодолела этот порок.

Тем временем в Москве не прекращались аресты лиц, имевших отношение к ЕАК. В двадцатых числах января и в феврале 1949 г. за решеткой оказались литераторы Л. М. Квитко, П. Д. Маркиш, Д. Р. Бергельсон, С. З. Галкин, замминистра госконтроля РСФСР С. Л. Брегман, ответственный редактор «Эйникайт» Г. М. Жиц, его заместитель С. Х. Рабинович, заведующий издательством ЕАК С. О. Котляр, главный редактор ЕАК С. Н. Хайкин, директор издательства «Дер эмес» Л. И. Стронгин, главный редактор того же издательства и руководитель еврейского театрального училища М. С. Беленький, академик-биохимик Л. С. Штерн, начальник высших инженерных курсов Министерства путей сообщения Л. А. Шейнин. Некоторые из них входили в президиум ЕАК (состоял тогда из 20 человек), который почти полностью, за исключением генерал-полковника Я. Г. Крейзера, академика А. Н. Фрумкина и брата Е. Ярославского М. И. Губельмана, оказался за решеткой.

В пароксизме шпиономании власти арестовали и не состоявшего в ЕАК биохимика Я. О. Парнаса, всемирно известного ученого, директора Института биологической и медицинской химии АМН СССР. Перенести столь тяжкое испытание оказалось не под силу 75-летнему человеку, скончавшемуся через несколько дней в тюрьме. За академиком АН СССР Парнаса, Штерн и доктора Шимелиовича открыто вступился только 90-летний академик Н. Ф. Гамалея. 4 и 16 февраля он направил Сталину письма, в которых аресты этих, для него «близких друзей» связал с антисемитизмом, который, как он считал, «пышным цветом расцвел в последнее время в нашей стране». Бесстрашный заступник писал: «Я родом украинец, вырос среди евреев и хорошо знаю этот одаренный народ, который так же, как и другие народы нашей страны, любит Россию... Мой долг, моя совесть требуют от меня того, чтобы я во весь голос заявил Вам то, что наболело у меня на душе. Я считаю, что по отношению к евреям творится что-то неладное в данное время в нашей стране. <...> Судя по совершенно бесспорным и очевидным признакам, вновь появившийся антисемитизм идет не снизу, не от народных масс, среди которых нет никакой вражды к еврейскому народу, а он направляется сверху чьей-то не-

видимой рукой. Антисемитизм исходит сейчас от каких-то высоких лиц, засевающих в руководящих партийных органах, ведающих делом подбора и расстановки кадров»¹⁴⁴.

Обличив верно охарактеризованный им негативный феномен и затратив на этот исполненный благородства и гражданского мужества поступок последние жизненные силы, академик Гамалея вскоре скончался.

Помимо руководителей, в тюрьме оказались и рядовые члены ЕАК, главным образом те, кто в прошлом был связан с границей, и мог своими показаниями подкрепить версию следствием о шпионском следе в «деле ЕАК». Это Э. И. Теумин, которая, родившись в Швейцарии в семье видного бундовца, после революции приехала в Россию, а в 1940-е гг. работала редактором в СИБ. Это супруги И. С. Ватенберг и Ч. С. Ватенберг-Островская, которые в 1933 г. репатриировались в Россию из США, где занимались коммунистической деятельностью и работали в просоветской организации ИКОР. Это и Л. Я. Тальми, выехавший в 1912-м из России в США, а после Февральской революции возвратившийся на родину, где включился в левосионистское движение, подготовив в начале 1920-х гг. материал о еврейских погромах на Украине и в Белоруссии. В 1921 г. по линии Коминтерна он вновь выехал в США, где в 1925-м встречался с Маяковским, переводил его стихи на английский. В 1932-м вернулся в СССР. До апреля 1948-го работал в СИБ; его арестовали последним, 3 июля 1949 г.

Расследование «преступной деятельности еврейских националистов» было поручено СЧОВД, возглавлявшейся генерал-майором А. Г. Леоновым Наряду с министром Абакумовым, Леонов и его заместители – полковники М. Т. Лихачев и В. И. Комаров – внесли на первом этапе наибольший вклад в фабрикации «дела ЕАК». Лихачев имел обыкновение говорить подследственным: «Я сверну вам шею, иначе мне снимут голову». Но особенно усердствовал Комаров, который пришел в «органы» в 1938 г., а спустя четыре года, в 26 лет стал личным секретарем Абакумова, что предопределило его стремительный карьерный взлет. О том, как относился этот интеллектуально примитивный человек к находившимся в его полной власти «еаковцам», дает представление его обращение к Сталину от 18 февраля 1953 г. Тогда этот, уже бывший следователь, несколько лет пребывавший за решеткой по «делу Абакумова», писал: «Дорогой товарищ Сталин! В коллективе следчасти хорошо знают, как я ненавижу врагов. Я был беспощаден с ними, как говорится, вынимал из них душу, требуя выдать свои вражеские дела и связи. Арестованные буквально

дрожили передо мной, они боялись меня, как огня. <...> Особенно я ненавидел и был беспощаден с еврейскими националистами, в которых видел наиболее опасных и злобных врагов. За мою ненависть к ним не только арестованные, но и бывшие сотрудники МГБ СССР еврейской национальности считали меня антисемитом. В 1948 г. я первый на допросах выявил, что еврейские националисты проявляют интерес к нашим руководителям партии, и в результате в дальнейшем вышли на Еврейский антифашистский комитет. <...> Узнав о злодеяниях, совершенных еврейскими националистами ("дело врачей". – Г. К.), я наполнился еще большей злобой к ним и убедительно прошу Вас <...> дайте мне возможность со всей присущей мне ненавистью к врагам отомстить им за их злодеяния, за тот вред, который они причинили государству»¹⁴⁵.

Весь 1949 г. в МГБ проводились интенсивные допросы и очные ставки арестованных по «делу ЕАК». В марте 1950 г. им официально объявили об окончании следственных действий и предоставили возможность ознакомиться с протоколами допросов. После чего интерес к «делу» стороны СЧОВД заметно снизился. В это время Сталин поручил МГБ заняться «сионистами-шпионами» на Московском автомобильном заводе имени Сталина (об этом далее). Но главные силы госбезопасности были брошены на подготовку судебной расправы над А. Н. Вознесенским и другими партийными и государственными чиновниками, причисленными к так называемой ленинградской группе. Казалось, что о томившихся на Лубянке «еаковцах» просто забыли. Только Фефера продолжали вызывать на допросы. Его как ключевую фигуру по множеству находившихся тогда в производстве дел по еврейским националистам даже перевели из Внутренней тюрьмы МГБ СССР в так называемую «Особую тюрьму», созданную по указанию Сталина в феврале 1950 г. и разместившуюся в отдельном блоке тюрьмы московского управления МВД (ул. Матросская Тишина, 18). Курировали этот новоявленный изолятор партгосбезопасности, где содержались узники, считавшиеся наиболее опасными политическими врагами режима («ленинградцы» и другие), Маленков и Шкирятов¹⁴⁶.

Следствие по ЕАК тормозилось до середины 1951 г., когда в МГБ развернулась кардинальная чистка аппарата. Поводом для этой, давно назревавшей пертурбации, послужило направленное 2 июля через Маленкова письмо Сталину подполковника СЧОВД М. Д. Рюмина, обвинившего своего шефа Абакумова в противозаконной деятельности. 4 июля Рюмина вызвали к Сталину, тогда же было принято решение создать для проверки его «сигнала» комиссию Политбюро в

составе Маленкова, Берии, Шкирятова и заведомо партийных, комсомольских и профсоюзных органов ЦК С. Д. Игнатъева. 11 июля по докладу председателя комиссии Маленкова было принято постановление Политбюро «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности СССР», которое через два дня было направлено в виде закрытого письма партийным организациям страны. Новым министром госбезопасности стал ставленник Маленкова Игнатъев. Сомнительные лавры стяжал и Рюмин, который благодаря своей рискованной интриге был произведен в полковники, назначен заместителем Игнатъева и начальником СЧОВД¹⁴⁷.

По «еврейским делам» Абакумову инкриминировалось то, что он «погасил» расследование по «заговору» кремлевских врачей (об этом далее) и укрыл от руководства страны «террористические замыслы» участников еврейского антисоветского молодежного «Союза борьбы за дело революции» (СДР), арестованных в январе – марте 1951 г. Эта организация, возникшая в августе 1950-го, состояла из учеников старших классов школ и студентов-первокурсников – в основном детей репрессированной интеллигенции. В феврале 1952 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила троих руководителей СДР – Б. В. Слуцкого, Е. З. Гуревича, В. Л. Фурмана – к смертной казни, десятилетних – к 25 годам лагерей, и еще троих – к 10 годам лагерей¹⁴⁸.

Сталин сурово покарал лукавых, в его понимании, слуг с Лубянки. Абакумова как «человека, совершившего преступления против партии и Советского государства», сняли с поста министра, исключили из партии и 12 июля арестовали и отправили в «Особую тюрьму». Там же оказалось и руководство СЧОВД МГБ – Леонов, Лихачев, Комаров и др. В ходе проходившей осенью 1951 г. чистки аппарата МГБ своих должностей лишились заместители министра госбезопасности А. Н. Аполлонов, А. С. Блинов, В. Е. Макаров, Н. А. Королев, Н. Н. Селивановский. Последних двоих к тому же арестовали. За решеткой оказались также замминистра госбезопасности Е. П. Питовранов, руководители 1 и 2 главных управлений Г. В. Утехин и Ф. Г. Щубняков (участник спецоперации по устранению Михоэлса).

В декабре 1951 г. стараниями Рюмина был изгнан с поста начальника 5 (идеологического) управления МГБ полковник А. П. Волков. Возглавлявшаяся им структура в декабре 1949 г. была реорганизована в агентурно-розыскную оперативную службу, унаследовавшую функции существовавшего в 1920–1930 гг. секретно-политического отдела (управления). В этом качестве 5 управление активизировало политический сыск и слежку в среде духовенства, творческой и научной интеллигенции. Поскольку этот «контингент» подозревался

в связях с националистическими организациями, в составе 5 управления, которое после Волкова возглавил генерал-майор А. П. Бызов, наряду с прочими «противонационалистическими» подразделениями был создан шестой отдел («по искоренению еврейского сионистско-бундовского и религиозного подполья»), который сначала возглавил И. В. Шумаков, а с 1952 г. – А. Ф. Рассыпнинский¹⁴⁹.

Поскольку в результате происков Рюмина и интриг Маленкова Сталин заподозрил Абакумова чуть ли не в укрывательстве еврейских террористов, чистка в МГБ вскоре приобрела характер разоблачения «сионистского заговора», якобы сформировавшегося в силовых структурах страны. Первые «доказательства» его существования были получены в ходе допросов бывшего заместителя начальника СЧОВД Л. Л. Шварцмана, арестованного 13 июля 1951 г. Этот неудавшийся журналист пришел в органы госбезопасности в 1937 г., когда работавшие там люди либо быстро сгорали в огне «большого террора», либо с большой пользой для себя «грели» на этом огне руки. Шварцман оказался из числа последних, сразу же выделившись из малограмотной массы молодого чекистского пополнения той поры навыками профессионального владения пером и оказавшейся к стати склонностью к авантюризму и мистификациям. Эти его «творческие» способности сразу же были востребованы начальством: ему поручили расследование или, точнее, фальсификацию важнейших политических дел, в том числе на журналиста М. Е. Кольцова, театрального режиссера В. Е. Мейерхольда, писателя И. Э. Бабеля, руководителя комсомола А. В. Косарева, которым были вынесены расстрельные приговоры.

И вот, оказавшись теперь в положении жертвы, Шварцман, явно пребывая в состоянии психического расстройства, заявил ни много, ни мало, что вынашивал террористические намерения в отношении Маленкова, которому хотел отомстить за разгром ЕАК.

Очень скоро Рюмин представил Сталину протокол допроса Шварцмана, в котором тот утверждал, что с 1945–1946 гг. являлся убежденным еврейским националистом, возглавив позднее группу единомышленников из числа сотрудников правоохранительных органов еврейского происхождения.

В результате этой мистификации с октября 1951-го начались аресты «сионистских заговорщиков, затесавшихся в ряды вооруженного отряда партии». Были взяты под стражу начальник отдела 2 главного управления МГБ СССР С. Г. Павловский (через него Шварцман был якобы связан с английской разведкой), заместитель начальника того же главка Л. Ф. Райхман, заместитель начальника Бюро № 1 (по ди-

версионной работе за границей) Н. И. Эйтингон (один из руководителей операции по устранению Л. Д. Троцкого; через него Райхмана и Шварцмана якобы завербовали американцы), заместитель руководителя Секретариата МГБ Я. М. Броверман, заместитель начальника отдела «К» (контрразведка) 1 (разведывательного) управления А. Я. Свердлов (сын Я. М. Свердлова, завербованный в НКВД еще в середине 1930 гг., после ареста по делу о молодежной троцкистской организации), заместитель начальника 1 управления М. И. Белкин (в 1949 г. как начальник расквартированного в Вене управления контрразведки МГБ Центральной группы войск Советской армии участвовал в подготовке процесса над министром иностранных дел Венгрии Л. Райком; в 1951-м показал на допросе, что на ключевые посты в МГБ Абакумов насаждал евреев), бывший сотрудник того же 1 управления Г. М. Хейфец (в 1941–1945 гг. резидент советской разведки на Западном побережье США, в 1947–1948 гг. заместитель ответственного секретаря ЕАК), руководящие сотрудники отдела «Д» (подделка документов, радиоразведка) В. М. Блиндерман и А. Н. Палкин, бывший начальник токсикологической лаборатории МГБ СССР (до 1946 г.) Г. М. Майрановский и др. В Прокуратуре СССР тогда же арестовали наблюдающего прокурора при МГБ СССР А. П. Дорона.

20 октября 1951 г. та же участь постигла и Л. Р. Шейнина, которого Шварцман за месяц до этого оговорил как члена своей «сионистской организации». Еще в декабре 1949 г. его сместили с занимаемой с 1936 г. должности начальника следственного отдела Прокуратуры СССР. После этого Шейнин, будучи членом ССП, находился в положении «свободного художника», получив даже в 1950 г. Сталинскую премию за сценарий фильма «Встреча на Эльбе», написанный в содружестве с братьями Тур (Л. Д. Тубельский, П. Л. Рыжей). Однако в том же году руководство ССП обвинило Шейнина в протаскивании в своих сочинениях космополитических и националистических «идеек», и это был уже второй (после увольнения из прокуратуры) тревожный для него звонок¹⁵⁰.

Водворенного в застенки бывшего прокурора и литератора стали допрашивать о взаимоотношениях с Михоэлсом. Следствие интересовало, почему Шейнин пытался в 1946 г. организовать его поездку на Нюрнбергский процесс (не потому ли, что, как и в своем выступлении на этом процессе, стремился акцентировать внимание на масштабах страданий евреев в войне?). Выяснились также обстоятельства, связанные со смертью еврейского артиста. При этом использовались, во-первых, добытое под пыткой показание Шимелиовича – Шейнин являлся активным националистом и другом руководителя ЕАК

и потому многие евреи высказывались за передачу расследования его гибели «своему» прокурору – и, во-вторых, слух о том, что Шейнин на свой страх и риск включился в это расследование в Минске. Народная молва о благородном следователе, пытавшемся проникнуть в тайну смерти выдающегося соплеменника, наверняка льстила Шейнину, но теперь, после ареста, эта легенда зависла над ним дамокловым мечом, и потому он решительно отрицал свою причастность к разбирательству гибели Михоэлса, используя как алиби то, что в январе 1948 г. был командирован в Казахстан. Однако в запасе у следствия были и «литературные» улики, якобы изобличавшие Шейнина в национализме: написанная совместно с братьями Тур пьеса «Кому подчиняется время» (шла в театре им. Вахтангова), в которой шла речь о созданной в годы войны в одном из еврейских гетто в Литве группе подпольщиков во главе с часовщиком Рубинштейном, другие пьесы с действующими лицами еврейского происхождения («Дело Бейлиса», «Очная ставка»). В итоге Шейнина заставили признать, что он возглавлял националистическую группу евреев-драматургов, в которую входили К. Я. Финн, А. А. Крон, Ц. С. Солодарь, М. Б. Маклярский, И. Г. Эренбург, В. С. Гроссман, другие литераторы¹⁵¹.

Произошедшая в 1951 г. радикальная перетряска кадровой верхушки МГБ дала новый импульс «делу ЕАК», которое новое руководство этого ведомства стало использовать для карьерного самоутверждения. Уже 24 августа Рюмин, временно исполнявший тогда обязанности начальника СЧОВД, направил Берии и Маленкову подписанную Игнатьевым информацию о том, что арестованные по этому делу уже больше года не допрашиваются, хотя сообщенные ими ранее сведения «представляют значительный интерес с точки зрения <...> шпионской и националистической деятельности обвиняемых». Ссылаясь на необходимость полного раскрытия шпионских связей «еврейских националистов» с американцами Рюмин настаивал на важности срочного возобновления следствия¹⁵².

Добиться своего, получив соответствующую санкцию от Кремля, Рюмину удалось только 19 января 1952 г. С этого момента он и его подчиненные в СЧОВД Н. М. Коняхин (заместитель) и Н. Н. Месяцев (помощник) стали готовить «дело ЕАК» к рассмотрению на закрытом судебном процессе. Для доказательства «спущенной» сверху версии о существовавшем на территории СССР шпионском заговоре американско-сионистской агентуры была предпринята дополнительная серия допросов арестованных, а также проведены различные экспертизы по определению степени секретности и идеологической направленности материалов служебного и литературного характера,

в свое время написанных или изданных подследственными, а теперь фигурировавших в качестве доказательств их преступной деятельности. Все эти процедуры, которыми руководил помощник Рюмина П. И. Гришаев, осуществлялись с грубейшими нарушениями даже тех условных правовых норм, которых хотя бы формально и демонстративно придерживались в МГБ на первом этапе следствия в 1949–1950 гг. Только экспертизе по признакам пропаганды национализма были подвергнуты 122 документальные улики. Наиболее объемной и значимой из них была рукопись знаменитой «Черной книги», состоявшей из 27 томов общим объемом 6211 листов* и вобравшей в себя многочисленные свидетельства (дневники, письма, рассказы, запротоколированные показания) жертв, очевидцев, а также устроителей (с нацистской стороны) гуманитарной катастрофы европейского еврейства в годы Второй мировой войны.

К началу весны 1952 г. следствие было завершено. 5 марта Коняхиним и Гришаевым было официально оформлено объединение дел по обвинению Лозовского, Фефера, Брегмана, Юзефовича, Шимелиовича, Штерн, Квитко, Маркиша, Бергельсона, Гофштейна, Зускина, Теумин, Ватенберга, Ватенберг-Островской, Тальми в общее дело № 2354. Одновременно руководивший следствием и переживавший тогда звездный час своей карьеры Рюмин стал добиваться санкции на уголовное преследование в отношении всех лиц, фигурировавших в протоколах допросов «саковцев». Таковых оказалось 213 человек, в том числе писатели Эренбург, Гроссман и Маршак¹⁶⁶. Однако такая ретивость не нашла поддержки у Сталина, и замысел Рюмина начать массовую «посадку» ИЕП не был осуществлен.

Тем временем запущенный механизм подготовки процесса по «делу ЕАК» продолжал набирать обороты. 22 марта началось ознакомление арестованных с материалам следствия, составившими 42 тома; 31 марта Рюмин утвердил подготовленное Гришаевым обвинительное заключение, в котором фигурировала такая грозная «расстрельная» формулировка, как контрреволюционное преступление против государства, выразившееся в ведении шпионской работы, а также в развертывании широкой пропаганды буржуазного национализма среди еврейского населения СССР; 3 апреля министр государственной безопасности СССР Игнатьев представил Сталину обвинительное заключение «по делу еврейских националистов – американских шпионов Лозовского, Фефера и других <...> с предложением осудить

* В 1956 г. архивный отдел КГБ при СМ СССР передал эти материалы в ЦГАОР СССР (ныне ГА РФ).

Лозовского, Фефера и всех их сообщников, за исключением Штерн («сослать в отдаленный район страны сроком на десять лет») к расстрелу»; 7 апреля дело направили в военную коллегия Верховного суда СССР; 21 апреля состоялось так называемое подготовительное заседание военной коллегии Верховного суда СССР, на котором было утверждено обвинительное заключение и решено провести рассмотрение дела на закрытом судебном заседании без участия представителей государственного обвинения и защиты.

И вот 8 мая в 12 часов дня в зал клуба им. Ф. Э. Дзержинского на Лубянке, куда ранее под конвоем доставили 15 обвиняемых, вошли судьи. Процесс начался. Председательствовал генерал-лейтенант юстиции А. А. Чепцов, отправлявший правосудие вместе с членами военной коллегии генерал-майорами юстиции Л. Д. Дмитриевым и И. М. Заряновым. С самого начала им приходилось прилагать немало усилий, чтобы хоть как-то прикрыть очевидную несостоятельность обвинения, построенного в основном на выбитых из подсудимых признаниях, фальсификациях и явных подтасовках фактов. Хотя на предварительном следствии все обвиняемые, за исключением Шимелиовича, виновными себя признали, однако после оглашения обвинительного заключения с ним полностью согласились только Фефер и Теумин, другие – Лозовский, Маркиш, Брегман вслед за Шимелиовичем его категорически отвергли, а третьи лишь частично признали свою вину. Топорно сработанное обвинение с первых же дней процесса стало трещать по швам. Выяснилось, что вопреки просьбе Лозовского приобщить к делу переданный им «американскому шпиону» «секретный» обзор института № 205 (подчинялся ОВП ЦК), Рюмин, отлично знавший, что ничего конфиденциального в этом документе нет, эту просьбу, разумеется, отклонил. Впрочем, даже после того как все это раскрылось, и, более того, бывшим начальником института Н. Н. Пухловым, поддерживавшим Лозовского, было засвидетельствовано, что обзор содержал только открытые, заимствованные из иностранной печати сведения, суд, тем не менее, встал на сторону следствия¹⁵⁴.

Вообще, Лозовский, а также Шимелиович и Штерн осуществляли свою защиту на процессе в наступательной, решительной манере, а первый, к тому же, делал это весьма убедительно с юридической точки зрения. Мужественное поведение этих троих воодушевило других обвиняемых, которые стали отказываться от своих прежних «признаний». Даже Фефер, воспрянув духом, отрекся от своих фальшивых показаний. Видимо, он, прежде верой и правдой служивший «органам», понял, что новое руководство МГБ не намерено учитывать его

прошлые заслуги перед этим ведомством и, исполняя волю Сталина, обрело его на общий для всех обвиняемых скорый конец.

Столкнувшись с таким коллективным отпором обвиняемых, что называется, дрогнул председательствующий Чепцов, который, убедившись в том, что в «деле ЕАК» отсутствовала даже видимость соблюдения процессуальных норм, решил добиваться его возврата на следствие. Будучи опытным профессионалом, прошедшим за время работы в военной коллегии, почти все ступени служебной лестницы – от старшего делопроизводителя в 1926-м до полученной в 1948-м в наследство от В. В. Ульриха должности ее председателя, – он не мог не возмущаться тем, с какой откровенной бесцеремонностью и пренебрежением Рюмин относился к процедуре суда. Мало того, что подсудимых в перерывах между заседаниями коллегии почти открыто запугивали следователи, судьи обнаружили, что Рюмин, пользуясь тем, что процесс проходил в здании МГБ, установил в их совещательной комнате подслушивающие устройства. И хотя с самого начала руководство МГБ, видимо, не скрывало от Чепцова, что Политбюро уже санкционировало расстрел всех обвиняемых, кроме Штерн, и потому суд-де всего лишь формальность, тем не менее, ему казалось, что Рюмин, бравировавший особым доверием к нему вождя и подмявший под себя неопытного в делах госбезопасности Игнатъева, блефует.

Обуреваемый сомнениями, глава военной коллегии 15 мая приостановил судопроизводство и, ища управу на Рюмина, стал обращаться за поддержкой к руководству различных властных структур: генеральному прокурору Г. Н. Сафонову, председателю Верховного суда СССР А. А. Волину, заместителю председателя КПК Шкирятову, председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Швернику, заведующему административным отделом ЦК Г. П. Громову, секретарю ЦК П. К. Пономаренко. Все они вроде бы сочувствовали, но помочь отказались, заявив, что такой прерогативой обладает только Маленков. Добившись с ним встречи, Чепцов, уже войдя в кабинет второго человека в партии и увидев там заранее приглашенных Игнатъева и Рюмина, понял, что ничего хорошего этот визит не сулит. Так и произошло. Выслушав Чепцова, настаивавшего на следовании дела, и его сетования на самоуправство Рюмина, тут же, впрочем, парированные последним, Маленков, явно взвинченный этими препирательствами, в ответ с пафосом изрек: «Что же, вы хотите нас на колени поставить перед этими преступниками? Ведь приговор по этому делу апробирован народом, этим делом Политбюро ЦК занималось три раза. Выполняйте решение Политбюро!»¹⁵⁵.

Круг замкнулся. В решительных словах Маленкова явственно звучала воля Сталина. Впоследствии на июньском 1957 г. пленуме ЦК КПСС на вопрос генерального прокурора Р. А. Руденко, докладывал ли он Сталину о просьбе Чепцова доследовать дело ЕАК, Маленков ответил: «Все, что он сказал, я не посмел не сказать Сталину»¹⁵⁶.

22 мая 1952 г. судебное заседание было возобновлено. Единственным результатом демарша, предпринятого Чепцовым, стал перевод отдельных закрытых допросов подсудимых, свидетелей и экспертов из клуба на Лубянке в здание военной коллегии на улице 25 Октября (ныне – Никольской). Однако, нейтрализовав в какой-то мере тотальный контроль МГБ над процессом, Чепцов и его коллеги-судьи, тем не менее, не могли не исполнить воли Сталина. Поэтому, следуя разработанному тем сценарию, военная коллегия вынесла 18 июля смертный приговор всем обвиняемым, кроме Штерн и Брегмана. Первую приговорили к лишению свободы сроком на три с половиной года с последующей пятилетней ссылкой. Ей посчастливилось, видимо, потому, что вождь считал, что научные кадры следует – как государственное достояние – так или иначе сохранять. Второй, Брегман, не выдержав испытаний, еще 16 июня был помещен в бессознательном состоянии в санчасть Бутырской тюрьмы, где и скончался 23 января 1953 г. от «упадка сердечной деятельности». Суровый приговор ни в коей мере не соответствовал обозначенным в нем «преступлениям» тринадцати деятелей еврейской общественности. Горько сознавать, что, скажем, артист Зускин был расстрелян только за то, что «вместе с Михоэлсом ставил в театре пьесы, в которых воспевались еврейская старина, местечковые традиции и быт и трагическая обреченность евреев, чем возбуждали у зрителей-евреев националистические чувства»¹⁵⁷.

После процесса все осужденные, считая несправедливым вынесенное в отношении них судебное решение, направили в Президиум Верховного Совета СССР просьбы о помиловании. Однако Политбюро постановлением от 7 августа отклонило эти ходатайства, и через пять дней приговор был приведен в исполнение.

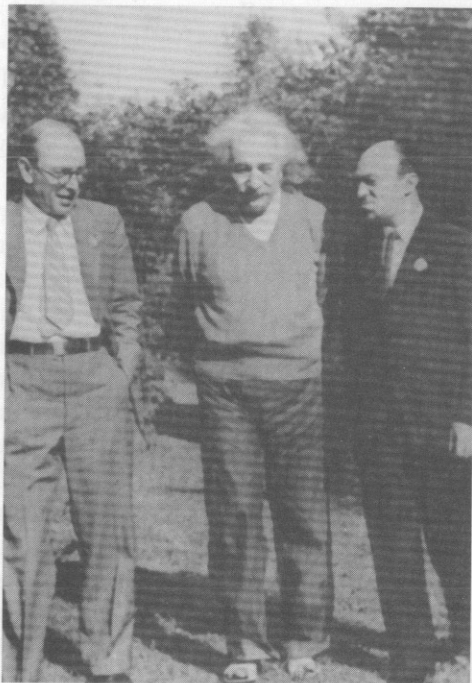
Трагическая гибель этих людей – лишь видимая часть айсберга антиеврейских репрессий, имевших место в СССР. Менее известную, «подводную» часть этой истории, составляло множество других «дочерних» дел, сфабрикованных в связи с разгромом ЕАК. По ним репрессировали еще 110 человек, из которых 10 были расстреляны, 89 приговорены к различным срокам заключения (от 25 до пяти лет), один сослан, пятеро умерли в ходе следствия, и в отношении еще пяти человек следствие было прекращено после смерти Сталина¹⁵⁸.

Участники первого пленума ЕАК (С. Маршак, И. Нусинов, Д. Бергельсон, Ш. Эпштейн и др.). 1942 г.

Митинг на стадионе Поло-Граундс в Нью-Йорке. Слева направо: Ш. Аш, неизвестная, И. Фефер, С. Михоэлс, Н. Гольдман, С. Уайз, Дж. Розенберг. Июль 1943 г.

С. Михоэлс, И. Фефер
у А. Эйнштейна.
Принстон, США. 1943 г.

С. Михоэлс и И. Фефер с артистом Яном Кипурой. США. 1943 г.

И. Фефер и С. Михоэлс с артистом Эдди Кантором. США. 1943 г.

С. Михоэлс и И. Фефер со скрипачом Иегуди Менухиным (крайний
слева). США. 1943 г.

И. Фефер (стоит) рассказывает сидящим (слева направо) С. Галкину, Л. Квитко, Ш. Эпштейну и Д. Бергельсону о поездке в США. 1944 г.

В президиуме 3 Пленума ЕАК. В первом ряду слева направо: Р. Мильнер, С. Михоэлс, Л. Бубер, Ш. Эпштейн. 1944 г.

Президиум 3 Пленума ЕАК. Слева направо: И. Эренбург, Л. Гонор, И. Фефер и др. 1944 г.

Встреча в ЕАК американского журналиста Б. Ц. Гольдберга. Слева направо: Л. Квитко, В. Зускин, Б.Ц. Гольдберг, Л. Штерн, А. Кац, И. Фефер. 1946 г.

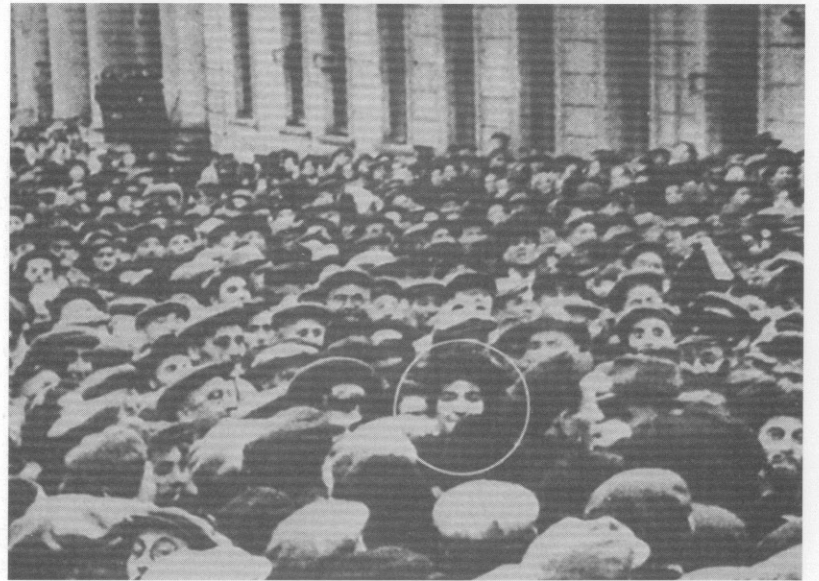
Встреча в ЕАК американского журналиста Б. Ц. Гольдберга.
Слева направо: А. Суцкевер, Х. Градэ, Б. Ц. Гольдберг, Л. Штерн,
А. Кац, С. Галкин. 1946 г.

Артисты ГОСЕТа на могиле С. Михоэlsa на Донском кладбище
в Москве. 1948 г.

Артистка еврейского театра и эстрады Сиди Таль
(Сарра Биркенталь) среди сотрудников ЕАК

Встреча Г. Меир у хоральной синагоги в Москве. 1948 г.

Обложка судебного «дела ЕАК». 1952 г.

ГРАНИТЬ ВЕЧНО СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

**Военная коллегия
Верховного Суда Союза ССР**

По постановке № 2065
По архивной копии №

**СУДЕБНОЕ
ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛУ**

Федерова И.С. и др.
по делу № 58-10. Чл. 58-11
Уголовного кодекса РСФСР
(статья 15 кодекса)

том №1 **P3208**

Начато 18 апреля 1952 года
Окончено 25 ноября 1952 года
На 272 листах

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков), ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Решение от 8 февраля 1949 г.

Принять предложение правления Союза советских писателей СССР (г.Фадеева):

а) о роспуске объединений еврейских писателей в Москве, Киеве и Минске;

б) о закрытии альманахов на еврейском языке "Голланд" (Москва) и "Дер Штерн" (Киев).

Секретарь ЦК *И. Сталин*

Ликвидация еврейских культурных учреждений. 1949 г.

СССР

МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ОРДЕР № 480

Ильин 26.02.1949 г.

Выдан *Михаилу Гордееву Г.В.*
Коллежскому секретарю Кавказского Управления
на производство *Ареста в Одессе*

М.З. Зворыкин
В.И. Зворыкин

по *Москва*
Уголовное дело № 2, от 11.02.46

Министр Государственной безопасности Союза ССР

Арест санкционирован Генеральным Прокурором СССР

СССР

МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ОРДЕР № 497

Ильин 26.02.1949 г.

Выдан *Коллежскому секретарю П.И. Маркишу П.И.*
на производство *Ареста в Одессе*

И.И. Штерн
И.И. Рагозинский

по *Москва*
Уголовное дело № 2, от 11.02.46

Министр Государственной безопасности Союза ССР

Арест санкционирован Генеральным Прокурором СССР

Ордера на аресты членов ЕАК. 1949 г.

Форма № 8

В.И. Маркиш

ОБЩАЯ КОЛЛЕГИЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА
СОЮЗА ССР

8 декабря 1952 г.
СП-0065/52

Начальнику Управления милиции МВД СССР г. Москва
Начальнику 1-го отдела МВД Союза ССР
Главному военному прокурору

В.И. Маркиш
арестуется в № 101481

Прошу дать указание соответствующему отделу ЗАГС о выдаче гражданам не ЛАЗЕННИКОВОЙ Софии Ерионовне свидетельства о смерти ее (фамилия) МАРКИША Перца Давидовича

Сообщаю, что МАРКИШ Перца Давидович 1895 года рождения был осужден Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР 12 августа 1952 года за убийство, отбывая наказание, умр. г. Москва, ул. Горького, дом № 64, кв. № 67.

Гр. ЛАЗЕННИКОВА З.Е. проживает по адресу г. Москва, ул. Горького, дом № 64, кв. № 67.

240549
455

Справка Верховного суда СССР о том, что П. Маркиш «умер, отбывая наказание». 1955 г.

Зав. *Л.В. Маркиш*
Председатель Верховного Суда СССР
И.И. Маркиш

И.И. Маркиш / 405

А. Эйдинов (1-й слева в 1-ом ряду) и И. Лихачев (5-й слева в 1-м ряду) среди работников Московского автомобильного завода им. Сталина. Сочи. 1947 г.

Последыши буржуазного эстетства

(Об одной антипатриотической группе театральных критиков)

Наша советская литература — самая богатая, самая плодотворная, самая яркая. В ее основе лежат великие творческие силы — буржуазной России, революционной России, советской России. Она по своему духу, своему содержанию и своему художественному уровню в литературе была и остается непревзойденной. Она по своему духу, своему содержанию и своему художественному уровню в литературе была и остается непревзойденной. Она по своему духу, своему содержанию и своему художественному уровню в литературе была и остается непревзойденной.

Наша советская литература — самая богатая, самая плодотворная, самая яркая. В ее основе лежат великие творческие силы — буржуазной России, революционной России, советской России. Она по своему духу, своему содержанию и своему художественному уровню в литературе была и остается непревзойденной.

Наша советская литература — самая богатая, самая плодотворная, самая яркая. В ее основе лежат великие творческие силы — буржуазной России, революционной России, советской России. Она по своему духу, своему содержанию и своему художественному уровню в литературе была и остается непревзойденной.

Наша советская литература — самая богатая, самая плодотворная, самая яркая. В ее основе лежат великие творческие силы — буржуазной России, революционной России, советской России. Она по своему духу, своему содержанию и своему художественному уровню в литературе была и остается непревзойденной.

Наша советская литература — самая богатая, самая плодотворная, самая яркая. В ее основе лежат великие творческие силы — буржуазной России, революционной России, советской России. Она по своему духу, своему содержанию и своему художественному уровню в литературе была и остается непревзойденной.

Исключение критиков «антипатриотов» из Союза советских писателей. 1949 г.

СЕКРЕТНО
№ 137
28 марта 1949 г.
Ч.Н. В.К.П.С. 13101
28 марта 1949 г.
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
в ТЕХНИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Г. МАЛЕНКОВ
ну разработать и
дать предложения.
Г. Маленков
Секретария
Г. Маленков
Товарищу СТАЛИНУ И.В.
Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

В связи с разоблачением одной антипатриотической группы театральных критиков, Секретариат Союза Советских Писателей ставит вопрос об исключении из рядов Союза Писателей критиков-антипатриотов: Павловского И.И., Гурвича А.С., Вордагоского А.М., Альмана И.Л., Малюгина Л.А., Вояцкова Г.Н., Субоцкого Л.М., Левина Ф.М., Ершована Г.А. как не соответствующих п.2 Устава Союза Советских Писателей, в котором говорится:

«Членами Союза Советских Писателей могут быть писатели /беллетристы, поэты, драматурги, критики/ оставшие на платформе советской культуры и искусства в области творческой деятельности, занимающиеся литературным трудом, включая художественные или критические произведения, написанные отдельными изданиями или в литературно-художественных и критических журналах, а также оставшие на профессиональных и клубных сценах и в школах, в качестве отдельных художественных или научных /критических работ/ значеная» п.2/.

Заместитель Генерального
Секретаря Союза Советских Писателей
СССР
К. Симонов /К. Симонов/
Секретарь Правления Союза
Советских Писателей СССР
А. Софронов /А. Софронов/

Рис. К. Калисева

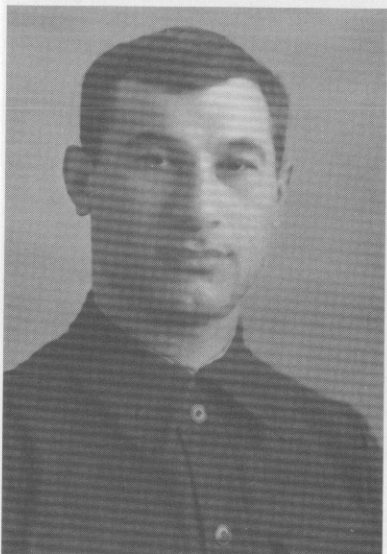
БЕСПЛАЧВОРТНИ БРОДЯГА
«Прелесть, являя в портрете не только черты, но и характер, безобразные черты и характеры»

Карикатура
К. Калисева на обложке
журнала «Крокодил».
1949 г.

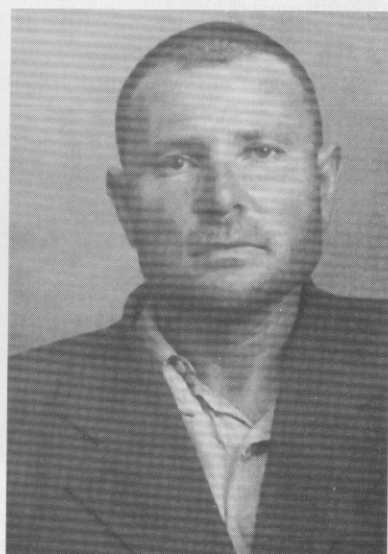
КРОКОДИЛ
№ 1 МОСКВА 28 МАРТА 1949
ВАШИМ ПОРЯДОК
ПРИ НАДАНИИ АКТОВ
ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

Фрагмент типографского оттиска одного из проектов передовой статьи для номера «Правды» от 28 января 1949 г.

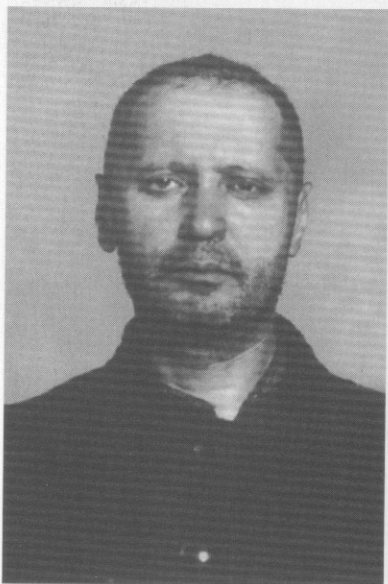
Арестованные по «делу Кузнецкого металлургического комбината»
в 1950—1952 гг.

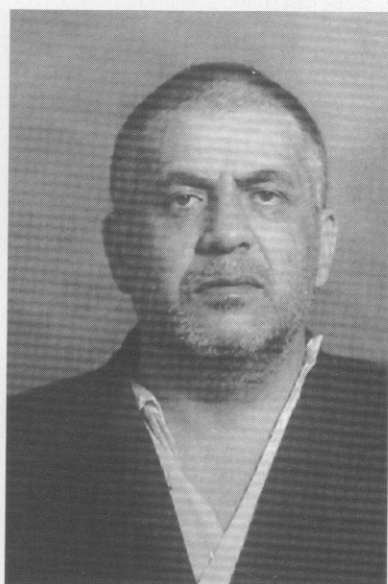
Я. Г. Минц

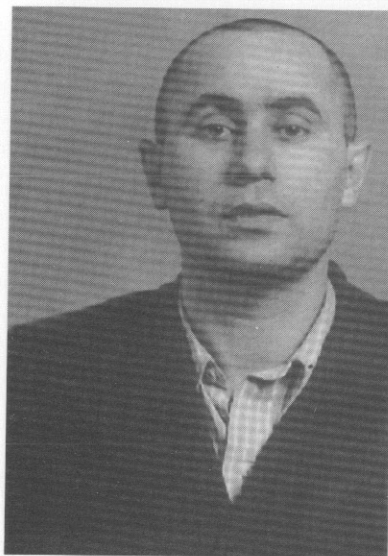
Г. Ш. Зельцер

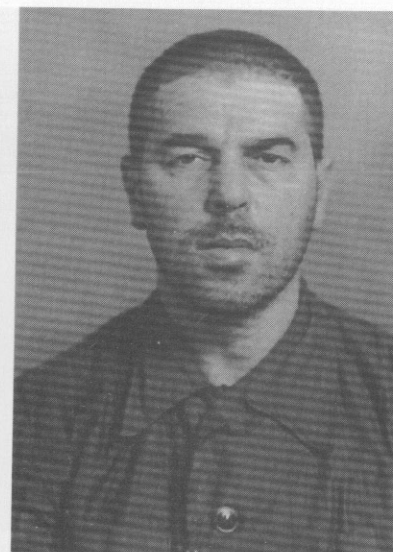
З. Х. Эпштейн

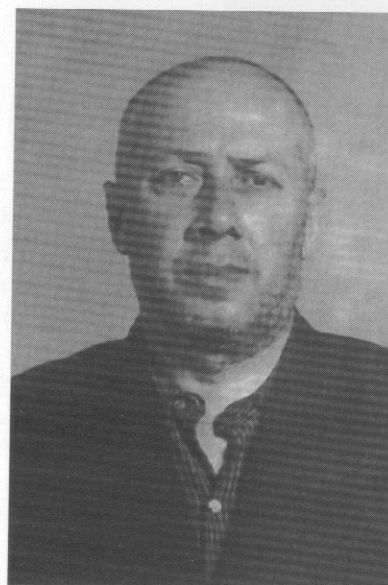
А. Я. Дехтярь

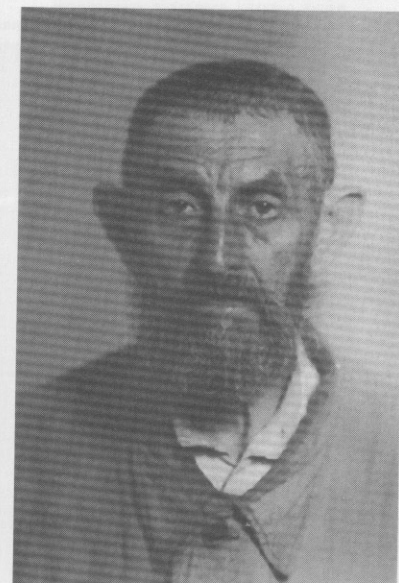
С. А. Лешинер

С. Е. Либерман

С. З. Аршавский

И. Б. Раппопорт

к/о № 9-24

2

"УТВЕРЖДАЮ"
МИНИСТРА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР

"АРЕСТ САНКЦИОНИРУЮ"
ЗАМ. ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
СОВЕТСКОЙ АРМИИ

В. Яковлев
/ЯСНОЙ/

Майора И. Л. АЛЬТМАН
/ИТАЕВ/

1953 года.

5 марта 1953 года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
/на арест/

гор. Москва, 1953 года, марта 5 дня.

Я, ст. оперуполномоченный 1 отделения Отдела 2 Управления ГРУ МГБ СССР майор госбезопасности СИДОРОВ, рассмотрев поступившие в МГБ СССР материалы о преступной деятельности АЛЬТМАНА Иоганна Львовича, 1900 года рождения, уроженца гор. Оргеево, еврея, гр-на СССР, с высшим образованием, беспартийного, критика-драматурга, проживающего по Лаврушенскому пер. в доме № 17, кв. 37, -

Нашел:

АЛЬТМАН с 1917 по 1918 год состоял в партии "левых" эсеров. Будучи враждебно настроенным к КПСС и существующему в СССР государственному строю, АЛЬТМАН длительное время проводил подрывную работу в области театрального искусства. Клеветал на постановление ЦК КПСС, с националистических позиций охивал советскую драматургию.

АЛЬТМАН разоблачен как буржуазный националист, дауршник в партии, главарь группы критиков-бездородных космополитов в драматургии.

Враждебная работа АЛЬТМАНА также подтверждается показаниями арестованного в 1949 году ШТЕРНБЕРГА Я.М.

Форма № 30

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

СПРАВКА

5 января 1956 г.

№ 41 014764/55

Москва, ул. Воровского, д. 13.

Дело по обвинению АЙЗЕНШТАДТ /ЖЕЛЕЗНОВОЙ/ Мариам Соломоновна пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 28 декабря 1955 года.

Приговор Военной Коллегии от 22 ноября 1950 года в отношении АЙЗЕНШТАДТ /ЖЕЛЕЗНОВОЙ/ М.С. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА

СОЮЗА ССР

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ЮСТИЦИИ *А. Чепцов*

/А. ЧЕПЦОВ/

п.п.

Справка о реабилитации М. Айзенштадт (Железновой). 1956 г.

Постановление
на арест
И. Л. Альтмана.
1953 г.

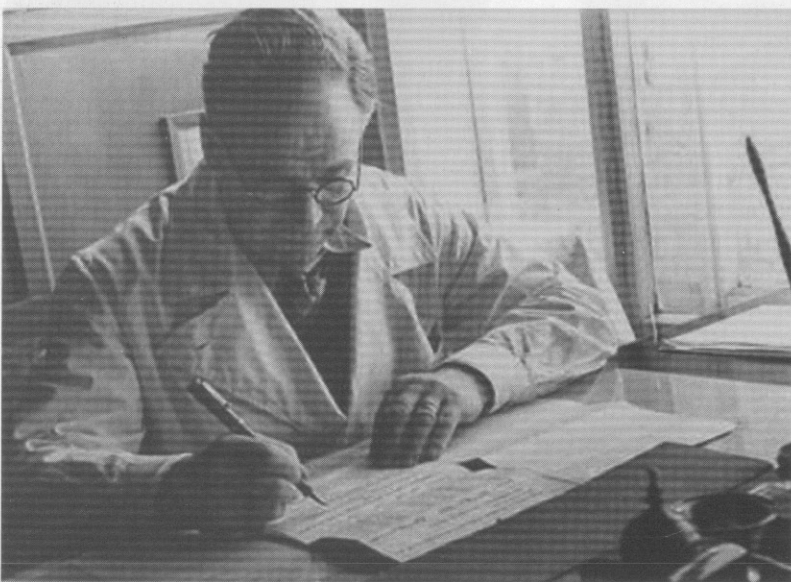
Заслуженные деятели науки А. И. Фельдман (слева) и Р. Я. Голат с председателем Президиума Верховного Совета РСФСР А. Е. Бадаевым (в центре). Москва. 1940 г.

Делегаты съезда терапевтов (слева направо): главный терапевт Советской Армии, профессор М. С. Вовси, действительный член АМН СССР, профессор Г. Ф. Ланг, действительный член АМН СССР, профессор М. И. Аринкин и профессор В. Я. Коган-Ясный. Ленинград. 1947 г.

А. М. Гринштейн

Н. А. Шерешевский. Москва. 1939 г.

Ликвидация еврейской национальной культуры

Роспуск ЕАК в конце 1948 г. положил начало организованному сверху искоренению всего этнически еврейского в культуре, литературе, социальной жизни страны. Сигналом к началу генерального наступления сталинизма на еврейскую культуру стало закрытое письмо, отправленное ЦК ВКП(б) 3 января 1949 г. партийным обкомам, крайкомам и ЦК союзных республик, в котором говорилось о закрытии ЕАК и решении советского правительства арестовать связанных с ним и «уличенных в шпионаже» лиц. Гонения на еврейскую культуру стремительно, подобно кругам на воде, расходились из Москвы по другим городам и регионам страны. В Ленинграде, Прибалтике, Закавказье, Белоруссии, Молдавии, Средней Азии, Казахстане, на Украине закрывались еврейские научно-культурные учреждения и еще оставшиеся (в Вильнюсе, Каунасе, Черновцах, Биробиджане) национальные школы; некоторые их сотрудники были арестованы. В середине февраля 1949 г. прекратились передачи на идиш московского международного радио. Поскольку в руководстве ЕАК преобладали национальные писатели и поэты, главным объектом репрессивной атаки стала еврейская литература, которая уже в течение нескольких лет, начиная с выхода громких идеологических постановлений 1946 г., служила излюбленной мишенью для агитпроповской критики. Не ослабляя натиска на «космополитов», Фадеев в начале февраля 1949 г. обратился в ЦК, настаивая на роспуске объединений еврейских писателей в Москве, Киеве и Минске и закрытии литературных альманахов «Геймланд» (Москва) и «Дер штерн» (Киев). Агитпроп, поддержав это предложение, направив Сталину соответствующее обоснование, согласованное предварительно с первыми секретарями ЦК компартий Украины и Белоруссии Хрущевым и Гусаровым. Принцип национальной однородности, положенный в основу организации объединений еврейских писателей, был назван Агитпропом ошибочным, а их деятельность – националистической. Такими же националистическими объявлялись и альманахи, что подкреплялось подборкой фрагментов опубликованных произведений еврейских авторов, снабженной тенденциозным комментарием. Нашлись и «объективные» причины: утверждалось, что объединения еврейских писателей «не имеют перспективы для роста писательских кадров», а издание альманахов финансово убыточно. 8 февраля ликвидация еврейских литературных организаций и изданий была санкционирована постановлением Политбюро, подписанным Сталиным¹⁵⁹.

Впрочем, решение это носило во многом формально-символический характер, особой практической нужды в нем не было. К тому времени, когда оно вышло, почти все ведущие еврейские писатели и поэты были арестованы. Так что ставившийся 9 февраля на закрытом партийном собрании ССП «вполне законный вопрос об ответственности объединения еврейских писателей за то, что в его рядах орудовали нусиновы, феферы, маркиши, квитко, галкины»¹⁶⁰, ведомством Абакумова был уже решен. Аресты еврейских литераторов проходили повсеместно. В Москве репрессиям подверглись И. М. Добрушин, И. М. Нусинов, Дер Нистер (П. М. Каганович), С. В. Гордон, Н. Г. Лурье, М. М. Грубиан, А. Ю. Гонтарь и др.; на Украине – А. Я. Каган, Г. И. Полянкер, М. А. Талалаевский, И. Н. Кипнис, Х. Б. Лойцкер, Э. Г. Спивак; в Белоруссии – А. Х. Платнер и др., в Молдавии – Я. М. Штернберг и др. Их судьбы в заключении сложились по-разному. Наиболее трагический конец был уготован писателю С. Д. Персову, сотрудничавшему с ЕАК с первых лет его существования. В 1943 г. через комитет он получил от еврейской прессы США предложение собрать материалы о Светлане Сталиной. Американцев интересовали примечательные факты биографии дочери советского вождя, чем она занимается в свободное время, ее культурные привязанности и увлечения, отношение к Западу. Пока шла война, Персов много путешествовал по стране и собрал, помимо прочего, богатый материал о евреях-героях, начиная с рядовых бойцов, сражавшихся в партизанских отрядах, и кончая крупными военачальниками и руководителями оборонной промышленности. Подготовленные в результате биографические очерки (в том числе о сыне раввина, авиаконструкторе С. А. Лавочкине, директоре артиллерийского завода в пермской Мотовилихе А. И. Быховском) были направлены в США. После войны писатель принимал участие в создании книги «Партизанская слава», которая должна была выйти в свет в издательстве «Дер эмес». Однако в 1946 г., как вспоминал позже главный редактор этого издательства М. С. Беленький, ЦК счел ее содержание вредным и националистическим, и уже готовый тираж был пущен под нож. Тем не менее, Персов не пал духом. В 1946–1947 гг. он подготовил серию очерков «Евреи завода Сталина в Москве», статьи о столичном электромашиностроительном заводе «Динамо» и об управляющем трестом «Запорожстрой» В. Е. Дымшице. Все эти и другие отправленные в Америку материалы позже квалифицировались следствием как закодированная шпионская информация об оборонно-промышленном потенциале Советского Союза. Поэтому и московский автомобильный завод им. И. В. Сталина, и другие опи-

санные Персовым предприятия превратились со временем в объекты оперативной «разработки» госбезопасности как центры американско-сионистской агентуры. 22 ноября 1950 г. на закрытом заседании военной коллегии Верховного суда СССР Персову был вынесен смертный приговор.

В тот же день военная коллегия приговорила к расстрелу и журналистку М. С. Айзенштадт, печатавшую свои статьи под псевдонимом «Железнава» и которую в свое время благословил на работу на этом поприще Эренбург. 4 апреля 1950 г. ее арестовали, инкриминируя ей в том числе и подготовку совместно с Персовым так и не вышедшей книги очерков о выдающихся представителях еврейской технической интеллигенции. Кроме того, ее обвинили в том, что она состояла в «шпионской», то бишь корреспондентской сети ЕАК, и собирала вместе Персовым «разведывательную информацию» для последующей отправки за границу¹⁶¹. Одновременно с Персовым и Айзенштадт-Железновой за передачу американцам «секретов» о советских евреях поплатился жизнью и главный редактор ЕАК Н. Я. Левин, которого арестовали 17 сентября 1949 г., когда он уже работал в издательстве «Физкультура и спорт»¹⁶².

В жертву репрессивной системе были принесены и другие арестованные еврейские литераторы, хотя формально они и не были приговорены к смертной казни. В основном это были уже пожилые люди, которые из-за слабого здоровья не смогли перенести издевательства тюремщиков. В 1950 г. во Внутренней и Лефортовской тюрьмах МГБ умерли профессора литературоведения Э. Г. Спивак (4 апреля) и И. М. Нусинов (31 октября, от «опухоли твердой оболочки мозга»), в декабре 1950 г. в лагере скончался патриарх еврейской литературы Дер Нистер, выезжавший в июле 1947 г. вместе с переселенцами с Украины в Биробиджан и описавший свои впечатления в инкриминированном ему потом очерке. Так и не выбрался из недр ГУЛАГа писатель И. М. Добрушин, отбывший лагерный срок, но скончавшийся в августе 1953 г. в ссылке. Редактора альманаха «Геймланд» А. Д. Кушнирова также можно считать жертвой репрессий, хотя его и не успели арестовать: в сентябре 1949 г. он умер от обострившейся в результате стресса болезни горла.

Если одних пытка страхом уничтожала физически, то других она калечила духовно. Морально сломить удавалось, как правило, тех людей, которые, следуя закону социального дарвинизма, стремились во что бы то ни стало приспособиться к ставшей для них крайне неблагоприятной социальной среде. Чтобы уцелеть, пошел на сделку с совестью и поэт А. А. Вергелис. В ликвидированных в начале 1949 г.

редакции альманаха «Геймланд» и объединении еврейских писателей он занимал руководящие посты, хотя ему и было всего 30 лет. Спасая собственную свободу, а может быть, и жизнь, Вергелис в конце того же года направил в партбюро ССП пространное послание, в котором покаялся в собственных ошибках и осудил как изначально националистическую советскую еврейскую литературу¹⁶³. Сталин, любивший прокламировать бережное отношение к молодой, не испорченной «проклятым буржуазным прошлым», советской интеллигенции, Вергелиса пощадил, сохранив его в определенной мере как наглядное опровержение «домыслов антисоветской пропаганды» о политическом антисемитизме в СССР.

Но было и немало тех, кто, преодолев выпавшие на их долю испытания, сумели сохранить незапятнанными честь и достоинство. Пройдя через тюремно-лагерные ужасы и пережив диктатора, они вновь обрели свободу, потеряв, правда, здоровье и радость к жизни. Вот только несколько таких судеб: поэт и драматург С. З. Галкин, получивший 25 января 1949 г. от Особого совещания десять лет лагерей и освобожденный из-под стражи 12 декабря 1955 г.; писатель С. В. Гордон, чьи «преступления» потянули на 15 лет лишения свободы: столь строгое наказание обуславливалось тем, что в годы войны он выезжал в Куйбышев и подготовил потом для ЕАК материал об авиационном заводе № 1 и 4-м Государственном подшипниковом заводе, а в послевоенное время активно сотрудничал с «Эйникайт» и несколько раз командировался в Крым, на Украину и в Биробиджан, находившийся в закрытой, режимной зоне; еврейский писатель с Украины А. Я. Каган, которому 25 февраля 1952 г. сталинская фемида определила наказание в виде 25 лет лагерей. Такой внушительный срок стал расплатой за публикацию на Западе его статьи «Евреи в Киеве», а также за передачу в 1948 г. в ЕАК «секретного» материала о газопроводе «Дашава – Киев»¹⁶⁴.

К началу 1953 г. преследование еврейских литераторов набрало такую инерцию, что даже смерть диктатора не сразу остановила эти гонения. В дни пропагандистской истерии по «делу врачей» руководители ССП Фадеев, Симонов, А. В. Софронов и А. А. Сурков, следуя указанию секретаря ЦК КПСС и главного идеолога Н. А. Михайлова, активизировали в писательской организации кадровую чистку с антисемитским подтекстом. О ее первых результатах докладывал 24 марта 1953 г. Симонов секретарю ЦК Хрущеву в пространной записке «О мерах Секретариата Союза писателей по освобождению писательских организаций от балласта». Этот отчет был оснащен обстоятельной статистикой, долженствующей обосновать главный вывод о

том, что кадровый балласт в ССП носит преимущественно еврейский характер. Сообщалось, что из 1102 членов московской писательской организации русских – 662 (60 %), евреев – 329 (29,8 %), украинцев – 23 (2,0 %), армян – 21 (1,9 %), представителей других национальностей – 67 (6,3 %). Далее следовали абсолютные и относительные показатели динамики приема евреев в столичную писательскую организацию начиная с момента ее создания: 1934 г. – 124 (35,3 %), 1935–1940 гг. – 85 (34,8 %), 1941–1946 гг. – 75 (28,4 %), 1947–1952 гг. – 49 (20,3 %). И хотя, как могли убедиться в ЦК, динамика эта с 1940-х гг. (sic! – именно тогда стали проявляться элементы официального антисемитизма) носила убывающий характер, в справке она называлась ненормальной, и Симонов заверял Хрущева, что через год – два она будет «решительно исправлена»¹⁶⁵.

В 1949 г. – одновременно с роспуском Московской секции еврейских писателей, чьи члены потом составили значительную часть упомянутого «литературного балласта» – стали приниматься меры и к закрытию еврейских театров. До войны их было десять – в Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Минске, Биробиджане и других городах. Причем удушение еврейской Мельпомены внешне обставлялось «объективными» причинами финансового порядка (якобы театры планомерно убыточны). Однако реальная причина закрытия еврейских театров, несомненно, носила политический характер. Во всяком случае, после того как 16 сентября 1948 г. Г. Меир торжественно и при большом стечении народа была встречена на Тверском бульваре в ГОСЕТе, украшенном по фасаду бело-голубым полотнищем со щитом Давида и купила там несколько театральных абонементов для нуждающихся евреев, еврейские театры окончательно превратились – в глазах сталинского руководства – в рассадники сионизма.

Благодаря тому, что еврейские театры были широко известны и популярны, и одномоментная их ликвидация могла вызвать критическую, особенно за границей, реакцию, их ликвидация затянулась на весь 1949 г. В марте закрыли минский БелГОСЕТ, в сентябре украинские власти предприняли то же самое в отношении театра имени Шолом-Алейхема в Черновцах. С 1 декабря «в связи с низкой посещаемостью и тяжелым финансовым положением» упразднили столичный ГОСЕТ. Еще раньше таким же образом обошлись и с Московским государственным еврейским театральным училищем им. С. М. Михоэлса¹⁶⁶.

Не избежал общей участи и Биробиджанский ГОСЕТ им. Л. М. Кагановича. Его закрытие, последовавшее после распоряжения Совета министров РСФСР от 22 октября 1949 г.¹⁶⁷, происходило в рамках

всеобъемлющей акции по фактической ликвидации зачатков еврейской автономии в этом регионе. Дальневосточные органы госбезопасности явно по команде из Москвы «вскрыли» в ЕАО разветвленное «сионистское подполье», «окопавшееся» в редакции газеты «Биробиджанер штерн», областном радиокомитете, театре, музее и других культурно-идеологических учреждениях. Членами организации буржуазных националистов были объявлены приехавшая из Палестины поэтесса Л. Ш. Вассерман, бывший редактор «Биробиджанер штерн» Б. И. Миллер, писатель Г. Б. Рабинков, поэт из Польши И. Н. Гольдвассер (Эмиот), актер Ф. Л. Аронес, прибывший с Украины литератор И. Б. Керлер, литературовед и переводчик Б. А. Слуцкий и другие деятели еврейской культуры. В связи с тем, что многие из них публиковались в альманахе «Биробиджан», а «исключенные из рядов партии националисты» Миллер и Рабинков, кроме того, входили в состав его редколлегии, 15 июля 1949 г. бюро обкома ЕАО приняло решение прекратить издание этого писательского печатного органа области. Спустя примерно год все вышеназванные наряду с другими представителями еврейской интеллигенции оказались за решеткой¹⁶⁸.

Политические морозы в Биробиджане наступили не сразу. По окончании войны казалось, что перед ЕАО открылась перспектива благополучного развития. Тогда по просьбе руководства области центр оперативно и в немалых объемах выделил области материально-технические и кадровые ресурсы. А 26 января 1946 г. вышло специальное постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по укреплению и дальнейшему развитию хозяйства Еврейской автономной области»¹⁶⁹. Поскольку советское руководство было заинтересовано в смягчении напряжения, возникшего при реэвакуации евреев в ранее оккупированные районы европейской части СССР, было поддержано и ходатайство ЕАК о возобновлении организованного льготного переселения евреев в Биробиджан¹⁷⁰. Благодаря этому к началу 1949 г. численность еврейского населения в ЕАО увеличилась до 20 тыс. человек, что на 13 % превышало соответствующий предвоенный показатель¹⁷¹.

Однако это благополучие оказалось хрупким. Усиливавшийся государственный антисемитизм должен был рано или поздно проявиться и в Биробиджане, что и произошло. Первые придиры к руководству ЕАО начались в феврале 1948-го, после того как на Дальнем Востоке побывала комиссия УК ЦК во главе с Д. С. Полянским (член Политбюро в хрущевско-брежневский период). Возвратившись в Москву, тот обрисовал секретарю ЦК Кузнецову положение дел в ЕАО в самых мрачных тонах, возложив ответственность за «вскры-

тые» провалы, ошибки и злоупотребления в идеологической, кадровой, хозяйственной и других областях на первого секретаря обкома ЕАО А. Н. Бахмутского и его подчиненных. Однако «девятый вал» критики пришелся на май 1949-го, когда первый секретарь Хабаровского крайкома партии А. Г. Гусев направил секретарям ЦК М. А. Суслову и П. К. Пономаренко целый свод обвинений против руководства входившей в край ЕАО. Тогда же КПК при ЦК ВКП(б) возбудила персональное дело в отношении Бахмутского, и запущенная машина кадровой чистки стала набирать обороты¹⁷². Главный пункт обвинений состоял в том, что они, ссылаясь на данное в 1931 г. М. И. Калининым обещание повысить статус Биробиджана при 20–30-тысячной численности еврейского населения области, обратились к центру с предложением преобразовать ЕАО в автономную республику. Эта, а также другие инициативы Бахмутского (создать в Биробиджане государственный еврейский университет, перевести политехническое образование в области на еврейский язык, придать местной газете «Биробиджанер штерн» общесоюзный статус) были расценены в верхах как проявления националистического прожектерства. Кроме того, Бахмутскому, а также председателю исполкома ЕАО М. Е. Левитину вменили в вину ориентацию «в основном на еврейские кадры»¹⁷³.

Серьезными были и подозрения властей по поводу сотрудничества Бахмутского с ЕАК. Чтобы нейтрализовать их, тот обратился в ЦК с покаянным письмом, заверяя, что у него «никакой личной связи с преступниками и мерзавцами, врагами народа из бывшего еврейского антифашистского комитета никогда не было»¹⁷⁴. Однако отчаянная попытка Бахмутского откеститься от своих бывших друзей успеха не имела. Ему предъявляли все новые обвинения, как политические, так и носившие характер служебных злоупотреблений. В итоге 25 июня 1949 г. появилось решение Политбюро «Об ошибках секретаря обкома Еврейской автономной области Хабаровского края т. Бахмутского А. Н. и председателя облисполкома т. Левитина М. Е.», которым оба «за допущенные политические ошибки» были сняты со своих постов. А на прошедшем 18 августа бюро партийного обкома ЕАО Бахмутский и Левитин были исключены из партии. В ЕАО своих постов лишились и десятки других чиновников, в том числе председатель Биробиджанского горисполкома М. З. Спиваковский, председатель областного радиокомитета П. З. Оксенгорн, начальник областного управления МГБ И. Ф. Бранзбург¹⁷⁵.

Дальнейшая судьба Бахмутского сложилась трагически. 28 января 1951 г. его арестовали, предъявив обвинение в измене родине и антисоветской пропаганде. 23 февраля 1952 г. военная коллегия Вер-

ховного суда СССР под председательством генерал-майора юстиции А. Г. Суслина признала его виновным в том, что с 1944 г. он «проводил контрреволюционную деятельность, направленную на подрыв и ослабление Советского Союза <...> поддерживал связи с Михоэлсом, Фефером и другими членами ЕАК, «не вел борьбы с преклонением перед иностранщиной и, по существу, одобрял пропаганду буржуазного еврейского национализма и космополитизма», разгласил секретные сведения (о местах залегания олова, угля и других полезных ископаемых, о наличии в области предприятий оборонного значения, о размещении японских военнопленных). Бахмутского приговорили к расстрелу. Однако 5 апреля Президиум Верховного Совета СССР заменил смертную казнь 25 годами лагерей. Освободили Бахмутского незадолго до открытия XX съезда партии, 23 января 1956 г. Вместе с ним большие лагерные сроки получили и другие бывшие руководители ЕАО: председатель облисполкома (до 1947 г.) М. Н. Зильберштейн, его преемник на этом посту Левитин, секретарь обкома ЕАО по идеологии З. С. Брохин, секретарь облисполкома А. М. Рутенберг, редактор литературного альманаха «Биробиджан» Х. И. Мальгинский, ответственный секретарь «Биробиджанер штерн» Н. М. Фридман, редактор «Биробиджанской звезды» М. М. Фрадкин. Они жили благодаря тому, что 28 декабря 1955 г. приговор в отношении них был отменен¹⁷⁶.

Массированная репрессивная акция, почти полностью лишившая еврейское население ЕАО его управленческой и интеллектуальной элиты, окончательно похоронила пропагандистский в своей основе проект превращения Биробиджана в процветающий «красный Сион». Илья Эренбург оказался плохим пророком, когда в 1930-е сокрушался по поводу того, что ЕАО превратится в большое гетто Советского Союза.

С конца 1940-х гг., когда гонения с антисемитской подоплекой приобрели универсальный характер, они, помимо сфер, еврейской общественной активности, национальной культуры, литературы, журналистики, отмечались также в области национальной религии, причем, все это было характерно не только для СССР, но и для подконтрольных ему стран Восточной Европы.

Оказавшись вынужденным в начале войны пойти на ограниченное допущение еврейской общественной активности в виде создания ЕАК, советское руководство, все глубже погружавшееся в трясины чиновной юдофобии, позднее столкнулось с нежелательными

последствиями такого «национального либерализма». Под напором разбуженного войной и Холокостом еврейского самосознания ЕАК из официальной пропагандистской организации стал спонтанно превращаться в центр национальной интеллектуальной мысли и даже в какой-то мере в орган еврейской культурно-национальной автономии. Кульминацией такого развития явилась попытка лидеров ЕАК возродить проект создания еврейской республики на территории Крыма. На такого рода проявления «буржуазного национализма» власти реагировали на первых порах сдержанно, используя преимущественно административно-бюрократические меры, словесные угрозы и уговоры. И хотя, как полагали советские правители, само существование ЕАК питало так страшивший их еврейский национализм, по окончании войны они не пошли на немедленную и радикальную его ликвидацию. Причин тому было несколько. Во-первых, успешное закрытие единственной в стране еврейской общественной организации, наладившей обширные международные связи, могло быть воспринято в мире (в первую очередь в правящих кругах стран бывшей антигитлеровской коалиции, с мнением которых в первые послевоенные месяцы Сталин считался) как проявление неуважения к народу, серьезно пострадавшему от гитлеровских зверств. Во-вторых, власти, возможно, опасались стимулировать тем самым бытовой антисемитизм, существенный всплеск которого и без того наблюдался в годы войны.

Кроме того, советское руководство, преследуя собственные внешнеполитические интересы, поддерживало создание Израиля, и потому было заинтересовано в использовании контактов ЕАК с влиятельными международными сионистскими кругами. Однако по мере провоцировавшегося холодной войной ужесточения режима и нагнетания шпиономании в стране общественная активность ЕАК стала заметно ограничиваться. За его членами была установлена повальная слежка посредством широко разветвленной агентуры из числа негласных информаторов. На таком политическом фоне в начале 1948 г. произошло тайное убийство национально-культурного лидера еврейства известного артиста Соломона Михоэлса. Обезглавив культурную элиту еврейства и стремясь нейтрализовать ее «националистическое» влияние на еврейскую «массу», власть установила над ней тотальный контроль, лишив остатков возникших в «стихийно демократические» годы войны претензий на национальную самостоятельность. Устранение Михоэлса обозначило переход от изначальной тактики административного сдерживания национальной активности еврейства к ее силовому подавлению.

Этот переход завершился к концу 1948 г., когда проамериканский политический курс вновь образованного Израиля перечеркнул ближневосточные амбиции сталинского руководства, которое, помимо этого разочарования, испытало тогда настоящий шок от произошедших в Москве спонтанных демонстраций национально активного еврейства в честь дипломатического посланника Тель-Авива Г. Меир. По Москве и другим городам страны прокатилась волна арестов подозревавшихся в «буржуазном национализме» видных деятелей еврейской культуры и других представителей ИЕП. Апофеозом политики террора стал расстрельный процесс по «делу ЕАК». Репрессивная сила этого удара была явно несоразмерна достаточно ограниченному реальному влиянию комитета на советских евреев. В значительной мере это был и ответ сталинизма на упомянутый «империалистический» выбор Израиля и сионизма в целом в пользу США (главного тогда врага СССР). В результате советские евреи все больше маркировались режимом как агентура внешнего врага. Под запретом оказались еврейская национальная культура и литература. Ассимиляции евреев, над естественным процессом которой с конца 1930-х все больше тяготело административное давление и пропагандистский натиск (под лозунгами «коммунистического интернационализма» и «советского патриотизма»), теперь был придан силовой, форсированный характер.

Пропагандистским прикрытием репрессивной ликвидации еврейской национальной культуры вместе с ее наиболее яркими представителями послужила послевоенная кампания борьбы с «безродным космополитизмом», которая оказала сильное устрашающее воздействие на ассимилированное еврейство, широко представленное в интеллектуально-культурной сфере. Осудив в январе 1949 г. «критиков-антипатриотов», «Правда» – идеологическая пушка главного калибра – «выстрелила» отнюдь не по политическим воробьям, как могло показаться неискушенному наблюдателю. Пафос антикосмополитической кампании был направлен не столько против, как было объявлено, «низкопоклонства» интеллигенции перед Западом, сколько против ее, как подозревал Сталин, растущей нелояльности режиму. В условиях послевоенного усиления глобальной интернационализации в мире в СССР, по сути, закреплялся курс на еще большую изоляцию страны, в чем проявилась защитная реакция режима на жесткий культурно-цивилизационный вызов, брошенный прежде всего претендовавшими на мировую гегемонию США. Ответ советского руководства не был адекватным. Вместо того чтобы, соревнуясь с Западом, взяться за улучшение качества советской жизни во всех

сферах – политической (демократизация, внешняя открытость) социально-экономической (повышение благосостояния населения), правовой (укрепление законности, соблюдение на деле прав и свобод человека и гражданина) – оно пошло по самому легкому пути: принялось ту же закручивать политические гайки. Эта тупиковая линия, продолженная (в «смягченной» форме) наследниками Сталина в Кремле и приведшая, в конце концов, к катастрофе 1991 г., и обусловила нагнетание в СССР политической ксенофобии и латентного антисемитизма, который, таким образом, не был самодовлеющим, не был первопричиной властного ужесточения, но его индикатором.

Исходным пунктом всех этих процессов было извечное объективное противоречие между глобализмом и регионализмом в развитии культуры, языка, экономики, других основополагающих атрибутов цивилизации. Вместе с тем, значительную роль сыграли и субъективные моменты. Основным из них был вызванный внешним фактором (усиление холодной войны) и «внутренней провокацией» (нарастание аппаратной борьбы за власть) очередной параноический приступ у Сталина, которому повсюду стала мерещиться американо-сионистская опасность. Кроме того, определенное значение имело и то обстоятельство, что послевоенный курс Сталина на превращение СССР в великую мировую державу, противостоящую Западу, вызвал глухое неприятие советской интеллигенции либерального толка, имевшей прозападную ментальность. Речь идет прежде всего о выживших после всех большевистских репрессий представителях старого русского интеллектуального слоя, имевшего в дореволюционные времена широкие контакты с коллегами в Европе и Америке, а также об ИЕП, значительная часть которой получила образование на Западе и была связана этническими корнями с восточной окраиной зарубежной Европы – Польшей, где Россия воспринималась как фактор угрозы. Главным образом представителей этих социально-национальных категорий населения Сталин и объявил космополитами в 1949-м, так как не мог не ощущать их затаенных симпатий к Западу и скепсиса в отношении его великодержавного курса.

Борьба сталинского режима с так называемыми еврейскими буржуазными националистами и безродными космополитами была замешана на лицемерии и коварстве. Если одних он преследовал за приверженность национально-религиозной традиции, родной культуре и языку, то других – как раз за обратное: за стремление отказаться от своего национального лица и раствориться «в мировом всечеловеческом единстве народов». Пропагандистское развенчание «безродного космополитизма» не просто совпало с проводившимися параллель-

но арестами еврейских писателей и общественных деятелей. То были две стороны одной и той же медали. Аверс – шумная кампания, бичующая оторвавшихся от родной почвы «антипатриотов» – находился в центре всеобщего внимания и как бы прикрывал, прежде всего от мировой общественности, реверс – негласную репрессивную акцию по уничтожению носителей еврейской культуры.

К концу 1940-х гг. произошло заметное усиление официального антисемитизма: прежде он не выходил за рамки отдельных, тщательно закамуфлированных, аппаратно-полицейских акций, тогда как теперь стал принимать форму массированных и универсальных кампаний.

Примечания

¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948. С. 196–197.

² Правда. 1946. 11 марта.

³ Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года. М., 1948. С. 22–23.

⁴ Большевик. 1946. № 15. С. 12.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 851. Л. 51–58; Оп. 127. Д. 1670. Л. 39.

⁶ Гончаров И. А. Собр. соч. в 8 тт. М., 1952. Т. 2. С. 159; Новый мир. 1948. № 6. С. 293; № 2. С. 127.

⁷ Карсавин Л. П. Россия и евреи // Тайна Израиля. Еврейский вопрос в русской религиозной мысли конца XIX – первой половине XX вв. / Сост. В. Ф. Бойков. СПб., 1993. С. 409.

⁸ Батыгина Г. С., Девятко И. Ф. Еврейский вопрос: хроника сороковых годов // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 1. С. 69.

⁹ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1989. С. 124–142.

¹⁰ Литературная газета. 1948. 5 июня.

¹¹ Правда. 1947. 30 июня.

¹² Большевик. 1947. № 21. С. 16.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 617. Л. 105.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 39. Л. 159–163; Д. 56. Л. 109; Д. 339. Л. 59; Ваксберг А. И. Нераскрытые тайны. М., 1993. С. 192–193; Литературная газета. 1948. 5 июня; 1949. 16 февраля.

¹⁵ Жуков И. И. Рука судьбы. Правда и ложь о Михаиле Шолохове и Александре Фадееве. М., 1994. С. 212; Так это было. Тихон Хренников о времени и о себе (Запись и обработка диалогов В. Рубцовой). М., 1994. С. 178.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 229. Л. 9, 24–27; Д. 337. Л. 9–10.

¹⁷ Борщаговский А. М. Записки баловня судьбы. М., 1991. С. 19.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1073. Л. 12; Борщаговский А. М. Указ. соч. С. 54.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 237. Л. 13, 27–28.

²⁰ Борщаговский А. М. Записки баловня судьбы. С. 55–56, 68–69.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 290. Л. 22; Д. 35. Л. 39–46.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 237. Л. 50–53.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 137. Л. 54–56.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 237. Л. 62–64.

²⁵ Симонов К. М. Указ. соч. С. 191.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 116. Л. 124; Д. 229. Л. 17.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 98. Л. 1; Борщаговский А. М. Указ. соч. С. 74.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 637. Л. 9; Оп. 116. Д. 412. Л. 13; Оп. 117. Д. 159. Л. 59, 62–65; Д. 224. Л. 63–65; Д. 853. Л. 85; Оп. 118. Д. 310. Л. 62–64; Оп. 132. Д. 229. Л. 6, 65–75; Д. 237. Л. 13–14.

²⁹ Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938 – 1953 / Сост. Г. В. Костырченко. М., 2005. С. 315–317.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 714. Л. 136; Оп. 132. Д. 237. Л. 15–16.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 229. Л. 8, 13.

³² Шепилов Д. Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 14.

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 229. Л. 2–8.

³⁴ Советское искусство. 1949. 5, 19, 26 февраля; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 353. Л. 116, 118–119.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 5. Л. 92–95.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 229. Л. 17–23; Оп. 132. Д. 234. Л. 54–55; Д. 235. Л. 27–29.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 229. Л. 30.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 611. Л. 40.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 310. Л. 49–52.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 405. Л. 32–46.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 622. Л. 62.

⁴² Вопросы истории. 1991. № 11. С. 31; Еврейские вести (Киев). 1996. Июль № 13–14; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1064. Л. 11.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 122. Л. 216.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 122. Л. 10–42; Исторический архив. 1993. № 4. С. 51.

⁴⁵ Хрущев Н. С. Воспоминания // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 42; Чуев Ф. И. Так говорил Каганович. С. 175; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1012. Л. 85.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 3. Д. 129. Л. 36–38.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 3. Д. 129. Л. 2–35; Д. 128. Л. 12–43.

⁴⁸ Pinkus V. The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. Cambridge University Press, 1988. P. 148, 343; Литературная газета. 1947. 25 сентября; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1068. Л. 1–3.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 310. Л. 47–48.

⁵⁰ Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. С. 31.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 383. Л. 45, 53.

- ⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 316. Л. 108, 109.
- ⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 384. Л. 25–31.
- ⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1059. Л. 83.
- ⁵⁵ РГАСПИ. Оп. 125. Д. 383. Л. 111–150; Оп. 117. Д. 621. Л. 2, 112–118.
- ⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1651. Л. 2; Оп. 125. Д. 383. Л. 119, 263; Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. С. 130–131.
- ⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 38. Л. 168; Оп. 3. Д. 1065. Л. 47–48.
- ⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 5667. Л. 38–41.
- ⁵⁹ ЦАФСБ РФ. Стенограмма судебного процесса по делу ЕАК. Т. 1. С. 251.
- ⁶⁰ ЦАФСБ РФ. Стенограмма судебного процесса по делу ЕАК. Т. 1. С. 250–252; Чуев Ф. И. Так говорил Каганович. С. 52.
- ⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 868. Л. 95, 98, 116–117.
- ⁶² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1012. Л. 24–39.
- ⁶³ БСЭ. Изд. 2. Т. 15. М., 1952. С. 377–379.
- ⁶⁴ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2. М., 1990. С. 158.
- ⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1012. Л. 52; Ф. 17. Оп. 117. Д. 938. Л. 135–146; Оп. 128. Д. 1057. Л. 2.
- ⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 6188. Л. 22; ЦАФСБ РФ. Стенограмма судебного процесса по делу ЕАК. Т. 1. С. 254–255.
- ⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1058. Л. 134–135.
- ⁶⁸ Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. С. 85–87.
- ⁶⁹ Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов и др. М., 2007. С. 126–129.
- ⁷⁰ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. С. 379.
- ⁷¹ Хрущев Н. С. Воспоминания // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 58.
- ⁷² Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 143, 149.
- ⁷³ Аллилуева С. И. Указ. соч. С. 149.
- ⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 15624. Л. 321–322, 341–342.
- ⁷⁵ Столяров К. А. Палачи и жертвы. М., 1997. С. 26; ЦАФСБ РФ. Материалы проверки по делу ЕАК. Т. 1. Л. 57, 58.
- ⁷⁶ Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. М., 1994. С. 92–93.
- ⁷⁷ Цит. по: Наумов В. П. «Министр сказал: «Побить его»» // Московские новости. 1994. № 12.
- ⁷⁸ Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 24.
- ⁷⁹ Государственный антисемитизм в СССР.. С. 111.
- ⁸⁰ Столяров К. А. Указ. соч. С. 268, 276–277.
- ⁸¹ Государственный антисемитизм в СССР.. С. 114–115.
- ⁸² Государственный антисемитизм в СССР.. С. 114.
- ⁸³ Тышлер А. Я вижу Михоэлса // Михоэлс Соломон Михайлович. Статьи, беседы, речи. С. 504; Ваксберг А. И. Из ада в рай и обратно. Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну. М., 2003. С. 300–301.
- ⁸⁴ Ваксберг А. И. Указ. соч. С. 301–302.
- ⁸⁵ Государственный антисемитизм в СССР.. С. 118.
- ⁸⁶ Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 25.
- ⁸⁷ Аллилуева С. И. Только один год. М., 1990. С. 134.
- ⁸⁸ Государственный антисемитизм в СССР.. С. 114, 115.
- ⁸⁹ Государственный антисемитизм в СССР.. С. 111, 115.
- ⁹⁰ Борщаговский А. М. Обвиняется кровь. М., 1994. С. 3; Гейзер М. М. Михоэлс: жизнь и смерть. М., 1998. С. 270.
- ⁹¹ Борщаговский А. М. Записки баловня судьбы. М., 1991. С. 152, 153.
- ⁹² Фрезинский Б. Я. Генерал Трофименко и актер Михоэлс. Минск. 1948 (некоторые уточнения к книгам мемуаристов и публицистов) // Народ Книги в мире книг. Еврейское книжное обозрение. 2003. №48. С. 5.
- ⁹³ Государственный антисемитизм в СССР.. С. 116.
- ⁹⁴ Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 25.
- ⁹⁵ Государственный антисемитизм в СССР.. С. 111, 116.
- ⁹⁶ Государственный антисемитизм в СССР.. С. 116.
- ⁹⁷ Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 25.
- ⁹⁸ Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти. С. 122.
- ⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 6188. Л. 12–26; Ефремов Л. Н. Дорогами борьбы и труда. Ставрополь, 1998. С. 12–14.
- ¹⁰⁰ Государственный антисемитизм в СССР.. С. 106.
- ¹⁰¹ Государственный антисемитизм в СССР.. С. 107.
- ¹⁰² Государственный антисемитизм в СССР.. С. 109.
- ¹⁰³ Государственный антисемитизм в СССР.. С. 110.
- ¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1152. Л. 198; Вовси-Михоэлс Н. С. Мой отец Соломон Михоэлс. Воспоминания о жизни и гибели. М., 1997. С. 235, 236.
- ¹⁰⁵ Правда. 1948. 15, 17 января; Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. С. 106; Неправедный суд. С. 62.
- ¹⁰⁶ Вовси-Михоэлс Н. С. Указ. соч. С. 195; Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. С. 103–106.
- ¹⁰⁷ Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документированная история. С. 350–351; Неправедный суд. С. 231.
- ¹⁰⁸ Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. С. 322–323. Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. С. 107–108.
- ¹⁰⁹ Государственный антисемитизм в СССР.. С. 120–130.
- ¹¹⁰ Государственный антисемитизм в СССР.. С. 130–133.
- ¹¹¹ Васильева Л. Н. Кремлевские жены. М., 1992. С. 236.
- ¹¹² Советско-израильские отношения. Кн. 1. С. 399.
- ¹¹³ Самойлов Д. С. Памятные записки. М., 1995. С. 241.
- ¹¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 12. Л. 116–123.
- ¹¹⁵ Правда. 1948. 21 сентября.
- ¹¹⁶ Советско-израильские отношения. Кн. 1. С. 375–383.
- ¹¹⁷ Эйнйкайт. 1948. 25 сентября.
- ¹¹⁸ ГА РФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 20. Л. 38–40.
- ¹¹⁹ Чуковский К. И. Дневники. 1901–1969. В 2-х тт. Т. 2. М., 2003. С. 254.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 237. Л. 3; Оп. 118. Д. 945. Л. 69.

- ¹²² Советско-израильские отношения. Кн. 1. С. 400.
- ¹²³ Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. С. 551; Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. С. 324.
- ¹²⁴ Государственный антисемитизм в СССР. С. 396.
- ¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 39. Л. 140.
- ¹²⁶ Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. С. 298–299; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1012. Л. 82.
- ¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1073. Л. 22.
- ¹²⁸ РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 1012. Л. 72–86.
- ¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 15624. Л. 341.
- ¹³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 478. Л. 46–46 об.; Неправедный суд. С. 198–199, 202, 209–210; Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. С. 127–128.
- ¹³¹ Неправедный суд. С. 131; Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. С. 42, 128–129.
- ¹³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1074. Л. 7; Ф. 589. Оп. 3. Д. 15624. Л. 308–310, 315–316.
- ¹³³ См.: Медведев Ж. А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М., 2003. С. 81–82; Боршаговский А. М. Обвиняется кровь. М., 1994. С. 123, 132, 134, 137, 353–357; Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 340–341; Левашов В. В. Убийство Михоэlsa, М., 2002.
- ¹³⁴ ГАРФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 916. Л. 29; Неправедный суд. С. 178.
- ¹³⁵ Pinkus V. Op. cit. P. 164; Рид Д. Спор о Сионе. М., 1992. С. 449–450; Документы и материалы по истории советско-польских отношений в 12 т. Т. 8. М., 1974. С. 467–472; Говрин Й. Израильско-советские отношения. 1953–1967. М., 1994. С. 174; Советско-израильские отношения. Кн. 1. С. 164; Мицель М. Евреи Украины в 1943–1953: Очерки документированной истории. Киев, 2004. С. 86–99.
- ¹³⁶ ЦАФСБ РФ. Следственное дело ЕАК. Обвинительное заключение. С. 2.
- ¹³⁷ Неправедный суд. С. 377.
- ¹³⁸ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 15624. Л. 358.
- ¹³⁹ Меир Г. Моя жизнь. Автобиография. В 2-х кн. Израиль, 1989. Кн. 2. С. 281–282; Советско-израильские отношения. Кн. 1. С. 427.
- ¹⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 6188. Л. 12–26.
- ¹⁴¹ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 6188. Л. 10–11.
- ¹⁴² Государственный антисемитизм в СССР. С. 162; Сто сорок бесед с Молотовым. С. 473.
- ¹⁴³ Хрущев Н. С. Воспоминания // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 60.
- ¹⁴⁴ Источник. 1998. № 3 (34). С. 119–123.
- ¹⁴⁵ ЦАФСБ РФ. Материалы проверки по делу ЕАК. Т. 1. Л. 23.
- ¹⁴⁶ Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 2000. С. 64; Аргументы и факты. 1993. № 20; Некрасов В. Ф. Тринадцать «железных» наркомов. М., 1995. С. 289–290.
- ¹⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1090. Л. 16; Д. 1091. Л. 22; Оп. 162. Д. 46. Л. 19–21; Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2003. С. 658–660.

- ¹⁴⁸ Государственный антисемитизм в СССР. С. 502–519.
- ¹⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 20. Л. 224; Оп. 119. Д. 662. Л. 113–115.
- ¹⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 639. Л. 10–18.
- ¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 639. Л. 10–18; Литературная газета. 1989. 18 октября; Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937–1953 гг. М., 2001. С. 356–362, 522–525; Неправедный суд. С. 11.
- ¹⁵² Государственный антисемитизм в СССР. С. 178–180.
- ¹⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 48. Л. 2–21, 80; Неправедный суд. С. 11.
- ¹⁵⁴ Неправедный суд. С. 11–22.
- ¹⁵⁵ Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. С. 144–149.
- ¹⁵⁶ Исторический архив. 1994. № 1. С. 59.
- ¹⁵⁷ Неправедный суд. С. 380.
- ¹⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1096. Л. 9; Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 40.
- ¹⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 877. Л. 18–19.
- ¹⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 229. Л. 4.
- ¹⁶¹ Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. С. 155–156.
- ¹⁶² Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. С. 159.
- ¹⁶³ Государственный антисемитизм в СССР. С. 234–239.
- ¹⁶⁴ Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. С. 157–161.
- ¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 389. Л. 71–72, 158–164; Государственный антисемитизм в СССР. С. 254–259.
- ¹⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 239. Л. 4–6, 11–17, 19–26.
- ¹⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 240. Л. 162.
- ¹⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 49. Д. 3003. Л. 10, 23; Биробиджанская звезда. 1993. 20 апреля.
- ¹⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 343. Л. 196.
- ¹⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 597. Л. 44–45.
- ¹⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 49. Д. 3000. Л. 48.
- ¹⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1702. Л. 187–192, 194–196, 203–204; Оп. 118. Д. 39. Л. 105–110; Д. 428. Л. 40–53; Ф. 589. Оп. 3. Д. 6592. Л. 59.
- ¹⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 428. Л. 46.
- ¹⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 428. Л. 65–66.
- ¹⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 240. Л. 161; Оп. 119. Д. 1053. Л. 108.
- ¹⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 6592. Л. 154–160, 169, 175.

Глава 4. УНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ ЧИСТКИ (1949–1953)

Механизмы кадрового вытеснения

Исподволь начавшаяся в конце 1930-х годов негласная антиеврейская аппаратная чистка, несколько усилившись в годы войны и сразу после нее, до осени 1948 г. велась в ограниченных масштабах, в основном в сфере, курировавшейся Агитпропом ЦК. Причем, в ходе такого кадрового регулирования использовались в основном методы общественно-административные (увольнения с работы, исключения из партии), а полицейско-репрессивные (аресты) почти не практиковались. Так что тогда жертвы гонений по «пятому пункту» отделялись малой кровью.

Однако по мере резкого ужесточения режима стал нарастать и административный пресс в кадровой политике. Буквально с первых дней 1949 г. ведущие партийные издания «Правда» и «Большевик» запестрели такими «мобилизующими» заголовками: «О большевистском методе руководства хозяйственными органами», «Неустанно улучшать дело подбора и расстановки кадров» и т. п.¹ Конечно, это предпринималось не только, а, может быть, и не столько ориентируясь на интеллигенцию и служащих еврейского происхождения, сколько ради усиления контроля верховной власти над аппаратом управления в целом. По сути, Сталин инициировал фронтальное наступление против становившейся все более влиятельной бюрократии, что официально мотивировалось необходимостью борьбы с хозяйственными злоупотреблениями, семейственностью, кумовством и землячеством в структурах управления. Подобное «приведение в чувство» номенклатурной «проклятой касты» Сталин, заботясь о популяризации своего имиджа хозяина и поддержания управленческого аппарата в «рабочем состоянии», проводил регулярно, круша nepотизм, чиновничью коррупцию и круговую поруку. Правда, делал он это прибегая зачастую к ничем неоправданным кровопусканиям, иногда весьма обильным. Один из

правофланговых этого завинчивания административных гаек руководитель ОПиА Д. Т. Шепилов вспоминал впоследствии: «Вокруг каждого высокопоставленного работника образуется артель “своих людей” – “рязанских”, “тамбовских”, “украинских”, “наркомтяжпромовских” <...> В практике они именовались <...> “маленковский человек”, “хрущевский человек”»².

В министерствах, ведомствах, многочисленных конторах существовала, конечно, и «еврейская» семейственность. Это так называемое еврейское засилье, которое, собственно, и стало потом основной мишенью чистки, в определенной мере являлось своеобразным проявлением групповой солидарности нацменьшинства, продиктованной необходимостью выживания и самосохранения в условиях все более усилившейся официальной юдофобии. Та же антикосмополитическая пропагандистская акция начала 1949 г. имела ощутимый антисемитский подтекст. Она знаменовала собой переход власти к более жесткой административно-силовой парадигме руководства, что проявилось в возрастании роли госбезопасности в проведении кадровых чисток. Тогда руководитель МГБ Абакумов стал регулярно направлять Сталину и в ЦК информацию о проверках кадрового состава в организациях и на предприятиях страны. Вновь, как в 1930-е гг., пропагандистские кампании партаппарата стали сопровождаться «активными мероприятиями» госбезопасности с последующей фабрикацией политических дел и проведением судебных процессов (только теперь закрытых).

Именно с весны 1949 г. кадровая чистка с антисемитским подтекстом стала стремительно выходить за рамки идеологической сферы, становясь все более универсальной. В полной мере это проявилось после подписания Сталиным 21 июня 1950 г. постановления Политбюро «О мерах по устранению недостатков в деле подбора и воспитания кадров в связи с крупными ошибками, вскрытыми в работе с кадрами в Министерстве автомобильной промышленности», которое, кроме того, привнесло в спонтанное до того «выдавливание» евреев из управленческой сферы систематичность и планомерность. Первоначальный вариант этой директивы, обобщившей предшествовавшую практику борьбы с «еврейским засильем» в аппаратных структурах, был подготовлен М. А. Суловым и подчиненным ему аппаратом Агитпропа. Однако Сталин отклонил эту заготовку за ее неприкрытый, даже «топорный», а значит и саморазоблачительный антиеврейский пафос. Проект был переработан в лучших традициях советской аппаратной казуистики: сохранив скрытый антисемитский

подтекст, он уже не содержал не только никаких упоминаний о евреях, но даже ссылок на пресловутый «национальный признак». Однако новая редакция директивы содержала важное конкретное положение, обязывавшее министерства и ведомства ежегодно представлять в ЦК отчеты о национальном составе служащих, в которых, как потом стало очевидным, власти интересовали прежде всего количественные сведения о евреях³.

По сути, рассылкой этой закрытой директивы в обкомы, крайкомы, ЦК союзных республик, министерства и ведомства в повседневную практику вводился (в завуалированной форме) институт целенаправленных и систематических антиеврейских кадровых чисток, что практически означало негласную легитимацию антисемитизма как официальной политики. В результате кадровый остракизм евреев-управленцев окончательно универсализировался. Их стали изгонять уже из всех сфер, в том числе экономической, начиная с «оборонки» и кончая легкой и пищевой промышленностью. Теперь каждое министерство и ведомство раз в году отчитывалось перед ЦК об «улучшении» национальной структуры управленческих кадров, под которым подразумевалось постепенное сокращение «еврейского» процента. Превратившись, таким образом, в фактическое основание для увольнения евреев, «пятый пункт», тем не менее, как и прежде, формально не мог быть открыто использован в качестве такового. Администрации категорически запрещалось ссылаться на него и тем более на соответствующие указания свыше, ей следовало мотивировать свои действия такими, например, благовидными предложениями, как наличие родственников за границей, невыполнение (плохое выполнение) функциональных обязанностей, действительные (мнимые) злоупотребления и т. п. Когда же некоторые местные начальники, отбросив лицемерный камуфляж, начинали действовать, что называется, с открытым забралом, их жестко одергивали, даже иногда изгоняли со службы*.

Вот табличная выжимка из составленного в ЦК в начале 1952 г. сборника «Руководящие кадры партийных, советских, хозяйственных и других органов...», отображавшего отрицательную послевоенную динамику представительства евреев в управлении⁴.

* Когда в 1951 г. на Одесском судостроительном заводе им. А. Марти администрация попыталась уволить сразу 26 руководящих работников-евреев, причем даже без выдвижения формальных «законных» оснований, ЦК ВКП(б), чтобы погасить возникший скандал, снял с работы инициаторов этой акции — директора завода С. Л. Сойфера и парторга Н. А. Сокирко (РГАС-ПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 724. Л. 127; Д. 895. Л. 138, 142; Д. 917. Л. 44–50).

Названия должностей	Количество евреев-руководителей			
	в абсолютных цифрах		в процентах	
	на 01.01.1945/46+	на 01.01.1952	на 01.01.1945	на 01.01.1952
Руководящие кадры центрального аппарата министерств и ведомств СССР и РСФСР*	516	190	12,9	3,9
Зам. министров, зам. руководителей ведомств СССР и РСФСР	46	14	8,7	1,8
Начальники главных и центральных управлений министерств и ведомств СССР и РСФСР	98	25	14,8	3,2
Руководящие кадры предприятий истроек	481	190	11,2	4,6
Директора пром. предприятий	261	92	12,3	4,6
Руководящие кадры союзных объединений, трестов и контор	223	91	10,9	5,6
То же, НИИ, КБ и проектных организаций	47	29	10,8	2,9
Руководящие кадры центральной печати	33+	26	10,7	5,4
То же, вузов и партшкол	80	59	10,9	3,1
Секретари обкомов, крайкомов и ЦК и ЦК КП союзных республик	10	1	1,3	0,1
Первые секретари обкомов, крайкомов и ЦК союзных республик	1	—	0,6	—
Руководящие кадры областных, краевых и республиканских советских, хозяйственных и других организаций	255	76	3,9	1,5
ИТОГО:	2051	793	100	39

* Имеются в виду главы Верховных Советов, Советов министров СССР и РСФСР, министры, другие руководители ведомств СССР и РСФСР, их заместители, начальники основных подразделений министерств и ведомств и их заместители, руководство ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, члены Верховных судов СССР и РСФСР, а также их военных коллегий, цензоры Главлита, следователи по особо важным делам Прокуратуры СССР и МГБ СССР, военные прокуроры, помощники министров, члены секретариата ССП, радиокомментаторы и некоторые другие высокопоставленные должностные лица.

Таким образом, представительство евреев в советской номенклатуре с 1945 г. сократилось к началу 1952 г. более чем на 60 %.

Однако все эти аппаратные пертурбации меньше всего затронули евреев, пребывавших в высшей управленческой элите. Это объяснялось тем, что их было относительно мало, и они были на виду, как бы демонстрируя собственным примером «торжество сталинской национальной политики». Если в 1946 г. в Верховный Совет СССР было избрано 15 евреев* (1,20 % от всех депутатов), то после выборов 1950 г. – только 8 (0,69 %). В этом проявились присущие советскому аппаратному антисемитизму постепенность и дозированность. Ликвидируй Сталин полностью представительство евреев в верхнем слое партийно-государственной номенклатуры, он лишился бы наглядного подтверждения «несостоятельности западной пропаганды о якобы наличии антисемитизма в первой стране социализма». К тому же, он не сомневался в личной преданности оставшихся наверху евреев, счет которых велся на единицы.

Именно благодаря абсолютной приверженности вождю уцелел в ходе репрессий и сохранил членство в Политбюро самый высокопоставленный еврей страны Л. М. Каганович. Однако в послевоенный период он не был секретарем ЦК, а, значит, и не таким влиятельным, как в 1920–1930-е гг.; да и не входил уже в близкое окружение Сталина, хотя оставался одним из заместителей последнего как главы правительства и занимал пост председателя Госснаба СССР.

К старшему брату Лазаря Кагановича Юлию, который в 1937 г. стал первым секретарем Горьковского обкома партии, а с 1938-го в течение семи лет был заместителем наркома внешней торговли, фортуна была менее благосклонна. В 1945 г. он неожиданно получил незавидное назначение торгпредом в отдаленную Монголию. Через два года, правда, ему удалось возвратиться в Москву, где он стал председателем всесоюзного объединения «Международная книга», однако в разгар антикосмополитической кампании он этого

* Это Л. М. Каганович, Л. З. Мехлис, Р. С. Землячка, Р. Д. Быков (министр госбезопасности Башкирии, в годы войны принимал участие в руководстве депортацией некоторых народов Кавказа), Г. Б. Эйдинов (заместитель председателя Совета министров Белоруссии), наркомы СССР Б. Л. Ванников, С. З. Гинзбург, Б. А. Двинский, директор Челябинского тракторного завода И. М. Зальцман, 1-й секретарь Кемеровского обкома партии С. Б. Задонченко, С. А. Лозовский, М. И. Шевелев (герой-полярник), А. Н. Бахмутский, Ш. М. Кочина (колхозница из ЕАО). Депутатом Верховного Совета СССР был и замминистра иностранных дел Литвинов, который писал в анкетах «русский».

поста лишился. Утративший бывшее могущество Л. М. Каганович не смог защитить брата, но зато отстоял свою жену Марию Марковну, которая благодаря этому продолжала руководить ЦК профсоюза рабочих трикотажной промышленности, возглавлявшимся ею с 1934 г. Однако другую гранд-даму советского истеблишмента, Д. М. Хазан, чей постоянно болеющий муж А. А. Андреев во многом только номинально был членом Политбюро, председателем КПК при ЦК ВКП(б) и заместителем председателя Совета министров СССР, антиеврейская чистка не пощадила. Ее, занимавшую с конца 1930-х посты замнаркома легкой, а потом текстильной промышленности, к началу 1949 г. понизили до поста директора Центрального научно-исследовательского института шерстяной промышленности Минлегпрома СССР. Однако и в этом кресле Хазан долго не задержалась. В сентябре ее изгнали из института по настоянию министра легкой промышленности А. Н. Косыгина, оценившего ее работу как «совершенно неудовлетворительную»⁵.

В том же году, возможно, под влиянием усилившихся гонений на евреев серьезно заболел Л. З. Мехлис, руководивший с 1940 г. Наркоматом (министерством) госконтроля СССР. Так и не оправившись от недуга, он в октябре 1950 г. вынужден был передать свой пост человеку Берии В. Н. Меркулову. Несколькими месяцами ранее произошла замена и главы Минпромстройматериалов СССР С. З. Гинзбурга, правда, уже 28 июня он получил назначение на другую, менее значимую должность замминистра строительства предприятий машиностроения СССР. Новый министр промышленности стройматериалов П. А. Юдин сразу же представил в ЦК предложения по почти полному обновлению кадрового состава руководителей, принятых на работу его предшественником. Поскольку прежнего министра упрекали в семейственности и подборе кадров по принципу личного знакомства, то его соплеменники стали первыми кандидатами на увольнение. Тогда очень скоро получили расчет замминистра И. З. Рыхлецкий, начальники главков и управлений Н. И. Ференс, А. А. Лукацкий, С. И. Данюшевский и др.⁶

Одновременно с заменой Гинзбурга на Юдина произошла еще одна кадровая рокировка, парадоксальная вроде бы на первый взгляд. Дело в том, что на освободившееся после «передвижки» Юдина место – пост министра строительства предприятий тяжелой индустрии СССР – неожиданно назначили Д. Я. Райзера. Трудно понять, почему Сталин, взявший курс на очищение аппарата от евреев, сделал исключение для этого представителя гонимой национальности. Возможно, это было с его стороны пропагандистским жестом, имевшим целью

успокоить общество, встревоженное слухами об усилении антисемитизма в стране. Но, скорее всего, идя на такой шаг, диктатор руководствовался прагматическими соображениями, вняв совету Берии, который курируя возведение высотного здания на Смоленской площади и хорошо зная участвовавшего в этом строительстве Райзера, мог охарактеризовать его как незаурядного специалиста и хорошего организатора. Не исключено, что протекцию Райзеру составил также его друг И. Ф. Тевосян, которого Сталин назначил в 1949 г. своим заместителем в Совете министров СССР.

Однако после того как Райзеру было доверено руководство Министерством строительства предприятий тяжелой промышленности, ЦК и МГБ существенно усилили контроль над кадровой ситуацией в этом ведомстве. С целью «антисионистской профилактики» в октябре 1950 г. там был снят с весьма важного поста начальника канцелярии Л. З. Шуб, увольнение которого официально мотивировалось «необходимостью укрепления этого участка более сильным работником». А несколько месяцев спустя к партийной ответственности был привлечен заместитель Райзера В. Е. Дымшиц. Впоследствии, при Хрущеве и Брежнев, он станет видной фигурой в советском хозяйственном истеблишменте, а пока его обвинили в том, что, руководя в 1946–1950 гг. на Украине трестом «Запорожстрой», он покровительствовал евреям, наводнив ими управленческие структуры этой организации. Да и придя потом в министерство, снова нарушил «большевистские принципы подбора кадров, приняв на работу лиц, не заслуживающих политического доверия», о чем 16 сентября 1952 г. ЦК принял постановление «О недостатках в работе с кадрами в Министерстве строительства предприятий тяжелой металлургии»⁷.

В целом те, кто входил в узкий круг евреев, пользовавшихся особым доверием Сталина (в первую очередь из числа технократов), пострадали от чистки конца 1940-х – начала 1950-х гг. значительно меньше, чем их соплеменники, находившиеся на более низких ступенях иерархической лестницы. Однако это не означало, что еврейская суперэлита была застрахована от неприятных сюрпризов со стороны властей. Скажем, «кураторы» из ЦК упорно пытались убрать с поста министра заготовок СССР Б. А. Двинского, оказавшегося из-за своих давних кремлевских связей «крепким орешком»: с конца 1920-х был помощником Сталина, а в 1930–1937 гг. – заместителем А. Н. Поскребышева, опять же в личной канцелярии вождя. Тем не менее, несмотря на такую близость Двинского к Сталину, ЦК все же добился своего, благо летом 1950 г. туда от замминистра заготовок по кадрам

В. В. Немыкина поступила записка, в которой «вскрывались» «серьезные недостатки и ошибки в деле подбора и расстановки руководящих кадров» в этом ведомстве. Выяснилось, что некоторые работники-евреи одного из заготовительных объединений министерства «ведут себя подозрительно»: «собираются в служебном помещении для чтения литературы на еврейском языке <...> ведут разговоры между собой не на русском, а еврейском языке, организовали сбор денег <...> на венок артисту Михозлсу <...> и глубокой ночью, втайне организовали посещение его могилы...». В сентябре ЦК принял постановление «О недостатках в работе с кадрами в Министерстве заготовок», и в октябре Двинского освободили от обязанностей министра. Его место занял секретарь ЦК Пономаренко. Назначение на этот министерский пост столь высокопоставленного и известного своей жесткостью по отношению к евреям чиновника свидетельствовало о том, что кадровая ситуация в министерстве заготовок была сочтена серьезной. Учитывая прежние заслуги Двинского перед партией, ему доверили почетную, но лишённую реальной власти должность заместителя председателя бюро при Совете министров СССР по сельскому хозяйству и заготовкам⁸.

Основной удар в ходе чистки пришелся по среднему, наиболее многочисленному слою еврейской элиты – управленцам, начиная с замминистров и далее по нисходящей, а также журналистам, профессуре, другим представителям творческой интеллигенции. Создавалось впечатление, что, расправившись одним махом в начале 1949 г. с еврейской культурой и ее представителями, власть высвободила руки, чтобы вплотную заняться обрусевшими евреями, подозревавшимися в сочувствии к репрессированным носителям национальной культуры, объявленным буржуазными националистами. Даже оторванность от национальных корней не спасала их от преследований. Во многом оказался прав Г. П. Федотов, писавший в 1940 г., что «ассимилированное еврейство все еще еврейство, и враг сумеет распознать его»⁹.

Не ведая о первопричине свалившейся на их головы беды, некоторые из таких «деэтнизованных» евреев-интеллигентов апеллировали к руководству страны, чаще всего к Берии, слышавшему покровителем нацменьшинств. Некая С. Р. Хляп писала ему в ноябре 1949-го: «От своего имени честного советского гражданина и коммуниста, от имени моего погибшего в боях с фашизмом сына, от имени моей сестры, заживо захороненной с ее двумя детьми нацистами, через Вас шлю проклятие всем замаскированным фашиствующим нацистам – великорусским шовинистам, антисемитам нашим, которые возродили в

нашей стране <...> замаскированную процентную норму для евреев, которых увольняют с работы и не берут на работу <...> только потому, что они евреи. <...> Товарищ Сталин, помогите <...> задыхаюсь от великорусского шовинистического антисемитского гнета, ни жить, ни работать не могу...»¹⁰.

В то время как одни интеллигенты-евреи протестовали, другие, морально сломленные террором против «буржуазных националистов», социально мимикрировали. Спасение они видели в отказе от еврейства. Однако, поскольку с конца 1930-х гг. чистокровным евреям сделать это официально было невозможно, некоторые, чтобы стать «русскими», прибегали к рискованным хитростям и ухищрениям. И если до войны изобличенным в нелегальной смене национальности грозил средней тяжести нагоняй, то с конца 1940-х – крупные неприятности. Когда в 1938 г. первый секретарь ЦК КП(б) Украины Хрущев доложил Сталину, что первый секретарь Днепропетровского обкома партии С. Б. Задионченко вовсе не Задионченко и не украинец, как он себя представлял, а еврей Зайончик, вождь воспринял это «довольно спокойно», но за «неискренность перед партией» все же понизил разоблаченного функционера до завотделом обкома. Правда, уже в начале войны тому было доверено партийное руководство Сталинской областью, затем Башкирией и потом Кемеровской областью. В 1948 г. Задионченко даже назначили первым замминистра заготовок СССР, однако в 1951-м в ходе антиеврейской чистки сняли, переведя на рядовую должность в аппарат ЦК¹¹.

В аналогичной ситуации 1948 года действия властей были жестче и решительней. Разоблаченный в сокрытии своего еврейства замминистра электропромышленности А. И. Товстопалов был немедленно снят с работы как «не заслуживающий доверия». Таким же образом в 1950 г. поступили и с начальником главстройнаба Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР А. И. Слудским. Причем при разбирательстве персонального дела в КПК тому не помогла ссылка на то, что, приняв православие еще до революции, он по законам Российской империи был приравнен к русским, и таковым продолжал считать себя и в последующем¹².

Таким образом, возникла тупиковая и парадоксальная ситуация: если при царе евреи могли избежать гонений, перейдя в христианство или эмигрируя из страны, то при Сталине они лишились даже этих возможностей. Получалось, что множеству евреев, искренне уверовавших в официальную пропаганду объективной «прогрессивности» ассимиляции и в результате обрусевших, режим отказывал в как бы заслуженном и представлявшемся простой формальностью

праве – слиться с тем народом, с языком и культурой которого они полностью сроднились. Желая прояснить такое противоречие, некто профессор Р. Белкин, видимо памятуя, что Сталин, будучи чистокровным грузином, отождествлял себя с русскими, обратился к нему в июле 1952 г. с двумя вопросами: «1. Правильно ли определять национальность граждан СССР по их национальному происхождению, то есть по национальной принадлежности родителей, а не по основным признакам нации, которые сформулированы Вами в Вашем классическом определении нации? 2. Имеет ли право гражданин СССР изменять в установленном порядке свою анкетно-паспортную национальную принадлежность, если по всем признакам, характеризующим нацию (родной язык, территория, на которой вырос и живет данный гражданин, условия экономической жизни и психический склад, проявляющийся в общности культуры), он принадлежит к другой нации, чем его родители, по национальности которых определена его национальная принадлежность?». Послание завершалось еще двумя вопросами-пожеланиями: «Не пришло ли время предоставить право определения национальной принадлежности по языку, культуре, быту, сознанию общности с данной нацией, а не по биологическим признакам, не по национальности предков? Не пришло ли время ликвидировать искусственное паспортное обособление русских людей еврейского происхождения от русского народа и тем самым разорвать формальную связь – связь <...> существующую между лицами еврейского происхождения, живущими в СССР и являющимися по существу русскими людьми, и зарубежными евреями?».

Запрос профессора попал в аппарат ЦК, где к нему отнеслись чрезвычайно серьезно, направив на экспертную оценку в академические институты философии и языкознания. Потом на основании полученных заключений чиновники ЦК разъяснили заявителю, что советские граждане не имеют права «произвольно изменять в официальных документах свою национальную принадлежность», пусть даже с нею их связывает только фамилия и отдаленное прошлое; только их детям от смешанных браков будет позволено сделать это, а кардинальное решение поднятой им проблемы произойдет после победы коммунизма во всем мире, когда в соответствии с учением марксизма-ленинизма отомрет деление людей на национальности¹³.

Из этого примера следует, что этническая принадлежность стала для сталинского режима социальным маркером, который использовался в том числе и для скрытой дискриминации по национальному признаку.

Удаление евреев из сферы идеологии

В пропагандистской вотчине партии (редакциях газет, журналов, издательствах, учреждениях культуры и искусства, гуманитарных академических институтах и т. п.) политика остракизма в отношении евреев резко обозначилась уже с начала 1949 г. В наибольшей степени, по самоочевидной причине, он проявился в редакции «Правды» – центральном печатном органе партии. Там с 1 по 5 марта имел место изматывающий марафон партийного собрания, выявивший, что в коллективе «свила <...> гнездо группа в составе С. Р. Гершберга, Л. К. Бронтмана, Б. Р. Изакова, А. Э. Корнблюма, Д. Г. Коссова и <...> других руководящих работников, которые активно поддерживали космополитов». Этим людям обвинили также в групповщине по национальному принципу и связях с ЕАК. Гершбергу, Бронтману и Я. З. Гольденбергу (Викторову), в частности, вменили в вину «протаскивание» на страницы «Правды» «рекламных материалов» о «враге народа» Шимелиовиче. Организаторы партийного судилища, не пожалев времени, тщательно просмотрели старые подшивки и установили, что начиная с 1939 г. в «Правде» было опубликовано 16 заметок с такими материалами. Под угрозой увольнения Гольденберг вынужден был покаяться в том, что не дал должного отпора «националисту» Михоэлсу. Правда, в свое оправдание припомнил, что когда во время войны тот упрекнул его в сокрытии еврейства посредством псевдонима «Викторов», он парировал: «...из-за своего [национального] ущемления вы, Михоэлс, играете только на еврейском языке», за что в ответ был назван «старым ассимилятором»¹⁴.

Другого правдиста, Корнблюма, уличили в связях с одним из «вожачков и идеологов буржуазно-космополитической банды» Юзовским, чью книгу «Образ и эпоха» он «восхвалял» в рецензии. Но самое главное, Корнблюму не могли простить критику в адрес руководителей литературного отдела «Правды» писателей Б. Н. Полевого и В. М. Кожевникова. Последний, выступив на собрании, заявил, что Корнблюм – родственник (шурин) драматурга В. М. Киршона, «врага народа», расстрелянного в апреле 1938 г. В 1950 г. Корнблюма арестовали, обвинив в сообщничестве с группой «еврейских националистов», «вскрытой» на Московском автомобильном заводе им. Сталина, где журналист работал до войны в заводской многотиражке, а потом в выездной редакции «Правды»¹⁵.

Серьезные партийные взыскания получили международный обозреватель «Правды» Изаков и заместитель заведующего экономическим отделом редакции Коссов. Первый за то, что в 1948 г. ходатайс-

твовал вместе с другими об освобождении Л. З. Копелева. Второй, как следовало из доноса редактора «Советского искусства» Вдовиченко, скрывал родство с американской журналисткой А. Л. Стронг, которая в августе 1948-го с разрешения Политбюро приехала в СССР, но в феврале 1949-го была арестована в Москве и выслана из страны как американская шпионка¹⁶.

Досталось и сталинскому любимцу, гранду советской партийной журналистики и бывшему бундовцу (в 1902–1919 гг.) Д. И. Заславскому. Ему пришлось повиниться за то, что состоял в ЕАК, и, «не проявив политической бдительности», приобрел абонемент в Еврейский театр. 25 марта Заславскому пришлось также выступить с аналогичным покаянием и в стенах Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Однако там ему припомнили среди прочего, что в середине 1930-х гг. он поместил в «Правде» восторженную рецензию на постановку в ГОСЕТе «Короля Лира» и назвал сыгравшего заглавную роль Михоэлса гениальным артистом. Заславский должен был объяснить и по поводу своего выступления в 1948 г. на вечере, посвященном памяти Михоэлса, после которого ему даже было предложено стать председателем ЕАК. За грехи прошлого Заславского вывели из редколлегии «Правды» и отстранили от руководства кафедрой журналистики ВПШ¹⁷.

Чтобы не быть заподозренными в сочувствии к тем, кто попал под огонь критики, некоторые работники «Правды» из числа евреев не упустили случая показать себя бескомпромиссными обличителями космополитизма. Особенно рьяно выказал себя в этом качестве международный обозреватель «Правды» Я. С. Хавинсон, предложивший на партсобрании собственную – созвучную с официальной – версию возникновения еврейской проблемы в СССР: «Лидеры американского империализма из числа еврейской буржуазии используют многочисленные каналы для того, чтобы привить яд националистического шовинизма определенной прослойке еврейского населения в нашей стране, используя в этой части родственное влияние значительного количества евреев в США, вышедших из России, с тем, чтобы через эти каналы, через эти связи проводить свою идеологию и насаждать свою агентуру. Под влиянием внешних воздействий контрреволюционные националистические элементы решили, что настало время поднять голову, чтобы попытаться здесь, внутри определенной еврейской прослойки, среди еврейского населения насадить свою агентуру внешних империалистических сил. Значительная группа еврейских деятелей среди критиков-космополитов примыкает к этим националистическим группировкам»¹⁸.

Хавинсон имел богатый опыт выживания в условиях репрессивной сталинской системы. В августе 1936 г. он был назначен заместителем ответственного руководителя ТАСС, где с началом «большого террора» развил бурную деятельность по разоблачению «врагов народа». В июне 1937 г. он написал Сталину о том, что заграничные корреспонденты и многие сотрудники центрального аппарата ТАСС «не внушают политического доверия», а в 1939 г. вынес тот же вердикт руководителю агентства Я. Г. Долецкому, вскоре арестованному. После чего руководителем агентства был назначен Хавинсон. Однако в середине 1943 г., то есть в самый разгар «щербаковской» антиеврейской чистки учреждений пропаганды и культуры, Хавинсон, обзаведшийся по указанию сверху псевдонимом «Маринин», был изгнан из ТАССа. Как говорят, непосредственным поводом к увольнению послужил грубый разнос, учиненный Хавинсону Сталиным, возмущенным тем, что руководитель главного информационного агентства страны не смог перевести ему телеграмму У. Черчилля. Оказавшись после этого в редакции «Правды», Хавинсон был введен в состав ее редколлегии¹⁹. Проявив себя активным разоблачителем «космополитов», Хавинсон сумел сохранить руководящее положение в газете. В июне 1950 г. он совместно с сотрудником Института истории АН СССР В. Б. Луцким представил в ЦК статью «Сионизм на службе англо-американских поджигателей войны», в которой утверждалось, что «зверства еврейско-фашистских сионистских банд в отношении мирного арабского населения превзошли злодеяния гитлеровских убийц». Но поскольку советско-израильские отношения были еще сносными, просматривавший текст М. А. Суслов вычеркнул эту фразу, видимо, сочтя ее чрезмерно резкой²⁰.

В итоге многодневных партийных бдений в редакции «Правды» 11 марта 1949 г. из газеты были уволены Гершберг, Бронтман, Изаков, Корнблум. Другие сотрудники, которых критиковали за связь с космополитами, – Гольденберг, Заславский, Н. М. Мордкович – отделались выговорами по партийной линии. «Улучшив» таким образом «кадровое лицо» редакции, руководство «Правды» доложило 13 марта в ЦК о том, что среди литературных сотрудников центрального аппарата газеты значатся 107 русских, 6 украинцев, 22 еврея и 3 представителя других национальностей²¹.

Эти показатели еще более «оптимизировались» после того как 19 мая по предложению П. Н. Поспелова, который как главный редактор «Правды» осуществлял общее руководство дочерним сатирическим журналом «Крокодил», был снят с работы член редколлегии

этого издания Г. Е. Рыклин, обвиненный в распространении абонементов ГОСЕТа и оказании другой помощи этому театру. Это был второй удар по Рыклину: 6 сентября 1948 г. его отстранили от должности главного редактора «Крокодила» за то, что якобы пошел на поводу у «кучки безответственных сатириков» – Л. С. Ленча (Попова), Э. Кроткого (Э. Я. Германа), Б. С. Ласкина и других²².

Однако проведенная Поспеловым кадровая чистка не укрепила его авторитета в глазах Сталина. Скорее, наоборот, вождь, и раньше недолюбливавший этого чиновника за рутинерство и облик кабинетного ученого, теперь еще больше в нем разочаровался, не почувствовав в его действиях должного рвения в закручивании идеологических гаек. На состоявшемся летом совещании в ЦК Сталин подверг Поспелова серьезной критике, заявив, что «Правду» трудно назвать органом ЦК, и что она никогда не находилась на таком низком уровне, как в последнее время. А вскоре последовали оргвыводы: 30 июля 1949 г. Поспелова отправили руководить идеологически периферийным Институтом Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). Новым главным редактором «Правды» утвердили Суслова, а его первым заместителем – Ильичева²³.

В ноябре 1951 г. Суслов направил Маленкову проект постановления ЦК «О мерах укрепления редакции газеты “Правда”, в котором под благовидным предлогом («в связи с переходом на другую работу») настаивал на удалении из газеты Гольденберга, Заславского и Хавинсона. Разыграть антиеврейскую карту на сей раз подвигло Суслова, скорее всего, желание поквитаться с Ильичевым, который ранее, 23 июня, смог добиться передачи себе полномочий главного редактора «Правды». Но Маленков, видимо, спустил этот проект на тормозах, поскольку покровительствовал Ильичеву²⁴.

То, что произошло в 1949-м в редакции главного пропагандистского рупора партии, потом многократно повторялось, с некоторыми вариациями, в других газетах и журналах. Кадровые экзекуции повсюду осуществлялись в основном по шаблонному сценарию Агитпропа, руководство которого отнюдь не смущало подобное единообразие, но зато серьезно беспокоила возможная «самодеятельность снизу», чреватая нежелательными «искривлениями партийной линии в национальном вопросе». Случалось, что чрезмерно твердолобые и усердные исполнители проявляли антисемитизм слишком явно и тем самым невольно «подставляли» власть. Чаще всего этим «грешили» главпуровские политработники, которые с армейской прямолинейностью следовали новым, исходившим от верхов кадровым веяниям и нередко с излишним усердием проводили идеологическую линию

партии на страницах подведомственных изданий, например, «Красного флота» – газеты военно-морских сил.

Еще осенью 1947 г. оттуда были уволены «по сокращению штатов» Е. И. Каменецкий, И. В. Бару (критиковал зубодробительный тон статей о бывших англо-американских союзниках) и разъездные корреспонденты Г. С. Новогрудский и М. Б. Чарный, выступившие против нападков на Ахматову и Зощенко. Антикосмополитическая кампания еще больше разожгла антисемитский энтузиазм в стенах этой редакции. В ходе партийного собрания, проходившего там с 16 по 19 марта 1949 г., некоторые выступавшие, критикуя коллег, начали нарочито подчеркивать их этничность: «еврей Поневежский», «еврей Рудный», «еврей Ивич» и т. д. Но дальше всех пошел начальник отдела партийной жизни капитан 1-го ранга Пащенко, прямо заявивший: «Так же, как весь немецкий народ несет ответственность за гитлеровскую агрессию, так и весь еврейский народ должен нести ответственность за действия буржуазных космополитов». Возмущенный такой откровенно антисемитской эскападой заместитель ответственного секретаря «Красного флота» С. А. Лившиц написал Сталину. Однако его послание до вождя не дошло: Поскребышев переслал его Маленкову, который инициировал формальное служебное расследование. Как и следовало ожидать, ревизоров из ЦК вполне удовлетворило признание Пащенко своего выступления политически ошибочным, и на этом досадный инцидент сочли исчерпанным. Но зато потом, когда страсти улеглись, администрация без лишнего шума стала по одному убирать из редакции беспокойных евреев. В июне был уволен ответственный секретарь газеты И. Д. Сахновский. Такая же участь, по всей видимости, постигла и искавшего справедливости у Сталина Семена Лившица. Не исключено, что его могли и арестовать, как например, бывших сотрудников газеты Л. А. Ивича, С. М. Занде (расстреляны в апреле 1950 г.), А. С. Поневежского, Е. И. Каменецкого, М. В. Уманскую, И. Д. Сахновского, пострадавших за то, что поставляли в ЕАК материалы о евреях, служивших в военно-морском флоте²⁵.

Несколько иная ситуация сложилась в газете «Сталинский сокол», издававшейся политическим управлением военно-воздушных сил. Ее редактор Б. П. Павлов, наоборот, проявил «политическую беспечность», «мирволя враждебным и сомнительным элементам». В дело вмешалось МГБ, сотрудники которого 9 сентября 1949 г. арестовали литработника редакции Б. Л. Перельмутера, неосмотрительно заявившего, что борьба с космополитизмом напоминает ежовщину.

В. Ф. Зеленин. 1946 г.

Б. С. Преображенский:
фотопортрет, подаренный
Я. С. Темкину.
Декабрь 1946 г.

Товарищу С Т А Л И Н У И.В.

При этом представляю Вам заявление заведующей кабинетом электрокардиографии кремлевской больницы – врача ТИМАШУК М.Ф. в отношении состояния здоровья товарища Жданова А.А.

Как видно из заявления ТИМАШУК, последняя настаивает на своем заключении, что у товарища Жданова инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка и межжелудочковой перегородки, в то время как начальник Санупра Кремля ЕГОРОВ и академик ВИНОГРАДОВ предложили ей переделать заключение не указывая на инфаркт миокарда.

Приложение: – Заявление т.ТИМАШУК и электрокардиография товарища Жданова.

Н.С. Тимашук
АБАКУМОВ.

30 августа 1948 года.

Записка В. С. Абакумова И. В. Сталину с приложенным заявлением Л. Ф. Тимашук Н. С. Власику о лечении А. А. Жданова

Сек. СЕКРЕТНО 150

Товарищу Сталину

Докладываю Вам, товарищ Сталин, что во исполнение Ваших указаний от 5 и 13 ноября с.г. сделано следующее.

1. Доставлена из Владимирской тюрьмы в МВБ СССР жена Кузнецова для допроса ее по поводу бродительства в лечебно-и деле и преступных связей с работниками Лессанупра Кремля.
2. К Егорову, Виноградову и Василенко применены меры физического воздействия и усилены допросы их, особенно о связях с иностранными разведками.

Протоколы допроса Виноградова и Василенко представим 17 и 18 ноября.

3. Абакумов переведен из Лераторовской в Бутырскую тюрьму и содержится в ручных камерах. Расположение камер, в которой находится Абакумов, исключает возможность его связи с кем-либо из лиц, не имеющих отношения к его охране и допросам.

Абакумов охраняется людьми, не знающими его и неизвестными ему. Содержится Абакумов не под фамилией, а под присвоенным ему номером.

4. Подобраны и уже использованы в деле два работника, могущие выполнять специальные задания

(применять физические наказания) в отношении особо важных и особо опасных преступников.

5. Власик через руководство МВБ СССР вызван в Москву. После прибытия он будет спрошен о связях с Егоровым и известных ему фактах преступного отношения врачей к лечению руководящих работников.

6. План выгоды для нас ликвидации радиоизл, ведущихся с противником из Прибалтийских советских республик, представим Вам к 20 ноября. Эта работа возложена на тов. Рязного.

С. Д. Игнатьев

15 ноября 1952 года.

Записка С. Д. Игнатьева И. В. Сталину от 15 ноября 1952 г.

40 32

П Р И К А З

По I Московскому ордену Ленина Медицинскому Институту
г. Москва в 976-к от "15" Декабря 1952г
§ 1.

Зав. кафедрой Закулацкой терапии профессора
Виноградова В.Н., освободить от занимаемой должности
с 6-го ноября 1952 года, как не выполняющего работу.

ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА
профессор

М. П. Тельмин

М. П. Тельмин

Приказ об увольнении с работы арестованного В. Н. Виноградова

Продолжить работу, со-единяется!

СТРОГО СЕКРЕТНО

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ ВП7/83

19... г.

Выписка из протокола № 7 заседания Бюро Президиума ЦК от 9 января 1953 г.

83.- Об аресте группы врачей вредителей.

Одобрить проект сообщения в печати об аресте груп-
пы врачей вредителей и опубликовать его вместе со ста-
тьей "Правды" по этому вопросу.

БЮРО ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС

Постановление Президиума ЦК КПСС от 9 января 1953 г.

СЛЕДЫ ПРЕСТУПЛЕНИИ

Карикатура в журнале «Крокодил» (рис. Кукрыниксы).
Январь 1953 г.

иски в журнале не пом. в 2-ю часть Особого Сектора ЦК

В. Виноградов
С. Карпай

ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ

между арестованными ВИНОГРАДОВЫМ Владимиром Никитичем
и КАРПАЙ Софьей Евимовной

от 18 февраля 1953 года

Очная ставка начата в 23 часа

После взаимного опознания арестованные ВИНОГРАДОВ
и КАРПАЙ заявили, что знают друг друга с 1942 года по
совместной работе в Лечсанупре.

В. Виноградов
С. Карпай

ВОПРОС КАРПАЙ: Какие отношения у вас были с ВИНОГРА-
ДОВЫМ?

ОТВЕТ: Мои отношения с ВИНОГРАДОВЫМ Владимиром Ни-
китичем нормальные, личных счетов между нами не было.

С. Карпай

ВОПРОС ВИНОГРАДОВУ: Правильно говорит КАРПАЙ?

В. Виноградов
С. Карпай

Фрагмент протокола очной ставки арестованных В. Н. Виноградова
и С. Е. Карпай. Февраль 1953 г.

КОПИЯ

РАСЕКРЕЧЕНО

Письмо в редакцию «Правды»

Разоблачение японской банды врачей-убийц М. Востин, В. Виноградова, М. Богана, Б. Когана, П. Борова, А. Фельдмана, Я. Эттингера, А. Гринштейна, Г. Майорова раскрыло перед советским народом, перед всеми честными людьми мира чудовищные преступления этих врагов, действовавших под высшей ступенью.

Бредившие американско-английскими национальностями войны, что выродил сталкин перед собой даль, путем враждебного лечения, охранять жизнь активными действиями Советского Союза.

Врачи-преступники лишили жизни виднейших деятелей Советского государства А. А. Жданова и А. С. Щербакина. Террористическая японская шайка под видом лечения вытеснила выводит из строя руководящих работников Советской Армии, расстреляла также путем подорвать оборону страны.

Вместе со всеми советским народом, со всеми передовыми людьми мира мы клеймим извергов эту ванну убийц, этих извергов рода человеческого.

Большинство из разоблаченных преступников — еврейские буржуазно-националисты, империалисты международной организации «Двойной» — филиалы американской разведки. Не случайно англо-американские империалисты глумились, за еврейских буржуазных националистов-сионистов. Еврейские националисты в США давно уже поставили единую или сеть шпионских буржуазно-империалистических организаций обслуживать своим приоритетом силовую империалистическую империализма, империалистическую организацию в центре международного империализма и диверсии.

Итак, весте в заблужденно империалистическом, охранять свою империалистическую империализм. Американские империалисты не знают, что в действительности (США) является причиной для еврейских преступников; угнетенных своей женой, женой капиталистической империализма. Кто не знает, что именно в этой стране процветает самый развращенный расизм и в эту часе антиимпериализм.

Восстание против американских империалистов, союзники в этой часе антиимпериализм. Империализм — это американскому империализму. Империализм — это американскому империализму. Империализм — это американскому империализму. Империализм — это американскому империализму.

У гласари-сионистов нет иных целей, кроме кражи, империалистическими агрессивными американскими империализмом. Это гласари-сионисты, империализм государства Израиль и скандинавские империализм агрессоров и националисты империализм, трудящихся двойной гласари-американского и еврейского национализма. Но влиятельный американский и английской разведки империализм: скандинавские империализм, империализм группы в Советском Союзе и в странах народной демократии. Империализм империализм, американские империализм империализм уничтожить законные народно-демократической Чехословакии.

национального гнета, основан на подлинном братстве народов, больших и малых. Внесло национальной ненависти и былой вражды между народами у нас в стране полностью восторжествовала справедливость и искренняя дружба между народами. Впервые в истории трудящиеся евреи, вместе со всеми трудящимися Советского Союза, обрели свободную радостную жизнь.

Вместе с тем нельзя не признать, что у некоторых части еврейского населения нашей страны еще не иссякли буржуазно-империалистические настроения. Еврейские буржуазные националисты-сионисты, являясь агентами англо-американского империализма, вслестки ратуют эти националистические настроения. Они пытаются всеми силами подогревать и раздувать среди советских граждан еврейское националистическое чувство империализма и национализм в отношении еврейского народа и других народов Советского Союза. Они стремятся поддаться у евреев сознанию высокого общественного долга советских граждан, хотят превратить евреев России в шпионов и врагов русского народа и тем самым создать почву для антиеврейских издевательств, этого страны.

Только буржуазно-империалистические отщепенцы и выродки, только люди без чести и совести, продавшие свою душу и тело империализму, стремятся сорвать волюнку завоевания народов, освобождения от национального гнета.

Вместе с тем нельзя не признать, что у некоторых части еврейского населения нашей страны еще не иссякли буржуазно-империалистические настроения. Еврейские буржуазные националисты-сионисты, являясь агентами англо-американского империализма, вслестки ратуют эти националистические настроения. Они пытаются всеми силами подогревать и раздувать среди советских граждан еврейское националистическое чувство империализма и национализм в отношении еврейского народа и других народов Советского Союза. Они стремятся поддаться у евреев сознанию высокого общественного долга советских граждан, хотят превратить евреев России в шпионов и врагов русского народа и тем самым создать почву для антиеврейских издевательств, этого страны.

го превратка принитого. Но русский понимает, что громадные массы еврейского населения является другом своего народа. Никакими упреждениями его не удастся подорвать доверие ского народа к русскому народу, не у ся разговор с нас с великим русским народом.

Каждый честный трудящийся должен активно бороться против еврейских буржуазных националистов, этих оленных врагов еврейского народа. П быть патриотом своей Советской Ро и бойцы за свободу национальностей нести самую империализма борьбы в ших форм и проявлений еврейского и национализма. Повысить бдительность, рити и до конца искоренять буржуазно-империализм — такой долг трудящихся — советских патриотов, сторонников свободы народов.

Группа врачей-убийц разоблачена, враги оны из коварных ставок англо-империализма и его шлюской агентуры. Как и все советские и требует самого бесоглазого нака: преступников. Мы уверены в том, что требование выражает мысли и чувства трудящихся евреев и будет самым победоносным ити.

- Драгуцкий Д. А., полковник, знаменец Герой Советского Союза;
- Крейзер Я. Г., генерал-полковник, Герой Советского Союза; Харитонский Д. Л., сталевак завода «Серп и молот»; Каганович Л. М., Герой Социалистического Труда; депутат Верховного Совета СССР; Бриксман М. Н., председатель правления имени Вавилова Центральной дирекции Мехзападной области (Софья Фомин С. И., инженер, лауреат Сталинской премии); Раевский М. М., инженерный артист СССР; лауреат Сталинской премии; Виноградов В. Л., член ЦК КПСС, членов Героя Социалистического Труда; Временев В. Г., лауреат международной Сталинской премии за укрепление мира между народами; Ливинич М. Я., заслуженный врач РСФСР; Дуладу Д. Д., инженер, лауреат Сталинской премии; Маринин С. Я., писатель, лауреат Сталинской премии; Рюми М. И., инженер-механик, Народный артист СССР; лауреат Сталинской премии; Минин М. И., инженер, лауреат Сталинской премии; Райзер Д. Я., инженер-строитель, проработавший в тяжелой промышленности СССР; Лавочкин С. А., конструктор, Герой Социалистического Труда; лауреат Сталинской премии; Черныш А. Д., генерал-полковник инженерных войск; Чуриловская О. А., врач; Дуладуев М. И., зооинженер, Народный артист РСФСР; лауреат Сталинской премии; Райзин Д. Я., предводитель группы № 19 в Москве; Лавасберг Г. С., механик, лауреат Сталинской премии; Фабри Ю. Ф., доктор; Народный артист СССР; лауреат Сталинской премии; Гроссман В. С., артист; Гуревич М. И., конструктор, лауреат Сталинской премии; Кремер С. Д., генерал-майор инженерных войск, Герой Советского Союза; Анатер М. И., инженер, лауреат Сталинской премии; Траутенберг И. А., инженер; Носовский И. В., артист; Колюпановский А. А., инженер; Станиславский О. Ф., заслуженный деятель искусства РСФСР; лауреат Сталинской премии; Каганович Мария, председатель ЦК союза рабочих швейной и трикотажной промышленности; Вул В. М., член-корреспондент Академии наук СССР; лауреат Сталинской премии; Ливинич С. В., начальник цеха завода «Красный проспект»; лауреат Сталинской премии; Пружанов М. И., Народный артист РСФСР; лауреат Сталинской премии; Смет-Фалькнер М. И., член-корреспондент Академии наук СССР; Лавинин И. М., инженер, заслуженный член завода «Машинистка»; Гилель В. Г., заслуженный деятель искусства РСФСР; лауреат Сталинской премии; Розенгауз М. М., профессор, член философовских наук; Бланкер М. И., композитор, лауреат Сталинской премии; Таланов Д. Л., член-корреспондент Академии наук СССР; лауреат Сталинской премии; Яковлевский А. И., рабочий завода имени Кавказа им. Вой-

Типографский оттиск проекта обращения еврейской общественности в «Правду». Январь-февраль 1953 г.

Тов. Берия Л. П.

№ ПЗ/Т Членам ЦК КПСС.
3. IV. 1953 г. Первым секретарям ЦК Компартий союзных республик, крайкомов и обкомов КПСС.

ВЫПИСКА из протокола № 3 заседания ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС от 3 апреля 1953 года.

Доклад и предложения МВД СССР по "делу о врачах-вредителях"

(т. т. Берия, Ворошилов, Бугганин, Первухин, Каганович, Сабуров, Микоян, Хрущев, Молотов, Маленков)

1. Принять предложение Министерства внутренних дел СССР:
 - а) о полной реабилитации и освобождении из-под стражи врачей и членов их семей, арестованных по так называемому "делу о врачах-вредителях", в количестве 37 человек;
 - б) о привлечении к уголовной ответственности работников б. МГБ СССР, особо изощрявшихся в фабрикации этого провокационного дела и в грубейших извращениях советских законов.
2. Утвердить прилагаемый текст сообщения для опубликования в центральной печати.
3. Предложить б. Министру государственной безопасности СССР т. Игнатьеву С. Д. представить в Президиум ЦК КПСС объяснение о допущенных Министерством государственной безопасности грубейших извращениях советских законов и фальсификации следственных материалов.
4. Принять к сведению сообщение тов. Л. П. Берия о том, что Министерством внутренних дел СССР проводятся меры, исключающие возможность повторения впредь подобных извращений в работе органов МВД.
5. Отменить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 января 1953 г. о награждении орденом Ленина врача Тимашук Л. Ф., как неправильный, в связи с выявившимися в настоящее время действительными обстоятельствами.

Постановление Президиума ЦК КПСС об освобождении и реабилитации арестованных по «делу врачей». Апрель 1953 г.

За эту словесную вольность он получил от Особого совещания 10 лет лагерей. Досталось и руководству газеты. Коллективными усилиями МГБ и политуправления ВВС было установлено, что главный редактор Павлов подпал под влияние «приятельского окружения», «почти исключительно» состоявшего из сотрудников еврейской национальности. В результате он лишился своего поста, а его «еврейское окружение» было подвергнуто остракизму²⁶.

То же самое произошло и в редакции журнала «Пограничник» (орган политуправления пограничных войск МВД СССР). Его ответственный редактор Г. Белых был смещен за то, что имел дружеские контакты с «безродными космополитами» Д. Даниным, Л. Субоцким, В. Шкловским, Б. Яковлевым, сочинения которых печатал в журнале²⁷.

Нетрудно представить, какую озабоченность могло породить в головах идеологических контролеров со Старой площади осознание того, что космополитический дух проник даже в святая святых — в издания военных политорганов. В результате в ЦК стали действовать в духе лозунга — даешь все силы на проверку и перепроверку журналистов, особенно тех, кто занят воспитанием подрастающего поколения! Такой же логикой, наверное, руководствовался Маленков, когда в апреле 1949 г. приказал очистить от «политически сомнительных кадров» редакцию газеты «Советский спорт», издания, в основном ориентированного на молодежь. За порог редакции этой газеты были выставлены 12 сотрудников, в большинстве своем евреи. С этого же времени на страницах «Советского спорта» началась травля директора Ленинградского научно-исследовательского института физической культуры Е. Ю. Зеликсона, одного из зачинателей советского физкультурного движения, и еще в 1935 г. награжденного по предложению Сталина орденом Красной Звезды. В октябре 1949-го Зеликсона объявили «вейсманистом и космополитом, проводившим в течение многих лет вредительскую деятельность в области физической культуры и спорта», и арестовали²⁸.

Тогда же на Старой площади решили всерьез заняться редакцией «Комсомольской правды», главной молодежной газеты страны. Итоговый документ, составленный комиссией ЦК, изобилует мрачными оценками. Констатировалось, что главный редактор А. Я. Блатин «засорил» редакцию «политически сомнительными людьми», а также привлек к работе в качестве внештатных корреспондентов А. А. Аграновского, отец которого ранее арестовывали органы госбезопасности, и Ф. А. Вигдорову, имевшую родственников в США. Был сделан вывод, что вследствие кадровых упущений половину руководящих

должностей в редакции «захватили» евреи, причем некоторые из них прибегли к обману, скрыв свою национальность. 3 декабря 1949 г. Политбюро постановило «принять предложение ЦК ВЛКСМ <...> об освобождении т. Блатина А. Я. от обязанностей главного редактора <...> газеты “Комсомольская правда”». Спустя полгода Блатин обратился к Сталину. Бывший руководитель «Комсомолки» просил снять с него «необоснованные обвинения», инспирированные, как он полагал, секретарем ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайловым, сводившим с ним счеты за критику на съезде комсомола весной 1949 г.²⁹ Он, разумеется, ничего не добился, зато интриговавший против него Михайлов, интуитивно угадавший, что ставка на антисемитизм – самая верная дорога к сердцу дряхлевшего диктатора, вскоре оказался на вершине властного Олимпа.

Пройдя через горнило антиеврейской чистки, именно «Комсомольская правда» инициировала зимой 1951 г. провокационную дискуссию о литературных псевдонимах. 27 февраля в ней появилась статья писателя М. С. Бубеннова, который, требуя сорвать фальшивые маски, обвинил в «своеобразном хамелеонстве» ряд литераторов еврейского происхождения и предал гласности их настоящие имена: Ю. Огнецвет (Э. С. Каган). Л. Лиходеев (Л. И. Лидес). Н. Гребнев (Н. И. Рамбах) и др. И хотя ради внешнего приличия этот список был «разбавлен» фамилиями неевреев, антисемитская направленность публикации была очевидной. Казалось, что очередной всплеск пропагандистской охоты на интеллектуалов с еврейскими фамилиями неминуем, тем более что Бубеннов явно подстрекал к этому, утверждая, что «псевдонимами очень охотно пользовались космополиты в литературе». Однако на сей раз провокация не удалась. 6 марта в «Литературной газете» была опубликована полемическая заметка К. М. Симонова, в которой использование псевдонимов объявлялось частным делом литераторов. Молодой писатель транслировал, разумеется, мнение, предварительно одобренное на самом верху, что соответствовало заведенному тогда порядку публичных выступлений. Безусловно, за всем этим стоял Сталин, чье благорасположение к Симонову не было поколеблено даже скандалом с театральными критиками. Еще 11 мая 1950 г. Сталин подписал решение Политбюро, утвердившее назначение Симонова на пост главного редактора «Литературной газеты». Его преемником на посту руководителя журнала «Новый мир» стал А. Т. Твардовский. То, что эти люди, слывущие либералами, оказались в такое время на ключевых литературных должностях, во многом было заслугой

Фадеева, который использовал их в качестве противовеса софреновской ура-патриотической группировке в ССП, стремительно набравшей силу после разгрома критиков-«космополитов»³⁰.

Укрепить свое положение при кремлевском дворе Симонову помогло и то, что начиная с 1947 г. он регулярно встречался с вождем, прежде всего на заседаниях комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства. Но даже будучи в фаворе, писатель, тем не менее, должен был следовать лицемерным правилам аппаратной игры: отражая выпады коллег-недоброжелателей, как бы не замечать их скрытого антисемитского характера, и призывать лишь к соблюдению права автора на литературное имя. Такая «страусиная» тактика обернулась против самого Симонова. В 1951 г., в ходе разгоревшейся дискуссии о псевдонимах выступил М. А. Шолохов, который, воспользовавшись тем, что Симонов вынужден был, не называя вещи своими именами, прибегать к намекам и полуправде, ловко раскритиковал (в той же «Комсомолке») его, рассчитанную на чтение между строк, статью как криводушную и неискреннюю. Свою печатную инвективу литературный маршал красноречиво озаглавил «С опущенным забралом...»³¹. Эта словесная пощечина задела Симонова за живое. Парируя шолоховский наскок статьей в «Литературке» (10 марта 1951 г.), он стал искать и защиты в ЦК. Жалуясь Маленкову на «беспримерный по грубости» выпад «Комсомольской правды», писатель квалифицировал его как «прямое выражение политического недоверия через печать, брошенное не только писателю Симонову, но в его лице также редактору “Литературной газеты” и заместителю генерального секретаря Союза советских писателей»³².

В верхах поддержали Симонова и дали отбой дискуссии, опасаясь ее непредсказуемых результатов, тем более, что Сталин, не желая делать тайное явным, как и прежде предпочитал расправляться с обладателями псевдонимов тихо и без пропагандистского шума, посредством негласной чистки и ночных арестов. Подобная метода помогала ему сохранять в глазах интеллигенции репутацию справедливого руководителя, противника национальной нетерпимости. Симонов вспоминал, что в марте 1952 г. на одном из заседаний комитета по Сталинским премиям диктатор нарочито резко высказался по поводу раскрытия псевдонимов. «В прошлом году, – с театральной аффектацией негодовал вождь, – уже говорили на эту тему, запретили представлять на премию, указывая двойные фамилии. Зачем это делается?.. Зачем насаждать антисемитизм?»³³.

На сей раз аппаратная фортуна улыбнулась не Михайлову, Бубеннову и Шолохову, а Симонову. Однако тот вряд ли чувствовал себя победителем, хотя бы потому, что знал о потоке шедших в ЦК писем, в которых его костерили не только за юдофильство и первый брак с Е. С. Ласкиной, но и за сокрытие якобы собственного еврейского происхождения («сын еврея-шинкаря Симановича»). В ЦК реагировали на такого рода «сигналы общественности» тем, что заставляли Симонова в обмен на собственную «неприкосновенность», регулярно увольнять из редакции «Литературки» сотрудников-евреев (А. А. Аграновского, Б. И. Розенцвейга и др.)³⁴.

Бурные антиеврейские страсти кипели и в коллективах других периодических изданий. Бывший сотрудник «Литературки» В. И. Орлов, сокрушаясь по поводу положения дел в редакции этого издания («вот уж не скажешь: “Здесь русский дух, здесь Русью пахнет”»), раскритиковал заодно и кадровую «тюфячную линию» руководства газеты «Труд»³⁵. Занявшись проверкой этого доноса, агитпроповское начальство вместе с тем вынуждено было оправдываться перед «Инстанцией» за то, что проглядело недостатки, вскрывшиеся в подведомственной сфере. Отчитываясь перед Маленковым, Суслов отмечал, что с апреля 1950 по август 1951 гг. из редакции «Труда» было уволено более 40 работников, в результате чего доля евреев там сократилась с 50 % до 23³⁶.

Оперируя магическими для бюрократического восприятия цифрами, Суслов и его подчиненные смогли без особого труда, отразив критику снизу, развеять и сомнения на свой счет в верхах. В октябре 1950 г. Агитпроп, стремясь продемонстрировать, что, реализуя кадровую политику партии, действует методично, последовательно и, самое главное, без резких телодвижений, вплотную занялся Центральным управлением распространения и экспедирования печати («Союзпечать»), отвечавшим за доставку населению СССР 4638 центральных и местных газет суммарным тиражом 28,6 млн. экземпляров и 436 журналов общим количеством 8,6 млн. экземпляров³⁷. В ходе проверки выяснилось, что из 18 начальников и заместителей начальников отделов и центральных контор столь важного ведомства 10 оказались евреями. Отвечать за это пришлось начальнику «Союзпечати» Ф. Б. Рамзину, который за «непринятие мер к укреплению центрального аппарата квалифицированными и политически проверенными кадрами» 10 ноября был снят со своего поста решением Политбюро³⁸.

Прошла чистка и в главном информационном центре страны – Телеграфном агентстве Советского Союза. Еще в конце 1948 г. оттуда

был уволен «по сокращению штатов» известный фотокорреспондент Е. А. Халдей, запечатлевший для потомков водружение знамени Победы над поверженным рейхстагом в Берлине и основные моменты исторической Потсдамской мирной конференции и Нюрнбергского процесса над главными нацистскими преступниками. В январе 1950 г. Халдей, уже 18 месяцев как тщетно пытавшийся подыскать работу по специальности, обратился к Сулову. Однако и на сей раз последовал отказ, поскольку секретарю ЦК доложили, что Халдей не может быть «использован на работе в печати, поскольку уволен по рекомендации органов госбезопасности». Причем официально просителю разъяснили, что «ему никто не запрещал работать в печати и продолжить деятельность фотографа...»³⁹.

И все же можно считать, что Халдею повезло. Ряду сотрудников агентства (Г. М. Эмдину, С. П. Кантеру и др.), работавшим в редакции информации для заграницы, пришлось столкнуться с еще более тяжкими испытаниями: в 1948–1949 гг. их не только уволили со службы, но и арестовали. Изгнание евреев из ТАСС приобрело массовый характер после того, как в декабре 1949 г. к Маленкову обратилась секретарь партбюро агентства А. К. Жегалова, которая раскритиковала ответственного руководителя ТАСС Н. Г. Пальгунова за непринятие «решительных мер для оздоровления аппарата». О кадровом «неблагополучии» в ТАСС свидетельствовали и поступившие в ЦК в январе 1950 г. данные, согласно которым из 323 сотрудников центрального аппарата агентства 73 были евреями. Организовав проверку, Агитпроп выявил в главной информационной службе страны «еврейскую националистическую группу», члены которой, как утверждалось, «систематически в разговорах между собой <...> с антисоветских позиций критикуют национальную политику ВКП(б) и Советского правительства, распространяют всевозможные клеветнические измышления о положении евреев в СССР». Попавшие под подозрение А. В. Любарский, А. М. Тейтельбаум, Л. О. Лемперт и др. тотчас были уволены. Всего в 1949–1950 гг. из ТАСС было отчислено 66 сотрудников, в основном евреев⁴⁰.

Изгонявшиеся из СМИ и других информационных госструктур журналисты-евреи в поисках средств к существованию устраивались в общественных организациях: там кадровый контроль был до поры до времени слабее. Некоторые из них пытались зарабатывать на жизнь чтением популярных лекций по путевкам Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. В 1949 г. на лекционной ниве подвизались, например, уволенные из Всесоюз-

ного радиокомитета З. С. Шейнис и Л. И. Элиович, бывший редактор отдела английской печати Совинформбюро Э. Г. Кутник и др. Однако с начала 1950 г. в ЦК стали поступать доносы на «безродных космополитов», «обогащающихся на лекциях». В результате уже через год только в одном московском областном отделении Всесоюзного общества оказались уволенными 98 лекторов, в основном евреи⁴¹.

Одним из ключевых звеньев в системе надзора за СМИ и литературным процессом считалось цензурное ведомство – Главлит, который тогдашний его начальник К. К. Омельченко с гордостью именовал «последней инстанцией государственного контроля на идеологическом фронте»⁴². Не удивительно, что в этом ведомстве, форсировавшем ужесточение цензуры, кадровое «укрепление» с антисемитской подоплекой проводилось особенно настойчиво. Еще в 1948–1949 гг. за связь с ЕАК МГБ арестовало старшего цензора Главлита Я. М. Пайкина и преподавателя семинара цензоров Мосгорлита С. С. Гольдентрихта. Однако массовый характер чистка приобрела после того, как в сентябре 1950 г. в ЦК обратился некий «Доброжелатель», сообщивший, что цензурное ведомство заполнили евреи «прямые» и «косвенные» (скрывавшие свою национальную принадлежность). Анонимщика особенно возмущало то, что «предводитель» первых, Додзин, продолжал оставаться заместителем секретаря парторганизации Главлита, хотя когда-то цензурировал материалы, отправлявшиеся за границу «националистами» из ЕАК. Доносчик провокационно вопрошал: «Уж не является ли Главлит замаскированным филиалом Антифашистского еврейского комитета – окопавшегося шпионского гнезда предателей родины?»⁴³.

Вскоре в Главлит прибыла комиссия Агитпропа, которая выявила, что начальник отдела иностранной литературы Главлита Добросельская – близкая знакомая арестованного госбезопасностью редактора «Московских новостей» М. М. Бородина, а руководитель группы по цензурированию англо-американской литературы Болеславский – бывший член американской социалистической партии – без предварительной цензуры передавал в ЕАК поступающие из-за рубежа «контрреволюционные материалы» и «еврейскую сионистскую литературу». Еще более подозрительным показалось комиссии то, что заместитель начальника Главлита П. С. Балашов работал ранее в Совинформбюро (зав. отделом США), и считался там правой рукой Лозовского. Бывшим подчиненным последнего оказался и старший цензор Эпштейн (арестован в 1950 г. как «троцкист»), осуществлявший контроль над печатной продукцией ВППШ. Омельченко обязали уволить этих и других сотрудников, «не внушавших политического

доверия». Излишне уточнять, что среди таковых оказались главным образом евреи⁴⁴. Подверглась чистке и периферийная структура Главлита. 29 июля 1950 г. ЦК КП(б) Белоруссии снял с должности начальника республиканского Главлита Ф. И. Дадимову, на которую возложил ответственность за то, что в библиотеках Минска не изъяли (по недосмотру?) книги Бергельсона, Маркиша, Фефера, Н. М. Голодеда, Н. Ф. Гикало, других «врагов народа». Кроме того, в ЦК донесли, что накануне прошедших несколькими месяцами ранее выборов в Верховный Совет СССР Дадимова публично возмущалась отсутствием евреев среди кандидатов от Белоруссии, объясняя это антисемитскими настроениями в руководстве республики⁴⁵.

Из двух «господ» Главлита – МГБ, надзиравшего за неразглашением в СМИ, книгах и брошюрах государственных и военных тайн, и ЦК ВКП(б), осуществлявшего идеологический контроль, – последний внес наибольший вклад в его кадровую перетряску. Причиной тому стало недовольство партийной верхушки нерасторопностью и перестраховкой, выказывавшейся цензурной бюрократией при работе с идеологическими материалами, что, впрочем, было вполне закономерным. Ведь в данном случае отсутствовали четкие и однозначные критерии, и, действуя на свой страх и риск (разрешая публикацию или запрещая), цензоры легко могли «подставиться». К тому же, ЦК осаждало немало охотников уличить чиновников Главлита в недостатке политической бдительности. В августе 1952 г. в Агитпроп от ССП обратился Фадеев, сетовавший на то, что в театрах, особенно на эстраде, широко исполнялись произведения 13 репрессированных авторов (Шейнина, Маклярского, Э. И. Рознера и др.). В этом «безобразии» он обвинил Главлит, Комитет по делам искусств, а также Управление по охране авторских прав, которое продолжало выплачивать гонорары родственникам арестованных за «контрреволюционную деятельность»⁴⁶.

Поскольку подобные упреки в Агитпропе воспринимались как косвенная критика за недосмотр в подведомственной сфере, там, страхуясь от гнева вождя, был взят курс на максимальное ужесточение цензуры, причем повсюду – в издательствах, на радио, в театрах и т. д., что зачастую выражалось в наложении абсурдных запретов.

Аналогичные преследования ИЕП имели место и в других областях идеологической сферы, – в литературе, искусстве, образовании, гуманитарной науке, как, впрочем, и там, где жизнедеятельность общества была связана с научно-техническим прогрессом, строительством, промышленным производством. По сути, эти гонения были повсеместными, притом, что наиболее драматически они проявились в промышленности.

Репрессии в промышленности: «дела» ЗИС и КМК

События, развернувшиеся в 1950 г. на Московском автомобильном заводе им. Сталина и ознаменовавшиеся кровавой расправой над ни в чем неповинными людьми, стали кульминацией антиеврейской чистки в промышленности. Вряд ли кто-либо по окончании войны мог предвосхитить эту трагедию, которую в то время ничто не предвещало. Тогда на родное предприятие возвратились полные оптимизма фронтовики, занявшие привычные рабочие места на конвейере и у станков. Но, видимо, уже тогда был запущен механизм процесса с запрограммированным кровавым финалом. Симптоматично, что в победном 1945-м общественно-культурная жизнь евреев на ЗИСе заметно активизировалась. Часть из них, наиболее спаянная на национальной почве, увлеклись культурой своего народа, регулярно бывала в театре Михоэлса, а когда тот погиб, делегировала на его похороны своих представителей. В мае 1948 г. М. Лейкман, Б. Симкин, другие рабочие и инженеры ЗИСа направили ЕАК приветственную телеграмму по случаю образования Израиля.

Душой такого рода активности был А. Ф. Эйдинов (Вышедский), помощник директора завода И. А. Лихачева, имевший с ним довольно доверительные отношения. Они даже вместе отдыхали. Летом 1946 г. их обоих привечал на одной из правительственных дач в Крыму Хрущев. Будучи тогда первым секретарем ЦК КП(б) Украины, разве мог он себе представить, что вскоре судьба, но уже в силу весьма печальных обстоятельств, вновь сведет его с этими людьми – директором столичного автозавода и его помощником – «щупленьким, худеньким евреем»⁴⁷.

Произошло это после того, как в декабре 1949 г. Сталин назначил Хрущева секретарем ЦК и первым секретарем Московского комитета ВКП(б). То ли по собственной инициативе, то ли повинувшись указанию свыше (что вернее), но в феврале 1950-го Хрущев во главе специально созданной комиссии нагрянул на ЗИС. Через несколько дней он доложил Сталину о серьезном неблагополучии, возникшем на предприятии в связи с активной деятельностью «еврейских националистов», и предложил «с целью оздоровления обстановки» предпринять срочные меры. В ответ Хрущев получил указание допросить Лихачева вместе с Маленковым и Берией. Так что, когда директора завода доставили в Кремль, в зале заседаний бюро Совета министров СССР его уже ждала «тройка» высокопоставленных «дознавателей». Они обвинили его в утрате бдительности, покровительстве евреям, устройстве их на руководящие должности, что, как утверждалось, и дало возможность

его ближайшему помощнику Эйдинову «сколотить» на предприятии антисоветскую еврейскую вредительскую группу. От Лихачева требовали также объяснений по поводу визита в 1946 г. на завод американского посла У. Б. Смита, который, осмотрев недавно запущенный в производство правительственный лимузин «ЗИС-110», подарил директору авторучку и пригласил к себе в посольство, обещав показать «кадиллак» нового образца.

У ошарашенного такими инвективами Лихачева случился сердечный приступ, и он упал в обморок. Окотив водой и приведя в чувство, его отправили домой. Когда о произошедшем доложили Сталину, тот счел, что утративший его доверие хозяйственник получил надлежащий урок и ограничился тем, что сместил его с директорского поста. Виновным Лихачева сочли, видимо, только в том, что, впав в беспечность и ротозейство, он невольно подпал под влияние «сионистов», которые им манипулировали. Если бы его подозревали в более серьезных прегрешениях, то, конечно, не назначили бы в июне 1950 г. руководителем одного из маломощных авиазаводов в Москве. В принятом 5 мая 1950 г. специальным постановлении Политбюро отмечалось, что на ЗИС «проникла большая группа враждебных элементов»⁴⁸.

Тем временем в МГБ уже несколько месяцев трудились над фабрикой «дела ЗИСа», ставшего очередной – после разгрома ЕАК – атакой на «еврейский национализм». Исходным пунктом этой мистификации стало «признание» Фефера, который в сентябре 1949 г. показал на допросе: «Писатель Персов <...> создал ряд очерков под названием “Евреи завода Сталина в Москве”. Рассказывая в этих очерках о евреях, как об основной силе завода, Персов подробно описывал их работу, сообщая таким путем сведения и о самом заводе. Это был метод зашифровки материалов, который лег в основу при посылке нами (руководством ЕАК. – Г. К.) шпионских сведений в Америку». Арестованного еще в начале того же года еврейского литератора С. Д. Персова, заставили подтвердить фантастический вымысел Фефера об упомянутых очерках как шпионской криптограмме. Через Персова следователи «вышли» на Эйдинова, который в 1946 г. организовал посещение этим писателем-«еаковцем» ЗИСа и помог ему взять интервью у евреев – передовиков производства. Отрабатывая потом эту «агентурную цепочку», на Лубянке установили, что во время посещения завода послом У. Б. Смитом Эйдинов рассказал тому о технических возможностях правительственного «ЗИС-110», чего оказалось вполне достаточным для ареста. Произошло это 18 марта 1950 г., хотя еще весной 1949-го (после ареста Персова) Эйдинов уволился с ЗИСа. По сценарию МГБ ему отводилась «главная роль»

предводителя еврейских националистов на ЗИСе, ответственного за сбор «секретных сведений» для американцев⁴⁹.

Для подкрепления версии о шпионах на ЗИСе в апреле 1950 г. арестовали и М. С. Айзенштадт (Железнову), журналистку, часто бывавшую на заводе и тесно сотрудничавшую с ЕАК. В обвинительном заключении по «делу ЗИСа» потом появится следующая формулировка: «Установлено, что еврейское националистическое подполье, действовавшее в СССР под прикрытием Еврейского антифашистского комитета, в своей вражеской работе стремилось найти поддержку националистов, свивших себе гнездо на Московском автомобильном заводе. Активные участники этого вражеского подполья Михоэлс, Персов, Айзенштадт, действуя по указаниям из Америки, посещали завод, завязывали нужные связи, использовали их в преступных целях»⁵⁰.

Допрошенный в 1955 г. бывший помощник начальника СЧОВД К. А. Соколов рассказал, что сразу же после ареста Эйдинова Абакумов распорядился в буквальном смысле «выбить» из него показания о шпионской, вредительской и националистической деятельности. Поэтому в ходе первого допроса к Эйдинову применили «меры физического воздействия» (истязание резиновыми палками), что мотивировалось необходимостью как можно быстрее добиться от него «чистосердечного признания». Помимо Эйдинова, в течение нескольких месяцев арестовали десятки других работников завода, в том числе инспектора при директоре М. М. Кляцкина, начальника управления капстроительства Г. Э. Шмаглита, начальника производства П. М. Мостославского, начальника отдела труда и зарплаты В. М. Лисовича, начальника производственно-диспетчерского отдела А. И. Шмидта, известного автоконструктора Г. А. Сонкина, заместителя главного металлурга М. А. Когана, главного конструктора Б. М. Фиттермана, директора комбината питания Б. Ю. Персина, начальника медсанчасти Д. Я. Самородницкого и других «еврейских националистов». Только непосредственно на заводе, не считая вспомогательных непромышленных подразделений (медсанчасть, клуб и т. д.), взяли под стражу 48 человек, в том числе 42 еврея. Некоторых из них, в частности, Кляцкина, Лисовича, Шмаглита, как и Эйдинова, подвергли пыткам⁵¹.

Наряду с политическими преступлениями подследственным инкриминировалась уголовная «вредительско-подрывная работа»: умышленное занижение производственных планов, выпуск дефектных автомашин, строительство за счет средств завода личных дач, расхищение продуктов, предназначенных для питания рабочих и т. д.

Эйдинова, кроме того, обвинили в организации в своем служебном кабинете антисоветских сборищ, на которых критиковалась политика партии и советского государства. В качестве подтверждения следствие ссылалось на зафиксированные информатором высказывания Е. А. Соколовской, работавшей до ареста главным ревизором завода и однажды заявившей: «Советским евреям не нужен маленький неблагоустроенный Биробиджан. Это унижительно для еврейского народа. Нужно создать союзную еврейскую республику в Крыму или на территории бывшей республики немцев Поволжья».

В ноябре 1950 г. «дело ЗИС», по которому проходил 41 обвиняемый, было рассмотрено на закрытом заседании военной коллегии Верховного суда СССР. Председательствовал генерал-майор юстиции И. О. Матулевич. Эйдинову и десяти его соучастникам – Мостославскому, Лисовичу, Персину, Кляцкину, Самородницкому, Шмидту, И. М. Блюмкину, А. З. Финкельштейну, Э. Л. Лившицу, Л. С. Беленькой (двое последних – руководители главнаба Минавтотракторпрома) были вынесены смертные приговоры. Остальным определили максимальные сроки заключения в лагерях и тюрьмах. Фиттерману, например, предстояло провести предстоящие 25 лет в особом лагере МВД СССР. Эйдинова расстреляли 23 ноября 1950 г. Не избежала наказания и его русская жена, Р. Г. Филиппова, которую, попеняв на то, что «связалась с жидом», выслали на пять лет в Казахстан⁵².

В один день с Эйдиновым казнили Айзенштадт (Железнову), Персова, а также главного редактора ЕАК Н. Я. Левина, которого обвинили в том, что именно он дал указания Персову собирать информацию об автозаводе и переправлять ее в США. Хотя формально эти трое проходили по другим делам, но фактически они стали жертвами «дела ЗИСа», которое, таким образом, по количеству загубленных человеческих жизней (14 казненных) превосходило «дело ЕАК». Репрессированные зисовцы были реабилитированы 1 октября 1955 г., выжившие в лагерях обрели свободу⁵³.

Помимо ЗИСа, волна антиеврейских преследований прокатилась и по другим автомобилестроительным предприятиям (Ярославский автозавод и пр.), а также захлестнула центральный аппарат отраслевого министерства автотракторной промышленности.

Третьей по очередности и по количеству жертв после «дел» ЗИСа и ЕАК чисткой с антисемитским подтекстом была расправа с членами «националистической сионистской организации», «вскрытой» на Кузнецком металлургическом комбинате (КМК) в Сталинске (с 1961 г. – Новокузнецк Кемеровской области). Благодаря данным из выявленных в последнее время архивных документов вырисовы-

вается следующая фабула этого дела. Его истоки датируется 1942–1943 гг., когда евреи из западных областей Украины, Белоруссии, Прибалтики (главным образом беженцы из Польши), вынужденные искать спасения от нацистского нашествия на востоке страны, в городе Сталинске создали еврейскую религиозную общину. И хотя та в силу ряда причин (отсутствие аттестованного в законном порядке раввина и средств на аренду специального молельного помещения) не была официально зарегистрирована, местные власти, с самого начала знавшие о ее существовании, до поры до времени не видели в этом никакого криминала. После репатриации в 1945–1946 гг. польских евреев и реэвакуации их советских соплеменников из европейской части СССР, синагога в Сталинске, даже лишившись значительной части верующих и прежних руководителей, все же продолжала действовать. В 1948 г. от имени более чем 70 членов Сталинской еврейской общины в Москву была направлена специальная делегация, чтобы приветствовать первого израильского посланника Г. Меир⁵⁴.

Однако разгром ЕАК, аресты его активистов, репрессии против так называемых еврейских буржуазных националистов – все это сказалось и на провинции, ситуация там резко обострилась. Уловив, что любая неформальная еврейская национальная активность квалифицируется центром как потенциальное политическое преступление, кемеровское начальство осознало, что ему могут грозить серьезные неприятности, если оно и дальше будет «попустительствовать» деятельности нелегальной синагоги. Поэтому в конце 1949 г. Молотовский райисполком Сталинска распорядился ее закрыть, а региональные партийные органы предприняли по этому вопросу детальное расследование. В результате выяснилось, что работавшие на КМК и состоявшие в партии руководители-евреи через жен и других родственников передавали неофициально действовавшей синагоге денежные пожертвования. Собранные таким образом средства шли на вспомоществование нуждавшимся евреям, в первую очередь тем, кто отбывал в данной местности ссылку или чьи родственники находились в лагерях и тюрьмах. Кроме того, были «вскрыты» факты, интерпретировавшиеся как хозяйственные злоупотребления и махинации этих благотворителей, а также как кадровое «засорение» ими предприятия не чистыми на руку родственниками и знакомыми⁵⁵. Подобные обвинения евреев в жульничестве, кумовстве и nepотизме в те годы были весьма распространенными.

Среди проверяющих наибольшую активность проявил секретарь партколлегии при Кемеровском обкоме С. В. Носов, первым усмотревший в обычном, если не сказать банальном для того времени фак-

те как отсутствие госрегистрации у религиозного объединения признаки политического преступления. Именно он 25 февраля 1950 г. сообщил первому секретарю Кемеровского обкома партии Е. Ф. Колышеву, что «под вывеской синагоги <...> скрывается контрреволюционная еврейская националистическая организация». Тот сразу же направил эту информацию в областное управление МГБ в качестве обоснования для проведения «оперативных мероприятий на предмет выявления шпионских связей». Уже 1 марта начальник УМГБ Н. Ф. Илясов отчитался перед Колышевым спецсообщением о первых результатах предпринятого разбирательства⁵⁶.

Однако сам партийный руководитель области не спешил сигнализировать о случившемся в Москву, а попытался замять скандал собственными силами. Поэтому, не предпринимая каких-либо конкретных действий, он ограничился рекомендацией продолжить начатое расследование. В том же духе действовал и Сталинский горком, который исключил из партии «провинившихся» руководителей КМК только после сильного нажима сверху. Во всем этом Носов, являвшийся представителем центра по линии КПК, а значит и согладалаем за местными властями, усмотрел попытку спустить на тормозах расследование «чрезвычайной государственной важности». Вот почему он пожаловался Шкирятову, своему непосредственному начальнику в Москве, что по вине Кемеровского обкома и конкретно Колышева «разоблачение вражеской организации (синагоги в Сталинске. – Г. К.) ведется исключительно медленно»⁵⁷.

«Либерализм» партийного руководства Кемеровской области не укрылся и от отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б), курировавшего партийные органы на местах. 18 августа 1950 г. его инструктор М. Якубович сообщил Маленкову о том, что вопросу о нелегальной синагоге в Сталинске Кемеровский обком «до сего времени не придавал политического значения <...> и не принял необходимых мер». Тогда же заведующий этим отделом Г. П. Громов позвонил Колышеву и упрекнул в том, что тот «неправильно тянет» с рассмотрением вопроса о засоренности руководящих кадров на КМК⁵⁸. Увидев, что дело приняло серьезный оборот, и Москва в любом случае добьется доведения его до логического конца, Колышев, дабы избежать жерновов репрессивной машины, вынужден был покориться ее алгоритму. 19 сентября он собрал бюро обкома, на котором утвердил постановление «О недостатках и ошибках в подборе и расстановке руководящих кадров на Кузнецком металлургическом комбинате». В нем директору комбината Р. В. Белану за притупление политической бдительности был объявлен строгий выговор. Взыска-

ние получил и его заместитель по кадрам П. М. Негай. Но самое серьезное наказание понес заместитель директора по коммерческой части Я. Г. Минц, сначала изгнанный с работы, потом из партии и, наконец, объявленный одним из «главарей» группы националистов и вредителей, «орудовавших» на предприятии.

23 сентября Колышев обстоятельно отчитался перед Маленковым, особо упомянув, что бюро Кемеровского обкома «приняло к сведению заявление начальника областного управления МГБ т. Илясова о том, что органами государственной безопасности приняты меры к ликвидации нелегальной еврейской синагоги и пресечению ее националистической деятельности»⁵⁹. Казалось, отрапортовав Москве, кемеровское начальство могло бы перевести дух, надеясь, что тем самым закрыло чреватое серьезными неприятностями дело. Однако самое неприятное было еще впереди. В конце сентября корреспондент «Правды» по Кемеровской области А. Нижегородов переслал секретарю ЦК Суслову письмо работников КМК В. Бредникова и Г. Ермолаева, жаловавшихся на заводское руководство, стоявшее, как они полагали, «на грани предательства», и требовавших от ЦК проведения «решительной чистки» на КМК⁶⁰.

Вовлечение в скандальное разбирательство еще одного (помимо Маленкова) секретаря ЦК серьезно усугубило ситуацию. Приказав Колышеву немедленно прибыть в Москву, Сулов встретил его в ЦК жестким требованием: «Дайте объяснение <...> почему вы просмотрели сионистскую организацию в Сталинске на Кузнецком комбинате?» Тем самым был поставлен крест на карьере кемеровского партийного лидера. 2 марта 1951 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О работе кемеровского обкома ВКП(б)» он, как «не обеспечивший руководство», был смещен с поста первого секретаря⁶¹.

После того как центр сломил скрытое сопротивление регионального руководства, репрессивная машина заработала в полную силу. В течение сентября – декабря 1950 г. с КМК было изгнано 35 руководящих работников, имевших связь с нелегальной синагогой. Кроме того, еще семь: упомянутый Минц, главный прокатчик С. А. Либерман, начальники отделов С. З. Аршавский (финансового), Г. Ш. Зельцер (планового), А. Я. Дехтярь (технического контроля), начальник сортопрокатного цеха З. Х. Эпштейн, заместитель начальника производственного отдела С. А. Лещинер, а также И. Б. Рапопорт (хозяин квартиры, где устраивались религиозные собрания) – были арестованы. Их этапировали в Москву и передали в распоряжение СЧОВД МГБ СССР. К разряду «особо важных» это дело причислили, видимо, потому, что в нем, как и в делах ЕАК

и ЗИС, был обнаружен «американский след»: в 1945 г. на КМК побывал советник американского посольства и весьма влиятельный впоследствии политик Дж. Кеннан, который осенью 1952 г., будучи послом, был объявлен советским правительством персоной поп grata. Кроме того, Минц, Либерман и Лещинер в 1946 г. встречались в Кемерово с представителями ЕАК и «передали им ряд секретных сведений о производственной мощности комбината, которые впоследствии были переправлены в США»⁶².

В апреле 1952 г. министр госбезопасности Игнатъев доложил Сталину о завершении следствия по «делу КМК». В подготовленном обвинительном заключении арестованным инкриминировались шпионаж в пользу американцев, националистическая деятельность, вредительство (выпуск бракованного проката и т. п.), антисоветская агитация, связь с нелегальной синагогой, «служившей центром, объединявшим националистов»⁶³.

Согласовав со Сталиным меру наказания для каждого подсудимого, начальник СЧОВД Рюмин в начале мая передал дело в Верховный суд СССР, которому предстояло лишь «проштамповать» заранее известный приговор. Однако репрессивно-бюрократическая машина неожиданно дала сбой. По настоянию председателя военной коллегии Чепцова, который обвинил МГБ в неудовлетворительном ведении следствия, в частности, в слабости доказательной базы в обвинительном заключении, судебный процесс, едва начавшись, был приостановлен. Руководство Верховного суда обратилось к Сталину с просьбой вернуть дело на доследование⁶⁴. И вождь, видимо, решивший поглубже разобраться в «преступной деятельности еврейских националистов» на КМК, неожиданно поступившись своим прежним одобрением итогов следствия, принял сторону руководства Верховного суда СССР. А тот, ободренный такой поддержкой, пошел еще дальше, решив таким же манером «торпедировать» и начавшийся вскоре процесс по «делу ЕАК». 15 мая 1952 г. тот также был приостановлен. Причем, принявший такое решение Чепцов, снова прибег к уже «сработавшей» однажды мотивации: сослался на грубые недоработки предварительного следствия. Скорей всего, за ним стоял Берия, интриговавший против верхушки госбезопасности в лице Рюмина и стремившийся дискредитировать того в глазах Сталина. Однако генсек пока что доверял своему скандальному выдвиженцу, в котором разочаруется только в ноябре 1952 г. Вот почему, решая дальнейшую судьбу «дела ЕАК», политически более важного, чем «дело КМК», Сталин, поддержал Рюмина, и 22 мая Чепцов вынужден был возобновить суд по «делу ЕАК».

Как уже отмечалось, этот процесс завершился в августе 1952 г. казнью тринадцати невинно осужденных. Рюмин мог торжествовать, будучи уверенным, что теперь ничто не помешает ему добиться аналогичного результата и в «деле КМК». 18 сентября 1952 г. оно вновь было рассмотрено военной коллегией, на сей раз на заседании под председательством генерал-майора юстиции И. М. Зарянова, участвовавшего в вынесении смертных приговоров С. А. Лозовскому, П. Д. Маркишу, Б. А. Шимелиовичу и другим членам ЕАК. Суд продлился всего несколько часов, решив судьбы обвиняемых в точном соответствии с мерами наказания, санкционированными Сталиным еще в апреле 1952 г. В тот же день (18 сентября) Дехтяря, Лещинера, Либермана и Минца не только приговорили к смерти, но и расстреляли, лишив даже законного права на обжалование столь сурового судебного решения. Их «подельники» Аршавский, Зельцер и Эпштейн получили 25-летние лагерные сроки, а еще один обвиняемый Раппопорт – 10-летний. Такова была развязка трагедии, видимо, последней в цепи замешанных на крови тайных расправ сталинского режима над так называемыми еврейскими националистами. Ее эпилогом стала полная реабилитация в мае 1957 г. всех осужденных по этому делу⁶⁵.

«Дело врачей» – венец деградации сталинизма

Это дело вошло в историю не только как одна из многочисленных преступных провокаций Сталина, но и как символ саморазоблачительной агонии созданного им диктаторского режима. Уже обреченный и стоящий, как и его творец, на краю могилы, он предпринимал все менее адекватные политико-социальной реальности шаги, пускаясь во имя самостимулирования во все более опасные авантюры, рискуя взорвать общество изнутри. Это был апогей тотальной послевоенной чистки, которая имела значительный антиинтеллектуальный и антиеврейский крен и которую неожиданно умершему диктатору, к счастью, не удалось довести до конца.

Именно эта кадровая лихорадка, поразившая начиная с 1949 г. практически все медицинские учреждения страны, – лечебные, научные, образовательные, управленческие (от Лечебно-санитарного управления Кремля, Минздрава СССР и АМН СССР до провинциальных больниц, амбулаторий, поликлиник и аптек) – и породила «дело врачей». Развиваясь по принципу «домино», наибольший размах стихия чистки приобрела в крупнейшем столичном учебном

и научно-исследовательском центре здравоохранения – 2-м Московском медицинском институте им. Сталина. С начала 1949 г. из него были изгнаны академик Л. С. Штерн, профессора Э. М. Гельштейн, И. И. Фейгель, А. М. Гринштейн, А. М. Геселевич. Не избежал этой участи и заведующий одной из кафедр этого института профессор Я. Г. Этингер, которому суждено было стать невольным инициатором и первой жертвой будущего «дела». Осенью 1949 г. его уволили под надуманным предлогом. Тогда же от консультаций профессора-терапевта отказалась пользовавшая высшую советскую партийно-государственную номенклатуру Кремлевская больница. Впоследствии именно эта его причастность к лечению руководства страны и послужит исходным пунктом и формальным поводом для фабрикации «дела» в МГБ.

В поле зрения госбезопасности Этингер находился начиная с 1944 г. Он регулярно навещался в ЕАК, знакомился там с иностранными еврейскими изданиями, в том числе и лондонской «Jewish Chronicle». Тогда же он выступил в поддержку проекта создания еврейской республики в Крыму. Однако вплотную разрабатывать Этингера органы госбезопасности начали разрабатывать уже после того, как на него был получен компромат от арестованного Фефера. На допросе 22 апреля 1949 г. тот назвал профессора в числе проводителей группы буржуазных еврейских националистов, «окопавшихся» в советской медицине: «...его (Этингера. — Г. К.) националистические взгляды полностью разделяли профессор 2-го Московского медицинского института А. Б. Топчан, руководитель клиники лечебного питания М. И. Певзнер, главный терапевт Советской Армии М. С. Вовси <...> Этингер весьма недоволен тем, что Советский Союз не оказывает помощи государству Израиль, и обвинял советское правительство в том, что оно ведет якобы враждебную политику в отношении евреев. Он говорил: “Мои друзья (имея в виду Збарского, Певзнера и других лиц, мною названных выше) просто удивлены этим невозможным положением. Евреи всего мира помогают воинам Израиля <...> а мы лишены этой возможности. Если Советское правительство не хочет помогать израильским евреям, пусть оно разрешит нам это сделать...”»⁶⁶.

Чтобы эти показания выглядели более весомыми, их следовало подкрепить дополнительным компроматом, добыть который оказалось делом несложным. Будучи человеком общительным, Этингер регулярно ловивший политические радиопередачи западных радиостанций, любил потом обсудить услышанное с родственниками и знакомыми, не соблюдая при этом жизненно важных для того вре-

мени мер предосторожности. Этим не преминули воспользоваться оперативники 2-го главного управления МГБ, установившие в квартире Этингера скрытые подслушивающие устройства. Очень скоро им удалось записать одну из его бесед с приемным сыном Я. Я. Этингером (Ситерманом), студентом МГУ. Их весьма откровенный обмен мнениями изобилует высказываниями, обличившими советское руководство. Несколько позднее Абакумов доложил Сталину и об «антисоветских разговорах» Этингера с профессором Б. И. Збарским⁶⁷. Вопрос об аресте Этингера руководство МГБ ставило перед Кремлем неоднократно, начиная с ноября 1949-го. Однако добиться своего Абакумову удалось только в ноябре 1950 г., и, может быть, потому, что месяцем ранее взяли под стражу приемного сына профессора Якова, от которого потребовали соответствующих «признаний». В отсутствие Сталина (был на отдыхе в Сочи) санкцию на арест Этингера дал Н. А. Булганин. 18 ноября доставленному на Лубянку профессору предъявили обвинение в «клеветнических измышлениях» в адрес Щербакова и Маленкова, которых тот – по оперативным данным – считал главными вдохновителями и организаторами политики государственного антисемитизма в стране. 16 июля 1951 г. арестовали и жену Я. Г. Этингера, Р. К. Викторovu, заставив «сознаться» в том, что ее муж и сын регулярно слушали и обсуждали антисоветские радиопередачи Би-би-си и Голоса Америки⁶⁸.

Первоначально на следствии вопрос о «вредительском лечении» советских руководителей не возникал. Этингеру инкриминировали лишь «буржуазный национализм», который тот решительно отрицал, настаивая на обоснованности и правомерности своих, с точки зрения госбезопасности, «преступных», разговоров о притеснении евреев в СССР. 5 января 1951 г. не желавшего «сотрудничать» профессора перевели в Лефортовскую тюрьму, поместив в сырую камеру, куда к тому же нагнетался холод. Эта пытка должна была заставить «заговорить» престарелого и больного профессора. И ведшему дело подполковнику СЧОВД Рюмину это удалось. Получив «нужные» показания, Рюмин первым делом составил на их основе список «единомышленников Этингера, еврейских националистов, высказывающих недовольство советской властью и распространяющих клевету на национальную политику ВКП(б) и Советского государства», включавший заведующего кафедрой медицинской химии 1-го ММИ профессора Збарского, профессора Центрального института усовершенствования врачей (ЦИУВ) Вовси, заведующего кафедрой хирургии 2-го ММИ В. С. Левита и других видных медиков еврейского происхождения. Всех их изгнали с работы, а некоторых потом арестовали⁶⁹.

Однако вскоре (2 марта) Этингер, не выдержав следственного прессинга, внезапно скончался, как было сказано в акте о смерти, от «паралича сердца». К этому времени Рюмин по собственной инициативе успел выжать из своего подследственного и «признание» в том, что его заведомо неверное, «вредительское» лечение способствовало в 1945 г. смерти секретаря ЦК Щербакова. Эта версия выглядела настолько вздорной и надуманной, что Абакумов с самого начала решительно отверг ее, предчувствуя, какие непредсказуемые последствия она способна вызвать, узнай о ней болезненно подозрительный Сталин.

Будучи человеком малообразованным и от природы прямолинейным, шеф госбезопасности опасался авантюрных ходов, предпочитая иметь дело с предельно упрощенными, пусть и грубо сколоченными схемами. Зная, что Сталин определил буржуазный национализм как злейшего врага Советского государства, Абакумов считал, что в качестве руководителя «вооруженного отряда партии» он должен прежде всего безжалостно бороться с действительными и потенциальными националистами, будь то, к примеру, вооруженные отряды украинских националистов или идишистская элита. Но он не уловил того нюанса, что Сталин, да и частично аппарат ЦК объявили тайную войну не только евреям – приверженцам национальной идеи, но и связанным с ними узлами общей этничности ассимилянтам-интеллектуалам. Причем, как показала кампания борьбы с космополитизмом 1949 г., эта связь устанавливалась властями порой совершенно произвольно и умозрительно.

В отличие от Абакумова, Рюмин – сам очевидный антисемит, причем вульгарного пошиба – был более изощрен в этих тонкостях настроений в верхах. Как было сказано, 2 июля 1951 г. он направил Сталину письмо, в котором обвинил Абакумова среди прочего в том, что тот, дабы похерить «факты вредительского лечения» Щербакова, наложил запрет на расследование и распорядился поместить Этингера в камеру Лефортовской тюрьмы с «более суровым режимом». Он якобы умышленно довел Этингера до смерти, с тем, чтобы его «террористическая деятельность осталась нерасследованной»⁷⁰.

Как известно, Абакумова после этого сместили, а принятым 11 июля постановлением Политбюро «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности» следствие по «делу о террористической деятельности Этингера» было возобновлено. Новый руководитель госбезопасности Игнатъев, посредственный и слабохарактерный чиновник, который, по словам Судоплатова, «совершенно не подходил для порученной им работы», сразу же

после смерти Сталина, заявил, что тот при назначении его на должность министра потребовал принятия «решительных мер по вскрытию группы врачей-террористов, в существовании которой он давно убежден»⁷¹.

Именно с этого момента стали обозначаться контуры той грубой мистификации, о которой потом советская пропаганда поведает миру как о глобальном заговоре западных спецслужб, стремившихся посредством врачебного террора вывести из строя руководителей СССР. Устранение Абакумова и последовавшее назначение Рюмина начальником СЧОВД, а также заместителем министра госбезопасности (в октябре 1951 г.)* и стало для последнего карт-бланшем свыше на реализацию выдвинутой им инициативы (так удачно для него совпавшей с социальным заказом сталинского руководства) по переследствию дела Этингера по версии о вредительском лечении Щербакова. Теперь Рюмину, получившему регулярный доступ к Сталину, необходимо было представить тому «доказательства» злонамеренных козней кремлевских врачей. Для этого в МГБ была создана специальная следственная группа, которая начала повальную проверку всего медицинского персонала, когда-либо работавшего в Лечебно-санитарном управлении Кремля (ЛСУК). Тщательным образом были изучены поднятые из архива данные агентурных наблюдений, фонограммы тайного прослушивания в квартирах и служебных кабинетах врачей, истории болезней высокопоставленных пациентов. 1 сентября 1951 г. из пересыльного лагеря на Дальнем Востоке был возвращен в Москву ранее осужденный Я. Я. Этингер, от которого стали добиваться показаний, подтверждавших вовлеченность его приемного отца во «врачебный заговор».

К тому времени уже несколько месяцев проводились интенсивные допросы еще одного действующего лица этой тюремно-следственной драмы – врача С. Е. Карпай, которую как скрытую террористку арестовали 16 июля 1951 г. Будучи до 1950 г. заведующей кабинетом функциональной диагностики Кремлевской больницы, она в 1944–1945 гг. инструментальными средствами контролировала сердечную деятельность Щербакова и Жданова. Несмотря на следственный прессинг, Карпай мужественно держалась на допросах, решительно отвергая обвинение во врачебном вредительстве.

* На этом назначении настоял Сталин, заявивший потом Игнатьеву, что он не доверяет старым сотрудникам МГБ, в отличие от которых Рюмин – «честный» коммунист и «прекрасный» человек – помогает ЦК раскрыть серьезные преступления в МГБ, и потому его необходимо поддержать и «слушать» (Брент Дж., Наумов В. П. Последнее дело Сталина. М., 2004. С. 123).

В течение нескольких месяцев, отказываясь подписывать сфальсифицированные «признания», эта сильная духом женщина затягивала следствие и тем самым отодвинула на более поздний срок аресты других врачей, что помогло им потом выжить. Однако такая стойкость дорого ей обошлась: пребывание в сырой и холодной камере обернулось хронической астмой, сведшей в могилу эту еще нестарую женщину спустя два года после освобождения.

Опасаясь, что Карпай может умереть в результате одного из приступов болезни (в чем вождь мог обвинить «ведущее свою игру» МГБ), Рюмин 2 апреля 1952 г. предложил Сталину, завершив следствие, «пропустить» подследственную через Особое совещание, назначив ей десятилетний тюремный срок. Согласившись поначалу с этим вариантом – при условии вынесения ей расстрельного приговора, – Сталин потом неожиданным передумал (видимо, заподозрив Рюмина в попытке развалить дело) и потребовал продолжить допросы⁷².

Но это мало что дало следствию. Карпай продолжала категорически отрицать как свою вину в смерти Щербакова, так и приписывавшееся ей намерение приблизить кончину другого покойного соратника Сталина – М. И. Калинина. Впрочем, Карпай сообщила, что когда в июне 1942 г. она предложила провести тщательное медицинское обследование «всесоюзного старосты» (тот жаловался на боли в кишечнике), профессор В. Н. Виноградов – главный терапевт ЛСУК – ограничился назначением клизмы, диеты и медикаментозного лечения⁷³. Это показание Рюмин использовал как зацепку, чтобы проникнуть в самую сердцевину «заговора» придворных врачей. Ведь Виноградов был самым авторитетным и маститым «кремлевским лекарем» и лечил не только всех членов Политбюро, но и самого Сталина. Полным доверием вождя Виноградов пользовался вплоть до начала 1952 г. Согласно истории болезни Сталина, в последний раз профессор осмотрел его 19 января и, скорее всего, именно тогда, обнаружив значительное ухудшение здоровья у своего пациента (высокое артериальное давление, чреватое новым инсультом), порекомендовал для восстановления сил временно отказаться от активной деятельности. Ответной реакцией стал бурный приступ гнева: Сталин воспринял этот медицинский вердикт не только как свидетельство неспособности врачей и далее поддерживать его работоспособность, но и как замаскированную попытку враждебных сил отстранить его от верховной власти. После этого вождь не только отдал от себя старого профессора, но и вообще стал избегать контактов с медиками, сделав на какое-то время исключение для профессора-отоларинголога Б. С. Преображенского, который пользовал его в связи с воспалившимся насморком вплоть до 17 апреля 1952 г.⁷⁴

Предубежденность к лейб-медикам, которая прежде лишь изредка тревожила быстро деградировавшего диктатора, таким образом, превратилась в постоянный и неизбывный страх. Он не только разочаровался в возможностях современной медицины, в нем росла убежденность в том, что истинными виновниками его нездоровья являются врачи. В болезненном мозге Сталина родилась мысль о «заговоре врачей». Уверенный в том, что ему и на сей раз удалось первым распознать тайные козни врагов, диктатор собирался убедить в этом своих соратников и общество в целом с тем, чтобы потом железной рукой устранить опасность, стяжав как и прежде, лавры победителя. Это была последняя роль, которую он, несмотря на старость и обременявшие болезни, намеревался сыграть. Понимая, что в этой схватке время работает против него, Сталин торопил исполнителей своего замысла. Зимой 1952 г., вызвав Игнатьева, генсек в припадке подозрительности стал угрожать ему, говоря, что если тот «не вскроет террористов, американских агентов среди врачей, он будет там, где Абакумов». «Я не проситель у МГБ! – неистовствовал Сталин. – Я могу и потребовать, и в морду дать, если вами не будут выполняться мои требования <...> Мы вас разгоним, как баранов». После столь явных угроз машина следствия заработала на всех парах, тем более что 12 февраля 1952 г. Сталин провел через Политбюро постановление, обязывавшее Игнатьева «представить соображения о коренном улучшении работы следственного аппарата МГБ»⁷⁵.

Тем же постановлением предусматривалось изъятие из Прокуратуры СССР дела Абакумова и передача его для дальнейшего следствия в МГБ. Рюмину, таким образом, предоставлялась возможность заполучить ключевое доказательство, «неопровержимо» подтверждавшее правильность его версии о преступномговоре между врачами-«вредителями» и их покровителями из числа прежнего руководства МГБ. Уже 9 апреля Рюмину удалось «выдавить» из арестованного вместе с Абакумовым психологически сломленного М. Т. Лихачева (прежний заместитель начальника СЧОВД МГБ) следующее «признание»: «Будучи еврейским националистом, Этингер показал на допросе у Абакумова, что в силу ненависти к Щербакову задался целью сократить его жизнь <...> Этингер заявлял также, что при лечении Щербакова он применял увеличенную или уменьшенную дозировку лекарств и заведомо неправильно назначал время их приема больным...». Для того чтобы придать этим показаниям большую убедительность, 22 июля Рюмин организовал очную ставку Абакумова и Лихачева, на которой последний «припомнил» и другие детали следствия по делу Этингера, «смазанного» бывшим шефом госбезопасности⁷⁶. Однако наиболее

веское подтверждение своей версии Рюмин надеялся получить в ходе проведения следственных медицинских экспертиз. Дело в том, что при желании правильность практически любого лечения можно так или иначе поставить под сомнение, особенно когда допускаются очевидные ошибки, чем, как оказалось, «грешили» и кремлевские врачи. Определив с помощью специально подобранных экспертов такие действительные, а иногда и мнимые изъяны в терапии, легко было преподнести их как результат «вредительского», «преступного» умысла. Подыскивая специалистов для этой цели, следствие вышло на кардиолога Кремлевской больницы Л. Ф. Тимашук (1898–1983), выступившую в качестве одного из главных свидетелей обвинения по «делу врачей». Более того, в общественном мнении за этой женщиной прочно закрепится репутация «зачинщика» этого дела. Своей позорной славой она во многом была «обязана» Хрущеву, заклеившему ее сначала с трибуны XX съезде КПСС как «негласного сотрудника органов госбезопасности», единолично спровоцировавшего охоту на ведьм в белых халатах, а потом в мемуарах, где он облыжно обвинил эту женщину-врача «с нарушенной психикой» в оговоре своих коллег.

То, что эта примитивная, в духе сиюминутной политической целесообразности версия была далека от действительности, очевидно хотя бы потому, что в мае 1954 г. Хрущев сам заверял на одном из закрытых совещаний: «Заявление Тимашук использовали провокаторы. Она не виновата, написала заявление из чистых побуждений <...> Она хороший врач и хотела хорошего»⁷⁸. Для того чтобы вникнуть в суть этой фразы, да и понять, почему Хрущев впоследствии так резко изменил свое мнение, необходимо, кроме уяснения стоявших за всем этим политических резонансов, хотя бы в целом охарактеризовать личность Тимашук и, конечно, беспристрастно определить ее истинную роль в деле врачей.

Будущая «основная виновница» (по Хрущеву) несчастий, обрушившихся на элиту кремлевской медицины, происходила из семьи унтер-офицера, служившего в Брест-Литовске. После революции Тимашук получила высшее медицинское образование в Самаре и в Москве, а с 1926 г. работала врачом в Кремлевской больнице. В документах следствия ее имя впервые было упомянуто 24 июля 1952 г., то есть через год после начала «дела врачей». В тот день следователь В. Н. Гаркуша вызвал Тимашук на Лубянку, чтобы проконсультироваться по поводу медицинских материалов дела о «вредительском» лечении Щербакова. 11 августа ее снова пригласили туда же, и новый следователь И. И. Елисеев завел разговор о лечении А. А. Жданова, наверняка зная, что она как заведующая кабинетом электрокардиографии Кремлевс-

кой больницы обследовала этого секретаря ЦК незадолго до его смерти. Вследствие постоянных стрессов, усугублявшихся пристрастием к алкоголю, главный идеолог партии страдал от тяжелого атеросклероза сосудов сердца. Болезнь стала резко прогрессировать с осени 1947 г. (тогда после очередного инфаркта он прошел неудачный курс лечения в Сочи) и обострилась летом 1948-го, после того как ему пришлось уступить пост второго секретаря ЦК Маленкову. Тяжело переживая свой карьерный крах, Жданов 13 июля отправился отдыхать на юг, но поскольку там стояла невыносимая жара, вскоре перебрался в среднюю полосу России в санаторий «Валдай». За лечебными процедурами и пешими прогулками проходили дни, и Жданов начал постепенно успокаиваться, что положительно сказалось на его самочувствии. Однако 24 июля ему позвонил заведующий ОПиА ЦК Шепилов (прежде протеже Жданова, а теперь, когда тому изменила фортуна, старался прибиться к лагерю победившего Маленкова), и между ними состоялась продолжительная беседа. По свидетельству медицинского персонала, разговор был явно неприятен Жданову: он, крайне разволнованный, что-то громко кричал в трубку, а ночью у него случился тяжелый сердечный приступ. Однако прилетевшие 25 июля из Москвы профессора Кремлевской больницы В. Н. Виноградов, В. Х. Василенко, П. И. Егоров и кардиолог Карпай, осмотрев пациента в присутствии лечащего врача Г. И. Майорова, констатировали, что у него был острый приступ сердечной астмы, но что теперь ему ничто не угрожает. После чего авторитетная комиссия отбыла восвояси, никак не скорректировав ранее назначенное лечение.

Следует особо отметить, что при Сталине, да и в последующие годы качество лечения высшей сановной бюрократии, входившей в так называемую особую группу медицинского обслуживания, было далеко не идеальным. Как ни парадоксально, но в ЛСУК, в котором концентрировались «сливки» отечественной медицины, врачебные ошибки не были редкостью. Положение усугублялось атмосферой всеобщей слежки и доносительства, характерной для «Кремлевки». На фоне царившей там чиновной иерархичности, корпоративности и круговой поруки сложилось положение, когда на попечении профессоров ЛСУК, и без того обремененных многочисленными должностями*, подчас находились десятки высокопоставленных пациентов.

* Скажем, Виноградов, будучи до 1951 г. главным терапевтом Кремлевской больницы, а потом штатным профессором-консультантом, одновременно заведовал кафедрой в 1-м ММИ, был главным редактором журнала «Терапевтический архив», заведующим электрографическим отделением Института терапии АМН СССР и занимал ряд других должностей.

И не удивительно, что в таких условиях лечение порой превращалось в свою противоположность. При этом, конечно, никто из врачей не преследовал «вредительских» целей, что, впрочем, не мешало Сталину – с его явно болезненным к концу жизни мировосприятием – чуть ли не в каждой врачебной ошибке усматривать коварный умысел и умышленное преступление. Со своей стороны, органы госбезопасности, не могли и потому и не пытались развеять подобные страхи «хозяйина», более того, такие, как Рюмин, подстраиваясь под эти заблуждения, «подводили» под них специально фабриковавшиеся дела.

Вот такой фиктивный заговор и породила болезнь Жданова, в борьбе с которой номенклатурная медицина оказалась, на свое несчастье, не на высоте. Несмотря на тяжесть заболевания, требовавшего постоянного контроля, в течение трех недель, начиная с 7 августа, у секретаря ЦК не снимались электрокардиограммы. Врач Майоров, передоверив уход и лечение Жданова медицинской сестре, часами занимался рыбной ловлей. 27 августа Жданову опять стало плохо. На следующий день к нему на Валдай вновь прибыли Егоров, Виноградов и Василенко, захватившие с собой на сей раз вместо Карпай (находилась в отпуске) Тимашук. Снял у Жданова электрокардиограмму и сопоставив ее с данными годичной давности, Тимашук выявила «свежий» инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка и межжелудочковой перегородки». Но профессора-консультанты сочли это мнение ошибочным и заставили ее переписать свое заключение в соответствии с ранее поставленным ими диагнозом: «функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни». Однако утром 29 августа у Жданова, которому Егоров и Майоров разрешили вставать с постели, гулять в парке и смотреть кино, произошел сильный приступ с потерей сознания. Тогда Тимашук, страшась ответственности, которая грозила ей в случае смерти Жданова, заявила о правильности своего первоначального диагноза об инфаркте, потребовав соблюдения больным постельного режима. Одновременно она подготовила записку о своих разногласиях с руководством Лечсанупра, и, приложив кардиограмму больного, попросила майора А. М. Белова (личного охранника Жданова с 1935 г.) как можно быстрее доставить ее в ЦК ВКП(б) или в Кремль. Однако Белов обещал передать бумаги только непосредственному начальнику – руководителю главного управления охраны МГБ СССР Н. С. Власику, против чего Тимашук не стала возражать⁷⁹.

Описанный эпизод свидетельствует о том, что Тимашук не имела оперативной связи с МГБ (в противном случае она по заранее установленному каналу могла бы выйти на своего «куратора» в этом

ведомстве) и, следовательно, не являлась агентом госбезопасности. Вместе с тем, не так давно из оперативных архивов бывшего МГБ СССР просочились сведения о том, что тайными информаторами этой спецслужбы в Кремлевской больнице были некто Юрина (псевдоним?), а также агенты «Львов», «Рентгенолог», «Владимир», «Хирург» и др. Правда, имеются сведения о том, что Тимашук 4 сентября 1948 г. направила «подробное письмо» о лечении Жданова некоему работнику МГБ С. Н. Суранову⁸⁰. Однако такое обращение к прикомандированному к Кремлевской больнице сотруднику Лубянки, которое, заметим, последовало только после того как информация, направленная через Белова, не возымела действия (об этом ниже), не может свидетельствовать о систематическом, «договорном» сотрудничестве с «органами».

Уже в наши дни доктор медицины В. Б. Малкин, сам варившийся в соку номенклатурной медицины и хорошо знакомый с семейством Тимашук, свидетельствовал, что «Тимашук не была ни штатной, ни внештатной доносчицей МГБ» и всего лишь «добросовестно выполняла обязанности» врача. Израильский историк М. Р. Хейфец, специально изучавший эту деликатную проблему (в том числе и консультируясь с Малкиным), уточняет: «Связи с МГБ у Тимашук имелись, но имелись они у всех до единого “фигурантов” по знаменитому “делу врачей-убийц в белых халатах”. Лечсанупр Кремля, в котором они работали, находился в реальном кадровом подчинении у МГБ СССР, а не у Министерства здравоохранения — врачи не могли не контактировать, а иногда и отчитываться перед реальными работодателями»⁸¹.

Впрочем, вопрос о возможном сотрудничестве Тимашук с госбезопасностью — второстепенный и не носит принципиального характера, поскольку не она манипулировала «органами», а кремлевское руководство, которое, используя структуру госбезопасности как инструмент реализации внутренней политики, распорядилось судьбами всех граждан страны. Тут уместно будет упомянуть о секретаре ЦК А. А. Кузнецове, курировавшем МГБ и в свое время рекомендовавшем главного терапевта ленинградского военного округа Егорова на должность начальника Кремлевки*. Не поэтому ли охранник Белов перед тем как отправить в Москву заявление Тимашук дал ознакомиться с ним Егорову? Так же любезен с Егоровым был и Абакумов,

* Произошло это вскоре после того как, в 21 апреля 1947 г. Политбюро поручило Жданову «наблюдение» за Минздравом СССР (РГАСПИ. Ф. 17, Оп. 3. Д. 1064. Л. 42, 44).

который, получив эту бумагу от Власика, перед вручением ее 30 августа Сталину уведомил об этом начальника Лечсанупра⁸².

На следующий день Жданов умер. А 1 сентября газеты и радио с «великим прискорбием» известили советский народ о смерти «верного ученика и соратника великого Сталина», последовавшей «от паралича болезненно измененного сердца при явлениях острого отека легких». Письмо же Тимашук тогда так и осталось без последствий. Подозрительный и обычно скорый на расправу Сталин на сей раз не стал проводить расследования, хотя на то были веские основания, а собственноручной резолюцией отправил письмо Тимашук «в архив»⁸³.

Возможно, вождь счел информацию, исходившую от рядового врача, малоубедительной, тем более что она опровергалась маститыми кремлевскими медиками, которым он тогда доверял. Да и сам по себе застарелый хронический недуг Жданова не был секретом для Сталина, как известно, не любившего слабых и больных, и, может быть, поэтому незадолго до смерти старого соратника предавшего его опале. Вместе с тем, члены так называемой ленинградской группы (Кузнецов и др.), даже лишившись своего неформального лидера, использовали пока что сохранявшуюся в их руках немалую власть для того, чтобы настроить Сталина в пользу опекаемого ими руководства ЛСУК. То же можно сказать и в отношении главного охранника вождя Власика.

Находясь под таким надежным «прикрытием» и совершенно не догадываясь о том, какие страшные испытания им уготованы в будущем, руководители ЛСУК создали 31 августа 1948 г. заочный консилиум с тем чтобы, опираясь на коллективное мнение таких светил кремлевской медицины, как В. Н. Виноградов, В. Ф. Зеленин, В. Е. Незлин, Я. Г. Этингер, А. М. Марков, дискредитировать диагноз «взбунтовавшейся» Тимашук. Как и следовало ожидать, сохраняя корпоративную солидарность, участники консилиума подтвердили правильность официальной квалификации течения болезни Жданова. Но по иронии судьбы в 16 час. 10 мин. пришло известие о смерти Жданова, после чего заседание пришлось срочно свернуть. Участвовавший в консилиуме Егоров, захватив патологоанатома Кремлевской больницы А. Н. Федорова, спешно вылетел на Валдай, где их встречал секретарь ЦК Кузнецов*. Прибыв на место, врачи (в присутствии последнего) произвели вскрытие умершего. Проводивший

* Инстинктивно почувствовав, что, потеряв влиятельного покровителя, необходимо сплотиться, в тот же день на Валдай прибыли также Н. А. Вознесенский и П. С. Попков.

его в непригодном помещении ванной комнаты, Федоров потом на следствии признал, что при оформлении результатов этой процедуры Егоров настаивал на фиксации максимальной идентичности клинического и анатомического диагнозов. Вот почему сделанное Федоровым описание обнаруженных на сердце Жданова свежих и застарелых инфарктных рубцов содержало массу неопределенных и туманных формулировок («некротические очажки», «фокусы некроза», «очаги миомаляции» и т. п.), имевших целью скрыть эти инфаркты⁸⁴.

Чтобы утомить Тимашук, продолжавшую обвинять руководство ЛСУК в неправильном лечении и смерти Жданова, 6 сентября Егоров, ссылаясь на заключение консилиума от 31 августа, заклеил на совещании противницу ведомственного конформизма как невежественного врача, «чуждого» и «опасного» человека. Его поддержали Василенко, Майоров, Федоров, а также Виноградов, который, особенно неприязненно относился к Тимашук, считая ее самоуверенной выскочкой и опасной «стукачкой». Этого интеллигента старого закала довольно сильно поразил эпизод, произошедший еще в 1930-е, когда он был вызван на Лубянку как свидетель и эксперт по делу своего учителя, профессора Д. Д. Плетнева. Требуя от Виноградова подтверждений врачебного «вредительства» старшего коллеги, «железный нарком» Ежов, будучи в подпитии, зловеще предостерег его: «Хороший ты человек, Владимир Никитович, но болтаешь много. Имей в виду, что каждый третий является моим человеком и обо всем мне доносит. Советую тебе поменьше болтать». Один из «наследников» Ежова министр Игнатъев утверждал, что в 1951 г. его ведомство располагало десятью миллионами негласных информаторов⁸⁵. В атмосфере всеобщей слежки и доносительства обличения Тимашук могли вызвать у Виноградова только страх. Поэтому он категорично заявил министру здравоохранения СССР Е. И. Смирнову: «Или я буду работать в Кремлевской больнице, или она». В конце концов, 7 сентября Тимашук вызвали в отдел кадров, где зачитали приказ о ее переводе в один из филиалов Кремлевской поликлиники.

Уже после смерти Сталина, когда в ходе предпринятой новым руководством МВД СССР проверки «дела врачей» начнут трещать по швам собранные следствием «доказательства», профессор Виноградов в записке Берии от 27 марта 1953 г., тем не менее, откровенно признал: «...что у А. А. Жданова имелся инфаркт, и отрицание его мною, профессорами Василенко, Егоровым, докторами Майоровым и Карпай было с нашей стороны ошибкой. При этом злого умысла в постановке диагноза и метода лечения у нас не было»⁸⁶.

Таким образом, информация о болезни и лечении Жданова, переданная Тимашук летом 1952 г. следователю Елисееву, носила в целом объективный и квалифицированный характер. Эти сведения почти дословно воспроизводились в экспертном заключении, подготовленном 29 августа 1952 г. главным терапевтом Минздрава СССР профессором П. Е. Лукомским. Другое дело, что МГБ использовало его исключительно для доказательства мифического злого умысла «врачей-вредителей». Впрочем, «заказ» на такую превратную интерпретацию исходил от Сталина, который, получив от МГБ желаемое – медицинское «доказательство» тайного врачебного заговора против высших советских руководителей, 1 сентября подписал постановление Политбюро о снятии Егорова, которого он давно подозревал в связях с «ленинградской группировкой», и назначении новым руководителем ЛСУК начальника медико-санитарного управления МГБ СССР И. И. Куперина⁸⁷. Еще более радикальные меры были приняты в конце того же месяца, после того как Игнатъев представил вождю подготовленную Рюминым обобщенную справку (по результатам допросов арестованных медиков, медицинских экспертиз и т. д.), где со всей определенностью утверждалось, что кремлевские врачи намеренно умертвили Щербакова и Жданова.

Добившись тогда от вождя санкции на коллективный арест первой группы подозревавшихся кремлевских врачей (не особенно именитых, но от которых предполагалось получить компромат на «главных заговорщиков»), Рюмин взял под стражу докторов Г. И. Майорова и А. Н. Федорова, а также профессора А. А. Бусалова, руководившего ЛСУК до 1947 г. 28 сентября он был арестован на курорте в Алуште.

Конвейер репрессий вновь запустили 18 октября, когда арестовали профессора. Егорова. Более пяти лет он возглавлял кремлевскую медицинскую службу и считался наиболее информированным и авторитетным в этой сфере. Поэтому Рюмин, дабы получить «нужные» показания, прибег к циничной тактике шантажа, распорядившись еще 27 сентября арестовать жену профессора Е. Я. Егорову, которую угрозами заставил оговорить мужа. Тем временем продолжался сбор «доказательств» посредством проведения все новых медицинских экспертиз. 20 октября Рюмин, вызвав на Лубянку профессоров Кремлевской больницы М. А. Соколова, В. Ф. Червакова, С. А. Гиляревского и заместителя начальника Центральной поликлиники МГБ СССР майора медслужбы Н. Н. Купышеву, предложил по истории болезни оценить эффективность лечения Щербакова. 21 ноября та же самая экспертиза была проведена и по Жданову. Отлично пони-

мая, какого результата от них ждут, эксперты подготовили соответствующие заключения.

Когда 29 октября 1952 г. Игнатъев доложил Сталину, что специалисты-медики официально подтвердили факт преступного лечения кремлевских руководителей, тот, преодолев последние сомнения, дал санкцию на арест главных «заговорщиков». В ноябре на Лубянку водворили профессоров Виноградова, Василенко, Вовси, Б. Б. Кога-на, а в декабре конвейер арестов доставил туда же профессоров Гринштейна, А. И. Фельдмана, Я. С. Темкина.

Однако, несмотря на изматывающие допросы и психологический прессинг, арестованные не спешили «признаваться» во вредительском лечении, что привело Сталина в бешенство. 3 ноября он вызвал в Кремль министра госбезопасности Игнатъева и его заместителей С. А. Гоглидзе и Рюмина и потребовал применить к упорствовавшим врачам-«вредителям» меры физического воздействия⁸⁸. Как свидетельствовал потом Игнатъев, вождем потребовал бить арестованных, он упрекнул руководителей МГБ: «...вы хотите быть гуманнее Ленина <...> Дзержинский вам не ровня, он не гнушался грязной работы, а вы хотите быть, как официанты – в белых перчатках; если вы чекисты, то снимите белые перчатки, ваша работа крестьянская, а не барская»⁸⁹.

Однако руководители госбезопасности все же не сразу решались на жесткие пытки в отношении уже немолодых и не совсем здоровых людей, опасаясь не столько за них, сколько за собственное благополучие: ведь в их случайной гибели от «острых» методов допроса Сталин мог обвинить МГБ, которое де таким образом избавляется от «неудобных» свидетелей. Поэтому вначале на «врачей-вредителей» оказывали «мягкое» физическое воздействие. С 6 ноября по указанию Рюмина в камерах Лубянки ввели многосуточное содержание узников в металлических наручниках. Причем в дневное время руки заковывались за спиной, а в ночное – спереди. Однако арестованные продолжали упорствовать. Их доставили в Лефортовскую тюрьму и избили резиновыми палками (во Внутренней тюрьме на Лубянке еще не было специально приспособленного для пыток помещения). 15 ноября Игнатъев доложил Сталину, что «к Егорову, Виноградову и Василенко применены меры физического воздействия», для чего «подобраны <...> два работника (лейтенанты Ф. И. Белов и П. В. Кунишников. – Г. К.), могущие выполнять специальные задания (применять физические наказания) в отношении особо важных и особо опасных преступников». Чтобы в дальнейшем не тратить время на транспортировку узников в Лефортово, в декабре 1952 г. начальник Внутренней тюрьмы А. Н. Миронов оборудовал пыточную в своем кабинете⁹⁰.

Очень скоро физическое воздействие на арестованных врачей превратилось в рутину: истязания резиновыми палками и применение наручников производилось с санкции министра госбезопасности или его заместителей и регистрировалось в специальном журнале. Как рассказывал потом профессор Бусалов, 18 ноября на него надели наручники, которые не снимали (не считая кратких перерывов) 52 дня. А 10 декабря его зверски избили резиновыми дубинками⁹¹.

Аналогичным образом обращались и с Егоровым, от которого наряду с признанием во врачебном вредительстве домогались и сведений о шпионских связях с бывшим его покровителем секретарем ЦК Кузнецовым. После побоев и угроз Рюмина пытать его одновременно на двух кострах, Егоров перестал сопротивляться и оговорил себя, признавшись в несовершенных преступлениях. Егорова обвинили не только в том, что он «вывел из строя» М. Тореза, «умертвил» Г. Димитрова, А. Жданова, А. Щербакова, лишил жизни и причинил вред здоровью многих других советских и иностранных коммунистических лидеров, но и в том, что злоумышлял против членов семьи Сталина.

Однако, несмотря на столь энергичные меры, следствие продвигалось не так быстро, как хотелось бы Сталину. Генсека раздражала нерешительность шефа госбезопасности Игнатъева, которого он подозревал в сговоре с Маленковым и другими покровителями в ЦК. Те же были встревожены безумной авантюрой «хозяина», распорядившегося арестовать кремлевских врачей, справедливо опасаясь, что следующими жертвами могут стать они сами. Подобные настроения в верхах не могли не влиять и на Рюмина, который несколько поумерил свой служебный пыл. Он отнюдь не желал, подобно Ягоде, Ежову или Абакумову оказаться в положении «мавра», от которого по выполнению «грязной работы» власть предпочтет избавиться. Возможно, поэтому Рюмин стал спускать расследование «врачебного заговора» на тормозах, что не укрылось от Сталина. Но самое главное, вождем стало очевидно, что Рюмин не в состоянии добыть доказательства, подтверждавшие версию о сколоченном империалистическими разведками широко разветвленном заговоре «силовики» (Абакумов и др.) и еврейских буржуазных националистов с целью захвата власти в стране*. Все это вкупе с поступающим в Кремль по

* Фабрикация этого грубо сработанного «сионистского заговора» произошла в ходе разбирательства «дела Абакумова – Шварцмана». Свою провокационную мистификацию Рюмин для наглядности и правдоподобия «подкрепил» красочной схемой, где графически обозначил фигурантов заговора, их действия и связи. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1091. Л. 54; АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 222. Л. 1; Столяров К. А. Палачи и жертвы. С. 178–179).

различным каналам компроматом на Рюмина (о его пристрастии к алкоголю, любовных похождениях и т. п.) привело к тому, что Сталин утратил доверие к разоблачителю Абакумова. С этого момента Рюмин, тайно презируемый в МГБ как инициатор кадрового погрома в ведомстве и не имевший поддержки в высших номенклатурных кругах, был обречен. Позже он сам признал: «К сентябрю 1952 г., несмотря на фальсификацию следствия, стало очевидным, что дело сотрудников (МГБ. – Г. К.) проваливается, так как ни от кого из арестованных, кроме Шварцмана, не удалось получить нужных нам показаний о корнях вредительства <...> Таким образом я стал банкротом <...> оказавшись жертвой собственной фальсификации»⁹².

Так что увольнение из МГБ СССР не стало для Рюмина неожиданностью. В постановлении Совета министров от 13 ноября СССР он обвинялся в неисполнении «указания Правительства» и «порочной практике <...> выяснения формально-юридической стороны дела», тогда как «при расследовании таких важных, связанных с иностранной разведкой антисоветских дел, как дело о вредительской работе Абакумова – Шварцмана и дело о террористической деятельности врачей из Лечсанупра <...> нужно добираться до корней дела, до первоисточников преступления»⁹³.

Однако сурового наказания в отношении Рюмина не последовало: его не посадили, даже вскоре пристроили старшим контролером в Министерство госконтроля СССР. Возложив ответственность за скандальный провал Рюмина на министра госбезопасности Игнатъева, Сталин подверг того грубому разному. Произошло это 15 ноября, когда министр, доложив вождю о «физическом наказании» упорствовавших врачей, не представил так давно ожидавшихся тем «признаний» в антигосударственной деятельности. В тот же день Игнатъева поразил сердечный удар, и он надолго слег.

Номенклатурная элита, ненавидевшая Рюмина как авантюриста и выскочку, была довольна его смещением. С подачи Берии новым начальником СЧОВД и руководителем следствия по «делу врачей» стал замминистра госбезопасности Гоглидзе, которого 20 ноября повысили до первого замминистра, исполняющего обязанности заболевшего Игнатъева. С этого момента расследование приобрело новую направленность. Аспект медицинского вредительства, который до этого считался в деле главным, Сталин потребовал увязать с версией, которую не смог доказать Рюмин: о направленном против советского руководства шпионско-террористическом заговоре западных спецслужб, завербовавших «кремлевских врачей». Подняв, таким образом, ранг «дела» до высокого международно-политического уровня,

Сталин приказал Гоглидзе еще раз передать следователям, что в МГБ «нельзя работать в белых перчатках, оставаясь чистенькими», а также дал указание ознакомить арестованных врачей с составленным, видимо, им самим следующим официальным заявлением следствия: «Мы имеем поручение руководства передать вам, что за совершенные вами преступления вас уже можно повесить, но вы можете сохранить жизнь и получить возможность работать, если правдиво расскажете, куда ведут корни ваших преступлений, и на кого вы ориентировались, кто ваши хозяева и сообщники. Нам также поручено передать вам, что, если вы пожелаете раскаяться до конца, вы можете изложить свои показания на имя вождя, который обещает сохранить вам жизнь в случае откровенного признания вами всех ваших преступлений и полного разоблачения своих сообщников. Всему миру известно, что наш вождь всегда выполнял свои обязательства»⁹⁴.

Эта датированная 18 ноября 1952 г. декларация, хотя и была составлена по канонам политической демагогии времен «большого террора», не произвела должного впечатления на главного «врача-вредителя» Виноградова. Прожив долгую и полную трагических испытаний жизнь, тот не питал наивных иллюзий относительно верности большевистских вождей своим клятвам. Прослушав текст «заявления», он не проронил ни слова. «Что же вы молчите?» – осведомился следователь А. К. Соколов. «Я нахожусь в трагическом положении, мне нечего сказать, – ответил Виноградов, твердо настаивая на своем. – Иностранцам я не служил, меня никто не направлял, и сам я никого в преступление не втягивал».

Подобное упорство не смутило следователя. На этот случай он подготовил очную ставку Виноградова с морально сломленным угрозам и пытками врачом Майоровым. С порога тот заявил: «Меня в преступления втянул профессор Виноградов». «А кому служил Виноградов?» – поинтересовался Соколов. «Безусловно, американцам», – ответил Майоров. На что Виноградов с горечью отреагировал: «Майоров клеветает на меня, заявляя, что я работал на американцев. Он скорее мог назвать меня немецким шпионом, так как я симпатизировал немцам в науке, был приверженцем немецкой школы, ездил в Германию...»⁹⁵. Взбешенный такой дерзкой иронией следователь приказал отвести Виноградова в кабинет начальника Внутренней тюрьмы, где престарелого профессора, повалив на пол, стали под аккомпанемент матерной ругани избивать резиновыми палками. Истязания, продолжавшиеся три дня, вызвали у Виноградова тяжелый приступ стенокардии, однако, наручники с него не сняли. Более того, предупредили, что если он и дальше будет упорствовать, его закуют и

в ножные кандалы. Таким же «острым методам» допроса подверглись Василенко, Вовси, Коган, другие арестованные врачи⁹⁶.

Оказавшись на грани жизни и смерти, Виноградов вынужден был уступить домогательствам истязателей и подписал подготовленное ими «признание» о своей «шпионско-террористической деятельности». По вульгарно-аляповатой версии следствия, Виноградов предстал центральной фигурой врачебного заговора, завербованной английской разведкой. Помимо В. Н. Виноградова к агентуре британской «Сикрет интеллидженс сервис» следствием были причислены Л. Б. Берлин, Б. Б. Коган, М. И. Певзнер, П. И. Егоров, В. Х. Василенко, А. А. Бусалов и В. Ф. Зеленин. Последний оказался даже «двойным» агентом, так как показал, что с 1925 г. и до начала Второй мировой войны работал на немецкую разведку, получая шпионские задания через «еврейского националиста» профессора М. С. Вовси. Когда столь абсурдное обвинение в шпионаже в пользу гитлеровской Германии следователь предъявил самому Вовси (был арестован в ночь на 11 ноября 1952 г.), тот с горечью посетовал: «Вы сделали меня агентом двух разведок, не приписывайте хотя бы германскую — мой отец и семья брата в войну были замучены фашистами в Двинске». На что последовал циничный ответ: «Не спекулируйте кровью своих близких»⁹⁷.

Поскольку Вовси был двоюродным братом Михоэлса, следствие выставило его «предводителем сионистов, окопавшихся в советской медицине», и «наймитом» американской разведки (сионизм поддерживался главным образом США). От него потребовали раскрыть, кто и как передавал ему директивы от «заокеанских хозяев». А чтобы он заговорил, задействовали обычный набор пыточных средств, в том числе изматывающие многочасовые допросы, наручники, угрозы («Мы тебя четвертуем, повесим, посадим на осиновый кол» и т. п.). Начиная с 21 ноября, когда силы оставили профессора, он, не читая, стал механически подписывать заранее составленные протоколы, в которых с параноидальной настойчивостью проводилась идея о руководящей и направляющей роли американцев — разведывательных служб и сионистских организаций — в формировании «заговора кремлевских врачей», за исходный пункт которого было взято пропагандистского турне Михоэлса по США. Первое конкретное задание Вовси якобы получил осенью 1946 г., когда Михоэлс «приказал» ему форсировать насаждение еврейских кадров в советской медицине. В развитие этого сюжета Вовси затем заставили «вспомнить», как в 1947 г. он встретился в Боткинской больнице с профессором Шимелиовичем и тот изложил ему полученную из

США директиву «Джойнта» о развертывании крупномасштабной акции по подрыву здоровья ответственных советских государственных и партийных работников. Причем Вовси заставили уточнить, что Шимелиович действовал при этом не как частное лицо, а как представитель ЕАК⁹⁸. По воле следователей в ближайшие сообщники к Вовси попали профессора Коган и Темкин. Они показали, что еще в 1946 г., собравшись на квартире у Вовси, создали «преступную группу» и наметили планы и способы террористической деятельности в ЛСУК⁹⁹.

От допроса к допросу фантазия следователей становилась все более необузданной. Законы детективного жанра, к рамках которого, по сути, велось расследование, требовали от сочинителей с Лубянки все более крупных разоблачений и бередящих воображение откровений. И вот на Ближнюю дачу главного вдохновителя этого творчества направляются протоколы допросов, в которых от имени Вовси и Когана утверждается, что в июле 1952 г., они, будучи изгнанными из Кремлевской больницы, договорились направить все усилия на умерщвление непосредственно Сталина, Берии и особо ненавидимого ими Маленкова, которого считали главным вдохновителем антисемитского курса в стране. В качестве основного исполнителя этого дьявольского плана был намечен Виноградов, продолжавший работать в ЛСУК. Однако коварный замысел «врачей-террористов» сорвался. По примитивному объяснению следствия, «заговорщикам», оказывается, не удалось скоординировать свои усилия: в августе Вовси уехал в отпуск, а, возвратившись, не смог встретиться с Виноградовым, наоборот, отбывшим на отдых, а по возвращении в Москву — арестованным. Такое неожиданное для «злоумышленников» развитие событий и решительность действий напавших на их след чекистов (что особо отмечалось в материалах следствия) привели Вовси и его сообщников в «истерическое неистовство», под воздействием которого они будто бы прибегли к крайним мерам: стали готовиться к вооруженному нападению на лимузины членов Политбюро на правительственной трассе в районе Арбата. Но и тут «органы» оказались на высоте и обезвредили «преступников» в критический для вождя и его соратников момент¹⁰⁰.

24 ноября Гоглидзе доложил Сталину давно ожидаемый тем результат: «Собранными документальными доказательствами и признаниями арестованных установлено, что в ЛСУК действовала террористическая группа врачей — Егоров, Виноградов, Василенко, Майоров, Федоров, Ланг и еврейские националисты — Этингер, Коган, Карпай, стремившиеся при лечении сократить жизни руководи-

телей Партии и Правительства»¹⁰¹. Тем не менее, Сталин продолжал оказывать давление на МГБ, требуя усиления «оперативно-следственной активности» по делу. В результате в январе 1953 г. начались новые аресты, и количество медиков, обитавших в камерах на Лубянке, существенно возросло. В те дни взяли под стражу профессоров Зеленина и Э. М. Гельштейна, Я. Л. Рапопорта, Н. А. Шерешевского, М. Н. Егорова, Б. С. Преображенского, С. Е. Незлина и других врачей, имевших отношение к «кремлевской» медицине. В первой половине февраля руководство МГБ официально сформировало групповое «дело врачей», отобрав и включив в общее производство материалы следствия по 37 арестованным. Из них 28 были собственно врачи, а остальные — члены их семей, в основном жены. Большинство составляли профессора-консультанты и другие специалисты, работавшие в системе ЛСУК. Это П. И. Егоров, Виноградов, Василенко, Коган, Гринштейн, Федоров, Зеленин, Бусалов, Преображенский, Н. А. Попова, Майоров, Карпай, Р. И. Рыжиков, Темкин, М. Н. Егоров (научный руководитель 2-й больницы ЛСУК), Б. А. Егоров (профессор-консультант центральной поликлиники ЛСУК), Г. А. Каджардузов, Т. С. Жарковская. Остальные числились сотрудниками других медицинских учреждений, причем многие из них ранее работали в системе ЛСУК или в качестве штатных сотрудников, или приглашенных консультантов. Это: Вовси (ЦИУВ), Шерешевский (ЦИУВ), В. Е. Незлин (ЦИУВ), С. Е. Незлин (профессор-консультант московской поликлиники № 63), Рапопорт (Центральный контрольный институт сыворотки и вакцины), Гельштейн (Боткинская больница), Этингер (консультант поликлиники Миннефтепрома), Р. А. Засосов (Ленинградская военно-морская академия), В. В. Закусов (1-й Ленинградский медицинский институт им. И. П. Павлова), Фельдман (директор клиники Московского научно-исследовательского клинического института).

И хотя из 28 поименованных неевреев было чуть больше половины (13 русских, 1 украинец и 1 армянин), дело по ходу следствия приобретало все более отчетливый антисемитский характер. Так, в феврале профессору Вовси дополнительно инкриминировали руководство сетью групп «еврейских буржуазных националистов», якобы существовавших в столичных медицинских учреждениях, в том числе во 2-м ММИ (Этингер, В. Е. Незлин, О. Б. Макаревич, Н. П. Рабинович и др.), в 1-й Градской больнице (А. Б. Топчан, Рапопорт, Я. И. Мазель, Н. Л. Вильк, Гельштейн, Гринштейн, Ш. Д. Мошковский, В. С. Левит и др.), в Центральном рентгенологическом институте им. Молотова (директор С. А. Рейнберг, И. Л. Тагер и др.), кли-

нике лечебного питания (Л. Б. Берлин, М. И. Певзнер, Б. С. Левин, Г. Л. Левин и др.). Но больше всего «националистов» «расплодилось» якобы в ЦИУВ (Коган, Темкин, Г. Ф. Благман, И. С. Шницер, С. М. Хаскин и др.). Вовси принудили показать, что руководителям всех этих групп, за исключением Певзнера, он давал установки на проведение активной националистической работы. А Этингера он якобы намеренно направил на работу в 1-ю Градскую больницу, дабы исполнить указание Михоэлса о превращении ее в опорный пункт еврейского национализма. Кроме того, Вовси «сознался», что для обмена мнениями в кругу самых близких единомышленников неоднократно устраивал на своей подмосковной даче в 1951–1952 гг. «националистические сборища», на которые приезжали профессора Рапопорт, Е. Я. Герценберг, Коган, а также родственники хозяина — Х. М. Вовси, С. М. Итин¹⁰².

Благодаря такому широкому следственному охвату, параллельно с производством основного дела «кремлевских врачей» уголовному преследованию подверглось множество других медиков, главным образом евреев, на которых навешивали ярлык «буржуазных националистов»¹⁰³.

Резонно задаться вопросом, верил ли сам Сталин в реальность «медицинского заговора»? Думается, скорее да, чем нет. И вот почему. Имеются многочисленные свидетельства, что к концу жизни диктатора его личность под влиянием общего старения организма, серьезных хронических заболеваний (гипертония, атеросклероз сосудов мозга и др.), постоянных психологических стрессов в значительной мере деформировалась. Боясь выпустить власть из слабеющих рук, он стал малообщительным, крайне подозрительным, в том числе и по отношению к тем, кто входил в его ближайшее окружение, часто бывал вспыльчив, все чаще совершал спонтанные и необдуманные и странные поступки. Даже к своим детям, которые, впрочем, мягко говоря, не радовали его своим поведением, он испытывал все меньше доверия. Встречи диктатора с сыном Василием, которого в августе 1952 г. за пьянство и хозяйственные злоупотребления он сместил с поста командующего ВВС Московского военного округа, а также с дочерью Светланой, чей брак с Юрием Ждановым развалился в конце 1951-го, становились все реже и реже. Вспоминая то время, Светлана Аллилуева так писала о своем отце: «Он был душевно опустошен, забыл все человеческие привязанности, его мучил страх, превратившийся в последние годы в настоящую манию преследования — крепкие нервы в конце концов расшатались»¹⁰⁴. Критической для здоровья вождя стала осень 1952 г. Если в предшествовавший период

(1945–1951 гг.) он регулярно подолгу отдыхал на юге*, то в тот год он лишил себя отпуска, отдавая последние силы подготовке очередного съезда партии и последовавшей за ним реорганизации высшего руководства страны, а также изматывавшему следствию по «делу врачей». Даже Молотов, всегда симпатизировавший вождю, позднее с сожалением вынужден был признать: «В последний период у него (Сталина. – Г. К.) была мания преследования. Настолько он издевался, настолько его подтачивали, раздражали, настраивали против того или иного – это факт. Никакой человек бы не выдержал. И он, по-моему, не выдержал. И принимал меры, и очень крайние. <...> Все-таки у него была в конце жизни мания преследования. Да и не могло не быть». Того же мнения придерживались и приближенные к Сталину Хрущев и Шепилов¹⁰⁵. Основоположник советской кардиологии профессор А. Л. Мясников, находившийся при умиравшем Сталине и потом участвовавший в подготовке медицинского заключения о его смерти, усматривал причину поведенческой ненормальности вождя в последний период его жизни в прогрессирувавшем атеросклерозе мозговых сосудов, деформирующем главным образом эмоциональные реакции человека (интеллектуальные способности личности при этом зачастую сохраняются). Как следствие, у таких больных отмечаются гипертрофированные жестокость, подозрительность, крайнее упрямство, неадекватность в оценке людей и событий. Характеризуя поздний сталинизм, Мясников был уверен в том, что тогда «управлял государством, в сущности, больной человек»¹⁰⁶.

Воистину, тот, кто страшен многим, сам всего страшится. О том, насколько сильно параноидальные страхи завладели сознанием Сталина можно судить хотя бы потому, что после XIX съезда КПСС он приказал засекретить факт создания и персональный состав Бюро Президиума ЦК – нового высшего оперативного органа партии. Обосновывая эту идею, он использовал странный довод: «чтобы ... за границей не могли этим воспользоваться»¹⁰⁷.

В феврале 1953 г. Сталин избавился даже от Поскребышева (обвиненный в сокрытии заявления Тимашук 1948 г. и в «утечке секретных документов», тот был изолирован МГБ в деревенском доме родителей в Горьковской области¹⁰⁸), десятилетиями служившего ему личным секретарем не за страх, а за совесть. Еще раньше, в апреле 1952 г. вождь сместил с поста начальника главного управления охраны МГБ СССР другого, рабски преданного ему клеветра,

* Например, в 1951 г. Сталин пробыл в отпуске в Новом Афоне (Абхазия) с 11 августа по 21 декабря.

генерал-лейтенанта Н. С. Власика, которого 16 декабря арестовали. Произошло это после того, как МГБ доложило Сталину, что Власик действовал заодно с кремлевскими «врачами-вредителями». В частности, вождю напомнили, что Власик еще в августе 1948 г. вместо того, чтобы предпринять расследование по фактам неправильного лечения Жданова, сообщенных тогда Тимашук, «замял» это дело, встав на сторону начальника ЛСУК Егорова, с которым был хорошо знаком и даже дружил домами. Более того, когда летом 1951-го арестовали Абакумова, и началась тотальная кадровая проверка врачей Кремлевки, Власик, почувствовав опасность, не только изъял у Егорова все документы, связанные с разбирательством жалоб и заявлений Тимашук, пытаясь тем самым утаить их от нового руководства МГБ, но и еще раз поручился перед Сталиным за руководство ЛСУК. Между тем, в ноябре 1951 г. в ЦК ВКП(б) обратился начальник оперативного отдела Главного управления охраны МГБ СССР В. И. Масленников, который обвинил своего шефа Власика в сокрытии в 1948 г. «важного сигнала» Тимашук¹⁰⁹. Когда спустя почти год арестовали профессора Егорова, тот дал следующее показание: «Не подлежит никакому сомнению, что если бы Абакумов и Власик провели должную проверку заявления Тимашук сразу же после его поступления, то мы, врачи, виновные в гибели Жданова, были бы разоблачены еще в 1948 году»¹¹⁰. Компромат на Власика выглядел столь убедительным, что «потянул» на такое, сформулированное в МГБ, обвинение: «Абакумов и Власик отдали Тимашук на расправу... иностранным шпионам-террористам Егорову, Виноградову, Василенко, Майорову». Сталин «усилил» этот вердикт: Жданов «не просто умер, а был убит Абакумовым»¹¹¹. 1 декабря 1952 г. на собрании членов Бюро Президиума ЦК вождь облыжно утверждал, что в 1948-м Власик и Абакумов скрыли от него записку Тимашук, разоблачавшую заговор против Жданова. На том же заседании генсек пустился в рассуждения, мол, «чем больше у нас успехов, тем больше враги будут нам стараться вредить», и что «среди врачей много евреев-националистов», а «любой еврей-националист это агент американской разведки». Потом последовали обвинения в адрес чекистов, у которых де «притупилась бдительность», да и вообще они «сидят в навозе». Запугивая членов Бюро, Сталин мрачно предположил, что если бы не он, то не только Жданов, но многие из тех, кто слушает его сейчас, могли погибнуть от рук «убийц в белых халатах». Войдя в роль спасителя беспечных и неразумных соратников, диктатор с чувством торжествующего превосходства подытожил: «Вы слепцы, котята, что же будет без меня – погибнет страна, потому что вы не можете

распознать врагов». В подтверждение сказанного Сталин направил специально подобранные признательные показания арестованных врачей Маленкову, Хрущеву и другим «убереженным от медицинского террора» соратникам¹¹².

Наиболее вероятный вариант финала «дела врачей» Сталин продемонстрировал советскому номенклатурному истеблишменту 3 декабря, когда в Чехословакии были казнены 11 бывших руководителей этой страны во главе с Р. Сланским, который, как было сказано в приговоре, «предпринимал активные шаги к сокращению жизни президента республики Клемента Готвальда», подобрав «для этого лечащих врачей из враждебной среды, с темным прошлым, установив с ними тесную связь и рассчитывая использовать их в своих вражеских планах»¹¹³.

4 декабря, сразу же после казни в Праге, этой последней кровавой акции Сталина, вождь вынес на рассмотрение Президиума ЦК вопрос «О положении в МГБ и о вредительстве в лечебном деле», по которому выступил Гоглидзе, обвинивший Абакумова и Власика в укрывательстве «преступлений» «врачей-вредителей». Досталось и министру здравоохранения СССР Е. И. Смирнову, назначенному на этого пост с подачи Жданова в феврале 1947 г. Оказывается министр «неудовлетворительным руководством и политической беспечностью» потворствовал «вредительству» коллег, с которыми «сросся на почве пьянства». В наказание его отправили в отставку, его преемником в феврале 1953 г. стал А. Ф. Третьяков¹¹⁴.

В принятом по докладу Гоглидзе постановлении ЦК «О положении в МГБ» руководству госбезопасности вменялось в обязанность: «...поднять уровень следственной работы. Распутать до конца преступления участников террористической группы врачей Лечсанупра, найти главных виновников и организаторов проводившихся ими злодеяний»¹¹⁵.

Вскоре была предпринята радикальная реорганизация МГБ СССР, в составе которого образовали Главное разведывательное управление (ГРУ), исполнявшее как разведывательные, так и контрразведывательные функции, что косвенно свидетельствовало о том, что страхи, которые испытывал Сталин перед «происками» спецслужб Запада (прежде всего американских), достигли тогда апогея. Руководителем ГРУ 30 декабря был назначен первый заместитель министра госбезопасности С. И. Огольцов, когда-то руководивший тайным устранением Михоэлса, а в структуре 2 управления ГРУ был сформирован 13 («антисионистский») отдел, на который была возложена задача по борьбе с еврейской «пятой колонной» внутри страны¹¹⁶.

Парализовав страхом партийные верхи и сотворив в недрах МГБ «суперспецслужбу», Сталин для возведения «дела врачей» в ранг публичной политической акции, приступил к «приобщению» к ней всего населения страны. Во исполнение этой цели на заседании Бюро Президиума ЦК КПСС 9 января 1953 г. был обсужден проект сообщения ТАСС об аресте группы «врачей-вредителей». Помимо членов Бюро – Л. П. Берии, Н. А. Булганина, К. Е. Ворошилова, Л. М. Кагановича, Г. В. Маленкова, М. Г. Первухина, М. З. Сабурова и Н. С. Хрущева – на заседании присутствовали секретари ЦК А. Б. Аристов, Л. И. Брежнев, Н. Г. Игнатов, Н. А. Михайлов, Н. М. Пегов, Пономаренко, Суслов, глава КПК Шкирятов, главный редактор «Правды» Шепилов, а также заместители министра госбезопасности Гоглидзе и Огольцов. Из-за болезни отсутствовал министр госбезопасности Игнатьев (вышел на работу 27 января 1953 г.). Видимо, по той же причине не было и Сталина, хотя в заранее составленном списке участников заседания он значился первым¹¹⁷. Тем не менее, не приходится сомневаться в том, что вождь, продолжая крепко держать в своих руках бразды правления страной, заочно руководил всем этим действием, пусть даже и передоверив рассмотрение важнейших документов, в том числе, и по «делу врачей», Маленкову, этому идеальному исполнителю его воли¹¹⁸. Сила воздействия диктатора на ближайшее окружение оставалась столь гипнотической, что, даже находясь на краю могилы, он продолжал задавать основные параметры социально-политического развития страны. Сохранилась записка, отправленная вскоре после 9 января Поскребышевым из секретариата Сталина руководителю Агитпропа Михайлову*, подтверждавшая, что вождь не только определял конкретное содержание будущего официального заявления по «делу врачей»**, но и давал указание, на какой газетной странице его следует опубликовать¹¹⁹.

Время «Ч» пришлось на 13 января, когда все СМИ опубликовали сообщение ТАСС о разоблачении «врачебного заговора» иностранных спецслужб против советского руководства. Поскольку оно со-

* «Т. Михайлову. Посылаю 1 экз. хроники «Арест врачей-вредителей» для помещения в газетах на 4-й полосе справа».

** Когда 10 января 1953 г. Шепилов представил Сталину проект «установочной» передовой статьи для «Правды», (планировалась к публикации одновременно с сообщением ТАСС об аресте группы «врачей-вредителей»), тот, тщательно просмотрев эту пропагандистскую заготовку, внес в нее обильную правку и эмоционально усилил заголовок, предложив новую редакцию – «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей».

держало красноречивую фразу о том, что «следствие будет закончено в ближайшее время», ясно, что тем самым Сталин готовил общественность к будущему публичному процессу. В реализации своего замысла он опирался прежде всего на партийно-пропагандистский аппарат, руководство которого после XIX съезда КПСС было в значительной мере обновлено. 20 октября 1952 г. Сталин провел заседание Президиума ЦК, на котором предложил создать при этом органе постоянную комиссию по идеологическим вопросам под председательством Шепилова, прошедшего «стажировку» по проведению массовых пропагандистских кампаний в период борьбы с космополитизмом. Вскоре он сменил на посту главного редактора «Правды» Л. Ф. Ильичева. Теоретической базой идеологической комиссии стал журнал «Коммунист» (бывший «Большевик»), который возглавил член комиссии и заведующий отделом философских и правовых наук и вузов ЦК Д. И. Чесноков¹²⁰.

Агитпроповскую реорганизацию Сталин мотивировал необходимостью подготовить «достойный ответ» американцам, которые «хотят себе подчинить все»¹²¹. Еще раньше, 26 сентября 1952 г. «Правда» объявила американского посла Дж. Кеннана, уподобившего СССР нацистской Германии, клеветником и врагом Советского государства. Таков был ответ на вызов президента Трумэна, подписавшего 10 октября 1951 г. «Закон о взаимном обеспечении безопасности» (The Mutual Security Act of 1951), предусматривавший выделение 100 млн. долларов на подрывную деятельность против СССР и стран «восточного блока»¹²². Советское руководство определенно увязывало реализацию этого закона с «врачебным заговором». В сообщении ТАСС от 13 января 1953 г. прямо говорилось, что «большинство участников террористической группы (Вовси М. С., Коган Б. Б., Фельдман А. И., Гринштейн А. М., Этингер Я. Г. и др.) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», проводившей «под руководством американской разведки широкую террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и Советском Союзе».

Наряду с Шепиловым на ведущие позиции в руководстве «идеологическим фронтом» был выведен Михайлов, назначенный в октябре 1952 г. секретарем ЦК и заведующим ОПИА ЦК. Даже на общем сером фоне партийной иерархии этот чиновник выделялся своей интеллектуальной ограниченностью, помноженной на гипертрофированную амбициозность. Благоволение аппаратной фортуны к таким, как он, было вполне закономерным явлением в годы позднего сталинизма. В самый разгар «большого террора» этот малообразованный и

недалекий партийный функционер возглавил ЦК комсомола – школу молодежного номенклатурного карьеризма, а в послевоенное время активно включился в борьбу с «безродным космополитизмом», что в условиях нового нагнетания юдофобии и предопределило его кадровый взлет. С комсомольским задором этот новый обитатель кремлевского Олимпа стал раскручивать маховик травли врачебной элиты. Вверенный Михайлову Агитпроп еще 12 января 1953 г. направил в редакции ведущих газет и журналов указание о подготовке срочных публикаций по «делу врачей». В этой директиве почти дословно повторялись установки печально знаменитого февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г.¹²³

Именно тогда по указанию со Старой площади СМИ развернули широкую пропаганду «подвига» Лидии Тимашук. Произошло это после того, как 20 января она была приглашена в Кремль, и Маленков передал ей благодарность от Сталина за «большое мужество», проявленное в 1948 г., когда она, «вступив в противоборство с видными профессорами, лечившими Жданова, <...> отстаивала свое врачебное мнение в отношении больного». На следующий день в газетах появился указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Тимашук орденом Ленина, и имя мало кому известного скромного врача узнала вся страна. Ее не только восстановили в должности, с которой сместили после смерти Жданова, но и выплатили жалование, недополученное (из-за понижения по службе) в течение более чем четырех лет¹²⁴.

В те дни пресса запестрела статьями, имевшими явный антисемитский подтекст. Наиболее распространенной формой публикаций такого рода стали фельетоны, разоблачавшие махинации различных темных дельцов и аферистов, имевших, как на подбор, характерные еврейские фамилии (жуликоватый рентгенолог Фельдштейн, инженер-«халтурщик» Марк Иофан и др.). В региональной печати, прежде всего на Украине, материалы с нарочитой еврейской коннотацией «экономических» преступлений стали появляться еще с конца 1940-х гг. Причем, такое «лидерство» было обусловлено не только сильной традицией «местного» антисемитизма, но и, как отмечал потом Хрущев, непосредственным провоцирующим влиянием Сталина¹²⁵. В центральных СМИ подобные публикации стали появляться только со второй половины 1952 г.¹²⁶, а главный идеологический рупор «Правда» воздерживалась от публикаций «с душком» вплоть до начала 1953 г. И вот 6 января на ее страницах появился фельетон о «редакторе-хапуге» из Сельхозиздата А. Я. Шапиро. Явных антисемитских выпадов в нем не содержалось (в стране продолжал

действовать закон, запрещающий возбуждение ненависти на национальной почве), однако посредством подспудных намеков и экивоков рисовался негативный образ, как тогда говорили, «типичного представителя» еврейской национальности. 7 февраля «Правда» напечатала фельетон о «враче-проходимце» В. Б. Каждане, который хотел сделать карьеру на медицинской ниве с помощью подлогов и фальсификаций. Показательно, что в этой публикации описывались события, происходившие на Украине, а основным ее автором был корреспондент в Днепропетровске Н. Титаренко. Причем этот материал поступил в редакцию еще в конце 1940-х гг. и много месяцев потом «дорабатывался»: руководство «Правды» тогда явно шокировали торчавшие из описаний колоритного местечкового быта антисемитские «уши» автора. В августе 1952 г. рукопись была отправлена в редакционный архив с резолюцией: «Не пойдет!». Но уже через несколько месяцев прихотливые политические веяния «реанимировали» этот материал, и он «пошел», правда, после того, как московский журналист М. Буренков основательно его подчистил, устранив явные антиеврейские аллюзии¹²⁷.

Усиление день ото дня пропагандистской истерии вокруг «врачей-шпионов» вызывало двоякую реакцию в общественном сознании – агрессивность и желание расправиться с «убийцами в белых халатах», с одной стороны, и панический, животный страх перед ними – с другой. Соединение этих негативных эмоций с антисемитизмом и шовинизмом творило поистине гремучую смесь, которая пробуждала в обывательской массе ненависть прежде всего к евреям-врачам, которых обвиняли во всем – начиная от сокращения рождаемости до намеренного заражения пациентов туберкулезом и другими страшными болезнями. Вспоминая о том времени и о Сталине, поэт Д. С. Самойлов писал: «Он сумел заразить всю страну. Мы жили тогда манией преследования и величия»¹²⁸.

Информацию о настроениях, царивших в обществе, Кремль получал от различных ведомств, причем подробную и в целом объективную. Уже на следующий день после опубликования хроники ТАСС «Арест группы врачей-вредителей» Гоглидзе направил Сталину, Маленкову, Берии, Булганину, Хрущеву оперативную сводку соответствующих высказываний, собранных через агентурную сеть в среде советской интеллигенции и аккредитованных в Москве иностранных дипломатов. Нечто подобное, но полученное по открытым каналам и с упором на мнения так называемых простых граждан, поступало наверх и из редакций центральных газет, в первую очередь из «Правды» от Шепилова¹²⁹. В подавляющем большинстве откликов (в том

числе и исходивших от «еврейских трудящихся») «врачи-вредители» клеймились как «отщепенцы», «изверги рода человеческого», «продажные американские псы» и т. п., выдвигалось требование жестоко покарать «человекозверей в белых халатах» (расстрелять, повесить и даже четвертовать). Авторы посланий в «Правду», заверяя, что они не антисемиты и не шовинисты, пускались в рассуждения о том, что евреи меркантильны, чужаются физического труда, плохо показали себя в войну, не заслуживают доверия и вообще опасны для общества и поэтому их необходимо выселить из Москвы, других крупных городов. В откликах, исходивших от евреев, превалировало осуждение «презренной кучки отщепенцев» – «агентов еврейско-фашистского сионизма», «не имеющих никакой почвы среди трудовых еврейских масс», отмечалась их неблагодарность по отношению к советской власти, впервые в мире обеспечившей истинное равноправие евреев и защитившей их от полного уничтожения в годы войны. Значительно меньше было зафиксировано обращений и толков другого рода, рождавшихся главным образом в интеллектуальном слое еврейства. Для него были характерны следующие опасения: как бы «ненависть к презренной банде из “Джойнта” не переросла в огульную ненависть ко всем евреям»; «в воздухе запахло гитлеризмом»; во избежание «назревающей катастрофы» необходимо разъяснить народу («который еще темен»), что «не все евреи изменники». Фиксировались (в сводках МГБ) и более резкие высказывания (по поводу сообщения ТАСС от 13 января): «из мухи делают слона, может быть, что и было, но это не так, как написано в газете, статья в “Правде” это просто очередная погромная статья против евреев»; «зачем это надо было публиковать, ведь это открывает ворота для самой разнузданной кампании антисемитизма, ведь так можно дойти и до погромов»; «данное сообщение – очередная провокация Советского государства с целью подорвать общественное мнение к евреям и развязать себе руки для дальнейшей расправы с евреями»¹³⁰.

В те дни некий анонимный «русский интеллигент» направил Сталину послание, довольно точно и объективно определявшее тогдашний «еврейский вопрос». Он писал: «...то, что антисемитизм организован у нас “сверху” – это факт. Ни для кого не секрет, что за последние годы проводится ряд мероприятий антиеврейского характера: не принимают евреев в университеты, не принимают на работу в министерства, выгоняют из ответственных аппаратов правительства и партии, значительно уменьшилось число лауреатов Сталинских премий в области науки, техники, литературы, хотя талантливых евреев ничуть не уменьшилось, и это я, как многие дру-

гие русские интеллигенты, отлично знаем. Как ни прискорбно, но фактом является то, что в СССР введена позорная царская “процентная норма” – правда, неписаная, но действующая и живущая, – об этом знает каждый кадровик в любом учреждении. <...> Во всех учреждениях руководящие работники... в порядке перестраховки стараются быть подальше от евреев – “как бы чего не вышло”. В семьях, где муж или жена еврей, принимаются меры, чтобы дети числились обязательно русскими. Русские мужья или жены, при всей их любви и уважении к своим супругам, расходятся или ищут пути, как бы найти приличный повод для развода. Слово “жид” за последние годы стало таким же распространенным, как русский мат. <...> Руководители партии и правительства не могли не знать, не имели права не знать, какую новую волну антисемитизма вызовет сообщение от 13 января о врачах-извергах. <...> Сколько изуверских бредней сейчас широко распространяется – еврей уколами прививает рак, евреи в родильных домах убивают русских младенцев... даже извергов русского происхождения приписывают сейчас к евреям. В народе широко распространено, что Егоров, Виноградов, Майоров также евреи, но только под русскими фамилиями. <...> Необходимо немедленно покончить со всем этим позором, прекратить дискриминацию и травлю евреев. <...> Русская история учит, что русские интеллигенты, в лучшем смысле этого слова, всегда боролись против юдофобства.»¹³¹.

В том, что сообщение ТАСС от 13 января привело к нагнетанию антисемитской истерии, не сомневались и аккредитованные в Москве иностранные дипломаты, которые почти в один голос называли «дело врачей» «сумасшедшей историей»*. За границей наиболее бурно на события в СССР реагировали в Израиле. 19 января министр иностранных дел этой страны М. Шаретт заявил, что правительство Д. Бен-Гуриона «с глубоким сожалением и беспокойством наблюдает за официально развернутой в Советском Союзе антисемитской клеветнической кампанией». Сам же израильский премьер-министр опубликовал под псевдонимом в газете «Давар» серию статей с резкими выпадами против режима в СССР и лично против Сталина.

* В недрах созданного в 1951 г. президентом Трумэном для планирования психологической войны «Совета по психологической стратегии» («Psychological Strategy Board») родился даже «План отстранения Сталина от власти» («Plan for Stalin's passing from power»), предусматривавший признание международной комиссией психиатров сумасшествия советского диктатора (Клейн Б. С. Политика США и «дело врачей» // Вопросы истории. 2006. № 6. С. 41–42).

Страсти в израильском обществе накалились до такой степени, что 9 февраля в Тель-Авиве на территорию дипмиссии СССР была брошена бомба, от взрыва которой пострадали три советских гражданина, в том числе и жена посланника П. И. Ершова. Через два дня Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Израилем¹³².

Действия советских властей подверглись также резкому осуждению со стороны правящих кругов и общественности США. Выступив по национальному радио, президент США Д. Эйзенхауэр заверил, что американские спецслужбы не вступали в контакт с арестованными советскими медиками и никаких поручений им не давали. Аналогичное заявление было сделано и правительством Великобритании. В Нью-Йорке евреи организовали массовые демонстрации протеста. Свое возмущение прибывшему в Нью-Йорк на сессию ООН главе МИДа СССР А. Я. Вышинскому выразил А. Эйнштейн.

Но, защищая евреев советских, власти США (особенно право-консервативные круги) проводили отнюдь не идеальную политику в отношении евреев собственных, считая лево-либералов из их среды потенциальной «пятой колонной» мирового коммунизма. Весьма показательна в этой связи трагическая судьба печально известных супругов Розенбергов, приговоренных в апреле 1951 г. судьей И. Кауфманом к смерти по обвинению в «атомном шпионаже» в пользу Советского Союза и в участии в «дьявольском заговоре уничтожения богобоязненного народа» США. Однако, как установил американский историк Д. Холлоуэй, ему «никогда не попадалась ничего, что позволяло бы предположить, будто Розенберги сообщили русским нечто ценное об атомной бомбе»¹³³. Казнь этих людей стала в чем-то мстостью за отказ сотрудничать с властями. Известно, что ЦРУ предпринимало «концентрированные усилия с целью убедить Джулиуса и Этель Розенбергов в том, что советский режим... решил уничтожить евреев, находящихся под его властью» и в обмен на помилование предложило этой «идеально подходящей к роли важного инструмента в психологической войне» чете призывать евреев мира порвать с коммунизмом. Однако супруги даже перед лицом смерти отвергли эту сделку. В июне 1953 г. их казнили на электрическом стуле¹³⁴.

Думается, масштабы официального антисемитизма, которые имели место в СССР в начале 1953 г., были предельно допустимыми в рамках существовавшей тогда политико-идеологической системы. Дальнейшее следование тем же курсом поставило бы страну перед неизбежностью радикальных политических и идеологических преобразований (легализация антисемитизма, а значит, введение расовой политики, отказ от коммунистической идеологии, освящавшей госу-

дарственное единство советских народов и т. д.), чреватых самыми непредсказуемыми последствиями. Зверь стихийного антисемитизма мог вырваться на свободу, и тогда страна погрузилась бы в хаос национальных и социальных катаклизмов. Подобная перспектива, разумеется, Сталина не устраивала. И хотя в последние, отмеченные прогрессирующей паранойей, годы жизни его предубежденность против евреев заметно усилилась, тем не менее, он был далек от того, чтобы выступить против них открыто. Вождь, ревностно оберегавший свой революционный имидж большевика-ленинца, был обречен переживать муки психологической амбивалентности, которая, возможно, и ускорила его конец. Показателен следующий описанный композитором Т. Н. Хренниковым эпизод конца 1952 г. В последний раз появившись на заседании комитета по премиям своего имени, Сталин неожиданно для присутствовавших заявил: «У нас в ЦК антисемиты завелись. Это безобразия!»¹³⁵.

Идейную бифуркацию Сталина на почве «еврейского вопроса» подмечал и Хрущев, который, считая «неприятное отношение к еврейской нации» «крупным недостатком» вождя, утверждал: «... Сталин... поддерживал антисемитскую бациллу и не давал указаний, чтобы в корне ликвидировать ее. Он внутренне сам был подвержен этому гнусному недостатку... Если говорить об антисемитизме в официальной позиции, то Сталин формально боролся с ним как секретарь ЦК, как вождь партии и народа, а внутренне, в узком кругу подстрекал к антисемитизму»¹³⁶.

Слабея с каждым днем и лишь изредка выезжая с Ближней дачи в Москву – в основном для того, чтобы появившись в Большом театре или встретившись с иностранными послами, пресечь слухи о своем нездоровье – Сталин, тем не менее, твердо держал руку на политическом пульсе страны: Маленков, Берия, руководители МГБ, другие приближенные регулярно информировали его обо всем, в том числе о негативной реакции Запада на «дело врачей», о нарастании антисемитского психоза внутри страны и об ответной панике среди евреев. Очевидно, осознав опасность этих явлений в проекции на внутри- и особенно внешнеполитические составляющие развития своей многонациональной империи, Сталин, не желая, даже страшась спровоцировать новую мировую войну (что признавал такой блестящий знаток советской системы как Дж. Кеннан¹³⁷) и стремясь сохранить для истории свое «прогрессивное» лицо, решил на отступной маневр: Будучи непревзойденным мастером политической ретирады – достаточно вспомнить его «Головокружение от успехов» (март 1930 г.), – он, дабы снять политическое напряжение,

вызванное «делом врачей», поручил секретарю ЦК Михайлову провести пропагандистскую акцию, как бы демонстрировавшую поддержку евреями советского руководства¹³⁸.

Конкретно решено было подготовить коллективное обращение авторитетных деятелей еврейского происхождения в редакцию «Правды». По содержанию оно мало отличалось от сообщения ТАСС от 13 января 1953 г. В нем присутствовала та же, в духе 1937 г., лексика, бичевавшая «шпионскую банду врачей-убийц» – «этих извергов рода человеческого», «продавшихся американско-английским поджигателям войны» и «завербованных международной сионистской организацией “Джойнт” – филиалом американской разведки». Вместе с тем, в нем четко фиксировалась официально проводившаяся дифференциация между «еврейскими буржуазными националистами» – «отщепенцами» и «выродками», и «честными еврейскими тружениками». Утверждалось, что первым, «продавшим» «свою душу и тело империалистам» и стремившимся «превратить обманутых ими евреев в шпионов и врагов русского народа» противостоят вторые – подавляющее большинство еврейского населения, состоящее из «патриотов Советской Родины». К ним и обращались именитые подписанты письма, призывая «активно бороться против еврейских буржуазных националистов, этих отъявленных врагов еврейских тружеников». Делая акцент на выдающейся роли Советского Союза в спасении человечества от гитлеризма, а европейских евреев – от полного уничтожения, авторы письма подчеркивали, что, несмотря на попытки Запада «создать почву для оживления в СССР антисемитизма, этого страшного пережитка прошлого», «русский народ понимает, что громадное большинство еврейского населения в СССР является другом русского народа». Завершалось послание требованием «самого беспощадного наказания» «группы врачей-убийц»¹³⁹.

29 января 1953 г. Маленков представил этот текст Сталину. Подписать его должны были 59 известных ученых, артистов, литераторов, конструкторов, врачей, военных, управленцев, а также рабочих и колхозников еврейского происхождения (список «кандидатов» был составлен в Агитпропе). Однако в ходе сбора подписей, чем занялись член редколлегии «Правды» Я. С. Хавинсон и академик-историк И. И. Минц, сразу произошел сбой. Самый высокопоставленный член еврейской «группы поддержки» Каганович решительно выступил против того, чтобы его имя фигурировало в общем списке, заявив Сталину, что он не еврейский общественный деятель, а член высшего руководства партии и государства, и должен быть обозначен

отдельно. Коллизию эту разрешили просто, предоставив Кагановичу копию составленного письма, которую тот подписал как персональное обращение в «Правду».

Возникла заминка и с Эренбургом. Когда Хавинсон и Минц, явившись 3 февраля к нему домой, ознакомили его с текстом, он был неприятно поражен его резким «кровожадным» тоном. Поэтому поставить свой автограф сразу по прочтении писатель отказался, решив прежде заручиться благословением Сталина. В тот же день он направил вождю записку, в которой, как сторонник полной ассимиляции евреев, намекнул на порочность самой затеи с обращением от людей, объединенных по национальному признаку. Будучи ценным для режима пропагандистским «посредником» с Западом, Эренбург мог позволить себе подобную строптивость, хотя бы в компенсацию за то, что немало потрудился, прикрывая скандальную «еврейскую политику» Сталина от критики извне. Тем более, что 27 января ему была торжественно вручена международная Сталинская премия за укрепление мира между народами¹⁴⁰.

Сомнения Эренбурга дошли до всесильного адресата. Сочтя его замечания резонными, Сталин дал указание Маленкову учесть их при доработке «письма в “Правду”». Одновременно он попросил передать литератору, что желал бы видеть его подпись под обращением. Когда Маленков (в присутствии Кагановича) повторил это приглашенному в Кремль Эренбургу, тот не мог не повиноваться¹⁴¹.

Тем временем, вследствие пришедшихся на первую половину февраля таких важных внешнеполитических событий как бурная негативная реакция Запада на антисемитский подтекст «дела врачей» и особенно разрыв советско-израильских дипломатических отношений, Сталин дал указание с учетом всего этого изменить текст письма. Так 20 февраля появилась вторая его редакция, которая от первой отличалась двумя главными моментами.

Во-первых, чтобы затушить скандальную ажитацию вокруг «дела врачей» в стране и особенно в мире (прежде всего в США и Великобритании), был значительно смягчен чрезмерно резкий, «прокурорский» тон обращения. «Филиппика» в духе 1937 года будто по мановению волшебной палочки превратилась в вежливое приглашение «вместе <...> поразмыслить над некоторыми вопросами, затрагивающими жизненные интересы евреев». Из послания исчезли бранные «выродки», «отщепенцы», «шпионские банды» и «еврейские буржуазные националисты», а «еврейских тружеников» уже не призывали к повышению бдительности. И, самое главное, уже не выдвигалось требование расправиться с «врачами-отравителями». Умиротворя-

ющий контекст письма дополнялся и вовсе идиллической концовкой — пожеланием начать издание в Советском Союзе газеты, предназначенной для широких слоев еврейского населения в стране и за рубежом.

Во-вторых, стала более умеренной критика «англо-американских империалистов» (вместо них теперь фигурировали «американские и английские миллиардеры и миллионеры»). Однако пуще прежнего критиковался Израиль, сионисты и «зарвавшиеся еврейские империалисты». Теперь они стали главными объектами советского пропагандистского удара¹⁴².

То, что из послания был изъят призыв к «самому беспощадному наказанию преступников», да и исчезновение с полос центральных газет воинственной риторики, неизменно присутствовавшей начиная с 13 января 1953 г., свидетельствовало, что Сталин отказался от намерения (если таковое имелось) организовать публичный процесс (как в 1936–1938 гг., с приглашением западных дипломатов и журналистов) по «делу врачей». Если бы он вскоре не умер, то, скорее всего, имело бы место действие, аналогичное тайной расправе над руководством ЕАК, с той только разницей, что было бы опубликовано итоговое краткое сообщение о смертных приговорах и их исполнении.

Как известно, обращение еврейской общественности так и не появилось в печати. Поскольку его «списали» в архив уже после смерти Сталина, 16 марта 1953 г.¹⁴³, можно предположить, что до последних дней жизни он сохранял намерение его опубликовать – скорее всего, одновременно с информацией о казни «кремлевских врачей», тем самым как бы «самортизовав» предсказуемую бурную реакцию Запада. Но после того как наследники Сталина решили поставить на «деле» крест (об этом ниже), письмо оказалось ненужным. Также возможно, хотя и менее вероятно, что Сталин незадолго до приступа смертельной болезни сам успел отвергнуть эту идею с публикацией, полагая, что обнародование любой, даже выдержанной в оптимистическом тоне коллективной петиции евреев будет свидетельствовать о том, что в стране продолжает существовать пресловутый «еврейский вопрос». Рассуждая таким образом, логично предположить, что до диктатора в конце концов дошел смысл предостережения, прозвучавшего в письме Эренбурга: «Опубликование “Письма”, подписанного учеными, писателями, композиторами и т. д. еврейского происхождения, может раздуть отвратительную антисоветскую пропаганду, которую теперь ведут сионисты, бундовцы и другие враги нашей Родины»¹⁴⁴.

1 марта 1953 г. Сталина разбил сильнейший инсульт, после которого он впал в кому и уже не оправился. Смертельная болезнь вождя породила поначалу в его ближайшем окружении большое смятение. Памятуя поучение генсека о необходимости повышения политической бдительности в критические моменты истории, руководство МГБ выпустило 3 марта директиву «Об аресте враждебных элементов», подхлестнувшую аресты «еврейских националистов». Были взяты под стражу «космополит» И. Л. Альтман, театральный администратор И. В. Нежный, писатель А. Исбах (И. А. Бахрах) и др.*

Даже смерть Сталина не смогла обуздать сразу инерцию антиеврейских репрессий. Поэтому очевидно, что задержись он на этом свете подольше, тайное преследование так называемых «еврейских националистов», несомненно, продолжалось бы. Вместе с тем, нет достаточных документальных оснований утверждать, что при таком развитии событий эти, успевшие стать рутинными, аресты переросли бы в масштабные антиеврейские гонения или, тем более, в новую массовую чистку руководящего номенклатурного слоя, якобы подготавливавшуюся Сталиным с конца 1952 г. Эта версия закрепилась в исторических анналах с легкой руки Хрущева и других соратников вождя, которым после его смерти очень хотелось, чтобы общество видело в них не соучастников преступлений Сталина, а «случайно выживших» будущих потенциальных жертв его террора. Обосновывается такая гипотеза главным образом тем, что Молотов и Микоян были заподозрены Сталиным в шпионаже в пользу американцев и англичан, и де чуть ли не поэтому он не включил их в состав нового Бюро Президиума ЦК КПСС. При этом «смазывается» то обстоятельство, что и Молотов, и Микоян все же вошли в Президиум ЦК, хотя и лишились личного благоволения вождя. Подобная, совсем «не смертельная» опала была наложена тогда и на таких старожилов Политбюро, как Андреев и Ворошилов, которого, тем не менее, включили в состав Бюро.

Чтобы выяснить причины, лежавшие в основе недовольства Сталина вчерашними ближайшими соратниками, необходимо конкретно разобраться в каждом таком случае. Скажем, Андреев был исключен из руководящей верхушки из-за хронического нездоровья, а Ворошилова Сталин отдалил от себя вследствие его явной интеллектуальной

* Более того, 6 марта 1953 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Михоэлса звания народного артиста СССР и ордена Ленина. Его отменили 30 апреля 1953 г., причем решением того же органа власти, вышедшим под грифом «Без опубликования в печати».

деградации. Что касается опалы Молотова, то она была обусловлена отнюдь не исключительно подозрением в шпионаже. Из записей выступлений Сталина на октябрьском (1952 г.) пленуме ЦК (были сделаны первым секретарем Курского обкома партии Л. Н. Ефремовым) явствует, что в отношении Молотова диктатора одолевали другие сомнения, выраженные им следующим образом: «Молотов — преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. <...> Чего стоит предложение Молотова передать Крым евреям? Это грубая политическая ошибка товарища Молотова. <...> На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть еврейская автономия. Разве это недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым. <...> Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеет мы принять решение Политбюро по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится известно товарищу Жемчужиной. <...> Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо»¹⁴⁵.

Ясно, что Сталин, продолжая доверять Молотову (в противном случае он не стал бы разводить его с Жемчужиной, а просто расправился с обоими), был серьезно обеспокоен его, как тогда выражались, «беспечностью» и «ротозейством». Как полагал вождь, «притуплением политической бдительности» его старого соратника могли воспользоваться «еврейские националисты», проникшие даже в его семью. Поэтому выглядят перевернутыми по смыслу с ног на голову слова, сказанные Молотовым через много лет: «Она (Жемчужина. — Г. К.) из-за меня пострадала... Ко мне искали подход, и ее допытывали... чтобы меня, так сказать, подмочить»¹⁴⁶.

Совершенно очевидно, что главным действующим лицом в этой политической и личной драме был не Молотов, а Жемчужина, которую Сталин распорядился в конце января 1953 г. доставить из кустанайской ссылки в Москву. Закодированная в оперативной документации как секретный «объект-12», она снова подверглась допросам, но только в связи с показаниями арестованных врачей Виноградова, Вовси и Когана, и от нее не домогались оговора того, с кем она формально была разведена. То же самое можно сказать и в отношении бывшего заместителя Молотова в НКВД, советского посла в Великобритании И. М. Майского, арестованного МГБ 19 февраля 1953 г. в качестве «еврейского националиста». По тому же обвинению были взяты под стражу и три работавших вместе с ним в Лондоне сотруд-

ника советского посольства, в том числе С. Н. Ростовский (Эрнст Генри). От них также не требовали компромата на Молотова. Поэтому сделанное спустя много лет Э. Генри в одном из интервью гипотетическое и не подкрепленное какими-либо доказательствами заявление о том, «что готовился процесс против Молотова, и что его и нас вместе с ним спасла только смерть Сталина...»¹⁴⁷, также нельзя признать убедительным.

Тем временем следствие по делу Жемчужиной неожиданно застопорилось. В последний раз ее вызвали на допрос 2 марта, а потом по причине смертельной болезни Сталина оставили в покое. Через три дня диктатора не стало. О судебном процессе над врачами (даже закрытом) уже не могло быть и речи. Может быть, потому, что «дело» было в значительной мере инспирировано в 1951 г. Маленковым и Берией, стремившимися таким образом устранить Абакумова (но в дальнейшем оно «держалось» исключительно на Сталине), они несколько не сомневались в его фальсифицированном характере. К тому же, понимая, что подобное судилище может стать реальной угрозой общественной стабильности в стране, премьерники диктатора хотели, поставив на этом деле крест, как можно быстрее отмежеваться от него. Инициативу взял на себя Берия, который, став первым заместителем председателя Совета министров СССР и министром внутренних дел СССР, уже 10 марта распорядился выпустить Жемчужину на свободу. Спустя еще три дня он прекратил следствие по «делу врачей» и приказал отправить его на пересмотр¹⁴⁸. Тем самым он одним выстрелом убивал двух зайцев: публично демонстрировал приверженность «социалистической законности» и укреплял свою популярность в народе, прежде всего в среде интеллигенции, серьезно пострадавшей в последние годы сталинизма. Он, видимо, надеялся на повторение положительного для него эффекта в общественном мнении – аналогично тому, как это произошло в пору так называемой мини-реабилитации конца 1930-х гг., когда Сталин заменил им на посту наркома внутренних дел патологически жестокого Ежова.

Арестованным врачам было предложено подробно изложить на бумаге претензии к следствию. Им дали понять, что новое руководство страны не сомневается в их невиновности, и они должны помочь восстановить социалистическую законность. В результате все узники, ссылаясь на применение к ним физического и психологического насилия, отказались от прежних показаний, содержащих самооговоры и обвинения коллег в тяжких преступлениях. Некоторые из них не только подвергли критике незаконные методы следствия, но и довольно искренне высказались о политике советского руковод-

ства в отношении евреев. Свое кредо по этому поводу изложил тогда и профессор Я. Л. Рапопорт, глубоко и оригинально мыслящий интеллеktуал, автор интересных и объективных мемуаров о «деле врачей»¹⁴⁹.

Получив формальные доказательства изначальной фальсификации «дела врачей» и его полной юридической несостоятельности, 31 марта Берия утвердил постановление о прекращении уголовного преследования всех подследственных, по нему проходивших. На следующий день глава МВД СССР секретной запиской проинформировал об этом Маленкова, возложив основную ответственность за инспирирование и фальсификацию «дела» на Рюмина, а также обвинив бывшего министра госбезопасности Игнатъева в том, что тот «не обеспечил должного контроля за следствием, шел на поводу у Рюмина...». Одновременно Берия «счел необходимым... всех... арестованных врачей и членов их семей полностью реабилитировать и немедленно из-под стражи освободить». Уже 3 апреля это предложение было утверждено Президиумом ЦК КПСС, в котором говорилось также о том, что Л. Ф. Тимашук лишается ордена Ленина «в связи с выявившимися в настоящее время действительными обстоятельствами». Вечером того же дня арестованные кремлевские врачи были освобождены. В стране и мире узнали об этом из опубликованного 4 апреля «Сообщения Министерства внутренних дел СССР»¹⁵⁰. Более 2 миллионов советских евреев, томившихся после смерти Сталина страхом перед неведомым будущим, смогли теперь с облегчением перевести дух.

На заседании Президиума ЦК 3 апреля было принято и решение о привлечении к «уголовной ответственности работников бывшего МГБ СССР, особо изощравшихся в фабрикациях... провокационного дела и в грубейших извращениях советских законов»¹⁵¹. По сути, эта санкция носила формальный характер, поскольку Берия еще 16 марта распорядился арестовать главного зачинщика «дела» Рюмина. И хотя этот человек, в сущности, являлся лишь послушным инструментом в руках Сталина, ему, не имевшему никакой поддержки в партийно-государственных структурах, пришлось расплачиваться и за свои преступные деяния, и за чужие – совершенные вождем и его окружением. Обрекая Рюмина на «заклание», не приняли в расчет даже того немаловажного обстоятельства, что его увольнение из органов безопасности и тем самым отстранение от «дела» произошло за два месяца до его кульминации — опубликования 13 января 1953 г. упомянутого сообщения ТАСС, придавшего ему («делу») исключительно политический характер. Более того, обвинив Рюмина в обмане правительства и фальсификациях, на него переложили

также ответственность и за ошибочную сталинскую национальную политику. 6 апреля «Правда» писала: «Презренные авантюристы типа Рюмина сфабрикованным им следственным делом пытались разжечь в советском обществе, спаянном морально-политическим единством, идеями пролетарского интернационализма, глубоко чуждые социалистической идеологии чувства национальной вражды». Рюмин, вначале отвергавший предъявленные ему обвинения, потом, когда его раздетого посадили в холодный карцер, вынужден был сдаться. 22 июля 1954 г. его расстреляли по приговору военной коллегии Верховного суда СССР.

Понесли наказание и другие бывшие руководители МГБ, причем, думается, не столько за попрание «социалистической законности» в ходе борьбы с «еврейским национализмом», сколько за прошлые интриги против Берии. Последний, организовав расследование обстоятельств гибели Михоэлса, представил 2 апреля в Президиум ЦК записку, в которой констатировал, что обвинения в шпионаже и еврейском национализме, выдвинутые против Михоэлса в конце 1947 – начале 1948 гг. были сфальсифицированы руководством МГБ. На основании этого 4 апреля были арестованы такие давние противники Берии, как бывшие заместители министра госбезопасности Цанова и Огольцов. Сам же бывший министр и главный по линии МГБ организатор этой тайной операции Абакумов к тому времени уже почти два года пребывал в заключении. 19 декабря 1954 г. его расстреляли, но во вмененных ему преступлениях неправомерные репрессии против «еврейских националистов» не значились. Также поступили (в том числе и в формулировании обвинений) с бывшим руководителем СЧОВД МГБ СССР А. Г. Леоновым и со стяжавшими позорную славу в «деле ЕАК» следователями Комаровым и Лихачевым¹⁵².

Развернувшаяся в послевоенное время в Советском Союзе аппаратная чистка была обусловлена прежде всего социально-политической природой сталинского режима, и для Сталина была способом обеспечить собственную дееспособность и единовластие посредством периодической кровавой прополки номенклатурно-бюрократического слоя общества. Разгораясь, как и прежде исподволь, кадровая «война» достигла кульминации в 1949–1950 гг. Если раньше чистки по «пятому пункту» носили спорадический, локальный и в основном административный характер, то теперь они приобрели систематичность, универсальность и репрессивность, сопро-

вождаясь по-прежнему различными бюрократическими уловками, закулисными аппаратными интригами. При этом латентный «кадровый» антисемитизм продолжал оставаться строго дозированным. Попытки руководителей среднего звена радикально и одновременно решить «еврейский вопрос» в отдельно взятых учреждениях, организациях или на предприятиях жестко пресекались – как дискредитировавшие государственную национальную политику – центром и Сталиным, лично определявшим меру дозволенного. Это обстоятельство вносило в кампанию элемент непредсказуемости, что усугублялось еще и тем, что к концу 1940 гг. со всей очевидностью стала проявляться психологическая деградация дряхлевшего Сталина, что находило выражение в том числе и в параноическом изменении личности. Нагнетание в обществе антисемитских настроений происходило столь бурно, что, достигнув к началу 1953 г. «критической массы» («дело кремлевских врачей»), они (настроения) вошли в явное противоречие с государствообразующей коммунистической идеей и стали реально угрожать социальной стабильности в стране. Такой размах антиеврейская вакханалия получила потому, что стоявший за ней Сталин под воздействием личной юдофобии явно поддался соблазну использовать послевоенные «разборки» с еврейской интеллигенцией для того, чтобы в очередной раз популистским манером списать издержки функционирования неэффективного режима за счет очередных «козлов отпущения».

Вместе с тем, послевоенное ужесточение официального антисемитизма в стране явно «не тянуло» на «окончательное решение еврейского вопроса» по гитлеровскому образцу. Сценарий массовой депортации, который и поныне относится, скорее всего, к области мифов, советским евреям не грозил*. Инстинкт самосохранения подсказывал советскому правящему классу, что реализация такого сценария в многонациональном государстве самоубийственна. К тому же, несмотря на серьезные проблемы с психическим здоровьем, в Сталине все еще сохранялось присутствие здравого смысла, как и ответственности за судьбу подвластной ему страны. К тому же, идейная амбивалентность личности вождя (противоречивый симбиоз коммунистической догматики и национализма) делала его явно неспособным пойти по пути открытого агрессивного антисемитизма. Кроме того, очевидная к концу жизни физическая немощь диктатора исключала возможность повторения масштабной кадровой авантюры в духе 1937 г. Но главнейшим сдерживающим фактором, несомненно, была

* Подробно о депортационной мифологеме см. в Приложении 2.

угроза провоцирования третьей (ядерной) мировой войны, в готовности к которой СССР явно уступал США. Показательно, что в своей последней крупной работе «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952 г.) Сталин высказал твердое убеждение в том, что более вероятно междоусобная война между капиталистическими странами («неизбежность войн между капиталистическими странами остается в силе»), чем вооруженная схватка между СССР и блоком империалистических держав, которые, как он полагал, «хотя и шумят в целях “пропаганды” об агрессивности Советского Союза, сами не верят в его агрессивность... и знают, что Советский Союз сам не нападет на капиталистические страны»¹⁵³.

Все это заставило Сталина отказаться – почти на краю могилы – от дальнейшего нагнетания шовинистических страстей. Этому способствовало и то, что руководство США и Великобритании – даже, несмотря на скандал с «делом врачей», – выразили готовность провести со Сталиным «встречу в верхах». Существует мнение, что пропагандистская вакханалия с «делом врачей» и задумывалась как шантаж Запада¹⁵⁴.

Раскручиванию спирали государственного террора препятствовало и подспудное противодействие высшей бюрократии. Значительно окрепшая к 1940-м годам благодаря корпоративной консолидации, она явно не желала, чтобы диктатор и впредь продолжал отправлять ее на заклание под аккомпанемент популистских лозунгов. После войны Сталин смог устроить только одну кровавую расправу над номенклатурными бонзами – «ленинградское дело», – да и то с помощью Маленкова и Берии, которым он так и не смог противопоставить новой аппаратной альтернативы. «Дело врачей» было как раз тем случаем, когда прошлая трагедия (1937 год), напомнив о себе, переродилась в фарс. Да и общество в целом, устав к концу правления Сталина от потрясений войны и перманентных чисток, жаждало стабильности и уверенности в завтрашнем дне. И этот социальный запрос, надо полагать, косвенно сказался даже на статистике ГУЛАГа. Если в 1946 г. за так называемые контрреволюционные (политические) преступления было репрессировано 123 294 чел., в 1949-м – 75 125, то в 1952-м – 28 8 00 чел.¹⁵⁵

Провальный исход «дела врачей», названного на Западе «делом Бейлиса атомного века», стал не только первым крупным, хотя и смертным поражением Сталина, но и сильным ударом по созданной им бесчеловечной системе. Словом, у полностью изжившей себя сталинской диктатуры хватило пороха только на устрашающую увертюру. Ее время завершилось. Начиналась новая эпоха.

Примечания

- ¹ См.: Большевик. 1949. № 18. С. 27–40.
- ² Шепилов Д. Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 13.
- ³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 897. Л. 86–95; Д. 922. Л. 79–80; Д. 931. Л. 126–130.
- ⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 862. Л. 5–192.
- ⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 528. Л. 211; Д. 866. Л. 15; Оп. 118. Д. 562. Л. 117, 117об., 125.
- ⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1085. Л. 70; Д. 1082. Л. 2; Оп. 118. Д. 919. Л. 73; Д. 932. Л. 35; Д. 952. Л. 171; Оп. 119. Д. 147. Л. 111.
- ⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 752. Л. 124, 125; Оп. 119. Д. 107. Л. 66; Д. 228. Л. 132–142; Д. 1076. Л. 1–3, 86–99.
- ⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1085. Л. 70; Оп. 118. Д. 991. Л. 47–51; Оп. 119. Д. 57. Л. 80–83.
- ⁹ Федотов Г. П. Новое на старую тему. (К современной постановке еврейского вопроса) // Тайны Израиля. Еврейский вопрос в русской религиозной мысли... С. 454.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 615. Л. 73–74.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1072. Л. 37; Вопросы истории. 1990. № 5. С. 58–59; Российская еврейская энциклопедия / Гл. ред. Г. Г. Брановер. Т. 1. М., 1994. С. 468.
- ¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 1020. Л. 238–239; Оп. 119. Д. 100. Л. 105–110.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 293. Л. 137–149.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 333. Л. 97–129.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 695. Л. 21–22.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1072. Л. 19; Оп. 118. Д. 333. Л. 87.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 345. Л. 13–14.
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 333. Л. 106.
- ¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 58. Л. 131–132; Д. 352. Л. 81; Ф. 83. Оп. 1. Д. 9. Л. 7–10.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 86. Л. 165.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 364. Оп. 5. Д. 10. Л. 2.
- ²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 143. Л. 36–43; Д. 153. Л. 36; Д. 397. Л. 5; Ф. 629. Оп. 1. Д. 98. Л. 53.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1077. Л. 55; Ф. 629. Оп. 1. Д. 87. Л. 24–25, 49.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1089. Л. 66.
- ²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 565. Л. 138–140; Оп. 132. Д. 118. Л. 2, 6–7, 27–28.
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 118. Л. 41–47, 71.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 339. Л. 53–62.
- ²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 967. Л. 2; Оп. 118. Д. 780. Л. 41–43; Оп. 132. Д. 276. Л. 28–33.
- ²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 580. Л. 76–79; Д. 615. Л. 20; Д. 969. Л. 69–71.

- 30 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 854. Л. 16; Оп. 132. Д. 297. Л. 1–5; Д. 402. Л. 6.
- 31 Комсомольская правда. 1951. 8 марта.
- 32 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 312. Л. 52.
- 33 Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. С. 216, 232.
- 34 Там же. С. 252.
- 35 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 452. Л. 4–6.
- 36 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 452. Л. 13–15; Оп. 132. Д. 474. Л. 77–78.
- 37 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 118. Л. 230.
- 38 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1085. Л. 90–92; Оп. 119. Д. 118. Л. 235–236.
- 39 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 295. Л. 1–2.
- 40 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 931. Л. 133–150, 188–190; Оп. 132. Д. 122. Л. 90–109, 152–155, 175–181; Д. 294. Л. 70–72.
- 41 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 404. Л. 65–73; Д. 720. Л. 7–10; Д. 968. Л. 142–149.
- 42 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 66. Л. 82 об.
- 43 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 66. Л. 80–84.
- 44 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 147. Л. 54–63; Д. 216. Л. 162–182.
- 45 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 750. Л. 184–186.
- 46 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 106. Л. 128–130.
- 47 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 608. Л. 83; Хрущев Н. С. Воспоминания // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 48–49.
- 48 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1028. Л. 12, 40; Оп. 118. Д. 853. Л. 130–131.
- 49 Государственный антисемитизм в СССР. С. 359–360.
- 50 Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. С. 265.
- 51 Государственный антисемитизм в СССР. С. 364–369; Справка музея Московского завода им. И. А. Лихачева. Подл. архивная коллекция автора.
- 52 Государственный антисемитизм в СССР. С. 364–366.
- 53 Там же. С. 367–369.
- 54 Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. С. 274.
- 55 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 254. Л. 121.
- 56 Государственный антисемитизм в СССР. С. 370–371.
- 57 Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Кузбассе (конец 1940-х – начало 1950-х). Красноярск, 2003. С. 26–27.
- 58 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 111. Л. 28; Д. 254. Л. 121.
- 59 Государственный антисемитизм в СССР. С. 371–374.
- 60 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 111. Л. 25.
- 61 Генина Е. С. Указ. соч. С. 34–35.
- 62 Kennan G. F. Memoirs, 1925–1950. Vol. 1. Boston, 1967. P. 266–267; Государственный антисемитизм в СССР. С. 380.
- 63 Государственный антисемитизм в СССР. С. 374–375.
- 64 Там же. С. 376–377.
- 65 Там же. С. 378–385.
- 66 Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. С. 301–302.

- 67 Рапопорт Я. Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. М., 1988. С. 117; Столяров К. А. Голгофа. Документальная повесть. М., 1991. С. 9, 48–49.
- 68 Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти, 1945–1991. С. 66–67.
- 69 Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. С. 303–304.
- 70 Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2003. С. 658–659.
- 71 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 46. Л. 19–21; Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. С. 359.
- 72 Государственный антисемитизм в СССР. С. 454; Брент Дж., Наумов В. П. Последнее дело Сталина. М., 2004. С. 145.
- 73 Документ ЦАФСБ РФ. Копия. Архивная коллекция автора.
- 74 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1483. Л. 80, 84.
- 75 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 48. Л. 20–21, 80; Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. С. 307.
- 76 Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. С. 308.
- 77 Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х тт. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956 / Сост. А. Н. Артизов, Ю. В. Сигачев и др. М., 2000. С. 129.
- 78 Письма Л. Ф. Тимашук секретарю ЦК КПСС Н. М. Пегову от 17 марта 1956 г. и первому секретарю Президиума ЦК КПСС Н. С. Хрущеву от 22 марта 1956 г. // Источник. 1997. № 1. С. 7–10.
- 79 Брент Дж., Наумов В. П. Указ. соч. С. 49, 146–149.
- 80 Малкин В. Б. Письма Лидии Тимашук. Коварная злодейка или жертва эпохи // Медицинский вестник. 1996. 16–31 января. № 2 (44); Хейфец М. Удивительная драма врача Тимашук // Народ мой (Израиль). 2002. № 24 (293). С. 35–37.
- 81 Документ ЦАФСБ РФ (Протокол допроса П. И. Егорова от 7 февраля 1953 г. Копия). Архивная коллекция автора.
- 82 Государственный антисемитизм в СССР. С. 430–432.
- 83 Документ ЦАФСБ РФ (Протокол допроса П. И. Егорова от 29 октября 1952 г. Копия). Архивная коллекция автора; Брент Дж., Наумов В. П. Указ. соч. С. 36–37.
- 84 Документ ЦАФСБ РФ (Протокол допроса В. Н. Виноградова от 12 декабря 1952 г. Копия). Архивная коллекция автора; Брент Дж., Наумов В. П. Указ. соч. С. 97.
- 85 Документ ЦАФСБ РФ. Копия. Архивная коллекция автора.
- 86 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1064. Л. 42, 44; Д. 1096. Л. 41.
- 87 Журнал посещений кремлевского кабинета Сталина // Исторический архив. 1997. № 1. С. 33.
- 88 Брент Дж., Наумов В. П. Указ. соч. С. 194.
- 89 Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов и др. М., 2007. С. 522–523; РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 5837. Л. 27–28.

- ⁹¹ Документ ЦАФСБ РФ (Записка Л. П. Берии в ЦК КПСС от 25 марта 1953 г. Копия). Архивная коллекция автора.
- ⁹² Столяров К. А. Палачи и жертвы. С. 204.
- ⁹³ Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник. С. 679–680.
- ⁹⁴ Государственный антисемитизм в СССР. С. 460.
- ⁹⁵ Там же. С. 461.
- ⁹⁶ Документ ЦАФСБ РФ (Записка Л. П. Берии в ЦК КПСС от 16 марта 1953 г. Копия). Архивная коллекция автора.
- ⁹⁷ Московские новости. 1988. 7 февраля.
- ⁹⁸ Документы ЦАФСБ РФ (Протокол допроса М. С. Вовси от 31 января 1953 г. Копия). Архивная коллекция автора.
- ⁹⁹ Документы ЦАФСБ РФ (Протоколы допросов от 21 ноября, 4, 10 декабря 1952 г. Копии.) Архивная коллекция автора.
- ¹⁰⁰ Документы ЦАФСБ РФ (Протоколы допросов М. С. Вовси от 28 ноября, 10 декабря 1952 г., 31 января, 27 февраля 1953 г. Копии). Архивная коллекция автора.
- ¹⁰¹ Документ ЦАФСБ РФ (Записка С. А. Гоглидзе И. В. Сталину от 24 ноября 1952 г. о выполнении постановления ЦК ВКП(б) от 11 июля 1951 г. «О неблагоприятном положении в МГБ СССР». Копия). Архивная коллекция автора.
- ¹⁰² Документ ЦАФСБ РФ (Протоколы допросов М. С. Вовси от 15 января, 27 февраля 1953 г. Копии). Архивная коллекция автора.
- ¹⁰³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1195. Л. 1–4; РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 23. Л. 1–3.
- ¹⁰⁴ Аллилуева С. И. Только один год. М., 1990. С. 315.
- ¹⁰⁵ Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 474; Хрущев Н. С. Воспоминания // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 62–63, 70, 71; 1992. № 1. С. 53, 63; Шепилов Д. Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 31.
- ¹⁰⁶ Кончина: из воспоминаний А. Л. Мясникова, участника консилиума у постели И.В. Сталина / Публ. Л. А. Мясникова // Литературная газета. 1989. 1 марта.
- ¹⁰⁷ Румянцев А. М. Между наукой и политикой // Наука и власть. Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов / Отв. ред. Г. Б. Старушенко. М., 2001. С. 177.
- ¹⁰⁸ Хрущев Н. С. Воспоминания // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 55–56; Брент Дж., Наумов В. П. Указ. соч. С. 299.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 146–150.
- ¹¹⁰ Документ ЦАФСБ РФ (Протокол допроса П. И. Егорова от 16 февраля 1953 г. Копия). Архивная коллекция автора.
- ¹¹¹ Пихоя Р. Г. Указ. соч. С. 71.
- ¹¹² Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 155; Дневник В. А. Малышева // Источник. 1997. № 5. С. 140–141.
- ¹¹³ Правда. 1952. 21 ноября; Адибеков Г. М. Коминформ и послевоенная Европа. 1947–1956 гг. М., 1994. С. 169.

- ¹¹⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 94. Л. 128–134; РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3. Л. 174.
- ¹¹⁵ Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: Документы... С. 535.
- ¹¹⁶ Лазарев В. И., Хаустов В. Н. Органы государственной безопасности СССР (1945–1954 гг.) // Советское общество: будни холодной войны. Москва-Арзамас, 2000. С. 194; Совет Народных Комиссаров СССР, Совет Министров СССР, Кабинет Министров СССР. 1923–1991. Энциклопед. справочник. М., 1999. С. 443, 468; Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник. С. 680.
- ¹¹⁷ Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: Документы... С. 566–567; Государственный антисемитизм в СССР. С. 464–465.
- ¹¹⁸ Аксенов Ю. А. Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. С. 103.
- ¹¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 602. Л. 1; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945 – 1953 / Сост. О. В. Хлевнюк, Л. А. Роговая, Л. П. Кошелева и др. М., 2002. С. 392–397.
- ¹²⁰ Там же. С. 87–94.
- ¹²¹ Шепилов Д. Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 33–35.
- ¹²² Подробней: Клейн Б. С. Политика США и «дело врачей» // Вопросы истории. 2006. № 6. С. 37–38.
- ¹²³ Аджубей А. И. Те десять лет. М., 1989. С. 63–66.
- ¹²⁴ Правда. 1953. 21 января; Бурт В. Клеймо Лидии Тимашук // Литературная газета. 2003. 10–16 сентября.
- ¹²⁵ Правда Украины. 1949. 19 ноября; 1950. 4 января; 1952. 17, 18 мая, 29 ноября, 28 декабря; Хрущев Н. С. Воспоминания // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 58.
- ¹²⁶ Медицинский работник. 1952. 21 ноября.
- ¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 364. Оп. 13. Д. 4. Л. 1–234.
- ¹²⁸ Самойлов Д. С. Памятные записки. М., 1995. С. 165.
- ¹²⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 25. Д. 504. Л. 3–5.
- ¹³⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 25. Д. 504. Л. 7–93, 98–127.
- ¹³¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 25. Д. 504. Л. 95–97.
- ¹³² Говрин Й. Израильско-советские отношения. 1953–1967. С. 29–47; Советско-израильские отношения. Сб. док. Т. 1. Кн. 2. С. 421–430.
- ¹³³ Найтли Ф. Шпионы XX века. М., 1994. С. 287.
- ¹³⁴ Кравцов Б. Бегство из гетто. Л., 1984. С. 149–150; Независимая газета. 1998. 12 мая.
- ¹³⁵ Хренников Т. Н. Тихон Хренников о времени и о себе. М., 1994. С. 179.
- ¹³⁶ Хрущев Н. С. Воспоминания // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 56, 59.
- ¹³⁷ Мальков В. Л. Неизвестный Кеннан: заметки о морфологии и мышлении дипломата // Вестник Института Кеннана в России. 2004. Вып. 5. С. 39.
- ¹³⁸ Чуев Ф. И. Так говорил Каганович. М., 1992. С. 174;
- ¹³⁹ Государственный антисемитизм в СССР. С. 470–473.
- ¹⁴⁰ Правда. 1953. 28 января.

¹⁴¹ Источник. 1997. № 1. С. 142; Фрезинский Б. Я. Книга о пятнадцати годах сталинского госантисемитизма и еще раз о событиях начала 1953 года // Народ Книги в мире книг. Еврейское книжное обозрение. 2005. Декабрь. № 60. С. 8–10.

¹⁴² Государственный антисемитизм в СССР. С. 474–478.

¹⁴³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 25. Д. 504. Л. 159.

¹⁴⁴ Государственный антисемитизм в СССР. С. 479.

¹⁴⁵ Ефремов Л. Н. Дорогами борьбы и труда. С. 12–14.

¹⁴⁶ Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 466.

¹⁴⁷ Генри Э. Письмо «исторического оптимиста» // Дружба народов. 1988. № 3. С. 239.

¹⁴⁸ Россия. XX век. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А. Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М., 1999. С. 17.

¹⁴⁹ Рапопорт Я. Л. Указ. соч.; Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. С. 686.

¹⁵⁰ Россия. XX век. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 21–25.

¹⁵¹ Там же. С. 23.

¹⁵² Там же. С. 25–28.

¹⁵³ Правда. 1952. 1 февраля.

¹⁵⁴ Клейн Б. С. Указ. соч. // Вопросы истории. 2006. № 6. С. 42–46.

¹⁵⁵ Попов В. П. Государственный террор в советской России. 1923–1953 (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XX веке советское еврейство и в первую очередь интеллигенция из этой национальной среды столкнулось в своих отношениях с властью с несколькими судьбоносными историческими вызовами. Первый такой вызов пришелся на революцию 1917 г. и гражданскую войну. Второй – на послевоенный период 1948–1953 гг. Третий – на так называемые «застойные» и «перестроечные» годы, когда начался массовый исход евреев из СССР, означавший по сути дела спонтанное, самопроизвольное решение «еврейского вопроса», с которым безуспешно пытались справиться сменявшие друг друга режимы в нашей стране как на протяжении XIX, так и почти всего XX веков. Произошло парадоксальное: чего не смогла сила власти, сделала ее слабость.

Время «действия», или, лучше сказать, социально-политического доминирования каждого из этих трех вызовов обрамлялось соответствующими хронологическими вехами, которые, не поддаваясь точной датировке, приблизительно все же определяются. Конкретно можно вычленил следующие основные периоды взаимоотношений Советского государства с еврейством вообще и его интеллектуальной элитой в частности: 1. 1917–1935 гг.; 2. 1936–1953 гг.; 3. 1953–1991 гг.

Начало первому периоду (1917–1935 гг.) было положено Октябрьской революцией. В ней еврейская интеллигенция исполнила важную историческую миссию «иноплеменного катализатора», благодаря которому во все времена (например, при Петре Великом) и у всех народов запускается механизм преодоления сковывающей инерции традиционализма, смены политических элит и ускоренной социальной модернизации. Одним из важнейших моментов этого периода стала эмансипация евреев, причем не только правовая (произошла еще при Временном правительстве), но и фактическая. Этому в немалой степени способствовало то, что разгромив подпольные «буржуазные» черносотенные организации, большевики покончили с прежней идеологией юдофобии – как традиционной, имеющей глубокие религиозные корни, так и модернизированной, бывшей «слепком» с за-

имствованного на Западе антисемитизма. Кроме того, были сняты все барьеры на пути вхождения евреев в политическую, управленческую, культурную и интеллектуальную элиту общества, причем это вхождение происходило в обеспечивавшемся верхами режиме наибольшего благоприятствования и в отсутствие сопротивления со стороны старой элиты, устраненной революцией. Все это дало мощный импульс процессу естественной ассимиляции еврейства, жертвовавшего своей национальной идентичностью ради жизненного преуспевания в русскоязычной среде. Началось интенсивное формирование советской ИЕП, в которой режим обрел надежную социальную опору (тогда как при царизме русско-еврейская интеллигенция являлась одним из ударных отрядов антиправительственной оппозиции!). Однако поддержка государством этого процесса осуществлялась исключительно с классовых позиций (еврейские интеллектуалы, идейно тяготевшие к сионизму, а культурно – к гебраизму, преследовались большевиками как «буржуазные националисты»). Благодаря ревностному служению новой власти советские интеллигенты из числа евреев очень быстро оказались на ведущих позициях в основных сферах социальной жизнедеятельности – от государственного управления и национальной безопасности до культуры и науки. В 1920–1930-е, да и в последующие годы ИЕП внесла заметный вклад в развитие многих сфер жизнедеятельности советского общества – политическую, экономическую, научную, культурную, производственно-техническую, управленческую, образовательную и др. Фокусируясь на политической сфере (приоритетной для исследования), необходимо отметить, что этническое представительство евреев (носило, по сути, формально-номинальный характер!) во власти и управленческой сфере, будучи максимальным в первые послереволюционные годы, с середины 1920 гг. постепенно стало сокращаться, хотя и спустя десятилетие оставалось значительным.

Содействуя ассимиляции евреев и используя их как ударную силу в социалистическом переустройстве общества, режим параллельно подпитывал и этнокультурное развитие этого нацменьшинства (создание еврейских театров, клубов, газет, журналов, издательств, школ, техникумов, факультетов и кафедр в вузах, административных районов, колхозов и т. п.). При этом большевики сделали ставку исключительно на идишитскую культуру, считая такую поддержку вынужденным и временным компромиссом, повышающим эффективность борьбы с «буржуазным» сионизмом и гебраизмом и в конечном счете обеспечивающим плавное, постепенное течение ассимиляционных процессов. В наибольшей степени официальная политика предпочтен-

ций в отношении еврейского нацменьшинства была присуща первому пятнадцатилетию советской власти, приверженной тогда интернационалистско-ленинской идеологической парадигме. Однако, создав на Дальнем Востоке ЕАО и объявив в середине 1930-х гг. об успешном решении в СССР еврейского вопроса, власть перестала нуждаться в идишитских культуртрегерах, все больше воспринимая их как помеху дальнейшей ассимиляции евреев и потенциальную «пятую колонну». Вот почему с середины 1930-х гг. «евреи-националы», как и другие нацменьшинства (поляки, чехи, немцы и др.), стали преследоваться режимом, а в годы «большого террора» подверглись репрессиям как агентура враждебных СССР стран. Тогда пострадало и немало ассимилированных евреев-интеллигентов, главным образом из числа партийных и государственных функционеров. Причем, и «националы», и «ассимилянты» пали жертвой обострившейся шпиономании и пароксизма универсальной номенклатурной чистки, но не политической юдофобии: ее элементы проявились чуть позднее – когда пик политических репрессий миновал, и наступил период стабилизации и даже некоторого смягчения режима.

Второй период в истории взаимоотношений власти и ИЕП (1936–1953 гг.), который, собственно, и составил предметную основу данного исследования, проходил под знаком постепенной кристаллизации спорадических элементов официального антисемитизма в систематическую официальную политику, которая в полной мере проявилась в 1949–1953 гг. Именно к началу второго периода четко обозначились предпосылки этого явления. Тогда в глобальном соперничестве трех макроидеологий – либерализма, коммунизма и национализма – последний стал уверенно лидировать, а в СССР произошла смена идеологических парадигм – интернационалистской на патриотическую. Следствием стала кардинальная перестройка советской государственности на основе новой концепции «старшего брата», символически освященной новой «сталинской» конституцией. По сути, это было отступление от ленинского имперского проекта межэтнической конвергенции (ассимиляции), лишившего прежде доминировавших, численно, культурно и политически, русских былых привилегий (делегировались нацменьшинствам), и походило на некоторый возврат к устоям царской империи. Как бы вновь декларировалась руководящая роль русских, провозглашавшихся самым передовым народом в строго иерархичном этнополитическом конгломерате так называемых социалистических наций, а ассимиляция нацменьшинств все больше переводилась на административные рельсы. Как и всякая другая модель, построенная на силе центра, авторитете вождя и жиз-

ненной энергии государствообразующей нации, СССР мог быть жизнеспособным лишь при сохранении этими системными факторами своей эффективности. Однако рано или поздно ресурсы центра иссякают, харизматические вожди умирают, а жизненные силы «старшего брата» под бременем возложенной на него объединительной миссии слабеют. При этом «младшие», окраинные народы, наоборот, за счет донорской подпитки из центра все больше наращивают свой экономический и культурный потенциал и все активнее стремятся к политической самостоятельности.

Механизм «угасания» советской империи был парадоксальным образом запущен самой властью, существенно усилившей свою этническую (антиимперскую!) системную составляющую в ущерб социально-политической. Национальная принадлежность стала использоваться режимом как социальный маркер, применявшийся, в том числе, и для скрытой дискриминации.

«Инфицирование» власти элементами антисемитизма являлось в определенной мере следствием предвоенного советско-германского государственного сближения. Однако официальный антисемитизм в многонациональном и декларативно интернационалистском Советском Союзе никогда не носил, в отличие от мононациональной нацистской Германии, тотально-репрессивного характера, развивался медленнее и, самое главное, не имел легитимного статуса. Сталин, в отличие от Гитлера, не был идейным антисемитом. Если нацистское «окончательное решение» предусматривало полное физическое уничтожение евреев, то сталинская «еврейская» политика ставила во главу угла ассимиляцию, изначально считавшуюся – согласно марксистской теории – объективным и потому прогрессивным явлением. Официальному антисемитизму в СССР была присуща латентная, «изподтишковая» тактика. Для прикрытия успешно применялась риторика о «коренизации» кадров, прокламация номенклатурного приоритета представителей «титульной» национальности. Негласность и дозированность сталинского антисемитизма исключали возможность осуществления массовых репрессивных антиеврейских акций.

Главную роль в генезисе официального антисемитизма сыграл фактор единовластия Сталина. Этот момент имел как объективную, так и субъективную составляющие. Первая проявилась в том, что антисемитизм стал системным явлением, производным от политического режима Сталина, точнее, от такой его «несущей конструкции», как идеология «осажденной крепости», изоляционизма, политической ксенофобии. Если в нацистской Германии официальный анти-

семитизм носил самодовлеющий характер, то в СССР он служил средством укрепления единовластия Сталина и был следствием социально-политической автаркии страны. После смерти вождя новый режим, несмотря на отказ от прежних «крайностей», принципиально не изменился. Вот почему антисемитизм – пусть и в значительно меньшей «концентрации» – продолжал присутствовать во власти.

Что касается субъективности, то она состояла в том, что популистский национализм Сталин использовал как средство раздувания межпоколенческой конкурентной борьбы внутри управленческой элиты и таким образом подчинял ее своей воле. Когда в результате «большого террора» произошло радикальное обновление руководящего слоя (в том числе и вследствие репрессивного вымывания немалого количества евреев и представителей других нацменьшинств), во власти возобладала молодая генерация бюрократии. Видя в ней новую социальную опору своего режима, Сталин манипулировал ею, в том числе, и посредством скрытого аппаратного антисемитизма, и – как следствие – тот начал укореняться в номенклатурной почве, а его элементы инфильтрироваться в национально-кадровую политику государства. Как системное явление антисемитизм был нацелен на постепенное, дозированное сокращение «еврейского влияния» в советском обществе, причем, в первую очередь в политическом и идеологическом его сегментах. Сначала это осуществлялось почти исключительно посредством административного «кадрового регулирования» (увольнения с работы под различными предлогами, перевод с руководящих на менее значимые и рядовые должности и т. п.), а с конца 1940 гг. – еще и путем репрессий. Если до этого времени официальный антисемитизм использовался Сталиным преимущественно «рационально» (в интересах политического укрощения номенклатуры), то потом (когда психика этого жестокого политика под бременем лет и болезней все более деградировала) – преимущественно «эмоционально», провоцируя такие бредовые акции как «дело врачей». Симптоматично, что и такой крупный и серьезный знаток истории большевизма, как Б. И. Николаевский отмечал разницу между советским вождем конца 1930-х (осуществлял «большой террор» «не по безумию Калигулы, а потому, что сделал его фактором своей активной социологии») и начала 1950-х, допуская применительно к этим годам «возможность ненормальности Сталина»¹.

Важной особенностью начальной стадии второго периода стало то обстоятельство, что нацистское нападение на СССР лишь на время «притушило» советский аппаратный антисемитизм. Его элементы

вновь стали прорастать на советской чиновничьей ниве уже начиная со второй половины 1942 г., когда власти – благодаря первым победам над врагом – вышли из стресса и «взялись за старое». Другой особенностью этой стадии стало резкое усиление в обществе бытового антисемитизма, провоцируемого тяготами военного времени, нацистской пропагандой и, конечно, соответствующими настроениями в верхах. Тогда по команде со Старой площади начались увольнения евреев из сферы управления культурой и пропагандой. В результате в еврейской среде возникли упорные слухи о том, что главные антисемиты засели в ЦК, и именно оттуда исходят циркуляры с дискриминационными новациями в области кадровой политики. И хотя в действительности никаких письменных антиеврейских директив не рассылалось, устные указания такого рода, несомненно, были, что подтверждается многочисленными свидетельствами, в том числе и документальными. Несмотря на завуалированный характер, кадровая чистка по «пятому пункту» вызвала бурную ответную реакцию ИЕП. В защиту жертв чистки выступили многие известные русские деятели культуры и науки, что заставило антисемитские элементы во власти отступить. Пока шла война, Сталин, принимая во внимание обоюдоострый характер антиеврейских рестрикций, не решился на более или менее масштабное их применение, хотя его личный завуалированный антисемитизм, чутко угадываемый придворным окружением, скорее всего, и спровоцировал кадровую кампанию 1942–1943 гг. «за чистоту русского искусства». Когда в номенклатурных коридорах запахло скандалом, вождь, опасаясь быть дискредитированным в глазах мирового общественного мнения (прежде всего союзников по антигитлеровской коалиции), а также усиления в разгар ожесточенной борьбы с внешним врагом межнациональных трений в тылу, предпочел на время «забыть» о своей личной антипатии к еврейству и даже пошел на создание ЕАКа во главе с С. М. Михоэлсом. Вместе с тем, Сталин, наделенный трайбалистским менталитетом и мысливший категориями коллективной вины, подверг в годы войны огульному наказанию целые этносы.

Как ни парадоксально, но обострение еврейской проблемы в СССР произошло уже после победы над нацизмом, когда мир, расколовшись на противостоявшие друг другу военно-политические блоки, погрузился в затяжную холодную войну. Тогда СССР из региональной державы превратился в мировую, став в биполярном мире одним из центров глобальной силы. В связи с этим существенно возросло влияние внешнеполитического фактора на отношение советского руководства к интеллигенции, в том числе и к той ее части, которая эт-

нически была связана с еврейством. Воздействие извне на еврейскую проблему в СССР особенно стало ощутимым после того как в 1948 г. возникло государство Израиль. Но Западу так и не удалось – даже в незначительной мере, нарушить герметичность сталинского «железного занавеса» и организовать сколько-нибудь существенную эмиграцию советских евреев.

Послевоенное усиление официального антисемитизма в его советской разновидности было объективно обусловлено еще и тем, что в социальной природе диктаторского режима изначально заложен жизненно важный для него императив пропагандистского использования образа врага как инструмента порабощения общества и манипулирования его сознанием. Когда с конца 1940-х гг. жупелы «космополита» и «еврейского националиста» стали активно вытеснять из пропагандистского обихода такие обветшавшие страшилки, как «троцкисты», «вредители» и прочие «контрреволюционеры» этот образ стал исподволь наполняться антиеврейским содержанием. Обличая интеллигенцию за «раболепие» и «низкопоклонство» перед Западом (это преклонение, надо признать, действительно имело место, принимая порой гротескные формы), Сталин боролся, однако, не с причиной этого «недуга» – порождавшей идеализацию Запада (да и тот же «культ личности») герметичной закрытостью советского общества, а со следствием – внешними проявлениями самоуничужения. По сути он, загоняя «болезнь» внутрь, воевал с собственной тенью, используя антисемитизм как крайнюю форму антизападничества.

Поскольку возрождение еврейской государственности на Ближнем Востоке вызвало в советском еврействе (в первую очередь в образованном слое!) некоторый подъем национального самосознания (массовые стихийные демонстрации национальной солидарности в связи с приездом в Москву Г. Меир осенью 1948 г.), Сталину, очевидно, пришлось пережить настоящий шок. Именно тогда запущенному ранее процессу административной ассимиляции сверху было придано силовое ускорение, и она приобрела форсированный, сопряженный с репрессиями характер. К началу 1950-х гг. престарелый, страдавший от многочисленных хронических недугов диктатор окончательно превратился в патологического юдофоба, которому повсюду мерещились заговоры сионистов. Особенно наглядно это проявилось в «деле врачей» 1953 г., когда из-за политически неадекватных действий Сталина возникла реальная угроза перехода аппаратного антисемитизма в агрессивную, открытую форму, что было чревато разрушением фундаментальных основ многонационального государства и наступлением социального хаоса. Резонность такого суждения, кажущегося

на первый взгляд утрированным, подкрепляется тем, что, осознав незадолго до смерти всю серьезность спровоцированной им ситуации, Сталин вынужден был пойти на попятную, свернув агрессивную пропаганду, имевшую антисемитскую подоплеку. Тем самым устранялась потенциальная возможность осуществления властями сколько-нибудь крупной антиеврейской акции.

Из вышеизложенного следует, что отношение советского руководства к ИЕП в исследуемый период формировалось под воздействием как внутри, так и внешнеполитических факторов. В числе первых наиболее важными для формирования соответствующей официальной политики являются, на наш взгляд, следующие: а) окончательно сложившаяся к середине 1930-х гг. система единой диктатуры Сталина, вследствие чего влияние психологических проблем вождя (в том числе, и присущей ему юдофобии, что подтверждается многочисленными свидетельствами) на принятие политических решений резко возросло (по его тайному приказу в начале 1948 г. был убит С. Михоэлс, что обозначило переход от административного ограничения еврейской национальной активности к ее силовому подавлению); б) усиление роли антисемитизма в подогреваемой Сталиным подспудной конкурентной борьбе внутри правящей бюрократической элиты, которая также «играла» на юдофобии вождя; в) «этнизация» сталинизма в 1930-е гг., демагогическое использование лозунга «коренизации» кадров с целью скрытой дискриминации «нетитульных» нацменьшинств; г) политический популизм сталинизма, созидавший миф о народном вожде посредством, с одной стороны, создания образа борца со своеволием и злоупотреблениями чиновной бюрократии – «вредного средостения», «проклятой касты», а с другой, – подспудной игры на «темных инстинктах» «низов», в том числе и на ксенофобии.

При анализе второй группы факторов на передний план выходят следующие: а) межгосударственное сближение между СССР и нацистской Германией в 1939 г.; б) послевоенное «холодное» противостояние между разделенными «железным занавесом» советским и западным военно-политическими блоками, при том, что и отечественная интеллигенция (как этнически связанная с еврейством, так и не имеющая к нему отношения) в большинстве своем еще с дореволюционных времен идейно ориентировалась на западные либеральные ценности, что так или иначе провоцировало сталинский режим (например, антикосмополитическая кампания); в) образование в 1948 г. государства Израиль, который стал следовать в военно-политическом фарватере США, что заметно усилило недоверие Сталина к

советской ИЕП как потенциальной «агентуре» американского империализма и международного сионизма.

Благодаря тому, что послевоенные репрессии в СССР значительно уступали по масштабу кровавым чисткам 1937–1938 гг., от политического террора властей в период «зрелого» антисемитизма пострадало относительно небольшое количество евреев. Всего в 1948–1953 гг. за «националистическую деятельность» было репрессировано около 1 тыс. евреев, в том числе расстреляно не более ста, что частично подтверждается следующими данными.

Годы	Количество советских евреев, арестованных и осужденных госбезопасностью		
	По общим политическим мотивам (% евреев от всех арестованных в СССР по тем же мотивам)	В том числе как националистов – сионистов, бундовцев (% евреев от всех арестованных за «националистическую деятельность»)	В том числе как клерикалов (членов иудейских общин), чел.
1936	Данных нет		
1937	Данных нет	420 (сионистов) (0,8)	
1938	Данных нет	1926 (сионистов) (2,8)	
1939	2969 (6,6)	181 (сионисты и клерикалы) (7,5)	
1940–1942	Данных нет		
1943	Данных нет	55 (сионисты и клерикалы) (5,1)	
1944	Данных нет		
1945	714 (0,6)	67 (0,3)	–
1946–1947	Данных нет		
1948	956 (1,4)	42 (0,2)	8
1949	1979 (2,8)	249 (1,5)	17
1950	1232 (2,1)	201 (1,3)	39
1951	1079 (2,3)	229 (2,5)	55
1952	352 (2,1)	102 (2,8)	4
1953	405 (3,8)	128 (3,5)	2
Итого:	9686 (2,7)	3600 (2,6)	125

Из таблицы видно, что доля евреев в общем количестве советских нерусских граждан, репрессированных в послевоенное время за «националистическую» деятельность, с 1949 г. начинает увеличиваться, при том что в среднем за 1939–1953 гг. она не превысила 3 %².

Именно под давлением репрессивного пресса начался процесс дифференциации интеллигенции еврейского происхождения, значительная, если не большая часть которой ментально стала отходить от прежней безусловной поддержки режима, постепенно проникаясь оппозиционными настроениями. Этому в значительной мере способствовала и набиравшая силу «этнизация» сознания еврейского населения под влиянием пережитого Холокоста, антиеврейских репрессий, рестрикций и пропагандистских акций властей, а также все более усиливавшегося (главным образом сионистского) влияния. Наиболее ярким проявлением этой «этнизации» стала мифологема о «сталинском плане депортации евреев». Порожденная, с одной стороны, негласным антисемитизмом верхов, а с другой, – постхолокостным синдромом, эта легенда, глубоко поразила сознание еврейской интеллигенции страхом повторения катастрофы. Но решающую роль сыграли причины общего порядка: нарастание в СССР системного кризиса, что инициировало глобальный дискурс о «закате коммунизма». Советская авторитарная модель явно проигрывала в соревновании с постиндустриальным либерализмом, опиравшимся на гибкую и вместе с тем стабильную демократическую государственность, а также динамичный научно-экономический прогресс, обеспечивавший значительное превосходство над соответствующими советскими достижениями.

Можно сказать, что Сталин умер «вовремя», в ядерный век единая диктатура становилась анахронизмом. Наследовавшая ему бюрократия, не желавшая впредь быть уподобленной податливой глине в железных руках диктатора-демиурга, взяла на вооружение лозунг коллективного руководства, реализовавшийся в виде системы номенклатурной олигархии. Этот режим почти до самого своего конца (во всяком случае, до 1989 г.) также нес на себе печать антисемитизма, хотя тот и был водворен в рамки строго регламентированной негласной политики, исключавшей повторение масштабных пропагандистских и полицейско-репрессивных акций сталинского времени. Это правление, надо признать, отказавшись от сталинской национально-государственной доктрины «старшего брата» и заменив ее суловско-брежневской концепцией советского народа как «новой исторической общности людей», сумело существенно укротить антисемитизм. Если в последние годы правле-

ния Сталина официальная юдофобия была образно сопоставима с разгоравшимся пламенем, то при Хрущеве и Брежневе, которые ее существенно «притушили», она, подобно незримому торфяному пожару, лишь чадила и тлела.

Таковы основные итоги исследования, которое, хочется верить, продемонстрировало, что решение национальных проблем лежит не в однолинейной упрощенно-схематичной плоскости с мнимой панацеей в виде, скажем, политической ставки на ассимиляцию, а в сфере «тонких» этнокультурных и социально-гуманитарных «настроек», не достижимых без глубокого научного освоения исторического опыта.

Примечания

¹ Николаевский – Валентинову, 20 октября 1954 г. // Валентинов Н. В. Наследники Сталина / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 1991. С. 218–219.

² Таблица составлена по данным из: Мозохин О. Б. Указ. соч. С. 337, 341, 346, 348, 363–464.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

«Еврейский Крым»: спекуляции на мираже

*Бывало начини о вопросе еврейском,
Тебе собеседник ответит резко...
«Еврей – караты, еврей – валюта...
Любо богаты и жадны люто...
А тут им дают Крым.
А Крым известен: не карта, а козырь:
На лучшем месте – дворы и розы».
Так врут рабочим врагов голоса...*

В. В. Маяковский
(Трибуна. 1930. № 11)

История в жанре триллера

В прошлом советского еврейства именно «крымская история», пожалуй, больше всего до сих пор будоражит воображение всех конспирологов – от либералов до националистов-«почвенников». И это не случайно, ибо в СССР и послевоенные гонения на евреев, и расправа над членами ЕАК прочно связывались в обыденном сознании с предпринятой в 1944 г. неудачной попыткой руководителей этой организации создать еврейскую республику в Крыму. Более того, в широко распространенной тогда антисемитской мифологеме «дело ЕАК» представлялось не иначе как «крымское», предпринятое Сталиным, дабы покарать евреев, которые «Крым у России отцать хотели и сделать там новое царство жидовское»¹. Составной (второй) частью этой легенды стало «дело врачей», преподносимое в том духе, что Сталин, раскрыв заговор еврейских медиков-профессоров, желавших отомстить ему и его ближайшим соратникам за тайное убийство Михоэлса – несостоявшегося «еврейского царя Крыма», и устранение других «злоумышлявших» вместе с ним евреев-интеллигентов,

направил свой «праведный» гнев против всех еврейских подданных, вознамерившись отправить их на Север. Парадоксально, но тем же самым финалом – планированием депортации – завершалась и другая легенда, которая исходила уже от самих евреев и была распространена в либерально-интеллигентской среде (об этом в следующей статье). Так что не ясно: какая из них первична, какая вторична, или они – одномоментны?

Эти апокрифы, будучи порождением официального табуирования темы, отнюдь не сошли на нет, когда с конца 1980-х гг. стали открываться сталинские архивы и, казалось, должна была восторжествовать истина. Напротив, на волне общественной гиперполитизации они обрели как бы второе дыхание, причем, удивительным образом вследствие обнародования документов из этих архивов, точнее, в результате их спекулятивной интерпретации.

И вот «крымская история» из «свидетельства» зловерных козней евреев перелицовывается в нечто идеологически диаметрально противоположное – в провокацию, изначально задуманную Сталиным и осуществленную МГБ. Даже рассудительный и осторожный в оценках Ж. А. Медведев (известный в прошлом диссидент), разбирая перипетии подготовки и направления в феврале 1944 г. С. М. Михоэлсом и другими руководителями ЕАК писем И. В. Сталину и В. М. Молотову о создании «Еврейской советской социалистической республики» в Крыму, склонен видеть в этом инспирацию спецслужб, составивших «антиеврейский заговор». Такое суждение, думается, во многом было навеяно изданными в 1990-е гг. книгами П. А. Судоплатова и А. М. Борщаговского². При этом в документальную повесть последнего «Обвиняется кровь» включены целых три взаимоисключающих версии: «Еврейский крымский проект» – это 1) инициатива «выслуживавшихся» перед Сталиным органов госбезопасности; 2) единоличная провокация диктатора, направленная против евреев; 3) спекулятивная (на евреях) интрига Сталина (или Г. М. Маленкова, Л. П. Берии и А. А. Жданова), имевшая целью дискредитацию Молотова³.

И если Борщаговский, выдвигая множество гипотез, вроде бы стремился к поиску истины, чему, впрочем, не способствовала присутствующая его рассуждениям эмоциональность, то Судоплатов, как представляется, сознательно уклонялся от правды прошлого, рассматривая его в заданном, скорей всего, коммерческом расчете формате политического детектива*. В результате пером бывшего «супершпи-

* Вместо того, чтобы максимально правдиво реконструировать прошлое, редакторы и издатели мемуаров Судоплатова нацеливались прежде всего

она» был рожден миф о том, что убийство Михоэлса было как бы продолжением «крымской истории», что, кстати, не поддерживается теми же Борщаговским и Медведевым, и тем более «неопочвенником» В. В. Кожинным⁴.

И в самом деле, «крымское письмо» уже потому не могло быть причиной смерти Михоэлса, что написанное в феврале 1944 г. и тогда же отправленное в архив, оно вновь всплыло на политическую поверхность только 26 марта 1948 г., то есть спустя несколько месяцев после убийства Михоэлса. В датированной этим числом записке, направленной В. С. Абакумовым Сталину, Молотову, Жданову и А. А. Кузнецову, письмо впервые заочно инкриминировалось руководителям ЕАК и курировавшему их по линии Совинформбюро С. А. Лозовскому как доказательство националистической и проамериканской деятельности. Причем, самой этой «уликой» на Лубянке

на проект, гарантировавший коммерческий успех. Помню, как вскоре после краха СССР у меня, работавшего тогда в бывшем Центральном партийном архиве, состоялась встреча с главным творцом, своего рода продюсером судоплатовского бестселлера Джеролдом Шектером, осуществившим вместе с русской женой звукозапись воспоминаний советского разведчика, их литературную обработку, а потом и публикацию под названием «Special Tasks. Memoirs of an Unwanted Witness – A Soviet Spymaster» («Специальные задания. Воспоминания нежелательного свидетеля – советского шпиона». – N.Y., 1994). Этот весьма импозантный визитер (в темно-синей элегантной «тройке», поперек жилета которой красовалась золотая массивная часовая цепь), представившись, стал через сопровождавшего переводчика (Ф. А. Розенталя) рассказывать о том, как, возглавляя в 1968–1970 гг. московское бюро журналов «Тайм» и «Лайф», организовал вывоз и издание в США рукописи воспоминаний Н. С. Хрущева, как потом – при президенте Дж. Картере – работал пресс-секретарем Совета национальной безопасности США, и как сейчас заканчивает работу над книгой, о шпионском скандале века – пресловутом деле ГРУшника-предателя Олега Пеньковского. Разъясняя основную цель своего визита, Шектер заговорил о новом издательском проекте, затрагивающем в том числе и «еврейскую политику» Сталина. Он сказал, что ведет сбор соответствующей архивной фактографии, и рассчитывает в этом на мою помощь как специалиста. Будучи заинтересованным в широком научно-культурном использовании этих только что рассекреченных тогда сведений, я подготовил детальный обзор таковых, причем со всеми ссылками на конкретные дела. Узнав потом, что мой обзор понадобился Шектеру для редактирования воспоминаний Судоплатова, я с нетерпением ждал их выхода в свет. Однако когда это произошло, я, вчитавшись в «еврейские сюжеты» бестселлера, с огорчением обнаружил, что если моя информация и была использована его создателями, то лишь для придания этим сюжетам (имевшим, как оказалось, мало общего с реальной историей) некоего правдоподобия.

тогда, очевидно, не располагали, и о содержании письма могли пока судить по пересказам секретных агентов и показаниям арестованного З. Г. Гринберга. И только когда в конце 1948 г. ЕАК был распущен, и его архив арестован, текст послания оказался в распоряжении МГБ. 4 декабря Абакумов доложил Сталину и другим членам Политбюро: «Обнаружено несколько проектов записок в адрес руководителей правительства... в которых “исторически” обосновывается необходимость создания [еврейской] республики»⁵.

И выходит, что не «крымское письмо» стало причиной смерти Михоэлса и последующих антиеврейских репрессий, а, скорее, наоборот, тайная расправа над последним, запустив механизм политических преследований, превратила его («письмо») в руках властей в средство их обоснования и оправдания, а также в один из главных инструментов начавшейся тогда фальсификации «дела ЕАК».

Интерпретируя «крымскую историю» в духе голливудского шпионского боевика, Судоплатов в главе с интригующим названием «Калифорния в Крыму» пишет, что, отправляясь в США, руководители ЕАК Михоэлс и Фефер получили на Лубянке секретное задание установить контакты с американскими сионистскими кругами, прозондировать их реакцию на якобы исходившую от советских верхов идею создания еврейской республики на «лакомом» полуострове. Под этот проект Сталин будто бы рассчитывал получить от США ни много, ни мало как 10 миллиардов долларов (цифра воистину фантастическая!), то есть почти столько же, сколько американцы выделили СССР за всю войну по ленд-лизу. А дальше – еще хлеще: утверждается, что руководители ЕАК, обратившись к Сталину по поводу Крыма 15 февраля 1944 г., сделали это буквально на следующий день после получения их «куратором» Берией приказа о депортации крымских татар⁶. Однако в действительности все обстояло совершенно по-другому: решение ГКО «О выселении всех татар с территории Крыма» было принято только 11 мая 1944 г., на второй день после освобождения полуострова Красной Армией, а депортация проводится 18–19 мая (у Судоплатова: в марте – апреле?!)⁷.

Правда, объективности ради следует заметить, что после того как в конце 1943 г. было осуществлено поголовное переселение в восточные районы обвиненных в пособничестве врагу калмыков, руководители ЕАК могли предполагать, что подобное коснется и крымских татар, тем более, что соответствующее обсуждение в кремлевских верхах началось, возможно, загодя, и слухи об этом могли так или иначе дойти до Михоэлса и его единомышленников. Однако даже если все так и было, и руководители ЕАК хотели воспользоваться, так сказать, бла-

гоприятным моментом, то это отнюдь не означает, что они повинны в провоцировании депортации коренного населения полуострова. Ибо татары, да и другое неславянское население Крыма, и без того были обречены на выселение. Этническая чистка в Крыму, который всегда рассматривался советским руководством как стратегический участок обороны страны, была по большому политическому счету предрешена, и Сталин только выжидал удобный момент и искал подходящий повод, чтобы привести в действие, скорей всего, давно задуманный радикальный план укрепления безопасности этого южного «подбрюшья» своей империи. И, разумеется, он – сугубый прагматик, лишенный каких-либо сантиментов – отнюдь не собирался заполнять постдепортационный этнический вакуум за счет евреев, пусть даже на это надеялись руководители ЕАК, наивно мечтавшие о Крыме, как о некоем воздаянии за беспрецедентные страдания соплеменников в годы войны. Новыми жителями полуострова должна была стать стопроцентно благонадежная этническая масса, к коей евреи уже с конца 1930-х гг. не причислялись. Показательно, что еще в ноябре 1938 г. один из руководящих работников аппарата ЦК ВКП(б), побывав в Крыму, довел до начальства следующее соображение: «Переселять же в Крым можно и нужно. <...> Помимо экономического значения этого переселения, оно имеет и оборонное значение. Если принять во внимание многонациональность населения Крыма и то, что в некоторых районах есть колхозы исключительно из иностранных подданных (греки), а также учесть, что националистические элементы (татары и др.) раньше очень ориентировались на своих единоверцев – турок (да, вероятно, и теперь не перестают питать некоторые надежды, в особенности же в связи с изменением ориентации Турции), то со всей очевидностью станет ясным необходимость и полезность срочного переселения в Крым свежего колхозника из центральных областей СССР»⁸.

Летом 1944 г. именно на славянское население европейской части СССР – переселенцев из Украины, Брянской, Воронежской, Курской и Ростовской областей РСФСР – и была сделана ставка как на новых жителей Крыма, которые в соответствии с постановлениями советского правительства стали прибывать на полуостров взамен вывезенных татар, а также греков, болгар, армян и представителей других нацменьшинств.

Не менее сомнительным представляется и придание Судоплатовым «крымской инициативе» ЕАК статуса некоего крупного международного проекта, отмеченного участием самых влиятельных политических сил послевоенного мира и якобы ставшего чуть ли не

ключевым в послевоенных советско-американских политических отношениях. Не утруждаясь приведением документальных доказательств, этот автор утверждал, что перспектива заселения Крыма евреями обсуждалась Сталиным сначала, в июне 1944 г., с президентом американской торговой палаты Э. Джонстоном и послом США в СССР А. Гарриманом, а потом – «сразу же после войны» – с делегацией американских сенаторов. Однако с наступлением холодной войны, как представлял дело Судоплатов, «наши надежды на получение еврейских капиталов рухнули... и первой жертвой смены курса стал Михозлс, находившийся в самом центре дискуссии по созданию еврейской республики в Крыму»⁹.

Что касается упомянутых встреч, то они действительно имели место. Однако документально зафиксированное содержание состоявшихся при этом бесед не имеет ничего общего с тем, как их пересказал Судоплатов. Скажем, известно, что 26 июня 1944 г. Сталин совместно с Молотовым, Маленковым, Берией и Щербаковым принимал в Кремле того же Джонстона и Гарримана. Сохранилась и запись состоявшегося разговора, опубликованная потом в официальном издании МИДа. Судя по ней, в течение почти трехчасового общения в центре обобщенного внимания были проблемы возрождения советской промышленности после войны и налаживания торговли между двумя государствами в скором мирном будущем. Конкретно, Джонстон выказывал заинтересованность в широкомасштабном приобретении у СССР различного сырья, а Сталин даже пообещал разместить в США миллиардные заказы. Обсуждались также шансы Ф. Рузвельта и его соперников на предстоявших президентских выборах и некоторые другие вопросы. А вот что написал об этой встрече Судоплатов, в ней не участвовавший и о ее содержании не информировавшийся: Джонстон был принят Сталиным «для обсуждения проблем возрождения областей, бывших главными еврейскими поселениями в Белоруссии, и переселения евреев в Крым»¹⁰. Об этом Сталин беседовал с американскими сенаторами и после войны, о чем Судоплатову будто бы стало известно из некоего сообщения, из какого именно, им не уточняется. Между тем, в официальной записи советско-американских переговоров 26 июня 1944 г. зафиксирована немаловажная реплика Джонстона о том, что тот считал себя специалистом по промышленности, а в сельском хозяйстве – профаном. Вот почему после встречи со Сталиным он направился отнюдь не в освобожденный Красной армией Крым, что в свете утверждений Судоплатова было бы логично, а предпринял поездку по заводам Урала.

Впрочем, относительно официальной записи кремлевской беседы от 26 июня 1944 г. может возникнуть резонное сомнение: не изымались ли из нее потом при подготовке публикации «неудобные» для советской власти сюжеты, среди которых, мог быть и «крымский»? Конечно, в 1984 г., когда было вышло данное издание, и когда сильна была цензура, все было возможно. Однако, не похоже, что подобное могло иметь место в данном конкретном случае. Ведь все изъятия из оригинальных архивных документов, составивших основу сборника, в обязательном порядке, как специально оговаривалось, обозначались публикаторами во главе с академиком Г. А. Арбатовым отточием, а такого грамматического знака вообще нет в напечатанном тексте интересующей нас беседы¹¹. Да и в хранящемся в Библиотеке Конгресса США отчете участника встречи А. Гарримана отсутствует какое-либо упоминание об обсуждении «крымского проекта», как впрочем, и в его мемуарах, а также в воспоминаниях Дж. Кеннана, присутствовавшего на встрече Сталина с американскими сенаторами¹².

Итак, ни советскими, ни американскими, заслуживающими доверия документальными и мемуарными источниками, приведенные Судоплатовым «факты» по Крыму не подтверждаются. Тем не менее, у него нашелся последователь, который поведанную бывшим супершпионом «крымскую историю» довел до абсурда. Речь идет о книге В. В. Левашова «Убийство Михоэлса», выпущенной издательством «Олимп» в 1998 году 11-тысячным тиражом и переизданной в 2003 г. в количестве 3000 экземпляров. При нынешней моде на всякого рода документальные исследования это сочинение, думается, не случайно именно так было разрекламировано, как не случайно и то, что жанровая его характеристика – «роман» – была обозначена не как обычно на титуле, ниже заголовка, а упрятана в последний абзац набранной мелким шрифтом аннотации. Не исключено, что это было предпринято для того, чтобы сбить с толку неискушенного читателя. Видимо, с той же целью в книгу вкраплены реальные исторические материалы – фрагменты из стенограммы судебного процесса по «делу ЕАК», выдержки из старых газетных публикаций, отдельные решения высших органов власти и, самое главное, подверстанные к финальной главе нескольких важных рассекреченных документов из Центрального архива ФСБ РФ. Этим носителям реального прошлого отведена в книге всего лишь подсобная роль – формального «сертификата достоверности», подпорки некой литературной конструкции, возведенной отнюдь не по канонам историзма, а по далекой от них прихоти автора. В его сочинении, пожалуй, единственно правдивой, является общая мысль, что за убийством

Михоэлса и гонениями на евреев в СССР стоял Сталин. Все остальное, в том числе политико-шпионские страсти вокруг «крымского проекта», живописуемые посредством придуманных размышлений героев и их диалогов, а также сымитированных «сверхсекретных» документов, измышлено либо заимствовано из мемуаров того же Судоплатова и других книг подобного рода.

Иначе как «развесистой клюквой» не назовешь следующие, содержащиеся в книге Левашова откровения. Оказывается, во время войны Сталин вдруг осознал, что создание Еврейской автономной области (ЕАО) на Дальнем Востоке не решило «еврейского вопроса», и под предлогом исправления этого решил предпринять глобальную политическую игру под названием «Создание еврейской республики в Крыму». Этот «проект» он якобы пытался использовать для выкачки финансовых средств из союзников, для чего и отправил в США в 1943 г. Михоэлса, которому через Молотова указал идею «еврейского Крыма» представить как собственную. Однако американские спецслужбы не дремали и очень быстро установили, что отцом «крымского проекта» является не кто иной, как сам «дядюшка Джо». Приняв его намерение за чистую монету и не почувствовав подвоха, тамошние финансовые «воротилы» из числа евреев, поддавшись на уговоры уже «обработанного» Сталиным Э. Джонстона, решили выделить на обустройство Крыма около 10 млрд. долларов (цифра, взятая из книги Судоплатова!). Об этом «историческом решении» американцев в Кремле узнали из «шифровки» агента Хейфеца-Брауна, проинформированного в свою очередь присутствовавшим на встрече помощником госсекретаря Соединенных Штатов Д. Карриганом, завербованным советской разведкой. По возвращении Михоэлса на родину Сталин, манипулируя Молотовым и Лозовским, чуть ли не силком заставляет артиста написать на его имя «крымское письмо», чему тот, почувствовав неладное, воспротивился, но потом вынужден был подчиниться. Почти сразу его стали одолевать муки совести от осознания того, что он стал игрушкой в руках диктатора, чей «крымский проект» неминуемо, будто бы мнилось артисту, должен столкнуть еврейство в пучину новой катастрофы, а весь мир свергнуть в кровавое безумие Третьей мировой войны. Обуреваемый этими тревожными предчувствиями и к тому же будучи в душе приверженцем сионизма, Михоэлс решается раскрыть глаза американцам на коварные замыслы Сталина. Осуществить это он планирует в конце января 1948 г., когда в Москву вот-вот должна была прибыть делегация во главе с А. Гарриманом, которому одураченными советским лидером президентом Г. Трумэнном и госсекретарем Д. Маршаллом поручено было оформить как будто окон-

чательно достигнутое к тому времени соглашение по Крыму. Узнав о «предательском» намерении «неблагодарного» Михоэлса, Сталин приказывает его ликвидировать. Однако эта тайная расправа перечеркивает зловещие планы диктатора: озадаченный неожиданной и загадочной гибелью еврейского артиста президент Трумэн требует от Сталина дополнительной гарантии выполнения будущего «крымского договора» – полной демилитаризации полуострова, в том числе ликвидации баз Черноморского военного флота, грозя в противном случае отказаться от уже принятого решения включить СССР в «план Маршалла». Поняв, что «крымская карта» бита и ему не удастся «кинуть» американцев на несколько миллиардов долларов, взбешенный Сталин решает отыграться на своих еврейских подданных, приказав тогда же Абакумову бросить членов ЕАК за решетку (на самом деле эти аресты прошли лишь год спустя, в конце 1948 – начале 1949 г.) и приступить к подготовке судилища над ними.

Такова фабула разухабистого романа Левашова, которого формально, казалось бы, нельзя обвинить в фальсификации истории. Ведь избранный им литературный жанр дает право на художественный вымысел. Однако неписанные правила хорошего литературного вкуса требуют от мастеров художественного слова бережного отношения к реальной исторической канве описываемых событий, допуская буйство фантазии, скажем, только при создании образов вымышленных героев. Что же касается реальных людей и тем более хорошо известных исторических личностей, то их изображение в книгах должно быть предельно правдивым даже в художественных произведениях. Тем более, что приобщение к истории очень часто происходит посредством чтения романов. Вот почему так важно, чтобы повествование в них, по крайней мере, вписывалось в рамки реального прошлого, а не переворачивало его с ног на голову, что, к сожалению, демонстрирует книга Левашова, в которой претензия на документальность обернулась его имитацией, причем вульгарной.

Обращаясь к фактам

А как же в действительности возникла, развивалась и потом так трагически завершилась «крымская история»? Чтобы разобраться в этом, обратимся сначала к стенограмме судебного процесса 1952 г. по «делу ЕАК», который продолжался более двух месяцев и довольно детально расследовал существо инкриминированных подсудимым эпизодов, в том числе и обстоятельств, связанных с «крымским письмом». Однако сначала одно важное предварительное замечание: нет

оснований сомневаться в том, что существенная часть включенных в стенограмму показаний «еаковцев» содержит в основном достоверные сведения. Полагать так позволяет то, что в начале судебного заседания всем подсудимым дали возможность отказаться от самооговоров, к которым их пытками и психологическим давлением принудили следователи на Лубянке. Кроме того, хотя процесс проходил без участия адвокатов (как, впрочем, и без прокурора), подсудимые могли защищаться самостоятельно, и некоторые из них, в первую очередь С. А. Лозовский, Л. С. Штерн и Б. А. Шимелиович, использовали эту возможность блестяще, до последней минуты надеясь, что им удастся доказать свою невинность и выжить. С отчаянием обреченных они боролись до конца. Стремясь убедить суд в собственной невинности, они порой несправедливо оговаривали друг друга и прибегали к неизбежной в таких случаях лжи ради спасения. Скажем, отрицая на суде показания, полученные от них на предварительном следствии, «еаковцы», с одной стороны, разоблачали различного рода фальсификации – результат грубых манипуляций, в том числе и жестоких пыток – и тем самым содействовали торжеству правды, однако, с другой стороны, «корректировали» в свою пользу или вообще дезавуировали сообщенные ими ранее реальные факты, поскольку те могли быть использованы против них. Учет этих обстоятельств – важное и необходимое условие для достижения научной объективности в реконструкции «крымской истории».

Началась она в первые месяцы войны, трагические события которой требовали национальной консолидации советского еврейства, что, в свою очередь, рождало в головах его лидеров различные этнопоекты. И. С. Ватенберг – один из фигурантов «дела ЕАК» – показал в 1952 г. на процессе: «Когда мы вместе с Эпштейном (ответственный секретарь вскоре созданного ЕАК. – Г. К.) эвакуировались из Москвы (то есть осенью 1941 г. – Г. К.) и ехали с ним в одном вагоне, то он затронул вопрос о Республике немцев Поволжья. Я ему ответил, что есть Еврейская автономная область, и насколько есть возможность переселяться, то пусть желающие переселяются». А вот что припомнил тогда Фефер: «Примерно с 1942 года у нас в ЕАК начались разговоры о том, что все еврейские учреждения ликвидированы, даже в еврейских районах, все, что было создано за 30 лет. Тогда и возник вопрос о Крыме»¹³. Тогда же, в 1942-м, руководители вновь созданного ЕАК стали налаживать отношения с еврейскими организациями, функционировавшими в странах-союзниках, прежде всего в США, где, собственно, и концентрировалась международная еврейская общественно-политическая активность. Так что, когда через год реше-

но было отправить делегацию ЕАК с зарубежной пропагандистской миссией, посещение этой ведущей западной державы стало главным пунктом подготовительных мероприятий. Напутствуя отъезжавших в США Михоэлса и Фефера, советское руководство в лице Щербакова и Лозовского потребовало от них сосредоточиться на реализации двух основных задач: пропагандистской (настроить влиятельный американско-еврейский истеблишмент в просоветском духе) и экономической (получить от состоятельных евреев как можно больше денег в «фонд обороны СССР») ¹⁴. Никаких других заданий Михоэлс и Фефер не получали. А значит, ни о каком «еврейском Крыме» власти тогда не помышляли, причем хотя бы уже по тому, что освобождение полуострова от оккупантов представлялось тогда весьма отдаленной перспективой. Факты свидетельствуют, что превращение «крымского проекта» из смутной идеи, спонтанно возникшей в головах руководителей ЕАК, в определенную четко обозначенную цель со всей очевидностью произошло в Америке, в ходе триумфальной поездки по ней посланцев советского еврейства.

Конкретно этому способствовали встречи Михоэлса и Фефера в США с Джеймсом Н. Розенбергом (J. N. Rosenberg), председателем консультативного совета Еврейского комитета Совета военной помощи России («The Council for Russian War Relief») и одним из руководителей «Джойнта» («Joint» – «The American Jewish Joint Distribution Committee»), американской благотворительной организации, еще в феврале 1942 г. предложившей СССР гуманитарную помощь для находившихся на его территории польских евреев ¹⁵. Еще в 1926 г. Розенберг побывал по делам «Агро-Джойнта» («Agrojoint» – дочерняя компания «Джойнта») в Советской России, проявив себя горячим сторонником проводившейся при поддержке советского правительства еврейской сельскохозяйственной колонизации Крыма, который до появления на национально-политическом горизонте Биробиджана официально рассматривался как наиболее вероятное место создания еврейской автономии. Будучи довольно состоятельным руководителем адвокатской фирмы и бизнесменом, Розенберг, в отличие от основного руководства «Джойнта» – национально-консервативного, «заскорузлого» ориентированного исключительно на сферу еврейской благотворительности – был социально подвижным (до авантюризма) деятелем, пользовавшимся влиянием в американском истеблишменте, в том числе и политическом. Его знакомство с Михоэлсом и Фефером произошло (по показаниям последнего на Лубянке) в Нью-Йорке в конце июня 1943 г. Правда, на процессе Фефер уточнил, что случилось это 8 июля на нью-йоркском стадионе «Поло-Граундс» сразу по

завершении проходившего в честь посланцев Москвы массового митинга солидарности. «Спустя пару дней», как показал потом на следствии Фефер, Розенберг устроил на своей пригородной вилле в честь него и Михоэлса обед, на котором помимо них «никого не было» ¹⁶. Раскрывая содержание этой встречи, Фефер пояснил на допросе, что советская сторона, памятуя о полученном в Москве задании, повела разговор о немедленном вспомоществовании бедствовавшим евреям и другому нуждавшемуся населению в воюющем СССР. Ответствуя, Розенберг изъяснялся довольно раскованно (беседа носила неофициальный характер) и особенно не церемонился со своими советскими гостями. Он резко заметил им: «Вы только просите, а толку от вас никакого! Вспомните, в связи с созданием еврейских колоний в Крыму мы ухлопали свыше 30 миллионов долларов, а что толку? Крым не ваш, вас оттуда выгнали...». Потом, взяв паузу, призванную, очевидно, усилить эффект от его филиппики, Розенберг, смягчившись, продолжил: «...если бы советское правительство допустило заселение Крыма евреями, мы («Джойнт». – Г. К.) оказали бы вам материальную помощь». Завершил свой монолог Розенберг на идилической ноте: «Роскошное место Крым: Черное море, Турция, Балканы...». Припомнив на суде эту последнюю, несколько двусмысленную фразу, Фефер поспешил пояснить: Розенберг имел в виду то, что Крым – это «видное место для будущей еврейской республики», и прямого разговора о превращении Крыма в военный плацдарм против СССР (вопреки версии следствия! – Г. К.) не было ¹⁷.

В том, что эти показания Фефера соответствовали действительности, можно убедиться, сопоставив их со строками из документа «Джойнта», датированного сентябрем 1944 г. «Тогда Розенберг требовал от руководства этой организации настаивать на том, чтобы мы запросили г-на Киселева, советского Генерального консула в Нью-Йорке о намерениях СССР в надежде, что «Джойнт» сможет принимать участие в восстановлении там (в Крыму. – Г. К.) еврейских сельскохозяйственных поселений. Позиция комитета («Джойнта». – Г. К.) заключается в том, что сейчас преждевременно обращаться с запросами к советскому правительству с любыми планами поселения евреев в Крыму. Более того, с тех пор как «Джойнт» и другие организации затратили приблизительно 30 миллионов долларов на программу аграрных поселений евреев в Крыму и на Украине, есть опасность, что подобная дискуссия могла бы показать советскому правительству, что столь огромная сумма вновь доступна. В 1938 г. «Джойнт»... был вынужден покинуть Россию по требованию советских властей...» ¹⁸.

Спустя два месяца состоялась вторая встреча с представителями «Джойнта», она также носила неофициальный («unqualified») характер, и прошла 13 сентября 1943 г. в виде строго секретного (!) ланча («an absolutely confidential luncheon»). Помимо Розенберга, от «Джойнта» присутствовал его председатель Пол Боерволд (Bauerwald). Когда слово предоставили Михоэлсу, тот, обуреваемый эмоциями, заявил, что поражен неосведомленностью американских еврейских организаций о масштабах войны на восточном фронте, и конкретно о том, что Красная Армия, разгромив нацистов в Сталинграде и тем самым предотвратив дальнейший захват территории СССР, спасла два миллиона советских евреев из четырех. Далее он отметил, что Москва принципиально выступает за наднациональный характер помощи «Джойнта», поскольку направление посылок только одним евреям противоречило бы советскому принципу национального равенства. Озвучивая такую распределительную парадигму, Михоэлс не мог не помнить, что в начале 1920-х «Джойнт» осуществлял свою благотворительную деятельность в Советской России по аналогичной схеме («non-sectarian basis»). Поддержавший Михоэлса Фефер уточнил, что в интересах СССР было бы направление секулярной помощи в районы компактного проживания эвакуированного еврейского населения в Узбекистане и Поволжье. Американцы, со своей стороны, напротив, настаивали на традиционном формате благотворительности: национально селективное распределение помощи через еврейские религиозные и общественные организации. Именно тогда, обсуждая географию гуманитарных поставок, Розенберг вновь заговорил о Крыме, обозначив его не только в качестве приоритетного получателя, но и наиболее подходящего места для будущего переселения уцелевших евреев¹⁹.

Третья встреча – 21 сентября 1943 г. – носила уже официальный характер. От предыдущей она отличалась еще и тем, что с американской стороны в ней участвовал исполнительный вице-председатель «Джойнта» Джозеф Хайман, что свидетельствовало о том, что переговорная фаза дискуссии переросла в стадию выработки конкретных решений. Заключительный, четвертый раунд прошел 27 сентября, и если американская делегация численно уже не расширялась, то советская пополнилась еще двумя членами – генконсулом Е. Д. Киселевым и представителем Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР В. Лебененко. Показательно, что когда американцы на этой итоговой встрече попытались развить идею «крымского проекта», Киселев сразу пресек эту интенцию, сухо заметив, что такое обсуждение преждевременно, поскольку полуостров оккупиро-

ван²⁰. Подобная реакция – еще одно доказательство непричастности советских властей к инициации данного проекта.

«Джойнт», видимо, так сильно желал восстановить свое, пусть даже виртуальное присутствие в СССР, что, поступившись собственным принципиальным правилом национально-персонального оказания помощи, в конце концов, вынужден был согласиться не брать в расчет этничность получателей, правда настоял на ее распределении в регионах наибольшего сосредоточения евреев – прежде всего беженцев, эвакуированных и спасшихся после Холокоста. 12 октября административный совет комитета одобрил выделение Советскому Союзу помощи в виде продуктов, одежды и других товаров на общую сумму в 500 тыс. долларов (с начальным траншем в 250 тыс. долларов). Раздачу ее предполагалось осуществить в районах Поволжья, Казахстана и Узбекистана²¹.

На такой существенный компромисс руководство «Джойнта» пошло наверняка под давлением Розенберга и его влиятельных сторонников, в том числе председателя Еврейского комитета Совета военной помощи России («The Council for Russian War Relief») Луиса Левина. Между тем, некоторые американские исследователи склонны преуменьшать роль Розенберга в «Джойнте», изображая его эдаким идеалистом, «прокрымским» энтузиастом, диссидентствующим одиночкой со своим особым подходом, действовавшим приватно, на свой страх и риск, без официальной санкции. При этом они настаивают версии о полной непричастности «Джойнта» как такового к «крымской истории»²². Во многом такая интерпретация продиктована желанием максимально устранить тень, брошенную в 1953 г. на репутацию этой организации инвективой сталинского режима в шпионаже. Мотивация эта, хоть и оправданна (из-за абсурдности обвинения), но все же и банальна (как и всякая борьба за чистоту риз «своих»), при том что сформулированные в итоге выводы представляются чрезмерно прямолинейными и не учитывающими множество нюансов, часть которых, напротив, свидетельствует о вовлеченности «Джойнта» в эту «историю». Ведь не один же Розенберг был таким малосведущим и наивным в своем восприятии сталинского режима (надеясь на его послевоенную гуманизацию), что верил в полноценное сотрудничество с ним? Факты доказывают, что соответствующее прекраснотушие было характерно и для «Джойнта» в целом. И пусть в сентябре 1944 г. его руководство сочло, как отмечалось, «преждевременным» предложение Розенберга призвать Советы к восстановлению еврейских поселений в Крыму, уже в 1945 г. оно однозначно солидаризируется с ним в этом вопросе. Это многократно подтверждается архивными

записями, согласно которым, в частности, «Джойнт» тогда настаивал на возобновлении деятельности в Крыму («The JDC offered to renew rehabilitation activities in the Crimea»; «the JDC offered to renew settlement aid in Crimea») и даже предлагал и. о. генконсула СССР в Нью-Йорке П. Михайлову образовать фонд для восстановления в Крыму еврейского сельского хозяйства²³. Как и следовало ожидать, в СССР ухватились за это заманчивое предложение, тем более, что в июле 1945 г. «Джойнт» выделил под «советскую программу» 1 млн. долларов. И только когда в ноябре 1945 г. советская сторона не смогла представить доказательств возвращения евреев в Крым, и стало окончательно ясно, что Кремль не допустит там никакой еврейской автономии, «Джойнт» прозрел, перенаправив выделенную было этому региону помощь на Украину и в Белоруссию. Тем самым на «крымском проекте» был поставлен крест. А с наступлением политического похолодания в мире и нарастанием в связи с этим политической ксенофобии в СССР «Джойнт» в 1947 г. вообще вынужден был свернуть там всю деятельность²⁴.

Однако двухлетнее пребывание американцев в плену крымского миража вряд ли можно объяснить только тем, что руководство «Джойнта», проявив чрезмерную «советофилию», стало, как отмечал Г. Я. Аронсон, «жертвой иллюзии»²⁵. Или тем, как предположил на судебном процессе по «делу ЕАК» Ватенберг (ранее жил в США и хорошо знал Розенберга), что Крым занимал этого амбициозного деятеля только потому, что в свое время «Джойнт» «туда вложил много денег», и тот чувствовал, что потерял лицо в этом деле²⁶. При том что некомпетентность и претенциозность действительно имели место, в основе разбираемого заблуждения лежала, как представляется, политическая причина, коренившаяся в остром расколе в американской еврейской общине и наличии в ней влиятельной антисионистской «фракции», в которую входили «Джойнт» и тот же Розенберг, ориентировавшиеся в решении еврейского вопроса не на Ближний Восток, а на Европу. Вот главное, что увлекло их Крымом. И такое предпочтение не покажется необычным, а, напротив, закономерным, если иметь в виду то, что Государственный департамент США, через который, между прочим, «проходили» проекты договоров «Джойнта» с советской стороной, после войны всячески противостоял – в лице Дж. К. Маршалла, Дж. Ф. Кеннана, Р. Ловетта и др. – усилиям президента Г. Трумэна, направленным на создание государства Израиль.

Так что вполне реальной представляется политическая составляющая «крымского проекта», обозначенная Розенбергом в 1943 г.

в беседах с Михоэлсом и Фефером и потом изложенная последним на следствии. В частности он припомнил, как Розенберг в одной из первых бесед с ними подчеркнул, что «Крым нас интересует, с одной стороны, как евреев, с другой – как американцев»; и что после создания еврейской республики на полуострове ее руководство может рассчитывать «не только на материальную помощь Америки», но, «в случае необходимости, на советское правительство может быть сделан американцами дипломатический нажим»²⁷. И хотя на этих показаниях, несомненно, лежит политически усугубляющая их печать редактуры МГБ, тем не менее, делая поправку на возможную аберрацию, все же можно с большой долей уверенности предположить, что Розенберг и те, кто за ним стоял, связывали с «крымским проектом» не только благотворительные, но и далеко идущие политические планы.

Столкнувшись со всем этим, Михоэлс и Фефер, вследствие своей вопиющей (по-другому не скажешь) политической неопытности, проявили наивную беспечность и неосмотрительность. Впав в эйфорию от восторженного приема в Америке, они явно заигрались в политику. Чтобы помочь Розенбергу «пробить» через руководящие структуры «Джойнта» «крымский проект», они, поддавшись авантюрному соблазну, сообщали ему заведомо мифические сведения о том, что на полуострове выжили «только» 35000 евреев. Об этом признался на следствии сам Фефер, что частично проясняет происхождение этой невероятной цифры, которая перекочевала благодаря Розенбергу и в официальные бумаги «Джойнта»²⁸. Такую же политическую наивность лидеры ЕАК продемонстрировали и тогда, когда возвратившись в СССР, стали распределять министерские портфели в несуществующей еврейской республике²⁹. Однако, по большому счету, эта, мало кому известная советская общественная организация оказалась заложницей политических отношений между СССР и США, и в случае их обострения была обречена, что потом и произошло.

Другим немаловажным моментом, спровоцировавшим трагическое развитие «крымской истории», был присущий руководителям

* Блеф о 35000 находившихся в Крыму евреев какое-то время поддерживался и некоторыми советскими чиновниками и дипломатами среднего уровня (генконсулом в Нью-Йорке П. Михайловым и др.), стремившимися использовать заграничные средства в восстановлении разрушенной войной советской экономики. Однако в ноябре 1945 г., когда советская сторона не смогла представить соответствующего документального доказательства, этот обман раскрылся, и «Джойнт» потерял интерес к Крыму (Мицель М. Указ. соч. С. 131,132).

ЕАК «идеалистический национализм», выразившийся в, по сути, выстраданном ими императиве во что бы то ни стало спасти свой народ, стоявший на грани физического уничтожения. Сделать это они намеревались путем обретения национальной территории в европейской части Советского Союза, то есть в рамках действительного, как они полагали, решения еврейского вопроса в СССР. Тем самым подразумевалась фиктивность и несостоятельность биробиджанского проекта, чем невольно бросался вызов его автору Сталину, который во многом поэтому сразу решительно отверг претензию ЕАК на Крым.

Впрочем, не будучи в своем альтернативном решении еврейского вопроса «заикленными» на какой-либо конкретной территории, Михоэлс и его единомышленники первоначально обсуждали возможность создания еврейской автономии и на других, помимо Крыма, территориях, в том числе, как отмечалось, на землях бывшей Республики Немцев Поволжья. Главным для них было не место как таковое, а его пригодность для приложения двигавшей ими энергии

Крым «перевесил» в этом выборе только потому, что этот вариант обещал от имени «американских еврейских кругов» поддержать Розенберг, который распался «идеалистический национализм» своих московских гостей, поучая их: «Вы себя не ведете так, как должны... настоящие евреи. Советские евреи слишком много просят и слишком мало требуют. За народ, если мы народ, надо бороться...»³⁰. Однако такие призывы были по меньшей мере излишни. В памяти вдовы Михоэлса А. П. Потоцкой запечатлелась произнесенная им однажды знаменательная фраза: «Мне кажется, я в ответе за весь мой народ»³¹.

Оторвавшись почти на полгода от родной почвы и пребывая в эйфории от заокеанских впечатлений, Михоэлс и Фефер, грезя, что называется, наяву, явно переоценили значение для Сталина американской поддержки. Вышло как раз наоборот: эта поддержка того насторожила и настроила решительно против проекта. Однако в силу той же политической наивности те об этом даже не подозревали. Явившись сразу по возвращении в Москву (в конце ноября 1943 г.) к Лозовскому, они первым делом объявили ему: «Розенберг обещал материальную помощь “Джойнта” в случае заселения Крыма евреями»³². Убедив (что удивительно!) этого покровительствовавшего им профессионального опытного политика в том, что американская поддержка – сильный козырь, они уговорили его, используя свой статус заместителя Молотова по НКВДу, организовать встречу с ним.

Вскоре в Кремль на прием к ближайшему соратнику Сталина явились трое: вместе с Михоэлсом и Фефером пришел и ответственный

секретарь ЕАК Шахно Эпштейн, вершивший в контакте с НКГБ всеми внутренними делами в комитете. Поскольку Эпштейн, как отмечалось, выступал за создание еврейской республики на месте ликвидированной автономии немцев Поволжья, то наряду с Крымом был предложен и этот альтернативный проект. Однако Молотов сразу же отверг его, мотивировав тем, что население бывшей немецкой республики в основном занималось сельским хозяйством, а «евреи народ городской и нельзя сажать евреев за трактор». В отношении же Крыма он заметил: «Пишите письмо и мы его посмотрим»³³.

И хотя смысл этих осторожных слов был довольно неопределенным, руководители ЕАК решили, как потом показал на суде Лозовский, что «...Молотов “обещал”, значит, вопрос почти решен, а если еще не решен, то, во всяком случае, “на мази”»³⁴. Тем не менее, письмо, направленное 15 февраля 1944 г. Сталину по поводу «Еврейской советской социалистической республики» в Крыму, было по совету осторожного Лозовского подписано Михоэлсом, Фефером и Эпштейном не от имени ЕАК, а как частное предложение группы граждан. Впрочем, в одобрении верхами их инициативы они не сомневались.

Однако шли дни, а ответа из Кремля не было. И тогда несколько обеспокоенные авторы письма, решив подстраховаться, послали 21 февраля его дубликат уже непосредственно Молотову. Причем, чтобы знать наверняка, что послание попадет к адресату, Михоэлс передал его через П. С. Жемчужину, жену Молотова, которая не только имела большое влияние на мужа, но и выказывала личную заинтересованность в успехе проекта, сказав тогда еврейскому артисту многозначительно: «Можно жить где угодно, но надо иметь свой дом и крышу»³⁵.

Однако к тому времени, когда до Молотова дошло направленное ему «крымское письмо», затронутый в нем вопрос был, вероятно, уже решен Сталиным, причем отрицательно. В пользу такого предположения говорит хотя бы то, что, знакомясь с наиболее значимыми и важными документами, Сталин, если был заинтересован в принятии решений по ним, их не задерживал, а, зафиксировав в резолюции собственное решающее мнение, направлял «по принадлежности» в то или иное ведомство (Политбюро, ЦК ВКП(б), СНК СССР, Наркомат обороны и т. д.), которое должно было подготовить проект соответствующего постановления.

В случае с «крымским письмом» ничего подобного не произошло. Наверняка ознакомившись с ним, Сталин, видимо, посчитал его слишком необычным, а может быть, даже и вздорным, чтобы быть

рассмотренным по привычной схеме. 19 февраля он почти три часа совещался с Молотовым, Маленковым, Микояном и Щербаковым³⁶ и, возможно, уже тогда высказался против «крымской инициативы» руководителей ЕАК. Не исключено, что Молотов, вновь встретившись со Сталиным в Кремле 22 февраля в том же формате (вместе с Маленковым, Микояном и Щербаковым), еще раз попытался как-то заинтересовать его посланием Михоэлса³⁷. Но, поняв, что «хозяина» не переубедить, вынужден был отступить. После этого ему, первому заместителю Сталина по СНК СССР, не оставалось ничего другого, как 24 февраля формально «расписать» «крымское письмо» «на исполнение» Маленкову, Микояну, Вознесенскому и Щербакову. И в итоге – закономерный финал: 28 февраля последний «списал» эту ставшую «неудобной» бумагу в архив³⁸.

Для прагматика Сталина, обремененного куда более важными для воюющей страны делами и давно уже на весь мир объявившего о решении в СССР еврейского вопроса, утопическое предложение ЕАК было неприемлемо в принципе. Открыто не высказываясь по поводу послевоенного урегулирования международной еврейской проблемы, он, тем не менее, уже тогда, скорее всего, склонялся к поддержке сионистского плана в Палестине. Есть данные, что прибывший в декабре 1943 г. в советскую столицу президент эмигрантского Госсвета Чехословакии Э. Бенеш по просьбе Н. Гольдмана и других сионистских лидеров агитировал Сталина за этот проект. Высокопоставленный советский дипломат К. А. Уманский, который наряду с М. М. Литвиновым и И. М. Майским довольно часто встречался в те годы с Х. Вейцманом и другими сионистскими руководителями, в августе 1944 г. полагал, что Сталин «склоняется в пользу создания еврейского государства в Палестине», что, впрочем, диктовалось отнюдь не симпатией советского вождя к сионистам, а тактическим расчетом с их помощью подорвать стратегические позиции Великобритании на Ближнем Востоке. Известно, что в марте 1945 г. Ф. Рузвельт, очевидно имея в виду и мнение Сталина, заверил основателя Всемирного еврейского конгресса С. Уайза: «“Большая тройка” (на Ялтинской конференции. – Г. К.) согласилась передать евреям Палестину. В ближайшем будущем иммиграция туда евреев должна продолжиться»³⁹.

Тем не менее, несмотря на настораживавшие привходящие политические моменты, «странная» инициатива ЕАК не была первоначально расценена Сталиным как нечто опасное и тем более преступное. Подобные «прожекты» тогда не были в диковинку, и воспринимались властями равнодушно, во всяком случае, они не имели той

«заговорщицкой» коннотации, которая возникла в годы холодной войны. Скажем, в августе 1944 г. обком партии Северной Осетии проинформировал ЦК ВКП(б), что в этой автономии «широко» ведутся разговоры о сборе подписей под письмом Сталину о переселении в Крым осетин, «хорошо показавших себя в Отечественной войне...»⁴⁰. А в марте 1945 г. из Италии на имя Молотова поступило направленное главам дипведомств союзных держав послание некоего «Римского еврейского комитета», ратовавшего за еврейское государство на территории поверженной Германии. Или еще: весной 1946 г. предлагалось создать еврейскую автономию на обезлюдевшей территории бывшей Восточной Пруссии, присоединив ее к Литовской ССР. Впрочем, в сравнении с этими причудливыми плодами общественной инициативы еще более фантастическими выглядели, как это ни парадоксально, проекты, вызревавшие в головах политиков-профессионалов. Вот что писал, скажем, 11 февраля 1950 г. Сталину бывший заместитель представителя Украины в Совете безопасности ООН В. А. Тарасенко: «Во время обсуждения Палестинского вопроса осенью 1948 года (во время войны Израиля со странами Арабской лиги. – Г. К.) у тов. Мануильского (представитель Украины в Совбезе ООН. – Г. К.) возникла идея внести в ЦК ВКП(б) предложение, чтобы Советский Союз предоставил возможность палестинским арабским беженцам (свыше 500 тыс. чел.) поселиться в Советском Союзе в районе Средней Азии, с тем, чтобы впоследствии образовать Арабскую Союзную республику или автономную область»⁴¹.

Даже если руководителям ЕАК официально не объявили об отклонении правительством их проекта, те вскоре так или иначе должны были об этом узнать. Однако они были так зачарованы собственными мечтами, что по инерции как ни в чем не бывало продолжали активно обсуждать перспективы своего, в общем-то, уже безнадежного предприятия, что, конечно, не укрылось от Сталина. Окончательно «закрыть» становившийся скандальным вопрос он поручил Л. М. Кагановичу. Впоследствии на суде Фефер рассказал: «В середине 1944 года» его, Михоэлса и Эпштейна «срочно» вызвал к себе Каганович, который «часа два или больше... разбивал нашу докладную записку о Крыме исключительно по практическим соображениям... Он говорил... что евреи в Крым не поедут... что только артисты и поэты могли выдумать такой проект»⁴².

Однако даже после столь явного предостережения руководители ЕАК, хотя и несколько затаившись, прекратили открыто обсуждать «крымский проект», полностью не отказались от своей опасной затеи.

19 ноября 1946 г. М. А. Суслов проинформировал Сталина и других членов Политбюро, что, судя по выступлению Фефера на заседании президиума ЕАК от 23 октября 1945 г., «ЕАК намерен ставить перед правительством СССР даже вопросы территории (видимо, новой территории, кроме Биробиджана) для еврейского населения». Известно также, что когда в мае 1946 г. польско-еврейский поэт А. Суцкевер перед репатриацией зашел в ЕАК, чтобы проститься, там попросили его приобщить И. Г. Эренбурга к «крымскому проекту». Примерно тогда же Михоэлс посоветовал приехавшему из США журналисту Бенциону Гольдбергу продлить пребывание в СССР, поскольку ожидал «важных сообщений» (?! – Г. К.) из Кремля⁴³.

Тлеющий фитилек «крымского проекта» угас в 1947 г., когда «Джойнт» решил полностью отказаться от своих проектов в СССР, и руководители ЕАК утратили последнюю надежду. Именно в конце того года, ознаменовавшегося ужесточением «холодного» противостояния в мире и усилением – как в СССР, так и в США – охоты на ведьм, у специалистов МГБ по борьбе с американской и сионистской агентурой созрело, видимо, намерение раздуть старый «грешок» «буржуазных националистов» до крупного политического «дела». Окончательно этот план вызрел уже, как отмечалось, после убийства Михоэлса, когда на Лубянку поступил соответствующий «заказ» от Сталина. Только с этого момента правомерно квалифицировать «крымскую историю» как провокацию властей. Именно тогда Крым, по образному выражению Лозовского на суде, стал обрастать «такой шерстью, которая превратила его в чудовище»⁴⁴.

Тот же Лозовский, несомненно, понимавший, что признание на процессе «крымской истории» международной шпионской интригой, направленной против государственной безопасности СССР, влечет за собой смертный приговор, умело и бесстрашно защищался, заклеив это обвинение словами Н. Г. Помяловского – «фикция в мозговой субстанции». Однако все, что он говорил, было гласом вопиющего в пустыне, в том числе и его предсмертные слова: «Ни одна из 12 тыс. газет и журналов не ставили тогда этого вопроса (о Крыме. – Г. К.), ни один государственный деятель США не думал на эту тему... Кто-то якобы сообщил, что американское правительство вмешалось в это дело (“крымское”. – Г. К.). Это значит – Рузвельт. Я должен сказать, что осенью 1943 года Рузвельт встретился со Сталиным в Тегеране. Смее уверить вас, что... там о Крыме ничего не говорилось. В 1945 г. Рузвельт прилетел в Крым... Он не прилетел ни к Феферу, ни к Михоэлсу, и не по делу заселения евреями Крыма, а по более серьезным делам»⁴⁵.

И в самом деле, будучи сразу же отвергнутым Сталиным, этот проект оказался мертворожденным и не фигурировал в материалах Тегеранской, Ялтинской, а также Потсдамской конференций союзников, как, впрочем, и во всех других дипломатических документах военного и послевоенного времени. Он даже никогда не обсуждался на межгосударственном уровне. Документально не подтверждаются и соответствующие переговоры Сталина с А. Гарриманом, с американскими сенаторами и тому подобные интригующие «факты», которые уже в наше время были преподнесены выше упомянутым авторами как историческая сенсация.

Парадоксально, но факт: несмотря на то, что уже преданы гласности все более-менее значимые преступные тайны сталинского режима, и вроде бы в полной мере должна восторжествовать историческая правда, мифы о прошлом продолжают жить, деформируя историческое сознание общества. Это подтверждается следующим характерным случаем, произошедшим всего несколько месяцев тому назад.

30 июня 2008 г. в программе А. В. Караулова «Момент истины» (российский телеканал ТВЦ) прошла передача «Крым – разменная монета, несостоявшийся Израиль». Принявший в ней участие М. Н. Полторанин (министр печати и информации РФ в 1990–1992 гг.) со ссылкой на некие секретные архивы КГБ поведал о том, что, оказывается, в 1943 г. правительство США потребовало от СССР за невозврат ранее полученных от «Джойнта» кредитов передать в течение десяти лет советским евреям Крым, а также прибрежные земли Херсонской, Одесской областей и Краснодарского края, создав там самостоятельное государство во главе с Михоэлсом. В противном случае американцы грозили заморозить поставки по ленд-лизу и сорвать открытие второго фронта. А спустя два года уже президент Г. Трумэн якобы стал настаивать на демилитаризации указанных территорий, в том числе и на передислокации из Севастополя базы советского Черноморского флота. Поддавшись на столь явный шантаж, Сталин, согласно данной версии, вынужден был депортировать татар из Крыма, «очистив» его для евреев. Правда потом, как «выясняется», он, желая поставить во главе будущего еврейского государства лично преданного Л. М. Кагановича, приказал тайно устранить Михоэлса, считая того креатурой американцев. Фантазируя дальше, Полторанин даже осуществленную после смерти Сталина передачу Крыма из РСФСР в состав Украины истолковал как уловку Хрущева, который, прикрывшись формальной независимостью УССР (государства – члена ООН), окончательно похоронил международный проект «еврейского Крыма».

Оценивая эту «историческую сенсацию», известный журналист О. М. Попцов квалифицировал ее как «фантазмагорию». Справедливость такого суждения особенно очевидна в отношении наиболее завирального эпизода сомнительного откровения бывшего российского министра: будто бы Сталин в ответ на некие митинги претендовавших на Крым евреев решил их депортировать (так называемая операция «Белая куропатка») на заполярный архипелаг Новая Земля, куда даже успел отправить 17 пароходов с колючей проволокой и прочим для возведения концлагерей⁴⁶. Однако это уже другая история, которой посвящена отдельная авторская статья (Приложение 2).

Итак, очевидно главное: первоначально идея «еврейского Крыма» исходила не от Сталина или органов безопасности, своим рождением она была обязана руководству ЕАК, которому, в свою очередь, была предложена отдельными руководителями «Джойнта». Причем возникла она на волне стихийной демократизации, которую сталинский режим был вынужден в интересах самосохранения допустить во время войны в определенных рамках. Другая предпосылка коренилась в реакции руководителей ЕАК на Холокост, которая выразилась в почти инстинктивном желании во что бы то ни стало сохранить где-нибудь – первоначально даже не в Крыму, а на территории ликвидированной в 1941 г. Республики немцев Поволжья – остатки выжившего еврейства, причем не только советского, но и оказавшихся на территории СССР соплеменников из Польши и Румынии. Свою роль сыграл и всплеск национального чувства, разбуженного войной и усилившимся антисемитизмом, а также самоочевидность провала с решением «еврейского вопроса» в виде создания ЕАО. С самого начала «крымский проект» был отвергнут Сталиным как политически вредный, тем не менее, руководство ЕАК даже в послевоенное время продолжало надеяться на его возрождение в той или иной форме. С конца 1947 – начала 1948 гг. он был намеренно раздут МГБ и провокационно использован для обоснования развернутых тогда Сталиным антиеврейских репрессивных акций. И хотя эта историческая канва «крымского дела» ныне всесторонне документально подтверждена и выверена, до сих пор массово распространяется немало претендующих на историческую сенсацию псевдоисторических работ (статей, книг, «документальных» фильмов) на эту тему, что, безусловно, деформирует историческое сознание общества. Посильное противодействие этой негативной тенденции, собственно, и было главной целью данной публикации.

ДОКУМЕНТ

Письмо в Правительство СССР с предложением создать в Крыму еврейскую республику

21 февраля 1944 г.

Зам. Председателя Совета
Народных Комиссаров СССР
тов. МОЛОТОВУ В. М.⁴⁷

Дорогой Вячеслав Михайлович!

В ходе Отечественной войны возник ряд вопросов, связанных с жизнью и устройством еврейских масс Советского Союза. До войны в СССР было до 5 миллионов евреев, в том числе приблизительно полтора миллиона евреев из западных областей Украины и Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Буковины, а также из Польши. Во временно захваченных фашистами советских районах, надо полагать, истреблено не менее 1,5 млн. евреев⁴⁸.

За исключением сотен тысяч бойцов, самоотверженно сражающихся в рядах Красной Армии, все остальное еврейское население СССР расплыено по среднеазиатским республикам, Сибири, на берегах Волги и в некоторых центральных областях РСФСР.

В первую очередь, естественно, ставится для эвакуированных еврейских масс, равно как и для всех эвакуированных, вопрос о возвращении на родные места. Однако в свете той трагедии, которую еврейский народ переживает в настоящей войне, это не разрешает во всем объеме проблемы устройства еврейского населения СССР.

Во-первых, в силу необычайных фашистских зверств, в особенности в отношении еврейского населения, поголовного его истребления во временно оккупированных советских районах, родные места для многих эвакуированных евреев потеряли свое материальное и психологическое значение. Речь идет не только о разрушенных очагах – это касается всех возвращающихся на родные места. Для огромной части еврейского населения, члены семей которого не успели эвакуироваться, речь идет о том, что родные места превращены фашистами в массовое кладбище этих семей, родных и близких, которых оживить невозможно. Для евреев же из Польши и Румынии, ставших советс-

кими гражданами, вопрос о возвращении вообще не стоит. Оставшиеся же родственники их истреблены, и стерты с лица земли все следы еврейской культуры⁴⁹.

Во-вторых, ввиду необычного роста среди братских народов национальных кадров, строящих свою культуру, значительная часть интеллигенции еврейской национальности, ранее работавшей в различных областях национальной культуры братских народов, находит все меньшее применение своим силам, что приводит к дисквалификации большого круга этой интеллигенции.

Накопленную веками культурную энергию интеллигенция еврейской национальности могла бы с огромной пользой применить в строительстве еврейской советской культуры, которая имеет большие достижения. Но распыленность еврейского населения, составляющего во всех республиках незначительное меньшинство, не дает возможности это осуществить.

Фактически прекратилась политико-воспитательная и культурно-просветительная работа среди еврейских масс на родном языке. Имеющееся незначительное количество культурных еврейских учреждений (несколько театров, одно издательство и одна единственная еженедельная газета) не в состоянии удовлетворить культурные нужды и потребности более чем 3-миллионного еврейского населения⁵⁰.

Оставление огромной массы населения в распыленном виде, без политического и культурного воспитания на родном языке, создает свободное поле для происков чуждых и враждебных влияний.

В ходе войны обострились некоторые капиталистические пережитки в психике отдельных прослоек различных народностей, включая и часть их интеллигенции. Одним из наиболее ярких выражений этих пережитков являются новые вспышки антисемитизма. Эти вспышки всячески разжигаются фашистскими агентами и притаившимися вражескими элементами с целью подрыва важнейшего достижения советской власти — дружбы народов.

Эти нездоровые явления воспринимаются крайне болезненно всеми слоями еврейского населения СССР, которые показали себя подлинными патриотами родины героизмом своих лучших сынов и дочерей на фронтах Отечественной войны и в тылу. Проявление антисемитизма вызывает острую реакцию в душе каждого советского еврея без исключения еще и потому, что весь еврейский народ переживает величайшую трагедию в своей истории, потеряв от фашистских зверств в Европе около 4 млн. человек, т. е. около $\frac{1}{4}$ своего состава. Советский Союз — единственная же страна, которая сохранила жизнь почти половине еврейского населения Европы. С другой

стороны, факты антисемитизма в сочетании с фашистскими зверствами способствуют росту националистических и шовинистических настроений среди некоторых слоев еврейского населения.

С целью нормализации экономического положения всех слоев еврейского населения и дальнейшего роста и развития еврейской советской культуры, с целью максимальной мобилизации всех сил еврейского населения на благо советской родины, с целью полного уравнивания положения еврейских масс среди братских народов мы считаем своевременной и целесообразной в порядке решения послевоенных проблем постановку вопроса о создании **Еврейской Советской Социалистической Республики**⁵¹.

В свое время была создана Еврейская автономная область в Биробиджане с перспективой превращения ее в Еврейскую Советскую Республику, чтобы таким образом разрешить государственно-правовую проблему и для еврейского народа. Необходимо признать, что опыт Биробиджана вследствие ряда причин, в первую очередь вследствие недостаточной мобилизованности всех возможностей, а также ввиду крайней его отдаленности от места нахождения основных еврейских трудовых масс, не дал должного эффекта. Но невзирая на все трудности, еврейская автономная область стала одной из самых передовых областей в Дальневосточном крае, что доказывает способность еврейских масс строить свою советскую государственность. Еще более эта способность проявлена в развитии созданных еврейских национальных районов в Крыму.

В силу всего вышеизложенного мы бы считали целесообразным создание еврейской советской республики в одной из областей, где это по политическим соображениям возможно. Нам кажется, что одной из наиболее подходящих областей явилась бы территория Крыма, которая в наибольшей степени соответствует требованиям как в отношении вместительности для переселения, так и вследствие успешного опыта развития там еврейских национальных районов.

Создание еврейской советской республики раз и навсегда разрешило бы по-большевистски, в духе ленинско-сталинской национальной политики проблему государственно-правового положения еврейского народа и дальнейшего развития его вековой культуры. Эту проблему никто не в состоянии был разрешить на протяжении многих столетий, и она может быть разрешена только в нашей великой социалистической стране.

Идея создания еврейской советской республики пользуется исключительной популярностью среди широчайших еврейских масс Советского Союза и среди лучших представителей братских народов.

В строительстве еврейской советской республики оказали бы нам существенную помощь и еврейские народные массы всех стран мира, где бы они ни находились.

Исходя из выше изложенного, мы предлагаем:

Создать еврейскую советскую социалистическую республику на территории Крыма.

2. Заблаговременно, до освобождения Крыма, назначить правительственную комиссию с целью разработки этого вопроса.

Мы надеемся, что Вы уделите должное внимание нашему предложению, от осуществления которого зависит судьба целого народа.

С. М. МИХОЭЛС
ШАХНО ЭПШТЕЙН
ИЦИК ФЕФЕР

Тт. Маленкову, Микояну, Щербакову, Вознесенскому.

В.М. Молотов, 24 февраля 1944 г.

В архив. Тов. Щербаков ознакомлен. 28 февраля 1944 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 246. Л. 169–172. Копия.

Примечания

¹ Гейзер М. М. Крымское дело // Международная еврейская газета. 1992. № 13–14 (77–78). С. 6.

² Медведев Ж. А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М., 2003. С. 81–82; Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996; Борщаговский А. М. Обвиняется кровь. М., 1994.

³ Борщаговский А. М. Указ. соч. М., 1994. С. 123, 132, 134, 137, 353–357.

⁴ Кожин В. В. Россия. Век XX-й (1939–1964). (Опыт беспристрастного исследования). М., 1999.

⁵ Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документальная история. М., 1996. С. 365–366; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 86. Л. 81.

⁶ Судоплатов П. А. Указ. соч. С. 340–341.

⁷ Там же.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 890. Л. 214.

⁹ Судоплатов П. А. Указ. соч. с. 349.

¹⁰ Там же. С. 343.

¹¹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы в 2-х т. / Министерство иностранных дел СССР. Т. 2. М., 1984. С. 139–146.

¹² Свидетельства профессоров С. А. Мадиевского (Германия) и Давида Фоглесонга (США): Д. Фоглесонг исследовал фонд А. Гарримана в Библиотеке Конгресса США; George F. Kennan. Memoirs 1925–1950. Boston, 1967); Harriman W. A. and Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946. London, 1976.

¹³ Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета /Отв. ред. В. П. Наумов. М., 1994. С. 24, 280.

¹⁴ Там же. С. 154, 155.

¹⁵ Мицель М. Программы «Джойнта» в СССР. 1943–1947 // Материалы Девятой международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 2. М., 2003. С. 121.

¹⁶ Борщаговский А. М. Указ. соч. С. 124, 125, 152.

¹⁷ Неправедный суд. ... С. 25, 125, 152.

¹⁸ Мицель М. Указ. соч. С. 127, 128.

¹⁹ JDC NY Archives Collections 1933–1944. File 1056. 9/13/43 (приведенные здесь и далее сведения из архива «Джойнта» в Нью-Йорке были выявлены американским исследователем Е. Ю. Шехтером); Мицель М. Указ. соч. С. 122–123;

²⁰ JDC NY Archives Collections 1933–1944. File 1056. 9/27/43.

²¹ Мицель М. Указ. соч. С. 124.

²² Мицель М. Указ. соч. С. 125–127.

²³ JDC NY Archives Collections 1933–1944. File 1056 (431). 3/7/45, 4/23/45, 5/5/45, 6/7/45, 6/18/45, 10/10/45; «Joint» to the Relief Association for the Jews in Russia: 3/7/45, 6/7/45, 7/20/45, 12/24/45.

²⁴ Мицель М. Указ. соч. С. 131–135.

²⁵ Аронсон Г. Я. Еврейский вопрос в эпоху Сталина // Книга о русском еврействе. 1917–1967. / Под ред. Я. Г. Фрумкина, Г. Я. Аронсона и др. (Союз русских евреев. Нью-Йорк, 1968). Иерусалим – М.– Мн., 2002. С. 159.

²⁶ Неправедный суд... С. 279.

²⁷ Борщаговский А. М. Указ. соч. С. 126.

²⁸ Борщаговский А. М. Указ. соч. С. 126; Мицель М. Указ. соч. С. 127.

²⁹ Борщаговский А. М. Указ. соч. С. 131.

³⁰ Там же. С. 126.

³¹ Гейзер М. М. Крымское дело // Международная еврейская газета. 1992. № 13–14 (77–78). С. 6.

³² Неправедный суд... С. 173.

³³ Там же. С. 28.

³⁴ Там же. С. 174.

³⁵ Там же. С. 28, 174, 179, 280.

³⁶ Исторический архив. 1996. № 4. С. 69.

³⁷ Там же.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 246. Л. 169–72.

³⁹ Советско-израильские отношения. Сборник документов. Т. 1. 1941–1953. Кн. 1. 1941 – май 1949 г. М., 2001. С. 76, 77, 96, 97; Pinkus V. The Jews

of the Soviet Union: The History of a National Minority. Cambridge (UK), 1988. P. 346.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 84. Л. 99.

⁴¹ Любин В. Израиль в центре Европы: неизвестный проект создания еврейского государства на территории Германии // Материалы Девятой международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 1. М., 2002. С. 108–118; Levin D. Another Birobidzhan in Eastern Prussia // Jews in Russia and Eastern Europe. 2003. N 1(50). P. 227–228; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 797. Л. 102.

⁴² Неправедный суд... С. 178.

⁴³ Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документированная история. С.343; Redlich Sh. Propaganda and Nationalism in Wartime Russia: The Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR. 1941–1948. Boulder (Colo), 1982. P. 54–56.

⁴⁴ Неправедный суд... С. 342.

⁴⁵ Там же. С. 175, 342.

⁴⁶ Лебедев В. Длинная рука истории или Полторанин в Крыму // Лебедь (сетевой журнал; США). 2008. № 569; Еврейское слово. 2008. № 27 (397). С. 10–11.

⁴⁷ 15 февраля 1944 г. такое же письмо было направлено И. В. Сталину (ГА РФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 792. Л. 32–36; опубликовано: Еврейский антифашистский комитет. 1941–1948. Документированная история. С. 136–139).

⁴⁸ Эти оценки, сделанные ЕАК в феврале 1944 г., то есть до освобождения всей советской территории, оказались не точными. Всего на оккупированной территории погибли 2 711 тыс. евреев. (Kupovetsky M. Estimation of Jewish Losses in the USSR during World War II // Jews in Eastern Europe. 1994. No 2(24). P. 25–37).

⁴⁹ Это предположение не подтвердилось. Почти все польские и румынские евреи после войны покинули СССР. Согласно достоверной оценке, из Советского Союза выехали почти 250 тыс. польских евреев, составлявших подавляющее большинство иностранных еврейских беженцев в СССР (Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948. Документированная история. С.162).

⁵⁰ Эта оценка тогдашней численности еврейского населения СССР была завышенной. В 1946 г. численность евреев в СССР составляла 2 310 тыс., в том числе 2045 тыс. изначально советских граждан и 265 тыс. евреев с присоединенных в 1939–1940 гг. территорий (Kupovetsky M. Op cit. P. 37. P. 37).

⁵¹ Выделено авторами письма.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Депортация – мистификация. Прощание с мифом советской эпохи

«Массы никогда не знали жажды истины. Они требуют иллюзий, без которых они не могут жить. Ирреальное для них всегда имеет приоритет перед реальным, нереальное на них влияет почти так же сильно, как реальное. Массы имеют явную тенденцию не видеть между ними разницы».

Зигмунд Фрейд

Рождение легенды

Минуло уже более пятнадцати лет, как не стало СССР, однако до сих пор, несмотря на массивные исторические исследования, предпринятые за это время отечественными историками и их зарубежными коллегами, многое из прошлого этой ушедшей в небытие державы остается загадочным, во всяком случае, не до конца научно проясненным. Причем, для установления истины часто бывает недостаточно простого заполнения исторических «белых пятен» путем введения в научный оборот информации из ранее строго засекреченных советских архивов. Необходимо также корректировать историческое сознание общества, деформированное в советскую эпоху вследствие как тотального идеологического контроля власти, так и порожденных им «народных» мифов и легенд. Будучи в ряде случаев единственной альтернативой советской официальной интерпретации истории, они прочно закрепились в умах людей как добытая вопреки

воле власти истина, которая подобно религиозному канону не подлежит даже частичной ревизии, а должна восприниматься на веру, как некое откровение.

Одним из доживших до наших дней мифов такого рода является легенда времен холодной войны (передавалась сначала шепотом из уст в уста, затем стала достоянием публицистики и, наконец, перекочевала в научные издания) о подготовке Сталиным незадолго до своей смерти тотального выселения евреев в Сибирь. Описанная в десятках, если не сотнях статей, книг, радио и телеинтервью сталинская депортация евреев превратилась в своего рода Лох-Несское чудовище, которое кто-то там видел, но убедительных доказательств его существования не представил. Об алармическом воздействии на массовое сознание устрашающих мистификаций известно давно. Достаточно вспомнить, какую масштабную истерию в преддверии Второй мировой войны вызвала трансляция по британскому радио пьесы-фэнтэзи Орсона Уэллса «Война миров»: многие восприняли ее сюжет о нападении марсиан на Землю как реальное событие.

О «депортации» достоверно известно только следующее. Слухи о ней появились в начале 1948-го после трагической и таинственной гибели Михоэлса, но особенно усилились к концу того же года, когда был закрыт ЕАК, и начались массовые аресты его руководителей, а также деятелей идишитской культуры. Л. А. Шатуновская, получившая за близкое знакомство с Михоэлсом лагерный срок, оказавшись потом на Западе, писала, что в первой половине 1948 г. власти хотели провести (но потом отказались от этой идеи) открытый судебный процесс по «делу Аллилуевых» — родственников Сталина, подозревавшихся им в совместных с «еврейскими националистами» кознях против собственной персоны. По ее мнению, эта «важнейшая политическая антиеврейская акция» должна была стать сигналом к такому способу «окончательного решения еврейского вопроса» по-сталински, как массовая депортация советского еврейства в биробиджанскую тайгу, где уже тогда будто бы строились бараки, а к Москве и другим крупным городам подгонялись сотни товарных вагонов для ссыльных. По версии другого бывшего узника ГУЛАГа, Е. И. Долицкого, который до ареста в марте 1948 года работал в Совинформбюро, руководству ЕАК якобы предлагалось в 1948 г. через М. А. Сулова одобрить разработанный в верхах план добровольного переселения евреев на Дальний Восток и создания там на базе Еврейской автономной области (ЕАО) «Еврейской автономной советской социалистической республики». Однако договориться «по-хорошему» не удалось: приглашенные в ЦК С. А. Лозовский и П. Д. Маркиш (оши-

бочно именуется председателем ЕАК), будто бы восприняв этот проект как скрытую депортацию, воспротивились, сделав неизбежной ее насильственное проведение. Разумеется, ни Шатуновская, ни Долицкий не подкрепляли свои версии какими-либо фактами¹.

Масштабы слухов о готовившейся властями массовой высылке евреев существенно возросли с началом антикосмополитической кампании, причем до такой степени, что об этом заговорила заграничная печать. На страницах еврейских изданий (в первую очередь в Израиле, США и Великобритании) в течение 1949–1952 гг. неоднократно появлялись сообщения то о якобы принятом советскими властями решении депортировать в Сибирь все еврейское население страны, то об уже произведенном переселении 400 тыс. евреев России, то о готовящейся депортации еще 1 млн. евреев из Украины и Белоруссии. Появление подобной информации в западной прессе было в какой-то степени обусловлено тем подспудным пропагандистским нажимом, который с конца 1948 г. стали оказывать на СССР израильские руководители, стремившиеся таким образом побудить Сталина пойти навстречу их требованиям разрешить массовую эмиграцию евреев из СССР. Особую настойчивость в этом деле проявил министр иностранных дел Израиля М. Шарет. 5 октября 1949 г. он был информирован посланником в СССР М. Намиром о том, что советские евреи «живут в страхе и неуверенности в завтрашнем дне» и многие из них «опасаются, что скоро начнется депортация из Москвы». Через десять дней Шарет ответил шифротелеграммой со следующей инструкцией: «Мы должны начать кампанию в международной еврейской прессе, особенно в США, равно как и в нееврейской прессе по вопросу о советском еврействе, давая просочиться в прессу всей достоверной информации, имеющейся в нашем распоряжении, а также слухов». И хотя впоследствии тот же Намир, а также директор восточноевропейского департамента МИД Израиля А. Левави неоднократно сообщали Шарету о бессосновательности подобных слухов, тот не спешил с их официальным опровержением, и они продолжали муссироваться в западных СМИ. Уже в наши дни И. Харел, руководивший с 1952 г. израильской разведкой «Моссад», заявил в интервью, сославшись, правда, на недостаточные возможности его секретной службы в то время, что ничего не слышал о подобных планах Сталина².

Новый всплеск тревожных толков о депортации произошел после публикации в печати сообщения ТАСС от 13 января 1953 г. об аресте «врачей-вредителей» и развертывания их пропагандистской травли. На следующий день первый заместитель министра госбезопасности СССР С. А. Гоглидзе среди прочего проинформировал Кремль об

оценке этого события посланником Израиля Ш. Эльяшивом: «Вся миссия очень опечалена сегодняшним сообщением. В случае войны (выделено мною. – Г. К.) может быть решено всех евреев выслать в Сибирь, и этот процесс (суд над кремлевскими врачами. – Г. К.) явится подготовкой общественного мнения»³.

Панические настроения обуяли столичную еврейскую интеллигенцию. Конечно, слухи о депортации возникли не на пустом месте. Они были спровоцированы и массовыми арестами культурной и общественной элиты еврейства, и послевоенными пропагандистскими кампаниями, имевшими явный антисемитский подтекст, и, наконец, ростом «бытовой» юдофобии, которая стимулировалась сверху (особенно в последние недели жизни Сталина), в том числе, через СМИ. Видимость достоверности слухам придавало и то, что с конца 1952 г. из Москвы в Казахстан начали высылать семьи арестованных «еврейских националистов», в том числе, семьи тайно казненных к тому времени «еаковцев». Масла в огонь подливали и частные экстремистские заявления, звучавшие из стана кремлевской элиты, и разносившиеся народной молвой, обрастая всевозможными, леденящими кровь слухами и толками. Известно, скажем, что жена секретаря ЦК и руководителя Агитпропа Н. А. Михайлова сказала как-то дочери Сталина Светлане: «Я бы всех евреев выслала вон из Москвы!»⁴. Подобные высказывания хоть и свидетельствовали о том, что сталинская верхушка если не полностью, то наверняка уж частично была заражена антисемитизмом, тем не менее, вряд ли за ними стояло нечто большее. Ведь нельзя же, к примеру, обвинить царское правительство в подготовке депортации еврейских подданных только на том основании, что во время революции 1905 года скандально известный черносотенец В. М. Пуришкевич предложил переселить всех российских евреев в Колымский округ Якутского края. На деле получилось, что самодержавные правители империи, осуществившие в 1891–1893 гг. далеко не тотальное изгнание евреев из Москвы, вынуждены были к началу 1917 г. мириться с присутствием в Белокаменной не 35 тыс. евреев (столько их было там до выселения), а уже 60 тысяч.

Страхи в еврейской среде многократно усиливались еще и по причине отсутствия в тоталитарном обществе возможности получить объективную и независимую информацию о происходящем, что спонтанно компенсировалось широкой циркуляцией различных, подчас самых нелепых толков, домыслов и легенд. Тем, кто долго блуждает в информационной пустыне, часто мерещатся фантомы. Проецируясь на послевоенную ментальность еврейства, только что

перенесшего величайшую в современной истории трагедию и как бы по инерции ожидающего повторения национальной катастрофы, все это переполняло его сознание самыми мрачными предчувствиями и ожиданиями. Воистину мало что изменилось в России со времен Екатерины II, когда, как писал историк В. О. Ключевский, «люди судили о своем времени не по фактам окружавшей их действительности, а по чувствам, навеянным поверх этой действительности»⁵.

Но имели ли под собой реальную почву охватившие страну и мир слухи о чуть было не осуществленной Сталиным депортации евреев? Конечно, подобная угроза безусловно существовала, ибо чуть ли не с момента воцарения в России большевиков власти постоянно практиковали бессудное и массовое выселение людей (сначала по классовому, а потом и по национальному признакам). Но также верно, что реализоваться эта угроза в тех условиях не могла. И вот почему. В отличие, скажем, от насильственного выселения территориально локализованных на окраине империи кавказских народов, депортацию евреев (сотен тысяч, проживавших не обособленно в колониях-гетто, а в густонаселенных городских центрах страны, ассимилировавшись и растворившись в инациональной массе) нельзя было провести ни молниеносно, ни тем более тайно. Ясно, что изъятие такого количества людей из нормальной общественной среды, где многие из них к тому же играли заметную роль в области науки, культуры, других общественно значимых сферах, возможно было только после всесторонней продолжительной подготовки. Требовались предварительные радикальные изменения и в официальной идеологии, сохранявшей, несмотря на шовинистический пресс сталинизма, еще существенную толику большевистского интернационализма. То есть, схематично выражаясь, почвеннический шовинизм должен был бы полностью вытеснить коммунистический интернационализм, что было невозможно в принципе. Так как, несмотря на всю симпатию Сталина к традиционной крепкой русской государственности и нагнетавшийся по его воле русский патриотизм, он не мог отказаться от коммунистической идеологии, ибо его евроазиатская империя от Берлина до Владивостока держалась главным образом на ней, а отнюдь не на русской идее. И в этом противоречии коренилась главная причина идеологической амбивалентности сталинизма.

В отличие от сталинского, гитлеровский режим был лишен такого дуализма. Тем не менее, потребовалось несколько лет, чтобы нацистская Германия подошла к так называемому окончательному решению еврейского вопроса, предусматривавшему массовую

депортацию евреев в лагеря смерти. Там этому предшествовали продолжительная идеологическая промывка мозгов населению с помощью «Майн Кампф» Гитлера и других сочинений подобного рода, официальное узаконение антисемитизма как государственной политики, повлекшее за собой систематическое вытеснение евреев из политических, общественных и экономических институций рейха, принятие расовых законов, лишивших евреев гражданских прав и определивших юридически точное понятие еврейства, исходя из конкретно сформулированных этнорелигиозных критериев, организованные сверху погромы ноября 1938 г. и, наконец, война, окончательно развязавшая руки нацистов для геноцида. Если бы идея тотально покончить с евреями действительно завладела Сталиным в начале 1953-го, то их депортации должно было предшествовать нечто подобное. Но диктатор не мог не понимать, что его многонациональной империи, в отличие от мононациональной Германии, изначально противопоказан такой стопроцентно смертельный эксперимент.

Существует и другой, достаточно весомый антидепортационный аргумент: несмотря на широкое предание гласности после августа 1991 г. самых секретных политических архивных материалов сталинского режима, не было обнаружено не только официальной директивы, санкционирующей и иницирующей депортацию*, но даже какого-либо другого документа, где бы она упоминалась или хотя бы косвенно подтверждалась ее подготовка (в том числе сотни тысяч пресловутых списков евреев на выселение). Если бы нечто похожее существовало в действительности, то непременно бы обнаружилось, как это произошло со многими другими советскими политическими секретами. В последнее десятилетие, например, были опубликованы основные официальные документы о насильственном выселении в годы войны и послевоенное время чеченцев, ингушей, крымских татар и других так называемых «изменнических» народов, а также «буржуазных националистов» из Западной Украины, Прибалтики и других регионов страны. Причем, эти директивы принимались за несколько месяцев до начала депортаций, что опровергает предположения, что сталинское руководство письменно оформляло их постфактум⁶.

* Между прочим, в положении, регламентировавшем деятельность МГБ СССР, указывалось, что отправка на спецпоселение есть ничто иное как «принудительное переселение по решению правительства (выделено мною. – Г.К.) из постоянного места жительства под надзор органов МГБ отдельных категорий лиц навечно или на срок» (ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 303. Л. 21–221).

В общем, если гипотетически в чьих-то «руководящих» умах и возникло намерение административно выслать евреев в места весьма отдаленные, то эта идея, не могущая быть переведенной на практические рельсы, оказывалась мертворожденной.

Проявления официального антисемитизма в стране зимой 1953 г. были предельно допустимыми в рамках политико-идеологической системы СССР. Дальнейшее следование тем же курсом, не говоря уже о проведении еврейской депортации ввергло бы страну в хаос национальных и социальных катаклизмов. Показательно, что один из арестованных кремлевских врачей Я. Л. Рапопорт впоследствии называл «дело врачей» «незаконченным советским изданием» российских «холерных бунтов» начала 1830 гг., когда темные и бесправные народные массы, доведенные до отчаяния страхом перед смертельной опасностью и видевшие в медиках, самоотверженно борющихся с эпидемией, распространителей заразы, сначала расправились с ними, а потом обрушили свой гнев на представителей властей⁷.

Подобная перспектива, разумеется, Сталина не устраивала. Да и по складу своего характера он не решился бы открыто выступить против евреев, хотя в душе, особенно в последние годы жизни, мог быть, что называется, патологическим антисемитом. Поэтому вождь, ревностно оберегавший свой революционный имидж большевика-ленинца, был обречен переживать муки психологической раздвоенности, которая возможно, и ускорила его конец.

Мифотворцы

Как писал эмигрант-меньшевик Г. Я. Аронсон, после смерти диктатора «усиленно распространялись слухи о том, что Сталин носился с мыслью установить для всех русских евреев новую “черту оседлости” и затем депортировать их на дальний Север»⁸. Новые советские правители первым делом поспешили откреститься от «дела кремлевских врачей», этого, наиболее odioзного наследия диктатора.

Уже в начале апреля 1953 г. все арестованные врачи были освобождены и реабилитированы. Казалось, после устранения даже теоретической угрозы еврейской депортации миф о ней очень скоро развеется и исчезнет вместе с другими страхами и химерами эпохи сталинизма. Однако он оказался чрезвычайно живучим. И вот почему. Во-первых, активно циркулируя в виде слухов начиная с 1948 г., он успел основательно укорениться в еврейской ментальности, опаленной многовековыми преследованиями и колоссальной национальной

катастрофой XX века – Холокостом. А, во-вторых, на протяжении нескольких последующих десятилетий (в ходе холодной войны, горбачевской перестройки и ельцинских реформ) этот миф искусственно подпитывали, используя в различных верхушечных политических играх, пропаганде и книгоиздательском бизнесе.

Первый массированный выброс дезинформации произошел весной 1956 г., когда Н. С. Хрущев заявил одному французскому журналисту, что непосредственной причиной смерти Сталина явилось решительное выступление В. М. Молотова и А. И. Микояна против намерения вождя начать высылку евреев из крупных городов. Их протест якобы поддержал К. Е. Ворошилов, заявивший, что эта акция может дискредитировать советское руководство своим сходством с преступлениями Гитлера. О том, что описанное выступление против диктатора не имело места в действительности, а рассказ о нем был со стороны Хрущева чистой воды политической спекуляцией, говорит хотя бы тот факт, что в его мемуарах, вышедших спустя пятнадцать лет на Западе, где Сталин, хотя и распекался основательно за антисемитизм, однако, нет и намека на то, что тот собирался депортировать евреев.

Но это будет потом, а пока все сказанное новым советским лидером было принято на Западе за чистую монету. И по-другому, в общем-то, не могло и быть: там не были посвящены в тайны Кремля и, конечно, не знали, что в последние месяцы жизни Сталин вообще не встречался ни с Молотовым, ни с Ворошиловым, ни с Микояном, на которых наложил опалу. Спустя несколько месяцев ту же легенду, изображавшую наследников диктатора чуть ли не борцами с его безумной тиранией, в несколько модифицированном виде пересказал Ж.-П. Сартру И. Г. Эренбург. Прибыв в Париж, он, как близкому другу, поведал французскому интеллектуалу о том, что 1 марта 1953 г. на заседании Президиума ЦК КПСС выступил Каганович, решительно потребовавший от Сталина предпринять объективное расследование «дела врачей» и отменить распоряжение об отправке евреев в Сибирь. Его поддержали все остальные присутствовавшие на том заседании, кроме Л. П. Берии. Это привело в бешенство вождя, разразившегося будто бы угрозами в адрес «заговорщиков». Но те не дрогнули, а Микоян даже отважился заявить, что, если Сталин арестует их, в дело вмешаются перешедшие на их сторону военные, готовые в любую минуту занять Кремль. Рассказ Эренбурга завершился отдававшим театральщиной финалом: немую сцену, якобы возникшую после угрозы Микояна, прервал Каганович, который, достав из нагрудного кармана партбилет, разорвал его на мелкие

кочки и швырнул в лицо диктатору*. Того от переживаний хватил удар, и он без чувств повалился на пол, а через несколько дней, не приходя в сознание, умер. Спустя год эту историю повторил в Польше назначенный туда послом бывший секретарь ЦК КПСС П. К. Пономаренко⁹.

Предприняв эту, предназначенную для заграницы PR-овскую акцию, и получив в итоге определенные политические дивиденды, кремлевские лидеры впредь уже не отваживались публично обсуждать изложенную легенду, а после смещения Н. С. Хрущева, этого живого кладезя исторических анекдотов, вообще табуировали темные страницы сталинского прошлого, что, впрочем, только распалило интерес общества к тому, что в интеллигентских кругах стали называть «сталинщиной». В результате официальное умолчание недавних преступлений режима «компенсировалось» все более разрастающимся в народе мифотворчеством. Все это способствовало тому, что прежние слухи о несостоявшейся о еврейской депортации, обрастая, как некое устное предание все новыми фантастическими деталями и подробностями (причем зачастую противоречившими друг другу), достигли критической массы и по закону диалектики стали обретать новое качество – превращаться задним числом как бы в ретроспективную реальность. Началось «отмывание» легенды и ее включение на правах исторической правды в анналы прошлого.

Запуску этого механизма, пожалуй, больше других поспособствовал весьма авторитетный среди советской интеллигенции писатель В. С. Гроссман. Хотя в своей историко-публицистической повести «Все течет» (написана в 1955–1963 гг.) он о возможной депортации евреев (о строительстве «огромного барачного города» в Сибири, подготовке казни «врачей-вредителей» на Красной площади, еврейских погромов и т. п.) рассуждал гипотетически как о производном от слухов, тем не менее, довольно определенно, «между строк» ратовал за реальность этого тайного замысла властей, которыми все «было заранее задумано, запланировано»: и «стихийное возмущение против кровавых преступлений евреев», и их высылка, чтобы якобы защитить «от справедливого, но беспощадного народного гнева»¹⁰. Между тем, из мемуаров поэта С. И. Липкина известно, что друживший с ним Гроссман, хотя зимой 1953 г. и «укрывался» у него на даче, был

* Эта версия в несколько препарированном в жанре политического детектива виде перекочевала потом в книгу скандально известного американского журналиста С. Кагана «Кремлевский волк» (М., 1991. С. 245–247), самозвано объявившего себя племянником Л. М. Кагановича.

все же достаточно хорошо информирован, чтобы не поверить в слухи о массовой депортации. Во всяком случае, он, подписав в те дни обращение деятелей еврейской общественности в «Правду»*, как никто другой знал, что режим не возлагал коллективной вины на евреев, считая, что только «врачи-подлые убийцы <...> должны подвергнуться самой суровой каре, но еврейский народ не виноват...»¹¹. Видимо, позднее, под прессом нараставших придинок властей и пессимистических настроений в своем окружении писатель, воспроизводя в памяти пережитое, стал сгущать краски.

Как известно, критические суждения Гроссмана об исторической роли Сталина и его «еврейской политике» не были широко известны, будучи опубликованными в СССР только в конце 1980-х гг. Тем не менее, тема эта благодаря политизированной заинтересованности в ней диссидентов не заросла травой забвения. Миф о депортации являлся для историков из их среды одним из важнейших аргументов в дискредитации режима. Апеллируя к нему как к чему-то реальному, они вольно или невольно способствовали его верификации. Один из ведущих диссидентов-историков Р. А. Медведев, издавший в 1971 г. за границей книгу «К суду истории. Генезис и последствия сталинизма», где, ссылаясь на суждение старого большевика Е. П. Фролова, утверждал, что «Сталин готовился к массовому выселению евреев в отдаленные районы страны», и евреи – наряду с ранее депортированными немцами, крымскими татарами, чеченцами – «должны были стать... еще одним “козлом отпущения”»¹². Более осторожно к толкам о депортации относился А. И. Солженицын, который в парижском (1973 г.) издании «Архипелага ГУЛАГ», изложил их только в примечании и с оговорками: «В последние годы жизни Сталина определенно стал намечаться и поток евреев... Для того было затеяно и дело врачей. Кажется, он собирался устроить большое еврейское избиение. <...> По московским слухам, замысел Сталина был такой: в начале марта “врачей-убийц” должны были на Красной площади повесить. Всколыхнутые патриоты (под руководством инструкторов) должны были кинуться в еврейский погром. И тогда правительство великодушно спасая евреев от народного гнева, в ту же ночь выселяло их на Дальний Восток и в Сибирь (где бараки уже готовились)». С годами скептицизм Солженицына в отношении «московских слухов», види-

* Липкин вспоминал, что «хорошо информированный» Эренбург считал это обращение «затеей высокопоставленных партийных евреев, испугавшихся за свою судьбу со всеми ее привилегиями» (Липкин С. И. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. М., 1990. С. 32–33).

мо, усилился. В вышедшем в 1991 г. издании «Архипелага ГУЛАГ» они уже не воспроизводились*¹³.

Наиболее рьяным сторонником депортационной версии среди диссидентов являлся А. В. Антонов-Овсеев. Его вышедший в 1981 г. в Нью-Йорке политический памфлет о Сталине был насыщен леденящими кровь небылицами: например, о том, что «гебисты» насмерть затравили собаками евреев, арестованных на московском автозаводе. Не менее сомнительным в плане достоверности было и его утверждение, что, явившись в 1952 году на заседание Президиума ЦК КПСС, Сталин дал указание «спасти» евреев Москвы и Ленинграда от возможных погромов, отправив их в Сибирь (для чего под руководством Л. М. Кагановича якобы начали составлять депортационные списки, а в Биробиджане – строить бараки)¹⁴.

В окончательном виде миф о депортации предстал в книге выехавших на Запад М. Я. Геллера и А. М. Некрича «Утопия у власти», вышедшей в Лондоне в 1982 г. Удивительно, но эти историки-профессионалы, компенсировавшие полное отсутствие доказательств сомнительной формулировкой «утверждают»(??), без тени сомнения и как давно уже установленный факт изложили якобы составленный Сталиным сценарий расправы над евреями. Согласно ему предусматривалось и составление на предприятиях «еврейских списков», и казнь на Красной площади осужденных «врачей-вредителей», и «еврейские погромы по всей стране», и массовая депортация евреев «по их собственной просьбе», и распространение специально подготовленной членом Президиума ЦК КПСС Д. И. Чесноковым книги, обосновывавшей депортацию и т. д. Все это якобы понадобилось Сталину, чтобы, развязав третью мировую войну, «нанести окончательный удар по капиталистической Европе и установить на всем континенте социалистическую систему»¹⁵.

Показательно, что версию о готовившейся Сталиным депортации евреев поддерживали не только диссиденты-«демократы», но и их «коллеги» ультранационалистической ориентации, правда последние, в отличие от первых, негативно оценивавших эту гипотетическую акцию, сетовали на то, что та так и не была осуществлена. Не-

* Характерно, что Я. И. Айзенштат (один из приверженцев депортационной версии), воспроизводя этот фрагмент в своей брошюре, постарался представить А. И. Солженицына полным своим единомышленником. Для этого из текста были изъяты «невыгодные» оговорки последнего: «кажется», «по московским слухам» (Айзенштат Я. И. О подготовке Сталиным геноцида евреев. Юридическое исследование этапов преступной подготовки Сталиным геноцида советских евреев. Иерусалим, 1994. С. 63).

безызвестный автор скандальной книги «Десионизация» В. Н. Емельянов писал: «А вот в 1953 году, когда по приказу генералиссимуса со всемирной славой ко всем подъездным железнодорожным путям были подогнаны порожние составы с целью одновременного переселения в Биробиджан сразу всех евреев Москвы, – вот тут-то все члены Политбюро дружно умертвили своего вождя*, которому они сами присвоили эпитеты великого, гениального и пр., пр., пр.»¹⁶.

Примерно с тех же позиций выступает в наши дни В. В. Карпов, автор псевдоисторического сочинения «Генералиссимус», которое содержит грубое измышление о неких состоявшихся в феврале 1942 г. советско-германских переговорах о перемирии в Мценске, где немцы якобы потребовали от Сталина отселить всех евреев в районы крайнего Севера и там уничтожить, причем, согласно изощренной фантазии автора, руками самих евреев¹⁷.

Помимо дискредитации политического режима в СССР, миф о депортации использовался и для стимулирования еврейской эмиграции. С 1970 гг. обозначилась явная тенденция: по мере интенсификации идейно-политического брожения в советском обществе накалялись страсти вокруг еврейской эмиграции, и все активней реанимировалась тема депортации. В ЦК КПСС стали поступать такого рода письма: «Почему увеличился, особенно за 1978 г., выезд из СССР лиц еврейской национальности? Мы, люди среднего возраста (38–45 лет), очень обеспокоены этим явлением. <...> Страшно, когда покидают пределы страны близкие родственники, товарищи, с которыми вместе росли, учились, работали. <...> Стали упорно распространяться слухи о том, что с 1980 г. будет запрещен выезд из СССР, что готовится массовое переселение всех оставшихся евреев в автономную республику (ЕАО. – Г. К.). Эти слухи будоражат людей, порождают неустойчивость. Кто распространяет эти слухи? Да и как реагируют на предприятиях и в организациях, когда становится известно о чем-либо очередном выезде: начинаются публичные выступления, которые сводятся к одному – выслать немедленно всех евреев до одного»¹⁸.

Налицо была очевидная политическая задействованность мифа о депортации. Играя роль устрашающего идеологического жупела, он в условиях холодной войны был взят на вооружение западной антисоветской пропагандой, в чем, собственно, и кроется причина его,

* Объективности ради следует отметить, что Геллер и Некрич, называя версию насильственной смерти Сталина очень заманчивой для романиста, но бездоказательной, справедливо считали, что диктатор «умер естественной смертью, как умирают обыкновенные старики» (Геллер М. Я., Некрич А. М. Указ. соч. С. 513).

так сказать, живучести. Показательно, что на Западе о реальности плана депортации евреев заговорили первоначально не историки, а политически более «мобильные» журналисты. Одну из первых попыток такого рода предпринял известный американский журналист еврейского происхождения, зять Шолом-Алейхема Б. Ц. Гольдберг, который в прошлом неоднократно бывал в СССР. В 1961 г. он издал книгу по «еврейскому вопросу» в СССР, интерпретируя его не как проблему дискриминации евреев, а как фактор, чреватый реальной угрозой их геноцида¹⁹.

Этот тезис поддержал и развил израильский журналист Й. Гильбоа, эмоционально обозвавший послевоенные гонения на советское еврейство как «черные годы». Не удивительно, что его книгу, в названии которой был использован этот, надо признать, впечатляющий образ, очень оперативно опубликовали в 1971 г. в США²⁰.

Однако эти интерпретации отнюдь не сразу были поддержаны в более или менее солидных политологических и историко-научных кругах на Западе. Тамашние ученые в большинстве своем не спешили «историфицировать» «сталинскую депортацию», продолжая относиться к ней, как к чему-то сугубо гипотетическому. В сборниках научных статей «Книга о русском еврействе. 1917–1967» (Нью-Йорк, 1968) и «Евреи в Советской России. 1917–1967» (Тель-Авив, 1975) о подготовке выселения советских евреев вообще ничего не говорилось. Даже в заведомо антисоветской работе профессора Лондонской школы экономики и политических наук Л. Шапиро (1908–1983; сын осевшего в Шотландии бывшего главного раввина из Литвы, детство провел в России) «Коммунистическая партия Советского Союза»*, переизданной в 1975 г. на русском языке, использовалась такая осторожная формулировка: «В 1952 году [в СССР]... возможно, рассматривались планы общего выселения евреев в отдаленные районы». Еще в 1980-х гг. такие авторитетные американские специалисты по истории советского еврейства, как Н. Левин, Ц. Гительман писали о депортации как производной от слухов, правда, многие их израильские коллеги, будучи приверженцами так называемой сионистской историографии, и тогда, и потом, скорее, были склонны доверять этим слухам (Б. Пинкус и др.)²¹.

И только в 1990-е интеллектуальная элита и ученый мир Запады дрогнули под напором рожденного пропагандой мифа. Именно в те

* Была выпущена в рамках предпринятого в 1956 г. ЦРУ США «The Book Project» – проекта издания и распространения в СССР антисоветской литературы.

годы он стал включаться в более или менее серьезные научно-популярные и даже сугубо научные издания как уже нечто, когда-то и кем-то полностью доказанное. Подобный настрой был задан книгой американско-израильского журналиста и писателя Л. Рапопорта, который без обиняков утверждал, что Сталин избрал депортацию в качестве советского способа решения еврейского вопроса. Доказательством тому должен был послужить собственноручно сработанный («научно реконструированный») автором на основе слухов текст письма еврейской общественности советскому руководству с просьбой оградить евреев от «справедливого гнева русского народа» путем массового переселения в малолюдные районы Дальнего Востока. Утверждалось, что нечто подобное было составлено в недрах ЦК КПСС в начале 1953 г. для пропагандистского обоснования уже подготовленной депортации. В качестве исходных данных «реконструкции» были упомянуты «различные источники», притом что ссылка давалась только на мемуары Эренбурга «Люди, годы, жизнь», в которых, как известно, депортация никоим образом не упоминается. Несмотря на это, известный американский правозащитник и ученый Д. Рубенштейн в своей достаточно основательной в научном плане биографии Эренбурга все же в значительной мере солидаризировался с позицией Л. Рапопорта. Под напором апологетов мифа не устояла даже солидная энциклопедия «Britannica». Содержание легенды, прежде глухое, неясное и лапидарное, расцвело подробными описаниями различных холодящих кровь подробностей и деталей. Особенно преуспели в этом те, кто сочинял и редактировал статью «Советский Союз» в вышедшей в Иерусалиме «Краткой еврейской энциклопедии»²².

В том же жанре «исторической страшилки» написана и книга Р. Я. Бракмана «Секретная папка Иосифа Сталина. Скрытая жизнь», появившаяся не так давно на магазинных полках. Советский диктатор в ней уподоблен Гитлеру и изображен патологическим монстром: кастратом, заклеянным печатью «демонического заклатья», – физическим атаклизмом в виде сросшихся пальцев на ноге («чертово копытце»). Под стать этим зловещим описаниям внешности Сталина и приведенные автором «факты» его циничных юдофобских деяний. Оказывается, когда в феврале 1953 г. в правительстве СССР стали обсуждать «технические вопросы транспортировки евреев в Биробиджан»(?), и соратники вождя забеспокоились по поводу колоссальных сложностей, обычно сопутствующих обустройству на новом месте больших масс людей, тот их «успокоил», якобы заявив, что «половина евреев погибнет в дороге»²³.

Чтобы разобраться в механизме столь легкого и беспроblemного привития мифа к древу науки, необходимо мысленно перенестись в Советский Союз конца 1980-х гг., когда на излете горбачевской перестройки советские ученые-историки, кстати, впервые осмелились открыто обратиться к теме преследований евреев при Сталине. Однако высказаться более или менее определенно, готовил ли тот их депортацию или нет, они еще не могли: соответствующие архивные источники были недоступны. Впрочем, литераторов-публицистов это ключевое обстоятельство мало смущало. На стремительно вздымавшейся волне разоблачений преступлений сталинизма они на свой манер принялись заполнять «белые пятна» прошлого. На этой ниве подвизались в основном или люди, пострадавшие от политических репрессий и в силу этого, за редким исключением, не способные на проведение объективных и беспристрастных исследований, или циничные конъюнктурщики, спешившие сорвать куш на смаковании подробностей «горячих» исторических сенсаций. Единственно на основе застарелых слухов, бытовавших в интеллигентской среде прежде подспудно и не выходявших за узкие рамки неконформистского устного «междусобойчика» и подпольного самиздата, они – благодаря объявленной гласности – принялись «творить историю» – чуть было не состоявшегося «геноцида советских евреев». При этом в качестве одного из главных доказательств приводились давно циркулировавшие толки, превратно отображавшие обстоятельства подготовки и содержание уже упоминавшегося обращения в «Правду» от имени известных деятелей еврейского происхождения. Утверждалось, что в нем присутствовал призыв к депортации. То есть реальный документ стал подменяться апокрифом, сначала устным, а потом и письменным (об этом далее).

Даже в отмеченных глубоким и объективным историческим анализом воспоминаниях Я. Л. Рапопорта (профессор-патологоанатом, был арестован по «делу кремлевских врачей»), довольно точно излагавшего суть настоящего обращения (депортация не упоминалась!), оно, тем не менее, увязывалось «с намечаемыми последующими акциями против всей национальности»²⁴. Однако в вышедших почти одновременно мемуарах академика-правозащитника А. Д. Сахарова почему-то вместо коллективно подписанного знаменитыми евреями послания в «Правду» уже фигурировала приписывавшаяся Д. И. Чеснокову мнимая публикация в этой газете, уже без экивоков квалифицировавшаяся как составная часть «антиеврейского плана» Сталина: «Потом мы узнали, что в начале марта были подготовлены эшелоны для депортации евреев и напечатаны оправдывающие эту

акцию пропагандистские материалы, в том числе номер “Правды” с передовой “Русский народ спасает еврейский народ”(?)»²⁵. Вряд ли эти строчки следует воспринимать как свидетельство очевидца. Ведь сам Сахаров, который в момент описываемых событий находился вдали от Москвы в наглухо изолированном от внешнего мира атомном центре «Арзамас-16», не скрывал, что обстоятельства «дела врачей», стали только «потом» ему известны, но когда и от кого именно, он не уточнял.

Время появления подобных публикаций – «смутное» преддверие краха СССР, когда тот вошел в штопор глубочайшего системного кризиса, и многие поняли, что процесс его распада приобрел необратимый характер. Подобно эпидемии, по Москве и другим городам поползли слухи, будто грядут массовые еврейские погромы, и что ультра-националисты из пресловутого общества «Память» готовят устроить новую Варфоломеевскую ночь, помечая меловыми крестами двери квартир будущих жертв. Разлившийся тогда в обществе страх перед непредсказуемым будущим привел к взрыву еврейской эмиграции. Именно в такой накаленной атмосфере и вышла в свет книга, будто специально изданная «страха перед русскими ради». Именно она, как мы убедимся, составит вскоре основу «доказательной базы» приверженцев мифа о депортации, но основу тайную, так как на этот «источник» – по причине, которая станет понятной из нижеизложенного, – так и не будет сделано ни одной ссылки. Речь идет о сборнике художественных сочинений прозаика В. П. Ерашова, выпущенном 250-тысячным тиражом в декабре 1990 г. «независимым» кооперативным издательством ПИК. На траурной черной обложке фольговой зеленью угловатых букв было выведено название: «Коридоры смерти» и подзаголовок – «Историко-фантастическая хроника». Хотя от автора и издательства пояснялось, что «хроника» – художественный вымысел, фантазии на тему, что могло бы произойти, умри Сталин не 5 марта 1953 г., а неделей позже, тем не менее (и далее – нечто парадоксальное!), утверждалось, что «страшные события, черед которых прослеживается в повести изо дня в день, не столь уж фантазмагоричны: за ними стоят исторические реалии, подтвержденные свидетельствами современников и документами». Вопреки этому заверению в «хронике» так и не удалось обнаружить даже намека на нечто реальное, зато в ней обильно были представлены различные, и, надо признать, искусно выполненные стилизации под официальные документы и пропагандистские материалы сталинской эпохи. Это и «правительственное сообщение» от 7 марта 1953 г. о том, что «Особое присутствие Военной коллегии Верховного суда СССР в закры-

том судебном заседании рассмотрело дело по обвинению преступной шайки врачей-вредителей» и приговорило их к смертной казни. Это и «Обращение к евреям – гражданам Советского Союза», в котором группа их именитых соплеменников призывает «добровольно покинуть обжитые, привычные города и районы, отправиться на освоение просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера» (очередной фантазмагорический аналог реального коллективного обращения в «Правду»). Это и хроника (тоже, разумеется, измышленная) состоявшейся 8 марта на Красной площади казни через повешение восьмерых евреев. В форме газетного репортажа живописалась и отправка в тот же день со столичного Казанского вокзала «экспресса особого назначения «Москва – Биробиджан» с первыми «добровольцами», следующими на Дальний Восток, в спецпоселки, подготовленные «для евреев из Москвы». А перелистав несколько страниц, читатель узнавал об еще одной мнимой трагедии: 14 марта в 2-02 по Москве экспресс, так и не доехав до места назначения, в районе станции Слюдянка «с налету выскочил на отрезок пути, разрушенный гебистами, рухнул под откос и почти мгновенно сгорел, поскольку был для пущей надежности начинен в багажниках под полом вагонов канистрами с бензином». Тем временем, как далее фантазирует автор, в столице заканчивался подсчет и оформление данных по контингенту депортируемых, к которому «по состоянию на 24-00 10 марта» причислили 211 492 еврея («включая полукровок»), что составляло «67 856 семейств». Завершающие эпизоды «хроники» – о смерти Сталина, последовавшей, по воле автора, в ночь на 12 марта и повлекшей срыв «операции под кодовым названием “Восток”», предусматривавшей развертывание депортации московских евреев «начиная с 5-00 14 марта»²⁶.

Столь подробный разбор псевдоисторических рассказов на первый взгляд может показаться не совсем уместным в научной статье. Однако пройдет всего полгода после издания книги Ерашова, и представленная в ней легенда о еврейской депортации станет выдаваться за некий утаиваемый властями реальный план сталинского руководства. Первым об этом широковещательно возвестил журналист З. С. Шейнис. Двоюродный племянник известного дипломата Я. З. Сурица, он начал работать в печати еще до войны, возглавив в обезлюдевшей после «большого террора» редакции «Труда» иностранный отдел. После войны Шейнис, работая в Берлине корреспондентом «Tägliche Rundschau» (газеты Советской военной администрации в Германии), был привлечен в 1947 году к судебной ответственности за присвоение литературного труда мало известного в

СССР немецкого писателя. Однако он быстро оправился после этого неприятного инцидента, прославившись осенью 1958 г. как один из авторов вышедшей в Госполитиздате книги «Государство Израиль, его положение и политика». Это первое советское массовое антисинистское издание было подготовлено им совместно с замминистра иностранных дел В. С. Семеновым, выступившим под псевдонимом «К. Иванов». В вышедшей потом на Западе «Книге о русском еврействе. 1917–1967» об этом агитпроповском опусе говорилось как об изобилующем «злопахательными и невежественными извращениями» и содержащем «тысячу вольных и невольных ошибок и явно клеветнические комментарии»²⁷.

Возможно, дабы реабилитировать себя за столь неприглядное сотрудничество с властью (летом 1991 г. агонизировавшей), Шейнис и выступил публично в роли разоблачителя преступлений сталинизма, опубликовав 28 июня в «Вечерней Москве» очерк «Грозил депортация». В нем он поведал, что в конце июля 1953 г. Эренбург достоверно сообщил ему следующее: «...Приехали ко мне домой они, академик Минц, бывший генеральный директор ТАСС Маринин и еще один человек(?) <...> Они приехали с проектом письма на имя “великого и мудрого вождя товарища Сталина”. В письме содержалась просьба: врачи-убийцы, эти изверги рода человеческого, разоблачены, справедлив гнев русского народа, может быть, товарищ Сталин сочтет возможным проявить милость и охранить евреев от справедливого гнева русского народа. То есть [предполагалось] под охраной выселить их на окраины государства. Авторы письма униженно соглашались с депортацией целого народа, очевидно, в надежде, что сами они не подвергнутся выселению».

Достоверность сего свидетельства более чем сомнительна. В нем соответствует истине только то, что руководящий сотрудник «Правды» Я. С. Хавинсон-Маринин и академик-историк И. И. Минц действительно привозили Эренбургу на подпись обращение еврейской общественности, но не на имя Сталина и совсем другого содержания (без намека на депортацию). К тому же, не было никакого загадочного «еще одного человека», сопровождавшего Минца и Хавинсона. По сути, «свидетельство» Шейниса – еще один перепев рожденного в литературно-журналистских кругах предания о том, как Хавинсон и Минц вкупе с журналистом Д. И. Заславским и философом М. Б. Митиным (двое последних часто «подменяли» друг друга в разных интерпретациях слуха) собирали подписи к «еврейскому письму». Одна из вариаций этого рассказа была изложена в мемуарах писателя В. А. Каверина, который в эмоциональной художественной

манере изобразил, как один из этой «четверки», «иуда» Хавинсон, особенно настойчиво вербовал его в подписанты. Но поскольку Каверин, утверждавший, что ознакомился с «письмом» в ЦК, существенно извратил текст реального обращения, возникает вопрос: держал ли он его в руках? Если в настоящем письме, скажем, говорится, что «громодное большинство еврейского населения СССР является другом русского народа», то аналогичный пассаж в изложении Каверина мало того что имеет диаметрально противоположный смысл, но и содержит противоречащие друг другу фразы (чего не могло быть в тщательно редактировавшихся аппаратных документах): «...евреи, живущие в СССР, пользуются всеми правами, обеспеченными Конституцией нашей страны. Многие из них успешно работают в учреждениях, научных институтах, на фабриках и заводах. И, тем не менее, в массе они заражены духом буржуазного воинствующего национализма...». В мемуарах Каверина имеются и другие нестыковки: он подробно описывает третьестепенную для существа дела элегантную внешность Хавинсона, в мельчайших деталях воспроизводит якобы состоявшуюся между ними беседу, но при этом путается в главном, называя его «Хавенсоном»; утверждает, что «еврейское письмо» было им внимательно прочитано дважды и тут же жалуется на память, не сохранившую его «подробностей»; датирует сбор подписей зимой 1952 г., что на самом деле происходило в конце января – начале февраля 1953 г. и т. д.²⁸

Возвращаясь к газетному очерку Шейниса «Грозил депортация», нельзя не отметить еще одну немаловажную деталь: все фигурирующие в нем лица, кроме, естественно, автора, к моменту публикации отошли в иной мир, и читателю фактически предлагалось поверить публикатору на слово. В последующем, как мы убедимся, не только Шейнис, но и продолжатели его дела на ниве мифотворчества будут активно прибегать к свидетельствам «мертвых душ». К сожалению, подобные трюки весьма эффективно, особенно на первых порах, маскируют заведомую ложь под историческую правду, но, в конечном счете, истина берет верх, и фальсификатору воздается по заслугам. Впрочем, подобная перспектива вряд ли беспокоила почти восьмидесятилетнего Шейниса, по богатому жизненному опыту знавшего, как порой медленно крутятся жернова правды. Скорее, напротив, у него были все основания торжествовать: посредством незамысловатого подлога легко удалось внушить многим, что подготовка Сталиным депортации евреев не просто мираж запуганной интеллигенции, а реальный факт истории, подтвержденный «неопровержимыми» фактами.

Закрепляя успех, Шейнис вскоре выдал на-гора новую порцию «доказательств», поместив 26 сентября 1991 г. в той же газете очерк под хлестким заголовком «Провокация века» (более пригодным для квалификации самого факта этой публикации). Роль оболочки информационной бомбы сыграли фрагменты письма, полученного от бывшего сотрудника МГБ СССР П. И. Колобанова. Поскольку в этом послании в основном точно воспроизводились реальные детали следствия по «делу врачей», да и сам его автор не был объявлен публикатором «скоропостижно скончавшимся», можно с большой долей уверенности говорить об этом тексте как о подлинном. Тем более, что факсимильный фрагмент оригинала был воспроизведен в качестве иллюстрации. Обращение содержало резонные суждения: «Скажу сразу, что о предполагаемой депортации евреев я ничего не знал, так что подтвердить или опровергнуть написанное Шейнисом (в «Вечерней Москве» от 28 июня 1991 г. – Г. К.) не могу. Думаю только, что о таких важных вопросах государственной политики надо говорить языком документов, а не на основании частных разговоров и тем более слухов “о предстоящей расистской акции по отношению к евреям”».

Однако, цитируя это невыгодное для себя мнение, Шейнис, думается, отнюдь не преследовал цель объективно показать пеструю палитру разнородных откликов на свою предыдущую статью. Просто сценарий, разработанный этим опытным журналистом, включал в себя использование такого классического приема, как посрамление «Фомы неверующего». Так вот, для того чтобы «вразумить» сомневавшегося Колобанова и заодно убедить в собственной правоте всех остальных, скептически настроенных читателей, Шейнис расчетливо начинил свою «бомбу» взрывной сердцевиной – «чрезвычайно важным свидетельством». Однако этот «гвоздь» публикации Шейниса стал, по сути, презентацией еще одного посмертного сенсационного откровения. На сей раз в качестве безгласного свидетеля публике был представлен некто Н. Н. Поляков, бывший сотрудник КГБ и ЦК ВКП(б), который «последние годы жизни <...> тяжело болел», а «перед кончиной <...> решил облегчить свою душу», в чем ему помогли «два человека» (?) – «записали его показания и прислали автору...»*. Это трогательное описание больше похоже на житие какого-то благородного разбойника, обретшего святость благодаря предсмертному раскаянию, чем на реальное событие. Как, впрочем, и безымянные

* Работа некоего Н. Н. Полякова в аппарате ЦК КПСС и МГБ СССР в конце 1940-х – начале 1950-х гг. документами архивов этих ведомств не подтверждается (официальные ответы на соответствующие запросы автора статьи).

свидетели, внимавшие словам умиравшего, напоминают скорее бес-телесных ангелов, чем обыкновенных смертных, идентифицируемых посредством конкретных имен, фамилий, адресов местожительства и т. п. Впрочем, вот сам текст «покаяния»: «В конце 40-х – начале 50-х годов было принято решение о полной депортации евреев. Для руководства этой акцией была создана комиссия, подчинявшаяся только Сталину. Председателем комиссии Сталин назначил Сулова, а секретарем был я, Поляков. Для приемки депортируемых в Биробиджане (в частности) форсированно строились барачные комплексы по типу концлагерей, а соответствующие территории разбивались на закрытые секретные зоны. Одновременно составлялись по всей стране списки (отделами кадров – по месту работы, домоуправлениями – по месту жительства) всех лиц еврейской национальности, чтобы никого не пропустить. Было два вида списков – на чистокровных евреев и на полукровок. Депортация должна была осуществиться в два этапа – чистые в первую очередь, полукровки – во вторую. Операцию намечено было осуществить во вторую половину февраля 1953 года. Но вышла задержка не с концлагерями (барачное строительство не было завершено и на половину, но это не могло лимитировать акцию), а со списками требовалось больше времени; для этого Сталин установил жесткие сроки: суд над врачами 5–7 марта, казнь (на Лобном месте) 11–12 марта».

Бросается в глаза, что это, обнародованное Шейнисом, «свидетельство» как две капли воды похоже на то, что сочинил В. Ерашов (см. выше). Тут и там одно и то же: суд над врачами, датированный, кстати, почти одним и тем же сроком (у Ерашова: 5–6 марта); казнь на Лобном месте Красной площади; «задержка» (у Ерашова – «заминка») с оформлением бумаг на выселение, включение в контингент высылаемых «полукровок» и т. д. Впрочем, есть и некоторые отличия, причем приводящие к парадоксальному выводу: содержание «историко-фантастической хроники» Ерашова пронизано куда большей осведомленностью в организации реальной деятельности сталинских спецслужб, чем выдаваемое за подлинное так называемое свидетельство «сотрудника ЦК КПСС и КГБ» Полякова. Во-первых, если у Шейниса упоминаются «списки на депортацию», которые якобы по всей стране составлялись некомпетентными в этом роде деятельности отделы кадров предприятий и организаций, а также домоуправлениями (ни одного такого списка – а их количество должно бы исчисляться миллионами – так и не было найдено), то у Ерашова сказано: власти, начав выселять евреев из Москвы, поручили оформление документации силовым органам, в чью прерогативу, собственно, и входила высылка неблагонадежных граждан в административном порядке (в МГБ этим занималось 9 уп-

равление). Во-вторых, у Ерашова, который старался максимально приблизить свое повествование к реалиям тогдашней жизни, депортируемые евреи должны были следовать на спецпоселения, представлявшие собой специально оборудованные в отдаленных местностях поселки (как это и было с высланными по той же схеме крымскими татарами, чеченцами, украинскими националистами и др.). У Шейниса же в качестве мест будущего обитания евреев почему-то называются «барачные комплексы по типу концлагерей», расположенные в каких-то непонятных «закрытых, секретных зонах». Столь очевидное искусственное нагнетание драматизма в «свидетельстве Полякова» было, видимо, вызвано тем, что Шейнис анонсировал его как фрагмент будущей своей книги «Годы в моральном Освенциме». К слову, от такого названия он вынужден был потом отказаться: слишком явно «торчали уши» его несоответствия содержанию книги.

Поданное Шейнисом с претензией на сенсацию «откровение» Полякова о «депортационной комиссии» под руководством Сулова также не выдерживает критики. Чтобы убедиться в том, что это никакая не новация, а перепев старого слуха, достаточно обратиться к изданному зимой 1991 г. НИПЦ «Мемориал» первому выпуску исторического альманаха «Звенья», точнее, к помещенному в нем фрагменту воспоминаний упомянутого Е. И. Долицкого. С этой публикацией Шейнис был, несомненно, знаком, ибо в примечаниях к ней упомянут в качестве консультанта. Так вот, никто иной как Долицкий впервые поименовал Сулова секретарем ЦК ВКП(б), отвечавшим с 1948 г. за подготовку депортации²⁹. Именно на это, весьма сомнительное и документально не подтвержденное свидетельство, и ориентировался Шейнис, когда «производил» Сулова в председатели депортационной комиссии, которая, функционируя якобы более четырех лет, почему-то так и не оставила по себе никакой фактической памяти – ни одного собственного документа, ни даже просто упоминания в каких-либо других документах или мемуарах.

Летом 1992 г. «депортационная» версия Шейниса пережила второе рождение. Тогда она вновь явилась публике, на сей раз включенной в новую книжку под уже раскрученным заголовком «Провокация века». Случайно или нет, но она, выпущенная в мягкой обложке, на которой красовалось что-то наподобие шабаша оживших скелетов, была «при содействии Израильского Фонда культуры и просвещения» подготовлена все тем же «независимым издательством» ПИК, ранее выбросившего на рынок «хронику» Ерашова. Весьма показательно, что в эту книжку, ставшую своеобразной лебединой песней Шейниса (спустя несколько месяцев он умер), вошел в несколько препарированном виде и материал из сборника исторических анекдотов Ю. В. Борева «Стали-

ниада». Изданный в 1991 г., он включал в себя различные толки, когда-либо циркулировавшие в интеллигентской среде, в том числе и такие: об издании в феврале 1953 года «миллионным тиражом» пропагандистской брошюры «члена Президиума ЦК Дмитрия Чеснокова» под названием «Почему необходимо было выселить евреев из промышленных районов страны», распространение которой было приурочено к высылке в биробиджанскую тайгу «трех миллионов евреев» (общая численность евреев в СССР тогда не превышала 2,25 млн. – Г. К.); о том, как Маленков уговаривал Эренбурга подписать «еврейское письмо», и как Сталин, «утверждая сценарий депортации», «проговорился» Хрущеву (а тот – Эренбургу) о направленной «органам» директиве организовать во время транспортировки евреев по Транссибу – под видом «стихийных» проявлений народного гнева – нападения на эшелоны и убийства депортируемых с тем, чтобы доехать до места смогли не более половины и т. п.³⁰ И хотя сам Боров отнес свою книгу к жанру литературно-художественно-исторической фольклористики (отсюда и ироническое название, созвучное пушкинской «Гаврииаде»), и пафос ее зиждился не на поиске исторической истины, а на разоблачении любым способом советской системы, – почерпнутые из нее апокрифы были представлены Шейнисом как реальные факты. Вот как с подачи Борева он изобразил участие в «деле врачей» Чеснокова: «К началу февраля он закончил порученный (Сталиным. – Г. К.) теоретический труд, обосновывавший изгнание трех миллионов (!) евреев. Брошюра была напечатана и спрятана в одном из особо охраняемых подвалов МГБ в Москве. По указанию Сталина в день “X” ее надлежало извлечь из подземелья и как можно быстрее распространить по всей стране»³¹.

У Шейниса, вознамерившегося сказку-миф о депортации сделать «научно подтвержденной» бльью, нашлось немало последователей – как в России, так и за рубежом. Начиная с 1993 г. потоком пошли публикации (журнальные и газетные статьи, отдельные книги, брошюры), в которых представленный журналистом «документальный материал» о подготовке Сталиным депортации евреев преподносился как авторитетный и заслуживающий доверия исторический источник. Причем, это «наследие Шейниса» дополнялось одновременно такого же рода сомнительными «вновь открывшимися свидетельствами»³².

Своеобразное лидерство в оснащении своих сочинений подобными «фактами» захватил Я. Я. Этингер. Пострадав в свое время от сталинских политических репрессий (в 1951 г. получил 10 лет лагерей за антисоветскую агитацию и пропаганду) и став потом профессором истории (специалистом по новейшей истории развивающихся стран Азии и Африки), он, соединив в одном лице драматический личный опыт и профессиональные знания, казалось, способен был внести существен-

ный вклад в начавшееся в годы перестройки научное восстановление исторической правды. Однако, испытывая «глубокую внутреннюю ненависть к коммунизму и КПСС»³³, он после развала Советского Союза нашел свое призвание в пропагандистском обличении сталинизма, миссии общественно значимой и благородной, но далеко не тождественной строго научному осмыслению этого сложного и противоречивого исторического явления. И все было бы в пределах нормального сочинительства, если бы Этингер не пытался выдать свои хлесткие и эмоционально насыщенные политические памфлеты за исторические труды, и если бы он, сводя счеты с «проклятым прошлым», не использовал, подобно Шейнису, далекие от науки приемы. Правда, ничего подобного не предвещалось на начальной стадии освоения Этингером проблематики сталинского антисемитизма и «дела врачей». Когда, например, в 1988 г., он давал одно из первых своих интервью по истории упомянутого «дела» «Медицинской газете», то ни словом не обмолвился о наличии в начале 1953 г. угрозы депортации евреев, несмотря на то, что перестроечная гласность уже вовсю бичевала преступления сталинизма³⁴. И хотя еще существовала цензура, и некоторые язвы советского прошлого вскрывать запрещалось, тем не менее, процесс спонтанной либерализации в стране был столь стремительным, что рамки дозволенного расширялись тогда буквально на глазах. Уже в следующем году были подготовлены к изданию, а в 1990-м вышли упоминавшиеся воспоминания В. А. Каверина, в которых о гипотетической сталинской депортации евреев было сказано достаточно прямо и определенно. Между тем, в появившейся в том же году г. в журнале «Наука и жизнь» статье «“Дело врачей” и судьба» Этингер продолжал хранить молчание по поводу депортации, отваживаясь разве что на предположение: «не должен ли был задуманный процесс над врачами стать прологом новой гигантской чистки в высших эшелонах партийно-государственного и военного руководства?» При этом многие во весь голос отвечали на этот вопрос утвердительно. Мало что изменилось и тогда, когда, покинув в 1989 г. Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР и уйдя на пенсию, Этингер вошел в руководство новообразованного правозащитного общества «Мемориал» (кстати, вместе с упомянутым решительным обличителем сталинизма Антоновым-Овсеенко) и целиком погрузился в общественную деятельность. Даже публикуя в начале 1991 г. в историческом альманахе этого общества «Звенья» очерк по «делу врачей», Этингер не присоединился к хору сторонников депортационной версии, хотя в том же выпуске альманаха был помещен обосновывавший ее материал А. Вайсберга («Воспоминания Е. И. Долицкого»). Продолжая занимать межеумочную позицию, Этингер, впервые, очень осторожно коснувшись тогда гипотезы о

подготовке выселения евреев, ничего определенного не сказал, сославшись на то, что «истинный смысл» событий начала 1953 года проявится только после открытия секретных архивов³⁵.

Однако после краха коммунистического режима, когда его задним числом не ругал разве только ленивый, позиция Этингера претерпела неожиданную существенную метаморфозу. Произошло это в начале 1993 г., когда одновременно в парижской «Русской мысли» и московской «Еврейской газете» появилась его большая статья «К сорокалетию “дела врачей”», в которой он, видимо, не удовлетворенный результатами рассекречивания закрытых архивов прежней власти, сделал «серьезный вывод», на который прежде не решался: «...упорные слухи, что после процесса над врачами и их публичной казни в крупнейших городах страны, начнется депортация евреев в отдаленные районы Дальнего Востока <...> как теперь выяснилось, были обоснованы».

Тут же приводился целый набор «доказательств». И хотя почти все они как будто слово в слово были списаны с книг Антонова-Овсеенко, Ерашова, Шейниса и Борева, эти авторы упомянуты не были. Вместо них были названы новые «источники», главным из которых стал скончавшийся в 1975 г. Н. А. Булганин. Якобы еще в 1970 г. тот в частной беседе поведал Этингеру о запланированных Сталиным публичных казнях (через повешение) «врачей-отравителей» и которые должны были состояться «при огромном стечении населения на больших площадях в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Свердловске и ряде других крупнейших городов страны», о крушениях составов с евреями, депортируемыми по Транссибу, кстати, единственной и потому имеющей стратегическое значение железнодорожной коммуникации, связывающей европейский центр страны с ее восточными регионами. Повторялся и застарелый слух, приписывавший «профессору-философу» Чеснокову авторство книги, оправдывавшей депортацию евреев. Но при этом Этингер сослался на уже покойного журналиста Э. Генри. По сути, эти «новые свидетельства» ничего нового не содержали, настораживало, однако, то, что полученные вроде бы давным-давно, они могли бы быть преданы гласности значительно раньше*, причем в соответствующей научной публикации форме, но почему-то этого не произошло.

* Как это сделал, например, Ф. И. Чуев, опубликовавший в последние месяцы советской власти ставшие бестселлером «Сто сорок бесед с Молотовым» – издание, основанное на дневниковых, точно датированных записях публикатора, достоверность которых подкреплялась множеством материалов, документально подтверждающих полученные во время интервью с Молотовым сведения, в том числе фотографиями, сделанными в ходе этих встреч.

Кроме того, в статье «К сорокалетию “дела врачей”» без ссылок на источники пересказывалась не раз прежде публиковавшаяся другими авторами легенда о составлении «несколькими евреями – сталинскими прислужниками» письма, призывавшего советское руководство «спасти» евреев от «народного гнева», депортировав в Сибирь, где «готовились новые лагеря, строились тысячи бараков». Единственной свежей струей в публикации стала информация о том, что «сейчас стало известно, что Маленковым и Суловым были направлены инструктирующие письма в аппарат ЦК, где оба требовали вынесения врачам смертного приговора и вообще провести “определенные антиеврейские акции”»³⁶. Однако на поверку вышло, что, объявив о существовании столь важных документов ЦК, Этингер явно погорячился, оказавшись не в состоянии их представить.

Поскольку Этингер был профессиональным историком, все поведенное им о депортации было воспринято и отечественными, и иностранными учеными как заслуживавшая доверия точка зрения авторитетного специалиста. Этому способствовало и активное его участие в различных международных научных конференциях, чьи материалы широко публиковались и распространялись в мире³⁷.

В начале 1999 г. через нью-йоркскую русскоязычную газету «Еврейский мир» Этингер (какое-то время он проживал в США) объявил об обретении им «важного документа» – ключевого доказательства достоверности версии о депортации. Правда, поясняя, как это произошло, он поведал странную историю о том, как от одной незнакомой, «плохо одетой» и производившей «жалкое впечатление» женщины он получил «пожелтевший от времени машинописный экземпляр письма, озаглавленного «Ко всем евреям Советского Союза». Не сомневаясь в том это «уникальный исторический документ, призыв – обращение к депортации евреев в отдаленные районы страны», Этингер попросил у таинственной посетительницы разрешения скопировать его. Но та, ответив решительным отказом, разрешила только переписать текст в ее присутствии, «после чего исчезла навсегда». В России это, обретенное столь чудесным образом, «историческое послание» впервые было напечатано («в сокращении») через два года в «Известиях»³⁸. Полный текст «письма» Этингер включил в свои вышедшие вскоре (в 2001 г.) мемуары. Даже поверхностное знакомство с этим «документом» не оставляет сомнений в том, что это примитивно сработанный фальсификат. Сразу бросается в глаза его подозрительная краткость, корявый, «не отшлифованный» стиль, совсем не характерный для подлинных документов ЦК КПСС, всегда тщательно составлявшихся и редактировавшихся. Но самое главное, сравнительный анализ выявил очевид-

ную фиктивность того, что выдавалось Этингером за подлинное «еврейское послание 1953 года»: в нем обнаружилось явные текстуальные заимствования из «Обращением к евреям – гражданам Советского Союза», сочиненного Ерашовым для упомянутой «историко-фантастической хроники». Чтобы наглядно убедиться в этом, достаточно прибегнуть к сопоставлению соответствующих текстов³⁹:

У Этингера:	У Ерашова:
Дорогие братья и сестры, евреи и еврейки! Мы, работники науки и техники, деятели литературы и искусства – евреи по национальности – в этот тяжкий период нашей жизни обращаемся к вам. <...>	Дорогие братья и сестры, еврейские мужчины и женщины, еврейская молодежь! К вам обращаемся мы... работники промышленности и сельского хозяйства, военачальники, деятели науки и техники, литературы и искусства, – в трудные эти дни держим слово к вам <...>
<...> Зловещая тень убийц в белых халатах легла на все еврейское население СССР. Каждый советский человек не может не испытывать гнева и возмущения <...> Позор обрушился на голову еврейского населения Советского Союза. Среди великого русского народа преступные действия банды убийц и шпионов вызвали особое негодование. Ведь именно русские люди спасли евреев от полного уничтожения немецко-фашистскими захватчиками <...>	<...> Зловещая тень подлых убийц и шпионов легла на весь еврейский народ, вызывая справедливый гнев и возмущение каждого советского человека. Да, невозможно отрицать: все мы косвенно опозорили себя <...> Мы никогда не забудем беспримерного подвига великого русского народа... Для нас, евреев, этот подвиг имеет особое значение, ибо именно русские люди спасли евреев от полного физического истребления гитлеровскими захватчиками. <...>
<...> Только самоотверженный труд там, куда направят нас партия и правительство, великий вождь советского народа И. В. Сталин позволит смыть это позорное и тяжкое пятно <...>	<...> Только самоотверженный труд там, куда пошлют нас партия, правительство, родной и любимый товарищ И. В. Сталин, позволит нам вновь ощутить себя... полноценными членами гражданами Великой Родины.
<...> Лишь честным и самоотверженным трудом евреи смогут доказать свою преданность Родине, великому и любимому товарищу Сталину <...>	<...> Лишь честным, самоотверженным трудом каждый советский еврей может доказать свою преданность Родине, великому и любимому товарищу И. В. Сталину <...>

Но «еврейское письмо» собственного изготовления это только остров в раскинувшемся в мемуарах Этингера море манипуляций фактами, разнообразных ошибок и просто ляпсусов. Перечислить их полностью в рамках статьи невозможно, да и нет в этом особой необходимости. Однако без воспроизведения наиболее характерных из них, думается, не обойтись.

Так вот, со ссылкой на свидетельство Булганина, как на дрожжах разросшегося с десяти строчек текста с момента первой апелляции к нему Этингера в 1993 г. до нескольких страниц в 2001 г., утверждает-ся, что «на совещании в начале декабря 1952 г. Сталин прямо сказал, что “каждый еврей в Советском Союзе – это националист, агент американской разведки. Еврейские националисты – а все они националисты – думают, что еврейскую нацию облагодетельствовали США. Вот почему они считают своим долгом помогать американским империалистам»». Далее, уже от себя, Этингер дополняет: «Спустя много лет “Независимая газета” 29 сентября 1999 г. опубликовала выдержки из дневника сталинского министра В. А. Малышева, который после совещания у Сталина 1 декабря 1952 года записал примерно те же слова. Очевидно, речь шла об одном и том же заседании, на котором присутствовали и Н. А. Булганин и В. А. Малышев»⁴⁰.

Да, 1 декабря 1952 г. в Кремле состоялось, но, уточним, не совещание, а расширенное заседание Президиума ЦК КПСС, на котором действительно присутствовал Малышев, правда, не «сталинский министр», а заместитель председателя Совета министров СССР. Установить, принимал ли участие в заседании Булганин, не представляется возможным – официальных протоколов в архивах не обнаружено. О заседании том, собственно, и стало известно только благодаря дневниковой записи Малышева, в которой наряду с прочим были зафиксированы следующие высказывания Сталина по «еврейскому вопросу»: «Любой еврей-националист – это агент американской разведки. Еврей-националисты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т. д.). Они считают себя обязанными американцам. Среди врачей много евреев-националистов»⁴¹.

Спрашивается, чему верить? Дневниковой записи Малышева, подлинность которой не вызывает сомнения, или очередной порции воспоминаний Этингера о беседах с Булганиным, которая странным образом доводится до сведения читателей в виде вариации уже опубликованного и известного? Хотя ответ тут очевиден, все же продолжим сравнительный текстуальный анализ. После сопоставления того, что реально сказал 1 декабря 1952 г. Сталин (и следом записал Малышев), с тем, что опубликовал со ссылкой на Булганина Этингер,

становится очевидным, что, хотя на первый взгляд эти тексты почти одинаковы, они диаметрально противоположны по смыслу. Ясно, что говоря об агентах американской разведки, Сталин имел в виду, конечно, не поголовно всех советских евреев, а только «евреев-националистов». Вот почему подлинное, но противоречившее концепции о тотальной депортации евреев свидетельство Малышева не было воспроизведено в мемуарах Этингера, а взамен там оказался ловко смонтированный и вложенный в уста Булганина парафраз.

Впрочем, в некоторых случаях Этингеру и не надо было прибегать к подобным приемам. Достаточно было просто процитировать уже введенное в научный оборот сомнительное по происхождению, но зато «подходящее» по содержанию «историческое свидетельство». Именно таковым оказался фрагмент из мемуаров А. И. Микояна, в котором тот, вспоминая о разговоре с Л. М. Кагановичем, сетовавшим на задание Сталина организовать подготовку «еврейского письма» (что действительно имело место!), резюмировал этот сюжет явно выбивавшейся из контекста и как будто специально досочиненной задним числом фразой: «Это было за месяц или полтора до смерти Сталина – готовилось “добровольно-принудительное” выселение евреев из Москвы»⁴².

Интуиция в данном случае не подвела автора. В августе 2003 г. к нему по электронной почте обратился живший в Германии историк С. А. Мадиевский (1931–2007), сообщивший о состоявшемся по телефону разговоре между ним и С. А. Микояном, выпустившим в 1999 году книгу воспоминаний А. И. Микояна⁴³. В качестве пояснения Серго Микоян тогда заявил Мадиевскому, что «в сохранившихся диктовках его отца этой фразы (о “добровольно-принудительном” выселении евреев из Москвы. – Г. К.) нет, и он вписал ее, потому что отец ему о такой акции говорил». Соответствует ли действительности это заверение – остается только догадываться. Точнее, сомневаться, поскольку на вопрос Мадиевского, от кого А. И. Микоян, не общавшийся со Сталиным с конца 1952 г., мог узнать о предстоявшей «акции», Серго Микоян не ответил. Более того, для него стало откровением, что в воспоминаниях тех, кто, напротив, встречался с вождем вплоть до его последних дней – Хрущева, Шепилова и др. – нет даже намек на возможность депортации евреев. Прощаясь, С. Микоян пообещал представить соответствующее разъяснение, чего, к сожалению, так и не исполнил⁴⁴.

Когда осенью 2002 г. пишущий эти строки опубликовал в журнале российской еврейской общины «Лехаим» результаты своего анализа мифотворчества Этингера⁴⁵, тот, не признавая выдвинутых против

него обвинений, ответил тем, что обнаружил новые «доказательства» своей правоты. Парируя упрек в голословности утверждения о «формировании в начале 1953 г. железнодорожных эшелонов для депортации евреев», он пытался оправдаться тем, что соответствующие документы МПС были позже уничтожены, что якобы подтверждается «свидетельством» сына Ерашова. Однако оказалось, что тот, кто был назван сыном умершего в 1999 г. прозаика, таковым не являлся. На самом деле то был его пасынок, некто В. А. Либерман. Когда-то тот возглавлял московское бюро международной правозащитной организации «Объединение комитетов в защиту евреев в бывшем Советском Союзе» (UCSJ), но уже давно там не работал. И хотя потом он подтвердил сказанное им ранее Этингеру, вместе с тем, так и не смог вспомнить, когда и от кого узнал об уничтожении выше упомянутых документов МПС, притом, что сам, как оказалось, никакого отношения к ним не имел⁴⁶.

Между тем, в феврале 2007 г. автору позвонила живущая ныне в Бостоне (США) В. Я. Темкина, дочь арестованного в конце 1952 г. «кремлевского врача» Я. С. Темкина, которая сообщила, что она сама и ее муж неоднократно слышали от их родственника, руководившего управлением движения МПС СССР, что в феврале-марте 1953 г. в Московском железнодорожном узле никакой концентрации подвижного состава не отмечалось.

От первого лица

Когда в конце 1980-х – начале 1990-х гг. я, делая первые шаги в изучении прошлого советского еврейства, профессионально погрузился в фонтанировавший тогда поток информации о преступлениях Сталина и из этих обличений узнал о его тайном плане «окончательного решения еврейского вопроса» посредством депортации, то не сомневался в его достоверности. Этому во многом способствовал царивший в то время в обществе антисоветский идейно-политический настрой. Однако первые ростки скепсиса по поводу реальности этого «плана» появились уже в 1993-м, после публикации в «Литературной газете» интервью с тогдашним руководителем Государственной архивной службы России Р. Г. Пихоя, которого со ссылкой на «свидетельство Н. А. Булганина» (только что «вброшенное» в исторический дискурс Этингером) спросили: правда ли, что Сталин принял перед смертью решение о массовой депортации евреев, и к Москве «уже начали подгонять десятки железнодорожных эшелонов?». На что

последовал краткий, но достаточно определенный ответ: «Таких документов я не видел»⁴⁷.

Разумеется, отсутствие документов о каком-либо событии не всегда означает, что таковое вообще не происходило. И потому в своей книге 1994 г. «В плену у красного фараона» я смог выразить лишь надежду на то, что загадка депортации когда-нибудь будет раскрыта⁴⁸. В чем-то такая позиция, быть может, была чрезмерно осторожной и даже перестраховочной. Ведь в том же году, за несколько месяцев до выхода упомянутой книги, была опубликована документальная повесть А. М. Борщаговского «Обвиняется кровь». В ней известный писатель, кстати, объявленный в 1949 г. одним из предводителей «банды безродных космополитов» и на себе познавший, что такое сталинский антисемитизм на практике, вполне определенно отрицал возможность осуществления Сталиным депортации: «...ничем не ограниченный диктатор самой могущественной военной державы, не в силах, однако, осуществить депортацию (здесь и далее разрядка Борщаговского. – Г. К.) евреев, выдворить, вытолкать их... Ссылка, депортация евреев страны... мифологический, близкий к фантастике образ вождельний и тайных замыслов Сталина дополнительный мотив ненависти из-за сознания невыполнимости его мечты»⁴⁹. Более того, не поддавшись провокационной магии расплодившихся к тому времени фальшивок, Борщаговский совершенно точно передал основное содержание реального «еврейского письма» в «Правду» (хотя никогда его не видел, считая несохранившимся), а также очень убедительно предположил, что никто иной как сам Сталин незадолго до смерти отверг затею с ним⁵⁰. Однако это правильное, как подтвердилось, суждение было результатом интуитивно-психологического осмысления проблемы, своего рода художественного прозрения, что, как известно, не равнозначно научному анализу фактов. И потому в 1994 году еще не было полной уверенности в корректности этой жидившейся на интуитивной прозорливости точки зрения.

Момент истины наступил в начале 1997 г., когда после обнаружения в Архиве Президента Российской Федерации одного из вариантов подлинного обращения представителей еврейской общечественности в редакцию «Правды», оно было опубликовано в журнале «Источник»⁵¹. Благодаря рассекречиванию этого важного документа сомнения исчезли, и возникло убеждение в том, что выселение советским евреям не грозило. Однако «твердые» сторонники депортационной версии, наоборот, отнеслись к той публикации чрезвычайно болезненно, восприняв ее как нечто опасное, разрушавшее их представления о сталинском прошлом. Особенно

эмоциональной была реакция литературоведа и специалиста по творчеству И. Г. Эренбурга Б. Я. Фрезинского, опубликовавшего объемную статью под красноречивым заголовком «Не подставляйте уши – лапша из “Источника”»⁵². Объективности ради надо отметить, что с тех пор Фрезинский несколько изменил свое отношение к тому документу. Во всяком случае, он больше не считает его фальшивкой, «сфабрированной госбезопасностью», дабы скрыть подготовку депортации евреев, хотя, как и прежде уверен, что Сталин ее все же «замышлял»⁵³. Впрочем, в этом Фрезинский не оригинален, повторяя не поддающееся проверке казуистическое утверждение известного журналиста А. И. Ваксберга, который под напором неопровержимых фактов также ревизовал свою старую мифологему о еврейской депортации (появилась в печати в том же 1993 г., что и изложенная версия Этингера, совпадая с ней во всех деталях описания⁵⁴). Вынужденно признавая ныне, что «готового к реализации проекта» этой акции не существовало, Ваксберг, тем не менее, утверждает, что она присутствовала в мозгу у Сталина в виде некоего «замысла»⁵⁵. По сути, Ваксберг продолжает хранить верность легенде о депортации, что наглядно проявилось в снятом (по его сценарию) в 2003 г. документальном фильме-исследовании «Реприза», полном различных фальсификаций*.

Второй прорыв сквозь завалы мифологем о депортации произошел в мае 1997 г. на международной конференции в католическом университете Айхштетта (Германия). Предпринятое мною на этом научном форуме развенчание устоявшейся легенды вызвало оживленную дискуссию. Возникшая полемика была столь отстрой и бескомпромиссной, что, несмотря на сугубо научный характер этой конференции, ей уделили внимание ведущие немецкие газеты⁵⁶. Благодаря такой авторитетной «рекламе» материалы конференции⁵⁷ оказались в центре внимания научной общественности Германии, прежде всего того ее сегмента, который так или иначе связан с еврейской общиной в этой стране. Несомненно, под влиянием этих материалов известный немецкий литератор и общественный деятель Арно Люстигер (почетный председатель Сионистской организации Германии, бывший узник Освенцима и Бухенвальда) включил в опубликованную им в 1998 г. «Красную книгу: Сталин и евреи» следующее важное сужде-

* См.: Костырченко Г. В. «Реприза» – на арене истории. О новом документальном фильме А. Ваксберга // Лехаим. 2004. № 2. С. 46–57 (www.lechaim.ru); «История – наука точная...» (интервью с Г. Костырченко) // Вести-2 (Израиль). 2004. 4 марта.

ние: «Поскольку до сих пор не существует никаких документальных доказательств планирования массовой депортации советских евреев, которая согласно многим высказываниям предстояла в начале 1953 г., подобные утверждения впредь до того, как будет доказано обратное, должны рассматриваться как слухи или легенды». А недавно этот авторитетный автор в интервью польской газете «Rzecz Pospolita» отметил несостоятельность тезиса о том, что политика Сталина в отношении евреев – не доведенный до конца Холокост⁵⁸.

Самое главное, что под влиянием развернувшейся на конференции дискуссии скорректировали свою позицию даже те, кто раньше безоговорочно поддерживал точку зрения Я. Я. Этингера и его единомышленников. В число таковых входил, собственно, и устроитель конференции в Айхштетте немецкий политолог и историк Л. Люкс. Если раньше он, ссылаясь без тени сомнения на введенные Этингером «доказательства», утверждал, что советским вариантом решения «еврейского вопроса» должна была стать подготовленная Сталиным депортация, то в статье 1999 г. вынужден был о том же самом говорить всего лишь как об одной из дискуссионных версий развития событий. Впрочем, на большее Люкс не решился, продолжая, как и прежде, механически уподоблять Сталина Гитлеру и туманно рассуждать о том, что оба тоталитарных диктатора считали своих соратников неспособными реализовать ими задуманное, и потому, уходя с политической сцены, должны были и действовать одинаково. При этом он давал понять, что проживи советский вождь несколько дольше, он непременно повторил бы Холокост, учиненный в свое время его германским «коллегой». Понимая, впрочем, что подобные гипотетические спекуляции ничего не стоят без конкретных доказательств, Люкс вынужден был уповать на то, что они будут обнаружены когда-нибудь в будущем, чего, как известно, так и не произошло⁵⁹.

По крайней мере, от части прежних заблуждений избавился упоминавшийся американский биограф И. Эренбурга Рубенстайн. В предисловии к переизданному в США на английском языке сборнике документов «Неправедный суд, последний сталинский расстрел...» он, отходя от прежней непоколебимой уверенности в том, что только смерть Сталина предотвратила полностью подготовленное выселение евреев, употребил более осторожные формулировки в том смысле, что в начале 1953 г. все оставалось неопределенным, хотя многое указывало на то, что диктатор планировал эту акцию, и что он колебался⁶⁰. Примерно такую же неопределенную позицию заняли и авторы вышедшей сначала во Франции, а потом и в России «Черной книги коммунизма», в которой превалирует разоблачитель-

ный пафос, не всегда, как известно, находящийся в ладах с правдой истории. Понимая абсурдность приписывания Сталину намерений, не подкрепленных бесспорными доказательствами, они вместе с тем явно не готовы и откеститься от старой и привычной депортационной версии. Отсюда и столь расплывчатый и межеумочный вывод: «В настоящее время в связи с труднодоступностью Архива Президента Российской Федерации, где хранятся самые секретные и, видимо, самые “неудобные” (для кого? – Г. К.) сведения, нет возможности доподлинно установить существовал ли план массовой высылки евреев в начале 1953 года»⁶¹.

Иную позицию – активную и деятельную, занял уже упоминавшийся историк Мадиевский. Выходец из бывшего СССР, он первоначально примыкал к сторонникам депортационной версии. Однако после Айхштеттской конференции решил на самостоятельное расследование по существу возникшей на ней полемики. Для этого он провел детальные интервью с основными участниками той дискуссии, а потом, научно систематизировав аргументационно-источниковую базу каждого из них, подготовил и широко опубликовал (более чем в двадцати печатных изданиях Европы, США, Израиля и России) пространную информационно-аналитическую статью. И хотя этому педантичному и очень осторожному в оценках ученому так и не удалось прийти к однозначному выводу в пользу той или иной стороны, тем не менее, он вынужден был констатировать, что все контрдоводы, выдвинутые после конференции сторонниками депортационной версии, оказались научно не состоятельными⁶².

Еще более категорично – полностью отрицая подготовку депортации – обозначили в конце 1990-х – начале 2000-х гг. свое отношение к легенде Солженицын и бывший советский диссидент Ж. А. Медведев⁶³. То же самое можно сказать и о многих других, менее известных непрофессиональных историках, в том числе не проживающих в России, таких как В. Балан, И. Кременецкий, В. Люлечник (США), И. Коршевер (Израиль) и др.⁶⁴. Скептическое отношение к мифу о депортации выразил и руководитель российского научно-просветительского центра «Холокост» И. А. Альтман⁶⁵. Даже такие, непреклонные в недавнем прошлом единомышленники Я. Я. Этингера, как известные в Израиле ученый Л. Дымерская-Цигельман и непрофессиональный историк Ф. Лясс⁶⁶ не так давно пришли к выводу, что «ряд факторов, исключающих возможность открытой этнической экзекуции, какой не могла не стать массовая депортация евреев, делают ее маловероятной (разбивка в тексте. – Г. К.)»⁶⁷.

Подводя итог, приходишь к выводу, что все так называемые конкретные доказательства («свидетельства» Н. Н. Полякова, Н. А. Булганина, «еврейское письмо» с просьбой к властям о переселении и пр.), на которых зиждилась депортационная версия, либо сфальсифицированы, либо носят сомнительный характер. В активе сторонников этой версии ныне остается разве что разнородная масса противоречивых и эмоциональных слухов, которые не поддаются верификации. Однако эти слухи свидетельствуют лишь о том, что в послевоенном СССР под воздействием официального антисемитизма в еврейской среде возникали депортационные фобии, причем по мере усиления гонений эти они приобретали почти апокалиптический накал. Утверждать, что подобные слухи могут служить фактическим подтверждением конкретной подготовки Сталина депортации не позволяют не только принципы научно-исторического исследования, но и просто здравый смысл. Ибо все разговоры о том, что готовилась средневековая по жестокости казнь арестованных евреев на Красной площади, огромными тиражами печаталась пропагандистская литература, обосновывающая необходимость депортации, составлялись списки на выселение, происходила концентрация подвижного состава, предназначенного для транспортировки евреев в Сибирь, где для них возводились бараки и целые концлагеря, и т. п., – все это не более, чем домыслы, хотя они и были растиражированы падкой на историческую сенсацию печатью.

Ясно, что родившись на рубеже 1940–1950-х гг. легенда о депортации дожила до наших дней, и поныне принимаясь немалым количеством людей за чистую монету, не только потому, что была спровоцирована глубоко поразившим национальную ментальность постхолокостным синдромом, но и потому, что после смерти Сталина она стала широко использоваться в межблоковой психологической войне, в том числе и в инициированном в 1970-е гг. сионистском пропагандистском проекте «большой алии» (еврейской эмиграции) из СССР.

К счастью, исторические заблуждения – вольные или невольные – не могут длиться вечно. Взбаламученная социальными катаклизмами река новейшей отечественной истории постепенно входит в нормальное научное русло. Поток знаний о прошлом уже перестает вспениваться от сенсаций и громких разоблачений, приобретая аналитическую размеренность и фактологическую прозрачность. Благодаря научной дискуссии последнего десятилетия миф о депортации, хотя еще и не полностью развеян, тем не менее, сильно поколеблен. Для многих ее участников становится все более очевидным, что нелепые выдумки о несостоявшемся «втором Холокосте» дискредитируют реальные страдания еврейского народа, которые тому пришлось претерпеть в

XX веке, только девальвируют трагедию настоящего Холокоста. Современные спекуляции на генетических страхах евреев серьезно осложняют налаживание их нормальной общинной жизни в России.

Впрочем, многое позволяет смотреть в будущее с оптимизмом. Если в недавнем прошлом практически во всех энциклопедиях подготовка Сталиным депортации подавалась как реальный факт, то теперь такого единодушия не существует. Скажем, в сверхпопулярной сетевой «свободной энциклопедии» «Википедия» в статье «дело врачей» на равных изложены точки зрения как сторонников, так и противников легенды. А в не так давно изданной Ассоциацией народных университетов еврейской культуры «Истории еврейского народа в контексте мировой истории. События, имена, культурные достижения» вообще отсутствует какое-либо упоминание о так называемой депортации⁶⁸.

Все это позволяет надеяться на то, что в данном конкретном случае полное торжество исторической правды уже не за горами.

ДОКУМЕНТЫ

Проект обращения еврейской общественности в «Правду» (1-я редакция)

29 января 1953 г.

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г. М.

Представляю Вам отредактированный текст письма в редакцию газеты «Правда».

Н. Михайлов
Д. Шепилов
29 января 1953 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ПРАВДЫ»

Разоблачение шпионской банды врачей-убийц М. Вовси, В. Виноградова, М. Когана, П. Егорова, А. Фельдмана, Я. Эттингера, А. Гринштейна, Г. Майорова раскрыло перед советским народом, перед всеми честными людьми мира чудовищное преступление этих врагов, действовавших под маской «ученых».

Продавшиеся американо-английским поджигателям войны, эти выродки ставили перед собой цель путем вредительского лечения

сокращать жизнь активным деятелям Советского Союза. Врачи-преступники лишили жизни выдающихся деятелей Советского государства А. А. Жданова и А. С. Щербакова. Террористическая шпионская шайка под видом лечения пыталась вывести из строя руководящие военные кадры Советской Армии, рассчитывая таким путем подорвать оборону страны.

Вместе со всем советским народом, со всеми передовыми людьми мира мы клеймим позором эту клику убийц, этих извергов рода человеческого.

Большинство из разоблаченных преступников – еврейские буржуазные националисты, завербованные международной сионистской организацией «Джойнт» – филиалом американской разведки, Не случайно англо-американские империалисты ухватились за еврейских буржуазных националистов-сионистов. Еврейские миллиардеры и миллионеры в США давно уже поставили созданную ими сеть сионистских буржуазно-националистических организаций на службу самым реакционным силам американского империализма, превратили сионистские организации в центры международного шпионажа и диверсий.

Пытаясь ввести в заблуждение общественное мнение, прикрывая свою шпионскую роль, главари сионизма изображают империалистическую Америку «другом» евреев. Но кто же не знает, что в действительности США является каторгой для еврейских трудящихся, угнетаемых самой жестокой машиной капиталистической эксплуатации. Кто не знает, что именно в этой стране процветает самый разнуданный расизм и в том числе антисемитизм. Восхваляя своих американских хозяев, сионисты на деле с головой выдают трудящихся евреев американскому капиталу.

У главарей сионизма нет иных целей, кроме целей, продиктованных агрессивным американским империализмом. Эти главари сионизма превратили государство Израиль в плацдарм американских агрессоров и навязали израильским трудящимся двойной гнет – американского и еврейского капитала. По заданию американской и английской разведок сионисты создают террористические диверсионные группы в Советском Союзе и в странах народной демократии. Используя сионистов, американские империалисты пытались уничтожить завоевания народно-демократической Чехословакии.

Весь мир знает, что народы Советского Союза и прежде всего великий русский народ своей самоотверженной героической борьбой спасли человечество от ига гитлеризма, а евреев – от полной гибели и уничтожения. В наши дни, когда англо-американские империалис-

ты пытаются ввергнуть мир в новую войну, когда великое движение за мир против войны охватывает все народы и все нации, советский народ идет в первых рядах борцов за мир, твердо отстаивая дело мира в интересах всего человечества.

Первые в истории в Советском Союзе создали такой строй, который не знает национального гнета, основан на подлинном братстве народов, больших и малых. Вместо национальной ненависти и былой вражды между народами у нас в стране полностью восторжествовала справедливость и искренняя дружба между народами. Впервые в истории трудящиеся евреи обрели свободную, радостную жизнь, возможность безграничного развития в любой области труда и творчества.

Только буржуазно-националистические отщепенцы и вырожденки, только люди без чести и совести, продавшие свою душу и тело империалистам, стремятся сорвать великие завоевания народов, освободившихся от национального гнета.

Вместе с тем нельзя не отметить, что среди некоторых элементов еврейского населения нашей страны еще не изжиты буржуазно-националистические настроения. Еврейские буржуазные националисты—сионисты, являясь агентами англо-американского империализма, всячески разжигают эти настроения. Они пытаются всеми мерами подогреть и раздуть среди советских граждан еврейского происхождения чувство национальной обособленности, пытаются породить национальную вражду к русскому народу и другим народам Советского Союза. Они стремятся подавить у евреев сознание высокого общественного долга советских граждан, хотят превратить обманутых ими евреев в шпионов и врагов русского народа и тем самым создать почву для оживления антисемитизма, этого страшного пережитка прошлого. Но русский народ понимает, что громадное большинство еврейского населения является другом русского народа. Никакими ухищрениями врагам не удастся подорвать доверие советских евреев к русскому народу, не удастся рассорить их с великим русским народом.

Каждый честный трудящийся еврей должен активно бороться против еврейских буржуазных националистов, этих отъявленных врагов еврейских тружеников. Нельзя быть патриотом своей Советской Родины и бойцом за свободу национальностей не ведя самой непримиримой борьбы против всех форм и проявлений еврейского национализма. Повысить бдительность, разгромить и до конца выкорчевать буржуазный национализм — таков долг трудящихся евреев — советских патриотов, сторонников свободы народов.

Группа врачей-убийц разоблачена. Сорвана еще одна из коварных ставок англо-американского империализма и его сионистской агентуры. Как все советские люди мы требуем самого беспощадного наказания преступников. Мы уверены в том, что это требование выражает мысли и чувства всех трудящихся евреев и будет единодушно поддержано ими.

Будем же и впредь вместе со всем советским народом с еще большей энергией и самоотверженностью укреплять нашу Советскую Родину, бороться за дружбу народов, за мир во всем мире против поджигателей войны.

ДРАГУНСКИЙ Д. А., полковник дважды Герой Советского Союза; КРЕЙЗЕР Я. Г., генерал-полковник, Герой Советского Союза; ХАРИТОНСКИЙ Д. Л., сталевар завода «Серп и молот»; КАГАНОВИЧ Л. М., Герой Социалистического Труда, Депутат Верховного Совета СССР; БРИКСМАН М. Н., председатель колхоза имени Ворошилова Кунцевского района Московской области; ВОЛЬФКОВИЧ С. И., академик, лауреат Сталинской премии; РЕЙЗЕН М. О., Народный артист СССР, лауреат Сталинской премии; ВАННИКОВ Б. Л., член ЦК КПСС, дважды Герой Социалистического Труда; ЭРЕНБУРГ И. Г., лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами»; ЛИПШИЦ М. Я., заслуженный врач РСФСР; ЛАНДАУ Л. Д., академик, лауреат Сталинской премии; МАРШАК С. Я., писатель, лауреат Сталинской премии; РОММ М. И., кинорежиссер, Народный артист СССР, лауреат Сталинской премии; МИНЦ И. И., академик, лауреат Сталинской премии; РАЙЗЕР Д. Я., министр строительства предприятий тяжелой индустрии СССР; ЛАВОЧКИН С. А., конструктор, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии; ЦЫРЛИН А. Д., генерал-полковник инженерных войск; ЧУРЛИОНСКАЯ О. А., врач; ДУНАЕВСКИЙ И. И., композитор, Народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии; РАЙХИН Д. Я., преподаватель школы № 19 г. Москвы; ЛАНДСБЕРГ Г. С., академик, лауреат Сталинской премии; ФАЙЕР Ю. Ф., дирижер, Народный артист СССР, лауреат Сталинской премии; ГРОССМАН В. С., писатель; ГУРЕВИЧ М. И., конструктор, лауреат Сталинской премии; КРЕМЕР С. Д., генерал-майор танковых войск, Герой Советского Союза; АЛИГЕР М. И., писательница, лауреат Сталинской премии; ТРАХТЕНБЕРГ И. А., академик; НОСОВСКИЙ Н. Э., директор Коломенского завода тяжелого станкостроения; ОЙСТРАХ Д. Ф., заслуженный деятель

искусств РСФСР, лауреат Сталинской премии; КАГАНОВИЧ Мария, председатель ЦК союза рабочих швейной и трикотажной промышленности; ВУЛ Б. М., член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; ЛИВШИЦ С. В., начальник цеха завода «Красный пролетарий», лауреат Сталинской премии; ПРУДКИН М. И., Народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии; СМИТ-ФАЛЬКНЕР М. Н., член-корреспондент Академии наук СССР; ЛАНЦМАН И. М., инженер, начальник цеха завода «Машиностроитель»; ГИЛЕЛЬС Э. Г., заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Сталинской премии; РОЗЕНТАЛЬ М. М., профессор, доктор философских наук; БЛАНТЕР М. И., композитор, лауреат Сталинской премии; ТАЛМУД Д. Л., член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; ЯМПОЛЬСКИЙ А. И., рабочий вагоноремонтного завода им. Войтовича; РУБИНШТЕЙН М. И., доктор экономических наук; РОГИНСКИЙ С. З., член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; КАССИЛЬ Л. А., писатель, лауреат Сталинской премии; МЕЙТУС Ю. С., композитор, лауреат Сталинской премии; ХАВИНСОН Я. С., журналист; ЛЕЙДЕР А. Г., инженер, начальник конструкторского бюро по механизации 1-го Господшипникового завода; ЧИЖИКОВ Д. М., член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; ВЕЙЦ В. И., член корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; ФИХТЕНГОЛЬЦ М. И., лауреат Всесоюзных и Международного конкурсов музыкантов – исполнителей; КОЛТУНОВ И. Б., инженер, заместитель начальника цеха 1-го Господшипникового завода; ЕРУСАЛИМСКИЙ А. С., профессор, доктор исторических наук, лауреат Сталинской премии; ГЕЛЬФОНД А. О., член-корреспондент Академии наук СССР; МЕССЕРЕР С. М., заслуженная артистка РСФСР, лауреат Сталинской премии; ШАПИРО Б. С., рабочий – наладчик 2-го часового завода; ЗОЛОТАРЬ К. И., зав. отделом народного образования Кировского района г. Москвы; БРУК И. С., член-корреспондент Академии наук СССР; СМИРИН М. М., доктор исторических наук, лауреат Сталинской премии.

Материал по указанию тов. Маленкова лично передан 29.01. тов. Кагановичу Л. М.

Архив. 2 февраля 1953 г.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 25. Д. 504. Л. 173–179, 187. Подлинник.

Проект обращения еврейской общественности в «Правду» (2-я редакция)

20 февраля 1953 г.

Товарищу МИХАЙЛОВУ Н. А.

Представляю Вам исправленный текст проекта письма в редакцию газеты «Правда».

Д. Шепилов
20 февраля 1953 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ПРАВДЫ»

В настоящем письме мы считаем своим долгом высказать волнующие нас чувства и мысли в связи со сложившейся международной обстановкой. Мы хотели бы призвать еврейских тружеников в разных странах мира вместе с нами поразмыслить над некоторыми вопросами, затрагивающими жизненные интересы евреев.

Есть люди, которые, выдавая себя за «друзей» и даже за представителей всего еврейского народа, заявляют, будто у всех евреев существуют единые и общие интересы, будто все евреи связаны между собою общей целью. Эти люди — сионисты, являющиеся пособниками еврейских богачей и злейшими врагами еврейских тружеников.

Каждый трудящийся человек понимает, что еврей еврею рознь, что нет, и не может быть ничего общего между людьми, добывающими себе хлеб собственным трудом, и финансовыми воротилами.

Следовательно, два лагеря существуют среди евреев — лагерь тружеников и лагерь эксплуататоров, — угнетателей трудящихся. Непроходимая пропасть разделяет тех и других. Евреи-труженики кровно заинтересованы в том, чтобы вместе со всеми трудящимися, со всеми прогрессивными силами укреплять дело мира, дело свободы и демократии. Мы знаем, что в лагере борцов против поджигателей войны активную роль играют также представители еврейских трудящихся.

Что же касается еврейских промышленных и банковских магнатов, то они идут по другому пути. Это путь международных авантур и провокаций, шпионажа и диверсий, путь развязывания новой мировой войны. Война нужна еврейским миллиардерам и миллионерам, как и богачам других национальностей, ибо она служит для них источником огромных барышей. Политика, проводимая еврейскими

богачами, глубоко враждебна жизненным интересам еврейских тружеников. Она чревата для еврейских тружеников гибельными последствиями.

Где же тут общий путь, где же тут «единство» и общий интерес всех евреев, о котором так много твердят мнимые «друзья» евреев — сионисты. Прикрываясь лицемерными словами об «общем пути», «общем интересе» евреев, главари государства Израиль позволяют себе утверждать, будто они выражают интересы всех евреев. Но давайте разберемся в том, кого в действительности представляют правители государства Израиль, кому они служат. Разве не факт, что в Израиле всеми благами жизни пользуется лишь кучка богачей, в то время как подавляющее большинство еврейского и арабского населения терпит огромную нужду, лишения, влачит полунищенское существование. Разве не факт, что правители Израиля навязали израильским трудящимся двойной гнет — еврейского и американского капитализма.

Выходит, что государство Израиль, как и любое буржуазное государство в любой части мира, — это царство эксплуатации народных масс, царство наживы для кучки богачеев. Выходит, что правящая клика Израиля представляет не еврейский народ, состоящий в своем большинстве из тружеников, а еврейских миллионеров, связанных с монополистами США. Это и определяет всю политику нынешних израильских главарей. Они превратили государство Израиль в орудие развязывания новой войны, в один из аванпостов лагеря поджигателей войны. Государство Израиль на деле стало плацдармом американской агрессии против Советского Союза и всех миролюбивых народов.

Только недавно все честные люди мира были потрясены вестью о взрыве бомбы на территории миссии СССР в Тель-Авиве. Фактическим организатором и вдохновителем этого взрыва являются нынешние правители Израиля. Играя с огнем, они усиливают напряженность в мировой обстановке, созданную американско-английскими поджигателями войны.

Далее, интересы каких евреев отстаивает международная сионистская организация «Джойнт», являющаяся филиалом американской разведки? Как известно, недавно в СССР разоблачена шпионская группа врачей-убийц. Преступники, среди которых большинство составляют еврейские буржуазные националисты, завербованные «Джойнтом» — М. Вовси, М. Коган, Б. Коган, А. Фельдман, Я. Этингер, А. Гринштейн — ставили своей целью путем вредительского лечения сокращать жизнь активным деятелям Советского Со-

юза, вывести из строя руководящие кадры Советской Армии и тем самым подорвать оборону страны. Только люди без чести и совести, продавшие свою душу и тело империалистам, могли пойти на такие чудовищные преступления.

Совершенно ясно, что главари государства Израиль, главари «Джойнта» и других сионистских организаций выполняют волю зарвавшихся еврейских империалистов и тех, кто является их подлинными хозяевами. Ни для кого не секрет, что хозяева эти — американские и английские миллиардеры и миллионеры, жаждущие крови народов во имя новых прибылей.

Мы, нижеподписавшиеся, отвергаем смехотворные претензии бен-гурионов, шаретов и прочих поджигателей войны на представительство интересов еврейского народа. Мы глубоко убеждены в том, что даже те еврейские труженики, которые до сих пор верили в мнимую общность всех евреев, поразмыслив, присоединятся к нашей оценке подлинной сущности политики еврейских богачей и их пособников.

Превратив государство Израиль в американскую вотчину, главари сионизма изображают империалистическую Америку «другом» евреев, а против Советского Союза — поборника мира и равноправия народов — ведут кампанию клеветы и ненависти. Разберемся и в этом вопросе.

Кто не знает, что в действительности США являются каторгой для еврейских трудящихся, угнетаемых самой жестокой машиной капиталистической эксплуатации. Кто не знает, что именно в этой стране процветает самый разнузданный расизм и в том числе антисемитизм. Кто, наконец, не знает, что антисемитизм составляет также отличительную черту тех фашистских клик, которые повсеместно поддерживаются империалистами США.

Вместе с тем всему миру известно, что народы Советского Союза и прежде всего великий русский народ своей самоотверженной героической борьбой спасли человечество от ига гитлеризма, а евреев — от полной гибели и уничтожения. В наши дни советский народ идет в первых рядах борцов за мир, твердо отстаивая дело мира в интересах всего человечества.

В Советском Союзе осуществлено подлинное братство народов, больших и малых. Впервые в истории трудящиеся евреи вместе со всеми трудящимися Советского Союза обрели свободную, радостную жизнь.

Не ясно ли, что легенда об империалистической Америке, как «друге» евреев, является сознательной фальсификацией фактов. Не

ясно ли также, что только заведомые клеветники могут отрицать прочность и нерушимость дружбы между народами СССР.

Враги свободы национальностей и дружбы народов, утвердившейся в Советском Союзе, стремятся подавить у евреев сознание высокого общественного долга советских граждан, хотят превратить евреев в шпионов и врагов русского народа и тем самым создать почву для оживления антисемитизма, этого страшного пережитка прошлого. Но русский народ понимает, что громадное большинство еврейского населения в СССР является другом русского народа. Никакими ухищрениями врагам не удастся подорвать доверие еврейского народа к русскому народу, не удастся рассорить нас с великим русским народом.

У трудящихся евреев всего мира — один общий враг. Это — империалистические угнетатели, на услужении которых находятся реакционные заправилы Израиля, а также шпионы и диверсанты — всякие вовси, коганы, фельдманы и т. п. У трудящихся евреев всего мира одна общая задача — вместе со всеми миролюбивыми народами защищать и укреплять дело мира и свободы народов. Нельзя отставивать жизненные права еврейских тружеников в странах капитала, нельзя быть подлинным бойцом за дело мира и свободы народов, не ведя борьбы против еврейских миллиардеров и миллионеров и их сионистской агентуры.

Кровный интерес трудящихся евреев состоит в том, чтобы крепить дружбу с трудящимися людьми всех национальностей. Чем крепче союз трудящихся всех национальностей, тем прочнее дело мира и демократии.

Пусть все труженики евреи, которым дорого дело мира и демократии, объединят свои усилия и выступают единым широким фронтом против авантюристической политики еврейских миллиардеров и миллионеров, главарей Израиля и международного сионизма.

Учитывая важность сплочения всех прогрессивных сил еврейского народа, а также в целях правдивой информации о положении трудящихся евреев в разных странах, о борьбе народов за укрепление мира, мы считали бы целесообразным издание в Советском Союзе газеты, предназначенной для широких слоев еврейского населения в СССР и за рубежом.

Мы уверены, что наша инициатива встретит горячую поддержку всех трудящихся евреев в Советском Союзе и во всем мире.

ВОЛЬФКОВИЧ С. И., академик, лауреат Сталинской премии;
ДРАГУНСКИЙ Д. А., полковник, дважды Герой Советского Союза;

ЭРЕНБУРГ И. Г., лауреат Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами»; КРЕЙЗЕР Я. Г., генерал-полковник, Герой Советского Союза; ХАРИТОНСКИЙ Д. Л., сталевар завода «Серп и молот»; КАГАНОВИЧ Л. М., член ЦК КПСС; РЕЙЗЕН М. О., народный артист СССР, лауреат Сталинской премии; ВАННИКОВ Б. Л., член ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда; ЛАНДАУ Л. Д., академик, лауреат Сталинской премии; МАРШАК С. Я., писатель, лауреат Сталинской премии; РОММ М. И., кинорежиссер, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии; МИНЦ И. И., академик, лауреат Сталинской премии; РАЙЗЕР Д. Я., министр строительства предприятий тяжелой индустрии СССР; ЛАВОЧКИН С. А., конструктор, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии; ЦЫРЛИН А. Д., генерал-полковник инженерных войск; ЧУРЛИОНСКАЯ О. А., врач; ДУНАЕВСКИЙ И. И., композитор, народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии; БРИСКМАН М. Н., председатель колхоза имени Ворошилова Кунцевского района Московской области; РАЙХИН Д. Я., преподаватель школы № 19 г. Москвы; ЛАНДСБЕРГ Г. С., академик, лауреат Сталинской премии; ФАЙЕР Ю. Ф., дирижер, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии; ГРОССМАН В. С., писатель; ГУРЕВИЧ М. И., конструктор, лауреат Сталинской премии; КРЕМЕР С. Д., генерал-майор танковых войск, Герой Советского Союза; МЕЙТУС Ю. С., композитор, лауреат Сталинской премии; АЛИГЕР М. И., писательница, лауреат Сталинской премии; ТРАХТЕНБЕРГ И. А., академик; НОСОВСКИЙ Н. Э., директор Коломенского завода тяжелого станкостроения; ОЙСТРАХ Д. Ф., заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Сталинской премии; КАГАНОВИЧ Мария, председатель ЦК союза рабочих швейной и трикотажной промышленности, ЛИПШИЦ М. Я., заслуженный врач РСФСР, ВУЛ Б. М., член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; ЛИВШИЦ С. В., начальник цеха завода «Красный пролетарий», лауреат Сталинской премии; ПРУДКИН М. И., народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии; СМИТ-ФАЛЬКНЕР М. Н., член-корреспондент Академии наук СССР; ЛАНЦМАН Н. М., инженер, начальник цеха завода «Машиностроитель»; ГИЛЕЛЬС Э. Г., заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Сталинской премии; РОЗЕНТАЛЬ М. М., профессор, доктор философских наук; БЛАНТЕР М. И., композитор, лауреат Сталинской премии; ТАЛМУД Д. Л., член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; ЯМПОЛЬСКИЙ А. И., рабочий вагоноремонтного завода

им. Войтовича; РУБИНШТЕЙН М. И., доктор экономических наук; РОГИНСКИЙ С. З., член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; КАССИЛЬ Л. А., писатель, лауреат Сталинской премии; ХАВИНСОН Я. С., журналист; ЛЕЙДЕР А. Г., инженер, начальник конструкторского бюро по механизации 1-го Господшипникового завода; ЧИЖИКОВ Д. М., член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; ВЕЙЦ В. И., член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; ФИХТЕНГОЛЬЦ М. И., лауреат всесоюзных и международных конкурсов музыкантов-исполнителей; КОЛТУНОВ И. Б., инженер заместитель начальника цеха 1-го Господшипникового завода; ЕРУСАЛИМСКИЙ А. С., профессор, доктор исторических наук, лауреат Сталинской премии; ГЕЛЬФОНД А. О., член-корреспондент Академии наук СССР; МЕССЕРЕР С. М., заслуженная артистка РСФСР, лауреат Сталинской премии; ШАПИРО Б. С., рабочий-наладчик 2-го часового завода; ЗОЛОТАРЬ К. И., зав. отделом народного образования Кировского района г. Москвы; БРУК С. И., член-корреспондент Академии наук СССР; СМИРИН М. М., доктор исторических наук, лауреат Сталинской премии; ЛОКШИН Э. Ю., кандидат экономических наук; ШАФРАН А. М., главный зоотехник районного отдела сельского хозяйства Ленинского района Московской области, Герой Социалистического Труда⁶⁹.

В архив. 16 марта [19]53 г.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 25. Д. 504. Л. 159–168. Подлинник.

И. Г. ЭРЕНБУРГ – И. В. СТАЛИНУ

3 февраля 1953 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович,

Я решаюсь Вас побеспокоить только потому, что вопрос, который я не могу сам решить, представляете мне чрезвычайно важным.

Тов. Минц и Маринин сегодня ознакомили меня с проектом «Письма в редакцию газеты «Правда» и предложили мне его написать. Я считаю моим долгом изложить мои сомнения и попросить Вашего совета.

Мне кажется, что единственным радикальным решением еврейского вопроса в нашем социалистическом государстве является полная ассимиляция, слияние людей еврейского происхождения с народами,

среди которых они живут. Это срочно необходимо для борьбы против американской и сионистской пропаганды, которая стремится обособить людей еврейского происхождения. Я боюсь, что коллективное выступление ряда деятелей советской культуры, людей, которых объединяет только происхождение, может укрепить в людях колеблющихся и не очень сознательных националистические тенденции. В тексте «Письма» имеется определение «еврейский народ», которое может ободрить националистов и смутить людей, еще не осознавших, что еврейской нации нет.

Особенно я озабочен влиянием такого «Письма в редакцию» на расширение и укрепление мирового движения за мир. Когда на различных комиссиях, пресс-конференциях и пр. ставился вопрос, почему в Советском Союзе больше не существует еврейских школ или газет на еврейском языке, я отвечал, что после войны не осталось очагов бывшей «черты оседлости», и что новые поколения советских граждан еврейского происхождения не желают обособляться от народов, среди которых они живут. Опубликование «Письма», подписанного учеными, писателями, композиторами и т. д., может раздуть отвратительную антисоветскую пропаганду, которую ведут теперь сионисты, бундовцы и другие враги нашей Родины.

С точки зрения прогрессивных французов, итальянцев, англичан и пр., нет понятия «еврей» как представитель некой национальности, слово «еврей» там означает религиозную принадлежность, и клеветники могут использовать «Письмо в редакцию» для своих низких целей.

Я убежден, что необходимо энергично бороться против всяческих попыток воскресить или насадить еврейский национализм, который при данном положении неизбежно приводит к измене Родине. Мне казалось, что для этого следует опубликовать статью или даже ряд статей, подписанных людьми еврейского происхождения, разъясняющих роль Палестины, американских буржуазных евреев и пр. С другой стороны, я считал, что разъяснение, исходящее от редакции «Правды» и подтверждающее преданность огромного большинства тружеников еврейского происхождения Советской Родине и русской культуре, может справиться с обособлением части евреев и с остатками антисемитизма. Мне казалось, что такого рода выступления могут сильно помешать зарубежным клеветникам и дать хорошие доводы нашим друзьям во всем мире.

Вы понимаете, дорогой Иосиф Виссарионович, что я сам не могу решить эти вопросы и поэтому я осмелился написать Вам. Речь идет о важном политическом акте, и я решаюсь просить Вас поручить одному из руководящих товарищей сообщить мне – желательно ли опублико-

вание такого документа и желательна ли под ним моя подпись. Самой собой разумеется, что если это может быть полезным для защиты Родины и для движения за мир, я тотчас подпишу «Письмо в редакцию».

С глубоким уважением.
И. ЭРЕНБУРГ

Поступило 10 октября [19]53 с дачи И. В. Сталина.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 32. Д. 17. Л. 100–100 об. Подлинник.

Примечания

¹ Еврейский антифашистский комитет у М. А. Сулова (Из воспоминаний Е. И. Долицкого) / Публикация А. Вайсберга // Звенья. Исторический альманах, вып. 1. М., 1991. С. 537–546; Шатуновская Л. А. Жизнь в Кремле. Нью-Йорк, 1982. С. 335–339.

² Jewish Chronicle. July 29, 1949; November 23, 1951; May 9, 1952; Советско-израильские отношения. Сб. документов. 1941–1953. В 2-х тт. М., 2000. Т. 1. Кн. 2. С. 85, 86, 107, 130–131, 192–193, 199–200, 337–339; Независимая газета. 1999. 5 октября.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 25. Д. 504. Л. 130.

⁴ Аллилуева С. И. Только один год. М., 1990. С. 135.

⁵ Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 290.

⁶ С конца 1980-х гг. появилось множество исследований и документальных публикаций по теме депортаций народов СССР. Ознакомление с ними не оставляет никаких сомнений в том, что всем этим акциям, проводившимся в Советском Союзе с середины 1930-х гг., предшествовало издание той или иной директивы (указа Президиума Верховного Совета СССР, постановлений ГКО, Политбюро, СНК, Совмина СССР и т.д.). Вот несколько примеров.

Калмыкия. В начале 1943 г. территория этой советской автономной республики на юге России была очищена от гитлеровцев, после чего началось восстановление ее народного хозяйства и мирной жизни. Но 27 декабря по воле Сталина Калмыцкая АССР ликвидируется и осуществляется депортация почти 92 тыс. калмыков, огульно обвиненных в пособничестве врагу. То, что эта масштабная репрессивная акция готовилась и, причем, во исполнение предварительной директивы центра, ясно из рапорта Л. П. Берии, руководившего «операцией» на месте. 2 января 1944 г. он докладывал Сталину: «В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета и постановлением СНК от 28 октября 1943 г. НКВД СССР осуществлена операция по переселению лиц калмыцкой национальности в восточные районы» (Коммунист. 1991, № 3. С. 102).

Отсюда вывод: поскольку этот рапорт составлялся по горячим следам «акции», в нем никоим образом не могла фигурировать директива, составленная постфактум и датированная задним числом.

Чечено-Ингушская АССР. 31 января 1944 г. ГКО утвердил постановление о выселении чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР. 21 февраля последовал соответствующий приказ НКВД СССР. И только 23 февраля началась сама депортация.

Крым. 9 мая 1944 г. советскими войсками был освобожден г. Севастополь и весь Крым. 10 мая Берия направляет Сталину от имени НКВД СССР «проект решения Государственного комитета обороны о выселении всех татар с территории Крыма». 11 мая на основании этого проекта принимается постановление ГКО за № 5859сс. А сама «операция» проводится 18–19 мая. (Бугай Н. Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 32–44; Коммунист. 1991, № 3. С. 101–112; История СССР. 1991. № 1. С. 143–160).

⁷ Рапорт Я. Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. М., 1988. С. 70–71.

⁸ Аронсон Г. Еврейский вопрос в эпоху Сталина // Книга о русском еврействе. Минск, 2002. С. 168.

⁹ Le Monde, April 17, 1956; Авторханов А. Загадка смерти Сталина (Заговор Берия). М., 1992. С. 89–90.

¹⁰ Гроссман В. С. Все течет. // Октябрь 1989. № 6. С. 35, 37, 38.

¹¹ Липкин С. И. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. М., 1990. С. 32.

¹² Medvedev Roy A. Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism. N.Y., 1971. P. 615; Медведев Р. А. К суду истории. Генезис и последствия сталинизма. Нью-Йорк, 1974. С. 1001.

¹³ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Т. 1. Ч. 1. Париж, 1973. С. 102; Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т. 5. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Ч. 1,2. М., 1991. С. 74.

¹⁴ Antonov-Ovseyenko A. The Time of Stalin: Portrait of Tyranny. N.Y. 1981. P. 290, 291.

¹⁵ Геллер М. Я., Некрич А. М. Утопия у власти. М., 2000. С. 510.

¹⁶ Емельянов В. Н. Однобокий интернационализм или Сталинизм – это азиатский способ производства (1988 г.). Интернет-версия. 1999 г. www.rus-sky.

¹⁷ Карпов В. В. Генералиссимус. Историко-документ. изд. В 2 тт. Калининград, 2002. Т. 2. С. 12–13.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 319.

¹⁹ Goldberg B. Z. The Jewish Problem in the Soviet Union. Analysis and Solution. N.Y., 1961. P. 177–188.

- ²⁰ Gilboa Y. *The Black Years of Soviet Jewry. 1939–1953*. Boston, 1971.
- ²¹ Шапиро Л. *Коммунистическая партия Советского Союза*. Firenze, 1975. С. 747; Levin N. *The Jews in the Soviet Union since 1917. Paradox of Survival*, vol. 2. N.Y., 1987. P. 548; Gitelman Z. *A Century of Ambivalence. The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present*. N.Y., 1988. P. 239; Ro'i Y. *Soviet Decision Making in Practice. The USSR and Israel 1947 – 1954*. New Brunswick, 1980. P. 349; интересно, что в монографии Я. Рои приводятся выдержки из доклада посла Израиля в Москве М. Намира, сообщавшего в феврале 1950 г. в Тель-Авив, что гонения, которым подвергли советские власти евреев, являются «главным источником слухов о депортации всех евреев в другие регионы» (Р. 349); Pinkus B. *The Jews of the Soviet Union. The History of a National Minority*. N.Y., 1988. P. 180, 193.
- ²² Rapoport L. *Stalin's War against the Jews. The Doctor's Plot and the Soviet Solution*. N.Y., 1990. P. 167; Rapoport L. *Hammer, Sichel, Davidstern. Judenverfolgung in der Sowjetunion*. Berlin, 1992. S. 129; Rubenstein J. *Tangled Loyalties. The Life and Times of Ilya Ehrenburg*. N.Y., 1996. P. 273–276; *Union of Soviet Socialist Republics: Encyclopedia Britannica, 1996* (компьютерная версия); *Краткая еврейская энциклопедия*. Т. 8 / Гл. ред. И. Онен, Н. Прат и др. Иерусалим, 1996. С. 255–256.
- ²³ Бракман Р. Я. *Секретная папка Иосифа Сталина. Скрытая жизнь*. / Пер. в англ. (*The Secret File of Joseph Stalin*. London: Frank Cass & Co Ltd, 2001). – М., 2004. С. 459, 468.
- ²⁴ Рапопорт Я. Л. Указ. соч. С. 67–68.
- ²⁵ Сахаров А. Д. *Воспоминания // Знамя*. 1990. № 12. С. 33.
- ²⁶ Ерашов В. П. *Коридоры смерти. Историко-фантастическая хроника*. Рассказы. М., 1990. С. 291–326.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 757. Л. 95; *Книга о русском еврействе. 1917–1967*. Минск, 2002. С. 348.
- ²⁸ *Источник*. 1991. № 1. С. 144–145. Каверин В. А. *Эпилог. Мемуары*. М.: Московский рабочий, 1989. С. 316–320.
- ²⁹ Звенья. *Исторический альманах*. Вып. 1. С. 535–554.
- ³⁰ Боров Ю. В. *Сталиниада. Мемуары по чужим воспоминаниям с историческими анекдотами и размышлениями автора*. Иркутск, 1992. С. 403–408.
- ³¹ Шейнис З. С. *Провокация века*. М., 1992. С. 107.
- ³² Этингер Я. Я. *К сорокалетию «дела врачей»*. // *Еврейская газета*. 1993. № 4 (91); Ваксберг А. И. *Нераскрытые тайны*. М., 1993. С. 293–294; Айзенштат Я. И. *О подготовке Сталиным геноцида евреев*. Иерусалим, 1994. С. 61–80. Лясс Ф. М. *Последний политический процесс Сталина или несостоявшийся геноцид*. Иерусалим, 1995. С. 109–124 и др.
- ³³ Этингер Я. Я. *Это невозможно забыть... Воспоминания*. М., 2001. С. 234.
- ³⁴ *Медицинская газета*. 1988. 20 июля.

- ³⁵ *Наука и жизнь*. 1990. № 1. С. 126–129; Звенья. *Исторический альманах*. Вып. 1. С. 559.
- ³⁶ *Русская мысль*. 1993. 15 января; *Еврейская газета*. 1993. № 4 (91), № 5 (92).
- ³⁷ Etinger Ya. *The Doctor's Plot: Stalin's Solution to the Jewish Question // Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union / ed. by Ya. Ro'i*. – Tel-Aviv, 1995. P. 103–124.
- ³⁸ *Еврейский мир* (N.Y.). 1999. 11 марта; *Известия*. 2001. 9 января.
- ³⁹ Этингер Я. Я. *Это невозможно забыть... С. 122–123*; Ерашов В. П. Указ. соч. С. 293–295.
- ⁴⁰ Этингер Я. Я. Указ. соч. С. 104.
- ⁴¹ *Источник*. 1997. № 5. С. 140–141.
- ⁴² Этингер Я. Я. Указ. соч. С. 124.
- ⁴³ Микоян А. И. *Так было. Размышления о минувшем*. / Подг. С. А. Микояном. М., 1999.
- ⁴⁴ *Электронное письмо С. А. Мадиевского Г. В. Костырченко от 29 августа 2003 г.* Архив автора.
- ⁴⁵ *Лехаим*. 2002. № 9. С. 23–37.
- ⁴⁶ См подробнее: Костырченко Г. В. *Документы на страже правды истории. Открытое письмо Я. Я. Этингеру*. // *Лехаим*, 2002. № 11. С. 49–53.
- ⁴⁷ *Литературная газета*. 1993. 28 апреля.
- ⁴⁸ Костырченко Г. В. *В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие*. М., 1994. С. 361.
- ⁴⁹ Борщаговский А. М. *Обвиняется кровь. Документальная повесть*. М, 1994. С. 35–36.
- ⁵⁰ «Трафаретным и рутинным был замысел письма: осудить преступников, «убийц в белых халатах», проклясть евреев-врачей, ставших на путь террора, устами единокровных твердо заявив, что эти злодеи и отщепенцы чужды советскому еврейству, как никогда преданному партии и великому Сталину. Зловещая резкость, с которой оборвалась эта затея в феврале 1953 года, внезапность запрета публикации... говорили о том, что остужающий и сердитый окрик раздался с самого верха. Сталин не принял привычного подарка, изъявления любви и верности на крови очередных «врагов народа»» (Борщаговский А. М. Указ. соч. С. 380).
- ⁵¹ *Источник*. 1997. № 1. С. 141–146.
- ⁵² *Невское время* (СПб). 1997. 6 июня; См. также: Фрезинский Б. Я. *Помутневший «Источник», или о чем просили евреи Сталина*. // *Литературная газета*. 1997. 26 июля.
- ⁵³ Фрезинский Б. Я. *Комментарий // Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь*. В 3-х тт. / Подг. Б. Я. Фрезинским. М., 2005. Т. 3. С. 486.
- ⁵⁴ Ваксберг А. И. *Нераскрытые тайны*. М., 1993. С. 293–294.
- ⁵⁵ Ваксберг А. И. *Из ада в рай и обратно. Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну*. М., 2003. С. 419.

⁵⁶ Ssddeutsche Zeitung, 15 Mai 1997; Frankfurter Allgemeine Zeitung, 21 Mai 1997.

⁵⁷ Der Spätstalinismus und die «Jüdische Frage». Zur antisemitischen Wendung des Kommunismus / Hrsg. von L. Luks. Köln, 1998.

⁵⁸ Lustiger A. Rotbuch: Stalin und die Juden: Die tragische Geschichte des Jüdischen Antifaschistischen Komiteés und der sowjetischen Juden. Berlin, 1998. S. 263; Еврейское слово. 2008. № 28 (398). С. 7.

⁵⁹ Luks L. Auch Stalin plante eine «Lösung der jüdischen Frage» // Allgemeine Jüdische Wochenzeitung. 1993. 18 März; Его же. Еврейский вопрос в политике Сталина // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 41–59.

⁶⁰ Неправедный суд, последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. / Отв. ред. В. П. Наумов. М., 1994; Stalin's Secret Pogrom. The Postwar Inquisition of the Jewish Anti-Fascist Committee / Ed. by Y. Rubenstein and V. Naumov. New Naven, London, 2001. P. 62.

⁶¹ Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. Пер. с франц. М., 1999. С. 236.

⁶² Русская Германия (ФРГ). 1999. 23–29 августа. № 33; Лехаим (Россия). 2001. № 1 (105). С. 51–53 и др.

⁶³ Солженицын А. И. Двести лет вместе. Ч. 2. М., 2002. С. 404; Медведев Ж. А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М., 2003. С. 273–276.

⁶⁴ Еврейский мир (N.Y.). 1998. 4 июня. № 9 (315); 1999. 6 мая. № 57 (363); Еврейский камертон // Новости недели (Израиль). 2000. 30 марта; Вестник (США). 2000. № 10 (243); Люлечник В. К истории письма о депортации евреев. Год 1953 // Форвертс (США). 2006. № 542.

⁶⁵ Альтман И. А. О депортации 1953 г. // Новый век. 2002. № 2. С. 107–112.

⁶⁶ См.: Лясс Ф. М. Последний политический процесс Сталина или несостоявшийся геноцид. Иерусалим, 1995. С. 110–114.

⁶⁷ Электронная версия опубликованной в начале 2005 г. статьи Ф. Лясса и Л. Дымерской-Цигельман, присланная последней автору.

⁶⁸ История еврейского народа в контексте мировой истории. События, имена, культурные достижения. / Сост. С. Августевич, А. Рыбаков, Л. Внукова, В. Дворянов. М.: Еврейский мир, 2001.

⁶⁹ В том, как под первой и второй редакциями «Письма» были обозначены подписанты – очередность следования фамилий, идентификационные характеристики (профессии, должности, почетные звания) – имелись некоторые различия. Они были обусловлены тем что, когда была составлена первая редакция, к ней был подверстан предложенный Агитпропом ЦК КПСС в качестве «проекта» список «кандидатов в подписанты». Только потом началось составление реального подписного листа (хранится в РГАНИ: Ф. 5. Оп. 25. Д. 504. Л. 180–186), который отражал фактическую последовательность сбора подписей, включал исправленные при согласовании с подписантами тексты их идентификаций. Он, собственно, и был воспроизведен под второй редакцией «Письма».

Указатель имен

- Абакумов В. С. – 148, 211, 234
Абрамович Р. А. – 34
Аврелий Марк – 119
Агранов Я. С. – 61
Аграновский А. А. – 225
Айзенштадт (Железнова) М. С. – 195, 234
Айзенштадт Я. И. – 339
Аксельрод З. М. – 45
Аксенов Ю. С. – 8
Александр I – 29
Александр II – 24, 30
Александр III – 32
Александров Г. Ф. – 62
Алигер М. И. – 167
Аллилуев П. С. – 149
Аллилуева (Сталина) С. И. – 150, 156
Аллилуева А. С. – 151
Аллилуева Е. А. – 149
Альтер В. – 85
Альтман И. А. – 11, 362
Альтман И. Л. – 125, 127
Альтшулер М. – 13
Аманжолова Д. А. – 11
Андерс В. – 86
Андреев А. А. – 109
Андреев Е. Е. – 145
Андрианов В. М. – 59
Антокольский М. М. – 34
Антонов-Овсеенко А. В. – 8, 339, 352
Анцелович Н. М. – 56
Аполлонов А. Н. – 185
Арбатов Г. А. – 306
Аристов А. Б. – 265
Арканов – 101
Аронес Ф. Л. – 198
Аронсон Г. Я. – 32, 314, 335
Ахматова (Горенко) А. А. – 117, 224
Аш (Асех) Ш. – 84
Бабель И. Э. – 186
Бадаев А. Е. – 95
Бакунин М. А. – 24
Балан В. М. – 362
Балашов П. С. – 230
Барашко И. М. – 155
Бару И. В. – 224
Бахмутский А. Н. – 199
Белан Р. В. – 237
Бельнская Л. – 15
Бельнская Л. С. – 235
Бельнский М. С. – 182, 194
Беликов В. В. – 104
Белинков А. В. – 107
Белкин М. И. – 187
Белкин Р. – 219
Белов А. М. – 249
Белов Ф. И. – 254
Белогорский-Вайсберг Б. Л. – 104
Бельский Л. Н. – 61
Бельченко С. С. – 161
Бен-Гурион (Грин) Д. – 270
Бергельсон Д. Р. – 88, 182
Бердяев Н. А. – 79
Берия Л. П. – 85
Берлин Л. Б. – 258, 261
Берман М. Д. – 56, 61
Берман-Юрин К. Б. – 64
Берсенева И. Н. – 126
Благман Г. Ф. – 261
Блатин А. Я. – 225
Блиндерман В. М. – 187
Блинов А. С. – 185
Блюмкин И. М. – 235
Боборыкин П. Д. – 23
Бовкун-Луганец И. Т. – 154
Боерволд П. – 312
Болеславский – 230
Большаков И. Г. – 102
Бондаренко Ф. П. – 104
Бордадын А. Ф. – 64

Бордюгов Г. А. – 9
Борев Ю. В. – 350
Бородин (Грузенберг) М. М. – 230
Борщаговский А. М. – 125, 301, 359
Бочков В. М. – 94
Бояджиев Г. Н. – 125, 130
Бранзбург И. Ф. – 199
Брегман С. Л. – 98, 182
Бредников В. – 238
Брежнев Л. И. – 265
Бриккер З. А. – 98
Броверман Я. М. – 152
Бровман Г. А. – 136
Бронтман Л. К. – 220
Бронштейн Я. А. – 41
Брохин З. С. – 200
Брускин А. Д. – 56
Бубеннов М. С. – 125, 226
Булганин Н. А. – 159, 242, 353, 356,
363
Буренков М. – 268
Бусалов А. А. – 253
Бухарин Н. И. – 147
Бызов А. П. – 186
Быков Р. Д. – 214
Быховский А. И. – 194
Бэрн С. У. – 12

Вагнер Р. – 52
Вайнштейн А. И. – 41
Вайсберг А. – 352
Ваксберг А. И. – 360
Валленберг Р. – 154
Ванников Б. Л. – 56, 214
Варга Е. С. – 64
Варшавский Я. Л. – 125
Василевский Л. П. – 91
Василенко В. Х. – 248
Вассерман Л. Ш. – 198
Ватенберг И. С. – 183, 309
Ватенберг-Островская Ч. С. – 183
Вдовиченко В. Г. – 134

Вейцер И. Я. – 36
Вейцман Х. – 84
Векслер М. Б. – 101
Вергелис А. А. – 195
Веселовский А. Н. – 122
Вехтер Г. – 55
Вигдорова Ф. А. – 225
Викторова Р. К. – 242
Вильк Н. Л. – 260
Виноградов В. Н. – 263, 364
Вишневыский В. В. – 134
Власик Н. С. – 131
Вовси М. С. – 241, 258, 266, 364
Вовси Х. М. – 261
Вознесенский Н. А. – 184, 251
Войтинская О. С. – 104
Волин А. А. – 191
Волков А. П. – 185
Волковысский В. А. – 86
Вольтер Ф. – 119
Ворошилов К. Е. – 265, 336
Ворошилова Е. Д. (Горбман
Голда) – 166
Восленский М. С. – 8
Врангель П. Н. – 36
Вышинский А. Я. – 87, 271

Галкин С. З. – 45
Гамалея Н. Ф. – 182
Гаркуша В. Н. – 247
Гарриман А. – 395
Геббельс Й. – 77
Гегель Г. – 119
Гедике А. Ф. – 101
Гейдрих Р. – 43
Геллер М. Я. – 8, 339
Гельштейн Э. М. – 241, 260
Герценберг Е. Я. – 261
Герцль Т. – 90
Герцович – 63
Гершберг С. Р. – 220
Геселевич А. М. – 241

Гессен Ю. И. – 29
Гикало Н. Ф. – 231
Гилинский А. З. – 56
Гильбоа Й. – 341
Гиляревский С. А. – 253
Гинзбург Г. Р. – 101
Гинзбург С. З. – 214, 215
Гинцбург – 31
Гительман Ц. – 341
Гитлер А. – 51
Гоглидзе С. А. – 254
Голодод Н. М. – 231
Голубов (Потапов) В. И. – 155
Гольдберг (Вейф) Б. Ц. – 175
Гольдвассер (Эмиот) И. Н. – 198
Гольденберг (Викторов) Я. З. – 220
Гольденвейзер А. Б. – 101
Гольдентрихт С. С. – 230
Гольдман Н. – 318
Гольдштейн И. И. – 149
Гонтарь А. Ю. – 194
Гончаров И. А. – 119
Горбатов Б. Л. – 121
Гордон С. В. – 194, 196
Горелик Э. С. – 151
Гофштейн Ц. – 167
Гребнев Н. – 226
Григулевич И. Р. – 61
Гринберг З. Г. – 149
Гринберг Я. – 108
Гринштейн А. М. – 241
Гришаев П. И. – 189
Громов Г. П. – 191, 237
Гроссман В. С. – 58, 188
Грубиан М. М. – 194
Грушевский М. С. – 139
Губельман М. И. – 182
Губергриц М. М. – 141
Гузенко И. С. – 99
Гузиков Е. М. – 102
Гуральский Я. Я. – 164
Гурвич А. С. – 130

Гуревич Е. З. – 185
Гурко Г. – 131
Гурлянд И. Я. – 34
Гусаров Н. И. – 165
Гусев А. Г. – 199

Дадиомова Ф. И. – 231
Данилов А. А. – 10
Данин (Плотке) Д. С. – 134
Данюшевский С. И. – 215
Двинский Б. А. – 216
Делянов И. Д. – 32
Деникин А. И. – 36
Дер Нистер (Каганович П. М.) –
194

Дехтярь А. Я. – 238
Джонстон Э. – 305
Дзержинский Ф. Э. – 254
Диманштейн С. М. – 41
Димитров Г. М. – 144
Дмитриев Л. Д. – 190
Добросельская М. В. – 230
Добрушин И. М. – 45
Додзин – 230
Долецкий Я. Г. – 222
Долицкий Е. И. – 144, 330
Дорлиак К. Н. – 101
Дорон А. П. – 187
Достоевский Ф. М. – 79
Драйзер Т. – 90
Дубнов С. М. – 34, 85
Дукельский С. С. – 56
Дунец Х. М. – 41
Дымерская-Цигельман Л. – 362
Дымшиц В. Э. – 194, 216

Евнович А. А. – 144
Егноров В. С. – 55
Егоров Б. А. – 248, 260
Егоров М. Н. – 260
Егоров П. И. – 258, 260
Егорова Е. Я. – 233

Ежов Н. И. – 53
Екатерина II – 333
Елисеев И. И. – 247
Емельянов В. Н. – 340
Ерашов В. П. – 344
Ермилов В. В. – 134
Ермолаев Г. – 238
Ершов П. И. – 271
Ефремов Л. Н. – 277

Жаботинский В. Е. – 34
Жарковская Т. С. – 260
Жданов А. А. – 16, 117, 301
Жданов Ю. А. – 261
Жегалова А. К. – 229
Жемчужина (Карповская) П. С. – 56, 277
Жиц Г. М. – 182
Жуковский С. Б. – 61

Задонченко (Зайончик) С. Б. – 214, 218
Закусов В. В. – 260
Залесский В. Ф. – 125
Зальцман И. М. – 214
Зальцман Р. – 89
Занде С. М. – 224
Зарубин В. М. – 90
Зарянов И. М. – 190
Заславский Д. И. – 221, 346
Засосов Р. А. – 260
Збарский Б. И. – 163, 241, 242
Зеленин В. Ф. – 251
Зеликсон Е. Ю. – 225
Зельцер А. – 15
Зельцер Г. Ш. – 238
Землячка (Залкинд) Р. С. – 214
Зингер Б. – 15
Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. – 26
Зощенко М. М. – 117, 121
Зубкова Е. Ю. – 9
Зуева Т. М. – 104

Зускин В. Л. – 39, 162
Ивич А. (Бернштейн И. И.) – 224
Ивич Л. А. – 224
Игнатов Н. Г. – 265
Игнатъев Н. П. – 32
Игнатъев С. Д. – 185
Изаков Б. Р. – 220
Ильин И. А. – 47
Ильичев Л. Ф. – 104, 223
Илясов Н. Ф. – 237
Ингал – 107
Иофан Б. М. – 163
Иофан Марк – 267
Исбах А. – 276
Итин С. М. – 261

Кабалевский Д. Б. – 102
Каверин (Зильбер) В. А. – 346, 352
Каверин Ф. Н. – 126
Каган А. Я. – 194, 196
Каган С. – 337
Каганович Л. М. – 197, 140, 214, 319
Каганович М. М. – 56
Каганович Ю. М. – 214
Каджардузов Г. А. – 260
Каждан В. Б. – 268
Калашников Г. С. – 125
Калигула – 293
Калинин М. И. – 199
Калманович М. И. – 56
Кальм (Кальмеер) Д. С. – 106
Каменев (Розенфельд) Л. Б. – 34
Каменецкий Е. И. – 224
Каминский Г. Н. – 56
Кант И. – 119
Кантер С. П. – 229
Кантор Э. – 90
Каплер А. Я. – 148
Караулов А. В. – 321
Карпай С. Е. – 244
Карпов В. В. – 340
Карриган Д. – 307
Карсавин Л. П. – 120

Картер Дж. – 302
Кауфман И. – 271
Квитко Л. М. – 45
Кедров М. Н. – 126
Кеннан Дж. – 239
Керлер И. Б. – 198
Кипнис И. Н. – 141, 194
Киришон В. М. – 220
Киселев Е. Д. – 311
Кларин – 90
Клиер Дж. – 37
Клюева Н. Г. – 118
Ключевский В. О. – 333
Кляцкин М. М. – 234
Коган Б. Б. – 254, 258
Коган М. А. – 234
Кожевников В. М. – 130, 220
Кожин В. В. – 9, 302
Колобанов П. И. – 348
Колчак А. В. – 36
Кольшев Е. Ф. – 237
Кольцов (Фридлянд) М. Е. – 91, 186
Комаров В. И. – 280
Кондаков Н. И. – 97
Коняхин Н. М. – 188
Копелев Л. З. – 221
Корнблюм А. Э. – 222
Королев Н. А. – 185
Корона М. – 91
Коршевер И. – 362
Косарев А. В. – 186
Коссов Д. Г. – 220
Косыгин Н. А. – 159, 215
Косырев А. Х. – 156
Кот С. – 86
Котляр С. О. – 182
Кочина Ш. М. – 214
Крейзер Я. Г. – 163
Криппс С. – 86
Крон (Крейн) А. А. – 124, 188
Кроткий Э. (Герман Э. Я.) – 223

Круглов Б. А. – 156
Круглов С. Н. – 59
Кружков В. С. – 97
Крупская Н. К. – 49
Крути И. А. – 106
Кузнецов А. А. – 124
Кульбак М. С. – 41
Кунишников П. В. – 254
Куперин И. И. – 253
Купышева Н. Н. – 253
Кутник Э. Г. – 230
Кушниров А. Д. – 45, 195

Лавочкин С. А. – 194
Ланг Г. Ф. – 259
Ласкин Б. С. – 223
Ласкина Е. С. – 228
Лебедев В. Е. – 156
Лебедев П. И. – 126
Лебедеженко В. – 312
Левави А. – 331
Левашов В. В. – 306
Лёвенштайн Р. – 14
Левин Б. С. – 261
Левин Г. Л. – 261
Левин Л. – 84, 313
Левин Н. – 12, 341
Левин Н. Я. – 195, 235
Левин Ф. М. – 134
Левина Р. С. – 64
Левинзон И. Б. – 30
Левит В. С. – 242, 260
Левитан И. И. – 34
Левитин М. Е. – 199
Лейкман М. – 232
Лейтес А. М. – 134
Лемперт Л. О. – 229
Ленин (Ульянов) В. И. – 24
Ленч (Попов) Л. С. – 223
Леонов А. Г. – 183
Леонтьев Я. Л. – 103
Лещинер С. А. – 238

Либерман В. А. – 358
Либерман С. А. – 238
Лившиц С. А. – 224
Лившиц Э. Л. – 235
Липкин С. И. – 337
Лисович В. М. – 234
Литваков М. И. – 41
Литвинов (Валлах) М. М. – 53, 318
Лихачев И. А. – 232
Лихачев М. Т. – 151, 183
Лихачев Н. П. – 26
Лиходеев Л. (Лидес Л. И.). – 226
Ловетт Р. – 314
Лозовский (Дридзо) С. А. – 45, 309
Лойцкер Х. Б. – 194
Локшин Е. С. – 101
Лукацкий А. А. – 215
Лукомский П. Е. – 253
Лурье Н. Г. – 194
Луцкий В. Б. – 222
Лысенко Т. Д. – 64
Любарский А. В. – 229
Люкс Л. – 361
Люлечник В. А. – 362
Люстигер Арно – 360
Лясс Ф. М. – 362

Мадиевский С. А. – 357
Мазель Я. И. – 260
Майоров Г. И. – 263
Майрановский Г. М. – 187
Майский (Ляховецкий) И. М. – 92
Майский И. М. – 84, 144, 277
Макаревич О. Б. – 260
Макаров В. Е. – 185
Маклярский М. Б. – 188, 231
Малкин В. Б. – 250
Мальшев В. А. – 356
Мальгинский Х. И. – 200
Малюгин Л. А. – 125
Мандельштам О. Э. – 35
Манн Т. – 90

Мануильский Д. З. – 319
Маркевич Г. А. – 30
Маркиш П. Д. – 39
Марков А. М. – 251
Маркс К. – 50
Маршак С. Я. – 84, 189
Маршалл Дж. – 397, 314
Масленников В. И. – 263
Матулевич И. О. – 235
Маханов А. И. – 64
Мацкин А. П. – 125
Маяковский В. В. – 183
Медведев Ж. А. – 301
Медведев Р. А. – 99, 338
Меир (Мейерсон) Г. – 166
Мейерхольд В. Э. – 186
Мендельсон М. – 30
Менухин И. – 90
Меркулов В. Н. – 111
Месяцев Н. Н. – 188
Мехлис Л. З. – 94, 215
Миколайчик С. – 161
Микоян А. И. – 276
Микоян С. А. – 276, 318
Миллер Б. И. (Мейлер Б. С.) – 198
Мильштейн С. Р. – 61
Минц И. И. – 273
Минц Я. Г. – 238
Миронов А. Н. – 254
Мирская – 106
Митерев Г. А. – 109
Митин (Гершкович) М. Б. – 346
Михайлов Н. А. – 226, 265
Михайлов П. – 314
Михоэлс (Вовси) С. М. – 39, 43
Мицель М. – 15
Мокроусов Б. А. – 102
Молотов (Скрябин) В. М. – 16, 336
Молочников Н. В. – 149, 160
Моргулис М. Г. – 31
Мордкович Н. М. – 222
Морозов Г. И. – 149

Мостославский П. М. – 234
Мострас К. Г. – 101
Мошковский Ш. Д. – 260
Мясковский Н. Я. – 102
Мясников А. Л. – 262

Назаренко И. Д. – 140
Намир М. – 171, 331
Негай П. М. – 238
Нежный И. В. – 276
Незлин В. Е. – 251, 260
Незлин С. Е. – 260
Некрич А. М. – 8, 339
Немыкин В. В. – 217
Нижегородов А. – 238
Николай I – 29
Никулин Л. В. – 134
Новогрудский Г. С. – 224
Носенко В. И. – 9
Носов С. В. – 236
Нусинов И. М. – 45

Огнецвет Ю. (Каган Э. С.) – 226
Огольцов С. И. – 88, 153, 264
Оксенгорн П. З. – 199
Окуневская Т. К. – 132
Омельченко К. К. – 230
Орлов В. И. – 228
Ортенберг (Вадимов) Д. И. – 94
Оруэлл Дж. – 100

Павлов Б. П. – 224
Павловский С. Г. – 186
Пазовский А. М. – 104
Пайкин Я. М. – 230
Пайпс Р. – 12
Палкин А. Н. – 187
Пальгунов Н. Г. – 229
Панюшкин А. С. – 145
Парнас Я. О. – 182
Пастернак Б. Л. – 35
Патоличев Н. С. – 146

Пащенко – 224
Певзнер М. И. – 241, 258, 261
Пегов Н. М. – 265
Пекелис М. С. – 101
Первенцев А. А. – 125
Первухин М. Г. – 265
Перельмутер Б. Л. – 224
Персин Б. Ю. – 234
Персов С. Д. – 233
Петр Великий – 289
Петров Б. Д. – 59
Пилсудский Ю. – 44
Пинкус Б. – 13, 121, 341
Писаревский Д. С. – 123
Питовранов Е. П. – 185
Пихоя Р. Г. – 10, 358
Платнер А. Х. – 162, 194
Платонов О. А. – 9
Платонов С. Ф. – 26
Плетнев Д. Д. – 252
Поварницын Б. И. – 11
Повзун Н. Ф. – 156
Полевой (Кампов) Б. Н. – 220
Поликарпов Д. А. – 64, 106
Полторанин М. Н. – 321
Поляков Н. Н. – 348
Поляковы – 31
Полянкер Г. И. – 194
Помяловский Н. Г. – 320
Понежевский А. С. – 224
Пономарев Б. Н. – 144
Пономаренко П. К. – 45, 59, 76, 191
Попков П. С. – 251
Попов А. Д. – 126
Попов Г. М. – 59, 146
Попова Н. А. – 260
Попцов О. М. – 322
Поскребышев А. Н. – 109
Поспелов П. Н. – 129
Потемкин В. П. – 63, 66
Потоцкая А. П. – 316
Преображенский Б. С. – 245, 260

Прокофьев В. Н. – 123
Пузин А. А. – 62
Пуришкевич В. М. – 332
Пухлов Н. Н. – 190
Пыжиков А. В. – 10
Пырьев И. А. – 103

Р
Рабинков Г. Б. – 198
Рабинович Д. А. – 106
Рабинович Н. П. – 260
Рабинович С. Х. – 182
Радзинский Э. С. – 9
Райзер Д. Я. – 215
Райзман Ю. Я. – 103
Райк Л. – 187
Райхман Л. Ф. – 186
Рамзин Ф. Б. – 228
Раневская (Фельдман) Ф. Г. – 102
Рапопорт И. Б. – 238
Рапопорт Л. – 342
Рапопорт Я. Л. – 260, 270
Раппапорт Г. М. – 51
Рассыпнинский А. Ф. – 186
Реденс С. Ф. – 150
Редлих Ш. – 13
Рейнберг С. А. – 260
Ренуар Ж. – 90
Риббентроп И. – 54
Робсон П. – 90
Ровинский Л. Я. – 104
Рогов С. М. – 9
Розанов В. В. – 24
Розенберг Дж. Н. – 177, 310
Розенберг С. Г. – 104
Розенберги Джулиус и Этель – 271
Розенгольц А. П. – 56
Розенталь Д. Э. – 105
Розенталь Ф. А. – 302
Розенцвейг Б. И. – 228
Рознер Э. И. – 231
Рои Я. – 13
Ромашов Б. С. – 125

Ромм М. И. – 103
Роскин Г. И. – 118
Росс В. С. – 158
Ростовский С. Н. (Генри Эрнст) – 277
Рохау Л. фон – 51
Рошаль Г. Л. – 51
Рубенштайн Дж. – 342, 361
Рубинштейн А. Г. – 34
Рубинштейн Н. Г. – 34
Рудный – 224
Рузвельт Ф. Д. – 305, 318
Ругенберг А. М. – 200
Рухимович М. Л. – 56
Рыжей П. Л. – 187
Рыжиков Р. И. – 260
Рыклин Г. Е. – 223
Рыхлецкий И. З. – 215
Рюмин М. Д. – 153
Рюриков Б. С. – 123

С
Сабуров М. З. – 265
Савченко С. Р. – 141
Самойлов (Кауфман) Д. С. – 37
Самородницкий Д. Я. – 234
Самосуд С. А. – 104
Сартр Ж.-П. – 336
Сафонов Г. Н. – 191
Сахновский И. Д. – 224
Свердлов А. Я. – 187
Светлов (Шейнкман) М. А. – 111
Селивановский Н. Н. – 185
Сельвинский И. Л. – 106
Семенов (Иванов) В. С. – 346
Сергиев П. Г. – 109
Сикорский В. – 86
Симанович – 228
Симкин Б. – 232
Симонов К. М. – 226
Синклер Э. – 90
Сланский (Зальцман) Р. – 264
Слуцкий А. И. – 218

Слуцкий Б. А. – 198
Слуцкий Б. В. – 185
Слуцкий М. С. – 180
Смирнов Е. И. – 252, 264
Смит У. Б. – 175
Смоляр Г. – 12
Сойфер С. Л. – 212
Сойфертис Л. В. – 104
Сокирко Н. А. – 212
Соколов А. К. – 9, 257
Соколов М. А. – 253
Соколов С. И. – 144
Соколовская Е. А. – 235
Солженицын А. И. – 8, 338
Солодарь Ц. С. – 188
Сонкин Г. А. – 234
Соркин Г. З. – 164
Сорокин Г. А. – 151
Софронов А. В. – 124
Спивак Э. Г. – 141, 194
Спиваковский М. З. – 199
Сталин (Джугашвили) И. В. – 12, 116
Стахурский М. М. – 140
Степанов А. Н. – 94
Столяров Г. А. – 101
Стронг А. Л. – 221
Стронгин Л. И. – 182
Субоцкий Л. М. – 124, 134
Судоплатов П. А. – 243, 301
Суранов С. Н. – 250
Суриц Я. З. – 345
Сурков А. А. – 196
Суров А. А. – 125, 133
Суслин А. Г. – 200
Суслов М. А. – 125, 146, 211, 222
Суцкевер А. – 320
Сучков Ф. – 106

Т
Тагер И. Л. – 260
Таиров (Корнблит) А. Я. – 109
Талалаевский М. А. – 194

Тальми (Тальминовицкий) Л. Я. – 183
Тарасенко В. А. – 319
Тарле Е. В. – 27
Тевосян И. Ф. – 216
Тейтельбаум А. М. – 229
Темкин Я. С. – 254
Темкина В. Я. – 358
Теумин Э. И. – 183
Тимашук Л. Ф. – 247
Типпельскирх В. – 54
Тихонов Н. С. – 106
Товстопалов А. И. – 218
Толстой А. Н. – 79, 81
Топчан А. Б. – 241, 260
Трауберг Л. З. – 103
Третьяков А. Ф. – 264
Трофименко С. Г. – 158
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. – 34
Трумэн Г. – 266, 307
Тубельский Л. Д. – 187
Туган-Барановский М. И. – 23
Тумерман Л. А. – 151
Турмилов А. И. – 64
Тюрин А. К. – 145
Тюркин П. А. – 63

У
Уайз С. – 91, 318
Ульрих В. В. – 191
Уманская М. В. – 224
Уманский К. А. – 84, 91, 318
Успенский А. И. – 61
Утехин Г. В. – 185
Уэллс Орсон – 330

Ф
Фадеев А. А. – 105
Федоров А. Н. – 251
Федотов Г. П. – 24, 46
Фейгель И. И. – 241
Фейнберг С. Е. – 101
Фейхтвангер Л. – 90
Фельдман А. И. – 254, 266
Фельдман Г. – 102
Фельдштейн – 267
Ференс Н. И. – 215
Фефер И. С. – 39, 88

Филиппова Р. Г. – 235
Финкельштейн А. З. – 235
Фиттерман Б. М. – 235
Флавий Иосиф – 120
Фрадкин М. М. – 200
Франк С. Л. – 35
Фрезинский Б. Я. – 360
Фрейд З. – 329
Фридман Н. М. – 200
Фролов Е. П. – 338
Фрумкин А. Н. – 182
Фрумкина М. Я. (Эстер) – 41
Фурман В. Л. – 185

Хавинсон (Маринин) Я. С. – 221,
273, 346
Хавкин М. П. – 68
Хазан Д. М. – 215
Хайкин С. Н. – 182
Хайман Дж. – 312
Халдей Е. А. – 229
Ханна Г. В. – 164
Харел И. – 331
Харик И. Д. – 41
Хаскин С. М. – 261
Хачатурян А. И. – 102
Хейфец Г. М. – 170, 187
Хейфец М. Р. – 250
Хлевнюк О. В. – 9
Хляп С. Р. – 217
Холлоуэй Д. – 271
Холодов (Меерович) Е. М. – 130
Храпченко М. Б. – 52, 101
Хренников Т. Н. – 272
Хрулев А. В. – 151
Хрущев Н. С. – 139, 181
Хуциев М. М. – 120

Цанава (Джанджгава) Л. Ф. – 154

Чаплин Ч. – 90
Чарный М. Б. – 224
Чекменев Е. М. – 43
Чемерисский (Чемеринский) А. И. –
41
Чепцов А. А. – 190

Черваков В. Ф. – 253
Чернышевский Н. Г. – 24
Черчилль У. – 51, 54, 116, 222
Чесноков Д. И. – 266, 339, 343, 351
Чуев Ф. И. – 91, 353

Шагал М. – 161
Шагинян М. С. – 134
Шапиро А. Я. – 267
Шапиро Л. – 341
Шапорин Ю. А. – 102
Шарет (Шертюк) М. – 270, 331
Шаталин Н. Н. – 59
Шатуновская Л. А. – 151, 330
Шафаревич И. Р. – 11
Шварц С. М. – 12, 75
Шварцман Л. Л. – 186
Шверник Н. М. – 191
Шебалин В. Я. – 102
Шевелев М. И. – 214
Шевченко Т. Г. – 78
Шейнин Л. А. – 98, 182
Шейнин Л. Р. – 187
Шейнис З. С. – 230, 345
Шектер Дж. – 302
Шепилов Д. Т. – 123
Шерешевский Н. А. – 260
Шимелиович Б. А. – 88, 110, 173
Шимелиович И. – 173
Шимелиович Ю. – 173
Шимелиович Я. – 173
Шифрин – 63
Шишков В. М. – 174
Шкирятов М. Ф. – 97, 145
Шкловский В. Б. – 225
Шлифер С. М. – 170
Шмаглит Г. Э. – 234
Шмидт А. И. – 234
Шнеер Д. – 13
Шницер И. С. – 261
Шолом-Алейхем
(Рабинович С. Н.) – 89
Шолохов М. А. – 125, 227
Шопенгауэр А. – 119
Шостакович Д. Д. – 102
Штерн Л. С. – 88, 109, 241, 309

Штернберг Я. М. – 194
Штор – 109
Шуб Л. З. – 216
Шубняков Ф. Г. – 111, 156, 185
Шульгин В. В. – 58
Шумаков И. В. – 186
Шумейко Г. В. – 147
Шумяцкий Б. З. – 56

Щербаков А. С. – 79, 83

Эйдинов (Вышедский) А. Ф. – 232
Эйдинов Г. Б. – 214
Эйзенштейн С. М. – 51, 102
Эйнштейн А. – 84, 90, 92, 161, 271
Эйтингон Н. И. – 61, 187
Элиович Л. И. – 230
Эльштейн – 101
Эльшиш В. – 332
Эмдин Г. М. – 229

Эпштейн – 230
Эпштейн З. Х. – 238
Эпштейн Шахно (А. Б.) – 83, 88, 317
Эренбург И. Г. – 79
Эрлих А. И. – 134
Эрлих Г. – 85
Этингер (Ситерман) Я. Я. – 242
Этингер Я. Г. – 241
Эттингер Ш. – 13

Юдин П. А. – 215
Юзефович (Шпинак) И. С. – 174
Юзовский И. И. – 125, 130

Ягода Г. Г. – 56
Яковлев (Хольцман) Б. В. – 134,
225
Якубович М. – 237
Ямпольский А. И. – 101
Ярославский (Губельман) Е. М. – 82

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

- Ф. 7523. Верховный Совет СССР.
Оп. 10. Аппарат Президиума Верховного Совета СССР (1939).
Д. 93.
Ф. 8114. Еврейский антифашистский комитет (ЕАК)
Оп. 1. Документы по основной деятельности (1941–1948).
Д. 20, 903, 910, 916.
Ф. 8131. Прокуратура СССР.
Оп. 27. Документы по основной деятельности (1936–1949).
Д. 973.
Оп. 38. Документы по основной деятельности (1933–1949).
Д. 373.
Ф. 8581. Совинформбюро (1941–1960).
Оп. 2. Документы по основной деятельности.
Д. 167.
Ф. 9401. Народный комиссариат (министерство) внутренних дел СССР.
Оп. 1. Секретариат.
Д. 2894.
Оп. 2. Секретариат НКВД – МВД СССР.
«Особая папка» И. В. Сталина.
Д. 68, 69, 103, 104, 105, 173, 199.
Ф. 9425. Главлит (1939–1953).
Оп. 1. Секретариат.
Д. 12, 299, 326, 391, 399, 403, 602, 711, 732, 747, 830.

Архив Президента Российской Федерации (АП РФ)

- Ф. 3. Политбюро (Президиум) ЦК КПСС.
Оп. 58.
Д. 94, 222.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)

- Ф. 5. Аппарат ЦК ВКП(б) – КПСС.
Оп. 16. Отдел пропаганды и агитации (1948–1956).
Д. 602, 635, 747.
Оп. 25. Техсекретариат Оргбюро (Президиума) ЦК (1949–1953).
Д. 504.
Ф. 89. Коллекция рассекреченных документов.
Перечень 18.
Документы 20, 21, 23.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

- Ф. 17. Центральный комитет ВКП(б) – КПСС.
Оп. 3. Политбюро ЦК ВКП(б) (1919–1952).
Д. 967, 1004, 1009, 1015, 1016, 1027, 1028, 1041, 1051, 1059, 1064, 1065, 1072, 1074, 1077, 1082, 1085, 1089, 1090, 1091, 1096, 1518, 1941.
Оп. 49. Областной комитет ВКП(б) ЕАО.
Д. 3000, 3003, 3004.
Оп. 111. Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии культуры и международных партийных связей (1958–1961).
Д. 899
Оп. 114. Оргбюро и Секретариат ЦК ВКП(б) (1930–1939).
Д. 633, 637, 639, 833, 890, 893, 906.
Оп. 117. Оргбюро и Секретариат ЦК ВКП(б) (1939–1948).
Д. 36, 58, 159, 224, 279, 333, 343, 347, 349, 352, 408, 429, 431, 452, 463, 477, 528, 597, 611, 617, 621, 622, 672, 853, 866, 877, 938, 1020.
Оп. 118. Оргбюро и Секретариат ЦК ВКП(б) (1948–1950).
Д. 20, 35, 39, 56, 143, 153, 229, 290, 310, 333, 339, 345, 353, 397, 404, 428, 562, 580, 615, 639, 695, 714, 720, 750, 752, 780, 839, 851, 853, 854, 897, 919, 922, 925, 931, 932, 945, 952, 968, 969, 991.
Оп. 119. Оргбюро и Секретариат ЦК ВКП(б) (1939–1952).
Д. 12, 57, 66, 100, 106, 107, 111, 118, 147, 228, 211, 216, 228, 254, 452, 662, 724, 862, 895, 917, 1053, 1076.
Оп. 120. Отделы ЦК (1920–1939).
Д. 348.
Оп. 125. Управление пропаганды и агитации (1939–1948).
Д. 35, 63, 75, 85, 90, 123, 124, 126, 127, 136, 158, 175, 190, 193, 203, 216, 235, 285, 310, 316, 340, 383, 384, 405, 565.
Оп. 127. Управление кадров (1939–1949).
Д. 67, 478, 1651, 1670, 1702.
Оп. 128. Отдел международной информации (1944–1950).
Д. 608, 868, 1056, 1057, 1058, 1152.
Оп. 132. Отдел пропаганды и агитации (1948–1953).
Д. 12, 116, 118, 122, 137, 229, 234, 235, 237, 239, 240, 276, 294, 295, 297, 337, 339, 402, 474.
От. 133. Отдел художественной литературы и искусства (1937–1956).
Д. 293, 312, 389.
Оп. 162. Документы Политбюро с грифом «Особая папка» (1923–1952).
Д. 25, 26, 37, 38, 39, 46, 48.
Оп. 163. Материалы к заседаниям Политбюро (1919–1952).
Д. 1206.
Ф. 81. Фонд Л. М. Кагановича.
Оп. 3. Документы по политической и общественной деятельности (1920–1957).
Д. 86, 122, 128, 129.

Ф. 82. Фонд В. М. Молотова.
Оп. 2. Документы по политической и общественной деятельности (1907–1996).

Д. 489, 1012, 1195.

Ф. 83. Фонд Г. М. Маленкова.

Оп. 1. Документы биографического характера.

Д. 3, 5, 9.

Ф. 364. Фонд редакции газеты «Правда».

Оп. 5. Материалы по подготовке публикаций.

Д. 10.

Ф. 558. Фонд И. В. Сталина.

Оп. 11. Документы советского периода (1917–1952).

Д. 807, 1482, 1483.

Ф. 588. Документы по истории России (1885–1985).

Оп. 2. Личные документы государственных деятелей СССР и участников революционного движения.

Д. 136.

Ф. 589. Комиссия (Комитет) партийного контроля.

Оп. 3. Материалы персональных дел.

Д. 5667, 5837, 6188, 6592, 15624.

Ф. 629. Фонд П. Н. Поспелова.

Оп. 1. Документы партийной и общественной деятельности.

Д. 87, 98, 1012.

Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦАФСБ РФ)

Авторская коллекция копий архивных документов за 1948–1953 гг.

– Следственное дело № 2354 С. А. Лозовского, И. С. Фефера и др. в 42 тт. (арх. № Р-3208); 1948–1953 гг.

– Информационные материалы о посланнике Израиля в СССР Г. Меир (1948–1949 гг.).

– Следственное дело М. Е. Вейцман (сестры президента Израиля Х. Вейцмана) (1953 г.)

– Материалы по расследованию «спецоперации» МГБ СССР по ликвидации С. М. Михоэlsa (1953 г.)

Центральный архив Верховного суда Российской Федерации (ЦАВС РФ)

Авторская коллекция копий архивных документов за 1949–1953 гг.

– Материалы судебных процессов и по реабилитации лиц, проходивших по делам «Союза борьбы за дело революции», «Московского автомобильного завода им. Сталина», «Кузнецкого металлургического комбината».

Центральный архив Российской академии медицинских наук

Авторская коллекция копий архивных документов за 1951–1953 гг.

– Биографические материалы на лиц, арестованных в 1952–1953 гг. по «делу врачей» (В. Н. Виноградов и др.).

Архив музея Московского завода им. И. А. Лихачева

Авторская коллекция копий архивных документов за 1951–1953 гг.

– Биографические материалы на лиц, арестованных в 1950–1951 гг. по «делу ЗИС».

Опубликованные источники

Работы российских мыслителей, а также советских партийных и государственных деятелей

Бердяев Н. А. Христианство и антисемитизм // Тайна Израиля. Еврейский вопрос в русской религиозной мысли конца XIX – первой половине XX вв. / Сост. В. Ф. Бойков. СПб., 1993. С. 325–342.

Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. В 2-х тт. М.: Парог, 1992.

Карсавин Л. П. Россия и евреи // Тайна Израиля. Еврейский вопрос в русской религиозной мысли конца XIX – первой половине XX вв. С. 407–431.

Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. – М.-Л.: Госиздат, 1929. – 311 с.

Ленин В. И. Резолюция летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 57.

Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 113–150.

Ленин В. И. О «культурно-национальной» автономии // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 174–178.

Ленин В. И. О национальной программе РСДРП. // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 223–229.

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 255–320.

Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 287–339.

Ленин В. И. Об образовании СССР // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 211–213.

Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356–362.

Ленин В. И. Из письма А. М. Горькому от 15 сентября 1919 г. // Полн. собр. соч. Т. 51. С. 48–49.

Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. М.: Госполитиздат, 1955. С. 408–413.

Мережковский Д. С. Еврейский вопрос как русский // Тайна Израиля. Еврейский вопрос в русской религиозной мысли конца XIX – первой половине XX вв. С. 301–303.

Солженицын А. И. Образованщина // Новый мир. 1991. № 5. С. 28–46.

Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Соч. Т. 2. С. 290–367.

Сталин И. В. Октябрьская революция и национальная политика русских коммунистов // Соч. Т. 5. С. 113–116.

Сталин И. В. Организационный отчет ЦК РКП(б) XIII съезду партии 24 мая 1924 г. // Соч. Т. 6. С. 189–233.

Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм // Соч. Т. 11. С. 333–355.
Сталин И. В. Об антисемитизме. Ответ на запрос Еврейского телеграфного агентства из Америки // Соч. Т. 13. С. 28.

Сталин И. В. О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Соч. Т. 13. С. 29–42.

Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. // Соч. Т. 13. С. 282–379.

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5. М.: Госполитиздат, 1948. – 207 с.

Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. Относительно марксизма в языкознании // Правда. 1950. 20 июня.

Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2. / Под ред. Ю. Г. Фельштинского. – М.: Терра, 1990. – 303 с.

Туган-Барановский М. И. Русская интеллигенция и социализм (по поводу сборника «Вехи») // К лучшему будущему. Сб. социально-философских произведений. М., 1996. С. 51–64.

Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 403–443.

Франк С. Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. 1990. № 4. С. 205–241.

Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–166.

Официальные документальные публикации Российской империи, Советского государства и ЦК ВКП(б) – КПСС

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1. Т. 23. № 17006; Т. 28. № 21547; Собр. 2. Т. 36. № 37684; Т. 40. № 42224.

Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. – 626 с.; Т. 5. М.: Политиздат, 1971. – 701 с.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Т. 7, 8. (1938–1955). – М.: Политиздат, 1985.

Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Т.1. – М.: Госполитиздат, 1961. – 847 с.

Шестнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. – М.-Л.: Госиздат, 1930. – 781 с.

Восемнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1939. – 742 с.

Резолюции XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б). М.: Госполитиздат, 1941. – 23 с.

Публикации документов

Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Вып. 1, 2. – М.: Госполитиздат, 1943, 1945.

Сообщения Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их союзников. Вып. 1, 2. – М.: Госполитиздат, 1944, 1945.

Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы. Вып. 5, 12, 13, 14. – М.: Главпур НК ОП, 1943, 1945.

Евреи и еврейский народ. 1948–1953. Сб. материалов и документов из советской печати. В 3-х тт. (7-и кн.) / Ред. Б. Пинкус. Иерусалим, 1973.

Год кризиса. 1938–1939. Док. и мат. В 2-х тт. / МИД СССР; редкол.: А. П. Бондаренко и др. – М.: Политиздат, 1990.

Уничтожение евреев в СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Сб. документов и материалов / Под ред. И. Арада. – Иерусалим: Яд Ва-Шем, 1991. – 424 с.

Оглашению не подлежит: СССР и Германия. 1939–1941. Документы и материалы / Сост. Ю. Фельштинский. – М.: Моск. рабочий, 1991. – 367 с.

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / ИРИ РАН и др. – М.: Наука, 1992. – 256 с.

«Литературный фронт». История политической цензуры 1932–1946 гг. Сб. док. / Сост. Д. Л. Бабиченко. – М.: Энциклопедия российских деревень, 1994. – 273 с.

Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета / Отв. ред. В. П. Наумов. – М.: Наука, 1994. – 399 с.

Сталинское политбюро в 30-е годы. Сб. документов / Сост. О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. – М.: АИРО – XX, 1995. – 333 с.

Соблазн социализма. Революция в России и евреи / Сост. А. С. Серебренников. – Париж–М.: YMCA-PRESS – Русский путь, 1995. – 523 с.

Еврейский антифашистский комитет. 1941–1948. Документированная история / Под ред. Ш. Редлиха и Г. В. Костырченко. – М.: Международные отношения, 1996. – 414 с.

Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А. Н. Яковлева; сост. Н. Ковалева, А. Коротков, С. Мельчин, Ю. Сигачев, А. Степанов. – М.: МФД, 1998. – 848 с.

Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. (Россия. XX век. Документы) / Сост. В. П. Наумов, Ю. В. Сигачев. – М.: МФД, 1999. – 504 с.

Евреи и русская революция. Материалы и исследования / Ред.-сост. О. В. Будницкий. М., – Иерусалим: Гешарим, 1999. – 479 с.

3 архівів ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ. Спецвипуск. № 3/4 (8/9). – Киев: Сфера, 1998. – 387 с.

Советско-израильские отношения. Сборник документов. 1941–1953. В 2 кн. Кн. 1: 1941 – май 1949 / Под ред. Б. Л. Колоколова, Э. Бенцура и др. – М.: Международные отношения, 2000. – 553 с.

Советско-израильские отношения. Сборник документов. 1941–1953. В 2 кн. Кн. 2: Май 1949–1953 / Под ред. Б. Л. Колоколова, Э. Бенцура и др.: Международные отношения, 2000. – 560 с.

Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х тт. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956. (Россия. XX век. Документы) / Сост. А. Н. Артизов, Ю. В. Сигачев и др. – М.: МФД, 2000. – 503 с.

Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х тт. Т. 2. Февраль 1956 – начало 80-х годов. (Россия. XX век. Документы) / Сост. А. Н. Артизов, Ю. В. Сигачев и др. – М.: МФД, 2003. – 960 с.

Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы / Сост. Е. С. Афанасьева, В. Ю. Афиани, З. К. Водопьянова и др. – М.: РОССПЭН, 2001. – 808 с.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / Сост. О. В. Хлевнюк, Й. Горлицки, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая и др. – М.: РОССПЭН, 2002. – 656 с.

Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 (Россия. XX век. Документы) / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; Сост. А. Н. Артизов, О. В. Наумов. – М.: МФД, 2002. – 872 с.

Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник. (Россия. XX век. Документы) / Под ред. А. Н. Яковлева; авт.-сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. – М.: МФД, 2003. – 768 с.

ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / Сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, О. В. Хлевнюк и др. – М.: РОССПЭН, 2004. – 496 с.

Мицель М. Евреи Украины в 1943–1953 гг.: очерки документированной истории. – Киев: Дух і літера, 2004. – 366 с.

Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. (Россия. XX век. Документы) / Под общ. ред. А. Н. Яковлева; сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. – М.: МФД: Материк, 2005. – 768 с.

Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953. (Россия. XX век. Документы) / Под общ. ред. А. Н. Яковлева. Сост. Г. В. Костырченко. – М.: МФД: Материк, 2005. – 592 с.

Политическое руководство Украины, 1938–1989 / Сост. В. Ю. Васильев, Р. Ю. Подкур и др. – М.: РОССПЭН, 2006. – 544 с.

Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти (Россия. XX век. Документы) / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. – М.: МФД: Материк, 2007. – 556 с.

Воспоминания, мемуарная литература

Аллилуев В. С. Хроника одной семьи. – М.: Молодая гвардия, 1995. – 318 с.

Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. – М.: Известия, 1990. – 176 с.

Аллилуева С. И. Только один год. – М.: Книга, 1990. – 381 с.

Бельский С. Е. Почти двенадцать лет // Новости недели (Израиль); литературное приложение. 2001. 22 марта. С. 2–34.

Боровой С. Я. Воспоминания. – М. – Иерусалим: Московский еврейский университет, 1993. – 383 с.

Борщаговский А. М. Записки баловня судьбы. – М.: Советский писатель, 1991. – 400 с.

Валентинов Н. В. Наследники Сталина / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. – М.: Терра, 1991. – 240 с.

Вовси-Михоэлс Н. С. Мой отец Соломон Михоэлс. Воспоминание о жизни и гибели. М.: Возвращение, 1997. – 236 с.

Еврейский антифашистский комитет у М. А. Суслова. Из воспоминаний Е. И. Долицкого / Публ. А. Вайсберга // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. – М.: Прогресс: Феникс: Anheneum, 1991. С. 535–554.

Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 448 с.

Жуков И. И. Рука судьбы. Правда и ложь о Михаиле Шолохове и Александре Фадееве. – М.: Воскресение, 1994. – 255 с.

Герлинг-Грудзинский Г. Иной мир. Советские записки / Пер. с польск. Н. Горбаневской. – М.: Прогресс, 1991. – 240 с.

Гнедин Е. А. Себя не потерять... // Новый мир. 1988. № 7. С. 173–209.

Джилас М. Лицо тоталитаризма / Пер. с сербско-хорватского. – М.: Новосты, 1992. – 544 с.

Збарский И. Б. От России до России (Воспоминания ученого) // Под «крышей» Мавзолея / Сост. Е. Е. Зайцева. – Тверь: Полина, 1998. С. 185–316.

Изаков Б. Р. «Летучие годы, дальние края...» От 20-х до 80-х: Записки старого журналиста. – М.: Политиздат, 1988. – 431 с.

Маркиш Э. Столь долгое возвращение... – Тель-Авив, 1989. – 221 с.

Маргулис М. «Еврейская» камера Лубянки. – Иерусалим: Гешарим, 1996. – 223 с.

Меир Г. Моя жизнь. Автобиография. В 2-х кн. – Иерусалим: Библиотека «Алия», 1989.

Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, большевика-коммуниста, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. – М.: Вагриус, 1996. – 570 с.

Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем / Подг. С. А. Микояном. – М.: Вагриус, 1999. – 636 с.

Михоэлс: статьи, беседы, речи. Воспоминания о Михоэлсе. – М.: Искусство, 1964. – 792 с.

Новиков И. И. Рукопись воспоминаний о работе в Прокуратуре СССР. – Архив автора.

Ортенберг Д. И. Сорок третий: рассказ-хроника. – М.: Политиздат, 1991. – 414 с.

Рапопорт Я. Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. – М.: Книга, 1988. – 271 с.

Румянцев А. М. Между наукой и политикой // Наука и власть. Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов / Отв. ред. Г. Б. Старушенко. – М.: Наука, 2001. С. 170–187.

Самойлов Д. С. Памятные записки. – М.: Международные отношения, 1995. – 473 с.

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. – М.: АПН, 1989. – 478 с.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. – М.: ТОО Гей, 1996. – 508 с.

Так это было. Тихон Хренников о времени и о себе (Запись и обработка диалогов В. Рубцовой). – М.: Музыка, 1994. – 345 с.

Трояновский О. А. Через годы и расстояния, история одной семьи. – М.: Вагриус, 1997. – 383 с.

Хрущев Н. С. Воспоминания // Вопросы истории. 1990, № 4, 7; 1991. № 11,12; 1992, № 1.

Черняев А. С. Моя жизнь и мое время. – М.: Международные отношения, 1995. – 464 с.

Шатуновская Л. А. Жизнь в Кремле. – N.Y.: Chalidze Publication, 1982. – 312 с.

Шепилов Д. Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 4–7.

Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. В 3-х тт. / Подг. Б. Я. Фрезинским. М.: Текст, 2005.

Дневники, письма, записные книжки

Власик Н. С. «Он вникал буквально во все...» (Из дневников начальника личной охраны Сталина // Наш современник. 2005. № 10. С. 123–145.

Застольные речи Сталина. Документы и материалы / Авт.-сост. В. А. Нежежин. – М.-СПб.: АИРО-XX: Дм. Буланин, 2003. – 544 с.

Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. – М.: Родина, 1993. – 222 с.

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936. Сб. док. / Сост. Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. – М.: Россия молодая. – 303 с.

[Малышев В. А.] Дневник наркома // Источник. 1997. № 5. С. 135–141.

Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. – Смоленск: Русич, 1993. – 496 с.

Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина. Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 // Исторический архив. 1996. № 2, 3; 1996. № 4–6; 1997. № 1.

Советские евреи пишут Илье Эренбургу. 1943–1966 / Ред. М. Альпшулер, И. Арад, Ш. Краковский. – Иерусалим, 1993. – 539 с.

Соловьев А. Г. Тетради красного профессора. 1912–1941 гг. / Публ. Н. Зелова // Неизвестная Россия. XX век. Т. 4. – М., 1993. С. 140–230.

Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. И. Чуева. – М.: Терра, 1991. – 623 с.

Чуев Ф. И. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. – М.: Отечество, 1992. – 205 с.

Периодические издания

«Блокнот агитатора Красной армии»: 1944 г.

«Большевик»: 1942–1953 гг.

«Известия»: 1949, 1953 гг.

«Комсомольская правда»: 1949–1953 гг.

«Культура и жизнь»: 1948–1949 гг.

«Литературная газета»: 1947–1949, 1953 гг.

«Медицинский работник»: 1944, 1952 гг.

«Петроградская правда»: 1918 г.

«Правда»: 1936–1953 гг.

«Правда Украины»: 1949–1952 гг.

«Советское искусство»: 1949 г.

«Эйникайт»: 1943, 1948 гг.

ЛИТЕРАТУРА

Монографии, научные издания

Адибеков Г. М. Коминформ и послевоенная Европа. 1947–1956 гг. – М.: Молодая Россия, 1994. – 236 с.

Аманжолова Д. А. «Горячо живу и чувствую...» Петр Гермогенович Смилович. Опыт исторического портрета. – М., 1998. – 307 с.

Альтман И. А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941–1945. – М.: Ковчег: Совершенно Секретно, 2002. – 542 с.

Арад И. Холокауст. Катастрофа европейского еврейства (1933–1945). Сб. статей. – Иерусалим: Яд Ва-Шем, 1990. – 165 с.

Арад И. Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941–1945). – Днепропетровск – Москва: Центр «Ткума» – Центр «Холокост», 2007. – 806 с.

Бабиченко Д. Л. Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. – М.: Россия молодая, 1994. – 172 с.

Боффа Дж. История Советского Союза. В 2 тт. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 / Пер. с итал. – М.: Международные отношения, 1994. – 632 с.

Брент Дж., Наумов В. П. Последнее дело Сталина. – М.: Проспект, 2004. – 352 с.

Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). – М.: РОССПЭН, 2005. – 552 с.

Вдовин А. И. Русские в XX веке. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 448 с.

Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Кузбассе (конец 1940 – начало 1950-х гг. / Сер. «Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке». Вып. 2. – Красноярск, 2003. – 139 с.

Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2002. – 400 с.

Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. – М.: РОССПЭН, 2001. – 304 с.

Жуков Ю. Н. Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М.: Терра – Книжный клуб, 2000. – 688 с.

Евреи в России. Историографические очерки. 2-я половина XIX века – XX век / Ред. М. Аграновская. – М., – Иерусалим: Еврейский университет в Москве, 1994. – 256 с.

Евреи в современном мире. История евреев в новое и новейшее время: антология документов. Т. 1. / Сост. П. Медес-Флор, Й. Рейнхарц. – М. – Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2003. – 575 с.

Есаков В. Д., Левина Е. С. «Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма». – М.: ИРИ РАН, 2001. – 454 с.

Зельцер А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки 1917–1941. – М.: РОССПЭН, 2006. – 478 с.

Зубкова Е. Ю. Общество и реформы 1945–1964. – М.: Молодая Россия, 1993. – 198 с.

Историография сталинизма. Сб. статей / Под ред. Н. А. Симония. – М.: РОССПЭН, 2007. – 480 с.

Исторические судьбы евреев в России и СССР: начало диалога (Сб. статей) / Отв. ред. И. Крупник. – М., 1992. – 335 с.

Кодин Е. В. «Гарвардский проект». – М.: РОССПЭН, 2003. – 208 с.

Козлов В. П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. – М.: РОССПЭН, 2001. – 224 с.

Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. – М.: Международные отношения, 1994. – 398 с.

Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. – М.: Международные отношения, 2001. – 784 с.

Куманев В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. – М.: Наука, 1991. – 294 с.

Куманев Г. А. Говорят сталинские наркомы. – Смоленск: Русич, 2005. – 632 с.

Курс советской истории. 1917–1991. В 2-х кн. Кн. 2. 1941–1991. / Под ред. А. К. Соколова. – М.: Высшая школа, 1999. – 383 с.

Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). – М., – Жуковский: Кучково поле, 2006. – 480 с.

Невежин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев» 1939–1941 гг. – М.: АИРО-XX, 1997. – 283 с.

Петров Н. В. Первый председатель КГБ Иван Серов. – М.: Материк, 2005. – 413 с.

Петрова Н. К. Антифашистские комитеты в СССР: 1941–1945 гг. – М.: ИРИ РАН, 1999. – 339 с.

Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 684 с.

Попов А. Ю. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. – М.: Олма-Пресс, 2002. – 384 с.

Репрессии против поляков и польских граждан (Исторические сборники «Мемориала». [Сб. статей]. Вып. 1 / Сост. А. Э. Гурьянов, Н. В. Петров, А. Б. Рогинский, В. Н. Хаустов и др. – М.: Звенья, 1997. – 254 с.

Свердлов Ф. Д. В строю отважных. Очерки о евреях – Героях Советского Союза. – М.: АО «Книга и бизнес», 1992. – 304 с.

Сонин А. С. «Физический идеализм»: История одной идеологической кампании. – М.: Физматлит, 1994. – 224 с.

Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение / Отв. ред. Л. Н. Нежинский. – М.: Международные отношения, 1995. – 509 с.

Советская историография / Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. – М.: РГГУ, 1996. – 592 с.

Сойфер В. Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. – М.: «Лазурь», 1993. – 706 с.

Фест И. К. Гитлер. Биография. В 3-х тт. Пермь: КЦ «Алетей», 1993.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы [Пер. с англ. яз. Л. Ю. Панфиной. – М.: РОССПЭН, 2001. – 332 с.

Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. – М.: РОССПЭН, 1996. – 304 с.

Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. Сб. статей / Отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. – М.: Олма-Пресс, 2003. – 640 с.

Хоскинг Дж. История Советского Союза 1917–1991. – М.: Вагриус, 1994. – 510 с.

Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза / Пер. с англ. В. Франк. – Firenze: Auroga, 1975. – 933 с.

Шварц С. М. Антисемитизм в Советском Союзе. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. – 263 с.

Шварц С. М. Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939–1965). – Нью-Йорк: Изд. Американского еврейского рабочего комитета, 1966. – 430 с.

Книги на иностранных языках

Altshuler, M. Soviet Jewry since the Second World War. Population and Social Structure. – N.Y: Greenwood press, 1987. – 278 p.

Altshuler, M. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile. – Jerusalem, 1998. – 346 p.

Baron, S. W. Russian Jew under Tsars and Soviets. – N.Y.: Macmillan, 1964. – 427 p.

Brandenberger, D. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2002. – 378 p.

Brent, J. Naumov V. P. Stalin's Last Crime. – N.Y.: Harper Collins Publisher, 2003. – 399 p.

Gilboa, Y. A. The Black Years of Soviet Jewry, 1939–1953. – Boston: Little Brown, 1971. – 418 p.

Gitelman, Z. Y. A Century of Ambivalence. The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present. – N.Y.: Schocken Books, Inc., 1988. – 297 p.

Goldberg, B. Z. The Jewish Problem in the Soviet Union. – N.Y.: Croun Publishers, 1961. – 374 p.

Ethnic Minorities in the Soviet Union. / Ed. by E. Goldhagen. – N.Y.: Brandeis University Press, 1968. – 351 p.

Kagedan, A. Soviet Zion: The Quest for a Russian Jewish Homeland. – N.Y.: St. Martin Press, 1994. – 157 p.

Kostyrchenko, G. Out of the Red Shadows: Anti-Semitism in Stalin's Russia. Amherst (NY): Prometheus Books, 1995. – 331 p.

Kostyrchenko, G. Prisonniers du Pharaon Rouge. – Arles: Solin / Actes SUD, 1998. – 447 p.

Kuchenbecker, A. Zionismus ohne Zion. Birobidžan: Idee und Geschichte eines jüdischen Staates in Sowjet-Fernost. – Berlin: Metropol, 2000. – 272 S.

Levin, N. The Jews in the Soviet Union since 1917. Paradox of Survival. In 2 Vol. N.Y. – London, 1988.

Lustiger, A. Rotbuch: Stalin und die Juden: Die tragische Geschichte des Jüdischen Antifaschistischen Komiteés und der sowjetischen Juden. Berlin: Aufbau-Verlag, 1998. – 429 S.

Martin, T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. – Itaca: Cornell University Press. – 496 p.

Pinkus, B. The Soviet government and the Jews, 1948–1967: a documented study / General editor J. Frankel. – Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1984. – 612 p.

Pinkus, B. The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. – Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1988. – 385 p.

Rapoport, L. Stalin's War against the Jews. The Doctor's Plot and the Soviet Solution. – N.Y.: The Free Press, 1990. – 318 p.

Redlich, Sh. Propaganda and Nationalism in Wartime Russia: The Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR. 1941–1948. – Boulder (Colo): Westview Press, 1982. – 243 p.

Redlich, Sh. «War, Holocaust and Stalinism. A Documented History of the Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR». – London: Harwood Academic Publishers, 1995. – 504 p.

Ro'i, Ya. Soviet Decision making in Practice. The USSR and Israel, 1947–1954. – New Brunswick–London: Transaction Books, 1980. – 540 p.

Ro'i, Ya. The struggle for Soviet Jewish Emigration, 1948–1967. – Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1991. – 458 p.

Rubenstein, J. Tangled Loyalties: The Life and Times of Ilya Ehrenburg. – N.Y.: Basic Books, 1996. – 482 p.

Sawyer, T. E. The Jewish Minority in the Soviet Union. – Boulder (Colo): Westview Press, 1979. – 353 p.

Shneer, D. Yiddish and the Creation of Soviet Jewish Culture, 1918–1930. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press. 2004. – 310 p.

Der Spätstalinismus und die Jüdische Frage. Zur antisemitischen Wendung des Kommunismus / Hrsg. von L. Luks. – Böhlau Verlag, Köln, 1998. – 293 S.

Simon, G. Nationalism and Policy toward the Nationalities in the Soviet Union. – Boulder (Colo): Westview Press, 1991. – 483 p.

Soviet Nationality Policies and Practices / Ed. by J. Azrael. – N.Y.: Praeger Publishers, 1978. – 393 p.

Yarmolinsky, A. The Jews and other minor Nationalities under Soviets. – N.Y.: Vanguard Press, 1928. – 193 p.

Научные статьи

Агапов М. Г. СССР и палестинская проблема в 1920-е – 1943 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2004. – 26 с.

Аксенов Ю. С. Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. С. 90–105.

Батыгина Г. С., Девятко И. Ф. Еврейский вопрос: хроника сороковых годов // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 1. С. 61–72; № 2. С. 143–151.

Бордюгов Г. А. Сталинская интеллигенция. О некоторых способах и смыслах ее социального поведения // Чрезвычайный век российской истории. Четыре фрагмента. СПб., 2004. С. 247–273.

Зубкова Е. Ю. Кадровая политика и чистки в КПСС. 1945–1953 // Свободная мысль. 1999. № 3, 4, 6.

Клейн Б. С. Политика США и «дело врачей» // Вопросы истории. 2006. № 6. С. 35–47.

Костырченко Г. В. «Дело врачей»: миф и реальность (Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 19 февраля 1998 г.) // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. Вып. 2. – М.: ИРИ РАН, 2000. С. 354–385.

Костырченко Г. В. Начало холодной войны и «еврейский вопрос» // Советское общество: будни холодной войны. Материалы «круглого стола». – М. – Арзамас: ИРИ РАН – АГПИ, 2000. С. 284–304.

Костырченко Г. В. Депортация – мистификация // Отечественная история. 2003. № 1. С. 92–113.

Костырченко Г. В. Из-под глыб века. О второй части книги Александра Солженицына «Двести лет вместе» // Родина. 2003. №7. С. 17–23.

Костырченко Г. В. «Дело Михоэлса»: новый взгляд // Новости разведки и контрразведки. 2003. № 21–22. С. 7–10.

Костырченко Г. В. «Крымский проект»: загадка американского участия // История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы. Материалы межд. науч. конференции (Москва, 8–10 декабря 2003) / Под ред. О. В. Будницкого, К. Ю. Бурмистрова и др. М.: Дом еврейской книги, 2004. С. 373–393.

Костырченко Г. В. Мечтал ли Сталин о втором Холокосте? [О книге Дж. Брента и В. П. Наумова «Последнее преступление Сталина. Заговор против еврейских врачей, 1948–1953» // Родина. 2005. № 1. С. 19–26.

Костырченко Г. В. Сталин и национальный вопрос в СССР // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. Материалы «круглого стола» 4 марта 2003 г. – М.: ИРИ РАН, 2005. С. 85–97.

Костырченко Г. В. Советско-польские отношения и еврейский вопрос. 1939–1957 // Польша–СССР, 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого. – М.: ИРИ РАН, 2005. С. 300–312.

Костырченко Г. В. Национальный вызов сионистов и классовый ответ большевиков. Первые шаги советской власти в решении еврейского вопроса // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / Отв. ред. О. В. Будницкий. – М.: РОССПЭН, 2005. С. 215–230.

Костырченко Г. В. Сталинский Советский Союз и Холокост // Холокост: история и память / Ред. Т. Краус. – Budapest: Magyar Ruzsisztikai Intézet, 2006. С. 145–153.

Костырченко Г. В. Политика советского руководства в отношении еврейской эмиграции после XX съезда КПСС (1956–1991) // Еврейская эмиграция из России. 1881–2005. Материалы межд. науч. конференции (Москва, 10–12 декабря 2006) / Отв. ред. О. В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2008. С. 202–219.

Люкс Л. Еврейский вопрос в политике Сталина // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 41–59.

Мицель М. Программы «Джойнта» в СССР, 1943–1947 // Материалы Девятой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 2. М., 2002. С. 119–138.

Петров Н. В. Репрессии в аппарате МГБ в последние годы жизни Сталина. 1951–1953 // Cahiers du Monde Russe. 2003. April–Septembre. № 44/2-3. P. 1–35.

Розенблат Е. С. «Чуждый элемент»: еврейские беженцы в Западной Белоруссии (1939–1941) // История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы: материалы междунауч. конференции (Москва, 8–10 декабря 2003 г.) / Под ред. О. В. Будницкого и др. М., 2004. С. 333–361.

Франкель Дж. Российская империя и Советский Союз // Евреи и XX век. Аналитический словарь / Пер. с фр. – М.: Текст–Лехаим, 2004. С. 507–525.

Фрезинский Б. Я. Книга о пятнадцати годах госсантисемитизма и еще раз о событиях начала 1953 года // Народ Книги в мире книг. 2005. Декабрь. № 60. С. 4–10.

Шехтман И. Советское еврейство в германо-советской войне // Еврейский мир. Сборник 1944 (Нью-Йорк, 1944). М. – Иерусалим– Мн., 2001. С. 227–246.

Статьи на иностранных языках

Anti-Semitism in the Soviet Union. Its Roots and Consequences: Proceedings of the Seminar in Soviet Anti-Semitism held in Jerusalem on April 7–8. 1978. Vol. 1. – Jerusalem: The Centre for Research and Documentation of East-European Jewry (Hebrew University of Jerusalem), 1979.

Gitelman, Z. The Jews // Problems of Communism (Washington). 1967. Sent. – Oct. P. 92–101.

Kopchenova, I. Policy toward Jews at Institutions of Higher Educations in Ukraine, 1949–1950 // Jews in Russia and Eastern Europe. 2003. № 2(51). P. 125–146.

Kostyrchenko, G. The Abakumov-Shvartsman Case. A «Zionist Plot» in the Ministry of State Security // Russian Studies in History (A Journal of Translations). Vol. 43. № 2. Fall 2004. P. 85–98.

Kostyrchenko, G. An Antisemitic Case at End of Stalin's Rule // Jews in Russia and Eastern Europe. 2003. № 2(51). P. 103–124.

Kostyrchenko, G. The Genesis of Establishment Anti-Semitism in the USSR: the Black Years, 1948–1953 // Revolution, Repression and Revival: The Soviet Jewish Experience / Ed. by Z. Gitelman, Ya. Ro'i. – Lanham (Maryland, USA): Rowman & Littlefield, 2007. – P. 179–192.

Kostyrtschenko, G. Der staatliche Antisemitismus im Alltag der sowjetischen Nachkriegszeit // Tauwetter, Eiszeit und gelekte Dialoge Russen und Deutsche nach 1945 / Hrsg. von K. Eimermacher und A. Volpert. – München: Wilhelm Fink Verlag, 2006. – S. 205–240.

Pinkus, B. The Roots of Ideological Anti-Semitism in the Soviet Union Under Gorbachev // SHVUT. 1996. № 3 (19). P. 55–111.

Ro'i, Ya. The Jewish Religion in the Soviet Union after World War II // Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union / Ed. by Ya. Ro'i. London: Frank Cass Publishers, 1995. P. 263–289.

Shneer, D. Having it Both Ways: Jewish Nation Building and Jewish Assimilation in the Soviet Empire // Ab Imperio. 2003. № 3. P. 377–393.

Zinger, B., Belenkaja, L. Stages in the Formation of Policy on the Jewish Question in the Communist party of the Soviet Union // SHVUT. 1996. № 3 (19). P. 112–146.

Историческая научно-популярная и публицистическая литература

Авторханов А. Империя Кремля, Советский тип колониализма. – Вильюс, 1990. – 240 с.

Авторханов А. Загадка смерти Сталина (Заговор Берия). – М.: Слово, 1992. – 142 с.

Айзенштат Я. И. О подготовке Сталиным геноцида евреев. – Иерусалим, 1994. – 103 с.

Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. – Вильнюс – М.: VIMO, 1992. – 352 с.

Антисемитизм в Советском Союзе. Его корни и последствия [Сб. статей] / Ред. И. Яхот, Л. Дымерская-Цигельман и др. – Иерусалим: Библиотека «Алия», 1979. – 477 с.

Антонов-Овсеенко А. В. Портрет тирана. – М.: Грэгори Пэйдж, 1994. – 479 с.
Безыменский Л. А. Гитлер и Сталин перед схваткой. – М.: Вече, 2000. – 507 с.

Безыменский Л. А. Будапештский мессия: Рауль Валленберг. – М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2001. – 192 с.

Бельнская Л., Зингер Б. Наперекор. Еврейское национальное движение в СССР и его идеология (1945–1976 гг.). – Мн.: ООО «МЕТ», 2004. – 382 с.

Боршаговский А. М. Обвиняется кровь. – М.: Прогресс-Культура, 1994. – 399 с.

Бракман Р. Я. «Секретная папка Иосифа Сталина. Скрытая жизнь» / Пер. с англ. – М.: Весь мир – «Ювента», 2004. – 560 с.

Вайнеры А. и Г. Петля и камень в зеленой траве. – М.: «Сигма-Пресс», 1997. – 544 с.

Ваксберг А. И. Нераскрытые тайны. – М.: Новости, 1993. – 304 с.
Ваксберг А. И. Из ада в рай и обратно. Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну. – М.: КРПА «Олимп», 2003. – 496 с.

Васильева Л. Н. Кремлевские жены. – М.: Вагриус, 1992. – 544 с.

Волков Ф. Д. Взлет и падение Сталина. – М.: Спектр, 1992. – 336 с.

Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2-х кн. – М.: Новости, 1990.

Восленский М. С. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. – М.: МП Октябрь: Советская Россия, 1991. – 624 с.

Гейзер М. М. Михоэлс. Жизнь и смерть. – М.: Гласность, 1998. – 384 с.

Геллер М. Я., Некрич А. М. Утопия у власти. – М.: «МИК», 2000. – 856 с.

Генин М. А. Палестинская проблема. (Из стенограммы публичной лекции в Центральном лектории Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний). – М.: Изд. «Правда», 1948. – 25 с.

Громов Е. С. Сталин: власть и искусство. – М.: Республика, 1998. – 495 с.

Говрин Й. Израильско-советские отношения. 1953–1967. – М.: Прогресс-Культура, 1994. – 335 с.

Еврейский мир. Ежегодник на 1939 год / Объединение русско-еврейской интеллигенции (Париж). [Сб. статей]. – Иерусалим – М.: Гешарим – Мосты культуры, 2002. – 480 с.

Еврейский мир. Сборник II 1944 года / Союз русских евреев в Нью-Йорке. [Сб. статей]. – Иерусалим – М.: Гешарим – Мосты культуры, 2001. – 480 с.

Ерашов В. П. Коридоры смерти. Историко-фантастическая хроника. Рассказы. – М.: ПИК, 1990. – 336 с.

Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937–1953 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 536 с.

Зускина-Перельман А. В. Путешествие Вениамина. Размышления о жизни, творчестве и судьбе еврейского актера Вениамина Зускина. – М. – Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2002. – 510 с.

Кандель Ф. С. Книга времен и событий. История евреев Советского Союза [1917–1970]. Т. 3–6. – М.: Мосты культуры, 2002–2007.

Каррер Д'Анкосс Э. Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г. до наших дней / Пер. с фр. – М.: РОССПЭН, 2007. – 367 с.

Книга о русском еврействе. 1917–1967 / Под ред. Я. Г. Фрумкина, Г. Я. Аронсона и др. (Союз русских евреев. Нью-Йорк, 1968). – Иерусалим – М. – Мин.: Гешарим – Мосты культуры – ООО МЕТ, 2002. – 480 с.

Кожин В. В. Россия. Век XX-й (1939–1964). (Опыт беспристрастного исследования). – М.: Алгоритм, 1999. – 400 с.

Левашов В. В. Убийство Михоэлса. – М.: КРПА «Олимп», 2002. – 414 с.

Люкс Л. Третий Рим? Третий рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. – М.: МФФ, 2003. – 300 с.

Люстигер А. Сталин и евреи: Трагическая история Еврейского антифашистского комитета и советских евреев / Пер. с нем. – М.: РОССПЭН, 2008. – 478 с.

Лясс Ф. М. Последний политический процесс Сталина или несостоявшийся геноцид. – Иерусалим, 1995. – 235 с.

Медведев Ж. А., Медведев Р. А. Избранные произведения в 4 тт. Т. 1. Медведев Р. А. К суду истории: о Сталине и сталинизме. – М.: Права человека, 2002. – 720 с.

Медведев Ж. А., Медведев Р. А. Неизвестный Сталин. – М.: Права человека, 2001. – 354 с.

Медведев Ж. А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. – М.: Права человека, 2003. – 288 с.

Мининберг Л. Л. Советские евреи в науке и промышленности СССР в период Второй мировой войны (1941–1945 гг.). Очерки. – М.: ИЦ-Гарант, 1995. – 549 с.

Монтефиоре С. С. Сталин: двор Красного монарха / Пер. с англ. С. Манукова. – М.: ОЛМА Медиа групп: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – 767 с.

Некрасов В. Ф. Тринадцать «железных» наркомов: История НКВД–МВД от А. И. Рыкова до Н. А. Щелокова. – М.: Версты, 1995. – 416 с.

Радзинский Э. С. Сталин: жизнь и смерть. – М.: Вагриус, 2003. – 639 с.

Рид Д. Спор о Сионе. – М.: Твердь, 1992. – 639 с.

Слезкин Ю. Л. Эра Меркурия. Евреи в современном мире / Автор. пер. с англ. С. Б. Ильина. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 544 с.

Солженицын А. И. Двести лет вместе. В 2 ч. Ч. 2. – М.: Русский путь, 2002. – 512 с.

Столяров К. А. Палачи жертвы. – М.: Олма-Пресс, 1997. – 365 с.

Тартаковский Ж. Евреи в руководстве СССР (1917–1991). – Тель-Авив, 1994. – 76 с.

Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. – М.: «Три века истории», 1999. – 768 с.

Черчилль У. Вторая мировая война. В 3-х кн. – М.: Воениздат, 1991.

Шафаревич И. Р. Трехтысячелетняя загадка. История еврейства из перспективы современной России. – СПб.: Библиополис, 2002. – 366 с.

Шейнис З. С. Провокация века. – М.: ПИК, 1992. – 221 с.

Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. В 2-х тт. – М.: Воениздат, 1991.

Эттингер Ш. Россия и евреи. Сб. статей. – Иерусалим: Библиотека «Алия», 1993. – 314 с.

Библиографические, информационно-справочные издания

Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. В 3 тт./ Г. М. Адибеков, Л. А. Роговая и др. – М.: РОССПЭН, 2000–2001.

Архив новейшей истории России. «Особая папка» [Сталина, Молотова, Бери, Хрущева]. В 4 тт.: Из материалов Секретариата НКВД – МВД СССР 1944–1959 гг. Каталог док.– М.: Серия «Каталоги», 1994–1995.

Совет Народных Комиссаров СССР. Совет Министров СССР. 1923–1991. Энциклопедический справочник / Авт.-сост. С. Д. Гарнюк – М.: Мосгорархив, 1999. – 552 с.

Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов / Под общ. ред. А. Н. Яковлева. – М.: Политиздат, 1991. – 461 с.

Путеводитель по фондам и коллекциям личного происхождения Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории / Гл. ред. К. М. Андерсон. – М.: ГАС РФ, 1996. – 405 с.

Документы по истории и культуре евреев в архивах Москвы. Путеводитель / Ред.-сост. М. С. Куповецкий, Е. В. Старостин, М. Веб. – М.: РГГУ, 1997. – 504 с.

Евреи Сибири и Дальнего Востока. Библиографический указатель литературы на русском языке / Сост. Л. В. Кальмина, Л. В. Курас, Т. А. Немчинова. // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке. Выпуск 6. – Красноярск: «Кларетианум», 2004 г. – 160 с.

Еврейская энциклопедия. В 16-ти тт./ Под общ. ред. А. Гаркави и Л. Кацнельсона (СПб.: Брокгауз и Ефрон. 1906–1913). Репринт. изд. – М.: Терра, 1991.

Краткая еврейская энциклопедия. В 11 тт. / Гл. ред. И. Онен, Н. Прат и др. – Иерусалим, 1976–2005.

Российская еврейская энциклопедия. В 5 тт. / Гл. ред. Г. Г. Брановер. – М.: Эпос, 1994–2004.

Полная хронология XX века («Helicon») / Авт.-сост. Н. Уильямс. – М.: Вече-Акт, 1999. – 816 с.

Рутберг Н. И., Пидевич И. Н. Евреи и еврейский вопрос в литературе советского периода. Хронологическо-тематический указатель литературы, изданной за 1917–1991 гг. на русском языке / Отв. ред. И. А. Беседин. – М.: Грантъ, 2000. – 598 с.

Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. – М.: Вече, 2000. – 608 с.

Зенькович Н. А. Самые секретные родственники. Энциклопедия биографий. – М.: Олма-Пресс: Звездный мир, 2005. – 512 с.

Коржихина Т. П. История государственных учреждений СССР: Учеб. для студентов вузов. – М.: Высшая школа, 1986. – 399 с.

Список сокращений

Агитпроп	отдел (управление) пропаганды и агитации
АМН СССР	Академия медицинских наук
АН СССР	Академия наук
АОН	Академия общественных наук
АП РФ	Архив Президента Российской Федерации
АССР	Автономная Советская Социалистическая Республика
БелГОСЕТ	Белорусский государственный еврейский театр
БССР	Белорусская Советская Социалистическая Республика
БСЭ	Большая советская энциклопедия
ВАСХНИЛ	Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук
ВВС	Военно-воздушные силы
ВЕК	Всемирный еврейский конгресс
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ	Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВОКС	Всесоюзное общество культурных связей с границей
ВППШ	Высшая партийная школа
ВСО	Всемирная сионистская организация
ВТО	Всероссийское театральное общество
ВЦИК	Всероссийский Центральный исполнительный комитет
ВЦСПС	Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов
ВЧК(ЧК)	Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениям по должности
ГАКО	Государственный архив Кемеровской области
ГА РФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСБУ	Государственный архив службы безопасности Украины
ГКО (ГОКО)	Государственный комитет обороны
Главгидрострой	Главное управление лагерей гидротехнического строительства НКВД СССР
Главлит	аппарат Уполномоченного Совета министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати
Главпу	Главное политическое управление армии
ГОСЕТ	Государственный еврейский театр
Госплан	Государственный плановый комитет
ГПУ	Главное политическое управление
ГРУ	Главное разведывательное управление
ГУТБ	Главное управление государственной безопасности

ГУЛАГ	Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
ЕАК	Еврейский антифашистский комитет
ЕАО	Еврейская автономная область
ЕИО	Еврейское историческое общество
ЗАГС	отдел записи актов гражданского состояния
ЗИС	Московский автомобильный завод им. Сталина
ИЕП	интеллигенция еврейского происхождения
им.	имени
ИМХиМП	Институт мирового хозяйства и мировой политики
ИМЭЛ (ИМЛ)	Институт Маркса-Энгельса-Ленина (марксизма-ленинизма)
КБ	конструкторское бюро
КГБ	Комитет государственной безопасности
КИ	Комитет информации
КМК	Кузнецкий металлургический комбинат
Комзет	Комитет по землеустройству еврейских трудящихся
КП	Коммунистическая партия
КПК	Комиссия (комитет) партийного контроля
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза
КПУ, КП(б)У	Коммунистическая партия (большевиков) Украины
ЛГУ	Ленинградский государственный университет
Лечсанупр	Лечебно-санитарное управление
ЛСУК	Лечебно-санитарное управление Кремля
МВД	Министерство внутренних дел
МГБ	Министерство государственной безопасности
МГК	Московский городской комитет (партии)
МГУ	Московский государственный университет
МИД	Министерство иностранных дел
Минздрав	Министерство здравоохранения
МК	Московский областной комитет (партии)
ММИ	Московский медицинский институт
Мн.	Минск
Мосгорлит	подразделение Главлита в г. Москве.
Моссовет	Московский городской Совет депутатов трудящихся
нарком	народный комиссар
наркомат	народный комиссариат
Наркомвнудел (НКВД)	Народный комиссариат внутренних дел
Наркомздрав	Народный комиссариат здравоохранения

Наркоминдел (НКВД)	Народный комиссариат иностранных дел
Наркомпрос	Народный комиссариат просвещения
НИИ	научно-исследовательский институт
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ	Народный комиссариат государственной безопасности
НЭП	новая экономическая политика
Н.У.	New York
обком	областной комитет (партии)
ОВП	отдел внешней политики
ОГИЗ	Объединение государственных книжно-журнальных издательств
ОГПУ	Объединенное государственное политическое управление
ОЗЕТ	Общество по землеустройству еврейских трудящихся
ООН	Организация Объединенных Наций
ОПиА	отдел пропаганды и агитации
ОРПО	отдел руководящих партийных органов
ОС (ОСО)	Особое совещание
ПСЗ	Полное собрание законов
райисполком	районный исполнительный комитет советов депутатов трудящихся
райком	районный комитет (партии)
РАПП	Российская ассоциация пролетарских писателей
РГАНИ	Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГГУ	Российский государственный гуманитарный университет
РККА	Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б)	Российская коммунистическая партия (большевиков)
РСДРП	Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
с., сс	секретно, совершенно секретно
СИБ	Советское информационное бюро
(Совинформбюро)	
следчасть	следственная часть
СМ, Совмин	Совет Министров
«Смерш»	«Смерть шпионам» (официальное название органов советской военной контрразведки в 1943–1946 гг.)
СМИ	средства массовой информации

СНГ	Содружество независимых государств
СНК	Совет народных комиссаров
(Совнарком)	
«Союзпечать»	Центральное управление распространения и экспедирования печати
СПб.	Санкт-Петербург
СРЕ	Союз русских евреев
ССП	Союз советский писателей
ССР	Советская социалистическая республика
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
СТО	Совет труда и обороны
СЧОВД	Следственная часть по особо важным делам
ТАСС	Телеграфное агентство Советского Союза
УК	управление кадров ЦК ВКП(б)
УМВД	областное (краевое) управление Министерства внутренних дел
УМГБ	областное (краевое) управление Министерства государственной безопасности СССР
УНКВД	областное (краевое) управление Наркомата внутренних дел
УПиА	управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)
ЦАВС РФ	Центральный архив Верховного суда Российской Федерации
ЦАГИ	Центральный аэрогидродинамический институт
ЦАФСБ РФ	Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
ЦДВЕ	Центр документации восточноевропейского еврейства
ЦИК	Центральный Исполнительный Комитет
ЦИУВ	Центральный институт усовершенствования врачей
ЦК	Центральный Комитет
ЦК ВКП(б)	Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)
ЦК КПСС	Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЦРУ	Центральное разведывательное управление
ЧГК	Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
ГЛАВА 1. Истоки проблемы – «дальние» и «ближние» (XIX–первая треть XX вв.) и ее вызревание (1936–1941)	23
Феномены русской и советской интеллигенции	23
Генезис советской еврейской интеллигенции	28
Вторая мировая война и «встреча» евреев СССР и Европы	42
Трансформация режима, начало антисемитизации власти	46
ГЛАВА 2. В годы войны (1941–1945)	75
Советские верхи и трагедия Холокоста	75
Пропагандистская мобилизация еврейской общественности	81
Вспышки «бытовой» юдофобии в советском тылу	92
Проявления «аппаратного» антисемитизма	94
Реакция в обществе на «еврейскую чистку»	108
ГЛАВА 3. Нарастание гоений (1945–1949)	116
Борьба с «антипатриотами» и «космополитами»	116
Обстановка на Украине	137
Усиление контроля над Еврейским комитетом	142
Гибель Михоэлса (новая версия)	153
От сдерживания к репрессиям («дело ЕАК»)	163
Ликвидация еврейской национальной культуры	193
ГЛАВА 4. Универсализация чистки (1949–1953)	210
Механизмы кадрового вытеснения	210
Удаление евреев из сферы идеологии	220
Репрессии в промышленности («дела» ЗИС и КМК)	232
«Дело врачей» – венец деградации сталинизма	240
Заключение	289
Приложение 1. «Еврейский Крым»: спекуляции на мираже	300
Приложение 2. Депортация – мистификация	329
Указатель имен	381
Список литературы	392
Список сокращений	411

Научное издание

История сталинизма

Костырченко Геннадий Васильевич

**Сталин против «космополитов».
Власть и еврейская интеллигенция в СССР**

Редактор В. Т. Веденева

Художественный редактор А. К. Сорокин

Художественное оформление П. П. Ефремов

Компьютерная верстка Е. Н. Мартемьянова

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 11.11.2009.

Формат 60X90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 26. Тираж 2000 экз. Заказ № 1912

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция);

Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6